П. В. КОПНИН

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ НАУКИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

П. В. КОПНИН

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ НАУКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»
МОСКВА 1974

Библиотека "Руниверс"

001
К 65

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Редакционная коллегия:

академик Б. М. КЕДРОВ (общая редакция), кандидат философских наук И. Г. ГЕРАСИМОВ (отв. редактор тома), доктора философских наук В. М. БОГУСЛАВСКИЙ, Д. П. ГОРСКИЙ, П. В. ТАВАНЕЦ, кандидат философских наук В. А. ЛЕКТОРСКИЙ.

Копнин П. В.

К65 Гносеологические и логические основы науки. М., «Мысль», 1974.

568 с. (АН СССР. Ин-т философии).

В книге публикуются две монографии П. В. Копнина — «Введение в марксистскую гносеологию» и «Логические основы науки». В этих преемственно связанных работах автор исследует гносеологические и логические проблемы научного процесса познания, такие гносеологические и логические понятия, как научная проблема, факт, логика науки и др., анализ которых имеет большое значение для развития методологии научного познания. В работах уделяется большое внимание соотношению философии и специальных наук.

К $\frac{10501\text{-}221}{004(01)\text{-}74}$ БЗ-87-2-73

001

© Издательство «Мысль». 1974

Библиотека "Руниверс"

ОТ ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ АН СССР

Институт философии Академии наук СССР издает трехтомник избранных философских произведений крупного советского философа Павла Васильевича Копнина (1922—1971), доктора философских наук, члена-корреспондента Академии наук СССР и действительного члена Украинской академии наук. Редакционная коллегия проделала большую работу по подготовке его трудов к изданию. Два тома уже выпущены издательством «Наука» — «Диалектика как логика и теория познания» и «Диалектика, логика, наука» (1973 г.). В настоящий, третий том включены две монографии — «Введение в марксистскую гносеологию» (Киев, 1966) и «Логические основы науки» (Киев, 1968), изданные небольшими тиражами и давно ставшие библиографической редкостью.

В предисловии к первому тому дается подробный анализ научных трудов П. В. Копнина. Читатель найдет в нем библиографический очерк его научных публикаций. В предисловии к настоящему, третьему тому кратко покажем значение двух вошедших в него монографий. Эти работы занимают важное место в творческом наследии П. В. Копнина. Они связаны единым замыслом — исследованием гносеологических и логических основ научного познания. В соответствии с этим редколлегия и дает название данному тому — «Гносеологические и логические основы науки». Первая из названных книг образует часть первую данного тома, другая — его вторую часть.

Внимание П. В. Копнина к этим проблемам не случайно. В течение всей своей исследовательской, преподавательской и научно-организаторской деятельности он стремился осмысливать и обосновывать роль марксистско-ленинской философии в развитии современной науки и социалистическом переустройстве общественной жизни. Именно поэтому он высоко ценил умение ученого выделять проблемы, требующие выяснения, изучения или новых подходов. Влияние марксистско-ленинской философии на развитие науки и социальной практики во многом

Библиотека "Руниверс"

определяется, по его мнению, отношением к самой философской теории, характером выдвигаемых проблем и уровнем предлагаемых решений. В научных публикациях и выступлениях он настойчиво доказывал, что возможности такого влияния колоссально возрастают по мере обогащения и дальнейшего развития марксистской философской теории.

Развитие философской теории, как и всякой другой, может идти по нескольким направлениям. В работах, составивших настоящий том, П. В. Копнин сосредоточивает внимание на анализе и уточнении исходных понятий материалистической диалектики как теории познания и логики. Анализ исходных понятий в естествознании, как известно, привел к уточнению сферы приложения законов ньютоновской механики и классической физики, к возникновению новых фундаментальных теорий. Такой анализ, по мнению П. В. Копнина, может дать плодотворные результаты и в дальнейшем развитии марксистско-ленинской теории.

К анализу исходных понятий можно обращаться с целью упрощения теорий, приспособления их к новому уровню знаний, наконец, выяснения конкретных условий и новых возможностей их практического приложения. Но такой анализ может служить и другой, не менее важной цели — осмыслению и решению новых проблем, возникающих в ходе развития науки. П. В. Копнина интересует главным образом эта вторая цель. Именно здесь им получены наиболее интересные результаты.

В первой части данного тома — «Введении в марксистскую гносеологию» — автор стремится раскрыть марксистскую диалектику как теорию познания материализма. Он показывает, что идея развития и признание роли практики в познании приводят к коренной перестройке всей домарксовской материалистической теории познания: исходные понятия, на которых основывается объяснение процесса познания, — материя, сознание, субъект и объект, отражение, познание, чувственное и рациональное, эмпирическое и теоретическое, факт, знание, истина, метод познания и др. — приобретают новый смысл. Выявляется их глубокая зависимость от практики как источника прогресса в познании, раскрываются новые связи между ними. При таком подходе реальная история познания получает новое, более глубокое объяснение.

Библиотека "Руниверс"

С позиций материалистической диалектики как теории познания автор предлагает решение проблемы мировоззрения и его социальной функции. П. В. Копнин показывает, что теоретическое понимание и гносеологическое обоснование мировоззрения являются важной характеристикой любой философской концепции.

Ошибочные или неясно сформулированные гносеологические основы неизбежно приводят к неправильному или одностороннему пониманию мировоззрения. Марксистскую философию не может удовлетворить истолкование мировоззрения вне связи с наукой, с развитием знаний о природе и обществе. По мнению автора, материалистическая диалектика как теория познания дает гносеологическое обоснование мировоззрения при помощи всех исходных понятий, однако ключевую роль играют здесь решение основного вопроса философии, концепция развития, включая наиболее общие закономерности общественного развития, понимание сущности человека и его общественных идеалов. П. В. Копнин прослеживает, каким образом мировоззрение оказывает влияние на познавательную деятельность и социальные идеалы ученых, на поиски и обоснование практических приложений новых научных теорий. Такой подход к мировоззрению и его социальной функции, несомненно, заслуживает серьезного внимания.

П. В. Копнин не ограничивается только поиском новых аргументов для подтверждения уже полученных в марксистской гносеологии результатов; он изучает научный процесс познания, его особенности и тенденции в условиях современной научно-технической революции. Его интересуют прежде всего те проблемы, которые в современной науке выдвигаются на первый план. С их осмыслением и решением он связывает дальнейшее развитие марксистской гносеологии.

Интерес П. В. Копнина к логическим проблемам современной науки сложился давно. Эту группу проблем он рассматривал в ряде статей и докладов. Им посвящена часть вторая данного тома — «Логические основы науки». Важность этих проблем не подлежит сомнению. Непрерывно возрастает объем знаний, которые приходится привлекать исследователю при формулировании, обосновании и решении проблем, особенно комплексных, усложняются теории и их связи. Исследователям часто

Библиотека "Руниверс"

приходится критически анализировать исходные или ранее полученные знания. Разработка методов и логических средств такого анализа становится все более необходимой задачей в современной науке. Складываются различные подходы к ее решению. Позитивизм, опираясь на успехи символической логики, сводит логический анализ знаний к анализу языка науки. Гносеологические основы анализа знаний и языка науки многими позитивистами игнорируются или привлекаются только в виде отдельных положений, как правило не связанных какой-либо цельной теорией.

П. В. Копнин показывает принципиальную важность гносеологических основ в разработке и решении логических проблем науки, в построении логических теорий, объясняющих природу знаний и эффективное использование языка науки.

Одна из важных целей этой работы П. В. Копнина — формулировка гносеологических основ науки для эффективного использования методов и средств формальной логики, для изучения логико-языковых характеристик научных знаний и построения современной теории знания. Осмысление и решение этих вопросов автор связывает с тщательным изучением научного исследования, его строения и логико-гносеологических зависимостей между отдельными его элементами (идеей, проблемой, научным поиском и т. д.). Плодотворность такого подхода теперь все более осознается. Именно здесь обнаруживается важность кооперирования усилий философов, занимающихся проблемами гносеологии и методологии науки, и логиков, изучающих и разрабатывающих логический аппарат современной науки.

Дальнейшее развитие логических исследований в марксистской философии позволит, по мнению автора, вести более аргументированную борьбу с философскими концепциями и школами, вырастающими на ошибочном или одностороннем истолковании логических проблем науки. Чем конкретнее и эффективнее будут исследования философов-марксистов по логико-гносеологическим проблемам, тем более активными их союзниками в идейной борьбе будут ученые — специалисты в области естественно-технических и социально-гуманитарных наук. Этот вывод делает П. В. Копнин в результате анализа гносеологических и логических основ науки.

Библиотека "Руниверс"

В работах, составляющих данный том, уделяется большое внимание соотношению философии и специальных наук. Этот вопрос не случайно привлекает внимание ученых. Он возникает вместе с уточнением предмета философии и выделением тех конкретных проблем, которые необходимо и возможно решать средствами и методами философии. Автор убедительно показывает, к каким нежелательным, а нередко и опасным последствиям может вести смешение или нечеткое расчленение предметов и проблем философии и специальных наук. Эти выводы П. В. Копнина также заслуживают внимания и изучения.

Особо следует отметить то обстоятельство, что работы ряда советских и зарубежных философов П. В. Копнин подверг критике 6—8 лет назад, а сами эти работы вышли в свет еще раньше. Возможно, что за истекшее время критикуемые авторы кое в чем изменили свои взгляды. П. В. Копнин, всегда внимательно изучавший статьи и монографии коллег-марксистов, несомненно, отметил бы эти изменения и внес бы необходимые уточнения в свои книги в случае их переиздания.

Невозможно в краткой вводной статье рассмотреть даже самые важные идеи, содержащиеся в данных работах. Не все поставленные в них проблемы П. В. Копнину удалось решить с одинаковой полнотой и глубиной; многие из них нуждаются в дальнейшем тщательном изучении и разработке. Однако эти труды являются важной частью исследований в области марксистско-ленинской философии. Автор проделал большую работу, на нее будут опираться многие философы-марксисты в осмыслении и решении новых гносеологических и логических проблем науки. Монографии, вошедшие в данный том, сыграют важную роль в философской подготовке научных кадров, способных вести исследовательскую работу на уровне современных требований. Читатель, несомненно, высоко оценит умение автора использовать большой историко-философский материал и достижения науки для аргументированной критики ошибочных и враждебных марксизму философско-социологических концепций. При редактировании этих работ бережно сохранялся живой и яркий язык П. В. Копнина. В тексте сделаны лишь необходимые уточнения и небольшие сокращения.

Библиотека "Руниверс"

П. В. Копнин неоднократно возвращался к анализу ряда основных понятий диалектического материализма. Опираясь на достижения марксистской философской науки и на результаты своих исследований, он стремился уточнить смысл этих понятий. Формулировки и определения, которые казались ему наиболее удачными, он использовал в ряде статей и монографий. Редакционная коллегия сочла возможным оставить некоторые совпадения такого рода во всех трех томах; устранение их помешало бы сохранить логику авторской аргументации.

Вводная статья «От института философии АН СССР» написана ответственным редактором данного тома И. Г. Герасимовым. Научно-вспомогательная работа по подготовке этого тома к изданию выполнена А. А. Рябинкиной и Н. И. Сорокоумской.

Библиотека "Руниверс"

ЧАСТЬ I

ВВЕДЕНИЕ В МАРКСИСТСКУЮ ГНОСЕОЛОГИЮ

Библиотека "Руниверс"

Библиотека “Руниверс”

«Введение в марксистскую гносеологию» не является в строгом смысле монографией, ибо оно охватывает очень большой круг по традиции включаемых в гносеологию вопросов, которые трудно исследовать с монографической полнотой в сравнительно небольшой по объему работе. Но оно не должно рассматриваться и как учебник, хотя автор и использовал свой опыт чтения лекционного курса по проблемам гносеологии на философском факультете Киевского университета, в Институте повышения квалификации преподавателей общественных наук (г. Киев) и в других учебных заведениях. Изложение здесь не следует ни за одной существующей учебной программой и рассчитано на читателя, уже подготовленного в области философии, по крайней мере прослушавшего обычный вузовский курс.

Автор выбрал большой круг проблем, имеющих принципиальное значение не только для гносеологии, но и для марксистской философии в целом, обобщил свои исследования и изложил их в системе, которая ему представляется наиболее целесообразной.

Надеемся, что специалист в области философии найдет в этой работе новую постановку и решение некоторых актуальных вопросов гносеологии, а студент, аспирант, читатель вообще — систематическое изложение одной из сторон марксистской философии.

Учитывая своеобразие данной работы, автор использовал для ее названия такое емкое слово, как «Введение».

Советскому читателю известна книга видного английского философа Бертрана Рассела «Человеческое познание» (М., 1957), в которой дано понимание процесса познания, типичное для современного позитивизма. «Введение в марксистскую гносеологию» является в определенном смысле «Анти-Расселом». Не следуя за ходом рассуждений Рассела, не критикуя его по всем коренным

Библиотека "Руниверс"

проблемам гносеологии, автор стремится изложить марксистско-ленинскую концепцию процесса познания и противопоставить ее современным направлениям буржуазной философии вообще и неопозитивизму в особенности.

Читатель сам увидит, что удалось автору, а что оказалось лишь намерением. Нам остается только сердечно поблагодарить всех товарищей, принявших участие в обсуждении и подготовке книги к печати.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА I

МИРОВОЗЗРЕНИЕ, МЕТОД И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

1. Понятие мировоззрения и изменение его содержания в ходе развития познания

Понимание места и значения гносеологической проблематики в современной философии предполагает выяснение содержания и взаимосвязи таких понятий, как «мировоззрение», «метод» и «теория познания». Когда хотят определить место философии среди других форм общественного сознания, то указывают, что она вырабатывает мировоззрение, причем в отличие от религии и идеализма материалистическая философия дает научное мировоззрение.

Но что такое мировоззрение, каково содержание этого понятия на современном уровне развития философских знаний? На этот вопрос в нашей литературе нет четкого и ясного ответа. Обычно оперируют понятием «мировоззрение», которое осталось от прежней философии, некритически относят его к марксистской философии, тем самым создавая неправильное представление о месте марксистской философии в системе современного научного знания.

Выяснение содержания понятия мировоззрения имеет большое значение также для понимания характера борьбы различных течений и школ в науке. Очень часто столкновение разных точек зрения в науке рассматривается как борьба противоположных мировоззрений. В таком случае, например, конкретные естественнонаучные проблемы выдаются за мировоззренческие, и там, где необходим научный эксперимент для решения спора или какие-либо другие научные доводы для обоснования той или иной естественнонаучной теории, противники обвиняют друг друга в неверных мировоззренческих позициях.

Особенно часто такое смешение мировоззренческих проблем с конкретными, специальными научными проблемами наблюдалось в дискуссиях по проблемам биологии,

Библиотека "Руниверс"

физиологии высшей нервной деятельности и языкознания. Тогда всякое иное мнение по тому или иному конкретному вопросу в данных науках, отличное от официально признанного, считалось мировоззренчески несостоятельным и отвергалось без какого-либо серьезного анализа. Свободная дискуссия и борьба мнений в науке только формально декларировались. На деле же единственно научной, соответствующей диалектико-материалистическому мировоззрению объявлялась какая-то одна точка зрения, другие же силой авторитета подавлялись, считались мировоззренчески порочными.

Это не только тормозило развитие отдельных областей научного знания, мешало возникновению новых направлений в науке, но и создавало превратное представление о сущности марксистско-ленинской философии в ее отношении к конкретным наукам.

Наиболее распространено в нашей философской литературе определение мировоззрения как взгляда на мир, или представление о мире в целом. В отличие от конкретных наук, которые изучают отдельные формы движения материи, философия дает мировоззрение, т. е. рассматривает мир в целом. Подобное определение мировоззрения встречается в тех или иных вариантах в учебных пособиях по философии, в энциклопедиях и т. д. Вот одно из таких определений мировоззрения: «Главная особенность философии состоит в том, что с самого своего возникновения она представляла собой более или менее цельное *мировоззрение*, т. е. систему общих взглядов на мир: на природу, общество, человека» [1].

---

[1] «Основы марксистской философии». М., 1963, стр. 10. Почти такое же определение дается в книге И. Д. Панцхавы: «*Философия* — это мировоззрение, т. е. система самых общих понятий и представлений о мире: природе, обществе, человеке» (*И. Д. Панцхава.* Диалектический материализм. М., 1958, стр. 7). В книге М. Н. Руткевича мировоззрение определяется так: «Поскольку философия отвечает на поставленные выше вопросы о сущности мира и месте человека в нем, она дает людям общее воззрение на мир, т. е. является мировоззрением» (*М. Н. Руткевич.* Диалектический материализм. М., 1959, стр. 8). Подобного взгляда придерживается и М. Корнфорт: «Под философией обычно понимается наше наиболее общее представление о природе мира и о месте и назначении человечества в нем — наше мировоззрение» (*М. Корнфорт.* Диалектический материализм. М., 1956, стр. 13). Можно продолжить подбор этих определений, и при этом нетрудно убедиться, что они похожи друг на друга как две капли воды.

Библиотека "Руниверс"

Составными элементами данного определения являются: 1) система общих взглядов или представлений — родовой признак дефиниции мировоззрения; 2) система взглядов на мир в целом — видовое отличие определения. Слово «в целом» иногда не употребляется, но подразумевается или дается при дальнейшем раскрытии содержания этого определения. Так, например, М. Н. Руткевич вторую главу своей книги «Диалектический материализм» так и называет — «Материальный мир как целое», где он прямо ставит вопрос, на который якобы должна ответить марксистская философия: «...какова сущность мира, или, проще говоря, что представляет собою мир, взятый в целом?» [2]

Данное определение мировоззрения не соответствует современному уровню развития философии, ибо в настоящее время научная философия, какой выступает диалектический и исторический материализм, не является системой общих взглядов на мир в целом или представлений о нем. Прежде всего неточно характеризовать научное мировоззрение через понятие «общие взгляды» или «представления».

Ведь никто же не называет, например, физику или биологию общими взглядами на физическую или биологическую формы движения материи. А философия марксизма-ленинизма такая же строгая наука, как и другие науки, и она является системой понятий, в которой отражен изучаемый ею предмет. Определение мировоззрения через общие взгляды или представления сразу относит нас к тому периоду в развитии философии, когда она только возникала и еще не совсем отделилась от религиозного мировоззрения, которое по природе своей связано с созданием чувственно-конкретной картины мира, причем фантастической, превратной по содержанию. Религиозное или еще окончательно не высвободившееся *из-под влияния религии философское мировоззрение* можно характеризовать как общие взгляды или представления. Но такая характеристика принижает научное мировоз-

---

[2] *М. Н. Руткевич.* Диалектический материализм, стр. 48. Эта точка зрения нашла свое отражение и в Философской энциклопедии, где мировоззрение определяется как «обобщенная система взглядов человека на мир в целом...» (Философская энциклопедия, т. III. М., 1964, стр. 454).

Библиотека "Руниверс"

зрение, она к нему неприменима; марксистская философия является строго научной системой абстракций.

Главный недостаток приведенного определения мировоззрения состоит не в этом. Здесь неверно определен сам предмет мировоззрения — мир в целом.

Прежде всего что такое «мир»? В каком смысле мы употребляем это слово, когда утверждаем, что мировоззрение есть система понятий о мире в целом? Существует ли и необходима ли для марксистской философии категория мира? Эти вопросы не являются праздными, ответ на них составляет предпосылку для выяснения содержания понятия мировоззрения.

Известно, что термин «мир» употребляется в современной науке в различных значениях. Выделим наиболее общие из них.

Под миром в географии разумеется земной шар. Нет особой надобности подробно объяснять, что философия не является системой теоретических знаний о земном шаре, так как в противном случае мировоззрение было бы тождественно географии.

Астрономическая наука под «миром» понимает Вселенную; часть астрономии — космология изучает строение Вселенной, происхождение ее отдельных систем и т. п. В свое время космологическая проблематика входила в философию, учение о мире вместе с учением о душе и боге составляли онтологию как часть философии. Однако в последующем космологическая проблематика выделилась из философской, став составным элементом астрономии. В настоящее время практика общественной жизни, в частности освоение человеком космического пространства, требует интенсивного развития учения о Вселенной. Поэтому вполне возможно, что в ближайшее время космология станет самостоятельной специальной областью научного знания наряду с астрономией и другими естественнонаучными дисциплинами. Выход человека за пределы земного пространства, бурное развитие теоретического знания в области физики и других естественных наук создают необходимые предпосылки для выделения космологии в самостоятельную науку, имеющую свой самостоятельный предмет и метод исследования.

Космология — это наука о мире в смысле Вселенной, она стремится охватить Вселенную в целом, хотя ее возможности в тот или иной момент развития ограничены.

Библиотека "Руниверс"

Но космология и мировоззрение — разные вещи; конечно, космология, как и всякая другая наука, имеет проблемы, в решении которых особенно остро сталкиваются разные типы мировоззрения; значение космологии для мировоззрения огромно, но сама она не составляет современного мировоззрения.

Далее, термин «мир» употребляется в физике как синоним тела. Физики говорят о микромире и макромире и даже о мире и антимире. Микромир — это совокупность тел, которые составляют атом. Макромир — это тело, с которым человек имеет дело в своем повседневном опыте. Атом мира состоит из протонов, нейтронов и электронов, а антимира — из антипротонов, антинейтронов и антиэлектронов (позитронов).

Определение мировоззрения как системы взглядов на мир в целом создает представление, что мировоззрение является как бы универсальной физикой, описывающей свойства и закономерности всех миров в целом: микромира, макромира, мира и антимира. Но в таком случае оно было бы излишним, ибо только дублировало бы результаты физических исследований. Поэтому смысл, который вкладывает физика в термин «мир», также не подходит к определению мировоззрения [3].

Наконец, термин «мир» употребляется в самой философии, когда хотят противопоставить объективную реальность сознанию. В таком случае часто говорят об объективном и субъективном мире, об отношении между ними. Здесь «объективный мир» выступает как синоним «материи», а субъективный — «сознания».

Специальных категорий «объективный мир» и «субъективный мир» в диалектическом материализме нет; существуют категории материи и сознания, содержание которых строго определено в марксистской философии. В качестве синонимов этих категорий в языке часто употребляют термины «объективный мир» и «субъективный мир», но эти термины никакой своей смысловой нагрузки

---

[3] В русском языке слово «мир» употребляется еще в нескольких значениях. Например, мир как общественный строй (капиталистический и социалистический мир), мир как общественная, в частности профессиональная, среда (мир ученых, мир рабочих), мир как часть живой природы (растительный и животный мир) и т. п. В определении мировоззрения понятие «мир» не имеет ни одного из этих значений слова в русском языке.

Библиотека "Руниверс"

не несут и не могут поэтому рассматриваться в качестве категорий марксистской философии.

Таким образом, краткий семантический анализ термина «мир» показывает, что он имеет много значений. Современная наука постепенно заменяет это многозначное слово другими, строго определенными терминами. Сейчас по существу ни одна наука не имеет строго определенного понятия «мир», не имеет такой категории и марксистско-ленинская философия [4]. Поэтому, конечно, сейчас нельзя определять мировоззрение через мир, поскольку последнее как современное научное понятие отсутствует. Определять в наше время мировоззрение через мир равносильно определению психологии через душу, геометрии через землеизмерение и т. п. Мир — понятие философии и науки периода их возникновения, когда еще не существовало других, более зрелых понятий астрономии, физики, философии. До определенного периода оно *выполняло свои функции — обозначало окружающую* человека действительность. В дальнейшем вместо многозначного и недостаточно четкого в своем содержании понятия «мир» возникли другие понятия («Вселенная», «объективная реальность» и т. п.), которые сделали излишним неопределенное понятие «мир», и оно стало не научным понятием, а словом в языке, служащим в сочетании с другими словами синонимом понятий различных наук.

Когда наука только возникла, еще не было дифференциации научного знания, а существовала лишь наука вообще, называемая философией. Предметом ее изучения был мир, который она стремилась охватить в целом. Определение мировоззрения как системы «взглядов, представлений о мире и его закономерностях, об окружающих человека явлениях природы и общества» [5] в действительности выражает сущность не мировоззрения, как оно выступает в современном знании, а той нерасчлененной науки вообще, которая существовала на заре развития научного познания. Когда-то в античности, в XVI, XVII и

[4] Не случайно в Философской энциклопедии отсутствует понятие «мир», там это слово рассматривается как противоположность слову «война». В главе VIII нашей книги будет отмечено одно значение термина «мир», в котором целесообразно применить его в философии.

[5] БСЭ, изд. 2-е, т. 27, стр. 574.

Библиотека "Руниверс"

XVIII столетиях философия в самом деле была универсальной системой взглядов на мир, представлений о мире и его закономерностях, об окружающих человека явлениях природы и общества. Но если взять современный уровень развития знания, то по существу все науки в той или иной мере являются взглядами на мир, представлениями о его закономерностях, об окружающих явлениях природы и общества. И теперь это определение не охватывает существа ни конкретных областей науки, ни мировоззрения. Здесь нет ответа на вопрос, какие взгляды на мир, какие его закономерности входят в мировоззрение, а какие составляют предмет различных областей естественных и общественных наук. А неопределенность самого понятия «мир» делает его в современных условиях вообще бессодержательным. Особенно звучит анахронизмом стремление представить мировоззрение системой взглядов на мир *в целом,* понятие «в целом» для современного мировоззрения совершенно не подходит.

Философия в античности или в новое время (XVII—XVIII вв.) действительно была взглядом на мир в целом в том отношении, что содержала в себе всю совокупность знания о мире, как он представлялся тогда. При этом она действительно стремилась охватить его как целое, ставила задачу дать знания не о какой-либо части, а о мире в целом.

Современная наука отчетливо понимает, что бесконечный мир как целое, с одной стороны, не охватывается ни одной системой взглядов, а с другой стороны, любая наука так или иначе рассматривает мир в целом. Например, математика, изучая количественные или пространственные отношения, дает знания о мире в целом в том смысле, что изучаемые ею отношения характерны для всех явлений в мире. И физика изучает в определенном смысле мир как целое, ибо физическая форма движения материи существует во всех системах Вселенной. Человечество исследовало довольно незначительную часть Вселенной. В любую эпоху существуют трудности воспроизведения Вселенной как целого в научных понятиях. Как бы человечество к этому ни стремилось, оно, повидимому, никогда этого не достигнет. Стремление воспроизвести в научных понятиях Вселенную в целом составляет задачу не мировоззрения, а всей совокупности научного знания.

Библиотека "Руниверс"

Определяя мировоззрение через понятие «целое», мы как бы производим подмену категорий единичного и всеобщего понятиями части и целого. Отождествлять их нельзя, ибо они разные по содержанию. Часть к целому относится не так, как единичное к всеобщему. Мировоззрение стремится отразить всеобщие законы развития, но это всеобщее почему-то иногда представляется как целое. Всеобщее содержится в каждом единичном явлении, и, чтобы отразить его, совсем нет необходимости рассматривать целое и все явления, из которых оно состоит.

В задачу мировоззрения входит воспроизведение в научных понятиях всеобщих законов развития, действующих в явлениях, а не отдельных явлений как целого и тем более мира как целого. Мир как целое воспроизводится системой наук, рассматривающих его с разных сторон. Представить мир как целое — это стремление может быть осуществлено всей совокупностью знания в процессе бесконечного развития, и оно всегда остается в силу бесконечности мира только стремлением.

Таким образом, определение мировоззрения как системы взглядов на мир в целом утратило свое значение. Понятие мировоззрения приобрело новое, специфическое значение только после того, как произошло разделение знания на философское и нефилософское (позитивное). Раньше все знание и даже незнание входило в философию, в мировоззрение, и поэтому не было противопоставления мировоззренческих проблем специальным. Развитие научного знания привело к необходимости такого разделения, а также потребовало четкого осознания собственно мировоззренческих проблем и выяснения их отношения к конкретным областям научного знания. Так, Ф. Энгельс, говоря о диалектическом и историческом материализме, писал: «Это вообще уже больше не философия, а просто мировоззрение, которое должно найти себе подтверждение и проявить себя не в некоей особой науке наук, а в реальных науках. Философия, таким образом, здесь «снята», т. е. «одновременно преодолена и сохранена», преодолена по форме, сохранена по своему действительному содержанию» [6].

Диалектический и исторический материализм больше

[6] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 142.

Библиотека "Руниверс"

не философия в том смысле, что не является системой знаний о мире в целом и не претендует на роль науки всех наук. Он является философией в том смысле, что разрешает проблемы, составляющие мировоззрение, подтверждающееся и проявляющееся в реальном развитии многочисленных отраслей науки.

При определении мировоззрения чрезвычайно важно выявить его реальный предмет. Одни считают, что предметом мировоззрения является находящаяся вне человека объективная реальность. Другие полагают, что мировоззрение обращено к человеку, стремится постигнуть смысл его жизни и место во Вселенной. Ни то ни другое представление, взятое изолированно, не определяет предмета мировоззрения.

На наш взгляд, предметом мировоззрения выступает отношение «человек — окружающий его мир», оно стремится решить проблему человека в его взаимоотношениях с окружающей природой, в тесной связи с пониманием всеобщих законов ее движения..

Отношение «человек — окружающий его мир» весьма сложно и многосторонне. В мировоззрение входят только некоторые моменты его, и прежде всего разрешение основного вопроса философии — отношение сознания человека к находящейся вне его природе. В популярной и учебной литературе, как правило, основной вопрос философии рассматривается только как момент или часть мировоззрения. Проблема материи и сознания трактуется в начале курса диалектического и исторического материализма, и к ней по существу не возвращаются. Становится тогда непонятным, почему этот вопрос является основным. Иногда представляется, что основным он называется вследствие того, что служит основанием деления философов на материалистов и идеалистов. Когда мировоззрение будет только научным и идеализм перестанет существовать, останется ли проблема материи и сознания основной в философии? На это может быть только один верный ответ: вопрос об отношении материи и сознания останется основным и тогда, когда идеализм как тип мировоззрения потеряет основы для своего существования. Решение его приобретет чисто научный характер, освободится от классовых наслоений, философия сохранит свое мировоззренческое значение, углубившись в исследование взаимоотношения материи и сознания.

Библиотека "Руниверс"

Если бы основной вопрос философии не был центральным, определяющим для всего мировоззрения в целом, то и деление философии на материалистическую и идеалистическую не имело бы такого принципиального значения в истории философии, а было бы одним из возможных и многочисленных. Но это не так.

Основной вопрос всегда был предметом философии, но в различные исторические периоды он выступал в разных формах и занимал разное место в философии. Когда философия была системой взглядов на мир, понятий о явлениях и закономерностях его движения и не было дифференциации научного знания, тогда основной вопрос действительно был только одной из проблем, которыми она занималась. Причем на заре развития философского знания формулировка основного вопроса не была зрелой, затрагивающей все его стороны и аспекты. Ф. Энгельс выделяет некоторые исторические формы постановки этого вопроса. Самой первой из них было выяснение отношения между душой человека и внешним миром: отделяется ли душа человека от его тела после смерти и продолжает ли она жить независимо от него. В античной философии основной вопрос приобрел новый аспект: что представляет собой внешний мир по отношению к духовному началу. В средние века он, «вопреки церкви, — писал Ф. Энгельс, — принял более острую форму: создан ли мир богом или он существует от века?» [7]

Однако, как отмечает Ф. Энгельс, «он мог быть поставлен со всей резкостью, мог приобрести все свое значение лишь после того, как население Европы пробудилось от долгой зимней спячки христианского средневековья» [8], т. е. в философии нового времени.

Таким образом, процесс развития философии включает два связанных момента: отделение от нее специальных областей и уяснение ею своего предмета, что прежде всего означает более четкое и полное определение основного вопроса философии. А это в свою очередь свидетельствует, что философия из науки наук, из системы знания о мире в целом становится подлинным мировоззрением. Этот процесс нашел свое завершение в

---

[7] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр 283.
[8] Там же.

Библиотека "Руниверс"

марксистской философии, в которой основной вопрос в своей зрелой и классической форме подчинил все остальное содержание, соединил его в нечто единое целое, образуя стройное мировоззрение. Любая проблема марксистской философии так или иначе рассматривается через основной вопрос философии, противоречие между материей и сознанием является исходным и ведущим в разрешении всех проблем мировоззрения. Например, причинность, закономерность, пространство и время и т. п. философия рассматривает прежде всего со стороны разрешения основного вопроса философии. Существует ли причинность независимо от человеческого сознания, как относятся человеческие понятия и представления о причинности и закономерности к объективно существующим, причинно обусловленным процессам и явлениям — это вопрос, который является исходным в философском анализе не только причинности и закономерности, но и всех категорий диалектического и исторического материализма.

В связи с этим следует подвергнуть критике довольно распространенное даже в марксистской литературе понимание философии как учения о наиболее общих характеристиках всех вещей окружающего мира (формах, свойствах, отношениях), превращающее философию в какую-то всеобщую онтологию. Тут нельзя не вспомнить справедливых слов академика Тодора Павлова: «Напрасно некоторые думают, что только философия выясняет, уточняет, развивает общие и наиболее общие понятия о материи, пространстве, причинности и т. д. Достаточно посмотреть на все современное естествознание, чтобы убедиться, что оно также изучает и развивает дальше общие и самые общие понятия о материи, пространстве, времени, причинности и т. п.» [9]

Дело здесь заключается не во всеобщности, а в том, что философия как мировоззрение подходит к этим понятиям со стороны решения основного вопроса.

Концепция развития является второй проблемой, входящей в мировоззрение. Но концепция развития и основной вопрос философии не являются двумя однопорядковыми сторонами мировоззрения. Для последовательно материалистического решения основного вопроса филосо-

[9] *Тодор Павлов.* Избр. философ. произв., т. 3. М., 1962, стр 334

Библиотека "Руниверс"

фии необходима научная концепция развития, какой является диалектика. Без принципа развития невозможно обосновать и принцип материального единства мира. Хорошо известно, что метафизическая концепция развития является гносеологическим источником, корнем идеализма. Метафизический материализм был непоследовательным в решении основного вопроса философии именно в силу того, что ему не хватало научной концепции развития, поэтому он впадал в гилозоизм, в деизм и т. п.

Таким образом, диалектическая концепция развития является логическим продолжением материалистического решения основного вопроса философии и одновременно обогащает мировоззрение новым необходимым моментом.

Однако мировоззренческая проблематика не исчерпывается основным вопросом философии и концепцией развития. Важное место в мировоззрении занимает изучение общих закономерностей развития общества. Иногда дело представляется таким образом, что изучение философией общественных закономерностей не связывается с решением основного вопроса философии и концепцией развития, а выступает особой проблематикой, которую часто называют в отличие от философской социологической. Эта проблематика составляет предмет исторического материализма. Поскольку она рассматривается обособленно от основного вопроса философии и диалектической концепции развития, то некоторые авторы исторический материализм, или общую социологию, не включают в мировоззрение. В действительности же без понимания закономерностей общественного развития не может быть никакого общего мировоззрения, носящего научный характер, последовательно материалистически решающего основной вопрос философии и создающего диалектическую концепцию развития.

Начнем с решения основного вопроса философии. Проблема сознания в его отношении к материи не может быть решена без знания общественных закономерностей, ведь сознание не только свойство высокоорганизованной материи, но и продукт общественного развития. Попытки решить проблему сознания только на основе обобщения данных естественных наук (в частности, физиологии высшей нервной деятельности), с которыми иногда приходится сталкиваться, не могут привести к положительным ре-

Библиотека "Руниверс"

зультатам, ибо сознание — это общественное явление, которое может быть научно истолковано только на основе знания законов развития общества. К чему приводит забвение того факта, что сознание — общественное явление, можно видеть на примере путаных рассуждений о мыслящих машинах и т. п.

Без понимания общественных закономерностей невозможна и научная концепция развития. Как известно, знание высшей формы движения является ключом для понимания движения вообще и всех остальных его форм. Согласно марксистскому принципу единства исторического и логического, исследование предмета начинают со зрелой формы его развития; после этого обращаются к его истории, а потом снова возвращаются к высшей ступени развития предмета. Это применимо и к развитию вообще. Чтобы понять его сущность, источник, основную тенденцию, взаимоотношение основных форм, т. е. создать концепцию развития, необходимо прежде всего проанализировать высшую общественную форму движения материи, ибо знание закономерностей общественного развития является ключом к пониманию остальных форм движения материи.

Некоторые критики диалектического материализма указывают на антропоморфизм и антропоцентризм материалистической диалектики. Они говорят, что эти законы (в частности, закон единства и борьбы противоположностей) выражают отношения в обществе, а марксизм переносит их и на явления природы. В действительности же такого антропоморфизма и антропоцентризма нет в диалектике, законы диалектики не возникли в результате переноса законов общества на явления природы. Но знание законов общественного развития служит необходимой предпосылкой для понимания законов всякого развития.

Материалистическое понимание истории не только не выходит за рамки общего марксистского мировоззрения, но, наоборот, составляет его исходный пункт для последовательно материалистического решения основного вопроса философии и диалектической концепции развития. На основе материалистического понимания истории произошло органическое соединение материализма и диалектики, создан принципиально новый тип мировоззрения. Причем его создание Маркс начал именно с материалисти-

Библиотека "Руниверс"

ческого понимания истории, и оно послужило исходным пунктом коренной перестройки домарксистского материализма и диалектики. Вскрывая общие законы движения общества, марксистское мировоззрение тем самым ставит человека и человечество в центр своего рассмотрения.

Нередко приходится встречаться в зарубежной литературе с утверждением, что из марксистского мировоззрения выпадает самое главное — человек, что якобы марксизм делает объектом своего анализа законы природы, общества и мышления, а не человека с его идеалами, стремлениями и потребностями.

Но это не так. В мировоззрение марксизм обязательно включает человека, его общественный идеал: социально-политический, эстетический, этический. Исходя из человека и его идеала рассматриваются все проблемы мировоззрения. Но человек вообще — это абстракция, он всегда существует в условиях, имеющих определенную социальную структуру. Поэтому изучение общества является и рассмотрением человека. Это, конечно, не означает, что отдельные люди, индивидуумы не существуют сами по себе и не имеют особенностей, характеризующих их как Петра, Джона, Владимира и т. п. Но человека вне общества нет, и познание человека, понимание его места в природе, особенностей означает так или иначе рассмотрение его общественной жизни.

Идеалы — помыслы и стремления человека — также несут на себе печать общества, всегда являются общественными.

Таким образом, в современное научное мировоззрение входят: *решение основного вопроса философии, создание концепции развития, включая закономерности общественного развития, понимание сущности и места человека среди других явлений действительности, определение его общественного идеала.*

Это определение относится к наиболее развитому научному мировоззрению, и именно поэтому оно дает возможность понять и те его формы, которые существовали ранее и бытуют еще сейчас. В той или иной форме любое мировоззрение включает в себя решение основного вопроса философии, создание концепции развития, понимание человека и идеала его жизни.

Библиотека "Руниверс"

2. Функция мировоззрения в познании и практике. Из чего складывается научная картина природы и общества

В научном мировоззрении, каким является марксистско-ленинская философия, нет противоречий между его отдельными элементами в том отношении, что диалектическая концепция развития не только не противоречит материалистическому решению основного вопроса философии, но необходима для него, а материалистическое понимание истории доводит до конца и материалистическое решение основного вопроса, и диалектическую концепцию развития, соединяет их в органическое единство. Все его составные элементы в конечном счете подчинены решению проблемы человека и его бытия.

Эта монолитность марксистского мировоззрения отличает его от всех других типов мировоззрений, которые существовали в истории развития человечества. Буржуазное мировоззрение, в какой бы форме оно ни было взято, содержит в себе раздирающие противоречия, и отдельные его элементы могут вступать между собой в конфликт. Например, материализм может сочетаться с метафизической концепцией развития и идеалистическим пониманием истории, а идеализм с теми или иными концепциями диалектики.

Какова же роль мировоззрения в науке и практике? Мировоззрение выступает методом, теорией познания и практического действия. Известно, что всякий научный метод является использованием объективных закономерностей в познании и практике человека [10].

Представление мировоззрения, философского метода и теории познания самостоятельными, отдельными частями философии не отвечает современному понятию мировоззрения, оно суживает как мировоззрение, так и философский метод и теорию познания. Можно подумать, буд-

---

[10] Как правильно определяет акад. Т. Павлов, «научный метод — это *внутренняя закономерность движения человеческого мышления, взятого как субъективное отражение объективного мира, или, что одно и то же, как «пересаженная» и «переведенная» в человеческом сознании объективная закономерность, используемая, сознательно и планомерно, как орудие объяснения и изменения мира*» (*Тодор Павлов.* Избр. философ. произв., т. 3, стр. 498).

Библиотека "Руниверс"

то философский метод и теория познания основываются на чем-то ином, чем мировоззрение, а последнее якобы не является методом познания и практического действия. Тогда возникает вопрос: для чего нужно человеку научное мировоззрение, если оно не функционирует как метод, как теория познания и преобразования действительности?

В марксистско-ленинском мировоззрении, поскольку оно является последовательно научным, все элементы (положения, принципы, законы, категории) функционируют как метод и теория познания. Как понятия материи и движения, так и закон единства и борьбы противоположностей одинаково являются элементами марксистско-ленинского мировоззрения, которые выполняют методологическую роль в современном научном познании и практике. Ленинское понятие материи, как и закон единства и борьбы противоположностей, служит исходным пунктом в познании материи, ее форм, строения и свойств.

Неправомерно также противопоставление метода познания теории познания. По традиции под теорией познания подразумевают только учение о сущности и моментах познавательного процесса, о познавательных способностях человека (чувства, рассудок, разум). Несомненно, эта проблематика важна и она входит в теорию познания. Однако последняя не исчерпывается только ею. Законы и категории материалистической диалектики имеют гносеологическое содержание. «Диалектика, — пишет В. И. Ленин, — *и есть* теория познания...» [11] Можно сказать, что научное мировоззрение является существенной частью теории человеческого знания.

Борьба за чистоту марксистско-ленинского мировоззрения и его дальнейшее развитие имеют огромное значение, потому что ускоряют общественный прогресс как в области познания, так и в области практического овладения силами природы, тогда как реакционное мировоззрение тормозит науку, мешает ликвидации отживших форм социального бытия людей.

Буржуазное мировоззрение не является и не может быть монолитным, в нем отдельные моменты, носящие научный характер, вступают в противоречие с явно превратным толкованием действительности. В силу этого буржуазное мировоззрение не может выступать действен-

[11] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 321.

Библиотека "Руниверс"

ным философским методом познания и практической деятельности людей, оно имеет ограниченное значение для развития науки и общественной жизни, причем прогрессивные элементы этого мировоззрения, которые способствуют развитию познания и практики, могут в отдельные исторические периоды подавляться его реакционными чертами.

Иногда противоречие между различными элементами внутри буржуазного мировоззрения изображается как противоречие между мировоззрением и методом. На поверхности это противоречие выступает в таком виде потому, что за мировоззрение принимается только одна его часть, носящая реакционный характер, а за метод — другая часть, которая в силу того, что верно отражает объективные закономерности, используется в качестве философского метода познания. В действительности же это — противоречие не между мировоззрением и методом, а внутри мировоззрения, между его элементами.

Понимание этого факта приобретает большое значение для анализа мировоззрения отдельных мыслителей прошлого и современности, которые не вышли из-под влияния буржуазных идей. Задача исследователя состоит в том, чтобы вскрыть противоречия внутри их мировоззрения, показать, как одни его элементы, носящие прогрессивный характер, способствуют развитию научного знания и успеху в практической деятельности, другие же, наоборот, выступают тормозом. Очень часто исследователь берет только одну сторону мировоззрения мыслителя и по ней определяет мировоззрение в целом. Так, например, Альберт Эйнштейн долгое время «ходил в реакционерах», поскольку в его мировоззрении действительно имели место отдельные ненаучные моменты. Сейчас у некоторых ученых наблюдается другая тенденция — не замечать этих моментов в мировоззрении великого физика и таким образом опять-таки создавать одностороннюю картину его философских взглядов.

Всесторонний и глубокий анализ мировоззрения мыслителей сделает совершенно беспочвенной такую постановку вопроса, которая у нас, к сожалению, встречается, а именно: великие буржуазные мыслители прошлого и настоящего (ученые, художники и т. п.) творят вопреки своему мировоззрению или благодаря ему. Ошибочно на

Библиотека "Руниверс"

основе односторонне подобранных примеров доказывать, что возможно достигать больших успехов в научном и художественном творчестве независимо от мировоззрения. Более глубокое изучение показывает, что научное и художественное творчество развиваются не вопреки мировоззрению вообще, а вопреки реакционным сторонам мировоззрения и благодаря прогрессивным его чертам, верно отражающим объективные закономерности.

Таким образом, мировоззрение функционирует в познании и практике в качестве метода достижения новых результатов.

Мировоззрение следует отличать от собственно научной картины явлений природы, общества и человеческого мышления. Наука стремится в каждый исторический период своего развития суммировать знания о природе, обществе и человеческом мышлении, выразить каким-то образом совокупность всех человеческих знаний. Систематизация человеческих знаний в определенный исторический период их развития имеет, во-первых, методологическое значение; во-вторых, такое подведение итогов служит толчком для дальнейшего развития науки. Создание научной картины мира — общая задача всех отраслей научного знания, каждая из них вносит свой вклад в это дело. Причем мировоззрению принадлежит особая роль: оно выступает цементирующим, связующим звеном, давая знание о наиболее общих законах всякого развития. В связи с дальнейшим процессом дифференциации и интеграции научного знания роль научного мировоззрения непрерывно возрастает, каждая наука стремится осознать свое место в общей системе знания, а также перспективы своего дальнейшего развития, пути связей с другими науками, возможности применения методов других наук к изучению своего предмета. Научное мировоззрение помогает плодотворно решать эти проблемы, способствуя тем самым общественному прогрессу.

С развитием научного знания роль мировоззрения не только не уменьшается, а, наоборот, возрастает. При этом меняется само содержание мировоззрения, его место в развитии науки и общества. Не подменяя роли других наук, оно выполняет свою специфическую и очень важную функцию в общественном прогрессе.

Библиотека "Руниверс"

3. Марксистско-ленинская философия как мировоззрение, метод и теория познания

Марксистско-ленинская философия вскрывает общие закономерности, присущие бытию (природе и обществу), поэтому она иногда в буржуазной литературе представляется своеобразной метафизикой, под которой понимают систему общих принципов, понятий, применяемых к бытию вообще [12]. Существуют различные оттенки в понимании самого предмета метафизики в разных направлениях современной философии, но общим для всех них является утверждение, что метафизика — учение о бытии или сущем вообще, под которым подразумевается все существующее каким-то способом. Она еще выступает иногда под термином «онтология», или «первая философия». Такое понимание метафизики используется, например, неотомизмом, в котором подразделяются общий свод принципов, применяемых ко всему существующему (как к богу, *так и к сотворенному миру*), *и прикладная часть, распространяемая* только на сотворенный мир. В экзистенциализме под метафизикой, или фундаментальной онтологией, понимают выяснение смысла и сущности бытия, причем основным является вопрос о сущности человеческого бытия, ибо, что такое мир, что такое действительность, мы постигаем только тогда, когда знаем, что такое человек и в чем смысл его бытия.

Как известно, не все направления современной буржуазной философии признают необходимость такой метафизики. Позитивизм (и в частности, современная его версия — логический позитивизм) отвергает метафизику, считает ее пережитком прошлого, наследием неразвитой науки. Объявление всех вопросов, связанных с учением о бытии, псевдопроблемами, сведение философии к логическому анализу результатов науки — вот неопозитивистское кредо в области философии.

Позитивизм выражает крайнюю реакцию на метафизику, оторванную от развития научного познания, зани-

---

[12] В данном случае термин «метафизика» рассматривается не в значении метода познания, противоположного диалектике (с этой стороны метафизика в марксистской литературе подробно проанализирована), а как система философского знания о бытии.

Библиотека "Руниверс"

мающуюся умозрительным конструированием всеобщих принципов бытия. Однако сам он не может преодолеть этой метафизики, поскольку конструирует свой метафизический логический мир, оторванный от законов движения явлений объективной реальности.

Иногда ставится дилемма: либо метафизика, претендующая на универсальное объяснение мира, берущая свое знание из иных истоков, чем различные области современной науки, либо позитивизм в самых различных его версиях, отвергающий вопрос о бытии и его всеобщих законах. И кажется, нет выхода за пределы того или другого.

Но нет, диалектический и исторический материализм является как раз той философией, которая равным образом отвергает и схоластику умозрительной метафизики, и позитивизм. Именно поэтому позитивисты со времен махизма критиковали и критикуют марксистскую философию за «догматизм» и «метафизику», за признание существования «вещей в себе» независимо от сознания, за «претензию» вскрыть в своих понятиях, категориях наиболее общие законы движения объективного мира. Сторонники метафизики, особенно представители неотомизма, упрекают основоположников марксизма, в частности Ф. Энгельса и его последователей, в позитивистском подходе к пониманию предмета и задач философии. При этом ссылаются на слова Ф. Энгельса, что наука уже не нуждается больше в философии, как таковой, а диалектический материализм уже больше не философия. Совсем по-позитивистски для многих звучат слова Ф. Энгельса: «Как только перед каждой отдельной наукой ставится требование выяснить свое место во всеобщей связи вещей и знаний о вещах, какая-либо особая наука об этой всеобщей связи становится излишней. И тогда из всей прежней философии самостоятельное существование сохраняет еще учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика. Все остальное входит в положительную науку о природе и истории» [13].

Некоторые недоумевают и спрашивают, что же собой представляет марксистская философия: учение о всеобщих законах бытия? Тогда она смыкается с метафизикой. Или она является всеобщим научным методом мышления,

---

[13] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 25.

Библиотека "Руниверс"

применяемым во всех областях научного знания? Тогда она близка к позитивизму. Причем мыслится, что одно исключает другое.

На самом деле особенность диалектического материализма заключается именно в том, что он совершенно по-иному, чем метафизика и позитивизм, ставит вопрос о предмете философии, не отрывая метода мышления от законов движения явлений объективного мира.

Изучение явлений объективной реальности и законов их движения всегда было и остается задачей философии. Диалектический материализм в данном случае не составляет исключения, он продолжает ту традицию, которая была положена еще древними философами. Но чем же в данном случае он отличается от метафизики предшествующей ему философии, а также современной? Каковы особенности его подхода к изучению этой реальности?

Прежде всего одна из особенностей диалектического материализма заключается в том, что он не мыслит себе постижения законов объективной реальности вне обобщения результатов различных отраслей науки. Пришел конец философии, которая черпает свое знание о всеобщих принципах бытия, минуя данные наук о природе и обществе. В период, когда философия обнимала всю совокупность знания о мире, а отдельные области науки были неразвитыми, умозрительные представления о мире были необходимы, они даже имели положительное значение, в них содержались и гениальные мысли, предвосхитившие открытия науки.

Но теперь наука не нуждается в метафизике вообще и натурфилософии в частности, она сама в систематической форме способна создать картину мира, основываясь на фактах и открытых законах. А воскрешать метафизику — значит идти назад, идти вопреки тенденции развития научного знания.

Не случайно такие направления современной философии, как неотомизм и экзистенциализм, ратующие за метафизику, находятся в стороне от науки и по существу их метафизика, или фундаментальная онтология, направлена против нее. Они испытывают необходимость в метафизическом знании, существующем обособленно от научного, поскольку рассуждают о различного рода мистических

Библиотека "Руниверс"

сущностях, которые не могут найти научного подтверждения [14].

Что касается хаотичности, недоступности и разрозненности данных науки, то задача философии заключается как раз в том, чтобы не просто повторять данные науки, а, основываясь на них, а также на всей практике человеческой жизни, включая искусство, личный опыт, идти дальше, создавая учение о всеобщих законах бытия.

Диалектический материализм не может развиваться без обобщения данных науки о природе и обществе, свое знание он не обособляет от научного, а выводит из него. Поэтому существенным моментом для него является союз с различными областями знания. Но при этом диалектический материализм сохраняет за собой свой предмет, отличный от предмета специальных областей знания. Этим предметом является изучение общих законов движения явлений объективного мира, для открытия которых недостаточно опыта и данных какой-то одной области научного знания, а необходима совокупность всего опыта познания и практического действия человека.

И здесь мы сталкиваемся со второй особенностью диалектического материализма в изучении им объективной реальности. Метафизика в любых ее вариантах в качестве объекта изучения выдвигает бытие или сущее вообще, как таковое.

Диалектический материализм считает, что рассуждение о бытии вообще, о сущем, как таковом, беспредметно

---

[14] С попытками обоснования метафизики на каких-то иных, кроме науки, основах мы, в частности, сталкиваемся у Льюиса И. Хана (*L. E. Hahn.* What is the Starting Point of Metaphysics? — «Philosophy and Phenomenological Research», 1958, vol. XVIII, N 3), который считает данные наук недостаточными для метафизики по многим причинам: они менее доступны, чем другие данные, «скорее должны привести к беспорядку или интеллектуальной непродуманности» (там же, стр. 302); «выглядят больше как коллекция из коллекции отдельных предметов, нежели структурная единица какого-нибудь рода» (там же); нельзя исключать из основ метафизики «материал, полученный из искусства, поэзии, религии, личного наблюдения и здравого смысла» (там же, стр. 303). В качестве исходного пункта метафизики автор предлагает «здравый смысл, руководимый ключевыми понятиями» (там же, стр. 309). Но тут, во-первых, возникает вопрос: откуда берутся эти ключевые понятия, не являются ли они уже сами метафизикой? Во-вторых, что такое здравый смысл, как не некоторые данные повседневного опыта человека, превращенные в предрассудок? Зачем же современную философию базировать на столь зыбкой и, можно сказать, архаичной основе?

Библиотека "Руниверс"

и философия начинается с того момента, когда ставится вопрос об отношении мышления к бытию. Первое определение бытия, имеющее хоть какую-то конкретность и идущее дальше тавтологии, что бытие есть существующее, включает в себя противопоставление бытия мышлению: бытие существует вне и независимо от того, мыслим мы его или нет. Попытка философии создать учение о бытии вне постановки вопроса об отношении его к мышлению не приводит ни к каким результатам, имеющим положительное значение для развития науки и практической деятельности по преобразованию действительности. Конечно, отдельные отрасли науки могут ставить и решать вопрос о конкретных формах и видах бытия (вещах, процессах), не ставя специально вопроса об отношении их к познанию, поскольку это не входит в предмет данной науки, которая считает его решенным философией не только для данных конкретных форм бытия (атома, клетки и т. п.), но для бытия вообще во всех его многообразных формах.

Мы знаем из истории философии, что отдельные философские школы и мыслители в прошлом решали многие проблемы бытия, отчетливо не ставя вопроса об его отношении к мышлению. Философия зародилась как учение о первосущем, но это было в период, когда она была единственной формой научного знания о мире. С тех пор многое изменилось. Из этой нерасчлененной науки, называемой философией, выделились специальные области знания; часть ее содержания, которую по преимуществу составляли метафизические умозрительные размышления о бытии вообще, не нашедшие подтверждения в развитии науки, потеряла свое значение и оказалась вне поля научного знания, а другая часть была переосмыслена, развита дальше и составила основу научного философского учения о бытии. В процесс этого переосмысления входило рассмотрение бытия и всех категорий, его выражающих, через основной вопрос философии — отношение мышления к бытию.

Начиная с понятия материи, все остальные категории диалектического материализма включают в свое содержание решение вопроса об отношении мышления к бытию. Понятие материи — это первое конкретное определение бытия.

Некоторые, даже среди сторонников диалектического материализма, полагают, что можно дать определение

Библиотека "Руниверс"

материи, не обращаясь к решению вопроса об ее отношении к сознанию, материи, как таковой, как некоторой субстанции, вне ее отношения к сознанию. Но в действительности материя — объективная реальность, существующая сама по себе, независимо от сознания, и в этом заключается ее первое, существенное определение, без которого невозможно двинуться дальше в учении о материи.

Понятие материи в диалектическом материализме не тождественно субстанции, как она понималась в различных метафизических системах. Материя не метафизическая сущность, лежащая в основе всех вещей, а это все явления, вещи, процессы, существующие вне и независимо от сознания человека. Вне отношения бытия к мышлению понятие материи не имеет смысла.

Отсюда в диалектическом материализме не существует онтологии, как таковой (учение о бытии вне его отношения к сознанию), и гносеологии (учение о познании вне отношения его к формам бытия); отношение мышления к бытию — исходный пункт всех философских категорий диалектического материализма, который одновременно выполняет функцию и онтологии, и гносеологии. Все категории диалектического материализма одновременно являются и онтологическими в том смысле, что имеют содержание, взятое из объективного мира, из бытия, и гносеологическими, ибо в них решается вопрос об отношении мышления к бытию и они сами служат ступенькой в движении познания.

Простое соединение, суммирование учения о бытии с учением о познании можно встретить сейчас у некоторых авторов, которые допускают мысль «о метафизике в широком смысле, включающем и существование, и познание» [15].

Иногда представляют дело таким образом, что и в диалектическом материализме существует соединение двух частей — онтологической и гносеологической. Учение о материи, формах ее существования и законах движения — это онтология, а учение о познании и его законах — это гносеология. Есть законы, которые являются общими и

---

[15] *L. E. Hahn.* What is the Starting Point of Metaphysics? — «Philosophy and Phenomenological Research», 1958, vol. XVIII, N 3, p. 294.

Библиотека "Руниверс"

для бытия, и для познания, но кроме этого познание имеет специфические законы.

Но это представление неверно, в диалектическом материализме снято деление на онтологию и гносеологию. И здесь мы подходим к следующей особенности диалектического материализма в его учении о бытии.

Метафизика исходила из резкого разделения законов, принципов бытия, устанавливаемых ею, и законов познания, которых она не рассматривает. Диалектический материализм доказывает их единство, совпадение по содержанию. Материалистическая диалектика является наукой «об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления: два ряда законов, — пишет Ф. Энгельс, — которые по сути дела тождественны, а по своему выражению различны лишь постольку, поскольку человеческая голова может применять их сознательно, между тем как в природе, — а до сих пор большей частью и в человеческой истории — они прокладывают себе путь бессознательно...»[16].

Если подходить к законам бытия и законам познания рассудочно, то можно установить различие между ними, в частности в форме их существования: одни существуют во внешнем мире, другие же — в практической деятельности и в сознании человека. Абсолютизируя это различие, можно прийти к агностическому отрыву мышления и его законов от бытия и его форм и законов. Из того, что мышление имеет свои законы, делается вывод, что оно не может совпадать по содержанию с законами и формами бытия: поскольку бытие может быть постигнуто только в формах мысли, то оно вообще объявляется непостижимым для науки, после чего его легко сделать предметом религиозной веры или какого-то иного сверхъестественного озарения.

Диалектический материализм не довольствуется рассудочным разделением законов бытия и законов мышления, он разумно соединяет их, доводит до тождества, совпадения, включающего в себя как момент и некоторое различие. Причем для философии принципиальное значение приобретает именно совпадение этих законов, различие же их интересует психологию, выявляющую особен-

---

[16] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 302.

Библиотека "Руниверс"

ности психической деятельности человека, и формальную логику, вскрывающую формы логически непротиворечивого мышления.

Исходя из совпадения законов мышления и законов бытия, диалектический материализм преодолевает агностицизм, отрицающий объективность содержания человеческого мышления. Мышление достигает объективной истины, совпадает в своем содержании с находящимся вне его объектом только вследствие того, что само движется по законам объекта. Положим, что оно в процессе познания шло по другим законам, коренящимся в каких-то тайнах самого мышления, имеющего свою природу, абсолютно противоположную законам и формам бытия; тогда мышление и бытие в своем движении абсолютно разошлись бы и было бы два самостоятельных мира — бытие и мышление.

Однако мысль по своей сути не может быть ничем иным, как отражением законов и форм бытия, и она движется в рамках объективного содержания. Когда она уходит в область фантазии, не говоря о ее болезненных сублиматах, то и тогда движется по законам самого объекта. Причины и пути ее погружения в беспочвенную фантазию интересуют отнюдь не философию, а психологию, а если речь идет о нездоровом фантазировании, то — психиатрию. Философию же в данном случае интересует только одно: каким образом даже ошибочные мысли сохраняют в своем содержании связь с формами объекта? Если она изображает учение о рае или аде, то представление о яблоках, которые растут в раю, или о смоле, которой поливают грешников в аду, берет из объективного мира — природы и общественной жизни человека. Как говорил Ф. Энгельс, если поставить вопрос, «что же такое мышление и сознание, откуда они берутся, то мы увидим, что они — продукты человеческого мозга и что сам человек — продукт природы, развившийся в определенной среде и вместе с ней. Само собой разумеется в силу этого продукты человеческого мозга, являющиеся в конечном счете тоже продуктами природы, не противоречат остальной связи природы, а соответствуют ей...»[17].

И здесь мы приходим к тому, что бытие есть все существующее, в том числе и мышление, но к этому мы

[17] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 34—35.

Библиотека "Руниверс"

пришли уже на основе снятия их первоначального противопоставления. Единство мышления и бытия не просто постулируется на основе самого значения слова «быть» (все существует, в том числе и мышление, поэтому оно включается в бытие), а устанавливается по существу, поскольку мышление рассматривается как форма отражения бытия, в которой бытие осмысливается и познается.

Тождество, совпадение мышления и бытия, не дано изначально, оно достигается в процессе развития научного познания, когда в своем содержании мышление все более правильно отражает объект.

Мышление, двигаясь по законам, взятым из объективной реальности, приходит к объективно-истинным результатам. Отсюда то, что считалось метафизикой (установление законов и принципов бытия), становится методом, логикой; формы бытия, после того как они познаны человеком, становятся законами и формами мышления. Законы и категории диалектического материализма, будучи отражением бытия, служат законами и формами движения мышления к истине, являются логическими законами и категориями.

Часто под логикой подразумевают только науку, исследующую доказательство, законность которого зависит от формы посылок. Такой логикой является современная формальная логика, разветвленная на множество систем исчисления. Диалектический материализм не претендует на то, чтобы заменить эту логику, создать какое-то новое формально-логическое исчисление. Это не его задача и функция. Но в логику еще со времен Аристотеля входит изучение общих законов и форм движения мышления. Логические категории Аристотеля были не только формами мышления, но и всеобщими родами бытия, выражающими его сущностные определения. Эта традиция была продолжена Ф. Бэконом, Р. Декартом, Б. Спинозой, И. Кантом, выделившим уже две логики (общую, или формальную, и трансцендентальную), и Гегелем. В диалектическом материализме она нашла свое развитие в положении о совпадении диалектики, логики и теории познания.

Когда наши критики обращают внимание на то, что диалектический материализм является наукой о всеобщих законах и формах бытия, он им кажется метафизикой или онтологией, но когда они сталкиваются с положе-

Библиотека "Руниверс"

нием, что материалистическая диалектика является также учением о мышлении, его законах и формах, то она выступает для них только методом, логикой, чем-то близким к современному позитивизму. Получается, что диалектический материализм объединяет в себе две разные философии: метафизику и логику. На самом деле он несводим ни к тому ни к другому, ни к их сумме. Диалектический материализм становится учением не только о мышлении, но и о формах самого бытия, которые отражаются в законах и категориях мышления.

В самом по себе утверждении, которое выдвигалось позитивизмом, а еще раньше Гегелем, что философия — это логика, не заключается ничего неверного. Все зависит от того, как понимать логику. Если ее сводить к формально-логическим системам исчисления, к логическому синтаксису и семантике, как это имеет нередко место, то тогда, конечно, оно неверно и по существу означает ликвидацию философии, ибо формальная логика в условиях современного развитого знания превратилась в специальную научную дисциплину, подобную математике, лингвистике, психологии и т. п.

Философия — это логика, но с большой буквы, т. е. такая, которая сама является учением о законах и формах бытия, или, как писал В. И. Ленин, отмечая верную мысль Гегеля, «логика есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития „всех материальных, природных и духовных вещей", т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод *истории* познания мира» [18].

Познанные объективные закономерности в такой логике становятся подчиненными задачам выработки научно-теоретического метода мышления (логике). Объективный мир и его законы интересуют человека не только сами по себе, но и как средство удовлетворения определенных общественных потребностей. Здесь мы подходим к следующей особенности марксистского мировоззрения, объясняющей, почему учение о бытии выступает в философии подчиненным моментом научно-теоретического метода (логики).

Бытие существует объективно, вне и независимо от мышления. Но как к нему подходят — как к предмету со-

---

[18] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 84.

Библиотека "Руниверс"

зерцания или объекту материальной, чувственной практической деятельности человека? Метафизика, как правило, исключает практическую деятельность человека из рассмотрения бытия, стремясь постигнуть его в чистом виде. Диалектический материализм рассматривает бытие и его формы прежде всего исходя из потребностей преобразующей деятельности человека.

Человек находится в центре марксистского мировоззрения, и для него и его практической деятельности необходимо познание объективного мира и тенденций развития его явлений.

Диалектический материализм стремится познать бытие не только как сущее, но и как должное — каким оно должно быть в результате практической деятельности человека. Следовательно, сущее постигается через должное, но само должное основывается на знании объективной реальности, законов ее движения, в особенности человеческого общества.

Марксистская философия не переносит законов природы на общество и, наоборот, законов общества на законы природы. Например, ни закон сохранения энергии, действующий в природе, ни закон смены общественно-экономических формаций, действующий в обществе, не превращаются диалектическим материализмом во всеобщие принципы всякого бытия, хотя они и важны для обоснования диалектико-материалистического мировоззрения. Марксистская философия устанавливает на основе обобщения всего опыта познания и практики всеобщие законы развития. Но знание законов общественного развития приобретает при этом особое значение потому, что общество — это самая высшая и зрелая форма развития, а знание высшего является исходным моментом для понимания и низшего (как отмечал Маркс, не обезьяна — ключ для понимания человека, а, наоборот, человек — ключ для понимания места обезьяны в развитии живой природы). При этом не законы общества переносятся на природу и становятся всеобщими, а знание общественных закономерностей является необходимой предпосылкой обнаружения всеобщих законов развития, действующих и в природе, и в обществе.

Если для понимания развития необходимо рассмотрение его высшей формы — общества, то и последнее надо брать в самой зрелой его форме — современное общество

Библиотека "Руниверс"

в главных тенденциях его развития. Таким и является, согласно марксизму, коммунизм.

Учение о коммунистической формации составляет особую, отличную от философии область знания — теорию научного коммунизма. Однако научный коммунизм с определенной стороны входит и в учение диалектического и исторического материализма о всеобщих законах развития природы, общества и мышления, а именно как социальная необходимость и на этой основе — общественная потребность субъекта, с учетом которой он должен подходить практически к объекту — к формам и законам бытия. В этом смысле коммунизм является исторически не преходящим идеалом, сквозь призму которого рассматривается как природа, так и вся современная социальная практика.

Когда одни пытаются убедить других, что они постигают мир, бытие, как таковое, абстрагируясь от общества, его потребностей, от субъекта, то они вводят в заблуждение прежде всего себя. Раз *они* постигают мир, то, следовательно, *они* смотрят на него глазами всего общества, класса и т. п. В этом проявляется историзм человеческого познания вообще, философского в частности.

Если задача философии не созерцание мира, а его изучение для целей практического преобразования, то эти цели человек должен брать из определенного, практически достижимого общественного идеала, каким для диалектического материализма и выступает коммунизм. Связь диалектического материализма с коммунизмом находится в природе того и другого. Таким образом, диалектический и исторический материализм как философская система принципиально отличен от метафизики: он сохраняет нечто от нее в том смысле, что также ставит своей задачей изучение всеобщих законов и форм бытия, объективной реальности.

Однако в отличие от различных систем метафизики, имевших место в прошлом и существующих сейчас, диалектический материализм: 1) ставит своей задачей вскрыть эти законы и формы не каким-то особым спекулятивно-метафизическим путем, а средствами современного научного знания, путем обобщения данных науки; 2) рассматривает бытие в его отношении к мышлению, выполняя функции и онтологии, и гносеологии; 3) исходит из тождества, совпадения по содержанию законов

Библиотека "Руниверс"

мышления с законами бытия, выступая как логика, устанавливающая всеобщий метод и формы движения мышления к объективной истине; 4) берет бытие и его формы не созерцательно, а как объект чувственно-материальной, революционно-критической практической деятельности человека, а поэтому изучает также законы общественного развития, являясь одновременно историческим материализмом, теоретически обосновывающим в качестве идеала общества коммунизм.

Все эти моменты в диалектическом материализме логически связаны между собой, образуя некоторое целое, отличное от любой другой философской системы как прошлого, так и настоящего. Некоторые направления современной философии фиксируют свое внимание на этих отдельных сторонах, моментах, которые входят в научно-философское мировоззрение. Например, позитивизм настаивает на мысли, что современная философия должна быть обязательно логикой; прагматизм подчеркивает активную роль субъекта при рассмотрении форм и законов бытия; экзистенциализм исходит из положения, что без бытия человека невозможно понять бытие вообще. Однако эти моменты абсолютизируются ими, отрываются от других, а вследствие этого становится односторонней, искаженной и вся создаваемая ими система философии.

Марксистское мировоззрение нельзя понять и правильно оценить, если обращать внимание и брать только одну какую-либо его сторону, момент в отрыве от других, что нередко и делается его критиками. Только целое является истиной, только рассматривая диалектический и исторический материализм во всей полноте его содержания, можно понять его место и значение в системе современного научного знания, в борьбе идей, происходящей сейчас в обществе.

4. Место гносеологической проблематики в марксистской философии

Марксистско-ленинская философия является одновременно мировоззрением, методом (логикой) и теорией познания. Она не делится на эти составные части, которые нельзя превращать в нечто самостоятельное и независимое. Мировоззрение функционирует в качестве метода и

Библиотека "Руниверс"

теории познания, причем это касается всех законов и категорий марксистской философии, которые имеют объективное содержание и выступают методом и теорией познания явлений действительности.

Неверно делить марксистскую философию на отдельные науки (онтологию, гносеологию) или самостоятельные части, имеющие свои законы. Законы и категории одни для всей философии и ее составляющих частей.

Однако для изучения и научной разработки философии мы можем и должны выделить отдельные проблемы, аспекты. Нельзя изучать или разрабатывать сразу все. Известно, что тот или иной закон или категория философии имеет объективное содержание, отражает законы движения самой объективной реальности, но в данном случае целесообразно остановиться и подвергнуть анализу их логическое и гносеологическое содержание, показать их функционирование в процессе движения познания исходя из их объективного содержания. Ведь всякое изучение и исследование связано с абстракцией и выделением интересующей нас стороны. Нельзя забывать о целом, но и последнее невозможно понять, если детально не исследовать его с самых различных сторон и аспектов.

Исходя из этого можно выделить в марксистской философии ряд проблем, которые по традиции называются гносеологическими. Нельзя сказать, что категории, которые при этом будут рассматриваться, не имеют объективного содержания, не отражают ничего в объективной реальности, — таких в марксистской философии нет, но они в данном случае анализируются только как категории познания. Само познание берется за объект исследования и рассматривается со стороны, характерной для него как формы человеческой, субъективной деятельности.

Это не составляет особой области философии — гносеологии, существующей независимо и отдельно от проблем материалистической диалектики. Таковой нет, как писал В. И. Ленин, «диалектика, в понимании Маркса и согласно также Гегелю, включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие позна-

Библиотека "Руниверс"

ния, переход от *не*знания к познанию»[19]. Задачей философии является изучение происхождения и развития познания, переход от незнания к знанию.

Этим не исчерпывается задача философии как теории познания; вся марксистская философия как мировоззрение, метод является и теорией знания, однако эта проблематика по традиции считается гносеологической и в ней сам процесс познания как субъективной деятельности человека становится объектом специального рассмотрения; она очень важна для выявления особенностей марксистской философии как метода и теории познания.

Превращение ее в какую-то самостоятельную науку или область философского знания, существующую где-то вне материалистической диалектики, ошибочно, но специальное исследование ее как проблемы, аспекта нашего мировоззрения необходимо; оно приобретает особенно большое значение в условиях бурного развития современного научного познания.

Плодотворное решение гносеологических проблем возможно на базе обобщения результатов всего опыта теоретического и практического постижения природы и общественной жизни. В. И. Ленин в «Философских тетрадях» отмечал, что теория познания должна сложиться на базе обобщения таких областей знания: история философии и история отдельных наук, история умственного развития ребенка и животных, история языка, физиология органов чувств[20].

Каждая из этих областей знания проливает свет на какую-то определенную сторону процесса познания.

История философии и история отдельных наук дают необходимый материал для понимания процесса познания в целом, как он в действительности совершался в процессе развития человечества, какие конкретные формы принимал. Такой комплекс наук, как история психики животного, история умственного развития ребенка и история человеческого языка, позволяет понять процесс возникновения человеческого познания и некоторые его специфические особенности в отличие от психического поведения животных. Все это дает необходимый материал для уяснения того, как возникли и складывались познавательные способности и органы чувств человека.

[19] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 54—55.

[20] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 314.

Библиотека "Руниверс"

Физиология органов чувств (а теперь можно сказать шире — физиология высшей нервной деятельности) изучает материальный субстрат человеческого познания — функционирование нервной системы, что также чрезвычайно важно для теории познания.

Наконец, психология вскрывает закономерности протекания познавательного процесса у конкретных людей, которые ощущают, воспринимают, представляют и мыслят, причем материалистическая диалектика как теория познания не просто суммирует данные этих областей знания. Никакая сумма знаний, взятых из разных областей, не составляет науки. Она обобщает, синтезирует их, вскрывая свои законы, образовывая свои категории. Ни одна из перечисленных наук не создает понятия истины, практики, логического, исторического и т. п. Эти категории создаются теорией познания для выражения закономерностей движения к истине.

Когда жил В. И. Ленин, еще ничего не было известно о кибернетике, поэтому он не мог включить ее в число тех областей знания, из которых складывается теория познания. Но по своему существу и содержанию кибернетика должна быть присоединена к ним, ибо ее данные представляют чрезвычайный интерес для понимания познавательного процесса. Больше того, она в некотором смысле объединяет данные физиологии высшей нервной деятельности и науки о языке, изучая процесс познания как сложную динамическую систему управления. При этом главным здесь является информационная сторона познания (процесс хранения и переработки информации). Данные кибернетики дают возможность глубже рассмотреть некоторые гносеологические проблемы, обратить внимание на категории теории познания, которым ранее не придавалось должного значения.

В последующих главах настоящей книги и будут разобраны важнейшие вопросы гносеологии, как они решаются марксизмом-ленинизмом, при этом они ни в коем случае не будут рассматриваться в качестве самодовлеющих, независимых и самостоятельных от всей проблематики, составляющих содержание нашего мировоззрения, функционирующего в качестве метода и теории познания, ибо являются только моментом, раскрывающим некоторые его стороны и особенности.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА II

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ ОСНОВНОГО ВОПРОСА ГНОСЕОЛОГИИ

1. Материя и сознание — фундаментальные понятия гносеологии

Совпадение диалектики, логики и теории познания в марксистской философии означает, что основной вопрос философии является одновременно и основным гносеологическим вопросом. Марксистская гносеология берет свое начало там же и с того же, что и философия вообще, — с выявления отношения мышления к бытию. Поэтому фундаментальными понятиями марксистской гносеологии являются категории материи и сознания.

Понятие материи довольно полно рассмотрено в марксистской литературе, выявлено его значение для развития современной науки. Мы остановимся только на некоторых его моментах.

Почти никто не отрицает, что определение материи, данное В. И. Лениным, носит гносеологический характер. Действительно, в этом определении: «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» [1] — отчетливо виден момент, который выглядит по традиции гносеологическим (объективная реальность, отображаемая в ощущениях).

Это и дает как будто бы основание кое-кому считать данное определение только гносеологическим и искать ему дополнение — так называемое онтологическое понятие материи [2]. В действительности же определение мате-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 131.

[2] В. П. Тугаринов выделяет две стороны в определении материи — онтологическую и гносеологическую. Первая отмечает, что материя является внутренним определением природы, ее сущностью, «выступает как совокупность тел, веществ и т. д.» (*В. П. Тугаринов.* Соотношение категорий диалектического материализма. Л., 1956, стр. 48); она объединяет то реально общее, что «имеется во всех вещах, предметах» (там же), является субстанцией, «носителем движения и изменения» (там же, стр. 49). В отличие от гносеологического определения все эти характеристики материи не связаны непосредственно с основным вопросом философии.

Библиотека "Руниверс"

рии, данное В. И. Лениным, является в широком смысле философским, снимающим деление философии на онтологию и гносеологию. Оно является исходным для решения всех философских проблем, в том числе и тех, которые по традиции считаются гносеологическими.

Отдельно взятое онтологическое понятие материи невозможно в диалектическом материализме, попытки его конструирования могут отбросить философию далеко назад. В самом деле, по каким путям возможно идти в создании такого определения.

Во-первых, можно вводить некоторые данные из области современной физики о строении, свойствах и видах материи.

Конечно, современная физика занимает видное место в изучении материи, но фетишизировать ее нельзя. Для философского учения о материи имеют значение не только данные физики, но и данные других наук: кибернетики, химии, биологии, физиологии и т. д. Для философии имеет равное значение как положение физики о строении атома, так и положение биологии о строении живой клетки или физиологии о функционировании мозга. Мнение, что физика в данном случае имеет какой-то приоритет перед биологией или другой наукой, основывается на неправильном представлении о предмете и задачах современной философии. Думают, что философия все еще занимается поисками каких-то первосущностей, кирпичиков мироздания и якобы современная физика, открыв элементарные частицы и различные поля, обнаружила их. Но, как отмечал В. И. Ленин, «признание каких-либо неизменных элементов, «неизменной сущности вещей» и т. п. не есть материализм, а есть *метафизический,* т. е. антидиалектический материализм» [3].

Философия исходит из признания материи как объективной реальности, данной нам в ощущении, а вопрос о том, что собой представляет эта реальность — атом, химическое соединение, живую материю или общественную ячейку, — это уже составляет сферу интересов не философии, а специальных наук о природе и обществе. Абсурдно утверждать, что атом, состоящий из элементарных частиц, является больше материей, объективной реальностью, чем живое вещество. Для выработки философского поня-

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр 275—276.

Библиотека "Руниверс"

тия материи имеют значение не только данные физики о строении вещества, но и данные всех других наук. Недаром последовательно материалистическая точка зрения стала возможной только благодаря материалистическому пониманию истории.

В связи с этим возникает вопрос о правомерности применения термина «материя» к объектам, изучаемым отдельными специальными науками. Можно, конечно, сказать, что все они изучают материю, поскольку в мире ничего нет, кроме движущейся материи. Но столь же правомерным является другое утверждение: что они не имеют дела с материей, а изучают элементарные частицы, поля, клетки, формы организации общества и т. п., т. е. не материю вообще, а определенные ее виды и формы. Ведь материя — это философская категория, необходимая для решения вопроса об отношении мышления к бытию. Она не включает в свое содержание никаких конкретных физических, химических, биологических или социологических характеристик и возникает в результате обобщения данных всех наук и общественной практики. Только философия может образовать понятие материи; что касается других наук, то они не создают своих понятий материи, а исходят из того, которое дает философия. Физика выработала понятие не материи, а, например, вещества. Но понятия материи и вещества не тождественны; философия не интересуется веществом, его формами, обладающими конкретными свойствами. Быть объективной реальностью, существовать вне нашего сознания — это свойство присуще не только формам вещества, изучаемым физикой, но и различным общественно-экономическим формациям. Признание объективного существования недостаточно для создания понятия вещества, которое обладает такими свойствами, как неуничтожимость, сохранение и т. п.

Очень часто в нашей литературе термин «материя» употребляется в значении вещества, когда говорят о строении материи, о законах сохранения материи и т. п. Это связано с тем, что в предшествующей философии, которая была наукой вообще, не было расчленения понятий материи и вещества, сама физика составляла часть философии.

В последующем философия и физика разграничили свои предметы и выражающие их понятия. Особенно

Библиотека "Руниверс"

остро была осознана необходимость разделения понятия материи в философии и понятия вещества в физике в конце прошлого и начале настоящего столетия, когда началась революция в физике.

В. И. Ленин поставил вопрос о необходимости строгого разграничения философского понятия материи и положений естествознания о строении и свойствах ее отдельных видов. Однако по традиции он продолжал употреблять термин «материя» и в отношении того, что является объектом физики и других наук. Но, развивая мысль В. И. Ленина дальше, нам кажется, необходимо ввести и терминологическое различие, сохранив за философским понятием, выражающим объективную реальность, термин «материя», а за объектами физической науки термин «вещество».

В самом деле, правомерно ли ставить вопрос о строении материи, если под последней подразумевается объективная реальность, данная нам в ощущении? Можно ли сказать, что материя имеет какое-то одно строение, одну структуру? Конечно, нет. Вещество, являющееся предметом физики, имеет одну структуру, строение, живая клетка — другую, а общество имеет свою организацию и структуру. Поэтому можно ставить вопрос не о строении материи как объективной реальности, а о строении конкретных видов и форм этой реальности, в частности вещества, организма, общества и т. п.

Таким образом развитие философского понятия материи идет не по пути включения в его содержание характеристик, взятых из различных областей науки, не по пути суммирования данных о строении вещества, организма, общества и т. п, а по пути строгого разграничения понятия материи и понятий различных наук, касающихся изучаемых этими науками объектов.

Второй путь создания онтологического понятия материи — включение в ее содержание не конкретных естественнонаучных, а философских характеристик, таких, как связь материи с движением, пространством и временем, с понятием бесконечности, конечности, закономерности и т. п.

Конечно, понятия движения, пространства и времени, конечности и бесконечности, взаимодействия и все другие категории диалектического материализма непосредственно связаны с понятием материи, являются разви-

Библиотека "Руниверс"

тием и конкретизацией его. Но нельзя все это включать в само понятие материи, одно понятие не заменяет всей системы знаний о ней.

Понятие материи служит исходным, а не конечным пунктом развертывания системы диалектического материализма, другие же категории как бы раскрывают и дополняют положение о материи как объективной реальности, устанавливая, что она существует в движении, в пространственно-временных формах и т. п. Все категории, возникающие в связи с необходимостью развития учения о материи как объективной реальности, данной нам в ощущениях, также связаны с решением основного вопроса философии. Утверждение, что атрибутом материи является движение, а коренными формами ее бытия — пространство и время, не составляет какого-то особого онтологического понятия материи.

Философия диалектического материализма дает одно понятие материи, и, кроме нее, никакая другая наука понятия материи создать не может; имея дело только с конкретными формами объективной реальности, специальные науки о природе и обществе дают понятия об этих формах. Это единое философское понятие материи не делится на гносеологическое и онтологическое, оно само является исходным для решения всех философских проблем, в том числе и гносеологических.

Мы уже отмечали, что понятие материи в нашей литературе довольно четко определено и детально проанализировано. Нельзя этого сказать о сопряженном с ним понятии сознания. В последнее время советская литература обогатилась рядом исследований о сознании, однако ни одно из них не посвящено специально анализу понятия сознания, его содержания в условиях современной науки. А необходимость в этом имеется, ибо термин «сознание» употребляется в самых различных значениях. И это связано с многослойностью самого этого понятия. Выявим некоторые из них.

Понятие сознания выдвигается в плане решения основного вопроса философии как противоположность понятию материи. Если материя — это объективная реальность, существующая независимо от сознания и данная нам в ощущении, то сознание составляет другую, не объективную, а субъективную реальность. Понятие реальности объединяет и материю и сознание, оно как бы

Библиотека "Руниверс"

составляет единство противоположностей, двух реальностей: объективной и субъективной.

Критики марксистской философии уже давно упрекали нас в том, что материя и сознание определяются путем их противопоставления друг другу и указания, что является первичным. И правильно отмечал В. И. Ленин: «Только шарлатанство или крайнее скудоумие может требовать такого «определения» этих двух «рядов» предельно широких понятий, которое бы не состояло в «простом повторении»: то или другое берется за первичное» [4].

Уже в противопоставлении материи и сознания, объективной и субъективной реальностей, в указании, что материя первична, а сознание вторично, заключается определение как материи, так и сознания. Определяя материю, решая основной вопрос философии, мы одновременно определяем и сознание. Причем это характерно не только для материи и сознания, но и для других категорий диалектического материализма: явления и сущности, формы и содержания, случайности и необходимости, количества и качества и т. п. Ничего нельзя сказать о сущности, не устанавливая ее отношения к явлению; одно является содержанием, случайностью, количеством и т. д. только потому, что другое выступает формой, необходимостью, качеством и т. п.

2. Сознание и познание

Гносеология не может остановиться в понимании сознания на противопоставлении его материи. С определенной стороны она начинает глубже анализировать его. Этой стороной является сознание как знание о чем-то, что находится вне его, т. е. об объективной реальности. В отношении сознания к материи выделяется сторона знания — субъективный образ объективной реальности.

Знание не тождественно всякому психическому акту, оно предполагает выделение человеком себя из окружающего мира и процесс осознания его. Знание существует только тогда, когда есть сознание. В литературе имеется попытка всякое ощущение, будь то человека или животного, представить знанием. «Всякое зрелое ощущение, —

[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 149.

Библиотека "Руниверс"

читаем мы в книге по теории познания, — есть единство формы и содержания, в котором содержанием является в высшей степени ценное для организма *знание* физиологической роли раздражителя, а психической формой ощущения является чувственное впечатление, закономерно связанное с содержанием и потому выполняющее роль сигнала»[5]. Выходит, что, когда новорожденный ребенок берет грудь матери, он уже обладает знанием ценности молока для своего организма. При таком понимании всякий рефлекс, условный или безусловный, является знанием, которое биологически наследуется организмом. И следовательно, само понятие знания теряет всякий смысл.

Явления сознания как субъективной реальности, противоположной материи, могут быть и бессознательными в том смысле, что не все они осознаются человеком. Но сознание без осознания вообще не существует. Как писал Маркс, «сознание [das Bewuβtsein] никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием [das bewuβte Sein]»[6]. При этом вначале оно обращено не только на природу, а и на общественное бытие человека. «Сознание, конечно, — пишет К. Маркс, — есть вначале осознание *ближайшей* чувственно воспринимаемой среды и осознание ограниченной связи с другими лицами и вещами, находящимися вне начинающего сознавать себя индивида; в то же время оно — осознание природы, которая первоначально противостоит людям как совершенно чуждая, всемогущая и неприступная сила...»[7] В отличие от животного, которое «не *«относится»* ни к чему и вообще не «относится»»[8], человек посредством труда выражает свое отношение к другим подобным себе и к природе.

Сознание и есть выражение этого отношения человека к своему бытию и природе, знание их. Но чтобы к чему-то как-то относиться, надо это что-то в сознании иметь, т. е. обладать каким-то знанием общественного бытия и природы. Иначе говоря, человеческое знание должно иметь объективное содержание.

---

[5] *Ф. Ф. Кальсин.* Основные вопросы теории познания. Горький, 1957, стр. 141.

[6] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, стр. 25.

[7] Там же, стр. 29.

[8] См. там же.

Библиотека "Руниверс"

Явления объективной реальности изначально в сознании не заложены. Само сознание является историческим продуктом, оно возникает в результате развития форм материи и является свойством не всех видов материи, а только строго определенной организации материи — человеческого мозга. И каждый взятый в отдельности человек приобретает знание заново (в процессе обучения или собственного исследования). Отсюда и возникает необходимость *в процессе приобретения и развития знания. Этот процесс носит название познания.*

Уровень сознания определяется достигнутым знанием и его пониманием, осознанием. Поэтому развитие сознания предполагает непрерывный процесс познания, обогащения сознания новым знанием.

3. Агностицизм и его корни

Первый вопрос, который возникает в связи с проблемой познания,— это вопрос вообще о возможности знания, может ли объективная реальность быть данной в сознании человека. Это составляет вторую сторону основного вопроса философии, которую Ф. Энгельс сформулировал так: «...как относятся наши мысли об окружающем нас мире к самому этому миру? В состоянии ли наше мышление познавать действительный мир, можем ли мы в наших представлениях и понятиях о действительном мире составлять верное отражение действительности? На философском языке этот вопрос называется вопросом о тождестве мышления и бытия» [9].

Обычно эта сторона основного вопроса философии называется гносеологической, как будто первая (что является первичным и вторичным) не входит в гносеологию. Но В. И. Ленин не без основания основной вопрос философии называл гносеологическим, считая, что вся проблематика, возникающая в результате решения этого вопроса, относится непосредственно к гносеологии.

Первая сторона основного вопроса философии противопоставляет материю сознанию, вторая — ставит вопрос об их тождестве, совпадении в определенном отношении. Одно невозможно без другого. Тождество материи и со-

---

[9] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 283.

Библиотека "Руниверс"

знания существует только в том случае, если они в каких-то других пределах являются абсолютно противоположными.

Гносеология не может решать вопрос о тождестве материи и сознания, не установив их противоположности. Вся гносеологическая проблематика исходит из материи и сознания как тождества противоположностей, показывая в каждом конкретном случае, как противоположное становится тождественным, а тождественное — противоположным. Например, диалектический материализм устанавливает и противоположность и тождественность, взаимное превращение друг в друга, единство практики и познания, когда сама практика становится моментом познания, а последнее — составным элементом практической деятельности. А практика и познание являются одной из конкретных форм тождества противоположностей: материи и сознания. Как же относится познавательный образ к своему объекту? Познаваема ли окружающая человека действительность? Ответ на этот вопрос служит необходимой предпосылкой развития всех теоретико-познавательных проблем. Может ли существовать гносеология, если ответ на этот вопрос будет отрицательным? Оказывается, может. Такой гносеологией, отрицающей возможность познания мира, и является агностицизм.

Агностицизм возник очень давно и существует в нескольких исторических формах, имеющих свои особенности. Его нельзя представлять упрощенно, как доктрину, отрицающую сам факт существования познания. Познание как способ развития сознания существует в качестве эмпирического факта, с которым человек сталкивается в своей повседневной жизни, и отрицать этот факт абсурдно, а представление об агностицизме как абсурде очень далеко от истинного положения вещей.

Речь идет не вообще о познании, а о выяснении его возможности и о том, что оно собой представляет в отношении к находящейся вне его и противоположной ему объективной реальности. Античный скептицизм как исторически первая, достаточно развитая форма агностицизма содержит в себе основные элементы последнего, а именно: не отрицание существования знания, а отрыв его от объективной реальности, доведение противоположности материи и сознания до установления пропасти ме-

Библиотека "Руниверс"

жду ними, до отрицания возможности тождества содержания знания с находящимся вне его объектом.

Агностицизм в античной философии имел место уже у софистов, выдвинувших устами Протагора тезис: «Человек есть мера вещей, существующих, что они существуют, не существующих, что они не существуют». В этом положении не только установлена противоположность между субъективной и объективной реальностью, но и отрицается возможность их совпадения в процессе познания действительности, утверждается абсолютная независимость субъективной реальности, сознания от объективной реальности.

Эта форма агностицизма была более подробно обоснована школой античного скептицизма (Пиррон, Карнеад, Энезидем и др.). Причем античные скептики не были столь решительными, как агностики нового времени. Их скептицизм носит осторожный, утонченный характер, направленный не только против познавательного оптимизма, но и против догматизма. Например, Карнеад различал три степени вероятности познания: 1) просто вероятное представление; 2) вероятное и не противоречащее другим представлениям; 3) вероятное, не противоречащее другим и всесторонне проверенное представление. Всякое представление вероятно, но возможно достигнуть и вероятности третьей степени, где хотя мы и не имеем ручательства в истинности, но все же можем на основе этого знания практически действовать.

Юмизм — агностицизм в его наиболее реакционной форме. «Самая совершенная естественная философия, — писал Д. Юм, — только отодвигает немного дальше границы нашего незнания, а самая совершенная моральная или метафизическая философия, быть может, лишь помогает нам открыть новые области такового. Таким образом, убеждение в человеческой слепоте и слабости является результатом всей философии; этот результат на каждом шагу вновь встречается нам, вопреки всем нашим усилиям уклониться от него или его избежать» [10].

Это уже не робкое сомнение, а дискредитация человеческого знания с целью замены его верой. Речь идет не о том, чтобы для практических нужд выбрать наиболее вероятное знание, а о том, чтобы умалить в глазах людей

[10] *Д. Юм.* Сочинения в двух томах, т. 2. М., 1965, стр. 33.

Библиотека "Руниверс"

знание вообще, поставив на его место привычку и веру. По мнению Д. Юма, «мы не можем идти дальше утверждения, что *вера* есть нечто чувствуемое нашим духом и отличающее идеи суждения от вымыслов воображения. Она придает первым больше веса и влияния, заставляет их казаться более значительными, упрочивает их в нашем уме и делает их руководящим принципом наших поступков» [11].

Кантианство — третья разновидность агностицизма — отличается и от античного скептицизма, и от юмизма. Агностическая концепция основывается здесь на довольно детальном и часто глубоком анализе познавательного процесса, составляющих его элементов и противоречий. Кант создал целый мир познания, противопоставив и по существу оторвав его от объективной реальности, вещей в себе. «. . .О том, — говорит Кант, — каковы они (вещи. — *П. К.*) могут быть сами по себе, мы ничего не знаем, а знаем только их явления, т. е. представления, которые они в нас производят, действуя на наши чувства» [12].

Сущность кантианского агностицизма выражена В. И. Лениным так: «. . .у Канта познание разгораживает (разделяет) природу и человека; на деле оно соединяет их» [13].

Формой такого разделения и является априоризм, превращающий формы познания в самостоятельные сущности, присущие человеку и независимые от «вещей в себе», данных в опыте. Канту чужда постановка вопроса о тождестве познания и бытия. Он способен их только так противопоставить, чтобы изолировать друг от друга. А эта изоляция ведет к безнадежному агностицизму.

Агностические концепции философии XIX и XX вв. содержат мало «оригинального», они исходят либо из юмизма, либо из кантианства, либо из соединения элементов того и другого.

Одно время у нас имело место упрощенное понимание идеализма: всякий идеализм объявлялся агностицизмом. В действительности же существовали такие формы идеализма, для которых тождество мышления и бытия само собою разумеется. Так было, например, у Гегеля, кото-

---

[11] Там же, стр. 52.
[12] *И. Кант.* Пролегомены. М., 1937, стр. 51.
[13] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 83.

Библиотека "Руниверс"

рый подвергал острой и глубокой критике античный скептицизм, агностицизм Юма и Канта. Ф. Энгельс высоко оценивал эту критику, отмечая, что Гегелем сказано решающее для опровержения агностицизма, «насколько это можно было сделать с идеалистической точки зрения» [14].

Идеализм ограничен в критике агностицизма. Но отождествление всякого идеализма с агностицизмом по меньшей мере ошибочно. Ни Гегель, ни Лейбниц, ни Декарт, ни Аристотель, ни Платон не были агностиками.

Поэтому не всякий идеализм есть агностицизм. Но является ли агностицизм идеализмом? Этот вопрос весьма труден, поскольку сложно отношение агностицизма к основным борющимся партиям в философии. Конечно, агностицизм — это идеалистическая линия в решении второй стороны основного вопроса философии, ибо он отрывает мышление от бытия, превращая субъективную реальность в самостоятельную и независимую сущность.

Но агностицизм, в особенности в его кантианской версии, стремится занять промежуточную, компромиссную позицию в борьбе материализма и идеализма. «Для материалиста, — писал В. И. Ленин, — «фактически дан» внешний мир, образом коего являются наши ощущения. Для идеалиста «фактически дано» ощущение, причем внешний мир объявляется «комплексом ощущений». Для агностика «непосредственно дано» тоже ощущение, но агностик *не идет дальше* ни к материалистическому признанию реальности внешнего мира, ни к идеалистическому признанию мира за наше ощущение» [15].

Многие агностики исходят из материалистической предпосылки, что внешний мир реально существует, а наши ощущения возникают в результате воздействия явлений внешнего мира на наши органы чувств, но отрицают при этом, что они могут объективно отражаться в ощущениях и представлениях человека.

Ф. Энгельс называл агностицизм крупных естествоиспытателей стыдливым материализмом. Природа, рассуждают некоторые агностики, подчиняется определенным законам, независящим от человека. Но свой материализм они нередко прикрывают формальными агно-

---

[14] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 284.
[15] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 112.

Библиотека "Руниверс"

стическими утверждениями: мы можем познавать свойства отдельных вещей, но сама вещь нам недоступна. Говоря о таком агностике, Ф. Энгельс писал: «Он вам скажет: насколько мы знаем и можем знать, не существует никакого творца или вседержителя вселенной; насколько нам это известно, материю и энергию также нельзя ни создать, ни уничтожить; для нас мышление — только форма энергии, функция мозга; все, что мы знаем, сводится к тому, что материальный мир управляется неизменными законами, и т. д. и т. п. Таким образом, поскольку он человек науки, поскольку он что-либо знает, постольку он материалист; но вне своей науки, в тех областях, в которых он ничего не знает, он переводит свое невежество на греческий язык, называя его агностицизмом» [16].

Таким образом, агностицизм, как правило, стремится занять какую-то половинчатую, компромиссную позицию в борьбе материализма и идеализма, найти среднюю линию между ними, но эта его неопределенность, уступки идеализму в конечном счете приводят к защите фидеизма, религии и всяческой реакции.

Не всякий скептицизм равняется агностицизму. Сомнение сомнению рознь, тем более что определенная степень скептицизма необходима для развития познания. Гегель различал просто скептицизм и мыслящий скептицизм, который доказывает преходящий характер всякого конечного результата: «. . .положительная философия может сознавать, что она в самом деле содержит в самой себе отрицательную сторону скептицизма, и, следовательно, последний не противоположен ей и не находится вне нее, а является некоим ее моментом, но этот момент содержится в ней так, что она заключает в себе отрицание в его истинности, каким его не имеет скептицизм» [17].

Скептицизм необходим как момент движения познания, которое предполагает критический пересмотр старого, нахождение его неистинных сторон и выдвижение нового знания, преодолевающего односторонность и неистинность прежнего. Скептицизм отрицает, разрушает старое и на этом останавливается; как говорит Гегель, «скептик успокаивается на этом отрицательном резуль-

---

[16] *К Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 305.
[17] *Гегель*. Соч., т. X. М., 1932, стр. 408.

Библиотека "Руниверс"

тате и не идет дальше»[18]. Положительная философия включает момент сомнения в оценку достигнутых результатов познания для того, чтобы не догматизировать их, а двигаться дальше. Для скептицизма сомнение — самоцель и конечный результат познания, которое у него вращается внутри сомнения и не может выйти за его пределы. В положительной философии скептический элемент не цель, а только средство движения познания к новым результатам.

В истории философии были скептические философские системы (или некоторые философские системы начинались со скептицизма), которые не приводили к агностицизму. Например, М. Монтень (1533—1592) присоединялся к тезису: «Философствовать — значит сомневаться», и он подвергал сомнению показания чувств, силу человеческого разума, результаты схоластической философии для того, чтобы разбить мнимую ученость, основывающуюся на слепом поклонении авторитетам, поспешных безосновательных утверждениях и априорных суждениях. «Мы, — писал Монтень, — умеем сказать с важным видом: «Так говорит Цицерон», или «Таково учение Платона о нравственности», или «Вот подлинные слова Аристотеля». Ну, а мы-то сами, что мы скажем от своего имени? Каковы наши собственные суждения? Каковы наши поступки? А то ведь это мог бы сказать и попугай»[19].

Скептицизм Монтеня не шоры для развития знания, а способ очищения его от ненаучных наслоений, условие для высказывания своего собственного суждения, основанного не на авторитетах, а на опытных данных.

Такой же характер носил скепсис и французского философа XVII в. Пьера Бейля, скептицизм которого был оружием в борьбе с метафизикой того времени. Оценивая воззрения Бейля, К. Маркс писал: «Он подверг... критике все историческое развитие метафизики. Он стал ее историком, для того чтобы написать историю ее смерти»[20].

Философия Ф. Бэкона и Р. Декарта также начинается с сомнения в предшествующих результатах познания, у Ф. Бэкона — в форме критики идолов, у Р. Декарта —

[18] Там же.
[19] *М. Монтень.* Опыты, кн. I. М.—Л., 1958, стр. 175.
[20] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 141.

Библиотека "Руниверс"

в виде сомнения, приводящего к несомненному положению «cogito ergo sum» («Я мыслю, значит, существую»). Но в том и другом случае сомнение выполняло функцию освобождения познания от авторитарности и догматизма схоластики.

Больше того, даже в том скептицизме, который ведет к агностицизму, можно обнаружить некоторые позитивные моменты. Так, К. Маркс называл античных скептиков «учеными среди философов» и заслугу их видел в том, что они «бросили выравнивающий, сглаживающий ученый взгляд на прежние системы и обнаружили таким образом противоречие и противоположность» [21].

В связи с этим возникает вопрос о теоретических, гносеологических корнях агностицизма. Агностицизм в любой его форме обнаруживает сложность и противоречивую природу процесса познания. Агностицизм, вскрывая субъективную диалектику — движение и противоречивость форм человеческого знания, настаивает на относительности конкретного результата познания, на его связи с субъектом и уровнем его развития. В открытии антиномичности познания, его связи с деятельностью субъекта античные скептики и агностик Кант не имели себе равных среди своих современников. Гегель писал об антиномиях разума Канта: «...более глубокое вникновение в антиномическую или, вернее, в диалектическую природу разума показывает нам, что вообще *всякое* понятие есть единство противоположных моментов, которым можно было бы, следовательно, придать форму антиномических утверждений... Античный скептицизм не пожалел труда и обнаружил это противоречие, или эту антиномию, во всех понятиях, которые он нашел в науках» [22].

Агностицизм вскрывает богатство человеческого познания, его многосторонность, сложность и противоречивость. Диалектика познания здесь представлена почти во всех своих элементах, но она отрывается от объективной диалектики, от развития и противоречивости самого объекта. Агностицизм не находит пути от субъективной диалектики к объективной, поэтому сама диалектика носит в нем чисто отрицательный характер.

[21] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений. М., 1956, стр. 209.

[22] *Гегель.* Соч., т. V. М., 1937, стр. 205.

Библиотека "Руниверс"

Сложность и противоречивость процесса познания приобретают в агностицизме извращенный характер, поскольку рассматриваются не как отражение сложности самого объекта и пути познания его, а как свидетельство слабости и неспособности познания постичь объект таким, каким он является в действительности. Имея перед собой богатство познания, «утопая в нем», агностик упрекает его в бессилии.

Отрыв субъективной диалектики от объективного мира как основной гносеологический источник агностицизма проявляется в различных формах по-разному. В юмизме он выступает как отрыв ощущений от объекта, как изоляция и превращение их в самостоятельный мир. Отрыв субъективной диалектики от объекта может выражаться в обособлении форм мышления от форм и закономерностей объекта, как это было у Канта, который превратил эти формы в своеобразные самостоятельные сущности, независимые от объекта.

В чем же коренная причина этого отрыва субъективной диалектики от объективной? Главным образом она заключается в теоретическом бессилии решить проблему материальной основы и критерия истинности знания. Все агностики так или иначе приходили к выводу, что у человека нет критерия для установления объективности содержания знания. По их мнению, верному в целом, знание изменчиво: на смену одному представлению приходит другое. Но где гарантия того, что это движение идет путем все большего овладения объектом, а не в сфере смены чисто субъективных мнений, не замыкается внутри самого знания. «Каким доводом можно доказать, — спрашивает Юм, — что восприятия в нашем уме должны быть вызываемы внешними предметами?» На этот вопрос не могли научно ответить ни Юм, ни другие философы того времени, а потому всегда оставалась лазейка для агностицизма.

Отрыв субъективной диалектики от объективной, незнание основы их совпадения и критерия истинности служили гносеологическим источником агностицизма. А поскольку философия вообще и гносеология в частности не существовали изолированно от борьбы классов и идей в обществе, то слабость философии прошлого в решении теоретико-познавательных проблем закреплялась классовым интересом, она служила теоретической предпосыл-

Библиотека "Руниверс"

кой принижения знания, замены его верой, что соответствовало прежде всего потребностям религии. Представители такой философии утверждали, что ничего точно знать невозможно, а действовать надо, поэтому необходимо исходить в практике жизни не из знания, а из догматов веры, которые якобы лишены духа сомнения. Поэтому В. И. Ленин, оценивая объективную роль агностицизма Канта, писал: «Кант принижает знание, чтобы очистить место вере» [23].

Знание сущности и корней агностицизма указывает и пути его критического преодоления. Агностиков критиковали давно и по-разному. Философы вскрывали внутреннюю противоречивость рассуждений скептиков, показывали абсурдность их конечных выводов (агностик сомневается, сколько у него пальцев на руке — пять или больше), говорили, что, придерживаясь скептицизма, человек может умереть с голоду, приводили примеры превращения незнания в знание. Но в подобной критике — больше остроумия и находчивости, чем действительных аргументов против агностицизма. Критики горячо уверяли, что явления действительности познаваемы, но слабо доказывали это. Больше того, надо не просто установить, что познание объективного мира таким, каким он является, имеет место как эмпирический факт, а надо еще раскрыть, как и почему оно возможно.

Поэтому теоретически преодолеть агностицизм — значит разрешить сложные проблемы движения познания, вскрыть ту основу, на которой происходит совпадение субъективной диалектики с объективной. А это прежде всего предполагает научное решение проблемы субъекта и объекта познания.

ГЛАВА III

СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ

1. Общество как субъект познания

При первоначальном взгляде на процесс познания в нем можно обнаружить три элемента: субъект, объект и процесс познания.

---

[23] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 153.

Библиотека "Руниверс"

Прежде чем решать вопрос: три ли в действительности элемента познания, необходимо выяснить, что такое субъект познания, кто мыслит и практически преобразовывает природу.

Идеалистическая философия извращенно толковала вопрос о субъекте мышления и практического действия. Некоторые ее течения признавали существование мышления вне человека и до человека. В таком случае его субъектом выступает бог, мыслящий и действующий, а все в мире объявляется результатом его творческой деятельности; человек в процессе познания и практического действия подчинен подлинному субъекту всего совершающегося на земле — богу. Это была позиция, к которой в конечном счете приходил в любой форме объективный идеализм.

Субъективно-идеалистическая точка зрения, по которой «Я», «сознание человека» выступает субъектом мышления и действия, была не менее нелепой. Сознание является субъектом самого себя. Такое идеалистическое понимание субъекта наиболее отчетливо выражено у немецкого философа И. Г. Фихте. Чистое «Я» как всеобщее человеческое сознание в процессе действия полагает и самого себя, и свою противоположность — «не-Я» (объект). Субъективно-идеалистическая трактовка, сводящая субъект к человеческому сознанию, характерна и для многих современных течений в буржуазной философии. Так, например, экзистенциалисты объявляют подлинной реальностью рационально непостижимое существование (экзистенцию), а последнее сводят к чистому человеческому сознанию — «Я». Как утверждает Ясперс, экзистенция — источник мыслей и действий человека, а «бытие является продуктом я» [1].

Материалистическая философия подвергла критике идеалистическое сведение субъекта к сознанию. Для материализма исходным является утверждение, что подлинным субъектом познания и практического действия является человек, и не только со своим сознанием, но со всем тем, что ему присуще. Однако материализм до К. Маркса понимал человека узко; например, Л. Фейербах сводил сущность человека к его биологической природе. Человек — это существо с плотью и кровью, чув-

[1] *K. Jaspers.* Der philosophische Glaube. München, 1948, S. 28.

Библиотека "Руниверс"

ствующее и страдающее. «Новая философия, — писал Л. Фейербах о своих воззрениях, — превращает *человека, включая и природу* как базис человека, в *единственный, универсальный и высший предмет* философии, превращая, следовательно, *антропологию, в том числе и физиологию, в универсальную науку*» [2].

Человек для Фейербаха — физическое, телесное существо, обитающее в пространстве и времени, обладающее в силу своей материальной природы способностью созерцания и мышления. Сведение сущности человека к его биологической природе, из которой выводится мышление, представление о человеке как созерцательном, страдательном и потребляющем существе и составляет особенность антропологизма Л. Фейербаха. Основоположники марксизма-ленинизма показали узость, ограниченность понимания субъекта антропологическим материализмом, из которого выпадает самое главное — общественная природа человека.

Марксизм, подвергая критике антропологизм Л. Фейербаха, создал новую концепцию субъекта и его отношения к объекту. Что такое человек? На первый взгляд этот вопрос кажется даже излишним, ибо всем понятно и ясно, какое существо называется человеком, все могут видеть человека и еще никто не перепутал человека с животными. Но в действительности научно ответить на этот вопрос не так просто.

Современный французский писатель Веркор написал роман «Люди или животные?» [3]. В качестве эпиграфа к своему произведению он поставил слова: «Все несчастья на земле происходят оттого, что люди до сих пор не уяснили себе, что такое человек, и не договорились между собой, каким они хотят его видеть». Это произведение Веркора является своеобразным философским романом, посвященным проблеме человека. Фабула его такова: на Земле, на одном из последних белых пятен, найдены существа — тропи, которые очень похожи на человека. Надо решить проблему: являются тропи людьми или животными. Решение этого вопроса жизненно важно для многих действующих лиц. Герой романа умертвил маленького тропи. Если тропи — люди, то он преступник,

---

[2] *Л. Фейербах.* Избр. философ. произв., т. 1. М., 1955, стр. 202.
[3] *Веркор.* Люди или животные? М., 1957.

Библиотека "Руниверс"

если они животные, то он просто экспериментатор. За тропи наблюдает священник-бенедиктинец, и для него тоже важно решение проблемы тропи: если тропи — люди, то его долг их окрестить. «Ну а вдруг они животные... не могу же я дать им святое причастие, — рассуждает он. — Это было бы просто святотатством! Вспомните, — добавляет он улыбаясь, — ошибку святого старца Маэля, который по своей близорукости принял пингвинов за мирных дикарей и, не теряя времени, окрестил их»[4]. Капиталист полагает, что если тропи животные, то для него решена проблема бесплатной рабочей силы.

Итак, нужно решить, кем являются тропи — животными или людьми. И эта проблема оказалась далеко не легкой. Конечно, тропи — это вымысел романиста, и на Земле нам вряд ли придется встретиться с существами, которые поставят перед нами мучительный вопрос, люди они или животные. Но земной человек становится космическим существом, и там, в малоизвестных нам мирах, мы можем столкнуться не с легендой о снежном человеке, а с действительно новыми для нас существами, о которых, возможно, придется решать вопрос, принадлежат они к роду homo sapiens или нет.

Веркор ярко и довольно убедительно показывает, что антропология не может дать критериев для отличения человека от животного. Можно найти антропологические критерии, отличающие современного человека на Земле от его известных нам предков — от человекообразных обезьян и других животных. Но нет и не может быть точных, строгих и однозначных биологических критериев отличия человека вообще от животного, тем более если придется рассматривать не только земные существа, но и космические.

Веркор приходит к выводу, что таких объективных критериев отличия человека от животного вообще не существует. В романе действие переносится в парламент, который принимает юридический закон следующего содержания:

«*Статья I.* Человека отличает от животного наличие религиозного духа.

Статья II. Основными признаками религиозного духа

---

[4] Там же, стр. 73.

Библиотека "Руниверс"

являются (в нисходящем порядке): Вера в Бога, Наука, Искусство во всех своих проявлениях; различные религии, философские школы во всех своих проявлениях; фетишизм, тотемы и табу, магия, колдовство во всех своих проявлениях; ритуальное людоедство в его проявлениях» [5].

Такой подход к определению сущности человека, как это можно видеть на примере итогов работы XIII Международного конгресса философов, происходившего в сентябре 1963 г. в Мексике и специально обсуждавшего проблему человека, типичен для современной буржуазной философии, которая либо отказывается в лице позитивизма от возможности найти объективные критерии для понятия человека (всеобщие определения — это только удобные конвенции, соглашения людей), либо сводит сущность человека к причастности его к божественному. Так, испанский философ-неотомист Муньос Адольфо Алонсо в докладе на XIII конгрессе философов говорил: «Человека определяет не факт его существования, а то, что он направлен к богу, состояние Сарах Dei. Это — онтологическая направленность, стоящая намного выше психологических или этических стремлений [6].

Современная буржуазная философия в понимании сущности и природы человека неспособна подняться даже до уровня Л. Фейербаха. Сведение человека к особому биологическому виду причудливо сочетается в ней с мистификацией человека и его сознания.

Марксизм, как всякий материализм, исходит из того, что субъектом познания и практического действия является человек. Но человека марксизм понимает иначе, чем идеализм и созерцательный материализм. Это новое понимание человека сформулировано К. Марксом уже в «Тезисах о Фейербахе» и дальше развито в «Немецкой идеологии», «Капитале» и других произведениях.

Главное в человеке не то, что он мыслит и познает, хотя и это существенно для него. Само мышление является производным, вторичным, как отмечал еще Фейербах, оно предикат, свойство человека, но не субъект. Это свой-

---

[5] *Веркор.* Люди или животные? Стр. 204.

[6] «Memorias del XIII Congreso Internacional de Filosofia». Volumen primero. Universidad nacional autonoma de México, 1963, vol. 1, p. 63.

Библиотека "Руниверс"

ство вытекает из природы человека. Фейербах пытался это показать, связывая мышление с телесной природой человека, с его плотью и кровью. Однако мышление нельзя понять, если сущность человека видеть в его естестве. Человек — это прежде всего общественное существо. Как писал К. Маркс, «*человек* — не абстрактное, где-то вне мира ютящееся существо. Человек — это *мир человека*, государство, общество» [7].

Это — совершенно новая постановка вопроса, создающая необходимые предпосылки для научного понимания процесса познания. Человек как существо производящее, практически преобразующее явления природы по-иному, чем животные, относится к ней. Он не просто присваивает продукты природы, а изменяет их соответственно своим потребностям. Критикуя Л. Фейербаха, К. Маркс писал: «...Фейербах никогда не добирается до реально существующих деятельных людей, а застревает на абстракции «человек» и ограничивается лишь тем, что признает «действительного, индивидуального, телесного человека» в области чувства...» [8]

Человек — это обобществленное человечество, человеческое общество с определенными орудиями и средствами производства, экономическим строем и формами надстройки. Вне общества нет и не может быть человека. Индивидуум, имеющий все антропологические признаки современного человека, полностью оторванный от человеческого общества, по существу не является человеком. Таким образом, исторически подлинным субъектом выступает человек, но не как отдельно взятый индивидуум, а как общество.

Но у читателя может возникнуть вопрос: почему в таком случае мы говорим о теоремах Пифагора, Геделя, законах Архимеда, Ньютона, теориях Эйнштейна, Павлова, Маркса, Ленина и т. п., если подлинным субъектом мышления и практического действия является не индивидуум, а общество?

Этот вопрос вполне закономерен, но, прежде чем на него ответить, зададим еще один. Почему теорема Геделя была сформулирована в XX в. н. э., а не в VI в. до н. э., когда жил Пифагор, почему теория относитель-

---

[7] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 414.
[8] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 3, стр. 44.

Библиотека "Руниверс"

ности сформулирована в XX в., а не в XVIII и т. п.? Объясняется ли это тем, что Пифагор как личность, индивидуум был менее способен Геделя, а Ньютон — Эйнштейна, или здесь действуют другие причины, не личностного, а общественного порядка? Очевидно, что второе предположение верно, а если так, то понятно, почему подлинным субъектом познания и действия выступает общество, а не отдельный индивидуум.

Объективный идеализм невозможно преодолеть, если сознание рассматривать как продукт деятельности только индивидуума, а не человеческого общества. Сознание само по себе есть продукт общественной деятельности людей. Эту сторону данного вопроса правильно фиксирует объективный идеализм, но в то же время превращает ее в абсолютную независимость сознания от человека. Существуя независимо от того, есть ли на свете Петров, Сидоров и т. п., сознание возможно только тогда, когда имеется человеческое общество [9].

Конечно, когда речь идет об обществе как субъекте, то нельзя его понимать абстрактно. Оно всегда выступает в виде определенной общественно-экономической формации, достигшей той или иной степени зрелости. Общество не может существовать без отдельных людей, мыслящих и производящих, обладающих индивидуальными особенностями. Взаимоотношения между обществом и индивидуумом такие же, как между общим и отдельным вообще. Характеризуя диалектику общего и отдельного, В. И. Ленин писал: «Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) об-

---

[9] Философы, игнорирующие марксистскую постановку вопроса об обществе как субъекте познания, совершенно беспомощны в решении вопроса, что собой представляет так называемое машинное мышление. Так, Патмен на 61-м ежегодном собрании Американской философской ассоциации (Восточное отделение, Бостон, декабрь 1964 г.) в докладе «Роботы: машины или искусственно сотворенная жизнь» поставил вопрос, обладает ли Оскар (имя робота) сознанием. После пространных рассуждений автор пришел к выводу: «В этой работе я сделал обзор ряда неудач, неудач, показывающих, что мы *должны* заявить, что у роботов есть сознание, неудач, показывающих, что мы *должны* заявить об отсутствии сознания у них, неудач, показывающих, что мы *должны* сказать, что мы не можем сказать ни то ни другое определенно. Из этих неудач я сделал вывод о том, что нет правильного ответа на вопрос: есть ли у Оскара сознание?» (*H. Putman.* Robots: Machines or Artificially Created Life? — «The Journal of Philosophy», 1964, vol. LXI, N 21, p. 690).

Библиотека "Руниверс"

щее»[10]. Применительно к субъекту познания это выглядит так: общество как субъект существует лишь в деятельности отдельных людей, вступающих в определенные общественные отношения и обладающих известными орудиями и средствами производства; отдельные индивидуумы только тогда люди, когда они являются обобществившимся человечеством, организованы в общество со своей экономической структурой и т. д. Пифагор, Ньютон, Эйнштейн не могли выйти за пределы своего общества. Поэтому Пифагор и его современники не могли сформулировать одной из важных теорем математической логики, о которой в то время ничего не было известно. Ньютон и его современники не могли стать основоположниками теории относительности, а Эйнштейн не мог предвидеть всех возможных путей дальнейшего развития физики. Каждый из них при всей своей гениальности мог сделать только то, что было возможно на основе имеющейся общественной практики.

В гносеологии субъект берется в безличной форме. Ее не интересует, кто выдвинул данное теоретическое построение и каковы особенности этой личности. Для гносеологии важно содержание знания в его отношении к объективной реальности, процесс и тенденция его развития. Что касается того, кто выдвинул теоретическое положение, то для гносеологии достаточным является утверждение: наука такого-то исторического периода.

Психология в отличие от гносеологии под субъектом подразумевает конкретную историческую личность, изучая влияние этой личности, ее опыта, способностей и т. п. на процесс познания. Здесь и проходит граница между гносеологическим и психологическим подходом к изучению познания.

2. Понятие объекта в созерцательном и диалектическом материализме

Общественный характер носит не только субъект, но и объект познания. Идеализм ставил объект в зависимость от сознания отдельного субъекта или мирового духа. Предшествующий К. Марксу материализм признавал существование объекта независимо от какого-либо созна-

[10] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 318.

Библиотека "Руниверс"

ния, однако он рассматривал его в качестве природного тела, существующего для созерцания. В тезисах о Фейербахе К. Маркс писал: «Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и фейербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно. Отсюда и произошло, что *деятельная* сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой» [11]. Здесь сформулированы и недостатки предшествующего материализма, и пороки идеализма, и сущность нового, марксистского понимания объекта в его взаимоотношении с субъектом.

Предшествующий материализм признание существования объекта независимо от сознания субъекта доводил до изоляции объекта от деятельности субъекта. Предметы материальной действительности существуют сами по себе только в качестве объекта для созерцания. Идеализм, в особенности немецкий классический, развивал идею активности субъекта по отношению к объекту, но деятельность сводил только к творческой роли сознания. Особенно это хорошо видно на примере Фихте, у которого «Я» — сознание создает и полагает «не Я» — природу. Фихте говорил: «Действовать! Действовать! — вот для чего мы существуем». Такой призыв к деятельности подкупал многих. В частности, в одно время В. Г. Белинский тоже считал себя последователем Фихте и видел в его призыве к деятельности такое мировоззрение, которое отвечает потребностям борьбы с крепостничеством в России. Однако Белинский вскоре разочаровался в фихтеанской философии, ибо понял, что деятельность в ней лишена реальной основы, не связана с практической борьбой.

Марксизм, признавая существование предметов внешнего мира независимо от сознания человека, рассматривает их в качестве объектов не созерцания и абстрактно-теоретической деятельности, а чувственно-материальной революционно-практической деятельности субъекта,

---

[11] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 3, стр. 1.

Библиотека "Руниверс"

человеческого общества. Человека интересует не камень, как таковой, а камень как объект для использования его в качестве орудий труда и материала для строительства. На предметы материального мира человек смотрит как на объекты своей чувственно-материальной, практически преобразующей деятельности. Критикуя Л. Фейербаха, К. Маркс в «Немецкой идеологии» писал: «Он не замечает, что окружающий его чувственный мир вовсе не есть некая непосредственно от века данная, всегда равная себе вещь, а что он есть продукт промышленности и общественного состояния... Даже предметы простейшей «чувственной достоверности» даны ему только благодаря общественному развитию, благодаря промышленности и торговым сношениям. Вишневое дерево, подобно почти всем плодовым деревьям, появилось, как известно, в нашем поясе лишь несколько веков тому назад благодаря *торговле*, и, таким образом, оно дано «чувственной достоверности» Фейербаха только *благодаря* этому действию определенного общества в определенное время» [12].

Хорошо, может сказать последователь созерцательного материализма Л. Фейербаха, плодовые деревья являются результатом практической деятельности человека, но, скажем, леса, сибирская тайга и другие дебри, залежи полезных ископаемых существовали до и независимо от промышленной и торговой деятельности человеческого общества. Конечно, существовали, но они стали объектами человеческого познания только благодаря практической деятельности человека. Леса, залежи ископаемых стали для человека чувственной и иной данностью только потому, что они были включены в сферу общественного производства, стали объектами преобразовательной деятельности человека.

Человек живет в той или иной мере в очеловеченном мире, среди предметов и вещей, созданных им в процессе практики. На явления и процессы природы он смотрит только как на объекты своей практической деятельности и в этом смысле субъективно. Человек стремится к тому, чтобы явления и процессы природы приняли необходимые ему формы существования, удовлетворяли его потребности, служили ему.

---

[12] Там же, стр. 42.

Библиотека "Руниверс"

Субъект и объект — соотносительные категории, подобно сущности и явлению, содержанию и форме. Говорить об одной из них, не выявляя отношения к другой, невозможно. В этом смысле вполне допустимо утверждение: нет субъекта без объекта и объекта без субъекта.

Нередко это утверждение жестко связывается с субъективно-идеалистической концепцией, в частности с принципиальной координацией Р. Авенариуса. Разберемся в этой концепции и выясним, в чем состоит ее идеализм. В. И. Ленин следующим образом характеризует ее: «Мир есть мое ощущение; не-*Я* «полагается» (создается, производится) нашим *Я*; вещь неразрывно связана с сознанием; неразрывная координация нашего *Я* и среды есть эмпириокритическая принципиальная координация» [13].

Итак, о чем здесь идет речь. Не о субъекте, а о сознании человека, «Я», не об объекте, а о среде, о внешнем мире, который якобы не может существовать независимо от сознания. По существу рассуждение идет в плане основного вопроса философии, об отношении материи к сознанию. Принципиальная координация — разновидность идеалистического решения этого вопроса, отрицание независимости внешнего мира, природы от сознания человека. Не случайно, опровергая построения Авенариуса, В. И. Ленин ставит вопрос: существовала ли природа до человека? «Мы уже видели, — пишет В. И. Ленин, — что этот вопрос является особенно ядовитым для философии Маха и Авенариуса. Естествознание положительно утверждает, что земля существовала в таком состоянии, когда ни человека, ни вообще какого бы то ни было живого существа на ней не было и быть не могло. Органическая материя есть явление позднейшее, плод продолжительного развития. Значит, не было ощущающей материи, — не было никаких «комплексов ощущений», — никакого *Я*, будто бы «неразрывно» связанного со средой, по учению Авенариуса. Материя есть первичное, мысль, сознание, ощущение — продукт очень высокого развития. Такова материалистическая теория познания, на которой стихийно стоит естествознание» [14].

Чтобы спасти свою концепцию, каким-то образом согласовать ее с данными науки, Авенариус и его последо-

---

[13] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 65.
[14] Там же, стр. 71—72.

Библиотека "Руниверс"

ватели идут на всевозможные уловки, призывают примысливать «центральный член координации» — «Я», признавать его существующим даже тогда, когда его в действительности еще нет.

Таким образом, концепция принципиальной координации неприемлема для марксиста из-за ее идеалистического решения основного вопроса философии, отрицания существования объективной реальности независимо от сознания человека.

Но под субъектом мы подразумеваем не сознание человека, а самого человека и даже человечество, которое не в меньшей мере является объективной реальностью, чем другие явления природы: животные, растения, минералы и т. п. Объект — это не просто любой предмет природы, а предмет, включенный в сферу деятельности человека. Он сам по себе как объективная реальность существует независимо от сознания человека, он становится объектом, вступая во взаимодействие с субъектом. Например, электрон как предмет природы существовал и во времена Демокрита и даже значительно раньше, когда вообще на Земле еще и человека не было, однако в те времена он не был объектом практической и теоретической деятельности субъекта. Обладающий свойством объективной реальности, существующей независимо от сознания, предмет приобретает качество объекта, когда вступает во взаимодействие с субъектом, и только в этом смысле без субъекта нет объекта, а без объекта не может быть и субъекта, поскольку последний мыслим только как активное начало, воздействующее на предметы природы, т. е. объекты. Таким образом, следует различать понятия «объективная реальность» и «объект». Первое охватывает все существующее независимо от нашего сознания, объективная реальность в качестве своей противоположности имеет сознание; второе берет только то из объективной реальности, что на данном этапе развития общества стало предметом теоретической и практической деятельности человека, его противоположностью выступает не сознание, а субъект, превращающий явления и вещи объективной реальности в объект своего действия.

Библиотека "Руниверс"

3. Практическое взаимодействие субъекта и объекта — материальная основа процесса познания

Марксистское понимание категории субъекта и объекта служит исходным пунктом понимания процесса познания. Познание возникает в результате взаимодействия субъекта (человеческого общества) и объекта (явлений, процессов внешнего мира). Это взаимодействие носит материальный характер: и человеческое общество, и явления, процессы природы являются материальными системами. Человек является предметным существом, и он «действует предметным образом» [15]. В процессе взаимодействия этих систем, которое называется трудом, происходит обмен веществ между человеком и природой. «Труд, — пишет К. Маркс, — есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того чтобы присвоить вещество природы в форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в ней силы и подчиняет игру этих сил своей собственной власти» [16].

Труд как форма чувственно-практического взаимодействия субъекта и объекта отличается от всех иных форм материального взаимодействия своей сложностью, она включает в себя все другие формы, начиная от чисто механического (взаимодействие двух тел) и кончая биологическим (взаимоотношение организма и среды), но не сводится ни к одному из них или к их сумме. Это новая, качественно своеобразная и самая высшая форма материального взаимодействия.

Посредством труда происходит прогресс человека и человеческого общества. Животное, как говорил К. Маркс, «производит лишь то, в чем непосредственно

---

[15] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений, стр. 630.
[16] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 188—189.

Библиотека "Руниверс"

нуждается оно само или его детеныш»[17], и под властью непосредственной физиологической потребности оно может производить только себя самого. Человек производит универсально то, чего в природе еще нет. «Животное, — продолжает К. Маркс, — формирует материю только сообразно мерке и потребности того вида, к которому оно принадлежит, тогда как человек умеет производить по меркам любого вида...»[18].

Философы-экзистенциалисты говорят о человеке, заброшенном в чуждый ему, косный внешний мир вещей, процессов природы и общественной жизни. Человеку вовне противостоит мертвый объект со своими стихийными силами, а внутри человека — иррациональные и непонятные силы, по выражению К. Ясперса, «нечто непознаваемое, недоказуемое... нечто ускользающее от научного исследования»[19]. По их мнению, человек — это жалкая песчинка в водовороте стихийных и иррациональных сил. Ему, заброшенному и находящемуся во власти чуждых природных и общественных сил, как думает экзистенциалист Хайдеггер, ничего не остается, как проектировать себя относительно своих возможностей. Человек стоит перед выбором: либо покориться безличному, либо посредством самопроектирования обратиться только к самому себе, освободиться от пут природы и общества и обрести для себя в самом себе свободу.

В действительности же дело обстоит совсем не так. Человеку противостоит объект, но посредством своей деятельности, труда он покоряет его, заставляет служить своим собственным целям. Конечно, человек при этом попадает под власть сил, созданных им же самим, от которых он тоже может освободиться посредством практической деятельности. Но путь к покорению объекта и достижению свободы лежит не в изоляции человека от общества (от других себе подобных), не в погружении в тайны своего «Я», а только в общественной деятельности и через нее.

Практическое взаимодействие субъекта и объекта и труд как его главная, основная форма в качестве одного из своих моментов включают познание объекта. К. Маркс,

---

[17] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Из ранних произведений, стр. 566.
[18] Там же.
[19] *K. Jaspers*. Der philosophische Glaube, S. 57.

Библиотека "Руниверс"

сравнивая действия архитектора и пчелы, писал: «Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю» [20].

Таким образом, познание действительности существует не где-то вне материального взаимодействия, а как сторона практического взаимодействия субъекта и объекта, момент трудовой деятельности человека. В этом и заключается монизм марксистского философского материализма. Вне трудовой, производственной деятельности человека нельзя понять ни необходимости возникновения и развития познания, ни его сущности, ни отношения к объективному миру.

Субъект и объект составляют единство противоположностей. Они едины, поскольку едины природа и общество. Последнее является продолжением, новой качественной ступенью первой. Но они одновременно и противоположны, разнокачественны. Человечество развивается по своим хотя и объективным, но специфическим законам, в обществе действуют люди, наделенные сознанием и волей, в природе — стихийные, слепые силы.

Разрешение противоречий между субъектом и объектом происходит посредством практики, изменения объекта, подчинения его сознательной воле человека. Преобразуя мир, человек как бы утверждает себя в нем. Как писал К. Маркс, «практическое созидание *предметного мира, переработка* неорганической природы есть самоутверждение человека как сознательного родового существа» [21].

Противоречие между субъектом и объектом разрешается и возникает вновь. В процессе практики субъект изменяет объект с тем, чтобы он удовлетворял цели человека. Но человеческое общество само непрерывно разви-

---

[20] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 189.

[21] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений, стр. 566.

Библиотека "Руниверс"

вается, возникают новые потребности и новое практическое отношение к объектам природы Познание — это теоретическая форма разрешения противоречии между субъектом и объектом Познав объект таким, каким он существует, мы еще не овладели практически объектом, не заставили его служить целям человека Однако теоретическое постижение объекта субъектом — необходимая сторона, момент в достижении практического овладения им Поэтому практика служит и основои человеческого познания, и критерием истинности его Процесс познания может быть научно объяснен только исходя из уяснения его места и роли в практическом овладении человеком явлениями внешнего мира

Порожденное взаимодействием субъекта и объекта в процессе общественной практики, познание с самого начала своего возникновения носит общественный характер Это прежде всего вытекает из природы субъекта, в качестве которого выступает само общество Как отмечал К Маркс, «человек — не только природное существо, он есть *человеческое* природное существо» [22]

Но может возникнуть такое представление субъект носит общественный характер, а объект — природный Поскольку познание возникает в результате взаимодеиствия субъекта и объекта, то оно не только общественно, но и природно

Конечно, без природы нет никакого познания, как, впрочем, вне природы вообще ничего нет Больше того, человек тоже продукт развития природы и связан с ней Но даже объект в процессе познания приобретает общественное содержание « Человек, — писал К Маркс, — не теряет самого себя в своем предмете лишь в том случае, если этот предмет становится для него *человеческим* предметом, или опредмеченным человеком Это возможно лишь тогда, когда этот предмет становится для него *общественным* предметом, сам он становится для себя общественным существом, а общество становится для него сущностью в данном предмете» [23]

Иными словами, в предмете природы человек ищет то, что ему нужно для удовлетворения своих общественных потребностей, явление природы в процессе практи-

---

[22] Там же, стр 632
[23] Там же, стр 593

Библиотека "Руниверс"

ческой деятельности включается в общественное производство, и таким оно входит в содержание познания, а «*природа*, взятая абстрактно, изолированно, фиксированная в оторванности от человека, есть для человека *ничто*» [24]

Познание общественно не в том смысле, что природа не занимает никакого места в нем Без природы невозможны ни труд, ни познание Но сама природа не порождает познания и не нуждается в нем, она сама включается в общественное производство как объект действия и познания

Понять сущность познания можно, только установив его место в функционировании общества, в процессе преобразования природы человеком Познание — это духовное производство, продуктом которого в отличие от материального являются не вещи, а идеи, причем духовное производство (идей, представлений, сознания) первоначально и не отделялось от материального, а непосредственно включалось в его ткань

4. Опредмечивание и отчуждение

Диалектика субъекта и объекта включает в себя два таких явления, как опредмечивание и отчуждение, которые нередко, но ошибочно отождествляются Выявление содержания этих понятий имеет большое значение для понимания процесса познания

В процессе труда предметы природы превращаются в орудия деятельности человека Все большее число предметов входит в сферу деятельности человека, включается в общественное производство Но это одна сторона взаимодействия субъекта и объекта, которую можно назвать субъективизацией предметов природы.

Но одновременно происходит и другой, противоположный процесс — опредмечивание продуктов духовной деятельности человека, превращение их в предметный мир, противостоящий субъекту в качестве объективной реальности Идеи человека, чтобы оказывать влияние на материальное производство, должны быть материализованы при помощи практической деятельности, принять форму предмета (орудия труда и т п)

---

[24] Там же, стр 640

Библиотека "Руниверс"

Таким образом, предмет превращается в орудие человека, а продукт деятельности последнего опредмечивается, становится объективной реальностью, независимой от сознания и воли человека.

Продукты сознательной практической деятельности людей могут не только превращаться в независимую и самостоятельную объективную реальность, но и становиться враждебной и чуждой им силой. Человек вместо того, чтобы господствовать над продуктами своей деятельности, сам попадает под их власть. Так возникло понятие об отчуждении как особой форме опредмечивания продуктов сознания.

Понятие «отчуждение», выдвинутое в философии давно [25], в настоящее время широко используется всеми направлениями современной философии.

Почему категория отчуждения так привлекает буржуазных философов? Ответ прост: на неясности, неопределенности этого понятия кое-кто хочет нажить некоторый капитал в борьбе с марксизмом и коммунизмом. Дело заключается в том, что понятие отчуждения можно понимать очень широко, как всякое опредмечивание сознания, объективацию мысли, превращение идеального в объективную реальность. А с таким отчуждением мы будем встречаться всегда, поскольку в процессе деятельности человека продукты его сознания приобретают объективное значение, независимое от сознания и воли субъекта.

С таким широким пониманием отчуждения мы сталкиваемся у Гегеля, у которого эта категория занимает существенное место в построении и развитии всей философской системы. С точки зрения Гегеля, истинным бытием обладает лишь дух. «Лишь духовное, — писал он, — есть то, что *действительно*» [26]. Но из духовной субстанции он должен вывести предмет, что достигается путем введения понятия раздвоения сознания на противоположности: сознание как таковое и сознание как предмет (опредмеченное сознание). На этой основе в системе Гегеля и происходит переход от абсолютной идеи к природе. Идея, гово-

---

[25] Формирование понятия отчуждения в истории философии проанализировано в статье И. С. Нарского «Об историко-философском развитии понятия «отчуждение»». — «Философские науки», 1963, № 4.

[26] *Гегель.* Соч., т. IV. М., 1959, стр. 12.

Библиотека "Руниверс"

рит он, «*решается из самое себя* свободно *отпустить* себя в качестве *природы*» [27]. Природа — это идея в форме инобытия, погружение идеи в неполную, чуждую сферу.

Но потом дух, обогащенный в природе новыми определениями, возвращается к самому себе. «*Для нас* дух, — пишет Гегель в «Философии духа», — имеет своей *предпосылкой природу*, он является ее и *истиной*, и тем самым *абсолютно первым* в отношении ее. В этой истине природа исчезла, и дух обнаружился в ней как идея, достигшая своего для-себя-бытия — как идея, *объект* которой, так же как и ее *субъект*, есть *понятие*. Это тождество есть *абсолютная отрицательность*, ибо в природе понятие обладает своей полной внешней объективностью, однако это его отчуждение в нем же и снято, и само оно в этом отчуждении оказывается ставшим тождественным с самим собой. Тем самым оно есть это тождество только как возвращение к себе из природы» [28].

В «Философии природы», рисуя этот процесс возвращения духа к самому себе, Гегель употребляет такие термины, как умерщвление природой самой себя, прорыв непосредственности, чувственности, «сжечь себя, как феникс, чтобы, омолодившись, выйти из этого внешнего бытия в виде духа» [29].

Понятия «опредмечивание» и «распредмечивание», «отчуждение» и «снятие его» рассматриваются Гегелем не только в плане развития духа вообще (переход к природе и возвращение к самому себе), но и относительно движения человеческого сознания — как опредмечивание человеческого духа. Здесь Гегель подошел к пониманию роли труда во всей деятельности человека. К. Маркс писал: «Гегель рассматривает самопорождение человека как процесс, рассматривает опредмечивание как распредмечивание, как самоотчуждение и снятие этого самоотчуждения... он, стало быть, ухватывает сущность *труда*...» [30]

Понимание Гегелем отчуждения имеет много различных сторон и аспектов. Для нас в данном случае важно

---

[27] *Гегель.* Соч., т. I. М.—Л., 1929, стр. 344.
[28] *Гегель.* Соч., т. III. М., 1956, стр. 32.
[29] *Гегель.* Соч., т. II. М.—Л., 1934, стр. 548.
[30] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений, стр. 627.

Библиотека "Руниверс"

отметить следующие моменты: 1) Гегель часто отождествлял опредмечивание и отчуждение, рассматривая их не как нечто отрицательное, а как необходимый момент движения духа; 2) выдвигая понятие опредмечивания и отчуждения, он подошел к уяснению сущности и роли труда в становлении предметного мира, в частности общественной природы трудовой деятельности человека. Однако идеализм Гегеля помешал ему и здесь. Труд у него — абстрактно-духовная деятельность, упразднение отчуждения означает для него и лишение «*предметности,* т. е. человек рассматривается как *непредметное, спиритуалистическое* существо» [31].

Л. Фейербах понимал отчуждение весьма узко (отчуждение в сфере сознания). Продукты сознания, превращаясь в иллюзию, начинают господствовать над самим человеком. Так происходит в религии, а также в идеалистической философии, в частности в гегелевской. Здесь уже отчуждение не только не отождествляется с опредмечиванием, но даже не связывается с ним, и в этом состоит одна из слабостей Л. Фейербаха в понимании отчуждения.

Категория отчуждения привлекала внимание и К. Маркса. Определенные круги в буржуазной философии пытаются отождествлять понимание отчуждения Марксом с гегелевской трактовкой. В действительности же Маркс вложил свое содержание в категорию отчуждения, отличное от гегелевского и фейербаховского.

В то время как Фейербах знал только один вид отчуждения — превращение продуктов человеческого сознания в самостоятельную по отношению к человеку силу, К. Маркс показал, что это не только не единственная, но и не главная его форма. Отчуждение в сфере сознания вытекает из отчуждения в сфере политики и экономики. Причем К. Маркс, стремясь понять корни отчуждения в сфере сознания, шел сначала к политике, а потом к экономике. В «Критике гегелевской философии права», написанной еще в 1843 г., К. Маркс ближайшую задачу философии видел «в том, чтобы разоблачить самоотчуждение в его *несвященных образах*» [32]. А для этого критика неба должна превратиться в критику зем-

---

[31] Там же, стр. 628.

[32] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 415.

Библиотека "Руниверс"

ных отношений, «*критика религии* — в *критику права, критика теологии* — в *критику политики*» [33].

Выясняя истоки отчуждения в праве и политике, К. Маркс в своих последующих трудах обращается к анализу экономических отношений, в частности к отчуждению труда в условиях капитализма, которое возникает не вследствие самой природы труда, материализации, опредмечивания деятельности человека, а на основе господства частной собственности, превращения рабочей силы в товар. В этих условиях продукты труда приобретают отчужденный характер, господствуют над производителем (человеком). Продукт труда человека отделяется от производителя, который не властвует над ним, «опредмечивание выступает как *утрата предмета и закабаление предметом*... чем больше рабочий выматывает себя на работе, тем могущественнее становится чужой для него предметный мир, создаваемый им самим против самого себя...» [34].

Как показал К. Маркс уже в последующих произведениях, в частности в «Капитале», это превращение продукта труда в самостоятельную, чуждую человеку силу приводит к тому, что отношения между людьми принимают вещный характер: в обществе утверждается «товарный фетишизм». «Чтобы найти аналогию этому, — пишет К. Маркс, — нам пришлось бы забраться в туманные области религиозного мира. Здесь продукты человеческого мозга представляются самостоятельными существами, одаренными собственной жизнью, стоящими в определенных отношениях с людьми и друг с другом. То же самое происходит в мире товаров с продуктами человеческих рук. Это я называю фетишизмом, который присущ продуктам труда, коль скоро они производятся как товары, и который, следовательно, неотделим от товарного производства» [35].

На основе отчуждения труда [36], которое в наиболее полной форме проявляется в капиталистическом обще-

---

[33] Там же.

[34] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Из ранних произведений, стр. 561.

[35] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 82.

[36] Подробно сущность понимания К. Марксом отчуждения труда в нашей литературе проанализирована Ю. Н. Давыдовым (*Ю. Н. Давыдов*. Труд и свобода. М., 1962).

Библиотека "Руниверс"

стве, возникают и другие формы отчуждения — в политике, праве, искусстве, в сфере сознания и т. п.

Таким образом, К. Маркс в отличие от Гегеля строго различал опредмечивание и отчуждение. Второе — особого рода опредмечивание, которое возникает в условиях господства частной собственности, и особенно при капитализме. Основой его является отчуждение труда.

Расширительно истолковывая отчуждение — как всякое опредмечивание, буржуазные философы преследуют две цели: 1) отождествляют философию марксизма с гегельянством; 2) хотят доказать, что всякое отчуждение вечно, в том числе и отчуждение труда, и что социализм и коммунизм в этом отношении ничем в принципе не отличаются от капитализма. Марксисты разоблачают эту фальсификацию, доказывая, что марксистское понимание отчуждения существенно отличается от гегелевского, а коммунистическая формация — от капиталистической, и именно тем, что постепенно уничтожает отчуждение труда и все другие формы отчуждения, вырастающие из него.

Необходимо отметить, что категории опредмечивания и отчуждения выполняют различные функции в философии.

Опредмечивание помогает понять сущность практики, поскольку последняя как форма чувственно-материальной деятельности человека включает в себя овеществление сознания, в ней идея принимает форму объективной реальности, доступной чувствам человека, например: в произведенном тракторе мысли человека приняли вещную форму. Идеализм использует опредмечивание, составляющее момент практики, для доказательства, что идея предшествует вещи, которая возникает в результате опредмечивания сознания. Да, в процессе производства человек идею вещи в голове имеет раньше, чем готовую вещь в руках, но это еще ничего не значит для решения основного вопроса философии. Ведь идея вещи предшествует не вообще всем вещам как объективной реальности, а только одной конкретной форме ее, возникающей в результате практической деятельности. Основной вопрос философии касается не одного какого-то конкретного момента взаимоотношения между сознанием человека и вещью, создаваемой им, а взаимоотношения материи и сознания вообще: может ли существовать сознание

Библиотека "Руниверс"

вне и независимо от материи, или оно всегда выступает свойством и продуктом материи. Идея человека, которая опредмечивается в процессе труда, сама является отражением других вещей и возникает на базе опредмеченных общественных, материальных отношений.

Подмена основного вопроса философии конкретным отношением между идеей и производимой вещью в процессе труда характерна для многих современных критиков диалектического материализма. Так, Г. Веттер усматривает вопиющее противоречие между диалектическим материализмом и материалистическим пониманием истории. Материализм, рассуждает он, исходит из утверждения, что бытие, материя, существует независимо от сознания, а в историческом материализме речь идет не о бытии природы, а об общественном бытии, о производственном процессе, который обязательно включает в себя сознание и без сознательной деятельности людей неосуществим. Получается, что материалистическое понимание истории и философский материализм необходимо не связаны между собой. «...Можно было бы, — пишет Веттер, — вполне стоять на почве «исторического материализма», хотя и отвергать ту систему мышления, с которой мы познакомились в первой части как с «диалектическим материализмом»» [37].

Больше того, Веттер хочет доказать, что материалистическое понимание истории предполагает примат духа и, таким образом, не содержит ничего от исторического «материализма». Доказывается это довольно просто и для не искушенного в философии человека убедительно. Согласно материалистическому пониманию истории, рассуждает наш критик, общественная жизнь в конечном счете определяется способом производства, а последний включает в себя взаимодействие орудий труда и людей, причем главной производительной силой считаются люди, которые обладают сознанием. Значит, в конечном счете все определяется сознанием людей и от материализма ничего не остается.

Внимательный анализ этих рассуждений Веттера показывает, что они покоятся на искажении сущности основного вопроса философии вообще и применительно

---

[37] *G. A. Wetter.* Sowjetideologie Heute. Frankfurt am Main, 1962, S. 190.

Библиотека "Руниверс"

к обществу в особенности. Когда речь идет об обществе, то нельзя ставить вопрос о существовании общества и его развитии без всякого вмешательства сознания. Раз общество немыслимо без людей, то само собой разумеется, что в нем всегда имеется сознательная деятельность людей. Но если проанализировать саму общественную жизнь, выделив в ней, с одной стороны, материальные отношения, а с другой — различные формы общественного сознания, и если поставить вопрос об их взаимоотношении, то трудно не увидеть, что формы сознания являются отражением материальной жизни общества и порождаются ею, и этим решается вопрос в пользу материалистического понимания общества.

Опредмечивание является необходимым элементом практической деятельности человека. Движение от одной вещи к другой в процессе труда включает в себя познание, создание идеальных образов вещей и их опредмечивание.

Другое значение имеет категория отчуждения, которая, конечно, связана с опредмечиванием, но к нему не сводится. И. С. Нарский правильно в ранее отмеченной нами статье полагает, что отчуждение — категория исторического материализма и безудержное применение ее приводит к ошибкам. Она выражает особого рода опредмечивание, происходящее в условиях господства частной собственности, в частности при превращении самой рабочей силы в товар. Но она не лишена гносеологического содержания познания, в частности помогает понять процесс превращения познания в идеологию, превратно истолковывающую явления действительности.

Откуда берется такое иллюзорное, фантастическое отображение действительности? «Если во всей идеологии люди и их отношения, — пишет К. Маркс, — оказываются поставленными на голову, словно в камере-обскуре, то и это явление точно так же проистекает из исторического процесса их жизни»[38]. Позитивное познание заменяется спекулятивным мышлением, действительное знание — фразами о сознании вследствие того, что экономическое и политическое отчуждение, существующее в классовом обществе, порождает отчуждение в сфере сознания. При отчуждении познание не выходит

[38] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 3, стр. 25.

Библиотека "Руниверс"

в объективный мир, а замыкается в самом себе, движется в ранее приобретенном и скудном содержании, за которое оно держится в интересах социальных групп, занимающих господствующее положение в обществе. Таким образом, за истину выдается иллюзия.

Ликвидация экономического и политического отчуждения ведет к уничтожению отчуждения в сфере сознания, т. е. к замене идеологии как превратного понимания мира научным познанием. «Там, — пишет К. Маркс, — где прекращается спекулятивное мышление, — перед лицом действительной жизни, — там как раз и начинается действительная положительная наука, изображение практической деятельности, практического процесса развития людей» [39].

Отчуждение в сфере сознания — это шоры на глазах реального процесса познания, направленного на постижение объективной реальности такой, какой она является независимо от всякого сознания и идеологии. Ликвидация отчуждения труда в процессе строительства социализма и коммунизма освобождает процесс познания от этого тормоза.

5. Человек и машина как гносеологическая проблема

Диалектика субъекта и объекта, переход опредмечивания в отчуждение могут быть показаны на примере взаимоотношения человека и машины.

С некоторых пор, после возникновения новой науки — кибернетики и создания на ее основе специфического типа машин — электронно-вычислительных, проблема человека и машины стала не только социологической, но и теоретико-познавательной. Может ли машина заменить вообще человека, сделать ненужным его разум, волю и чувства? Существует ли реальная угроза замены человечества и общества ассоциацией машин и т. п.? Вот вопросы, которые стали волновать самые широкие круги людей. Высказываются разные точки зрения, приводятся аргументы в их защиту.

Возникшей вокруг кибернетики ситуацией не замедлили воспользоваться буржуазные идеологи, которые пытаются найти в ней обоснование своим философским,

[39] Там же, стр. 26.

Библиотека "Руниверс"

социологическим и политическим идеям. По-своему истолковывая данные кибернетики, буржуазная философия оживляет механицизм, причудливо сочетаемый с идеализмом и мистикой, вселяет в человечество неуверенность в своем будущем, порождает страх перед успехами технического прогресса и развитием цивилизации. На здоровом теле кибернетики паразитируют самые безудержные идеалистические и вульгарно-материалистические спекуляции.

Борясь против идеалистических философских спекуляций вокруг кибернетики, философам-марксистам необходимо положительно разрабатывать проблемы, которые ставит кибернетика перед диалектическим материализмом. Каждое крупное открытие в науке порождает новые философские вопросы. Одной из таких проблем, поставленных кибернетикой перед философией, является более детальный гносеологический анализ взаимоотношения человека и машины.

Типичным для рассуждений, которыми наполняются буржуазные трактаты по философским вопросам кибернетики, является метафизическое противопоставление человека машине. На этом противопоставлении строятся все их гносеологические и социологические выводы. Материалистическая диалектика не может остановиться на том, чтобы на одну сторону поставить человека, а на другую — машину и представить их двумя враждебными, чуждыми друг другу силами. Взаимоотношение между человеком и машиной не укладывается в рамки такого метафизического противопоставления.

Изолируя человека от общества, нельзя вскрыть отношение человека к технике вообще и к машине в особенности. Это отношение носит общественный характер. Оно возникло с момента появления человека, т. е. человеческого общества.

Некоторые мыслители XVII—XVIII столетий сближали человека и машину. Выдвигая тезис, что человек является машиной, французский материалист Жюльен Офре де Ламетри в произведении «Человек — машина» (1747 г.) писал: «Человек — такая сложная машина, что невозможно сразу составить себе ясное представление о ней и, след , определить ее» [40].

---

[40] *Де Ламетри.* Человек — машина. СПб., 1911, стр. 61.

Библиотека "Руниверс"

Причём, по мнению Ламетри, машиной, заводящейся сама собой, является не только тело человека, но и его душа. «Мы мыслим и даже честными людьми бываем постольку, поскольку веселы или довольны: все зависит от того, как заведена наша машина» [41].

Этот взгляд на человека был прогрессивным для своего времени, поскольку проводил материализм: человек — такая же вещественная сущность, как и машина, и его деятельность подчинена объективным, природным закономерностям. Пафос рассуждений Ламетри направлен против религиозно-спиритуалистических воззрений на человека, присущих религии, схоластике и метафизике XVII в., отрывающей человека от природы, наделяющей его сверхъестественными силами. Однако возрождение взглядов, подобных взглядам Ламетри, сейчас является шагом не вперед, а назад, к механистическому материализму. К сожалению, рассуждения, напоминающие ход мыслей Ламетри, в наше время не являются редкостью. Правда, теперь говорят о человеке как машине, не заведенной по принципу часов, а запрограммированной по типу электронно-вычислительного устройства. Но это не меняет дела.

В чем же неправильность представлений о человеке как определенным образом организованной машине? Разве нет общего между человеком и машиной? Конечно, утверждение «Человек — машина» имеет рациональный смысл, но столь же верным является и диаметрально противоположный тезис: «Человек — совсем не машина». И оба тезиса можно доказать, приводя соответствующие аргументы. Но дело заключается не в том, чтобы установить единство человека и машины или их противоположность, а в том, чтобы выяснить, на какой основе возникает это их единство и противоположность.

Мыслители XVII и XVIII вв. полагали, что человек является машиной, поскольку он, как и машина, обладает природной субстанцией. Через посредство машины они связывали человека с природой. В этом была их сила в борьбе со спиритуализмом. Но здесь же была и их слабость, ибо ни человек, ни машина не даны, как таковые, природой, они в одинаковой степени являются продуктом

[41] Там же, стр. 67.

Библиотека "Руниверс"

общественного развития; в природе нет машин, а есть вещи, машина возникает в результате опредмечивания продуктов человеческой деятельности, в частности сознания.

Небезынтересен в связи с этим такой факт: в XVII и XVIII столетиях человека отождествляли с простыми механизмами вроде рычагов, часов и т. п., в XIX в — с паровой машиной, а сейчас — со сложной электронно-вычислительной. Это означает, что человек приравнивает каждый раз себя к такой машине, которую он может создать, причем, чем более зрел сам человек и человеческое общество, тем сложнее машина, к которой он себя приравнивает. Поскольку нет предела развитию человека, то будут возникать все новые и новые машины, к которым может приравниваться человек. Всякая новая машина раскрывает и новую сторону в сущности человека. Поэтому с каждой новой машиной увеличивается не только тождество между ней и человеком, но и растет их принципиальное различие, противоположность; человек становится столь богатым по содержанию, что ни одна из самых сложных машин, ни их совокупность не исчерпывают его сущности.

И здесь мы приходим к другому утверждению, которое не могло быть замечено механистическим материализмом: человек в такой мере является машиной, в какой машина является человеком. В этом кроется и тождество и противоположность между ними. Машина — это зеркало человека, в ней отражена и определена его сущность на данном этапе развития. Машина есть материальный продукт человеческой деятельности, и в этом кроется сущность их единства и противоположности. Связь между ними носит не природный, а общественно-исторический характер.

Любая машина относится к орудиям труда человека, является продолжением и усилением его естественных органов: ног, рук, органов слуха, мозга и т. п. В процессе создания орудий труда предметы природы становятся придатком человека, его искусственными органами. Без орудий труда — этих искусственных костных, мускульных и нервных систем — не может быть человека. Археолог, обнаружив при раскопках орудия труда, делает выводы о ступени развития человека. При этом он исходит из того, что человек определяется не биологической при-

Библиотека "Руниверс"

родой, а его миром, в котором орудия труда занимают центральное место.

Характерным для современного человека является широкое использование в качестве орудий труда различных машин, т. е. механизмов или сочетания механизмов, которые осуществляют определенные целесообразные движения для производства работы или преобразования энергии. Существование человека на современном уровне цивилизации невозможно без машин, которые внедряются в самые различные области человеческой деятельности.

Появление электронно-вычислительных машин и других кибернетических устройств означает новую эпоху в развитии машинизации человеческой деятельности, а именно создание реальных условий для широкого внедрения машин в умственный труд человека.

Единство человека и машины состоит не только в том, что последняя является орудием человеческой деятельности. В машине материализованы знания и опыт человека. И это относится не только к сложным кибернетическим машинам, но и к любым другим. В подготовительных работах к «Капиталу», относящихся к 1857—1858 гг., К. Маркс писал: «Природа не строит ни машин, ни локомотивов, ни железных дорог, ни электрического телеграфа, ни сельфакторов, и т. д. Все это — продукты человеческого труда, природный материал, превращенный в органы человеческой воли, властвующей над природой, или человеческой деятельности в природе. Все это — *созданные человеческой рукой органы человеческого мозга*, овеществленная сила знания»[42].

Мы говорим, что машина осуществляет определенные целесообразные движения. Но откуда эта целесообразность? Конечно, не от природы (в природе нет целей), а от человека, от человеческого общества. Действия машины целесообразны, когда они включены в определенные производственные процессы человека. Вне их они бесцельны, беспредметны. Экскаватор производит целесообразные движения, когда используется человеком в землеройных работах. Но если бы его, скажем, пустили для охоты за птицами в лесу, то от его целесообразности не осталось бы и следа.

---

[42] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 46, ч. II, стр. 215.

Библиотека "Руниверс"

К. Маркс очень точно и образно определил машины как продукты человеческой деятельности, природный материал, в котором овеществлены мысль и воля человека.

Орудия труда и машины в различной степени материализуют знания и опыт человека. Если сравнить какое-либо примитивное орудие труда и современную технику, то в первом еще очень мало от человека, в нем овеществляется довольно простая идея, а потому и само орудие (скажем, каменный топор или зубило) примитивно. Современная же сложная машина построена на основе глубоких научных идей и теорий, в ней человек реализует свои цели. Он стремится заменить машиной те функции, которые ему самому приходится выполнять.

Таким образом, человек и машина составляют диалектическое единство противоположностей. Они едины: человек не может осуществлять свою практическую деятельность без орудий труда, в частности без машин, которые являются его искусственными органами, а машина не может возникнуть и действовать без человека. В ней овеществлена цель и мысль человека. Машина является машиной, производящей целесообразные движения, если она включена в человеческий производственный процесс. Но человек и машина не только едины, но и противоположны. Идеи человека в машине материализованы, приобрели форму объективной реальности, существующей вне и независимо от сознания людей.

Создание машин — это один из примеров опредмечивания продуктов сознания человека в процессе производственной деятельности. Субъективная человеческая деятельность, идеальные формы, цели и стремления превращаются благодаря практической деятельности в объективную, уже от человеческого сознания независимую реальность. В машине уже нет идей, как таковых, они угасли в ней, превратившись в новые материальные формы. «Итак, — писал К. Маркс, — в процессе труда деятельность человека при помощи средства труда вызывает заранее намеченное изменение предмета труда. Процесс угасает в продукте... Труд соединился с предметом труда. Труд овеществлен в предмете, а предмет обработан. То, что на стороне рабочего проявлялось в форме деятельности [Unruhe], теперь на стороне продукта

Библиотека "Руниверс"

выступает в форме покоящегося свойства [ruhende Eigenschaft], в форме бытия» [43].

Когда речь идет об овеществлении труда, о превращении субъективной деятельности в объективную реальность, в форму бытия, то имеется в виду не только физическая, но и главным образом умственная деятельность, ее овеществление.

Машина в гносеологическом отношении противостоит человеку и его сознанию; порожденная человеком, она приобретает относительную самостоятельность в своих действиях и движениях, независимость в своем бытии, причем эта независимость машины по отношению к человеку возрастает вместе с техническим прогрессом.

Примитивный каменный топор действует только в руках человека; современная сложная машина, будучи запущенной человеком, может производить необходимые действия и без непосредственного вмешательства человека. Относительная самостоятельность машины по отношению к человеку может приводить к различным последствиям в зависимости от характера общественных отношений, в которых создаются машины.

Ленинское положение, что диалектика включает в себя тождество противоположностей, их переход при определенных условиях друг в друга, можно проиллюстрировать на примере человека и машины. Создавая машину, человек, с одной стороны, природный материал превращает в орган человека, в свое орудие, с другой стороны, свои собственные идеи, цели отделяет от себя, превращает в реальность, существующую независимо от его сознания. В машине и объект переходит в субъект и субъект объективируется.

Знание диалектики взаимоотношения человека и машины является одной из предпосылок для разрешения философских проблем, поставленных ходом развития кибернетики.

Прежде всего можно понять, каким образом возникают идеалистические спекуляции вокруг кибернетики, вскрыть гносеологический источник представлений о господстве машин над человеком, о существовании машин-

---

[43] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 191—192.

Библиотека "Руниверс"

ного общества. Подобно тому как идеализм вообще отрывает продукт человеческой деятельности — мышление от его субъекта (человека), мистифицирует его, представляет самостоятельной и независимой от человека реальностью, такой же фокус проделывают современные буржуазные идеологи с машинами. Машина как результат деятельности человека, овеществленная его мысль и цель, отделяется от своего творца и создателя, мистифицируется, превращается в самостоятельную субстанцию, чуждую человеку силу, в особый мир (правда, не идеальный, а машинный). Это превратное толкование отношения машины к человеку используется буржуазной идеологией для мрачных прогнозов жизни людей в будущем. Машина — это опредмечивание человеческой сущности, а оно, как известно, в определенных условиях превращается в отчуждение. Машинный фетишизм — это разновидность товарного фетишизма. Фетишизация машины приводит к тому, что иногда машину представляют подлинным субъектом мышления и практической деятельности, более совершенным, чем породившее ее человеческое общество. Так и возникают сенсационные утверждения о мыслящих машинах и машинном обществе.

Отчуждение машины, свойственное определенным социальным условиям, часто в буржуазной философии абсолютизируется, превращается в сущность машины вообще, поэтому и возникают так называемые антимашинные, антитехнические тенденции, характерные для экзистенциалистских, неотомистских и т. п. кругов, которые «ставят машины к ответу» за все язвы современного капиталистического общества. Так, мексиканский философ Ф. Ларройо в докладе на XIII Международном философском конгрессе говорил: «...техника, изменяя человеческий труд, изменяет и самого человека. Человек создал технику, и, как это обычно бывает, он уже не может избежать ее влияния. Но техника — это ненадежная возможность, одновременно надежда и опасность; с одной стороны, признак благосостояния и счастья, а с другой — война и конфликт. Есть ли в технике нечто демоническое, т. е. нечто такое, что человек создал и чего бы он на самом деле не хотел; нечто неземное и скрытое от его взгляда, что сейчас отделяет его от самых высоких благ культуры?..

Библиотека "Руниверс"

Решение не может, не должно благоухать оптимизмом»[44].

Развитие машинной техники совершенно правильно связывается с прогрессом разума человека. Отсюда антитехницизм современных буржуазных философов неминуемо перерастает в иррационализм, в принижение разума. Правда, все это делается под флагом гуманизма, защиты человека и священно-человеческого от натиска мертвой и грозной машины, способной поглотить индивидуум.

Так, Габриэль Марсель, французский экзистенциалист католического толка, в своем докладе на XIII Международном конгрессе философов «Экзистенциальный аспект человеческого достоинства» говорил: «Сегодня мы видим, как у нас на глазах учреждается практический антропоцентризм, основанный на абсолютной гегемонии техники. Он состоит в утверждении в качестве неопровержимой очевидности того, что только человеческий разум способен внести значимость в мир, который, будучи взят сам по себе, не только не обладает каким-либо значением, но его необходимо трактовать как род первоматерии, на которую человек накладывает печать своего гения...

Акосмизм с центром тяжести на техническом разуме не может, как мне кажется, какими бы ни были более или менее удачные маскировки его последователей, не привести к пренебрежительному отношению к индивиду, трактуемому в качестве ничтожного исполнителя, сознательного или бессознательного, вольного или невольного, проекта, задуманного технократом»[45].

Вместо того чтобы вскрыть действительные причины отчуждения машины в обществе и указать средство преодоления его, буржуазные философы встают на путь доказательства извечной вражды между человеком и машиной, являющейся продуктом разума и практической деятельности самого человека. Они призывают к моральному самосовершенствованию человека, к сохранению таинственного в нем как единственному способу защиты от всепоглощающей машинной техники. Но этот путь иллюзорен: свободы человек достигает, не игнорируя тех-

---

[44] «Memorias del XIII Congreso Internacional de Filosofía», vol 1, p. 171.

[45] Там же, стр. 13—14.

Библиотека "Руниверс"

нику, в частности машины, а разумно используя ее, создавая общество, свободное от всех форм отчуждения, в том числе и отчуждения машины.

Результатом непонимания причин враждебности машины человеку и путей его снятия является рассуждение о границах, пределах развития машин, имеющее место в мировой литературе. По этому вопросу высказываются различные мнения, выступают люди самых разных мировоззрений. Например, Поль Косса, известный французский невролог, в книге «Кибернетика. «От человеческого мозга к мозгу искусственному»» подробно перечисляет, чего не может, не способна сделать машина: 1) «не может выйти из рамок предопределения»; 2) «не способна обучаться»; 3) «не может осуществлять критическую функцию»; 4) «не может переходить от конкретного к абстрактному»; 5) не способна изобретать[46] и т. п. При этом, как неотомист, он исходит из примата Разума.

К сожалению, некоторые философы-марксисты также были вовлечены в споры о границах кибернетических машин и, исходя из материалистических позиций, из примата человека, ставят какие-то пределы развитию кибернетических устройств. Но этим самым они не приносят пользы ни марксистской философии, ни кибернетике, вступая в противоречие с действительностью. Не успеют некоторые рьяные сторонники «границ» для машин указать на какой-либо предел, как наука и техника создают новые машины, которые переступили этот предел. Говорят, что машина не может обучаться, но сейчас и теоретически и практически ставится и решается вопрос о самообучающихся машинах. В таком случае философия из науки, которая должна открывать перспективы развития мышления и техники человека, превращается в какое-то орудие ограничивания их прогресса. Это совсем не свойственно марксистско-ленинской философии.

Почему постановка вопроса о границах, пределах кибернетических машин является неправильной? Дело тут заключается в том, что, ставя какие-то границы машине, мы по существу ставим эти пределы человеку, развитию его мышления и техники. Ведь машина является продуктом деятельности человека и его орудием, остановить

---

[46] См. *П. Косса.* Кибернетика. «От человеческого мозга к мозгу искусственному». М., 1958, стр. 111—115.

Библиотека "Руниверс"

прогресс машин — это значит остановить развитие человечества. Казалось бы, что, ставя границы машине, мы хотим возвысить человека, но в действительности мы принижаем его разум и производственную мощь. Рассуждая о границах, пределах машин, мы тем самым отрываем их от человека, превращаем в самостоятельную силу, способную к саморазвитию. А это и служит исходной посылкой рассуждений буржуазных философов.

Кибернетические машины, как и любые другие, не имеют пределов, границ своего развития. Как орудие человеческой деятельности, они будут вторгаться в самые различные ее сферы. Человек по возможности все большее число своих функций в физическом и умственном труде будет передавать машине, что, несомненно, увеличит его власть над силами природы и общества.

Где и как будут применяться машины — это вопрос не философии, а конкретных наук и практики. По мере развития человеческого общества, науки и техники возникнут машины, выполняющие такие функции, которые сейчас, кажется, присущи только естественным органам человека. Например, много лет тому назад люди не предполагали, что машина может переводить с одного языка на другой или решать сложные математические уравнения. Теперь мы живые свидетели этого.

Задача философа состоит не в том, чтобы ставить какие-то пределы развитию машин, а в том, чтобы объяснять их действительное место в общественной жизни людей. Машина — продукт и орудие человека, и ничем иным она быть не может, иначе она перестанет быть машиной. Нельзя не присоединиться к очень верной мысли академика В. М. Глушкова, что «во всяком реально существующем и развивающемся человеческом обществе все созданное руками человека, в том числе и самые совершенные автоматы, является не более чем орудиями производства и не может быть в социальном плане равнозначным человеку» [47].

Как орудие человека машина будет непрерывно совершенствоваться. Машинный фетишизм не должен заслонять машинами (и их отношениями) человека с его общественными отношениями. Если быть абсолютно точ-

---

[47] *В. М. Глушков.* Гносеологическая природа информационного моделирования. — «Вопросы философии», 1963, № 10, стр. 17.

Библиотека "Руниверс"

ным в выражениях, то не машина переводит с одного языка на другой или решает сложные уравнения, расшифровывает древние письмена и электрокардиограмму, а человек с помощью своего орудия — машины осуществляет эту работу. Звезды наблюдает не телескоп, а человек посредством телескопа, землю роет не экскаватор, а человек с помощью экскаватора. Точно так же обстоит дело и с кибернетическими машинами, которые являются самым «умным» помощником человека. И если мы видим, что машина поставлена во враждебное отношение к человеку, то за этой машиной следует отыскать человека (социальную группу), который пытается поработить, эксплуатировать своего ближнего. Иными словами, в отношениях между машинами и человеком выражается взаимоотношение людей в обществе. Для ликвидации антагонизма между машиной и человеком необходимо уничтожение антагонистических отношений людей в обществе.

Иногда спрашивают: а может ли быть машина «умнее» своего создателя — человека? Отвечая на этот вопрос, спросим: почему человек стремится часть функций в процессе мышления передать машине? Очевидно, кроме всего прочего, потому, что машина может их выполнить лучше, скорее, точнее и полнее. Если бы машина не превосходила естественные органы человека, она бы ему просто не была нужна. Паровоз перемещает человека и грузы с места на место быстрее, чем это может сделать сам человек с помощью своих ног; подъемный кран поднимает тяжести значительно большие, чем вес штанги любого чемпиона мира по поднятию тяжести, и т. д. Точно так же дело обстоит с электронно-вычислительной машиной, которая решает многие задачи быстрее и точнее человека. Больше того, с помощью машин человек решает такие задачи, которые без них он решить бы не смог. Например, без электронно-вычислительной машины человек не смог бы вычислить орбиты искусственных спутников и космических кораблей.

Поэтому на вопрос о том, «умнее» ли машина своего изобретателя, следует ответить так: понятие «ум» буквально неприменимо к машине — это свойство человека или, точнее, человечества. Но одно является несомненным: кибернетические машины увеличивают возможности человека (и его мозга) в решении самых различных за-

Библиотека "Руниверс"

дач, они способны помогать человеку и в его творческой деятельности, слагающейся из многих моментов. Дерзновенная человеческая мысль, оснащенная совершенной техникой, проникает всюду, и ставить ей преграды — значит смыкаться с самыми махровыми идеалистическими философскими школами.

Иногда желание поставить какой-то предел развитию кибернетической машины возникает как реакция на рассуждения, развивающие идею о возможности построения машин, которые способны к мышлению, наделены волей и эмоциями и якобы смогут размножаться как живые существа, самоэволюционировать и т. п. Авторы этих рассуждений забывают, что в таком случае по существу машины перестают быть машинами, они теряют это свое качество. В подобных концепциях машины незаметно превращаются в человека и даже подменяют общество. Но для того чтобы разбивать подобные безосновательные утверждения, отождествляющие машину с человеческим обществом и преследующие главным образом сенсационную цель, нужно не ставить пределы совершенствованию машин, а выявить отношения между человеком и машиной, вскрыть их сущность, установить место машины в развитии человеческого общества. Надо просто понять, что машина — орудие человека, который заинтересован в ее улучшении, постоянном развитии. Бессмысленно всеобщие законы развития человечества и человеческого общества переносить на орудия производства, на один элемент, необходимый для общественной жизни. Такой перенос законов развития человечества на машину является в лучшем случае результатом философского невежества, а чаще всего преследует корыстные, классовые цели.

ГЛАВА IV

ПОЗНАНИЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ

1. Основные положения марксистско-ленинской теории познания

Материалистическое решение основного вопроса философии и понимание познания как результата взаимодействия субъекта и объекта создают необходимые предпо-

Библиотека "Руниверс"

сылки для глубокого проникновения в сущность процесса познания В книге «Материализм и эмпириокритицизм» В И Ленин сформулировал положения, которые легли в основу теории познания диалектического материализма «1) Существуют вещи независимо от нашего сознания, независимо от нашего ощущения, вне нас

2) Решительно никакой принципиальнои разницы между явлением и вещью в себе нет и быть не может Различие есть просто между тем, что познано, и тем, что́ еще не познано

3) В теории познания, как и во всех других областях науки, следует рассуждать диалектически, т е не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из *незнания* является *знание,* каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным» [1]

В этих гносеологических выводах В И Ленина выражен диалектико-материалистический подход к процессу познания Первые два положения направлены прогив идеализма и агностицизма, их содержание подробно и глубоко разобрано в главах книги «Материализм и эмпириокритицизм» Понятно, почему именно здесь эта сторона гносеологии всесторонне рассматривалась Лениным Ведь он критиковал реальных противников диалектического материализма — махистов, эмпириокритиков, неокантианцев, юмистов, которые как раз отрицали существование объективной реальности, даннои человеку в ощущениях, устанавливали пропасть между познанием и вещами, процессами, находящимися вне сознания человека Основная задача В И Ленина в «Материализме и эмпириокритицизме» состояла в защите, обосновании и развитии материализма в теории познания Но это не означает, что диалектика процесса познания уходила из его поля зрения Он всегда имел ее в виду, особенно при решении вопроса об истине, о соотношении в ней абсолютного и относительного Но более подробно эта сторона процесса познания нашла свое развитие в других произведениях В И Ленина, особенно в «Философских тетрадях»

Имеют место попытки отрыва гносеологических идей В И Ленина от теоретико-познавательных положе-

[1] *В И Ленин* Полн собр соч, т 18, стр 102

Библиотека "Руниверс"

ний, выдвинутых К Марксом Дескать, в то время как К Маркс подчеркивал активность субъекта в познании творческий характер последнего, В И Ленин отстаивал позиции теории отражения, характерные для метафизического материализма Теория отражения изображается гносеологической основой апологетики и догматизма (действительность не надо изменять, ее надо только отображать, оправдывая все существующее) Больше того, были попытки обнаружить противоречие между идеями Ленина, выраженными в «Материализме и эмпириокритицизме», с одной стороны, и в «Философских тетрадях» — с другой

При этом умаляется значение для разработки теории познания книги «Материализм и эмпириокритицизм», которая якобы написана еще до того, как В И Ленин детально изучил гегелевское философское наследство В действительности же гносеологические выводы Ленина не противоречат ни теоретико-познавательным идеям К Маркса и Ф Энгельса, ни друг другу, хотя различие между ними есть Обусловлено оно тем, что одно является продолжением и развитием другого в «Философских тетрадях» более детально рассматривается то, что уже было отчетливо сформулировано в «Материализме и эмпириокритицизме» в форме третьего гносеологического вывода, причем развивая в «Философских тетрадях» идеи диалектики процесса познания, В И Ленин нигде не только не отступает от материализма в гносеологии, а, наоборот, обосновывает и углубляет главную его идею, что познание объективно в своем содержании, что оно является отражением вещей, процессов и закономерностей

Нет никаких оснований говорить об отходе В И Ленина от марксистских положении, в которых признается роль активности субъекта в процессе познания Они для него были исходными В И Ленин не повторял Маркса, а разрабатывал на основе его идей те стороны процесса познания, четкое и ясное понимание которых необходимо для борьбы против враждебного мировоззрения и для практики развития научного познания

Библиотека "Руниверс"

2. Отражение — важнейшее понятие марксистской гносеологии

Познание возникает на базе материального взаимодействия субъекта и объекта. Возникает вопрос, как относится познание к субъекту и объекту. Некоторые направления современной философии исходят из того, что познание является самостоятельным членом познавательной ситуации наряду с субъектом и объектом. Данные познания находятся и вне субъекта, и вне объекта, составляя третий член эпистемологического (теоретико-познавательного) треугольника. Изображение познания как самостоятельного по отношению к субъекту и объекту является одним из конкретных выражений идеализма, превращающего человеческое познание в самостоятельную субстанцию.

Познание не существует вне субъекта и объекта, но оно и не принадлежит отдельно взятым ни субъекту, ни объекту. Если мы встанем на точку зрения, что познание принадлежит объекту, то это будет равносильно одухотворению объекта, признанию существования какого-то объективного разума, существующего независимо от человека и человечества. Вынесение познания за пределы субъекта, отрыв познания от его носителя характерны для объективного идеализма и механицизма. Если же встать на точку зрения, что познание относится только к субъекту, что оно плод чисто субъективной деятельности, то мы неминуемо придем к агностицизму, к отрыву содержания познания от объекта. В таком случае познание будет не соединять субъект и объект, человека с природой, а служить преградой между ними. Если бы познание в своем содержании не отражало объект, оно не могло бы быть формой теоретического освоения субъектом явлений объективного мира и не представляло бы никакой значимости для практической деятельности человека. Человек нуждается в познании как средстве его преобразующего воздействия на объект, и в этом смысле познание должно быть объективным, должно выходить за пределы субъекта в область объективного содержания.

Таким образом, познание является моментом материального взаимодействия субъекта и объекта. В силу этого оно одновременно является и объективным и субъ-

Библиотека "Руниверс"

ективным. Познание тождественно объекту, ибо в своем содержании должно совпадать с ним. Но оно одновременно и не тождественно ему, поскольку принадлежит субъекту. Познание субъективно, ибо вне человека и человечества нет познания, а существуют только вещи; но оно в то же время и не субъективно, поскольку направлено на объективный мир, которым субъект стремится овладеть теоретически и практически.

Эта сложная диалектическая природа познания находит свое выражение в понятии отражения. Истолкование познания как отражения было выдвинуто еще домарксистским материализмом. Однако только марксизм и особенно В. И. Ленин глубоко и подробно разработали теорию познания как теорию отражения в сознании человека явлений, вещей, процессов материального мира. В. И. Ленин соединил в теории отражения принципы материализма с диалектикой, что дало возможность объяснить сложность процесса познания и взаимосвязь субъективного и объективного в нем.

Как можно определить отражение, если иметь в виду самую зрелую его форму — познание? Отражение — это способность сознания человека воспроизводить в определенной форме и до определенной степени полноты и точности существующий вне его объект. Это понятие исходит из материалистического тезиса о существовании вещей, процессов и других форм объективной реальности вне и независимо от человеческого сознания. Но познание не отождествляется с самой вещью, а противопоставляется ей, как сознание — материи. Это противопоставление означает не отрыв познания от объекта, а определенную форму связи, соединения их. Познание не только противоположно объекту, но одновременно согласуется с ним, поскольку оно воспроизводит его.

Эту диалектику самого понятия отражения не понимают, а может быть, не хотят понять, некоторые критики марксистской гносеологии. Их не устраивает прежде всего материализм, лежащий в основе понятия отражения. Как писал еще Э. Кассирер, солидаризируясь с точкой зрения Гельмгольца, «наши ощущения и представления суть знаки, а не *отображения* предметов. Ведь от образа мы требуем некоторого *подобия* с отображаемым объектом, а в этом подобии мы здесь никогда не можем

Библиотека "Руниверс"

быть уверены»[2]. Точка зрения Гельмгольца у Кассирера выдается за вывод естествознания. В действительности же крупный естествоиспытатель заимствовал ее из кантианской философии, а само естествознание, как таковое, не может решить вопроса о природе познания в его отношении к объекту, оно может дать только некоторые фактические данные для его решения, а эти факты науки не выступают против материализма в понимании процесса познания, а стоят за него.

Против введения в марксистскую гносеологию понятия «отражение» выступает в журнале «Праксис» М. Маркович, который в статье «Основы диалектико-гуманистической теории истины» пишет: «...понятие «отражение» вообще не является характерным для марксистской активной философской концепции. Оно недостаточно обращает внимания на активный момент человеческого познания, на символический характер многих человеческих творений, о которых мы говорим, что они истинны»[3]. Понятие «отражение» якобы исключает активность и творческий характер познания, возможность применения символической формы выражения его результатов. В критике подобных утверждений большое значение имеет четкое понимание функции понятия отражения в нашей гносеологии. Иногда представляют, что оно выражает все стороны отношения познания к объекту. Но это не так. Отражение только одно из понятий марксистской гносеологии, вскрывающее строго определенную сторону познавательного образа: чем является познание—просто условным знаком ее или отображением.

Это принципиально важно для всей гносеологии, для материализма вообще. Если признать, что познание в отношении к объекту является только символом, то подрываются все основы материализма. Понятие отражения неизбежно предполагает объективную реальность, которая отображается, а «знаки или символы, — пишет В. И. Ленин, — вполне возможны по отношению к мнимым предметам, и всякий знает примеры *таких* знаков или символов»[4].

Именно поэтому критики диалектического материализма направляют свое внимание на понятие отраже-

[2] *Э. Кассирер.* Познание и действительность. СПб, 1912, стр. 394.
[3] «Praxis» (Zagreb), 1965, N 2, p. 179.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 247.

Библиотека "Руниверс"

ния, приводят многочисленные аргументы, якобы доказывающие, что познание не может быть отражением. Но для этого они извращают сущность отражения, сводя его к механическому копированию. Критики марксизма утверждают, что познание обязательно включает в себя синтезирующую деятельность человеческого сознания, которая якобы несовместима с отражением. Да, познание не рабски следует за объектом, а творчески отражает его. В. И. Ленин, конспектируя Гегеля, писал: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» [5].

Если это высказывание взять вне контекста, то оно звучит идеалистически: сознание творит объективный мир. Но в данном случае речь идет о другом — о творческом характере отражения объективного мира в сознании человека. Отражение и творчество — это два понятия, которые в равной мере выражают существенные стороны познания. Одно другого не исключает, поэтому можно говорить о творческом отражении как главной особенности познавательного образа в его отношении к объективной реальности.

Представим себе, что познание только творит новое и не отражает того, что существует. Спрашивается, откуда оно возьмет свое содержание для творческого синтеза, из тайников самого сознания? Творческая деятельность познания зиждется на объективной основе, взятой из реальной действительности, от которой она не должна быть оторвана. Эта связь познания с объективной реальностью выражается понятием отражения.

С другой стороны, если бы познание отражало вещи только такими, какими они существуют в природе: деревья — деревьями, камни — камнями и т. п., тогда было бы совершенно не понятно, каким образом появились дома, орудия труда и т. д. Познание не выполняло бы своей функции в производственном процессе человека, если бы оно только буквально копировало существующие в природе предметы. Познание ведет производственный процесс: в голове человека в виде идеи продукт труда существует раньше, чем он будет действительно произведен. А для этого познание должно отражать объект творчески, не только таким, каким он существует сейчас, но

[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 194.

Библиотека "Руниверс"

и каким может быть в результате преобразовательной деятельности человека.

Универсальность производственной деятельности человека, его способность преобразовывать материю и создавать новые предметы одной из своих необходимых предпосылок имеет творческое отображение человеком явлений действительности, создание форм объективного мира, которые и служат некоторой меркой в практическом изменении материального мира.

Творческая функция человеческого познания гипертрофируется идеализмом, утверждающим, что познание создает не только идеи, но и из самого себя явления, процессы материальной действительности. Новые идеи создает познание, основываясь на содержании, взятом из объективной реальности, а новые вещи — практическая деятельность человека, исходя из идей и существующих ранее вещей и процессов.

Читатель мог бы упрекнуть нас в противоречии, поскольку вначале, когда речь шла о познании как отражении, мы отмечали, что познание копирует, отображает объект, а теперь, раскрывая творческую функцию познания, говорим о том, что познание не является простой копией существующего предмета, что оно отображает предмет не только таким, каким он существует, но и таким, каким он может быть в результате практической деятельности человека. Но это противоречие кажущееся. Мы сравниваем познание с копией, когда подчеркиваем момент совпадения мысли с объектом, отвергая все возможные идеалистические концепции иероглифизма и символизма. Познавательный образ — не знак, не символ, не иероглиф, носящий условный характер, а отображение, копия, снимок с объекта. Понятие отражения выражает связь познания с объективной реальностью, из которой оно берет свое содержание. Но когда речь идет о творчески активном характере познания по отношению к объекту, здесь уже нельзя его сравнивать с копией, поскольку под последней понимают мертвое, неподвижное, буквальное отображение предмета. Художник, копирующий картину великого мастера, стремится к тому, чтобы копия ни в чем не отступала от оригинала. Нотариус не заверит копию с документа, если содержание ее хотя бы в чем-то отступает от оригинала. Познавательный образ также отображает предмет и в этом смысле является ко-

Библиотека "Руниверс"

пией, но он отображает творчески, исходя из потребностей субъекта, синтезирует взятое из объективной реальности содержание. И в этом смысле он не является только копией.

3. Материальное и идеальное

Познание является результатом взаимодействия субъекта и объекта. Отношение познания к объекту выражается через понятие отражения: познание отображает вещи, свойства и закономерности объективной реальности. Понятием отражения не исчерпываются все отношения познания к объекту. Оно характеризует его только с одной стороны: имеет ли познание объективное содержание или нет. Материалистическая гносеология отвечает на этот вопрос утвердительно: познание объективно в том смысле, что воспроизводит в определенной форме свойства, закономерности объекта. Дальнейший анализ отношения познания к объекту, выявление особенностей отражения, присущего процессу познания, приводит к категориям идеального и материального. Эти категории в философии сформировались очень давно, можно сказать, что они так же древни, как и сама философия. Однако содержание их постоянно изменялось и уточнялось, в частности в связи с размежеванием с другими смежными философскими категориями. Правда, и до сих пор еще в литературе можно столкнуться с отождествлением идеального с сознанием, психическим, субъективным.

Конечно, категории материального и идеального очень близки к понятиям «материя» и «сознание», «субъект» и «объект», «физическое» и «психическое», однако это различные пары категорий, имеющие свое специфическое содержание. Понятия материи и сознания, как отмечалось ранее, являются исходными в решении основного вопроса философии; субъект и объект дают нам возможность понять процесс познания и его место в освоении человеком объективной реальности, причем субъект не сводится к сознанию, а объект — к материи (всей объективной реальности).

Материальное и идеальное — это пара категорий, которая как бы объединяет две предшествующие (материю и сознание, субъект и объект), ибо посредством ее углубляется и решение основного вопроса философии, и по-

Библиотека "Руниверс"

нимание познания как результата практического взаимодействия субъекта и объекта.

Материальное и идеальное можно рассматривать как конкретизацию категорий материи и сознания, когда последнее выступает как познание по отношению к своему объекту. Анализируя сущность познания, мы сталкиваемся с вопросом: будучи отражением объекта, обладает ли само познание, создаваемый им образ свойствами отражаемого объекта? Отвечая на него, гносеология с необходимостью вводит понятие идеального. Познание выступает идеальным, когда рассматривается отношение результатов познания (познавательного образа) к объекту, отраженному в нем. Дерево и мысль о дереве, социальная революция и мысль о революции относятся друг к другу как материальное к идеальному. Мысль о каком-либо дереве отражает дерево, является копией, снимком, изображением его, но сам познавательный образ не имеет тех объективных свойств, которые присущи отображаемому в нем предмету: мысль о дереве не имеет корней, листьев, ствола, она не цветет, из нее нельзя, как из настоящего дерева, изготовить дрова и растопить печь. Точно отображая свойства объекта, познавательный образ сам не обладает этими свойствами. В противном случае зачем нужно было бы в действительности производить продукты питания, строить жилища, достаточно было бы только подумать о них. Познание, по выражению К. Маркса, является не материальным, а духовным производством, созданием не самих вещей с их свойствами, а идей, понятий, представлений, отображающих вещи. Еще никто не был сыт и обут идеями, какими бы хорошими, глубокими и точными они ни были. Объективный идеализм и вульгарный материализм отождествляют материальное с идеальным, идеализм превращает материальное в идеальное (вещи в мысли), а вульгарный материализм — идеальное в материальное (мысли в вещи). Диалектический материализм считает, что познание и объект противоположны так же, как идеальное и материальное, и в пределах гносеологии эта противоположность является абсолютной, познание само по себе никогда не сможет обладать свойствами объекта, оно может быть только образом, отображением его, существующим не в объекте, а в голове познающего человека.

Библиотека "Руниверс"

Идеальное — отражение действительности в формах деятельности человека, его сознания и воли; это не какая-то умопостигаемая идеальная вещь, а способность человека в своей деятельности духовно, в мыслях, целях, воле, потребностях воспроизводить вещь, оперировать образами. Как писал К. Маркс, «идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» [6].

Подходя чисто рассудочно, нельзя понять, существует или не существует идеальное. Если существует, то должно быть какой-то чувственно воспринимаемой вещью. Но чувственно воспринимаемая вещь — это материя. Известно, что, кроме материи и форм ее движения, ничего не существует. Идеального как особо существующего вне движения материи нет. Но все же идеальное существует как противоположное материальному, только не в форме особых вещей, а как момент практического взаимодействия субъекта и объекта, как форма деятельности субъекта. В отдельности от этого материального взаимодействия оно не существует, но его можно выделить в мысли как некоторую чистую форму. Подобно тому как круглое не существует отдельно от круглых тел, а чистая форма выделяется отображающей деятельностью человека, идеальное также не существует вне материальной деятельности человека. Его можно вычленить; оно как чистая форма реально существует в движении нервной системы, материальных законах, в материальном взаимодействии человека с окружающей действительностью. Когда ставят вопрос, идеально ли познание, то сразу надо четко представлять, о чем идет речь. Если думают обнаружить познание как некоторую материальную вещь, существующую отдельно от взаимодействия субъекта и объекта, то подобные попытки безуспешны; но столь же безрезультатным является стремление найти познание как некоторое идеальное, существующее в отрыве от материальных процессов. Познание — идеальное, реально существующее только в материальном взаимодействии.

Если вопрос ставится об отношении познавательного образа к отображаемому предмету, то он является идеальным, копией этого предмета, отражающей его форму

---

[6] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 21

Библиотека "Руниверс"

и свойства, но не обладающей свойствами этого объекта. Но это не означает, что как некоторое идеальное, как копия объекта такое отношение существует вне всякого материального: объект воспроизводится субъектом в такой деятельности, которая не может происходить вне всяких материальных процессов (в частности, нервной деятельности). Познавательный образ в своем существовании и функционировании нуждается в определенных материальных средствах. Эти две стороны часто смешиваются при решении вопроса об идеальности и материальности познания, одна подменяется другой, причем в гносеологическом отношении важно для познания не то, что оно всегда реально осуществляется в виде определенных материальных средств, а то, что оно отображает объект, его свойства и закономерности в определенной форме. Например, когда решается вопрос, соответствует ли написанный художником портрет натуре, то существенны не материальные средства, с помощью которых воплощен он (карандаш, холст, краски и т. п.), а некоторая форма, не существующая вне этих материальных средств, но являющаяся внешней по отношению к ним и отражающая объект (изображаемого человека). Точно так же будет обстоять дело и относительно познавательного образа. Он не существует вне определенных материальных процессов, но главное в нем — форма предметной деятельности человека, отражающая объект, причем эта форма должна мыслиться не в виде какого-то рисунка в голове человека, а в деятельности его, адекватной самому объекту, его свойствам и законам.

Критики марксистской гносеологии изображают отражение как материальное копирование одного предмета в другом. Вот что пишет небезызвестный Густав Веттер: «Дело в том, что отражение... означает вид «диалектики», в которой одно и то же в известной мере само противостоит своему объекту и в нем находит затем самого себя. Но это процесс, который совершенно недоступен материальному образу. Хотя сознание и понимается как возбуждение одной или многих клеток мозга, однако одно и то же никогда не может противостоять самому себе и находит самого себя в многообразии своих собственных содержаний сознания. Но тем самым все процессы «отражения» остались бы чисто объективным действием, вышеупомянутое онтологическое «удвоение» в объективное

Библиотека "Руниверс"

действие и субъективное переживание были бы невозможны»[7].

Веттер изображает познание как материальный процесс, имеющий протяженность и другие атрибуты материи. Отношение между познанием и объектом сводится Веттером к отношению между двумя материальными предметами, из которых один является отображением другого. Извратив таким образом марксистское понятие отражения, Веттер заключает: «...требуется... такой «фокус», который означает полноту, недоступную материи ни на одной ступени ее развития, и который не только имеется и действует, но и знает о себе и своем действии и тем самым владеет всем своим действием и, кроме того, также приходит к самому себе. А эта сущность с давних пор называется духом»[8].

Диалектический материализм и не думает сводить познание к вещественному отражению одного предмета в другом и удвоению одного и того же предмета (сам предмет и отдельно его копия), он не отрицает и «дух», идеальное; однако в отличие от объективного идеализма, и в частности неотомизма, он не мыслит существование «духа», идеального, вне материальных процессов взаимодействия человека с окружающей действительностью. Идеальное, «дух», не какая-то особая сущность, параллельная материи субстанция, а форма, вплетенная в совокупную предметную деятельность субъекта по преобразованию природы. Сущность этой формы заключается в отражении объективной реальности во всей ее полноте и многообразии.

4. Отношение познания к мозгу человека

Познание связано с деятельностью нервной системы человека. К. Маркс отмечал, что в процессе материального производства человек «приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы»[9]. То же самое он делает и в процессе духовного производства, познания, приводя в движение свою нервную систему (органы чувств и мозг).

---

[7] *G. A. Wetter.* Sowjetideologie Heute, S. 67—68.
[8] Там же, стр. 68.
[9] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 188.

Библиотека "Руниверс"

Познание невозможно без высокоорганизованной материи — мозга человека. Категории психического и физиологического выражают отношение познания к мозгу: психическое — свойство физиологического, познание — функция человеческого мозга.

Категории физиологического и психического нельзя отождествлять ни с материей и сознанием, ни с объектом и субъектом, ни с материальным и идеальным. Отношение психического к физиологическому не исчерпывает решения основного вопроса философии, не вскрывает всех сторон взаимоотношения материи и сознания, а берет только один момент — отношение сознания человека к мозгу, причем эта сторона является объектом изучения не философии, а таких специальных областей знания, как физиология высшей нервной деятельности и психология. Сами понятия психического и физиологического выработаны не гносеологией, а этими специальными науками. Гносеология оперирует ими как уже готовыми и сформировавшимися вне ее для обоснования положения о зависимости сознания от материальных процессов, происходящих в человеке.

Нельзя отождествлять психическое и физиологическое с субъективным и объективным, хотя в литературе по физиологии и психологии с таким отождествлением можно встретиться. И психическое и физиологическое — это процессы, происходящие в субъекте. Физиологическое по отношению к психическому не выступает объектом познания, а психическое по отношению к физиологическому — субъектом, это иная плоскость отношений, для которой и выработаны свои понятия.

Казалось бы, что взаимоотношение психического и физиологического тождественно отношению между идеальным и материальным, но и это не так. Психическое как форма деятельности человека идеально, а физиологическое — материально. Психическое является отображением свойств и закономерностей объекта, находящегося вне человека, объекта, на который направлена познавательная деятельность человека.

Категории психического и физиологического выполняют другую функцию, чем идеальное и материальное, и они находятся в рамках взаимоотношений свойства и вещи. Свойство неотделимо от самой вещи, оно проявляется во взаимодействии одной вещи с другой; психиче-

Библиотека "Руниверс"

ское есть там, где имеется взаимодействие мозга человека с предметами внешнего мира.

В решении проблемы отношения познания к мозгу существует две крайности: 1) изоляция познания от нервной деятельности человека, превращение его в не зависящую от нее субстанцию; 2) сведение познавательного процесса и всех его составляющих моментов к высшей нервной деятельности человека. В первом случае познание лишается своего материального субстрата и повисает в воздухе, а во втором — оно остается без своего содержания и специфики. И в нашей литературе имелись попытки решения всех проблем гносеологии на основе физиологии высшей нервной деятельности, в частности учений И. М. Сеченова и И. П. Павлова.

Конечно, учение И. П. Павлова, как и другие данные физиологии высшей нервной деятельности, имеет большое значение для решения гносеологических проблем вообще и в частности для понимания познания как отражения. Однако если мы встанем на точку зрения, которая иногда проскальзывает у некоторых авторов, что учение И. П. Павлова — ключ для понимания всех проблем теории познания, то мы лишимся гносеологии. А если и построим ее, то она будет объяснять только общее для людей и для животных, т. е. не будет гносеологией, которая имеет своим предметом человеческое познание. Физиологическое учение — необходимый фундамент гносеологии, но отнюдь не ее здание.

Признавая значение нервной деятельности, унаследованной человеком от высших животных, для функционирования познания, необходимо принимать во внимание по крайней мере два обстоятельства. Во-первых, естественные органы человека в процессе и результате общественного развития подверглись существенной модификации. Вспомним, что Ф. Энгельс говорил о человеческой руке: «Рука, таким образом, является не только органом труда, *она также и продукт его.* Только благодаря труду, благодаря приспособлению к все новым операциям, благодаря передаче по наследству достигнутого таким путем особого развития мускулов, связок и, за более долгие промежутки времени, также и костей, и благодаря все новому применению этих переданных по наследству усовершенствований к новым, все более сложным операциям, — только благодаря всему этому человеческая рука до-

Библиотека "Руниверс"

стигла той высокой ступени совершенства, на которой она смогла, как бы силой волшебства, вызвать к жизни картины Рафаэля, статуи Торвальдсена, музыку Паганини»[10].

Сказанное относится, безусловно, не только к руке, но и к человеческой голове, к его мозгу, к органам чувств человека, которые также являются продуктом всей истории человечества. Как отмечает Ф. Энгельс, с помощью только рук человек не создал бы паровой машины, здесь нужна была еще и голова, мозг человека, который существенно отличается от мозга его животных предков.

Во-вторых, под влиянием труда и общественной деятельности вообще не только изменяется природа естественных органов человека, но над ними возникают искусственные надстройки, продолжающие и усиливающие эти органы человека. С изготовления орудий труда и начинается, собственно, производственная деятельность. Человек использует механические, физические, химические свойства вещей, «чтобы в соответствии со своей целью применить их как орудия воздействия на другие вещи»[11].

Такие искусственные надстройки, продолжающие и усиливающие естественные органы человеческого тела, воздвигаются непосредственно и над нервной системой человека, над его органами чувств и мозгом. В качестве примера, где с наибольшей яркостью и очевидностью выступает использование искусственных орудий непосредственно для духовной деятельности человека, можно указать на электронно-вычислительные машины. Здесь действительно механические и физические свойства вещей, в частности электрические, используются как орудие познания человеком внешнего мира.

Между каменным топором первобытного человека и современной сложной электронно-вычислительной машиной — дистанция огромного размера. Но и у них есть нечто общее. То и другое выступает орудием человеческого труда, тут и там человек использует механические и физические свойства вещей в своей деятельности. Примитивный каменный топор и его свойства усиливали руку человека для воздействия на предметы внешнего

---

[10] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 488.
[11] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 190.

Библиотека "Руниверс"

мира в процессе физического труда, современная же цифровая электронно-вычислительная машина усиливает мозг человека в его познавательной, духовной деятельности. Познание в условиях развитой цивилизации, науки и техники оснащается орудиями, которые непосредственно помогают человеку познавать объект.

И совершенно не обязательно, чтобы орудие труда по своей форме и физической природе было подобно тому естественному органу, который оно продолжает и усиливает. Паровоз и самолет ни по физической природе, ни по форме и структуре не тождественны естественным средствам передвижения человека или животных. Но по своей функции они подобны им. Точно так и относительно орудий познавательной деятельности человека. Электронно-вычислительная машина ни по форме, ни по природе вещества, из которого создана, ни по структуре не напоминает голову человека, его мозг, однако функционально она подобна им. Не простое копирование и подражание природе, а создание нового, не существующего в природе и необходимого для общественной жизни — магистральный путь развития человеческого производства и познания. Механические и электронные ро́боты, которые внешне напоминают человека и описанием которых заполнены произведения фантастов, способны поразить детское воображение, напугать малосведущих людей, но они ничего общего не имеют с действительным путем развития науки и техники. Общество совсем не нуждается в таких ро́ботах (может быть, только в качестве детской игрушки или развлекательного элемента на концерте); оно испытывает необходимость в орудиях, которые функционально заменяют деятельность естественных органов человека в процессе труда. И здесь имеет значение не их физическая природа и форма, а способность выполнять определенную функцию в физической и умственной деятельности человека.

Создание электронных и других моделей человеческого мозга имеет не только научное значение (изучение процесса функционирования мозга), но и практическое: такие модели можно использовать для решения задач, которые выполняются человеческим мозгом.

Библиотека "Руниверс"

5. Отражение и информация

Отражательная деятельность человеческого мозга, являющаяся предметом специальной науки — физиологии высшей нервной деятельности, имеет свою историю и предысторию. Познание как отражательная деятельность человеческого мозга в качестве объективной предпосылки для своего возникновения имеет отражательную деятельность нервной системы животного, а последняя имеет свои объективные предпосылки в формах движения неживой материи.

Сознание нельзя рассматривать как явление случайное, возникшее только при исключительных обстоятельствах и только нéкогда на нашей планете. Наоборот, на некоторой ступени развития материи при определенных условиях с необходимостью возникает сознание. В образной, поистине художественной форме эту мысль выразил Ф. Энгельс в «Диалектике природы»: «...сколько бы миллионов солнц и земель ни возникало и ни погибало; как бы долго ни длилось время, пока в какой-нибудь солнечной системе и только на одной планете не создались условия для органической жизни; сколько бы бесчисленных органических существ ни должно было раньше возникнуть и погибнуть, прежде чем из их среды разовьются животные со способным к мышлению мозгом, находя на короткий срок пригодные для своей жизни условия, чтобы затем быть тоже истребленными без милосердия, — у нас есть уверенность в том, что материя во всех своих превращениях остается вечно одной и той же, что ни один из ее атрибутов никогда не может быть утрачен и что поэтому с той же самой железной необходимостью, с какой она когда-нибудь истребит на Земле свой высший цвет — мыслящий дух, она должна будет его снова породить где-нибудь в другом месте и в другое время» [12].

Какой же атрибут, неотъемлемое свойство имеет материя, который никогда не может быть утрачен и приводит рано или поздно к возникновению познающей материи? На этот вопрос дает ответ В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм». Развивая мысль Ф. Энгельса о закономерном возникновении при опреде-

[12] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 363.

Библиотека "Руниверс"

ленных условиях мыслящей материи, критикуя субъективный идеализм эмпириокритиков, отрывающих сознание от материи, В. И. Ленин пишет: «Материализм в полном согласии с естествознанием берет за первичное данное материю, считая вторичным сознание, мышление, ощущение, ибо в ясно выраженной форме ощущение связано только с высшими формами материи (органическая материя), и «в фундаменте самого здания материи» можно лишь предполагать существование способности, сходной с ощущением» [13].

Таким образом, способность отражения, выражаясь языком Спинозы, является не модусом материи (присуща не отдельным ее формам), а атрибутом ее, т. е. имеет место всегда и у всех видов материи. Голландский философ XVII столетия Спиноза был гилозоистом, он считал мышление атрибутом субстанции, природы, и в этом заключалась одна из слабостей его материализма. Гилозоизм, на позициях которого стояли многие материалисты прошлого, по существу снимает проблему возникновения мышления, считая все формы и виды материи мыслящими. Диалектический материализм в противоположность идеализму не выносит познание за пределы универсального материального взаимодействия, но в отличие от гилозоизма связывает его не со всяким, а только с особого рода материальным взаимодействием — взаимодействием субъекта и объекта. Моментом всякого материального взаимодействия является способность отражения.

В. И. Ленин высказывал мысль о свойстве отражения, лежащем в фундаменте материи, в форме научного предположения. Наука в то время не располагала точными данными на сей счет; имелись только догадки немецкого ученого Э. Геккеля, английского биолога Ллойда Моргана. Но Ленин считает это предположение логичным, с необходимостью вытекающим из всей системы

---

[13] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 39—40.

Такая же мысль высказана В. И. Лениным в этой же книге и в 1-й главе в параграфе «Мыслит ли человек при помощи мозга?». Комментируя мысль Пирсона: «...нелогично утверждать, что вся материя сознательна», В. И. Ленин пишет в скобках: «...но логично предположить, что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения...» (там же, стр. 91).

Библиотека "Руниверс"

диалектического материализма. Это пример эвристичности марксистской философии, которая не только обобщает готовые результаты различных областей специальных наук, но и идет впереди них, ставит перед ними конкретные задачи. Выдвигая положение о способности отражения как свойстве всей материи, В. И. Ленин писал: «...на деле остается еще исследовать и исследовать, каким образом связывается материя, якобы не ощущающая вовсе, с материей, из тех же атомов (или электронов) составленной и в то же время обладающей ясно выраженной способностью ощущения. Материализм ясно ставит нерешенный еще вопрос и тем толкает к его разрешению, толкает к дальнейшим экспериментальным исследованиям» [14].

Одним из первых крупных ученых, осознавших необходимость для естествознания изучать свойство отражения, был советский физик, академик С. И. Вавилов, который в проекте статьи «Физика» для 57-го тома Большой Советской Энциклопедии 1-го издания утверждал, что физика будущего включит в свой предмет «способность, сходную с ощущением».

Что собой представляет эта способность отражения, лежащая в фундаменте здания материи? Надо сказать, что этот вопрос является дискуссионным в философской литературе; авторы высказывают различные мнения. Наиболее общепринятым является взгляд, который английским философом-марксистом М. Корнфортом сформулирован следующим образом: «Процесс отражения включает в себя такую взаимосвязь между двумя особыми материальными процессами, при которой особенности первого процесса воспроизводятся в соответствующих особенностях второго. Первый процесс первичен, а его отражение во втором — вторично или производно, ибо первый процесс развивается совершенно независимо от второго, тогда как воспроизведение особенностей первого процесса путем отражения его во втором не могло бы иметь места, не будь прежде всего этих особенностей, которые могут быть воспроизведены или отражены» [15].

Обычно в качестве примера способности отражения,

---

[14] Там же, стр. 40.

[15] *М. Корнфорт.* Диалектический материализм. М., 1956, стр. 315.

Библиотека "Руниверс"

присущей неживой материи, приводят отражение предмета на поверхности зеркала, где этот процесс воспроизведения особенностей одного предмета в другом нагляден. Но отражение имеет место при всяком взаимодействии материальных систем, даже при простом ударе шаров: особенности одного шара воспроизводятся в другом, который под влиянием удара деформируется.

Когда в таких случаях речь идет о первичности и вторичности, то эти понятия ни в коем случае нельзя отождествлять с первичностью и вторичностью материи и сознания. Здесь мы имеем дело с двумя независимыми материальными системами, и одну из них мы можем считать первичной, а другую вторичной только в том смысле, что особенности одной системы воспроизводятся в другой системе, служат причиной изменений в ней. А так как в сущности всякое действие есть взаимодействие, причина и следствие меняются местами, особенности второй материальной системы воспроизводятся соответственно в особенностях первой. Выделение одной системы в качестве первичной, а другой — вторичной не абсолютно, но оно имеет смысл для понимания отражения.

Таким образом, в процессе движения и взаимодействия материальные системы воздействуют друг на друга и реагируют на действия, воспроизводят особенности других систем и сами воспроизводятся в них, т. е. отражают и отражаются. Способность отражения меняется в зависимости от качества взаимодействующих материальных систем. Чувствительность, ощущение, познание человека — различные формы, качественно своеобразные этапы развития способности отражения, лежащего в фундаменте самого здания материи; каждая из этих форм связана с глубокими изменениями структуры взаимодействующих систем.

Новый этап в изучении способности отражения, общей как для живой, так и неживой природы, наступил в связи с возникновением кибернетики и такого ее важнейшего раздела, как теория информации. Понятие информации является одним из фундаментальных в кибернетике. Поскольку кибернетика очень молодая наука, не насчитывающая и двух десятков лет своего существования, она не обросла еще строгими научными определениями своих понятий. Это относится к понятию информации,

Библиотека "Руниверс"

которое скорее описывается, нежели научно определяется. С. Л. Соболев, А. И. Китов и А. А. Ляпунов так характеризуют информацию: «Информацией называются сведения о результатах каких-либо событий, которые заранее не были известны... Понятию информации кибернетика придает очень широкий смысл, включая в него как всевозможные внешние данные, которые могут восприниматься или передаваться какой-либо определенной системой, так и данные, которые могут вырабатываться внутри системы... Информацией могут являться, например, воздействия внешней среды на организм животного и человека; знания и сведения, получаемые человеком в процессе обучения; сообщения, предназначаемые для передачи с помощью какой-либо линии связи; исходные промежуточные и окончательные данные в вычислительных машинах и т. п.»[16]

Нас в данном случае интересует не чисто специальная сторона понятия информации в кибернетике, а ее отношение к отражению. Что роднит понятие информации и отражения? Прежде всего то, что понятие информации распространяется как на общественные, живые материальные системы, так и на неживые. Это понятие обладает большой степенью общности. Второе. Информация, как и отражение, является свойством материи и вне материального взаимодействия не существует. Иногда задается вопрос: является ли информация материальным или идеальным, физическим или психическим? Причем одни склоняются к тому, что она материальна, а другие — идеальна. Так, А. Харкевич замечает: «Первая из черт современной информации состоит в том, что хотя она и является нематериальным объектом, но получила количественную меру»[17]. Что значит «нематериальный объект» — это значит идеальный; другого противопоставления материальному, кроме идеального, не существует. А поскольку информация присуща и явлениям неживой природы, то мы неминуемо вынесем идеальное за пределы человека, в мир природы. Об идеальном как о противоположности материальному возникает

---

[16] *С. Л. Соболев, А. И. Китов, А. А. Ляпунов.* Основные черты кибернетики. — «Вопросы философии», 1955, № 4, стр. 136.

[17] *А. Харкевич.* Информация и техника. — «Коммунист», 1962, № 17, стр. 93.

Библиотека "Руниверс"

вопрос, когда некоторая форма деятельности человека противопоставляется находящемуся вне его сознания объекту. За этими пределами противопоставление идеального материальному теряет смысл. Информация, поскольку она не является только формой деятельности человека, выходит за эти границы. Поэтому бессмысленно рассуждать на тему об ее идеальности или материальности, психичности или физичности. Здесь нельзя не вспомнить замечание Н. Винера: «Информация есть информация, а не материя и не энергия. Тот материализм, который не признает этого, не может быть жизнеспособным в настоящее время» [18].

Это не определение информации, поскольку оно внешне тавтологично и по существу говорит о том, чем не является информация, а не что она такое; отрицая, что информация — материя, мы еще не устанавливаем ее отношение к материи. Но при всем этом в одном Винер глубоко прав, а именно: информация есть информация, ее нельзя отождествлять с материей, движением, энергией. Это такое же свойство материи, как движение, отражение. Мы не отождествляем материю с движением и отражением, хотя без материи не существует ни движения, ни отражения. То же самое можно сказать и об информации.

Но информация не тождественна отражению. Дело заключается в том, что информация не является атрибутом материи, она принадлежит не всем ее формам и видам. Как правильно отмечает Б. С. Украинцев, информация — свойство, присущее только определенным формам материальных систем. «Информация, — пишет он, — является особой формой всеобщей связи в особых условиях управляемой системы или ассоциации управляемых систем» [19].

Информация — это не философское, а кибернетическое понятие, подобно рефлексу, который является понятием физиологии. Кибернетика — наука о сложных динамических системах управления, и ее понятия, в том числе и информация, описывают эти системы управления, подобно тому как физиология высшей нервной дея-

---

[18] *Н. Винер.* Кибернетика. М., 1958, стр. 166.

[19] *Б. С. Украинцев.* Информация и отражение. — «Вопросы философии», 1963, № 2, стр. 38.

Библиотека "Руниверс"

тельности является учением о мозге и понятие рефлекса описывает нервную деятельность. Отражение же — это философское понятие, касающееся всеобщего свойства материи. Информация, как и рефлекс, касается отдельных сторон, моментов, видов отражения. Если рефлекс связан с нервной системой, то информация — со сложнодинамической системой управления, способной приспосабливаться к изменению условий. Это отражение с точки зрения его активности ниже рефлекторного, но, несомненно, выше простого отражения, когда особенности одной системы просто воспроизводятся в другой.

Информация в отличие от отражения вообще возникает на определенном уровне организации материи. Особенностью ее является также то, что она передается посредством сигнала — знака отражения, физического или физиологического заместителя ее. Не всякое отражение происходит посредством сигналов. Шар деформируется не в результате получения сигнала от другого шара, а от механического удара одного шара о другой, животное же находит пищу по запаху, который является ее сигналом. Сам запах как физическое свойство приобретает сигнальное значение, точно так же как проколы на ленте машины. А сигнал существует и сохраняет свое значение только в определенным образом организованной системе, вне которой он может существовать и сохранять свои физические свойства (иметь запах, быть дыркой), но теряет все свойства сигнала: теряется информация, связь с событием и реакцией, утрачивается возможность «понять» сигнал, использовать его для выработки реакции [20].

Наконец, еще одно отличие информации от отражения. Первое поддается количественному измерению. Теория информации, оперируя понятием количества, измеряет степень организованности системы. Отсюда понятие энтропии системы — мера ее дезорганизации. Понятие отражения связано с качественной характеристикой, когда говорят об адекватности отражения, его полноте, причем мы можем представить системы, в которых нет информации, поскольку нет необходимой организации материи, скажем звездные массы. Но нет

[20] См. *И. А. Полетаев.* Сигнал. М., 1958, стр. 33.

Библиотека "Руниверс"

таких материальных систем, в которых не было бы отражения как воспроизведения особенностей одного материального образования в другом.

Таким образом, информация как понятие специальной науки — кибернетики не заменяет философскую категорию отражения, она служит выражением, конкретизацией отдельных сторон, форм и видов отражения. Понятие информации не покрывает всего содержания категории отражения, но одновременно оно и конкретизирует отдельные его моменты. Между категорией отражения и понятием информации существует такое же приблизительно отношение, как между философским понятием материи и физическим понятием вещества.

Категория отражения сохраняет свое методологическое значение для понимания сущности информации и других понятий кибернетики. С другой стороны, понятия кибернетики, в частности информации, дают необходимый фактический материал для более глубокого понимания и конкретизации ленинского положения об отражении как свойстве, лежащем в фундаменте материи.

6. Знак и его роль в процессе отражения

Познавательная деятельность человека невозможна без знаков, которые являются материальными носителями информации.

Проблема знака и его роли в процессе познания и практического действия превратилась в одну из самых актуальных в современной гносеологии. Возникла целая отрасль знания — наука о знаках (семиотика).

Для гносеологии чрезвычайно важно установить взаимоотношение между знаком, значением и предметом.

Под знаком обычно подразумевают чувственно воспринимаемый предмет (звук, рисунок и т. п.), который в процессе познания используется для хранения, закрепления, преобразования и передачи информации. Знак — это предмет, который выступает не объектом познания, а его средством. Конечно, можно изучать и сами знаки, т. е. сделать их объектом познания, но тогда потребуются другие знаки как средство хранения и передачи информации о знаках.

Информация, которая закрепляется в знаке, составляет его значение. Знак и значение неотделимы: нет зна-

Библиотека "Руниверс"

ка без значения, но и не может существовать значение, которое не закреплено никаким знаком.

Кроме чувственно воспринимаемого предмета, выступающего в качестве знака, познание предполагает еще один предмет — отражаемый объект, который обозначается знаком, например: слово «лошадь» и сама лошадь. Слово — знак, которым обозначаются предметы действительности, имеющие свои особенности.

Какое отношение существует между знаком и обозначаемым предметом? Между ними может не быть ничего общего. Знак всегда чувственно воспринимаемое, а обозначаемый предмет может быть лишен чувственности, быть абстрактным объектом науки, вроде математической точки. Тем более между знаком и обозначаемым предметом нет никакой необходимой связи, вытекающей из природы предмета или знака; знак не отображает предмет, а обозначает его. Иногда говорят, что «связь знака и обозначаемого предмета является *произвольной*. Знак может не иметь никакого сходства с обозначаемым предметом» [21].

Нам кажется, что лучше говорить не о произвольности, а о случайности связи знака и предмета. Произвольность предполагает свободный выбор, отсутствие детерминации (захочу так, а захочу этак), знаки же возникают определенным, закономерным путем. Поэтому связь между знаком и предметом случайна для предмета и знака, поскольку она не обусловлена их природой; предмет не определяет знака, а знак предмета, но эта связь возникает в обществе и в каждом отдельном случае обусловлена конкретными причинами.

Связь между знаком и предметом осуществляется через значение, природа которого истолковывается различным образом. Наиболее правильной, на наш взгляд, является та точка зрения, которая рассматривает значение как «общественную субстанцию», «которая непосредственно не проявляется в вещественной, материальной форме знаков... Эта «общественная субстанция» носит идеальный характер» [22].

---

[21] *Л. О. Резников* Гносеологические вопросы семиотики. Л., 1964, стр. 12.

[22] «Проблемы мышления в современной науке». Под ред. П. В. Копнина и М. Б. Вильницкого. М., 1964, стр. 80.

Библиотека "Руниверс"

Идеальное существует в форме значения знака, оно вырабатывается в процессе взаимодействия субъекта и объекта, которое, как известно, носит общественный характер. По отношению к обозначаемому предмету значение выступает отражением, субъективным образом объективно существующего предмета. Между значением и предметом существует внутренне-необходимая связь, значение выступает идеальным образом предмета.

Связь значения и знака нельзя определять только в терминах «произвольность», «условность», хотя отношение знака к значению носит иной характер, чем отношение значения к предмету; знак не отражает значения, а является чувственно-материальной формой его существования[23]. Значение существует только в форме знаков, сливается с ними в одно органическое целое. Почему данный знак связан с этим значением? Этого, конечно, нельзя вывести ни из природы знака, ни из природы значения, и только потому их связь условна. Но и знаки и значения вырабатываются в процессе общественной практики человека, и в каждом конкретном случае можно найти причины, которые привели к тому, что данное значение оказалось связанным с этим, а не с другим знаком. Возникнув в силу определенных, конкретных причин в обществе, связь между знаком и значением становится прочной, устойчивой, значение в процессе общения людей между собой сливается с определенным знаком, который выступает заменителем и представителем значения. В процессе познания человек может оперировать знаками, не обращаясь до некоторого времени к их значению, переходя от знака к знаку.

В процессе функционирования высшей нервной деятельности, выступающей материальным субстратом познания, знаки становятся сигналами — материальными явлениями, несущими информацию и воздействующими на нервную систему человека. Система знаков, имеющих значение, называется языком. Необходимым условием,

---

[23] Иногда отношение знака к значению определяется через термин «выражение» («...между знаком и значением существует отношение выражения, а не обозначения») (*Л. О. Резников.* Гносеологические вопросы семиотики, стр. 47). Мы считаем, более точно говорить, что знак — материальная форма существования идеального — значения.

Библиотека "Руниверс"

которое предъявляется к языку, является наличие знаков. Без знаков нет языка, но и одни знаки не образуют его. Иногда под языком понимают только знаки, вне их значений. В этом смысле говорят о языке отдельно, а о познании отдельно, понимая под языком знаки или имена, а под познанием — их значения. На самом деле одни знаки или имена, изолированные от их идеального значения и связи между ними, языка не составляют. В язык знаки входят не сами по себе, а со своими значениями. Эти знаки и их значения в языке образуют относительно замкнутую и самостоятельную систему, имеющую свои законы, правила и формы связи.

Практически, реально сознание существует только в форме языка. Как писал К. Маркс, «на «духе» с самого начала лежит проклятие — быть «отягощенным» материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков — словом, в виде языка. Язык так же древен, как и сознание; язык *есть* практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание...» [24].

Познание как чисто идеальная область существует лишь в абстракции, наука может выделить его и сделать предметом своего исследования. Однако реальное, практическое познание всегда предполагает использование того или иного языка. Анализ познания неизбежно приводит к анализу языка. В этом утверждении не содержится ничего позитивистского, если правильно понимать сам язык.

Часто вопрос о познавательной функции языка сводится к дилемме: что такое язык — средство или форма отражения действительности? Ответ на этот вопрос мыслится в форме исключающего «или — или». В действительности же язык прежде всего сама реальность познавательной деятельности человека, это само познание с его результатами, которые реально существуют в обществе. Все результаты познания выступают как язык — система знаков, имеющих свои значения.

Анализируя язык и выделив в нем знаки, их связь и значение, можно определить, что знак является матери-

---

[24] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, стр. 29.

Библиотека "Руниверс"

альным средством отражения, а значение — идеальным, формой отражения объекта. Но и то и другое в своем единстве входит в язык. Иногда знаки в своей изолированности от значений противопоставляются последним и это противопоставление мыслится в форме языка, с одной стороны, и познания — с другой. Но в данном случае и язык и познание берутся не в полном объеме, а только с некоторых сторон. В языке выделяются знаки как материальные средства, а в познании — только идеальное, формы отражения предмета. В таком ограниченном смысле можно противопоставить язык и познание как две относительно самостоятельные сферы духовной деятельности субъекта.

Долгое время под языком разумели только так называемые естественные языки, которые исторически складывались в процессе развития различных общностей людей. В качестве знаков в этих языках выступали слова. Однако развитие общества, и в частности науки, приводит к созданию новых языков — искусственных языков науки, где в качестве знаков выступают не слова, а символы (условные обозначения), имеющие строго определенное значение, выработанное данной наукой. На основе этих знаков-символов создается система, имеющая свои правила функционирования. Особенно развитым является язык математики, который становится языком науки вообще.

Возникновение и развитие искусственных языков науки свидетельствует о прогрессе познания, которое обогащается новыми понятиями, закрепленными искусственными знаками.

Искусственные языки науки нельзя отрывать от естественных языков: первые возникают на базе вторых, дополняют и преодолевают некоторые их недостатки. Развитие познания происходит не путем замены и вытеснения естественных языков искусственными, а путем обогащения языка вообще, что включает как совершенствование естественных языков, так и возникновение и обогащение систем искусственных языков, причем последние органически вплетаются в естественные, образуя язык современного общества, составляющий реальное познание человечества на данной ступени его развития.

Библиотека "Руниверс"

7. Активность субъекта в процессе отражения объекта

Влияние субъекта на процесс отражения не ограничивается нервной системой и выработанными знаками, в которых закрепляется отражение объекта. Ни нервная система, ни знаки не оказывают влияния на содержание познавательного образа. Не они определяют, какие явления природы стали объектом познания, до какой степени полноты, точности и глубины возможно их познание, почему и как отдельные предметы действительности подверглись мистификации и искажению. Мозг Аристотеля по своей физиологической природе не был более слабым и ущербным, чем мозг современного человека, а древнегреческий язык и его знаки были способны так видоизменяться, чтобы зафиксировать всевозможные возникающие новые понятия и идеи. Однако Аристотель не мог открыть не только теории относительности и квантовой механики, но и законов классической механики. К. Маркс и Дж. Милль были современниками, но они совершенно по-разному воспринимали капиталистический строй.

Когда речь идет о влиянии субъекта на отражение действительности, то следует иметь в виду не нервную систему и не знаки, а прежде всего степень развития общества, характер отношений людей в нем. Человек и характер отражения им действительности определяются обществом, его потребностями на данном уровне развития, целями, с которыми субъект вступает в практическое взаимодействие с объектом.

Целесообразность, целенаправленность познания составляет не внешнюю его сторону, а существенный момент, без которого по существу нет познания как духовной деятельности субъекта. Что, какую сторону постигать в предмете, как, в каком направлении изменять его — это определяется субъектом, его целями и потребностями. В зависимости от зрелости общественного развития ставятся и различные цели. Сейчас человек стремится овладеть и управлять термоядерной реакцией, совершить путешествие на другие планеты Солнечной системы, а некогда он ставил своей целью использовать энергию пара, совершить путешествие на другие материки Земли — в Индию и т. п. В каждую эпоху осознаются и

Библиотека "Руниверс"

господствуют определенные цели; они зависят от уровня развития человечества, степени его зрелости. Эти цели и направляют познавательный процесс, они определяют выбор объекта познания и практической деятельности, оказывают серьезное влияние на содержание познавательного образа.

Об этой стороне познавательного процесса забывают, когда в качестве субъекта познания рассматривают кибернетическую машину. Может ли машина иметь свои собственные, можно сказать, машинные цели в своем отношении к объективному миру? Нужно ли для внутренних потребностей комбайна убирать урожай, для электронно-вычислительной машины решать дифференциальные уравнения и управлять производством соли на каком-либо заводе? Комбайн не питается зерном, а электронно-вычислительная машина — солью. Субъект, человечество ставит определенные цели перед собой и создает орудия труда, помогающие ему осуществлять эти цели, которые порождаются отношением к объективному миру, потребностями воспроизведения в практике явлений, необходимых для функционирования общественного организма.

Человек подходит к познанию объекта со своими субъективными целями, однако благодаря этой целенаправленности и целесообразности он точно, полно и глубоко постигает объект, его собственные свойства. Кажется парадоксальным, что субъективные цели приводят к объективному в своем содержании познанию. Но это происходит в силу того, что «цели человека, — писал В. И. Ленин, — порождены объективным миром и предполагают его, — находят его как данное, наличное» [25]. Цели человека вытекают из предшествующего опыта практической и теоретической деятельности человека, из ранее познанных объективных законов.

Субъект и его цели, вытекающие из общественных отношений, могут по-разному влиять на познавательный процесс, на содержание познавательного образа. Одни цели толкают человека на создание понятий и идей, которые глубоко и точно отражают изучаемый процесс, другие, наоборот, мешают вскрытию подлинной природы

---

[25] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т 29, стр. 171.

Библиотека "Руниверс"

объекта. Все зависит от характера целей и их источника. Когда цели вытекают не из объективных потребностей, а из субъективных побуждений определенного класса в обществе, корыстных стремлений отдельных групп, интересы которых вступают в противоречие с объективным ходом развития общества, то они уводят человека от познания объективных свойств предмета, побуждают его к созданию фикций, ложных представлений, искажению действительности. К. Маркс, имея в виду буржуазную политическую экономию после завоевания буржуазией политической власти, писал: «Отныне дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой» [26].

Конечно, при изучении не всех объектов классовые интересы играют такую существенную роль в характере отражения, как в политической экономии. Но, как говорил В. И. Ленин, если бы аксиомы геометрии задевали классовые интересы людей, то и они, несомненно, опровергались бы буржуазными мыслителями, фальсифицировались с таким же рвением, как и социальные отношения в капиталистическом обществе. При этом неоспоримым является одно: характер отражения зависит и от субъекта, в том числе и от классовых взаимоотношений в обществе, а сам процесс познания нельзя представлять в виде механического копирования при безучастности субъекта.

Человек — активное начало в процессе познания, которое в силу этого приобретает субъективный характер. Но эта субъективность не является либо только злом, либо только добром. Активность субъекта приводит при одних условиях к всестороннему и глубокому отражению действительности, а при других — она же является источником заблуждений, превратных, искажающих объект теоретических построений. Иллюзорность, односторонность познавательных образов является результатом не только неразвитости человеческого общества, ограничен-

[26] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 17.

Библиотека "Руниверс"

ности его проникновения на данном этапе в сущность предмета, но и таких социальных отношений людей в обществе, которые толкают на превратное, субъективистское отражение действительности. Например, возникновение фантастического отражения действительности, каким является религия, можно объяснить примитивностью, отсталостью первобытного общества. Однако ее существование в век космических полетов, кибернетики, использования энергии атома является следствием уже других факторов, вытекающих из социальной структуры и классовой борьбы в обществе.

Развитие человека, в частности возникновение общества, где субъективные устремления отдельных людей и социальных групп будут полностью совпадать с объективными потребностями прогрессивного движения общества, когда люди в процессе познания будут руководствоваться только такими целями, которые направлены на постижение объективной природы изучаемых объектов, приведет к тому, что исчезнут субъективные условия, направляющие познание по ложному пути, и активность субъекта будет служить источником движения только к объективно-истинным результатам познания.

ГЛАВА V

ИСТИНА И ЕЕ КРИТЕРИЙ

1. Объективная истина

Поскольку познание объективной реальности зависит от субъекта и поскольку возможно иллюзорное, одностороннее ее отражение, то возникает вопрос об истине.

Проблема истины является одной из самых древних и сложных. Трудно представить себе философию, которая обошла бы вопрос об истинном и ложном. Гносеологическая проблематика стягивается к истине, как к своему фокусу. Что такое истина, как возможно истинное познание — этот вопрос волновал уже философов античности, но особую остроту он приобрел в новое время.

Одно из первых определений истины, ставшее традиционным, классическим, было дано Аристотелем, который исходил из материалистической тенденции: вещи, пред-

Библиотека "Руниверс"

меты объективно существуют вне сознания, познание истинно, когда оно соответствует вещам и их связям [1].

Аристотелевское определение истины как утверждения или отрицания, соответствующего действительности, превратилось в общепризнанное в истории философии, оно принималось философами самых различных направлений — и материалистами и идеалистами.

Прагматист В. Джемс пишет: «Истина, как вам сообщит любой словарь, — это особое свойство некоторых наших представлений Она обозначает их «соответствие» с «действительностью», подобно тому как ложность обозначает их несоответствие с ней. Прагматисты и интеллектуалисты одинаково принимают это определение как нечто само собою разумеющееся. Разногласие между ними начинается лишь тогда, когда подымается вопрос, что́, собственно, означают в точности слова «соответствие» и «действительность», — если под действительностью понимают то, чему должны соответствовать наши представления» [2]

Джемс прав в том отношении, что это определение истины настолько абстрактно и неопределенно, что его может использовать любое направление, в том числе и прагматизм, вкладывая в понятия «соответствие» и «действительность» свое содержание, не имеющее ничего общего с той материалистической тенденцией, которая была свойственна аристотелевской концепции истины. Поэтому марксистская гносеология, не считая это определение ложным или порочным, не может его взять в силу абстрактности и неопределенности за исходный момент своего понимания истины. Необходимо такое понятие истины, в котором выражалось бы материалистическое решение основного вопроса философии

Марксизм не ставит вопроса, существует ли истина, ибо нет такого направления в философии, которое бы отрицательно отвечало на этот вопрос. Все признают, что цель познания — истина, однако понимают ее по-разному.

Абстрактная постановка вопроса, существует ли истина, заменяется конкретной: «существует ли объективная

---

[1] «Надо иметь в виду, — писал Аристотель, — не потому ты бел, что мы правильно считаем тебя белым, а, (наоборот), — потому, что ты бел, мы, утверждающие это, правы» (*Аристотель* Метафизика М—Л, 1934, стр 162)

[2] *В Джемс* Прагматизм СПб, 1910 стр 122

Библиотека "Руниверс"

истина», в которую вкладывается строго определенное содержание, «т. е. может ли в человеческих представлениях быть такое содержание, которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества?» [3]. В решении этого вопроса прежде всего происходит размежевание между материализмом и субъективным идеализмом Для материализма «существенно признание объективной истины» [4], а для агностицизма и субъективного идеализма вообще «объективной истины быть не может» [5].

Рассмотрим наиболее типичные формы агностического, субъективно-идеалистического отрицания объективной истины. Они довольно многообразны, однако едины в одном пункте. в сознании человека объективная реальность не может быть в своем содержании дана такой, какой она существует независимо от него

Одна из распространенных концепций отрицания объективной истины — кантианство, причем Кант схватил сложность и противоречивость самого понятия истины. По его мнению, истина должна быть объективной, неотъемлемыми признаками этой объективности являются всеобщность и необходимость. Суждение может быть признано истинным, если мыслится с безусловной необходимостью и всеобщностью

Конечно, необходимость и всеобщность присущи объективно-истинному знанию. Но где источник этой необходимости и всеобщности, выражают ли они свойства объекта, существующего независимо от сознания человека, или коренятся в субъекте и особенностях организации его мышления? При ответе на этот вопрос и проявляется субъективизм Канта, отрицавшего по сути существование объективной истины. Из объекта путем опыта нельзя вывести всеобщность и необходимость «...Если .. суждение, — пишет Кант, — мыслится с характером строгой всеобщности, т. е так, что не допускается возможность никакого исключения, то такое суждение не выведено из опыта, а имеет силу абсолютно a priori . Итак, необходимость и строгая всеобщность суть надежные признаки априорного знания» [6].

---

[3] *В И Ленин* Полн собр соч , т 18, стр 123
[4] Там же, стр 128
[5] Там же
[6] *И Кант* Критика чистого разума Пг , 1915, стр 26

Библиотека "Руниверс"

Сущность рассуждений Канта сводится к следующему: объективная истина возможна, признаками ее являются всеобщность и необходимость, но источником последних служит не объект, а субъект, формальная организация его сознания. И таким образом, никакой объективной истины, содержание которой определялось бы объектом, фактически не существует, априоризм — форма отрицания объективной истины в пользу субъективной, определяемой сознанием и его формами.

У Канта субъективизм в понимании истины покоится на обнаружении объективных трудностей и противоречий, лежащих в ее сущности. Истина — форма деятельности субъекта, но она должна обладать качеством объективности, выраженной во всеобщности и необходимости. Но Кант не мог найти подлинного источника этой объективности, идя по пути априоризма; он искал этот источник, видел реальные трудности, стоящие на пути решения проблемы объективности истины. В силу метафизичности метода критицизма, считавшего познание и познавательные способности чем-то раз навсегда данным, в отрыве от истории самого реального процесса познания, Кант пришел к априоризму, т. е. субъективизму.

В последующей буржуазной философии этот субъективизм в понимании истины стал выступать в еще более откровенной и грубой форме, игнорирующей реальные трудности, противоречия самого понятия объективно-истинного знания. Махизм сводил истину к достижению наиболее простой и экономной связи ощущений. Здесь снимается вообще вопрос об отношении содержания знания к существующему вне его объекту. Истинное познание действительно экономно и просто, в самом по себе требовании экономности и простоты не заключается ничего субъективистского, если оно не отрывается от объективности и не превращается в самоцель. «Мышление человека, — пишет В. И. Ленин, — тогда «экономно», когда оно *правильно* отражает объективную истину...»[7] Но махизм не хочет связать экономность с объективностью, вывести первое из второго, он стремится признать экономность вне зависимости от объективности, чтобы оторвать истину от объекта. Это ведет к кантианству наизнанку. «...Если, — пишет В. И. Ленин, — не признавать

[7] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 176.

Библиотека "Руниверс"

объективной реальности, данной нам в ощущениях, то откуда может взяться «принцип экономии» как не *из субъекта*? Ощущения, конечно, никакой «экономии» не содержат. Значит, мышление дает нечто такое, чего нет в ощущении! Значит, «принцип экономии» берется не из опыта (=ощущений), а предшествует всякому опыту, составляет логическое условие его, как категории Канта»[8].

Формой субъективизма в понимании истины является и теория когеренции (Нейрат, Гемпель и другие неопозитивисты), которая замыкает знание в знании, не оставляя для него выхода в объект. Истина есть согласие одного знания с другим по закону недопустимости противоречия. Но, выводя одно знание по законам дедукции из другого, мы в каждой науке упираемся в суждения, которые невыводимы из других. Предлагается эти суждения считать истинными в силу соглашения людей. В таком случае истина выступает конвенцией, договором. Так, Анри Пуанкаре геометрические аксиомы считает условными положениями, выбор которых «остается *свободным* и ограничен лишь необходимостью избегать всякого противоречия»[9].

Некоторые субъективистские концепции выводят истинность знания не из знания, а из субъекта. Так, прагматисты видят истинность в соответствии идей и поступков со стремлением субъекта, с его пользой. «*Истинные идеи — это те, которые мы можем усвоить себе, подтвердить, подкрепить и проверить*»[10]. А под проверкой понимаются практические следствия из проверяемой и подтверждаемой идеи, или, как выражается сам Джемс, «приятное вождение»; «...обладание истинными идеями, — пишет он, — обозначает всегда также обладание драгоценнейшими орудиями действия»[11].

Для некоторых представителей современного позитивизма характерно понимание истины как веры субъекта. Так, Б. Рассел пишет: «Когда мы говорим, что предложение «истинно», мы имеем в виду сказать нечто о состоянии сознания произносящего или слышащего его с верой. Действительно, истинной или ложной является прежде

---

[8] Там же, стр. 177.
[9] *А. Пуанкаре.* Наука и гипотеза. М., 1904, стр. 61.
[10] *В. Джемс.* Прагматизм, стр. 123.
[11] Там же, стр. 124.

Библиотека "Руниверс"

всего вера; предложения становятся истинными или ложными только благодаря тому, что они выражают веру» [12].

Термин «вера» употребляется здесь не в религиозном смысле. Вера может быть истинной или ложной в зависимости от того, находит ли она подтверждение в каком-либо факте или нет. Предложение может быть истинным или ложным, «даже если никто в него не верит, однако при том условии, что если бы кто-нибудь в него поверил, то эта вера оказалась бы истинной или ложной, смотря по обстоятельствам» [13].

Вера, по мнению Рассела, существует у животных, например, в виде условного рефлекса. Собака на звонок выделяет слюну, потому что пища и звонок часто ею воспринимаются одновременно. Собака, по Расселу, услышав звонок, верит, что есть пища, и эта вера истинна, если пища действительно имеется. Точно так же поступает человек, когда он вскакивает с постели при слове «пожар», «даже если он не увидит и не почувствует огня. Его действие есть свидетельство наличия у него веры, которая окажется «истинной», если огонь действительно есть, и «ложной», если его нет. Истинность его веры зависит от факта, который может оставаться вне его опыта» [14].

Итак, истина — вера, которой соответствует какой-то факт, а ложь — вера, которая не имеет такого факта. Поскольку вера — это состояние человеческого сознания, то истина не выходит в своем содержании за пределы субъекта, в область объективной реальности, существующей вне сознания человека. Причем вера связана с языком. Два человека имеют одну и ту же веру, если они говорят на одном языке. Эта тенденция связать истину с языком особенно характерна для А. Тарского, который объявил понятие истины свойством языка [15].

---

[12] *Б. Рассел.* Человеческое познание. М., 1957, стр. 147.

[13] Там же, стр. 182.

[14] Там же, стр. 183.

[15] Так, в работе «Семантическое понимание истины» А. Тарский пишет: «...если мы хотим сказать что-нибудь о предложении, например что оно истинно, то мы должны для этого пользоваться названием этого предложения, но не самим предложением» (*A. Tarski.* The Semantic Conception of Truth. Readings in Philosophical Analysis. New York, 1949, p. 55). Тут проблема истины переносится в план рассмотрения взаимоотношений между предложениями, а вопрос об объективном содержании знания снимается.

Библиотека "Руниверс"

Ленинское определение истины как знания, содержание которого не зависит от человека и человечества, подвергается критике со стороны так называемого гуманистического творческого марксизма. В журнале «Праксис» были опубликованы статьи М. Марковича и С. Князевой, в которых доказывается необходимость пересмотра этого определения. Так, М. Маркович, имея в виду положение В. И. Ленина об объективной истине, пишет: «При этом «содержание» наших данных не может быть «независимым от сознания человека и человечества...» именно потому, что эти данные и человек, который стоит за ними, участвовали в оформлении этого содержания» [16]. Истина объективна только в рамках человеческой истории, говорить об истине вне человека бессмысленно. По мнению этих философов, положение В. И. Ленина об объективной истине проистекает из такого понимания истины как отражения, которое «не обращает внимания на активный момент человеческого познания, на символический характер многих человеческих творений, о которых мы говорим, что они истинные. Кроме того, такое определение истины с помощью понятия отражения настолько недостаточно полно, что оно не дает возможности установить объем понятия «истина» и отличить истинное от неистинного. Для того, — продолжает М. Маркович, — чтобы прийти к точному определению истины в соответствии с гуманистической и диалектической философией, мы должны использовать современный аппарат понятий. Скажем так, что *знак является истинным, когда он адекватно означает реальную модель*» [17]. Под адекватностью понимается наличие изоморфизма (идентичности структур) между знаком и моделью. При этом «не только знак, но и модель не являются объектами «сами по себе». Они принадлежат человеческому миру, и о них можно сказать что-то определенное только из человеческой перспективы с помощью человеческих выразительных средств» [18].

---

[16] «Praxis» (Zagreb), 1965, N 2, p. 185.

[17] Там же, стр. 184.

[18] Там же. Аналогичные мысли развивает С. Князева в опубликованной в том же номере «Праксиса» статье «Истина как корреспонденция». Под последней разумеется способ информации о модели знаками. Но как модель, так и знак являются продуктом человеческой истории.

Библиотека "Руниверс"

Конечно, истинное знание является продуктом деятельности человечества. Возражать против этого трудно. Когда речь идет об объективности истины, то ни в какой мере не подвергается сомнению, что вне человека истины нет. Но возникает другой вопрос: какая форма интеллектуальной деятельности человека является истинной, что именно делает ее таковой? Вот здесь-то и проходит водораздел между материализмом и идеализмом в понимании истины. Материализм считает, что только та деятельность приводит к истине, которая дает нам знание об объективной реальности во всех ее формах и тенденциях развития. Объективная истина своим содержанием может иметь предмет и в форме, которую он приобретает в процессе своего развития под воздействием практической деятельности человека. Но и в этом случае истина — знание, содержание которого не зависит от человека и человечества, т. е. знание отражает объективную реальность в ее действительных и возможных формах, но существующую независимо от познающего субъекта.

Когда М. Маркович, С. Князева и другие говорят об истине как адекватности знака модели, которая также является продуктом деятельности человека, то они замыкают познание в сфере деятельности субъекта; у познания нет выхода в мир явлений, процессов объективной реальности, знание имеет дело только с продуктами деятельности человека. В таком случае ставится под сомнение исходная посылка материалистической гносеологии, которую признают эти авторы, что предметы природы существуют как таковые вне сознания людей. А как мы знаем об их существовании, если они не составляют содержания нашего знания? Где, кроме истинного знания, эта объективная реальность может быть нам дана?

Таким образом, истина является продуктом деятельности человека и человечества, но это нисколько не исключает того, что цель деятельности — достижение такого знания, содержание которого не зависит от человека и человечества. Без объективного содержания знание не будет представлять никакого значения для практики, оно не способно ей помочь в овладении находящейся вне человека объективной реальностью.

Наряду с субъективистскими концепциями истины в философии имеют место хотя и противоположные им, но также неверные представления об истине как свойстве

Библиотека "Руниверс"

особых идеальных объектов. Субъективистское понимание связывает содержание истинного знания с субъектом, объективные идеалисты не только содержание истинного знания, но истину в целом выводили за пределы субъекта. Для них истина существует вне человеческого знания как некая внеопытная, вечная сущность (например, идея в философии Платона). Эти концепции имеют место и у некоторых представителей буржуазной философии XX в. (Н. Гартман, Уайтхед, неотомисты). Актуальные сущности Уайтхеда, как и идеи Платона, вечны и истинны сами по себе, вне всякого отношения к субъекту.

Концепции истины субъективного и объективного идеализма противоположны друг другу в том отношении, что одна содержание истины выводит из субъекта, а согласно другой, истина, как таковая, существует вне всякого субъекта. Одно направление спекулирует на односторонности и даже нелепости другого. Одни мыслители правильно отмечают, что истина потеряет свое значение, если она не будет связана с объектом (но эта связь ими понимается как простое тождество истины с определенной, особой формой объекта); другие утверждают, что никакой истины вне человеческой деятельности быть не может. Но при этом последние доводят связь истины с человеком до отождествления ее содержания с какими-то моментами деятельности субъекта, исключают объект из содержания истинного знания.

Каждая из этих концепций в своей крайности и односторонности приводит к искаженному истолкованию сущности истины.

Однако анализ постановки вопроса об истине в субъективном и объективном идеализме дает возможность понять трудности, с которыми сталкивались в философии при решении данной проблемы. Основной из них является опять-таки выявление взаимоотношения субъекта и объекта в истине.

Сущность истины может быть вскрыта, если она будет рассматриваться как теоретическая форма решения противоречий между субъектом и объектом в процессе преобразования явлений природы и общественной жизни.

Субъект и объект противостоят друг другу. Познание не разъединяет их, а связывает. И это оно делает посредством истины, которая, с одной стороны, является результатом человеческой деятельности — и в этом смысле

Библиотека "Руниверс"

субъективна, а с другой стороны, объективна, поскольку ее содержание не зависит ни от человека, ни от человечества.

Иными словами, только объективная истина — истина; оставаясь результатом деятельности человека, она в своем содержании независима от него. Эти два момента не мог связать ни объективный, ни субъективный идеализм, выводившие истину либо только из субъекта, либо только из объекта.

Диалектический материализм в понятии объективной истины нашел разрешение тех трудностей, о которые споткнулась идеалистическая философия. Истина может быть только объективной, и в то же время ее объективность является результатом субъективной деятельности человека, и, чем объективнее истина, тем большими субъективными усилиями она достигается. Но эта субъективная деятельность не составляет содержания истинного знания, она выполняет роль средств движения к ней. И здесь объективность и субъективность не исключают, а взаимно дополняют друг друга. Одно становится возможным только благодаря другому.

2. Истина как процесс. Конкретность истины

Вопрос об истине имеет и другую сторону. Недостаточно признавать существование объективной истины, надо еще показать, какими реальными путями человечество идет к ней.

Многие материалисты в прошлом оказывались бессильными против агностицизма, отрицавшего объективную истину, именно в силу того, что они не могли научно обосновать, какими реальными путями она достигается. Будучи метафизиками, они представляли истину в виде одноразового акта, посредством которого объект постигается сразу, в полном объеме, во всем многообразии своих свойств, отношений и закономерностей.

Одним из важнейших положений Гегеля в понимании истины, которое воспринял и развил дальше марксизм, является утверждение, что истина возможна только как процесс. В. И. Ленин, конспектируя «Науку логики» Гегеля, заключает: «Совпадение мысли с объектом есть **процесс**: мысль (=человек) не должна представлять себе

Библиотека "Руниверс"

истину в виде мертвого покоя, в виде простой картины (образа), бледного (тусклого), без стремления, без движения, точно гения, точно число, точно абстрактную мысль» [19].

Исходя из рассмотрения истины как процесса можно решить ряд трудных проблем гносеологии. Одной из них является вопрос о суверенности человеческого познания. Может ли человек иметь истинное знание о всей объективной реальности? Может ли он познать все явления и процессы во всей их полноте?

Отрицательный ответ на этот вопрос делает нас совершенно бессильными перед агностицизмом — ведь отрицание возможности достижения достоверного знания о процессах и явлениях объективной реальности составляет исходный пункт агностицизма. Но на каком основании можно считать наше знание суверенным, способным все постигнуть, если мы на каждом шагу сталкиваемся с его несовершенством: незнанием огромного количества вещей и явлений, удостоверяемся в неточности и неполноте имеющегося знания об отдельных явлениях.

Если замкнуть познание в рамки одного какого-то состояния прошедшего, настоящего или будущего, то несуверенность его становится очевидным фактом. Ни в один конкретный исторический период мы не в состоянии знать всех вещей и явлений. Однако если познание и достижение объективной истины рассматривать как никогда не заканчивающийся процесс, то мы увидим, что они не имеют ни в себе, ни в объективной реальности границ, которые познание не может перейти в процессе развития; но не покоящееся, а непрерывно развивающееся знание способно в принципе все познать.

Сами объекты действительности нельзя делить на познаваемые и непознаваемые. Разве в природе одних заложена способность к тому, чтобы человек постиг их сущность, а в других поставлены кем-то границы для их познания? Наделение самих объектов какими-то силами, которые делают возможным или невозможным их познание человеком, является формой антропоморфизма, свойственного незрелому человеческому сознанию, видящему в явлениях и вещах действительности злых и добрых духов. Если гносеология тоже будет наделять вещи свое-

---

[19] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 176—177.

Библиотека "Руниверс"

образными духами, разрешающими или запрещающими их познавать, то она порвет с наукой и сомкнется с самыми отсталыми религиозными представлениями.

Несуверенность нашего мышления проистекает не от объекта, а от субъекта, следовательно, преодоление ее связано не с тем, что нам необходима другая объективная реальность, более легкая и простая, а с развитием субъекта (человеческого общества) и его познания. Эта несуверенность коренится не в естественных органах человека (структуре и возможностях органов чувств, мозга), а в общественной природе, в степени зрелости человеческих отношений, характере производства, организации труда и социально-политического устройства общества. Например, элементарные частицы: электрон, протон и т. п. — не были известны ни Демокриту, ни Аристотелю, ни даже Ньютону и Менделееву не потому, что их органы чувств были несовершенными, неспособными увидеть или услышать эти частицы. У Н. Бора были такие же в принципе органы чувств, как и у его великих предшественников. Однако Н. Бор жил в иное время, когда человечество достигло более высокой ступени цивилизации, когда познанию стали доступны вещи, по поводу которых ранее могли строить лишь гипотезы.

Поэтому суверенность человеческого познания осуществляется в процессе исторического развития человечества, являющегося практически бесконечным, и сама истина есть общественно-исторический процесс постижения человеком объективной реальности. По этому поводу Ф. Энгельс писал: «...суверенность мышления осуществляется в ряде людей, мыслящих чрезвычайно несуверенно...» [20]

Познание суверенно и несуверенно, оно суверенно как процесс и несуверенно как любое достигнутое состояние. В принципе человеческому познанию доступны все явления и процессы в мире, но человек не может осуществить эту возможность в какой-то конкретный исторический период, дающий ограниченное знание. Каждый результат человеческого знания суверенен, поскольку он является моментом процесса познания объективной реальности, и несуверенен как отдельный акт, имеющий свои границы,

---

[20] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 87.

Библиотека "Руниверс"

положенные определенным уровнем развития человеческой цивилизации.

Познание суверенно и несуверенно, оно суверенно как потенциальная способность мышления все постигнуть и несуверенно в результате реальной неосуществимости этого постижения на каком-то определенном историческом отрезке времени; это противоречие разрешается только «в таком ряде последовательных человеческих поколений, который, для нас по крайней мере, на практике бесконечен» [21].

Если истина — не застывшее состояние, а общественно-исторический процесс, то ее отношение к своей противоположности — заблуждению нельзя сводить к абсолютному, метафизическому противопоставлению всегда, всюду и во всех отношениях. «Истина и заблуждение, — писал Ф. Энгельс, — подобно всем логическим категориям, движущимся в полярных противоположностях, имеют абсолютное значение только в пределах чрезвычайно ограниченной области... Как только мы станем применять противоположность истины и заблуждения вне границ вышеуказанной узкой области, так эта противоположность сделается относительной и, следовательно, негодной для точного научного способа выражения» [22].

Эта относительность противопоставления истины и заблуждения состоит прежде всего в том, что в реальном процессе познания нет истины в чистом виде, совершенно свободной от моментов неистины, т. е. заблуждения. Истина, как и все остальное, в чистом виде существует только в абстракции, а каждый действительный процесс движения познания означает движение от неистинного к истинному, и он не свободен от моментов иллюзорности, заблуждений. Любая теория содержит элементы, неистинность которых обнаруживается последующим ходом развития науки.

Но не только в целом объективно-истинное знание содержит в себе моменты заблуждений. На определенном этапе развития познания обнаруживается, что некоторые положения науки были заблуждением. Например, положение химии XVIII в. о неделимости атома было для своего времени научным утверждением, добытым очень труд-

---

[21] Там же, стр 88.
[22] Там же, стр 92.

Библиотека "Руниверс"

ным и длительным путем. Однако в конце XIX в. оно превратилось в заблуждение, которое тормозило прогресс в познании строения вещества, и потребовалось еще много усилий, чтобы преодолеть это заблуждение.

Бывает и наоборот: в новых условиях заблуждение обнаруживает свою истинную сторону и становится частью истины. Так, например, наука XVIII в. отвергла как совершенно ложную идею алхимии о превращении неблагородных металлов в благородные. Эта идея казалась в принципе нелепой и противоречила представлению об атоме как замкнутой и неизменной системе. Сейчас идея превращения любого химического элемента в любой другой (не исключая золота) является правильной, научной идеей. Правда, никто не занимается поисками философского камня, посредством которого можно получить такое превращение, однако в реальности этого процесса сомнения уже давно нет.

Но может возникнуть вопрос: если в движении реального процесса познания противоположность истины и заблуждения относительна, то существуют ли какие-либо объективные критерии отличия истины от заблуждения? В самом деле, если в истинном обнаруживается момент заблуждения, а в заблуждении — истинная сторона, то как их различать? Количественно? Вряд ли можно установить, сколько моментов истинного содержится в теории, которая принимается наукой за истину. Ее истинные моменты могут быть найдены только последующим ходом развития познания, тем более что такой количественный подсчет ничего не может дать, даже если мы его потом произведем, ибо обнаружится, что некоторые теории (например, флогистона), считавшиеся истинами науки, количественно содержали столько же истинных суждений, сколько и некоторые библейские рассказы.

Остается только один путь — выявить качественное различие между истиной и заблуждением. И это возможно сделать, если рассматривать истину как процесс, а не состояние. Истина и заблуждение отличаются друг от друга по тенденции, направлению, а следовательно, результатом движения познания. В истине процесс движения мышления идет по пути объективно-верного отражения действительности, создания познавательного образа, глубоко и всесторонне постигающего объективную реальность, в ее действительных и возможных формах Этот

Библиотека "Руниверс"

процесс включает в себя и отклонения от истины, но на этих неистинных моментах он не останавливается, а идет дальше, они преодолеваются в ходе движения самого познания.

Заблуждение — противоположный истине процесс движения мышления, идущий по пути искаженного, извращенного отображения действительности; в этом процессе истинные моменты выступают в качестве случайных, не вытекающих из объективной направленности самого процесса. Поэтому, чтобы ответить на вопрос, куда относится конкретный результат познания — к истине или заблуждению, надо проанализировать и определить его место в движении человеческого познания: к какому процессу он относится, возник ли исторически как движение познания по пути объективной истины или же по пути заблуждения. Например, теория флогистона явилась результатом развития химической науки, стремящейся постигнуть объективную природу вещества, и неистинные моменты, имевшиеся в ней, были преодолены ходом развития самой химии.

Таким образом, исторически возникло два противоположных подхода к окружающему миру: путь науки (истина) и путь заблуждения, характерный для религии и других подобных форм мистификации. Их противоположность абсолютна, несмотря на то что путь истины включает в себя моменты заблуждения, а путь заблуждений не лишен истинных положений. Некоторые направления современной буржуазной философии хотят примирить науку и религию, истину и заблуждение, основываясь на том, что якобы религия не лишена некоторых истинных моментов, а научные истины — элементов заблуждения.

История человеческой мысли, одиссея человеческого разума полна трагических моментов борьбы истины и заблуждения, которые как два противоположных процесса непримиримы. Но где причина существования наряду с истиной и заблуждения как особого пути движения мышления?

Эти причины прежде всего внегносеологического характера. Они коренятся в противоречиях общественной жизни людей. Как уже отмечалось, познание — общественно-исторический процесс. В обществе возникают определенные социальные силы, которые толкают познание на путь заблуждения, превращают моменты иллюзорности,

Библиотека "Руниверс"

которые неизбежны в процессе движения познания по пути к объективной истине, в самостоятельное направление движения познания, независимое от истины и противоположное ей.

Поэтому ликвидация заблуждения как особого пути в движении познания возможна только посредством переустройства общественной жизни людей, уничтожения тех социальных сил, классов, которые заинтересованы в том, чтобы направить движение мышления по ложному пути. Коммунизм означает ликвидацию этих социальных сил; эра коммунизма в истории человеческого познания ознаменуется освобождением человечества от заблуждения как особого пути движения мышления. Останется только один путь — науки, объективной истины.

Но это не означает, что человеческий разум будет полностью свободен от каких-либо моментов заблуждений и иллюзий. Они, безусловно, останутся, но не в качестве самостоятельного пути, а как моменты движения познания к объективной истине, как результат того, что объективная истина достигается не сразу и не в полном объеме и путь к ней труден, сложен и противоречив. Эти моменты иллюзорности, заблуждения находятся в рамках движения познания от относительного к абсолютному.

Абсолютная и относительная истины противоположны друг другу, но не в такой степени, как истина и заблуждение. Они находятся в рамках одного и того же качества — процесса движения познания по пути объективной истины, различие же между ними состоит в степени полноты, глубины постижения объективной природы предмета.

Иногда представляется дело так, что марксистская гносеология устанавливает несколько истин: объективную, абсолютную, относительную, конкретную. В действительности же истина одна — объективная. Но поскольку она существует только как процесс, то возникает ряд понятий, которые характеризуют его с разных сторон. Абсолютное, относительное и конкретное являются понятиями, раскрывающими процесс движения объективно-истинного знания.

Термин «абсолютная истина» употребляется в нашей литературе неоднозначно. Часто под ним подразумевают полное и законченное знание о мире в целом, выступающее в качестве предела стремлений человеческого разума. В таком случае говорят об абсолютной

Библиотека "Руниверс"

истине в конечной инстанции и т. п. Но в этом значении она содержит то, что вкладывается в понятие суверенности человеческого познания, и ничего другого не дает. Признав познание суверенным, мы как бы ответили на вопрос, как и каким образом возможно полное, окончательное знание объективной реальности.

Под абсолютной истиной подразумевают также фактическое знание об отдельных явлениях, процессах природы и общественной жизни, достоверность которого не вызывает сомнения. Оно называется еще «вечной истиной», основной добродетелью которой является неизменность. Некоторые метафизики считали, что достижение таких вечных, неизменных истин составляет цель познания. Есть ли такие вечные, неизменные истины? Конечно, есть, например «дважды два — четыре», «Киев стоит на Днепре», «Лев Толстой родился в 1828 году». Но, как справедливо говорит Ф. Энгельс, критикуя Е. Дюринга, кто стремится к такого рода вечным истинам, тот мало чем поживится, «разве только банальностями и общими местами худшего сорта» [23].

«Абсолютная истина в последней инстанции», «вечная истина» — это химеры, погоня за которыми может сбить познание с пути истины и привести под видом «вечных истин» к величайшим заблуждениям времени. Как не вспомнить в связи с этим замечательные слова Ф. Энгельса: «Что дважды два четыре, что у птиц имеется клюв, и тому подобные вещи объявляет вечными истинами лишь тот, кто собирается из факта существования вечных истин вообще сделать вывод, что и в истории человечества существуют вечные истины, вечная мораль, вечная справедливость и т. д... *И тогда можно быть вполне уверенным*, что этот самый друг человечества заявит нам при первом удобном случае, что все прежние фабриканты вечных истин были в большей или меньшей степени ослами и шарлатанами, что все они находились во власти заблуждений, что все они ошибались и что *их* заблуждения и *их* ошибки вполне естественны и служат доказательством того, что все истинное и правильное имеется только *у него*» [24].

«Абсолютная истина в последней инстанции» и «веч-

---

[23] Там же, стр 90.
[24] Там же, стр. 91.

Библиотека "Руниверс"

ная истина» представляются вне процесса движения познания, они мыслятся как его окончание, и в этом их слабость, бессодержательность, ибо все свое объективно-истинное содержание познание приобретает в движении. Подлинная абсолютность знания возможна только как процесс, приводящий к достижению объективного содержания в мышлении. Всякая объективная истина, взятая как процесс, является одновременно и абсолютной. «Быть материалистом, — писал В. И. Ленин, — значит признавать объективную истину, открываемую нам органами чувств. Признавать объективную, т. е. не зависящую от человека и от человечества истину, значит так или иначе признавать абсолютную истину»[25]. В каждой научной теории столько абсолютного, сколько объективно-верного. Нет никакого абсолютного знания вне исторически преемственного процесса изучения объективной природы вещей. И поскольку абсолютное не какой-то законченный результат, а процесс, то оно реально достигается через относительное, без которого существовать не может. Поэтому всякая объективная истина не только абсолютна, но и относительна. «...Человеческое мышление, — писал В. И. Ленин, — по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания»[26].

Следовательно, нет отдельно абсолютной истины и относительной, а существует одна объективная истина, которая одновременно является абсолютно-относительной. Абсолютность и относительность — это характеристики зрелости процесса, носящего имя объективной истины, которая никогда не бывает только либо абсолютной, либо относительной. Поиски только абсолютного сведут ее к банальностям «вечных истин», а относительная истина, лишенная момента абсолютности, смыкается с заблуждением. А между «вечной истиной» и заблуждением разница незначительная, часто вечные истины превращаются в заблуждения эпохи.

---

[25] *В. И. Ленин.* Полн собр. соч., т. 18, стр. 134—135

[26] Там же, стр 137.

Библиотека "Руниверс"

Отождествление объективной истины с абсолютной в конечной инстанции и вечной истинами ведет к догматизму, а с относительной — к релятивизму.

Догматическое мышление на первый взгляд задается очень благородной целью — достигнуть истин, которые во все времена и при всех условиях были бы истинами. Но это благое намерение находится в противоречии с действительным процессом познания. «Если бы, — пишет Ф. Энгельс, — человечество пришло когда-либо к тому, чтобы оперировать одними только вечными истинами — результатами мышления, имеющими суверенное значение и безусловное право на истину, то оно дошло бы до той точки, где бесконечность интеллектуального мира оказалась бы реально и потенциально исчерпанной и тем самым совершилось бы пресловутое чудо сосчитанной бесчисленности» [27].

Объявление реальных результатов науки, вырванных из процесса и абсолютизированных, вечными истинами приводит по существу к отрыву знания от объективной реальности, к направлению познания на путь заблуждения. Объективная реальность многообразна, противоречива и бесконечна в своих проявлениях, ее непрерывное движение рождает новые формы. Как быть познанию, чтобы схватить в своем содержании эту неисчерпаемость форм движения объективной реальности? Застыть в каком-то одном познавательном образе, превратив его в вечную истину и тем самым лишив себя объективности? Или, может быть, самому непрерывно изменяться, чтобы уловить объективность движения самого предмета? Конечно, наука может выбрать только последнее. А раз так, то она не может останавливаться на каком-то результате, взяв его за абсолютную истину в последней инстанции или вечную истину, которая не подлежит никогда и никакому изменению. Свою объективность и абсолютность истина может получить только в процессе движения и непрерывного изменения, иначе она оторвется от объективной реальности и превратится в свою противоположность — в заблуждение.

Догматизм опасен везде, но он особенно опасен в философии, которая призвана направлять движение познания, а не омертвлять его. Имеющие место у некоторых

---

[27] *К Маркс и Ф Энгельс* Соч , т 20, стр. 88

Библиотека "Руниверс"

«теоретиков» марксизма попытки превратить в догму положения марксистской диалектики, представить их вечными и неизменными истинами, не требующими никакого развития, опасны не только для развития философии, но и для познания в целом. В марксистской литературе в отношении самого содержания марксистско-ленинской философии употребляется термин «вечная истина марксизма-ленинизма». Авторы его думают тем самым возвысить марксизм-ленинизм, а на самом деле они приравнивают его положения к банальным истинам, вроде «дважды два — четыре», «птицы имеют клюв», «Волга впадает в Каспийское море». Но марксизм-ленинизм силен не тем, что обладает набором некоторых положений, которые находятся на уровне «вечных истин», а, как всякая наука, своей способностью к изменению, к получению нового знания, полнее, всестороннее и точнее отражающего объективную реальность, т. е. способностью в своем развитии не отходить от объекта, а ближе, полнее, конкретнее его постигать.

Но возникает вопрос: как должно изменяться познание, важно ли для нас движение ради движения, или изменение познания имеет свои объективные основания?

Релятивизм понимает это изменение как движение в сфере чисто субъективных представлений, а потому склоняется по существу к агностицизму. Он охотно соглашается с тем, что никаких вечных, абсолютных истин в конечной инстанции не существует, поскольку, как полагают его сторонники, объективной истины вообще нет. В качестве аргумента берется история развития отдельных наук, которая свидетельствует о неизбежной гибели теорий, непрерывной смене их.

Релятивизм возникает как субъективистское осмысление прогресса научного знания, революционных сдвигов в нем. В отличие от догматизма он исходит из понимания истины как процесса, однако лишает этот процесс самого главного — объективного содержания. Поэтому он приводит к отрицанию существования объективной истины. Будучи метафизиками, релятивисты объективность познания связывают с неизменностью, с раз навсегда данным состоянием. Если истина есть процесс, то она, по их мнению, уже ничем не отличается от заблуждения, а движение познания означает переход от одного заблуждения к

Библиотека "Руниверс"

другому. Выходит, что физики сначала заблуждались по-ньютоновски, а теперь — по-эйнштейновски, найдется еще гениальный физик, который введет нас в новое заблуждение. Парадоксально: физика познает и овладевает тончайшими процессами природы, проникает в тайны строения вещества, открывает законы движения элементарных частиц, а философский релятивизм осмысливает это как ее неспособность дать объективно-истинное знание о физической реальности.

Догматизм метафизичен и по форме и по содержанию, релятивизм воспринимает внешнюю форму диалектики, настаивает на непрерывном изменении результатов познания, отрицает существование вечных, неизменных истин. Но по существу он также метафизичен, ибо выделяет один момент процесса познания, отделяет его от других и превращает в абсолют. Эта метафизическая окостенелость, субъективизм — гносеологический источник всякого идеализма, в том числе и релятивизма.

Окостенение кажется несовместимым с релятивизмом, который исходит из признания текучести, подвижности всего существующего, в том числе и познания. Но в действительности оно лежит в сущности релятивизма, который абсолютизирует, омертвляет относительность, подвижность познания. «...Отличие, — писал В. И. Ленин, — субъективизма (скептицизма и софистики etc.) от диалектики, между прочим, то, что в (объективной) диалектике относительно (релятивно) и различие между релятивным и абсолютным. Для объективной диалектики *в* релятивном *есть* абсолютное. Для субъективизма и софистики релятивное только релятивно и исключает абсолютное» [28].

Релятивизм исходит из положения, что все относительно, и это верно. Но раз так, то относительна и сама относительность. Вот этого последнего вывода он не признает, проявляя логическую непоследовательность. Он считает все относительным, кроме самой относительности, которая абсолютна. Да, относительность абсолютна, но не в смысле, что существует только она одна, как утверждают релятивисты. Она включает в себя абсолютное, составляет момент его.

---

[28] *В. И. Ленин* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 317

Библиотека "Руниверс"

Абсолютное реально существует только в относительном, а относительное содержит в себе абсолютное. Точно так же и в отношении истины. Движение познания свидетельствует об относительности истины, однако оно происходит в сфере объективного, абсолютного содержания. «Материалистическая диалектика Маркса и Энгельса, — писал В. И. Ленин, — безусловно включает в себя релятивизм, но не сводится к чему, т. е. признает относительность всех наших знаний не в смысле отрицания объективной истины, а в смысле исторической условности пределов приближения наших знаний к этой истине» [29].

Таким образом, объективная истина в реальном процессе познания существует как абсолютно-относительная, на разных этапах познания в зависимости от его зрелости меняется соотношение между абсолютным и относительным, но она всегда остается абсолютно-относительной. Развитие абсолютно-относительной истины идет по пути углубления и обогащения его объективного содержания новыми сторонами путем конкретизации истины.

Материалистическая диалектика исходит из того, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна». Конкретность истины тоже связана с ее объективностью; конкретной может быть только истина, которая постигает объект во всей полноте его свойств и закономерностей. «Вечная истина» потому и не является подлинно объективной, абсолютной, что она абстрактна, содержит весьма тощие односторонние определения, которые звучат банально. «Чтобы действительно знать предмет, — отмечает В. И. Ленин, — надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвения» [30].

Задача познания — постигнуть реальное содержание предмета, а это означает, что необходимо отразить все многообразие свойств, связей, опосредований данного предмета с другими, которые по существу бесконечны. В этом смысле объективная природа предмета неисчерпаема, она постигается только в непрерывном процессе обнаружения новых сторон, свойств, закономерностей

---

[29] *В. И Ленин* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 139.
[30] *В И. Ленин* Полн. собр соч., т. 42, стр 290.

Библиотека "Руниверс"

в их органической связи. Поэтому подлинная объективная истина всегда конкретна, представляет собой развивающуюся систему, которая непрерывно обогащается новыми определениями, выражающими новые стороны, связи объекта.

Со времен Аристотеля укоренилось мнение, что предикат «истинно» можно отнести только к суждению, которое является либо утверждением, либо отрицанием. Понятие, вопрос и т. п., по мнению Аристотеля, не содержат истины или лжи, поскольку лишены утверждения или отрицания.

Эта мысль Аристотеля развивается и некоторыми современными мыслителями, в том числе и марксистами. Однако она по крайней мере односторонняя и связана с пониманием истины как некоторого законченного, завершенного мыслительного акта, выраженного в утверждении и отрицании. Более верным будет противоположный подход, а именно: истина, если она объективная, никогда не является отдельным суждением, а будет всегда системой теоретического знания. Эта мысль была ясно и отчетливо сформулирована в «Феноменологии духа» Гегелем, который считал, что истина — всегда система. Истина — не отдельное абстрактное определение, а конкретная совокупность или, точнее, целокупность, постигающая объект во всей полноте его свойств, связей, т. е. во всей его объективности. При этом она должна быть развивающейся системой, способной включать в себя новые определения. Об истинности отдельно взятого суждения можно говорить только постольку, поскольку оно составляет элемент этой системы и причастно к ней.

Но почему все-таки формальная логика связывает понятие истины с суждением? Во-первых, потому, что в суждении, как в клеточке мышления, можно увидеть все его характерные особенности, в том числе и направленность на предмет, объективность содержания. И в этом смысле, не будучи самой зрелой формой истины, суждение содержит в абстрактной форме ее элементы. С методической точки зрения можно рассматривать истину, взяв суждение за исходную ее форму.

Во-вторых, формальная логика всегда исходила из понимания истины как некоторого состояния, а не процесса. А если анализировать конкретные результаты познания, вырванные из его реального процесса, то они вы-

Библиотека "Руниверс"

ступают в качестве научных определений, которые по логической форме являются суждениями.

Наконец, современная формальная логика употребляет термины «истина», «ложь», абстрагируясь от их гносеологического содержания, поскольку она вообще не анализирует отношение мышления к объективной реальности, а устанавливает логические связи между предложениями. Поэтому она отказалась по существу от термина «суждение», заменив его предложением или высказыванием. «Истина» и «ложь» сохранились как обозначения значений предложений, причем одно определяется через другое: ложь — отрицание истины. Многозначная логика наряду с истиной и ложью принимает еще множество различных значений предложений, а истина выступает в качестве одного равноправного среди многих.

Такого рода употребление термина «истина» вполне допустимо, но только при одном условии: оно не должно отождествляться с тем его значением, которое в него вкладывает гносеология, ставя прежде всего вопрос об отношении истинного знания к объективной реальности, рассматривая истину как содержание знания.

Таким образом, объективная истина в реальном процессе познания выступает в форме абсолютно-относительной, конкретной и лишь в этой форме сохраняет свою объективность и развивает ее.

3. Истина и доказательство. Достоверность и вероятность

Для практической деятельности человеку необходимо знание: 1) объективно-истинное и 2) доказанное. Объективная истинность и доказательность — две хотя и тесно связанные между собой, но различные характеристики знания. Нередко они отождествляются, что приводит к ошибкам философского и специального характера.

В философском отношении смешение объективной истинности с доказательностью приводит к субъективистской трактовке самой истинности. Позитивистская философия содержание суждения ставит в зависимость от способа его доказательства. Так, М. Шлик писал: «Установление значения предложения основано на установлении правил, согласно которым предложение должно употребляться, а это идентично установлению способа его вери-

Библиотека "Руниверс"

фикации (или фальсификации). Значением суждения является метод его верификации» [31].

Значит, значение суждения, его содержание определяется не объектом, который отражается этим суждением, а субъектом, выработавшим определенные способы проверки и доказательства суждений. Подмена объективной истинности суждения отношением к нему человека в самой грубой форме осуществляется в прагматизме, в его тезисе «истинно то, что полезно». Здесь в самом что ни на есть обнаженном виде утверждается, что содержание суждения определяется не объектом, его закономерностями и связями, а субъектом, сведенным к потребностям и удобствам отдельного индивидуума, его отношением к знанию. В действительности же содержание знания не зависит от субъекта с его правилами проверки суждений и отношением к нему. И это выражено в самом понятии объективной истины.

В самом деле, истинность суждения «На Марсе существует биологическая форма жизни» зависит не от высказавшего это суждение субъекта, а от объекта. Если на Марсе действительно есть такая форма движения материи, то это суждение истинно, а если нет, то оно ложно. И как бы ни был субъект хитер и изобретателен, какие бы он совершенные способы проверки, доказательства суждений ни выдвигал, он не сможет изменить содержания этого суждения, сделать его истинным, если на самом Марсе еще (или уже) нет жизни. Судьба суждения, можно сказать, зависит от его содержания, которое по своей природе объективно и не определяется сознанием субъекта. Чтобы суждение стало объективно-истинным, оно должно иметь такое содержание, которое обусловлено природой отражаемого в нем объекта. Если же содержание суждения субъективно, то это суждение не может претендовать на истинность, несмотря на существование любых способов его проверки.

Истинность противостоит ложности как объективность содержания знания его субъективности. Движение внутри объективной истины выражает изменение в содержании знания, пополнение объективного содержания новыми элементами, замену субъективного в содержании объективным. Но истина — это знание и, как таковое, несмотря

---

[31] *M. Schlick.* Gesammelte Aufsätze 1926—1936 Wien, 1938, S 340.

Библиотека "Руниверс"

на объективность его содержания, является моментом деятельности человека. Поэтому от субъекта и его сознания зависит, как, какие стороны и закономерности объективной реальности стали содержанием знания, как полно и глубоко они отражены в нем, какие основания сам субъект обнаружил для доказательства истинности или ложности.

Одной из черт, выражающей эту субъективную сторону в знании, является его достоверность. Суждение «На Марсе имеется биологическая жизнь» по своему содержанию либо истинно, либо ложно, и это зависит, как мы уже отмечали, от объекта, от самого Марса. Но субъект может теоретически и практически оперировать знанием, истинность или ложность которого в той или иной степени обоснована, доказана.

До какой степени обоснована истинность того или иного суждения, доказано ли оно как достоверное или как вероятное — это уже зависит от субъекта, от уровня его развития. Марс «не виноват» в том, что человек на Земле до сих пор еще достоверно не знает, есть ли на этой планете жизнь. Способы и средства доказательства развиваются в связи с развитием самого знания. Зрелое знание порождает более совершенные и богатые формы и средства доказательства. Когда позитивисты значение, содержание суждения определяют способом его проверки, доказательства, они замыкают знание в знании, лишают его возможности в своем содержании выйти в объективный мир.

Достоверность и вероятность — это характеристики доказательности знания. В науке не очень трудно высказать новую мысль, которая, может быть, и окажется истинной. Но значительно труднее доказать истинность этой мысли, причем не только достоверность, но и вероятность высокой степени. Если мысль совсем не доказана, то человек не может ею руководствоваться ни в практической, ни в теоретической деятельности, хотя она и может быть объективно-истинной. Поэтому-то доказательство в научном познании и приобретает такое большое значение.

Когда суждение становится доказанным (например, из вероятного превращается в достоверное), то никаких изменений в его объективном содержании не происходит, оно остается тем же самым. Например, в математике еще

Библиотека "Руниверс"

Гольдбахом было высказано положение, что любое четное число (кроме «2», которое само является простым числом) можно представить в виде суммы двух простых. В полной мере это положение еще не доказано. И весь смысл задачи заключается в том, чтобы доказать именно это суждение и как раз в этом его содержании, а не в каком-либо другом. Движение же от заблуждения к истине или от одной формы истины к другой влечет за собой обязательно изменение содержания знания.

Поэтому процесс доказательства — это процесс установления объективной истинности уже сформировавшегося, высказанного суждения. До начала доказательства некоторое суждение в виде тезиса выступает как данность. И само доказательство меняет не содержание этого суждения, а наше отношение к нему. Если доказывается достоверность суждения, то для субъекта объективная истинность данного суждения является вполне установленной. Когда же доказательства доходят только до обоснования вероятности большей или меньшей степени, то объективная истинность суждения для субъекта является не вполне установленной, но возможной.

Таким образом, доказательство решает вопрос о форме существования объективной истины суждения «для нас», для субъекта на определенном этапе его общественно-исторического развития. Всякое суждение нуждается в доказательстве, что означает выведение его из других суждений. Доказательство не меняет суждения, но делает его понятным, а, как отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, «*действительные задачи,* как это *само собой* понятно, *не* являются чем-то понятным само собой» [32].

Логическое следование с необходимостью какого-либо суждения из других еще не решает вопроса об объективной истине, оно обеспечивает только правильность. Если же мы выводим наши суждения из суждений, истинность которых уже достоверно доказана, выводное суждение само становится достоверным. Тот факт, что мы можем выводить по правилам логики одно суждение из других, не зная объективно-истинны они или нет, является еще одним аргументом в пользу того, что объективное содержание суждений не зависит от нашего сознания, логиче-

[32] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 88

Библиотека "Руниверс"

ских операций и что оно дано в суждении и определяется не субъектом, а объектом.

В связи с этим неправомерной является постановка вопроса о существовании так называемой формальной истины, под которой подразумевается логическое соответствие знания знанию. Истина только одна — объективная. Доказательство не создает какой-то своей истины, оно только является средством установления истины для субъекта. При этом логическое следование одного знания из другого окончательно не решает вопроса о достоверности суждения, если не установлена достоверность знания, из которого оно выводится.

Введение термина «формальная истина» для характеристики логической правильности, соответствия знания знанию ничего не дает, но может породить неправильное представление о существовании наряду с объективной истиной какой-то параллельной и равнозначной ей. Логическая правильность имеет прямое отношение не к объективной истинности, а к процессу доказательства и служит одним из его средств.

Достоверность и вероятность — полярные категории, их различие одновременно и абсолютно и относительно. Вероятное знание в процессе доказательства переходит в достоверное. С другой стороны, достоверность носит общественно-исторический характер. В процессе доказательства «истина в себе» становится «истиной для нас», для субъекта, понимаемого как общество на конкретном этапе его развития. А поскольку субъект меняется, то меняется и его отношение к ранее достигнутому знанию, к истинам, сама же достоверность приобретает исторический характер. Достоверное перестает быть самим собой и становится недостоверным.

Ранее мы стремились показать, что истина и заблуждение, с одной стороны, достоверность и вероятность, с другой, — это различные моменты в характеристике знаний. Но различение их проводится не для того, чтобы изолировать их друг от друга.

Конечно, смешение этих пар категорий приводит к грубым ошибкам и извращениям субъективистского толка. Примером может служить точка зрения Рейхенбаха, который истину рассматривает как момент вероятности. Здесь, во-первых, истинность смешивается со способом ее обоснования, а во-вторых, отрицается возможность

Библиотека "Руниверс"

достижения достоверного знания. «Научная философия... отказывается принять какое-либо знание физического мира как абсолютно определенное, — пишет Рейхенбах. — Ни отдельные явления, ни законы, контролирующие их, нельзя установить с достоверностью. Принципы логики и математики представляют единственную область, в которой достоверность достижима, но эти принципы являются аналитическими и пустыми. Достоверность неотделима от пустоты: нет аналитического априори» [33].

Но столь же ошибочным является и представление, что процессы достижения истины и доказательство ее являются абсолютно независимыми и не связанными между собой сферами. Процесс превращения «истины в себе» в «истину для нас» означает одновременно развитие человеческого знания, его расширение, обогащение новым содержанием. Когда мы говорим, что доказательство какого-либо суждения не ведет к изменению его содержания, то, во-первых, это касается только данного суждения, но не знания вообще, во-вторых, это выражает абстрактную модель доказательства, от которой реальный его процесс нередко отходит.

Доказывая уже сформулированное суждение, мы стремились сохранить его содержание, не подменять тезис доказательства другим суждением. В этом отношении знание не обогащается новым содержанием. Но в процессе доказательства происходят поиски аргументов, исследователи обращаются к наблюдениям, обобщают опыт практической деятельности, и таким образом происходит обогащение знания. Л. Розенфельд пишет о крупнейшем датском физике Н. Боре: «Часто комментируя какой-либо дискуссионный пункт, он говорит: «Вопрос заключается не в том, правильна ли эта точка зрения, а в том, какие *аргументы* в ее пользу мы можем без натяжки извлечь из доступной информации». Самые блестящие идеи не находят у него поддержки, если неясно, «какие аргументы могут быть приведены в их пользу»» [34].

Выдвинуть новую идею — это еще далеко не все, мож-

---

[33] *H Reichenbach* The Rise of Scientific Philosophy University of California Press Berkeley and Los Angeles, 1966, p 304.

[34] *Л Розенфельд.* Нильс Бор — «Вопросы истории естествознания и техники», вып. 17 М., 1964, стр 9

Библиотека "Руниверс"

но каждый день оповещать мир о нескольких новых идеях, которые могут оказаться и истинными. Но люди не обратят на них внимания, если за ними не кроется доказательство. Поиски способов и средств доказательств отнимают львиную долю времени исследователя. Многие идеи десятилетиями находятся на положении научных гипотез потому, что не найдены способы и факты для их доказательства.

Далее. В процессе доказательства иногда приходят к выводу, что данное суждение невозможно еще доказать, но можно обосновать другое положение, которое имеет бóльшую теоретическую и практическую значимость. А это означает обогащение знания новыми положениями.

Таким образом, процессы достижения истины и ее доказательства взаимосвязаны между собой. Выдвинув положение, наука обязательно стремится обосновать его. В ходе доказательства не только совершенствуются способы и методы проверки истинности суждений, но и происходит обогащение новыми положениями; некоторые из них обоснованы только до определенной степени вероятности и в свою очередь требуют доказательства.

4. Практика — критерий истины. Критика позитивистских принципов верификации и фальсификации

Процесс доказательства, установление достоверности упирается в наличие критерия, который решает для нас окончательно вопрос об объективной истинности знания. Доказывая, мы одно суждение выводим из других, но последние в свою очередь также требуют доказательства, т. е. их надо выводить из других суждений, которые тоже требуют доказательства, и т. д. В поисках основ для доказательства суждений можно прийти к дурной бесконечности.

Где же выход? В истории философии предлагались различные решения этой проблемы. Одни вообще считали, что нельзя найти прочное основание, с помощью которого можно было бы решить вопрос об объективной истинности знания, поэтому склонялись к скептицизму и агностицизму. Другие критерий видели в данных ощущений и восприятий человека: все то, что выводимо из чувственно-данного, то истинно. Однако непосредственно чувствен-

Библиотека "Руниверс"

ными данными нельзя доказать ни одно общее суждение, не говоря уже о более сложной развивающейся научно-теоретической системе. Каждое общее суждение по существу охватывает бесконечное число единичных предметов, и, как бы ни было велико число наблюдений, оно не может охватить всех случаев. Например, суждение «все люди смертны» нельзя доказать наблюдением смертности отдельных людей. Для доказательства надо подождать, пока умрут не только люди, которые сейчас живут, но и те, которые родятся в будущем. Мы уже не говорим, что многие научно-теоретические положения касаются объектов, которые не воспринимаются непосредственно чувствами человека. Поэтому попытки обосновать в качестве критерия истины ощущения и восприятия человека терпели неудачу, которая порождала разочарование в возможности найти такой критерий вообще, что в конечном счете приводило опять-таки к скепсису в отношении возможностей человека достигнуть объективно-истинного знания.

Некоторые философы полагали, что достоверность всего человеческого знания можно доказать путем выведения его из небольшого числа наиболее общих положений, истинность которых самоочевидна в силу их ясности и отчетливости, а противоречащие им суждения просто немыслимы. Однако таких самоочевидных положений, не требующих доказательства, в действительности нет, а ясность и отчетливость мышления — слишком зыбкий критерий для доказательства объективной истинности знания. Самоочевидным казался V постулат Евклида, и длительное время противоречащие ему суждения вообще не допускались. Однако Н. Лобачевский исходил в своей новой геометрии именно из такого немыслимого положения, которое противоречило V постулату Евклида, и тем самым достиг объективно-истинного знания об окружающем нас пространстве. Современная наука не склонна принимать в качестве самоочевидных никакие теоретические положения; она подвергает сомнению утверждения, считавшиеся ранее неопровержимыми, и может выдвигать в качестве исходных принципов утверждения, противоречащие сложившимся представлениям. Новые положения, как правило, всегда кажутся необычными, далеко не самоочевидными. «Научные истины, — пишет К. Маркс, — всегда парадоксальны, если судить на осно-

Библиотека "Руниверс"

вании повседневного опыта, который улавливает лишь обманчивую видимость вещей» [35].

Ни чувственное наблюдение, ни самоочевидность, ни ясность и отчетливость всеобщих положений не могут служить критерием истинности знания. Коренным пороком всех этих концепций является стремление найти критерий истинности знания в самом же знании, в каких-то его особых положениях, которые так или иначе считаются привилегированными по сравнению с другими. Но как форма знания они такой привилегии в действительности не имеют, и истинность их в свою очередь требует доказательства.

Критерий истинности знания следует искать в том, что непосредственно связано со знанием, определяет его развитие, но само им не является. Такой критерий нашел и научно обосновал марксизм. Еще в «Тезисах о Фейербахе» К. Маркс писал: «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, — вовсе не вопрос теории, а *практический* вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто *схоластический* вопрос» [36].

Познание неразрывно связано с практикой, однако сведение практики только к познанию глубоко ошибочно, ибо посредством практики предмет не просто познается, но изменяется, становится другим. Познание не обладает достоинствами практического преобразования явлений. Однако, не будучи сама познанием, практика имеет большое значение для познания как основа, цель и критерий его истинности.

В чем сила практики как критерия истинности? Теоретические положения, истинность которых необходимо доказать, носят всеобщий характер. А всеобщность доказывается только всеобщностью. Можно вывести ее из другого теоретического положения, носящего еще более всеобщий характер; иногда так истины и доказываются. Но нам априорно не заданы всеобщие законы природы и общества, их-то как раз человек и стремится познать. Не-

[35] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 131.
[36] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, стр. 1—2.

Библиотека "Руниверс"

посредственной достоверностью обладают данные ощущений и восприятий человека, однако исходя только из них нельзя доказывать ни всеобщности, ни необходимости. «Эмпирическое наблюдение, — пишет Ф. Энгельс, — само по себе никогда не может доказать достаточным образом необходимость... Это до такой степени верно, что из постоянного восхождения солнца утром вовсе не следует, что оно взойдет и завтра, и действительно, мы теперь знаем, что настанет момент, когда однажды утром солнце *не взойдет*» [37].

Следовательно, надо найти такое всеобщее, которое одновременно обладало бы достоинством непосредственной достоверности. Такое всеобщее существует, им является практическая деятельность. В практике человеческая идея, носящая всеобщий характер, приобретает чувственно-конкретную форму, обладающую достоинством достоверности. Как писал В. И. Ленин, человек окончательно устанавливает объективную истину своих понятий «лишь когда понятие становится „для себя бытием" в смысле практики» [38].

Всеобщее в практике существует не в чистом виде, оно связано с определенным единичным. Это, с одной стороны, хорошо, потому что позволяет его чувственно воспринять, доказать достоверность всеобщего на единичном, конечном и таким образом покончить с дурной бесконечностью индукции. Ф. Энгельс писал: «Паровая машина явилась убедительнейшим доказательством того, что из теплоты можно получить механическое движение. 100 000 паровых машин доказывали это не более убедительно, чем одна машина, они только все более и более заставляли физиков заняться объяснением этого» [39].

Таким образом, и единичный акт практической деятельности может служить доказательством истинности теоретического положения — это благодаря тому, что практика «имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности» [40]. От обычного эмпирического наблюдения практика отличается тем, что в ней имеют дело с явлением, которое создано человеком

---

[37] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 544
[38] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 193
[39] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 543
[40] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 195.

Библиотека "Руниверс"

на основе теоретических идей. В этом единичном явлении нашло воплощение всеобщее, полученное в результате теоретического мышления человека, иными словами, в нем объективность знания стала чувственно-данной объективной реальностью, и тем самым объективность истины стала чувственной достоверностью для человека.

Некоторые критики диалектического материализма выдвигают различные доводы против утверждения, что путь доказательства научных теорий лежит через практику. Раз в практике, рассуждают они, всеобщее выступает в чувственно-конкретной форме, то результаты чувственного опыта также должны подлежать проверке. Так, небезызвестный Г. Веттер пишет: «Очевидно, практика может рассматриваться критерием истины двояко. Во-первых, в практике убеждаются в том, что позже подтверждает принятая теория. В этом смысле удачный эксперимент должен доказывать правильность теории. Однако (положительный или отрицательный) результат эксперимента осознается нами только через чувственное восприятие. Но как раз и возникает вопрос, соответствует ли наше чувственное восприятие действительности. Действительность (объективная значимость. — *П. К.*) чувственного восприятия, которая приводит к осознанию положительного результата опыта, должна была бы, следовательно, со своей стороны снова проверяться практикой; таким образом, мы видели, что путем практики мы никогда не достигнем решения» [41].

Но этот аргумент несостоятелен. Результаты чувственного восприятия достоверны, доверие к показаниям чувств лежит в фундаменте материалистической теории. В. И. Ленин, критикуя махизм, писал: «...махисты — субъективисты и агностики, ибо они *недостаточно* доверяют показаниям наших органов чувств, непоследовательно проводят сенсуализм. Они не признают объективной, независимой от человека реальности, как источника наших ощущений. Они не видят в ощущениях верного снимка с этой объективной реальности, приходя в прямое противоречие с естествознанием и открывая дверь для фидеизма» [42].

---

[41] *G. A. Wetter.* Sowjetideologie Heute, S. 144—145.
[42] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 130.

Библиотека "Руниверс"

Однако, считая практику критерием истины, мы ее не должны сводить к какому-то единичному акту, ибо, как и сама истина, практика является процессом деятельности человека. Да, одна паровая машина, например, способна доказать всеобщее теоретическое положение. Однако мы хорошо знаем, что путь к этому лежал через многие эксперименты и конструированием одной машины человек не довольствуется, поскольку доказательная сила ее все же ограничена. Дело заключается в том, что всеобщность, взятая в чистом виде, не проявляется полностью ни в одном единичном. Ф. Энгельс, продолжая свою мысль, пишет, что Сади Карно «изучил паровую машину, проанализировал ее, нашел, что в ней основной процесс не выступает *в чистом виде*, а заслонен всякого рода побочными процессами, устранил эти безразличные для главного процесса побочные обстоятельства и сконструировал идеальную паровую машину (или газовую машину), которую, правда, так же нельзя осуществить, как нельзя, например, осуществить геометрическую линию или геометрическую плоскость»[43]. Здесь и выступает другая сторона практического воплощения теоретических идей — ограниченность каждого из них, но в своей совокупности и в тенденции развития они охватывают ее. Только таким путем с помощью конечного, единичного, чувственно постигаемого доказывается бесконечное, всеобщее, умопостигаемое. Это обстоятельство и объясняет нам, почему доказательство истинности научной теории является процессом, а не некоторым застывшим разовым состоянием.

Как исторически взятый процесс практика является абсолютным критерием истинности, как отдельный практический акт она относительна. «...Критерий практики, — пишет В. И. Ленин, — никогда не может по самой сути дела подтвердить или опровергнуть *полностью* какого бы то ни было человеческого представления. Этот критерий тоже настолько «неопределенен», чтобы не позволять знаниям человека превратиться в «абсолют», и в то же время настолько определенен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма»[44].

---

[43] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 543—544.
[44] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 145—146.

Библиотека "Руниверс"

Эта относительность критерия практики объясняет нам, почему отдельно взятый ее акт, например научный эксперимент, не может считаться абсолютным критерием доказательства истинности научной теории во всей полноте ее содержания. Конечно, каждый акт практики доказывает нечто в научной теории, однако все ее содержание может подтвердить только развивающийся процесс практической деятельности человека.

Иногда нам говорят, что практика может служить критерием истинности знания, если рядом с ней существуют еще другие, равноценные ей критерии. Так, Г. Веттер пишет: «Если мышление и бытие считать идентичными, то практика, пожалуй, во многих случаях может дать хорошее подтверждение правильности какой-либо теории, однако лишь тогда, когда кроме нее есть другой критерий истины; сама она не может быть последним критерием истины» [45].

Итак, ставится под сомнение абсолютность критерия практики в том отношении, что он не признается единственным в своем роде. Что же ему противопоставляется? Обычно речь идет о проверке истинности знания путем выведения его по законам логики из другого знания, т. е. о так называемом логическом, а не практическом способе проверки истинности суждений.

Противопоставление и отделение практического от логического лишено смысла. Несомненно, проверка истинности суждений обязательно принимает логическую форму и без логики не может быть осуществлена. Как таковое, практическое действие не может войти в доказательство, оно должно быть осмыслено человеком и включено в логический процесс. Результаты практического акта осознаются в форме суждений, объективная истинность которых становится непосредственно достоверной в силу чувственно-материального характера практики. Эти суждения включаются в логический процесс рассуждения, протекающий по определенным законам и формам. Создается впечатление, что, с одной стороны, мы имеем практику, результаты которой выражены в форме суждений, а с другой — существующий логический аппарат мышления, выступающий на первый взгляд внешним и независимым от практики. Да, он независим от данного

[45] *G. A. Wetter.* Sowjetideologie Heute, S. 144.

Библиотека "Руниверс"

конкретного акта практического действия, и, наоборот, логический аппарат подчиняет его себе, включает в себя. Однако это еще не означает, что в своем генезисе он не связан с практикой и не порожден ею. Не будучи результатом единичного акта практики, он возник на основе всей предшествующей многовековой практики человечества. «...**ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА,** — писал В. И. Ленин, — **МИЛЛИАРДЫ РАЗ ДОЛЖНА БЫЛА ПРИВОДИТЬ СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА К ПОВТОРЕНИЮ РАЗНЫХ ЛОГИЧЕСКИХ ФИГУР, ДАБЫ ЭТИ ФИГУРЫ МОГЛИ ПОЛУЧИТЬ ЗНАЧЕНИЕ АКСИОМ. ЭТО NOTA BENE»** [46]. В логическом аппарате результаты практической деятельности принимают соответствующую знанию форму, при этом не теряют достоверности и всеобщности, характерных для практики. Развитие логического аппарата происходит на основе обобщения всей совокупной практики человека, а не отдельного ее результата, и это придает ему доказательную силу.

Таким образом, логическое не составляет какой-то абсолютно автономной сферы, независимой от практики. Изучение логических форм выражения знаний важно для преодоления примитивного представления о сущности практической проверки истинности знаний. Марксистской гносеологии нередко ее противниками приписывается утверждение, что каждый акт мысли должен непосредственно проверяться практикой. Но это ничего общего не имеет с действительным пониманием критерия практики. Реально процесс доказательства происходит в форме логической цепи рассуждений, некоторые звенья которой (отдельные суждения) проверяются путем выхода в практическое действие, обладающее достоинством непосредственной достоверности.

Практика — единственный критерий, поскольку только она в конечном счете решает вопрос о достоверности знания. Другого такого критерия, равного практике и могущего заменить ее, нет. На основе практики возникает разветвленный логический аппарат проверки истинности теоретических построений. Логические методы анализа знаний являются средствами осознания и закрепления результатов практической проверки в строгих формах.

---

[46] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 172.

Библиотека "Руниверс"

Их нельзя противопоставлять практике как нечто самостоятельное и независимое от нее.

Современные позитивисты выдвинули верификацию в качестве принципа проверки истинности суждений, которая якобы отличается от практики и превосходит ее. Этот принцип был провозглашен самими позитивистами «великой бритвой Оккама XX в.»; с его помощью, считают они, можно отобрать совершенно безупречное в логическом отношении знание и обрезать все наносное, лишенное смысла, что только по традиции считается знанием.

Принцип верификации по-разному понимается позитивистами, взгляды на его содержание того или иного философа подвергались изменениям. Но, несмотря на это, можно видеть нечто общее, что характерно для этого принципа независимо от того, кто его придерживается и в какое время. Прежде всего этот принцип исходит из отождествления истинности с проверяемостью, и уже здесь кроется субъективизм в трактовке самой истины, изоляция истины от объекта. Но об этом мы уже говорили ранее.

Саму проверку данный принцип сводит к чувственному опыту. Проверить истинность предложения — значит сопоставить его с переживаниями субъекта в опыте, непосредственно или опосредованно, путем выведения из него следствий, допускающих опытную проверку. Так, например, Б. Рассел пишет: «...предложение, утверждающее конечное число событий «верифицируется», когда все эти события происходят и в какой-то момент воспринимаются или вспоминаются каким-либо человеком... Принято говорить, что общее предложение «верифицируется», когда все те его следствия, которые можно было использовать, оказываются истинными. Всегда признается, что в этом случае те следствия, которые не были исследованы, вероятно, тоже истинны» [47].

Есть ли что-либо рациональное в этой постановке вопроса? Несомненно, да. А именно, мысль о том, что проверка истинности суждений так или иначе связана с непосредственной достоверностью чувственности. Но эта верная мысль была абсолютизирована и доведена до

---

[47] *Б. Рассел.* Человеческое познание, стр. 481.

Библиотека "Руниверс"

абсурда крайнего эмпиризма, весь процесс проверки истинности знания замкнулся в чувственном переживании субъекта. Истины науки носят характер всеобщих и необходимых утверждений, а они как раз не могут быть доказаны отдельными ощущениями и восприятиями субъекта. Сами позитивисты это почувствовали, когда стали практически применять свой принцип верификации для решения конкретных теоретико-познавательных задач (в частности, для решения вопроса о том, как верифицируются общие суждения и научные теории). Что не подлежит опытной проверке, то лишено смысла, считают позитивисты. Но нельзя же объявить всеобщие положения науки, выражающие законы природы, научные теории бессмысленными, поскольку их проверка несводима к какому-то одному чувственному переживанию. Позитивисты стремятся быть внешне как можно ближе к науке и в такой очевидный конфликт с ее данными, как отрицание ее всеобщих положений, вступить не могут.

Поэтому изобретаются различные, более широкие толкования понятия опытной верификации, которые давали бы возможность считать верифицируемыми научные теории, касающиеся событий далекого прошлого и грядущего будущего. Но это не спасает принцип верификации; столкнувшись с непреодолимыми в рамках позитивизма трудностями, некоторые философы (Б. Рассел и др.) пришли к идее, что не все истинные идеи поддаются опытной проверке. В конечном счете принцип верификации приводит к агностической идее, что человек не имеет действительно надежного критерия истинности знания. Так, Ф. Франк пишет: «Никакое предположение не может быть «доказано» посредством эксперимента. Правильно было бы говорить, что эксперимент «подтверждает» определенное предположение. Если человек не находит своего кошелька в своем кармане, это подтверждает предположение, что среди окружающих, возможно, есть вор, но не доказывает его. Этот человек мог оставить кошелек дома. Таким образом, наблюдаемый факт подтверждает и предположение, что он мог забыть его дома. Всякое наблюдение подтверждает множество предположений. Весь вопрос в том, какая требуется степень подтверждения. Наука похожа на детективный рассказ. Все факты подтверждают определенную гипотезу, но правильной оказывается в конце концов совершенно другая

Библиотека "Руниверс"

гипотеза. Тем не менее следует сказать, что в науке нет никакого другого критерия истины, кроме этого» [48].

Правда, Ф. Франк признает, что в конце концов какая-то гипотеза оказывается верной. Но как наука устанавливает истинность теории? Позитивисты на основе принципа верификации ответить на этот вопрос не могут. И это особенно видно из того, что некоторые из них заменяют верификацию понятием фальсификации.

К. Поппер исходит из того, что всякая теория конечна и рано или поздно может быть опровергнута, заменена другой системой знания. По его мнению, не опровержимая никаким мысленным событием теория является ненаучной. Он считает, что неопровержимость — это не достоинство научной теории, а ее порок.

Тут правильно только то, что теории проще опровергаются, чем доказываются. В самом деле, проверяя теорию, ученый по правилам условно-категорического силлогизма делает заключение: если теория истинна (A), то должны быть такие-то следствия из нее (B). Нахождение таких следствий, конечно, укрепляет теорию, но не доказывает достоверности ее (утверждение следствия не ведет с необходимостью к утверждению основания), но если этих следствий нет, т. е. если B ложно, то и A ложно. Факты, вытекающие из теории, как бы их много ни было, не доказывают ее истинности. В то же время один действительный факт, противоречащий теории, опровергает ее.

Поэтому К. Поппер предлагает отыскивать опытные данные, которые бы не подтверждали теорию, а опровергали ее, т. е. с помощью опыта подвергать теорию опровержению (фальсификации). Исследователь должен выявить все опыты, все мыслимые случаи, которые опровергали бы теорию, и, если таковых не найдется, можно считать теорию верифицированной. Иными словами, фальсификация — это верификация наизнанку, поиск опытных данных, но не подтверждающих теорию, а ее опровергающих.

Конечно, занимаясь проверкой научных теорий, исследователь пользуется и таким методическим приемом, как поиск фактов, опровергающих ее. Ненахождение таких данных укрепляет его теоретическое построение, но эта

[48] *Ф. Франк.* Философия науки. М., 1960, стр. 76.

Библиотека "Руниверс"

негативная проверка так же недостаточна для доказательства достоверности теории, как и подтверждение ее отдельными опытными данными.

Шаткость принципа верификации признает и такой неопозитивист, как Г. Фейгль, который в докладе на XIII Международном конгрессе философов говорил, что «критерий проверяемости исключает не только метафизику, но и научные законы и теории» [49]. Он также настаивал на установлении различия между подтверждающим доказательством и истинностью утверждения и упрекал некоторых позитивистов, которые «отождествляют значение фактического утверждения с его подтверждающим доказательством» [50]. Сам Г. Фейгль «склонен сказать, что значение утверждения не имеет ничего общего с методом его верификации» [51].

Порочность позитивистской концепции как верификации, так и фальсификации состоит в том, что отдельные моменты, составляющие практическую проверку истинности знания, принимаются за целое, абсолютизируются, отрываются от других сторон. А поскольку ни один из этих моментов действительно не может служить абсолютно надежным критерием истинности знания, то и создается впечатление, что такого критерия вообще нет; в таком случае знание всегда должно оставаться вероятным — пусть даже в очень высокой степени. Достоверность в принципе для него недостижима. Этот вывод, к которому приводит позитивистская философия, служит питательной почвой для агностицизма и фидеизма.

Неудачи неопозитивизма с его принципами верификации и фальсификации служат доказательством того, что решить проблему критерия истинности может только такая гносеология, которая сам этот критерий рассматривает не как отдельный акт проверки, сведенный к какому-то одному моменту, а как развивающийся процесс практической деятельности, при котором человек не созерцает природу и не подводит свои наблюдения под теоретические положения с целью их подтверждения, а практически действует, материально воплощает свои идеи, создает

---

[49] «Memorias del XIII Congreso Internacional de Filosofia», vol. V, 1964, p. 428—429.

[50] Там же, стр. 431.

[51] Там же.

Библиотека "Руниверс"

в практике на основе знания чувственно-доступную объективную реальность, чем и доказывает «окончательно» объективную истинность реализованного в практике знания.

ГЛАВА VI

ЧУВСТВЕННОЕ И РАЦИОНАЛЬНОЕ, ЭМПИРИЧЕСКОЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ

1. Сенсуализм и эмпиризм

Достижение истинного знания включает в себя использование всех познавательных способностей человека, и прежде всего данных, которые дают для мышления органы чувств. Вопрос о роли, месте и соотношении чувственного и рационального в процессе познания в истории философии был поставлен давно.

Одни философы считали, что источником нашего знания, формой непосредственной связи человека с внешним миром являются ощущения и восприятия. Такое решение проблемы об источниках знания стало называться сенсуализмом (лат. sensus — чувство). Сенсуалистическая концепция была выдвинута, пусть и не совсем в отчетливой форме, еще древнегреческими философами (Демокритом, Эпикуром, стоиками, отчасти Аристотелем), однако свою классическую форму сенсуализм приобрел в философии нового времени (Локк, Кондильяк, французские материалисты, Л. Фейербах).

В принципе сенсуализм правильно решает вопрос об источнике знания и его основное положение: «Нет ничего в разуме, чего первоначально не было в чувствах» — выражает чувственное происхождение человеческих знаний. Это признает и диалектический материализм. «Первая посылка теории познания, — пишет В. И. Ленин, — несомненно, состоит в том, что единственный источник наших знаний — ощущения» [1].

Ощущения непосредственно связывают человека с явлениями, процессами, происходящими во внешнем мире. В силу этого ощущения достоверны, как и сама объективная реальность. «До тех же пор, — пишет Ф. Энгельс, —

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 127.

Библиотека "Руниверс"

пока мы как следует развиваем наши чувства и пользуемся ими, пока мы держим свою деятельность в границах, поставленных правильно полученными и использованными восприятиями, — до тех пор мы всегда будем находить, что успех наших действий дает доказательство соответствия наших восприятий с предметной природой воспринимаемых вещей. Нет ни единого случая, насколько нам известно до сих пор, когда бы мы вынуждены были заключить, что наши научно проверенные чувственные восприятия производят в нашем мозгу такие представления о внешнем мире, которые по своей природе отклоняются от действительности, или что между внешним миром и нашими чувственными восприятиями его существует прирожденная несогласованность»[2].

Достоверность, обеспечиваемая ощущениями человека, является природным фактом, результатом эволюции животного мира. Поэтому если взять ощущения как таковые, в чистом виде, то о них нельзя ставить вопроса, истинны они или ложны, поскольку истина и заблуждение — это характеристики знания, а ощущения являются источником знания, его фундаментом, но еще не самим знанием. Зрение не обманывает человека: когда мы видим «надломленное» весло в воде, то наше зрение отражает определенную объективную реальность — явление преломления света. Если на основе только этого ощущения сделать вывод, что весло сломано, то это будет ошибочное логическое заключение.

В истории философии было выдвинуто деление качеств вещей, постигаемых ощущениями, на первичные и вторичные. Одни (форма, непроницаемость тела) первичны, объективны, и наши ощущения их отражают такими, какими они существуют в действительности; другие же (цвет, вкус, запах и т. д.) вторичны, субъективны и отражают не сам предмет, а отношение субъекта к нему[3].

---

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр 304.

[3] «...Идеи первичных качеств тел, — пишет Локк, — сходны с ними, и их прообразы действительно существуют в самих телах... идеи, вызываемые в нас вторичными качествами, вовсе не имеют сходства с ними. В самих телах нет ничего сходного с этими нашими идеями. В телах, называемых нами по этим идеям, есть только способность вызывать в нас эти ощущения» (*Д. Локк*. Избр. философ. произв , т. 1. М., 1960, стр. 157).

Библиотека "Руниверс"

Такое деление качеств, или свойств, на первичные и вторичные в своей основе метафизично и в конце концов приводит к агностицизму, поскольку содержит в себе недоверие к показаниям отдельных органов чувств. Нет никакого основания делить постигаемые ощущениями свойства объекта на первичные и вторичные. Свойства вещей проявляются в отношении, во взаимодействии с другими вещами. Любое ощущение (отражающее форму предмета или его цвет) является результатом материального взаимодействия вещи с органами чувств человека. Как известно, характер материального взаимодействия определяется обеими взаимодействующими системами: ощущение зависит как от воздействующего на органы чувств раздражителя, так и от самих органов чувств, как от объекта, так и от субъекта. В. И. Ленин по этому поводу писал: «Если цвет является ощущением лишь в зависимости от сетчатки (как вас заставляет признать естествознание), то, значит, лучи света, падая на сетчатку, производят ощущение цвета. Значит, вне нас, независимо от нас и от нашего сознания существует движение материи, скажем, волны эфира определенной длины и определенной быстроты, которые, действуя на сетчатку, производят в человеке ощущение того или иного цвета. Так именно естествознание и смотрит. Различные ощущения того или иного цвета оно объясняет различной длиной световых волн, существующих вне человеческой сетчатки, вне человека и независимо от него. Это и есть материализм: материя, действуя на наши органы чувств, производит ощущение. Ощущение зависит от мозга, нервов, сетчатки и т. д., т. е. от определенным образом организованной материи» [4].

Следовательно, ощущение является результатом взаимодействия двух форм материи — раздражителя, находящегося вне органов чувств, и материи, организованной в виде нервной системы, анализаторов. И нельзя сказать, что одна форма материи (раздражитель) оказывает влияние на характер ощущения, а другая (нервная система) — нет. Ощущение — результат взаимодействия того и другого, причем одно и другое носит материальный характер. Нельзя значение какой-то одной взаимодействующей системы умалять, а другой абсолютизиро-

[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 50.

Библиотека "Руниверс"

вать. «Физиологический» идеализм считает, что раздражитель выполняет только функцию толчка, он не определяет содержания ощущения; качество самого ощущения определяется только органами чувств, находящейся в них специфической энергией. Ощущение производно от этой энергии.

Тут ощущение не отрывается от материи вообще, оно связывается с ней (с нервной системой), однако по существу изолируется от воздействующего на органы чувств предмета, выступающего раздражителем. А это и приводит к агностицизму, к идее, что ощущения не связывают человека с внешним миром (а другого источника знания не существует); отсюда вывод: мы не познаем вещей в себе.

Но столь же неверным является и наивно-реалистический взгляд на природу ощущений. В основе «наивного реализма» лежит верная материалистическая предпосылка, которую, в частности, отмечал В. И. Ленин: «. . .вещи, среда, мир существуют *независимо* от нашего ощущения, от нашего сознания, от нашего *Я* и от человека вообще»[5]. Однако в понимании ощущений «наивный реализм» допускает упрощение, которое по существу также ведет к субъективизму. По его мнению, мир абсолютно такой, каким мы его ощущаем, наши ощущения — механическая копия вещей, они не зависят от субъекта и его нервной системы. Наивный реализм просто отождествляет ощущения с объективной реальностью, существующей независимо от них.

Таким образом, «физиологический» идеализм и «наивный реализм» — крайности, которые в конечном счете сходятся в абсолютизации ощущений. Один утверждает, что ощущения определяются нервной системой и от объектов не зависят; другой, отождествляя ощущения с вещами, по существу ставит вещи в зависимость от ощущений (предметы в точности такие, какими мы их ощущаем).

Материализм в понимании ощущений не равнозначен наивному реализму: он фиксирует различие, хотя и не абсолютизирует его, между вещью в себе, как она существует независимо от человека, и ощущением, которое является результатом воздействия этих вещей на органы

[5] Там же, стр. 65.

Библиотека "Руниверс"

чувств. В. И. Ленин приводит следующие слова Л. Фейербаха, которые, по его мнению, выражают материалистическую точку зрения на отношение ощущения к вещам: «...мой вкусовой нерв такое же произведение природы, как соль, но из этого не следует, чтобы вкус соли непосредственно, как таковой, был объективным свойством ее, — чтобы тем, чем является (ist) соль лишь в качестве предмета ощущения, она была также сама по себе (an und für sich), — чтобы ощущение соли на языке было свойством соли, как мы ее мыслим без ощущения...» В. И. Ленин, соглашаясь с этими мыслями Л. Фейербаха, пишет: «Ощущение есть результат воздействия объективно, вне нас существующей вещи в себе на наши органы чувств, такова теория Фейербаха. Ощущение есть субъективный образ объективного мира...»[6] Каждая вещь обладает бесчисленным количеством свойств, которые проявляются в отношении к другим вещам. Определенные ее свойства проявляются в отношении к органам чувств человека, что фиксируется ощущениями, причем отражение именно этих свойств было биологически важно для жизнедеятельности организма человеческого предка, ощущения которого послужили каналом, окном, давшим человеческому познанию возможность выходить за пределы субъекта в объективную реальность.

Из бесконечного числа вещей и свойств только некоторые являются раздражителями, и на них определенным образом реагируют наши органы чувств. Так, например, человеческий глаз реагирует на движение световых волн длиной от 380 до 780 миллимикрон; ухо человека способно улавливать звуки от 16 до 20 000 колебаний, а максимальной чувствительностью оно обладает к звукам в диапазоне от 1000 до 3000 колебаний в секунду. Точно так же и другие органы чувств человека имеют определенный диапазон чувствительности.

В связи с этим в истории философии был поднят вопрос: не является ли ограниченное самой природой количество рецепторов и сила их чувствительности естественными границами для познания человека? Ощущения — источник наших знаний, а раз этому источнику природой положены границы, то не выступают ли они и границами самого познания? Некоторые философы скло-

[6] Там же, стр. 119—120.

Библиотека "Руниверс"

нялись к положительному ответу на этот вопрос, сожалея, что у человека так мало органов чувств и что эти органы не всемогущи. Однако такой подход к человеческому познанию стоит ближе к антропологическому, а не диалектическому материализму. Конечно, если считать процесс познания чисто природным, а не общественно-историческим явлением, то тогда ничего не остается, как естественную ограниченность органов чувств признать за границы человеческого познания.

Но ощущения человека — это только фундамент знания, источник его, через посредство которого оно связывается с объектом. Человеческое мышление, основываясь на практике, стало постигать в вещах и то, что не отражается нашими ощущениями. Ф. Энгельс в связи с этим писал: «У муравьев иные глаза, чем у нас, они видят химические (?) световые лучи... но мы в познании этих невидимых для нас лучей ушли значительно дальше, чем муравьи, и уже тот факт, что мы можем доказать, что муравьи *видят* вещи, которые для нас невидимы, и что доказательство этого основывается на одних только восприятиях *нашего* глаза, показывает, что специальное устройство человеческого глаза не является абсолютной границей для человеческого познания»[7]. Он отмечал также, что «глаз, который видел бы *все* лучи, именно поэтому не видел бы *ровно ничего*»[8].

Познание как общественно-исторический процесс движется под воздействием общественных факторов, а органы чувств со своими ощущениями составляют только некоторый необходимый природный минимум, обеспечивающий выход человеческому знанию к объекту. В процессе познания и практической деятельности человека создаются искусственные орудия, раздвигающие естественные границы органов чувств, усиливающие их. По мере исторической необходимости в практике и создаются эти орудия, развивается мышление, выходящее в постижении предмета далеко за пределы данных органов чувств.

Все наши знания в конечном счете из ощущений и восприятий — это основное положение сенсуализма. Его могут признавать как материалисты, так и идеалисты. Поэтому сенсуализм бывает материалистический и идеа-

---

[7] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 554.
[8] Там же, стр. 554—555.

Библиотека "Руниверс"

листический. Где же граница, разделяющая материализм и идеализм в понимании ощущений как источника знаний? Эта граница возникает в различных ответах на вопрос: «Является ли источником восприятия *объективная реальность*?» (Ленин). Материализм ясно и недвусмысленно утверждает, что «наши ощущения суть образы единственной и последней объективной реальности, — последней не в том смысле, что она уже познана до конца, а в том, что кроме нее нет и не может быть другой» [9].

Идеалисты же либо считают, что нам неизвестно и мы знать не можем, чем вызываются ощущения: вещами, богом или еще какой-либо силой (так рассуждал Д. Юм), либо, как махисты, объявляют сами ощущения единственной реальностью, данностью: чувственное представление и есть вне нас существующая действительность. При этом махисты проделывают такой фокус, основанный на подмене одного понятия другим. Раз, дескать, мы признаем, что ощущения непосредственно достоверны, совпадают с действительностью, значит, ощущение и есть вне нас существующая действительность. И таким образом объективная реальность подменяется человеческими ощущениями. «...Как могут люди, — пишет В. И. Ленин, разоблачая идеалистическую фальшь махизма, — не сошедшие с ума, утверждать в здравом уме и твердой памяти, будто «чувственное представление (в каких бы то ни было границах, это безразлично) и есть вне нас существующая действительность»? Земля есть действительность, существующая вне нас. Она не может ни «совпадать» (в смысле: быть тем же) с нашим чувственным представлением, ни быть с ним в неразрывной координации, ни быть «комплексом элементов», в другой связи тождественных с ощущением, ибо земля существовала тогда, когда не было ни человека, ни органов чувств, ни материи, организованной в такую высшую форму, при которой сколько-нибудь ясно заметно свойство материи иметь ощущения» [10].

Сенсуализм может быть не только идеалистическим, но и метафизическим. Односторонний метафизический сенсуализм и носит название эмпиризма (от лат. empirio — опыт). Слово «опыт» употребляется во многих зна-

---

[9] *В. И. Ленин* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 129—130.
[10] Там же, стр. 115.

Библиотека "Руниверс"

чениях; в философии под опытом обычно понимают данные ощущений и восприятий человека. Знание, полученное непосредственно на основе данных ощущений и восприятий, носит название опытного.

Эмпиризм исходит из посылки сенсуализма (материалистически или идеалистически истолкованного), что чувственные данные являются источником человеческих знаний. Но он полагает, что ощущения и восприятия не просто фундамент знаний, но и все его содержание. Не только по своему происхождению, но и по своему содержанию все знание опытно. И порок эмпиризма заключается не в сенсуализме, а в односторонности, в абсолютизации опыта и недооценке значения теоретического мышления, роль которого низводится до простого суммирования данных опыта. Само мышление по своему качеству не отличается эмпириками от ощущений и восприятий. Для них оно дополнительное чувство, собирающее данные всех других органов чувств.

Формы эмпиризма и его роль в философии менялись. Например, эмпиризм материалистической философии XVII—XVIII вв. имел прогрессивное значение, был направлен против схоластики и беспочвенного умозрения предшествующей и современной ему философии, он направлял философию на связь с наукой и создавал условия для развития опытного естествознания. Совершенно иную роль в истории философии и науки стал играть эмпиризм начиная со второй половины XIX в. Он превратился в тормоз развития научного знания, толкая философию на путь агностицизма и фидеизма.

Эмпирик требует, чтобы знание основывалось строго на опыте, но поскольку он теоретически игнорирует абстрактное мышление, а практически не может обойтись без него, то пользуется старыми, обветшалыми понятиями, взятыми из арсенала натурфилософии и откровенного спиритуализма. Причем это презрение к теоретическому мышлению у некоторых естествоиспытателей выражается в форме игнорирования философии, которая вырабатывает формы и категории научно-теоретического мышления. Получается, что, браня философию, они попадают в плен ее наихудших форм. «Сколько бы, — писал Ф. Энгельс, — пренебрежения ни выказывать ко всякому теоретическому мышлению, все же без последнего невозможно связать между собой хотя бы два факта природы

Библиотека "Руниверс"

или уразуметь существующую между ними связь. Вопрос состоит только в том, мыслят ли при этом правильно или нет, — а пренебрежение к теории является, само собой разумеется, самым верным путем к тому, чтобы мыслить натуралистически и тем самым неправильно... Эмпирическое презрение к диалектике наказывается тем, что некоторые из самых трезвых эмпириков становятся жертвой самого дикого из всех суеверий — современного спиритизма» [11].

Теоретическое мышление необходимо даже для того, чтобы строго следовать за опытными данными в науке, соблюдать принцип сенсуализма, ибо построение знаний, исходя из данных опыта, требует теоретических рассуждений, логического аппарата мышления.

Тенденция к агностицизму, которая заключается в природе всякого эмпиризма, проявилась во всей своей полноте в эмпиризме современной буржуазной философии, в частности в неопозитивизме. Современный позитивизм не против логического мышления, его сторонники занимаются разработкой формально-логического аппарата мышления и делают в этом направлении успехи. Однако они ставят теоретическое мышление в определенные рамки, за пределы которых оно выйти не может. Как говорил Ф. Энгельс, исключительная эмпирия позволяет «себе мышление в лучшем случае разве лишь в форме математических вычислений» [12]. Современный эмпиризм допускает мышление в форме логического исчисления. Существует, по мнению неопозитивистов, два рода имеющих смысл суждений: опытные и аналитические суждения, выражающие правила оперирования знаками. Эти два вида суждений независимы друг от друга; одни имеют эмпирическое содержание, а другие пусты и тавтологичны, они не связаны с опытом, а возникают в результате соглашения людей относительно правил оперирования знаками. Так, например, А. Айер считает точку зрения Дж. С. Милля, что истины логики и математики имеют эмпирическое происхождение, неверной. Эти истины необходимы, однако не в силу своей связи через опыт с объектом, а «по определению», т. е. в силу соглашений людей. Особенно четко это выражено в знаменитом прин-

[11] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 382.
[12] Там же, стр. 455—456.

Библиотека "Руниверс"

ципе толерантности Карнапа, согласно которому «каждый может строить свою логику, т. е. свою форму языка, как он хочет». Таким образом, знание может быть либо только регистрацией опытных данных («протокольные предложения»), либо пустыми тавтологическими суждениями, касающимися правил оперирования знаками; подлинные теоретические положения, выражающие познание законов, явлений природы и общества, объявляются лишенными смысла. Таким образом, современный эмпиризм закрывает науке путь к познанию сущности явлений, ориентируя ее на описание явлений и выражение его в логически непротиворечивой форме.

Конечно, наука не может оставаться на уровне чисто эмпирического описания явлений, поэтому ее развитие идет вразрез с позитивистской философией, которая вместо того, чтобы способствовать прогрессу знания, ставит ему искусственные преграды, не позволяет под предлогом опасности впасть в беспочвенное умозрение, выйти за пределы чувственно-данного и постигать законы движения сложных процессов природы и общественной жизни.

2. Рационализм, априоризм и интуитивизм

Вместе с эмпирическим, односторонним пониманием соотношения опыта и теоретического мышления в познании возникло и другое, столь же одностороннее, — рационализм (лат. ratio — разум, мышление).

Анализируя опыт развития науки, в особенности математики, в области которой плодотворно работали сами философы-рационалисты (Декарт, Лейбниц), они не могли не заметить, что роль мышления несводима к простому суммированию данных опыта. В мышлении человек может выйти за пределы результатов опыта, который не дает нам геометрических линий, лишенных толщины, абсолютно твердого тела и т. п. А мышление создает эти и другие подобные понятия и способствует успеху нашей практической деятельности.

Правда, мышление, выходя за пределы опытных данных, может впасть в заблуждение, оторваться от объекта. И несомненно, такие случаи бывают. Но этого не надо бояться, у нас есть надежный критерий для определения истинности знания. На что способно теоретическое мышление, основывающееся на опыте, но далеко выходящее

Библиотека "Руниверс"

за его рамки, свидетельствует современная наука, в частности физика, проникнувшая в мир элементарных частиц, биология, открывающая тайны наследственного вещества, и т. д.

Рационалисты поняли эту теоретическую функцию человеческого мышления, однако абсолютизировали ее, превратили в самостоятельную, независимую от чувственного опыта и практической деятельности человека сущность. Изолируя мышление от опыта, сводя его роль к толчку, поводу, иллюстрации, примеру, рационалисты выдвинули понятие интеллектуальной интуиции, благодаря которой мышление, минуя опыт, непосредственно постигает сущность вещей, критерий истинности они видели в ясности и отчетливости.

Само понятие интеллектуальной интуиции, так называемого непосредственного созерцания истинной сущности, явилось результатом метафизической беспомощности философов того времени, неспособности вскрыть действительный источник творческой роли мышления, понять роль опыта как посредника между мышлением и объективной реальностью. В движении мышления к объекту рационализм перескакивает такое необходимое звено, как данные органов чувств, а потому его интеллектуальная интуиция хотя и является рациональной, разумной, но содержит элемент мистификации. Недаром такие рационалисты, как Декарт, Лейбниц, прибегли к идее врожденности (актуальной или виртуальной — это не имеет принципиального значения) основных понятий математики и логики. Рационалисты не могли объяснить, как и с чего начинается процесс познания. Опытных данных в качестве источника всех знаний они не признавали, и, не имея никакого иного источника, они объявили ряд важных понятий, имеющих всеобщее значение, врожденными.

Между эмпириками и рационалистами в XVII—XVIII вв. происходила довольно оживленная полемика, в процессе которой обнаруживались слабости той и другой концепции. Локк в «Опытах о человеческом разуме» критиковал Декарта и его учение о врожденных идеях, защищая позиции сенсуализма; он утверждал, что все знание — из опыта, до которого человеческий разум представляет собой чистую доску (tabula rasa). Лейбниц в «Новых опытах о человеческом разуме», защищая Декар-

Библиотека "Руниверс"

та и несколько смягчая крайности его рационализма, показал некоторые слабости эмпирической позиции Локка, дающей лазейку скептицизму. Но это была критика в пределах одностороннего, метафизического воззрения на процесс познания, одно направление критиковало крайности другого. Кант попытался примирить их, выдвинув компромиссную концепцию, которая, основываясь на рационалистическом признании существования принципов рассудочной деятельности, отводила существенную роль и чувственным данным.

В своем философском развитии на первом этапе (докритический период) Кант испытал влияние немецкого рационализма (Лейбниц и Х. Вольф), верность которому в определенной форме он сохранил до конца своей жизни. Потом на него оказала сильное воздействие английская эмпирическая философия в лице Д. Юма, чтение трудов которого, по признанию самого Канта, разбудило его от догматического сна. Его теоретико-познавательная концепция, где основу составляет априоризм, является своеобразным сочетанием несоединимого — рационализма и эмпиризма, некоторым примирением их в рамках его по существу метафизического мировоззрения.

От эмпиризма Кант взял положение, что познание начинается с опыта. Однако он его существенно урезал; познание по времени не предшествует опыту, но это не означает, что все его содержание в конечном счете опытного происхождения. «...Хотя все наше знание, — пишет Кант, — начинается *с опыта*, из этого вовсе не следует, что оно все происходит *из опыта*. Вполне возможно, что даже наше эмпирическое знание имеет сложный состав и складывается из того, что мы воспринимаем посредством впечатлений, и из того, что наша собственная способность познания... привносит от себя самой...» [13]

Таким образом, по мнению Канта, знание имеет два независимых друг от друга источника: 1) данные чувственных впечатлений; 2) формы рассудочной деятельности, носящие независимый от опыта, априорный характер. Ни то ни другое само по себе еще не является знанием, знание возникает в результате их синтеза.

Что положительного в постановке Кантом вопроса о соотношении чувственного и рационального?

---

[13] *И. Кант.* Критика чистого разума, стр. 25.

Библиотека "Руниверс"

Прежде всего подчеркивание роли синтеза чувственного и рационального, опыта и мышления в познании. (Понятия без чувства, по мнению Канта, беспредметны, а чувства без мышления пусты.) «...Мышление о предмете вообще, — писал Кант, — посредством чистого понятия рассудка может сделаться у нас знанием только постольку, поскольку понятие относится к предметам чувств» [14]. Действительно, всякое реальное знание является синтезом данных чувственного опыта с деятельностью человеческого мышления.

Важным является также утверждение Канта, что этот синтез носит категориальный характер, т. е. что человеческое мышление функционирует на основе определенных понятий, которые выполняют эту синтезирующую функцию. Подчеркивание роли категорий в процессе познания, анализ их — сильная сторона гносеологии Канта. Однако эти его положения покоятся на основе априоризма, исключающего развитие познания, снимающего вопрос о возникновении форм мышления, выполняющих синтезирующую функцию. Кант берет их готовыми, ставшими, извечно данными рассудку.

Путем установления двух источников знания — чувств и априорных форм — Кант по существу отрывает познание от объективной реальности, превращает его в перегородку между вещью в себе и человеком. Он ищет источник объективности знания не в его связи через чувственные данные с объективной реальностью, а во всеобщности и необходимости суждений, которые в свою очередь упираются в трансцендентальное единство апперцепции, в «Я», в формальную организацию рассудка.

Поэтому, если рационалисты были полны познавательного оптимизма, исходя из того, что в формах мысли дана сама объективная реальность (истины разума, по Лейбницу, согласуются с вещами в силу предустановленной гармонии), то априоризм Канта закрывал дорогу для познания вещей в себе.

Таким образом, критицизм Канта хотя и содержал некоторые верные моменты, но не решил проблемы соотношения чувственного и рационального в познании, метафизически обособив их, служил обоснованием агностицизма.

---

[14] Там же, стр. 105.

Библиотека "Руниверс"

Дальше эмпиризма, рационализма и априоризма домарксовская гносеология не пошла. Конечно, в истории философии мы находим попытки и стремления выйти за пределы односторонности этих концепций, и некоторые философы сделали существенные шаги в этом отношении, однако решить проблему они не сумели. Что касается буржуазной философии второй половины XIX и первой половины XX в., то в ней в решении вопроса об источнике наших знаний все отчетливее стала проявляться иррационалистическая тенденция в форме интуитивизма.

Тяга к иррационализму в философии имела свои социальные корни — обострение противоречий капиталистического общества во всех областях социальной жизни, включая культуру. Конфликт между идеалами просвещения и буржуазной действительностью породил разочарование в разуме, от имени которого были провозглашены эти идеалы. Буржуазная действительность не явилась царством разума и содержала в себе слишком много иррационального.

Критика разума привела к принижению научного познания, якобы умножающего скорбь, и к возвеличиванию каких-то подсознательных, иррациональных, мистических сил. В поисках этой мистики сначала обратились к христианскому средневековью, потом стали в Европе увлекаться восточной философией и религией, и завершилось это течение мистификацией человека и его жизни.

Иррационалисты утверждают, что человек и его жизнь полны загадок, которые разум разгадать не способен; что для познания жизни недостаточно ни опыта, ни разума — для этого необходима особая форма познания, в качестве которой и выдвигается интуиция. Однако они обращаются не к интеллектуальной интуиции, которую ставили в основу познания рационалисты, в частности Декарт, а к интуиции, противоположной деятельности разума. «Интуиция и интеллект, — говорит А. Бергсон, — представляют два противоположных направления работы сознания. Интуиция идет в направлении самой жизни, интеллект же в прямо противоположном, и потому вполне естественно, что он оказывается подчиненным движению материи» [15].

---

[15] *А. Бергсон.* Собр. соч., т. 1. СПб., стр. 236.

Библиотека "Руниверс"

В критике разума интуитивистами содержатся верные моменты. Да, мышление огрубляет действительность и происходящее в ней движение. Это признает и диалектический материализм. Так, В. И. Ленин пишет: «Мы не можем представить, выразить, смерить, изобразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, угрубив, не разделив, не омертвив живого. Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление, — и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и **всякого** понятия» [16].

Мышление немыслимо без анализа, без разложения целого, без выделения из него отдельных моментов и сторон. Но вместо того чтобы показать, как само мышление, основываясь на практике, все-таки в своем движении постигает целое, в диалектике понятий отражает диалектику движения объективной реальности, интуитивисты относятся к нему с пренебрежением, говорят, что разум со своей логикой годится только для описания мертвой природы в физике, но совершенно беспомощен в познании живой человеческой действительности, постигаемой якобы только с помощью интуиции. Как пишет А. Бергсон, «мы ясно чувствуем, что ни одна из категорий нашей мысли, как, например, единство, множественность, механическая причинность, разумная целесообразность и т. д., не могут быть точно применены к живым предметам» [17].

Каковы же особенности интуитивной формы познания, выдвигаемой иррационалистами? Прежде всего интуиция, конечно, рассматривается как форма непосредственного знания, находящего путь к действительности, минуя показания органов чувств и разум; это форма непосредственного вживания в действительность. В этом отношении она уподобляется инстинктам животного, которое непосредственно реагирует на среду. Такая же связь с жизнью и действием присуща и интуиции, однако последняя в отличие от инстинкта обладает универсальностью теоретического мышления, и в этом состоит ее вторая особенность.

Если эмпиризм, рационализм и априоризм каким-то образом были связаны с научным познанием — эмпиризм с опытным естествознанием, рационализм с мате-

---

[16] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 233.
[17] *А. Бергсон.* Собр. соч., т. 1, стр. 2.

Библиотека "Руниверс"

матикой — обобщали, пусть односторонне, опыт развития научного знания, то интуитивизм порывает с наукой и мистифицирует процесс познания, делает его загадочным, а саму интуицию — формой, доступной исключительным личностям в определенное время (моменты «озарения» или «духовного просветления»).

Но означает ли это, что интуитивизм не имеет никакой почвы? Как всякая ложная, идеалистическая концепция, он спекулирует на некоторых моментах реального процесса познания, в частности творческого мышления. Известно из практики развития науки, что новые идеи, коренным образом меняющие старые представления, часто возникают не в результате строго логической дедукции из предшествующего знания и не как простое обобщение опытных данных. Они являются прерывом непрерывности, как бы скачком в движении мышления. Полное логическое и опытное обоснование им находят позже, тогда, когда они уже родились и вошли в ткань науки. Это и создает представление об их интуитивности, независимости от опыта и теоретического мышления. Как пишет известный французский физик Луи де Бройль, «человеческая наука, по существу рациональная в своих основах и по своим методам, может осуществлять свои наиболее замечательные завоевания лишь путем опасных внезапных скачков ума, когда проявляются способности, освобожденные от тяжелых оков строгого рассуждения, которые называют воображением, интуицией, остроумием» [18].

Как относиться к такого рода явлениям в области научного, а также художественного творчества? Отрицать невозможно, ибо реальность их доказана. Больше того, эти факты не укладываются в метафизическое представление о мышлении как только непрерывном процессе, протекающем в виде формально-логической дедукции, но они не только не противоречат, а, можно сказать, требуются самой материалистической диалектикой, ее логикой и гносеологией.

Да, постигая действительность, мысль делает скачки. «Жизнь и развитие в природе, — пишет В. И. Ленин, — включают в себя и медленную эволюцию и быстрые скачки, перерывы постепенности» [19]. Мышление, постигая

[18] *Луи де Бройль.* По тропам науки. М., 1962, стр. 295.
[19] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 20, стр. 66.

Библиотека "Руниверс"

жизнь и развитие, должно следовать за этой диалектикой, включать скачки, перерывы постепенности. «Диалектичен, — пишет В. И. Ленин, — не только переход от материи к сознанию, но и от ощущения к мысли etc» [20].

Но интуитивизм осмысливает скачки, перерывы постепенности в движении познания как существование особой, мистической интуиции, не связанной с опытом и мышлением. И в этом его фальшь. Материалистическая диалектика исходит из того, что это — скачки в движении самого мышления, в его переходе от опытных данных к теоретическим положениям, от одной теории к другой, при переходе от теории к практическим действиям. Знание возникает не только из знания, но и непосредственно из практики, которая толкает его за пределы чувственно-данного и строго логически обоснованного.

Эти скачки, поскольку они необходимо не следуют из предшествующих результатов познания, выглядят в виде непосредственного «вживания» в объект. Конечно, анализируя научное или художественное творчество, мы можем найти целый ряд причин, натолкнувших именно на такого рода мысль или художественный образ, но очень часто сами ученые и деятели искусства не осознают пути своего мышления к данному результату.

И. П. Павлов описывает случай из своей научной практики, когда он интуитивно нашел правильное объяснение эксперименту: «Ведь мне самому сперва не было ясно, откуда шла правильность моего предположения. Выходило, — другой бы сказал, — интуиция, сам догадался, а не понимал отчего» [21].

Подробно анализируя этот случай, он пришел к следующему выводу: «... я результат помнил и ответил правильно, а весь свой ранний путь мыслей позабыл. Вот почему и казалось, что это интуиция. Я нахожу, что все интуиции так и нужно понимать, что человек окончательное помнит, а весь путь, которым он подходил, подготовлял, он его не подсчитал к данному моменту» [22].

Здесь верно схватывается определенная сторона интуиции, а именно свернутость рассуждения, осознание не

---

[20] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 256.
[21] «Павловские среды», т. II. М.—Л., 1949, стр. 227.
[22] Там же.

Библиотека "Руниверс"

всего хода мысли, а отдельного, наиболее важного звена, в частности окончательного вывода. Вообще следует сказать, что человек полностью практически никогда не воспроизводит той схемы мышления, которая дается логикой. Мы мыслим реально не полными силлогизмами, а энтимемами. Никто не рассуждает так: «Все люди смертны», «Сократ — человек», следовательно, «Он — смертен»; скорее всего это рассуждение принимает вид: «Сократ смертен, ведь он человек».

Несомненно, в интуиции эта свернутость хода логического рассуждения может доходить до того, что человек фиксирует вообще только результат. Но это лишь один момент интуиции, который не объясняет всей ее сложности. В. И. Ленин писал: «Если рассматривать отношение субъекта к объекту в логике, то надо взять во внимание и общие посылки бытия *конкретного* субъекта (=*жизнь человека*) в объективной обстановке» [23].

Из этого положения, а именно из анализа отношения субъекта к объекту, в котором субъект представляет собой конкретный индивидуум (мыслителя), надо исходить при объяснении сущности интуиции. Гносеология, которая анализирует развитие научного знания вообще, взяв в качестве субъекта общество на определенной ступени его развития, может только обосновать необходимость скачков, прерывов непрерывности в движении мышления, но для объяснения того, как и почему был совершен данный прерыв и именно этим мыслителем в определенное время, необходимо рассматривать развитие не только общественного, но и индивидуального познания, ход мышления, логику и психологию творчества конкретного мыслителя. И здесь приобретает большое значение изучение всех обстоятельств, влияний, в том числе и случайных, на формирование образов и методов мышления. Какое-нибудь впечатление раннего детства или юности может сыграть существенную роль в объяснении того, почему при истолковании такого-то процесса ученому в голову пришла именно эта, а не другая идея, которая ознаменовала потом новый этап в развитии науки и нашла свое блестящее практическое подтверждение. Вот почему в анализе сущности интуиции наряду с логикой и гносеологией большое место принадлежит психологии

[23] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 184.

Библиотека "Руниверс"

научного творчества, изучающей индивидуальное сознание того или иного мыслителя.

Таким образом, материалистическая диалектика не отвергает такой формы познания, которая называется интуицией. В противоположность интуитивизму она не выводит интуицию за пределы разумного познания, основанного на опыте, а рассматривает в качестве особой формы изменения теоретического мышления, с помощью которой происходит скачок в познании объекта, прерыв непрерывности в движении мышления.

Интуиция является непосредственным знанием, однако только в том отношении, что в момент выдвижения нового положения оно не следует с логической необходимостью из существующего чувственного опыта и теоретических построений. Подобного рода интуитивные скачки вытекают из органической связи познания с практической деятельностью человека. Потребности практического взаимодействия субъекта с объектом толкают теоретическое мышление на выход за пределы того, что дано в предшествующем опыте познания. Такого рода выходы не направляют познание на путь заблуждений, поскольку имеется в виде практики надежный критерий истинности знаний, позволяющий в конце концов отделить действительные научные открытия, глубоко постигающие реальность, от беспочвенных фантазий, которые уводят мышление от совпадения по содержанию с объектом.

Интуиция действительно требует напряжения всех познавательных способностей человека — от воображения до остроумия, в нее вкладывается весь опыт предшествующего общественного и индивидуального развития человека, но это не делает ее загадочной, мистической; она вполне объяснима, если учитывать всю сложность практического и теоретического взаимоотношения конкретного субъекта с объектом.

Изучение механизма интуиции — проблема, над решением которой должны совместно трудиться ученые многих областей современной науки, при этом особенно важно учитывать особенности индивидуального познания. Только на основе глубокого исследования того, что называется интуицией, можно окончательно преодолеть интуитивистские, иррационалистические спекуляции.

Библиотека "Руниверс"

3. Знание — единство чувственного и рационального. Эмпирический и теоретический уровни познания

Марксистская гносеология в решении вопроса об источнике знаний исходит из материалистического сенсуализма: «Все знания из опыта, из ощущений, из восприятий»[24]. Поэтому она в соответствии с фактами науки отрицает существование врожденного, или априорного, знания. Наследуются только физиологические способности к приобретению знания, механизм нервной деятельности. Человек наследует опыт познания предшествующих поколений, усваивая язык вместе с теми понятиями, которые в нем закреплены. Однако этот процесс наследования носит социальный характер и происходит в течение всей жизни человека, биологически же знание не наследуется.

Нельзя представлять дело таким образом, что каждый индивидуум начинает всякое познание заново с опыта по сенсуалистическому принципу, что интеллект все свое знание получает из опыта. «Современное естествознание, — пишет Ф. Энгельс, — признает наследственность приобретенных свойств и этим расширяет субъект опыта, распространяя его с индивида на род: теперь уже не считается необходимым, чтобы каждый отдельный индивид лично испытал все на своем опыте; его индивидуальный опыт может быть до известной степени заменен результатами опыта ряда его предков. Если, например, у нас математические аксиомы представляются каждому восьмилетнему ребенку чем-то само собой разумеющимся, не нуждающимся ни в каком опытном доказательстве, то это является лишь результатом «накопленной наследственности»»[25].

Эти формы знания, в которых обобщен опыт предшествующих поколений, принимаются как нечто уже готовое, данное, независимое от опыта (априорное). И действительно, они независимы «от *особого* опыта каждой отдельной личности»[26], но они эмпирического происхож-

---

[24] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 129.
[25] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс* Соч., т. 20, стр. 581—582.
[26] Там же, стр. 36.

Библиотека "Руниверс"

дения, если под субъектом опыта понимать все человечество.

Не существует абсолютно непосредственного знания, ибо всякое знание в конечном счете опосредовано практикой. Даже сами ощущения и восприятия человека опосредованы практическим отношением его к миру, и органы чувств, по выражению К. Маркса, являются продуктом всемирной истории. Этой опосредованностью практикой и отличается чувственный опыт человека от ощущений и восприятий животного. Результаты ощущений человека осмысливаются, в них энергия внешнего раздражения превращается в факт сознания; они выражаются в человеческой форме — в предложении языка, где данные чувств подведены под определенные категории мышления и в этом смысле составляют элемент знания.

О непосредственности знания можно говорить только в строго определенном, ограниченном смысле. «Ощущение, — пишет В. И. Ленин, — есть действительно непосредственная связь сознания с внешним миром» [27].

В этом отношении знание, просто выражающее в логической форме результаты ощущения, тоже может считаться непосредственным. Но поскольку оно знание и в нем происходит синтез данного ощущения и форм человеческого мышления, возникших на основе предшествующего опыта, то оно является опосредованным, в частности этим опытом человечества. В этом смысле всякое знание — единство непосредственного и опосредованного.

В нашей литературе часто употребляется термин «чувственное познание» или «чувственная ступень познания». Учение о трех ступенях познания: чувственной, рациональной и практике — было сконструировано путем довольно произвольного толкования следующего высказывания В. И. Ленина в «Философских тетрадях»: «От живого созерцания к абстрактному мышлению *и от него к практике* — таков диалектический путь познания *истины*, познания объективной реальности» [28].

Это одно из замечаний В. И. Ленина о пути познания, имеющее действительно большое значение в понимании диалектики процесса познания, было догматически пре-

---

[27] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 46.
[28] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 152—153.

Библиотека "Руниверс"

вращено в ленинское учение о трех ступенях познания: чувственной, логической, или рациональной, и практике.

Такое истолкование высказывания В. И. Ленина неверно, во-первых, потому, что оно сужает роль практики в процессе познания, которая является не только критерием истинности знания где-то на третьей ступени, но и пронизывает весь процесс познания от начала до конца, будучи основой, целью и критерием истинности знания. Во-вторых, оно разрывает по существу чувственное и рациональное, превращая их в самостоятельные ступени знания, разделенные каким-то временным интервалом. Человеческое знание сначала перестает быть человеческим и превращается в чистые ощущения, лишенные рационального момента (не выраженные при помощи языка и закрепленных в нем форм мысли), а потом возвращается снова к самому себе и становится опять рациональным.

Это надуманное разделение познания на чувственную и рациональную ступени по существу не преодолевает метафизического обособления этих двух моментов познания; больше того, оно доводится до превращения их в самостоятельные ступени познания. Такое единство в познании чувственного и рационального, которое предлагается в этом разделении, вполне укладывается в метафизическое представление: есть знание чувственное, а есть рациональное, они едины в рамках двух различных ступеней познания. Односторонность эмпиризма и рационализма здесь механически примиряется — отводится самостоятельная ступень одному и другому.

В действительности же знание является органическим единством противоположных моментов, сторон — чувственного и рационального, оно невозможно без одного из них. Например, ощущение красного еще не является знанием, а только формой связи сознания с объективной реальностью. Осознание этого ощущения есть отнесение его к определенному предмету: «Эта роза красна» — является элементом знания, но оно приняло уже определенную логическую, рациональную форму и называется в логике либо суждением наличного бытия, либо суждением живого созерцания. Ощущения и восприятия становятся знанием только тогда, когда принимают форму суждения, являющегося элементарной ячейкой знания. Даже в самом простом эмпирическом сужде-

Библиотека "Руниверс"

нии (и это было хорошо известно еще Канту) происходит синтез данных чувственности на основе определенных логических форм, без которых, по мнению Ф. Энгельса, нельзя связать даже двух самых простых фактов, например таких, как «роза» и «красное». Причем то, что данный цветок называется розой, не дается непосредственно в ощущении, а представляет собой также результат мышления.

Отождествление ощущения со знанием может привести и приводит к гносеологическим ошибкам. Конечно, если ощущение считать уже знанием, то можно признать наличие знания у животных и, следовательно, его врожденность.

Ленинское положение о движении познания от живого созерцания к абстрактному мышлению не дает никаких оснований для деления познания на две самостоятельные ступени — чувственную и рациональную. Прежде всего потому, что живое созерцание не тождественно просто ощущениям и восприятиям. Это форма знания, связанная с осмыслением чувственных данных, но несводимая к ним. Живое созерцание принимает такую же рациональную форму, как и абстрактное мышление. С другой стороны, абстрактное мышление не лишено чувственности, и не только в своем происхождении, но и в форме существования; оно всегда выступает как система чувственно воспринимаемых знаков. Далее, положение В. И. Ленина характеризует не все стороны в движении познания, а только одну из них. Например, К. Маркс говорил о познании как движении от чувственно-конкретного через абстрактное к конкретному в мышлении. Почему в таком случае не говорят о других трех ступенях: 1) чувственно-конкретная, 2) абстрактная, 3) конкретно-мысленная?

Дело заключается в том, что положения В. И. Ленина и К. Маркса вскрывают действительные закономерности в движении познания, они не противоречат, а дополняют друг друга и нет ни основания, ни необходимости превращать то или другое из них в учение о трех ступенях процесса познания. Одно — положение В. И. Ленина — говорит о взаимодействии трех сторон в познании: опыта, мышления и практики, указывая на опыт как источник знания, а практику как критерий истинности теоретического мышления, которое в своем движении может отой-

Библиотека "Руниверс"

ти от истины. Другое — положение К. Маркса — открывает закономерность движения познания к подлинно конкретной истине, в которой предмет глубоко постигается со многих сторон, во многих отношениях. Противопоставлять одно положение другому нет никаких оснований.

Таким образом, человеческое познание всегда, во всех своих формах и проявлениях является единством чувственного и рационального, без одного из этих моментов нет человеческого знания.

Превращение чувственного и рационального в самостоятельные ступени ошибочно, но это не означает, что нельзя вообще выделять некоторые уровни в познании, качественно отличающиеся друг от друга. Имеет смысл для более глубокого понимания процесса движения познания и достижения им объективной истины отличать эмпирический уровень знания от теоретического.

Эмпирическое и теоретическое отличаются друг от друга не так, как чувственное и рациональное. И эмпирический и теоретический уровни возможны только как единство чувственного и рационального. Однако единство и соотношение последних по степени и характеру может быть различным. Эмпирический и теоретический уровни отличны друг от друга тем, как и с какой стороны в них дан объект, каким образом и способом достигнуто основное содержание знания, что служит логической формой его выражения и, наконец, практической и научной значимостью знания.

В эмпирическом знании объект отражен со стороны его внешних связей и проявлений, доступных живому созерцанию. Логической формой эмпирического знания является отдельно взятое суждение, констатирующее факт, или их некоторая система, описывающая явление. Практическое применение эмпирического знания ограничено, а в научном отношении оно является некоторым исходным пунктом в построении теории. На эмпирическом уровне основное содержание знания получают непосредственно из опыта. Рациональны прежде всего форма знания и понятия, содержащиеся в языке, в котором выражены результаты эмпирического знания. Эмпирическим путем можно познать очень многое, однако он и ограничен. Мы знаем, например, что эмпирическим путем народная мудрость дошла до многих истин науки. Народ научился по-своему прогнозировать погоду, знал целеб-

Библиотека "Руниверс"

ные действия многих трав и некоторых видов плесени. Народная мудрость и сейчас является источником многих идей в науке, технике и сельскохозяйственном производстве.

Однако на примере народной мудрости можно видеть и слабые стороны эмпирического знания: неизвестно, насколько положения, выдвигаемые ею, носят всеобщий характер, какова причина подмеченной связи явлений, в какой зависимости данное явление находится от других и т. п.

Эмпирическим путем постигается явление, а не сущность, поэтому практическое применение эмпирического знания часто ведет к ошибкам, к неудачам. Не зная всеобщности подмеченной связи, люди начинают применять закономерность там, где она уже не действует.

Теоретическое знание отражает объект со стороны его внутренних связей и закономерностей движения, постигаемых путем рациональной обработки эмпирического знания. Его логической формой является система абстракций, объясняющая объект. Практическое применение теоретического знания расширяется по сравнению с эмпирическим. Построение теории выступает как некоторый конечный результат, завершение процесса познания. Задача теоретического знания, выражаясь словами К. Маркса, «заключается в том, чтобы видимое, лишь выступающее в явлении движение свести к действительному внутреннему движению...»[29]. На данном уровне познание может это выполнить, поскольку оно с помощью мышления выходит за пределы данного в опыте. Рациональное тут — не просто форма выражения результатов опыта, а средство достижения нового содержания знания, не данного в опыте. Наоборот, роль чувственного в теоретическом знании меняется: оно остается основой и формой выражения достигнутых мышлением результатов в виде системы чувственных знаков, формул, схем, графиков и т. п.

На теоретическом уровне знание приобретает действительно общий характер и стремится дать истину во всей конкретности и объективности ее содержания. Именно здесь осуществляется процесс, который Ф. Энгельс характеризовал так: «...мы в мыслях поднимаем еди-

[29] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 343.

Библиотека "Руниверс"

ничное из единичности в особенность, а из этой последней во всеобщность... мы находим и констатируем бесконечное в конечном, вечное — в преходящем» [30].

В силу своей всеобщности и конкретности теоретическое знание имеет широкую сферу практического применения. На основе научных теорий происходит коренная перестройка промышленного и сельскохозяйственного производства, теории ведут человека в бесконечные дали Вселенной и т. п.

Эмпирическое и теоретическое — относительно самостоятельные уровни познания. Выделение двух различных уровней стало возможным только в период зрелого научного познания, даже для античной науки разделение познания на эмпирическое и теоретическое теряет смысл.

4. Формы теоретического воспроизведения мышлением объекта

Для решения вопроса о том, как, какими путями и в каких формах теоретическое знание воспроизводит в мышлении объект, философия выработала ряд категорий, среди которых важнейшее значение имеют конкретное и абстрактное.

Как известно, объективная истина конкретна и всегда существует в форме теоретической системы. Конкретное — исходный и конечный пункт движения познания. Исходным является чувственно-конкретное, при котором мы находимся еще на эмпирическом уровне познания. В чувственном опыте человека объект дается с нескольких связанных между собой сторон. Однако его конкретность не расчленена, здесь возможно выделить только те стороны объекта и ту их связь, которые доступны живому созерцанию субъекта. Поэтому от чувственно-конкретного познание неизбежно переходит к абстрактному.

В чем сущность абстракции? На этот вопрос физик В. Гейзенберг отвечает следующим образом: «...абстракция дает возможность обозреть предмет или группу предметов с одной точки зрения, отказавшись от всех других качеств предмета. Извлечение признака, который в этой связи рассматривается как особо важный, в противоположность всем другим качествам составляет сущность

[30] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 548.

Библиотека "Руниверс"

абстракции. Все образование понятий, как легко убедиться, покоится на этом процессе абстракции. Образование понятий предполагает, что можно подмечать одинаковость. Но полное подобие в явлениях практически не встречается, одинаковость возникает только в процессе абстракции, только через извлечение одного признака, благодаря оставлению в стороне всех других»[31].

Тут правильно схвачена сущность абстракции и абстрактного знания, а именно односторонность в постижении объекта и стремление выйти за пределы чувственно-данного. И в этих двух моментах абстрактного знания кроется его и сила и слабость. Знание теряет конкретность, присущую эмпирическому знанию, однако оно приобретает возможность выйти за пределы чувственно-данного. Правда, не во всех абстракциях такой выход совершается, некоторые из них остаются на эмпирическом уровне. Выделяя сторону в предмете, которая дана в чувственном опыте, такие абстракции большого значения не имеют, хотя современный эмпиризм по существу требует, чтобы познание остановилось только на таких абстракциях, которые подтверждаются непосредственно опытными наблюдениями.

Если под абстрактным понимать выделение, изоляцию некоторого чувственно-доступного свойства предмета, то движение от чувственно-конкретного к абстрактному будет шагом не вперед, а назад, ибо вместо знания многих сторон предмета мы постигнем только одну его сторону.

Задача же абстракции состоит в том, чтобы от эмпирического подняться на теоретический уровень познания, силой самого мышления достичь нового содержания, недоступного живому созерцанию, и тем самым отразить объект глубже. «Мышление, — писал В. И. Ленин, — восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно *правильное... от* истины, а подходит к ней. Абстракция *материи, закона* природы, абстракция *стоимости* и т. д., одним словом, *все* научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*»[32].

---

[31] *W. Heisenberg.* Die Abstraktion in der modernen Naturwissenschaft. — «Wissenschaft und Fortschritt», 1964, N 3, S. 100.

[32] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 152.

Библиотека "Руниверс"

При этом, выходя за пределы чувственно-данного, абстракции стремятся стать ближе к объекту и его внутреннему движению. И это касается всех без исключения научных, серьезных абстракций. Даже такой мыслитель, как В. Гейзенберг, которого трудно заподозрить в симпатиях к диалектическому материализму, вынужден признать объективный характер математических абстракций, которыми пользуется современное естествознание. «Описываем ли мы в математике, — спрашивает он, — какую-нибудь объективную действительность, то есть что-то существующее независимо от человека в каком бы то ни было смысле, или математика только способность человеческого мышления? Может быть, законы, которые мы открываем, есть только высказывания о структуре человеческого мышления? Я не хочу здесь полностью поднимать эту проблематику, но только сделать одно замечание, подчеркнув объективный характер математики» [33]. Гейзенберг считает, что абстракции нашей земной математики будут иметь значение и для мышления живых существ на других планетах, поскольку там «точно такие же законы природы, как и у нас» [34].

Подобно математике, и в других науках, в частности в физике, все время происходит подъем знания на более высокую ступень абстракции. «Шага в абстракцию нельзя избежать», и в этом движении от чувственно-конкретного к абстрактному нет ничего зловещего и чуждого познанию, постигающему объект. Конечно, подымаясь на высшие ступени абстрактного знания, труднее становится обнаруживать его связь с чувственным опытом. «. . .Однако, — как опять-таки правильно отмечает Гейзенберг, — существование некоторой такой связи является обязательной предпосылкой того, что абстракция вообще опосредствует понимание мира» [35].

Образование абстракций самых высших ступеней — это только один момент в движении познания от эмпирического к теоретическому. Абстрактное — способ познания объекта, путь движения к конкретной истине. Достижение конкретного знания предполагает преодоле-

---

[33] *W. Heisenberg.* Die Abstraktion in der modernen Naturwissenschaft. — «Wissenschaft und Fortschritt», 1964, N 3, S. 101.

[34] Там же.

[35] Там же, стр. 104.

Библиотека "Руниверс"

ние односторонности, присущей каждой в отдельности абстракции. А для этого познание снова должно стать конкретным, но не возвратиться к чувственно-конкретному, а создать новое конкретное, основанное на глубоком постижении предмета в абстракциях.

Этот процесс образования конкретного в мышлении на основании абстрактного носит название восхождения от абстрактного к конкретному и впервые на основе идеалистической диалектики был изложен Гегелем, который предполагал, что, двигаясь от абстрактного к конкретному, мышление не только познает, но и создает предмет. К. Маркс исходил из того, что конкретным является сам объект, независимо от человека, познание же воспроизводит его в мысли. «Конкретное, — пишет он, — потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного. В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собой действительный исходный пункт и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления. На первом пути полное представление испаряется до степени абстрактного определения, на втором пути абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления» [36].

Созидание конкретного в мышлении — цель познания на теоретическом уровне, для реализации ее оно использует все средства, в частности аналитическую и синтетическую функцию мышления.

Понятия анализа и синтеза сформировались давно и употреблялись в различном значении. Например, анализ отождествлялся с индуктивным процессом, а синтез — с дедуктивным. Однако при этом упускалось главное — выяснение роли анализа и синтеза в созидании конкретного знания об объекте. Заслуга Гегеля состоит в том, что он сделал это. И действительно, создание абстракций невозможно без анализа, разложения в мысли конкретного предмета на абстрактные определения, а образование конкретного в мышлении включает в себя синтезирующую деятельность, связанную с объединением многообразных определений в единство на основе какого-то принципа научно-теоретического мышления. «Мышле-

[36] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 12, стр. 727.

Библиотека "Руниверс"

ние, — писал Ф. Энгельс, — состоит столько же в разложении предметов сознания на их элементы, сколько в объединении связанных друг с другом элементов в некоторое единство. Без анализа нет синтеза»[37]. Причем разложение и объединение элементов в мышлении происходит по законам, взятым из объективной реальности, только в этом случае мышление будет в своем содержании совпадать с объектом.

С воссозданием конкретного в мышлении связаны процессы, выражаемые в категориях логического и исторического. Воспроизвести теоретически предмет во всей полноте и конкретности — значит постичь его развитие, его историю. Логическое — это способ, посредством которого мышление воспроизводит реальный исторический процесс развития объекта.

Тут главная проблема состоит в определении начала изучения истории процесса. Чтобы дать теорию предмета, необходимо вскрыть его историю, а последнее предполагает наличие некоторой теории. Так, например, чтобы вскрыть историю человечества, надо уже знать, что такое человек, откуда начинается его история.

Как разорвать этот круг? На помощь приходит принцип совпадения исторического и логического. Познание предмета необходимо начать с конца, т. е. с самой зрелой ступени развития предмета, дать первоначальную теорию этой стадии. Поскольку эта зрелая форма содержит в снятом виде все предшествующее развитие предмета, логическое отражение ее будет одновременно и определенным знанием истории этого предмета в сокращенном, снятом виде. Например, знание современной стадии человеческой цивилизации одновременно является знанием и основных вех ее истории. Ведь логическое является также историческим, «только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей»[38].

Однако создание теории высшей стадии развития составляет только исходный пункт, но не конец изучения его действительной истории. Например, К. Маркс в «Капитале» проанализировал капиталистическую формацию в ее самой зрелой и классической для того времени фор-

---

[37] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 41.
[38] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 13, стр. 497.

Библиотека "Руниверс"

ме. «Капитал» является и теорией и историей не только капитализма, но и всей предшествующей цивилизации. Однако он не исключает и не делает ненужным детальное изучение истории капитализма и всех предшествующих общественно-экономических формаций со всеми особенностями их развития в отдельных странах. Наоборот, располагая теорией высшей стадии развития предмета, в частности капиталистической формации, мы получаем возможность по-настоящему изучить его историю со всеми деталями и подробностями. А ознакомление с историей предмета, этапами его развития приведет к обогащению той теории, которая была создана первоначально на основе изучения только высшей, зрелой формы предмета. Поэтому знание истории предмета обогащает теорию, логику, как писал Ф. Энгельс, «логическое развитие вовсе не обязано держаться только в чисто абстрактной области. Наоборот, оно нуждается в исторических иллюстрациях, в постоянном соприкосновении с действительностью» [39]. Новая логическая теория предмета создает предпосылки для более углубленного понимания его истории и т. д.

Теоретическое мышление непрерывно движется от логики к истории, от истории к логике, таким образом наше знание становится все более конкретным, обогащаясь новыми определениями. Движение от логического к историческому и от последнего снова к новому логическому является моментом восхождения от абстрактного к конкретному, способом постижения объекта во всей его исторической связи и обусловленности. А известно, что марксизм требует все явления рассматривать «(α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории» [40]; без этого невозможна объективная, полная и глубокая истина.

Зрелой формой теоретического мышления является научная теория, на создание которой нацелено восхождение от абстрактного к конкретному с его моментами: анализом и синтезом, логическим и историческим.

Если характеризовать теорию с логической стороны, то она выступает относительно замкнутой системой знания, элементы которой необходимо связаны между со-

---

[39] Там же, стр. 499.

[40] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 49, стр. 329.

Библиотека "Руниверс"

бой, составляя некоторое единство. В гносеологическом отношении теория является формой объективной абсолютно-относительной конкретной истины, достигнутой в познании предмета на данном уровне развития знания.

Поскольку научная теория является высшей формой постижения предмета на теоретическом уровне, то все остальные формы мышления (суждения, понятия, умозаключения) могут рассматриваться элементами в ее построении и развитии. Будучи включенными в теоретическое построение, они приобретают свою цель и место в развитии человеческого знания, выявляют свое объективное содержание [41].

Эмпирические исследования имеют очень большое значение для развития познания, они составляют его основу. Однако прогресс научного знания определяется прежде всего созданием новых фундаментальных теорий.

В зарубежной и отечественной литературе высказывалось мнение, что половина всех результатов, которыми располагает современная наука, получены за последние 15 лет. Возникает вопрос: правильно ли это?

Наверно, будет правильным, если результаты науки оценивать чисто количественно, вне зависимости от их значения для теории и практики. Действительно, за последние 15 лет опубликовано такое количество научных работ, что оно, возможно, составляет половину всех публикаций, имевших место в истории человечества. Причем количество публикаций, поток научной информации выявляют и свою отрицательную сторону: человек уже не может с ними справиться, воспринять и переработать необходимую научную информацию. Возникла проблема, каким образом уплотнить информацию, найти такие формы ее передачи, которые были бы наиболее емкими.

Однако развитие науки определяется не только количеством научных результатов, но и качеством, их характером. Одно дело описание нового явления, а другое — создание научной теории. То и другое — новый научный результат, однако их роль в развитии познания

---

[41] Мы не занимаемся тут анализом форм мышления, так как это задача логики. Формы теоретического воспроизведения мышлением объекта вообще, и в частности суждение, понятие, умозаключение, изложены подробно во многих работах, в том числе и автором в книге «Диалектика как логика» (Киев, 1961).

Библиотека "Руниверс"

и практики далеко не одинакова. Наука должна не просто дать что-то новое, а создать новое теоретическое построение, на основе которого происходят крупные изменения в производстве и культуре, возникают новые методы в промышленном и сельскохозяйственном производстве.

Если за критерий развития науки взять не просто достижение любого нового результата, а создание крупных, фундаментальных научных теорий, определяющих ход движения познания и практики на много лет вперед, то нельзя сказать, что половина их создана в последние 15 лет. Наоборот, современная наука очень нуждается в новых фундаментальных теориях, обобщающих большой накопленный фактический материал. Например, теории, которыми руководствуется современная физика (теория относительности, квантовая механика), были созданы 40—50 лет тому назад. С того времени многое изменилось, и эти теории не охватывают всех явлений, с которыми столкнулась современная физика, вступив в многообразный мир элементарных частиц. Поэтому крупнейшие физики современности считают, что физика сейчас остро нуждается в создании новой теории, основанной на необычной, по выражению Н. Бора, «сумасшедшей» идее.

В новых фундаментальных теориях нуждается не только физика, но и другие отрасли современной науки. В советской биологической науке происходит критическое преодоление ошибочных положений и методов, свойственных Т. Д. Лысенко и его сторонникам. Однако эта критика не должна быть чисто негативной, ее цель не просто возвратиться к теоретическим концепциям, которые были в конце прошлого и в начале нашего столетия. Биологии в настоящее время необходима общая теория, исходящая из принципов дарвинизма, но обобщающая все, что накоплено наукой в учении о сущности и формах живого и законах его развития.

Такое же положение и в гуманитарных науках, где главное усилие необходимо направить не на описание новых явлений, а на их теоретическое осмысление. Возьмем языкознание. Теоретическая концепция академика Марра была в свое время раскритикована. Не все в этой критике было верным, и сейчас отметается то, что явилось наносным. Нет никакого сомнения, что не может

Библиотека "Руниверс"

быть простого возвращения к теории Марра. Но где та общелингвистическая теория, которая бы ее заменила и дала объяснение языку и языковому процессу с учетом всех достижений современной науки. Концепции сравнительно-исторического языкознания устарели, структуралистская теория односторонняя, а новой, объединяющей их и исходящей из диалектико-материалистической методологии пока еще нет.

Отсутствие крупных теоретических работ в области гуманитарных наук частично объясняется медлительностью, с которой преодолеваются здесь ошибки прошлого. Выдвижение новых теоретических построений предполагает, что эти теории в пределах марксистской методологии могут быть различными, конкурирующими. В гуманитарных науках возможна такая же борьба мнений, столкновение различных гипотез, как и в естественных. Сейчас это теоретически не подвергается сомнению, однако робость в выдвижении новых построений чувствуется. Исследователь иногда идет по более простому пути, не требующему больших знаний и научного мужества, — находит факты и иллюстрации для уже существующих положений. Это проще и спокойнее.

Наша мысль сводится к утверждению, что развитие современной науки ставит перед исследователями вопрос о создании крупных фундаментальных теорий, которые так необходимы для дальнейшего продвижения вперед в самых различных областях знания. Если исследователи не будут удовлетворять эту потребность, то чисто эмпирические работы, погоня за научными результатами независимо от их характера и значения могут захлестнуть науку и стать даже тормозом ее развития. Сейчас нет никаких препятствий, которые мешали бы ученым выдвигать и обосновывать свои концепции.

Марксистская гносеология должна не только вскрывать сущность теоретического познания, показывать роль его в достижении объективных истин, но и нацеливать исследователей на создание фундаментальных теорий, открывающих широкие перспективы для науки и практики.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА VII

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Рассудок и разум

Познание закономерностей возникновения и развития теории ставит вопрос о необходимости изучения с точки зрения гносеологии процесса научного исследования, что в свою очередь в качестве предпосылки имеет выяснение содержания категорий рассудка и разума.

Рассудок и разум сформировались в истории философии как категории, выражающие особенности мышления на той или иной ступени его исторического или логического развития. Гносеология не может ограничиться в исследовании познания противопоставлением чувственного рациональному, эмпирического теоретическому. Она, несомненно, должна была углубиться в сущность самого теоретического, рассмотреть мышление глубже и найти в нем самом качественные ступени, прерывы непрерывности. Из этой потребности и возникла тенденция в истории философии расчленить теоретическое мышление, найти в нем определенные узловые пункты, выражающие степень постижения мышлением объективной реальности, причем философия не могла остановиться только на разграничении различных качественных моментов в мышлении. Она ставила задачу определить отношение между ними. И эта задача решалась в зависимости от зрелости той или иной философской концепции. Поэтому формирование категорий рассудка и разума является длительным, сложным процессом, отражающим противоречия той или иной философской системы.

Одной из первых более или менее отчетливо сформулированных попыток выделить в самом мышлении определенные качественные узлы было положение Аристотеля о пассивном и активном разуме.

Теоретический (его еще называют пассивным) разум способен посредством понятий постигать общее и необходимое в вещах. Теоретический разум занимается обработкой данных чувств, к которым относится так же, как они к вещам, — созерцает чувственные восприятия.

Библиотека "Руниверс"

«...Мышление, — пишет Аристотель, — должно быть непричастно страданию... воспринимая формы и отождествляясь с ними потенциально, но не будучи ими в действительности, и подобно тому, как чувственная способность относится к чувственным качествам, так ум относится к предметам мысли»[1]. Разум должен не только созерцать вещи и создавать идеи, но и актуализировать их. Это задача деятельного (или активного) разума. В отличие от теоретического, или созерцательного, деятельный разум одновременно является и мышлением и объектом мышления, «реализованное знание то же самое, что познаваемый предмет»[2], причем, по Аристотелю, страдательный разум преходящ «и без деятельного разума ничего не может мыслить»[3]. В отличие от теоретического разума деятельный обладает целенаправленностью. «То, ради чего возникает стремление, составляет исходную точку практического разума: предельная цель и есть источник деятельности»[4].

Положение Аристотеля о теоретическом и практическом разуме носит противоречивый характер. В нем нетрудно заметить сильные стороны его гносеологии — мысль о практике, практической реализации знания как цели познания, об активности мышления, которое не ограничивается простым пассивным созерцанием вещей, а целенаправлено на их изменение. Но одновременно в положении Аристотеля о пассивном и активном разуме проявилась слабость его философии, беспомощность в решении вопроса о том, как и каким образом знание становится тождественным по своему содержанию объекту: Аристотель исходит из того, что идеи активного разума являются и объектами мысли.

Нас в данном случае интересует положение Аристотеля о созерцательном и активном разуме только с одной стороны — формирования категорий рассудка и разума. И здесь приобретает значение мысль Стагирита о двух функциях мышления: обработке чувственных данных, высказывании на этом основании суждений и выяснении реальных путей целенаправленного изменения вещей.

---

[1] *Аристотель.* О душе. М., 1937, стр. 94.
[2] Там же, стр. 97.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 106.

Библиотека "Руниверс"

Первую и можно назвать рассудочной [5]. Интересным является рассмотрение Аристотелем пассивного и активного разума со стороны категорий возможности и действительности. «...Природа ума, — пишет он, — заключается не в чем ином, как только в возможности» [6]. Идеи ума становятся действительностью в движении, в практике, где они совпадают с объектом.

Положения Аристотеля о созерцательном и активном разуме наметили возможные пути расчленения мышления на отдельные стороны, выражающие качественные особенности, ступени его развития. Аристотель не забывал и о связи между ними, подчинив созерцательный разум активному. У таких философов эпохи Возрождения, как Николай Кузанский и Джордано Бруно, расчленение мышления на рассудочное и разумное нашло еще более четкое выражение. Н. Кузанский довольно четко определил функцию рассудка, противопоставляя ему как более высокую ступень ум, или интеллект. Рассудок различает, разделяет, ум же понимает [7].

Ум стоит выше рассудка, поскольку он дает толкование, осознает результаты его деятельности. Различающая способность рассудка, по-видимому, имеется и у животных. Но эта их способность лишена формы, т. е. интеллекта, а потому не дает знания.

---

[5] Некоторые переводчики сочинений Аристотеля употребляют термин «рассудок», когда речь идет об этой стороне мышления Так, в трактате «О душе» мы читаем. «Душа живых существ определяется двумя способностями: суждением, которое представляет собою функцию рассудка и ощущения, а также пространственным движением . » (*Аристотель* О душе, стр 103).

[6] Там же, стр 94

[7] «И если простой человек, не понимающий значения слов, читает какую-нибудь книгу, то зрительное восприятие происходит благодаря способности рассудка, — пишет Н Кузанский, — потому что читает этот человек при помощи различения различных видов букв, которые он складывает и разделяет А это есть задача рассудка Однако читающий не знает, что именно читает И найдется другой человек, который не только читает, но и знает и понимает то, что читает, это уже некоторое подобие рассудка смутного и рассудка сформированного (formate) через ум, потому что последний обладает различающей силой суждения о том, какое умозаключение правильно и какое софистично. Так ум является различительной формой актов рассудка (forma discretive racionum), рассудок же есть различительная форма ощущений и представлений (imaginacionum)» (*Н Кузанский* Избр философ соч. М, 1937, стр 176).

Библиотека "Руниверс"

Таким образом, Н. Кузанский составляет следующую лестницу человеческого познания: чувства, рассудок, ум (или интеллект). Рассудок оформляет данные чувств, а ум стоит над рассудком, придавая результатам его деятельности смысл и значение. Только результаты деятельности ума являются по существу знанием.

Мысль о чувствах, рассудке и разуме как ступенях в развитии познания содержится и у Д. Бруно «Истина, — пишет он, — заключается в чувственном объекте, как в зеркале, в разуме — посредством аргументов и рассуждений, в интеллекте — посредством принципов и заключений, в духе — в собственной и живой форме» [8]

Чувства возбуждают разум. Если сравнивать их с судебным разбирательством, то они могут обвинять, доносить, а отчасти и свидетельствовать, но истина в них не заключается [9]. Разум выдвигает аргументы, строит рассуждения, и интеллект доходит до познания принципов, в частности до совпадения противоположностей. Различив способности человеческого познания, Д. Бруно устанавливает между ними определенную субординацию, интеллект подчиняет разум, а разум чувства [10].

Таким образом, Аристотель, Н. Кузанский и Д. Бруно поставили вопрос не только о качественном своеобразии мышления по отношению к чувствам, но и о расчленении самого мышления на отдельные, также качественно своеобразные моменты, выясняя функцию каждого из них в достижении истины. Эти моменты по-разному ими обозначались: пассивный и активный разум у Аристотеля, рассудок и интеллект у Н. Кузанского, разум и интеллект у Д. Бруно, но общим для них является установление раз-

---

[8] *Д Бруно* Диалоги М, 1949, стр. 305

[9] Например, посредством чувств нельзя понять бесконечность Как говорит Д Бруно, «кто желает познавать бесконечность посредством чувств, подобен тому, кто пожелал бы видеть очами субстанцию и сущность» (там же, стр. 304)

[10] Сам Бруно следующим образом упорядочивает познавательные силы « . ближайшая последующая всегда обладает сродством с ближайшей предыдущей и путем обращения к той, которую она поддерживает, идет, усиливаясь, против более низкой, которую подавляет (так разум путем обращения к интеллекту не соблазнен или не побежден известием или восприятием и чувственным аффектом, но скорее сообразно законам интеллекта стремится победить и исправить аффект) » (*Д Бруно* О героическом энтузиазме М, 1953, стр 93)

Библиотека "Руниверс"

личия между расчленяющей, регистрирующей и описывающей результаты опыта деятельностью мышления и постижением с его помощью внутренней сущности объекта, форм его целенаправленного изменения.

В последующем в немецкой классической философии эти две функции в процессе мышления стали обозначаться одна как рассудок, другая как разум. В философии Канта и Гегеля разделение мышления на рассудочное и разумное нашло дальнейшее обоснование и получило толкование, соответствующее принципам их философии.

. Кант связал каждую способность познания (чувство, рассудок и разум) с определенными формами. Априорными формами чувственности являются пространство и время; рассудочная деятельность, результатом которой является суждение, возможна благодаря категориям, носящим априорный характер. Но рассудком не заканчивается познание, оно идет дальше — к разуму. «Всякое наше знание, — пишет Кант, — начинается благодаря чувствам, переходит затем к рассудку и заканчивается в разуме, который представляет собою в нас высшую инстанцию для обработки материала наглядных представлений и для подведения его под высшее единство мышления» [11].

Свое содержание разум получает от рассудка, подобно тому как рассудок — от чувств. Рассудок подводит созерцание под категории, разум — суждения и понятия под принципы и идеи. Логической функцией разума является не суждение, как у рассудка, а умозаключение, которое, по мнению Канта, связано с более высокими формами синтеза. Разум стремится сделать систематическим единство всех возможных эмпирических актов рассудка и в этом стремлении доходит до самых высот, до основоположений разума, идей.

Разум с помощью своих идей и посредством умозаключений стремится познать бесконечное, дать завершенное знание о целом, но не достигает этого, ибо впадает в собственные и неразрешимые противоречия (антиномии разума).

В философии Канта противопоставление рассудка и разума выражено наиболее резко и отчетливо, но оно само, можно сказать, носит чисто рассудочный характер. Кант разделил их функции в познании, но дойти до разум-

[11] *И. Кант.* Критика чистого разума, стр. 203.

Библиотека "Руниверс"

ного соединения, до понимания их единства в силу метафизического характера своей гносеологии не смог. Этот новый шаг в понимании рассудка и разума был сделан Гегелем, у которого рассудочное и разумное противопоставлены как метафизическое и диалектическое мышление.

Логическое, по Гегелю, проходит три ступени развития: рассудочное, отрицательно-разумное, положительно-разумное.

Рассудочное мышление отличает одну определенность от другой, имеет дело с конечным и условным. «Когда речь идет о мышлении вообще или в частности о постижении в понятиях, — пишет Гегель, — то часто имеют при этом в виду лишь деятельность рассудка. Но хотя мышление есть раньше всего рассудочное мышление, оно, однако, на этом не останавливается, и понятие не есть одно лишь определение рассудка» [12]. Рассудочное мышление снимается и преодолевается разумом. Одно отрицание рассудка и его ограниченностей не дает должного результата, оно приводит к скептицизму и софистике, т. е. к диалектике как отрицательно-разумному [13].

Скептицизм и софистика разрушают рассудочное, которое не может устоять против них. При этом по существу они не идут дальше рассудка, ибо также не выходят за пределы односторонних и абстрактных определений, а переходят от одного из них к другому в зависимости от интересов индивидуума.

Спекулятивная философия, к которой Гегель относит и свою собственную, включает в себя момент скептицизма, но не останавливается на одном отрицательном результате диалектики. Она относится к рассудку положительно-разумно, т. е. постигает единство определений в их противоположности.

Развитие философской мысли от Аристотеля до Гегеля обосновывало необходимость различать в мышлении два момента — рассудочное и разумное. Правомерность такого различения признавал и Ф. Энгельс. «Это гегелевское различение, — писал он, — согласно которому только

---

[12] *Гегель.* Соч., т. I, стр. 131.

[13] «Диалектический момент, — замечает Гегель, — взятый сам по себе, отдельно от рассудка, выступает, в особенности в научных понятиях, как *скептицизм*; в нем результатом диалектики является голое отрицание» (там же, стр. 135).

Библиотека "Руниверс"

диалектическое мышление разумно, имеет известный смысл»[14].

Анализ категорий рассудочного и разумного, к сожалению, в марксистской философской литературе не нашел своего места. Какое содержание рассудок и разум имеют в условиях современного развитого научного познания? Что они дают для характеристики теоретического мышления, какие трудности, возникающие в ходе его развития, разрешают? Эти вопросы перед гносеологией поставлены историей философской мысли и современным познанием.

Разумное познание — это прежде всего оперирование понятиями и исследование их собственной природы. Разум не просто механически переставляет и группирует понятия, но осознает их содержание и природу и в соответствии с этим осознанием оперирует ими. Отсюда разумное всегда выступает в определенной степени самопознанием. Самопознание как исследование природы постигающего мышления является не самоцелью, а средством более успешного познания объективного мира. Чтобы полнее и глубже познать объект, субъект должен понять свои средства и способы познания.

Задачу анализа познавательных способностей человека ставила и кантианская философия, но в ней исследование природы понятий было самоцелью, а не средством более глубокого постижения закономерностей объективного мира. Диалектический материализм ставит перед наукой задачу исследования природы ее понятий для того, чтобы она более успешно разрешала свою основную цель — постижение предмета. Степень разумного познания человеком определяется, в частности, его способностью проникать в сущность постигающего мышления, исследовать природу самих понятий. Ф. Энгельс отмечал, что эта способность характерна «только для человека, да и для последнего лишь на сравнительно высокой ступени развития»[15].

Особенностью разумного познания является его целенаправленность. Разум постигает мир не созерцательно, а творчески активно, он отражает объект в необходимых формах его существования и движения, видит его не только таким, каков он есть, но и каким он может быть в про-

---

[14] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 537.
[15] Там же, стр. 538

Библиотека "Руниверс"

цессе своего развития и под воздействием практической деятельности человека.

Творческая функция разума подчеркивалась и гипертрофировалась идеализмом, который превращал разум в творца действительности. На самом деле, человек изменяет мир своим практическим действием, а разум направляет это действие, активно отражая объект. Творчески активное отражение обязательно предполагает синтез знаний, поэтому разум выступает синонимом синтетичности познания. С его помощью охватывается широкий круг знания и формируются идеи.

Таким образом, разум можно определить как высшую форму теоретического освоения действительности, для которой характерно осознанное оперирование понятиями, исследование их природы, творчески активное, целенаправленное отражение действительности, предполагающее синтез знаний.

Рассудочное познание также оперирует абстракциями, однако не вникает в их содержание и природу. Для рассудка характерно оперирование абстракциями в пределах заданной схемы или другого какого-либо шаблона. Рассудочная деятельность не имеет своей собственной цели, а исполняет заранее заданную цель, поэтому отражение действительности рассудком носит до некоторой степени мертвый характер. Главная функция рассудка — расчленение и исчисление.

Ф. Энгельс отмечал: «Нам общи с животными все виды рассудочной деятельности: *индукция, дедукция*, следовательно, также *абстрагирование... анализ* незнакомых предметов (уже разбивание ореха есть начало анализа), *синтез* (в случае хитрых проделок у животных) и, в качестве соединения обоих, *эксперимент* (в случае новых препятствий и при затруднительных положениях). По типу все эти методы — стало быть, все признаваемые обычной логикой средства научного исследования — совершенно одинаковы у человека и у высших животных. Только по степени (по развитию соответствующего метода) они различны. Основные черты метода одинаковы у человека и у животного и приводят к одинаковым результатам, поскольку оба оперируют или довольствуются только этими элементарными методами» [16].

[16] Там же, стр. 537.

Библиотека "Руниверс"

Здесь Ф. Энгельс подметил очень важную особенность рассудочного мышления — оперирование по строго заданной схеме, шаблону, методу без осознания самого метода, его границ и возможностей. Эту особенность можно обозначить как автоматизм рассудка. Наиболее ярко характерные особенности рассудочного мышления человека выражены в так называемом машинном мышлении, где автоматизм рассудка доведен до зрелой и классической формы.

Мысль Ф. Энгельса, что нам общи с животными все формы рассудочной деятельности, теперь можно расширить до установления общности рассудочной деятельности человека и построенной им машины, точнее, особенность рассудочного мышления, его автоматизм позволяют машинизировать деятельность рассудка.

Таким образом, рассудочная деятельность имеет как бы три слоя: ее элементы у высших животных, рассудок человека и замена рассудочной деятельности человека машиной. В последнем случае рассудок выступает в чистом виде, он не затемнен никакими другими моментами и поражает точностью, быстротой в выполнении определенных операций мышления. В этом отношении машина превосходит рассудок индивидуума.

Процесс развития теоретического мышления предполагает взаимосвязь и взаимопереход рассудочной и разумной деятельности. Чтобы выполнить свою основную роль — отразить явления объективного мира и закономерности их движения во всей полноте и глубине, мышление должно быть одновременно и рассудочным и разумным. Без рассудочной деятельности мысль расплывчата и неопределенна, рассудок придает мышлению конкретность и строгость. Своим стремлением превратить научную теорию в логически стройную формализованную систему он делает результаты работы мысли доступными пониманию и сознанию. Как писал Гегель, «рассудок есть вообще существенный момент образования. Образованный человек не удовлетворяется туманным и неопределенным, а схватывает предметы в их четкой определенности; необразованный же, напротив, неуверенно шатается туда и обратно, и часто приходится употреблять немало труда, чтоб договориться с таким человеком — о чем же идет речь, и заставить его неизменно дер-

Библиотека "Руниверс"

жаться именно этого определенного пункта»[17]. Рассудок отвергался с порога софистикой, которую пугала его строгость, определенность и системность. Но сама софистика свидетельствует о том, что безрассудное мышление является ложным, уводящим науку от объективной истины. Если мысль не приведена в систему, внутри которой можно двигаться по определенным логическим законам, то по существу нет мысли как формы объективно-истинного знания.

Но если считать мышление только рассудочным, то оно будет догматическим. Рассудок может превращаться в предрассудок, когда истинное положение, абсолютизируясь, не допуская своего развития и перехода к другому, более объективному и конкретному в своем содержании, становится тормозом в движении науки. Для мышления необходимо другое качество — изменять свою систему с тем, чтобы точнее и глубже отражать изучаемый процесс. Одна система разрушается, и строится новая. Переход от одной системы знания к другой осуществляется посредством разума, который вырабатывает новые идеи, выходящие за пределы прежних систем. Без разума не было бы развития научного знания, движение существовало бы только внутри некоторых ранее созданных систем, однако и они не могли бы возникнуть без разума. Сила разума заключается в его способности выдвигать совершенно новые и, казалось бы, совершенно невероятные идеи, которые коренным образом меняют прежнюю систему знания. Бруно Понтекорво следующим образом характеризовал интеллект крупнейшего физика современности Жолио-Кюри: «У этого великого физика было максимально развито научное воображение, или, как говорят итальянцы, «опреджиндикатецца» — способность признавать возможность самых невероятных и немыслимых вещей»[18]. Иногда эта способность разума представляется чем-то мистическим. В действительности мышление выходит за пределы рассудка, но оно отнюдь не должно рассматриваться вообще как нечто иррациональное. Как справедливо писал Гегель, «все разумное мы, следовательно, должны вместе с тем называть мистическим; но

---

[17] *Гегель.* Соч., т. I, стр. 133.

[18] Цит. по: *П. Бикар.* Фредерик Жолио-Кюри и атомная энергия. М., 1962, стр. 157.

Библиотека "Руниверс"

этим мы высказываем лишь то, что оно выходит за пределы рассудка, а отнюдь не то, что оно должно рассматриваться вообще как недоступное мышлению и непостижимое»[19]. Разум таинствен и мистичен только в том смысле, что соединяет в единство определения, «которые рассудком признаются истинными лишь в их раздельности и противоположности»[20].

Противопоставление рассудка и разума как рационального иррациональному характерно для некоторых современных неогегельянцев экзистенциалистского толка, например Жана Ипполита, который в своем докладе на V Международном гегелевском конгрессе в Зальцбурге на тему «Трагическое и рациональное в философии Гегеля» трактовал разумное как чисто отрицательное, ведущее к трагизму. Мысль Ипполита, что Гегель создал новую форму рационализма, основанную не на рассудке, а на разуме, верна. Гегель действительно не сводил рациональное только к движению мысли по заранее определенной форме; рациональное, по Гегелю, включает не только рассудок, но и разум. Но Гегель никогда не противопоставлял разум рассудку как нечто только отрицательное положительному, иррациональное рациональному. В предисловии к первому изданию «Науки логики», подводя по существу итог, к которому он пришел в «Феноменологии духа», на которую так любит ссылаться Ипполит, Гегель пишет: *«Рассудок определяет* и твердо держится за свои определения; *разум* же отрицателен и *диалектичен*, ибо он разрешает определения рассудка в ничто; он *положителен*, ибо он порождает *всеобщее* и постигает в нем особенное. Подобно тому как рассудок обычно понимается как нечто отдельное от разума вообще, точно так же и диалектический разум обычно признается чем-то отдельным от положительного разума. Но в своей истине разум есть *дух*, который выше их обоих; он есть рассудочный разум или разумный рассудок. Он есть отрицательное, то, что составляет качество как диалектического разума, так и рассудка. Он отрицает простое, и тем самым он полагает определенное различие, за которое держится рассудок. Но вместе с тем он также и разлагает это различие, и тем самым он диалектичен.

---

[19] *Гегель.* Соч., т. I, стр. 142.
[20] Там же, стр. 141.

Библиотека "Руниверс"

Однако он не задерживается на этом нулевом результате: он здесь вместе с тем выступает также и как положительный разум, и, таким образом, он восстанавливает первоначальное простое, но как всеобщее, которое конкретно внутри себя»[21].

Мы специально полностью привели эти слова Гегеля с тем, чтобы показать, как в действительности понимал разум и его отношение к рассудку Гегель. Как видно, Гегель в разуме видел не только отрицательно-диалектическое, но и положительно-спекулятивное, причем он стремился не абсолютно разделить рассудок и разум (само такое разделение носило бы чисто рассудочный характер), а разумно соединить их как единство противоположностей (рассудочный разум или разумный рассудок), и только это единство создает условия для действительного развития мышления.

У Гегеля нет никакого намека на иррациональность, трагичность разума. Правда, он иногда говорит о хитрости разума, его близости к мистическому, но при этом и сама хитрость и мистичность разума остаются в границах рационального.

Жалкий рассудок, превращающий себя в здравый смысл времени, рассматривает как мистику или безумие всякую попытку выйти за его узкие рамки. Фамусовы и Скалозубы, например, объявляли Чацкого безумцем, ибо его идеи действительно не укладывались в их узкий и душный мир. Но «безумные» идеи Чацкого более рациональны, чем мнения княгини Марии Алексеевны, возведенные Фамусовым в закон, в норму мышления.

Рассудок дискурсивен, а разум интуитивен; он выдвигает новые идеи, не следующие по законам формально-логической дедукции из предшествующего знания, он может ломать старые логические построения и создавать новые. Рассудок не может оценить идей разума. Они кажутся ему иногда безумием, поскольку необъяснимы с точки зрения законов рассудка. Вопрос, имеем ли мы дело с новыми идеями разума, которые безумны только с точки зрения превратившегося в предрассудок рассудка, или с действительным безумием, можно решить только с помощью практики и на основе дальнейшего развития познания и жизни.

---

[21] *Гегель.* Соч., т. V, стр. 4.

Библиотека "Руниверс"

Выход разума за пределы рассудка относителен. Ломая определения, ранее сложившиеся системы знания, разум неминуемо попадает в другую систему, он сам создает основы для возникновения этой новой системы и ее логики. Теория Эйнштейна, например, вышла за пределы классической физики, но на основе ее идей создана новая теоретическая система. Геометрия Лобачевского находится вне системы геометрии Евклида, но сама она также строгая система. Разум вообще не против всякой системности знания, он только против абсолютизации одной какой-то определенной системы знания. Если же идеи разума не приводят в конце концов к построению системы понятий, то они не имеют научного значения и приобретают действительно мистический смысл. Мистика избегает научной системы, она нагораживает одну идею на другую без научного обоснования. Разум без рассудка может привести к мистике или софистике, которые абсолютно чужды научной строгости и системности.

Ни один литературный образ не может служить доказательством научной истины, но иногда он очень полезен для иллюстрации мысли. Что такое разум без рассудка и рассудок без разума, это можно увидеть на примере сопоставления двух образов из бессмертного произведения Сервантеса — Дон-Кихота и Санчо Пансы. Дон-Кихот человечен и разумен. Особенно видна эта разумность в минуты умственного его просветления, например когда он дает советы Санчо перед вступлением последнего в должность губернатора, выходя за пределы рассудочных представлений своего времени о чести, благородстве и т. п. Но разум Дон-Кихота выступает как безумие, ибо он потерял рассудок, не отличает клячи от рыцарского коня, в его воображении безобразная скотница из соседнего села превращается в красавицу Дульсинею Тобосскую.

Санчо Панса, наоборот, достаточно рассудителен для своего времени, он отличает ветряную мельницу от великанов, постоялый двор от роскошного замка и вполне довольствуется губернаторством. Но он лишен разума, не может выйти за пределы известного даже в фантазии (она ограничивается у него мечтаниями о сытой жизни), рассудок его настолько силен, что убивает все потуги разумных побуждений.

Представление об алогичности разума возникает толь-

Библиотека "Руниверс"

ко тогда, когда само логическое замыкается в узкие рамки «формально-логического». Если же понимать под логическим совокупность всех закономерностей движения мышления к новым результатам, носящим характер объективной истины, то процесс рождения новых идей и теорий не выйдет за пределы разумного, логического в широком смысле. Объяснить процесс рождения новых идей можно исходя не из какого-либо ранее созданного формального аппарата мышления, а из общих закономерностей предметного, практического взаимодействия субъекта и объекта. На характер этого взаимодействия оказывают влияние самые различные факторы социального, личностного характера. Выход за пределы прежних теоретических построений непосредствен, интуитивен не потому, что он ничем не обусловлен, его невозможно объяснить только логикой развития познания, он обусловлен всей сложной системой взаимодействия субъекта и объекта в определенных исторических условиях, практическим отношением человека к миру.

Разум не против всякой системы, а только против утверждающей себя вечной и неизменной. В каждой теоретической системе он стремится обнаружить противоречия, решение которых приводит к необходимости построения новой системы; он подвергает анализу факты, ищет в них то, что противоречит существующему теоретическому объяснению. Поэтому каждую теоретическую систему знания он рассматривает как относительную, определяет пути выхода за ее пределы, но не в бессистемность вообще, а в новую, более развитую систему.

Различая рассудочную и разумную стороны в теоретическом мышлении человека, необходимо помнить об относительности граней между ними. Нет всегда разумного и всегда рассудочного; одно разумно только потому, что другое рассудочно. То, что на данном уровне развития мышления выступает разумным, поскольку оно выходит за пределы известной и формализованной системы знания, станет со временем рассудочным, а все рассудочное когда-то было разумным. Взаимосвязь рассудка и разума в развитии теоретического мышления выражается также и в том, что рассудочное мышление должно переходить в разумное, завершаться им, а последнее, достигая определенной степени зрелости, становиться рассу-

Библиотека "Руниверс"

дочным. Переход рассудка в разум осуществляется в различных формах, самой типичной из которых является выход за пределы сложившейся системы знания на основе выдвижения новых идей. Разум переходит в рассудок путем формализации по определенным принципам системы знания, возникшей на основе идей разума. С этим превращением мы сталкиваемся в каждом случае передачи функций человеческого мышления машине. Необходимым условием такой передачи является создание алгоритма, т. е. точного предписания, задающего вычислительный процесс.

Действие на основе алгоритма является рассудочным (для алгоритма характерна определенность со строгим детерминированием: одна стадия вычислительного процесса определяет следующую, процесс расчленяется на отдельные шаги, предписание задается в виде комбинации символов); но сам алгоритм является результатом не только рассудочного, но и разумного мышления. Известно, как долго и упорно наука бьется над созданием отдельных алгоритмов, причем новый алгоритм предполагает новую идею или новый аспект рассмотрения предмета. Например, решение проблемы машинного перевода связано с составлением алгоритма перевода, а это стало возможным в результате возникновения новой научной дисциплины — математической лингвистики, применяющей к анализу языка математические методы. Создание математической лингвистики означает появление новой системы научного знания, с новыми идеями, отличной от прежней, классической лингвистики.

Теоретическое мышление в нашу эпоху бурно развивается в обоих направлениях: и в разумном, и в рассудочном. В каждой области научного знания мы являемся свидетелями выдвижения новых идей, изменяющих старые, сложившиеся системы знания. Наряду с этим происходит процесс формализации знания и создания алгоритмов, по которым машина может решать сложные задачи. Однако представление о том, что развитие и совершенствование исчисляющего рассудка и передача его функции машине сделают излишним человеческий разум, является одним из заблуждений нашего времени. Наоборот, необходимую предпосылку развития исчисляющего рассудка составляет высокий человеческий разум, без которого невозможно создание новых формальных си-

Библиотека "Руниверс"

стем. Совершенствование и развитие рассудка, передача его функций машине освобождают человеческий разум для новых полетов в неведомое и неисследованное. Поэтому ошибочным является стремление ограничить развитие исчисляющего рассудка, поставить ему какие-то пределы, найти такие теоретические построения, которыми он не может овладеть никогда. Ставя, таким образом, пределы исчисляющему рассудку, мы в действительности ограничиваем человеческий разум, развитие которого служит необходимым условием для овладения рассудком новыми системами теоретического знания.

Таким образом, рассудок и разум являются двумя необходимыми моментами в деятельности теоретического мышления. Их взаимосвязь и взаимопереход в процессе движения мышления создают предпосылки для постижения объективной природы предмета такой, какой она существует в действительности.

Некоторые направления современной буржуазной философии (интуитивизм, экзистенциализм) стремятся принизить разум, подвергают критике человеческое мышление. При этом вся деятельность мышления сводится к рассудку. Критика ограниченности рассудочного мышления используется для обоснования необходимости интуиции, которая противопоставляется не только рассудку, но и разуму и истолковывается мистически. Другие сводят функции мышления к рассудочным определениям, описывающим предмет. Для них все мышление сводится к своеобразному исчислению. Интуитивизм и его метафизические противники смыкаются в том отношении, что принижают человеческий разум, подменяя его либо мистически истолковываемой интуицией, либо исчисляющим рассудком.

Борьба за человеческий разум, против попыток его дискредитации всегда была прогрессивным явлением. Диалектический материализм, вскрывая диалектику рассудка и разума в развитии теоретического мышления, разоблачает гносеологические основы подмены разума мистической интуицией и исчисляющим рассудком. Марксистская философия создала научные основы для рационального понимания теоретического мышления во всей его сложности и противоречивости. Попытки принизить человеческий разум, используя результаты его деятельности — создание возможностей функционального моделирования

Библиотека "Руниверс"

человеческого мышления, не имеют под собой никаких теоретических оснований; они вытекают из потребностей буржуазной идеологии, ведущей поход против человека и его разума.

2. Гносеологическая природа научного исследования и его основные категории

Анализ категорий рассудка и разума дает определенное представление о гносеологической сущности научного исследования, которое связано с созданием новых систем теоретического знания. Исследование является единством разумного и рассудочного. Несомненно, что исследование — это познание, поэтому всеобщая логико-гносеологическая характеристика познания действительна и для исследования.

Но эта общегносеологическая характеристика исследования как процесса познания еще недостаточна. Необходимо знать его как исследование, а именно вскрыть особенности того акта познания, который непосредственно направлен на получение ранее неизвестных результатов субъекту как обществу, а не как индивидууму. Школьник или студент, присутствуя на учебных занятиях, читая учебники, познает, но не исследует. Он осваивает новое для него знание, но не достигает новых для человеческого общества результатов. Можно различать познание для себя и познание для других, для общества. Обучение — познание для себя (индивидуальное познание), а научное исследование — познание для других. Научное исследование — это познание, непосредственно нацеленное на достижение в мысли результата, нового *не только для данного* субъекта, *но для субъекта вообще.* Причем, чтобы понять сущность познания, надо его рассмотреть как исследование, поскольку в последнем выступает характерная особенность человеческого познания — движение мысли к действительно новым результатам.

Исследование как акт познания происходит на базе практического взаимодействия субъекта и объекта. Оно — теоретическая форма освоения субъектом объекта. Когда ученый занимается исследованием, например, космического пространства, то он выступает не как Петров,

Библиотека "Руниверс"

Сидоров, Седов, а как общество, достигшее такой степени зрелости, когда ему становятся доступными космические дали, изучение которых необходимо для дальнейшего общественного прогресса. Результатом научного исследования космического пространства является достижение знания, нового не только для Петрова, Сидорова или Седова, а для всего общества на данной ступени его развития. Иначе это не будет исследованием.

Для целей изучения познания философия выработала ряд гносеологических категорий: отражение, чувственное и рациональное, эмпирическое и теоретическое, абстрактное и конкретное, истинное и ложное, историческое и логическое и т. п. Для этих же целей она расчленила познание на определенные формы, описание и истолкование которых способствовало пониманию общих закономерностей процесса познания. Но если с этими категориями подойти к исследованию, то они будут недостаточными для понимания его специфики. Поэтому необходимо выработать целый ряд категорий и форм, которые выражали бы познание как исследование.

Речь идет не о том, чтобы найти какие-то особые формы мышления, которые приводили бы в ходе научного исследования к открытиям. Деление форм мышления на ведущие к открытию новых истин и только доказывающие ранее выдвинутые положения, что имело место, в частности, у Ф. Бэкона, противопоставлявшего способную вести к открытиям индукцию аристотелевскому силлогизму, якобы пригодному только для доказательства известного, не находит подтверждения в практике научного исследования. Попытки сконструировать какие-то особые формы мысли, посредством которых происходит научное открытие, не приводили и вряд ли могут привести к положительным результатам. Некоторые полагали, что диалектическая логика в отличие от формальной имеет свои специальные диалектические формы умозаключений, ведущие к выдвижению новых идей и теоретических построений. Но найти, описать структуру этих форм никому не удавалось; видимо, они существуют только в воображении этих логиков.

В научном исследовании, в том числе и при выдвижении новых идей, предположений, ученый пользуется не только аналогией и индукцией, но и всеми формами дедуктивных умозаключений. Когда ставится вопрос о ка-

Библиотека "Руниверс"

гегориях научного исследования, то речь идет о понятиях, в которых выражена сущность научного исследования, составляющих его моментов. Категориями, характеризующими главные этапы научного исследования, являются проблема, факт, система. Научное познание начинается с постановки проблемы. Но что такое проблема? В Толковом словаре Ушакова мы можем найти такой ответ: проблема — это «теоретический и практический вопрос, требующий разрешения, задача, подлежащая исследованию». Слово «проблема» здесь разъяснено, но проблема как гносеологическая категория, конечно, не определена.

Как правило, понятие проблемы связывается с еще не познанным содержанием объектов. Поэтому первоначально проблему можно определить как то, что не познано человеком и что нужно познать. Уже в понятие проблемы входит момент долженствования, который направляет весь процесс исследования. Однако область непознанного и долженствующего быть постигнутым чрезвычайно большая. Человек еще очень многого не знает, и нет того, чего он в принципе не может или не должен знать. В этом отношении никаких запретов не существует и в сущности нет такого знания, которое было бы человеку ненужным. Человек ставит своей задачей покорить, подчинить своей воле и практической мощи все явления природы и общественной жизни, а для этого он должен знать все.

Однако вся ли область непознанного составляет научную проблему? Конечно, нет. Если бы это было так, то понятие проблемы потеряло бы свое значение, слившись с непознанным. Проблема — это не только непознанность, но уже и некоторое знание о ней. Проблема — это не просто незнание, а знание о незнании. В качестве проблемы избирается не любой предмет, о котором мы хотим знать, что он собой представляет, каким закономерностям подчиняется, а только такой, знание о котором реально возможно при создавшихся общественных условиях. Человечество и перед познанием ставит только такие задачи, которые оно на данном уровне развития должно и способно разрешить. Проблемы перед наукой возникают в ходе развития общества и исходя из его потребностей. Например, одной из самых важных проблем современной науки является управление термоядер-

Библиотека "Руниверс"

ной реакцией. Но такой проблемы не было не только в XVII в., но и 50 лет тому назад. Как в науке, так и в обществе в целом должны были произойти большие изменения, позволившие поставить на реальную почву поиски путей управления и использования для нужд народного хозяйства энергии, возникающей в результате синтеза ядер водорода в гелий (эта энергия подобна звездной). Зажечь тысячи солнц на Земле и управлять их энергией — эта дерзновенная человеческая мечта только теперь стала научной проблемой.

Постановка проблемы обязательно включает в себя знание путей ее разрешения. Надо знать, что можно познать в данных условиях, каким способом можно достигнуть необходимого для практики знания. Проблемы вырастают из предшествующих результатов как своеобразное логическое следствие. Уметь правильно поставить проблему, вывести ее из предшествующего знания — это значит уже наполовину решить ее.

Таким образом, исследование в качестве своей предпосылки имеет не только объект, но и определенное знание, выполняющее в основном значение метода, определяющего начало изучения, правильную постановку проблемы. Познание будет бессильным перед объектом, если оно придет к его исследованию ни с чем. Поэтому богатство знания, с которым субъект подходит к объекту, определяет в значительной степени успех исследования.

Существующего знания достаточно, чтобы поставить проблему, но не решить ее. Для разрешения проблемы необходимо новое знание, имеющее значение фактов.

Понятие факта в литературе употребляется в самых различных значениях: фактами называют сами явления, вещи и события; фактами считают наши ощущения и восприятия вещей и их свойств; наконец, под фактом разумеют неопровержимые теоретические положения, которыми хотят что-то доказать или опровергнуть. Конечно, слово «факт» может быть многозначным, но гносеология должна вложить в него строго определенное содержание. Нет никакого смысла сами явления, события, вещи объективной реальности называть фактами, ибо это будет только удвоение в номенклатуре понятий: сами вещи — факты, и знание о них тоже факты. Это порождает путаницу, которую используют субъективные идеалисты. Так,

Библиотека "Руниверс"

например, Л. Витгенштейн пишет: «Мир есть совокупность фактов, а не вещей» [22].

Под фактом позитивисты разумеют определенную форму знания, фиксирующую результат восприятия, отличающий одно от другого. Однако они представляют дело так, что факт — это не вещь объективной реальности и не знание, не материальное и не идеальное, он — некоторая субстанция, имеющая место и в субъекте и в объекте [23]. Смысл этих позитивистских конструкций о факте в конечном счете сводится к тому, чтобы некоторую форму человеческого знания, выраженную в простой форме протокольного предложения, выдать за единственную реальность, с которой имеет дело наука.

Мы исходим из того, что термин «факт» следует употреблять только для обозначения определенной формы человеческого знания. Задача гносеологии — выяснить сущность и содержание этой формы, ее отличие от других. Главное при этом — найти то, что делает знание «фактическим». Иногда фактичность знания видят в его чувственности. Однако чувственный момент, как это было показано нами ранее, в той или иной форме имеет место в любом знании. Если под фактом понимать только такое знание, содержание которого в основном добыто путем живого созерцания объекта, то фактическое будет равнозначным эмпирическому. Тогда возникает вопрос, зачем вводить понятие факта, если имеется понятие опыта, тем более что фактами науки считаются не только положения, носящие эмпирический характер, но и чисто теоретические, содержание которых получено, можно сказать, умозрительным путем.

Решение вопроса о гносеологической природе факта следует искать не на пути установления его отношения к чувственному, рациональному, эмпирическому, теоретическому и т. п. В фактическом знании мы можем найти все, оно является единством чувственного и рационального, может быть как эмпирическим, так и теоретическим. С точки зрения логической формы оно может быть вы-

[22] *Л. Витгенштейн.* Логико-философский трактат. М., 1958, стр. 31.

[23] ««Факт», — пишет Б. Рассел, — в моем понимании этого термина, может быть определен только наглядно. Все, что имеется во Вселенной, я называю «фактом». Солнце — факт; переход Цезаря через Рубикон был фактом; если у меня болит зуб, то моя зубная боль есть факт. Если я что-нибудь утверждаю, то акт моего утверждения есть факт...» *(Б. Рассел.* Человеческое познание, стр. 177).

Библиотека "Руниверс"

ражено как отдельным суждением, так и целой их системой.

Если рассматривать познание с общегносеологической стороны, решая вопрос об источнике знания, о его отношении к объекту и т. п., то можно обойтись и без категории факта. Различные стороны и закономерности процесса познания схвачены во множестве категорий, и, кажется, факту среди них нет места. Однако это только до тех пор, пока мы не акцентируем внимания на познании как исследовании и не пытаемся вскрыть составляющие его элементы. Категория факта определяется через нахождение его места в ходе научного исследования, той функции, которую он играет в нем.

Для постановки проблемы, ее решения необходимо знание, причем такое, объективная истинность которого доказана. Это достоверное знание вне зависимости от того, каким путем оно получено и в какой форме существует, выступает фактом, на который опираются в движении исследования. Таким образом, знание приобретает качество фактичности, если оно: 1) достоверно, 2) служит исходным моментом в постановке и решении научной проблемы. Все остальные признаки факта, в частности его инвариантность (некоторая независимость от системы, в которую он включен), являются производными от этих двух.

В качестве факта может выступать только достоверное знание. На этой основе о фактах и говорят как об упрямой вещи, о том, что их необходимо признавать вне зависимости от того, нравятся они нам или нет. Конечно, не все вводимые в науку факты оказываются достоверными; в ходе развития науки иногда устанавливается недостоверность того, что признавалось как факт. Но в идеале за фактическое нужно принимать только достоверное. Инвариантность факта обусловлена этой его достоверностью. Что доказано как объективно-истинное, в этом своем содержании остается таковым независимо от того, в какую систему знания его включают. Поэтому то обстоятельство, что некоторые теоретические системы (например, гипотезы) рассыпаются, не выдерживают критерия практики, а факты, на основе которых они строились, остаются и переходят в другую систему, является неслучайным.

Однако это не означает, что факты вообще существуют

Библиотека "Руниверс"

вне всякой системы знания. Они опосредованы какой-то определенной теоретической системой, в которой они возникли, доказаны. Чистых фактов, не связанных с теоретическим построением, нет и не может быть. Но факт как форма знания ценен тем, что он всегда факт, всегда сохраняет некоторое содержание, в то время как теории рушатся. Он сохраняет свое значение в разных системах. Но это и слабая сторона факта, ибо в абстрактности и изолированности нет подлинной объективной конкретной истины.

Собрание фактов — одна из важных составных частей научного исследования. Ученый не уподобляется старьевщику и не подбирает любые факты по принципу: авось пригодятся. Он с самого начала ищет факты, руководствуясь определенной целью, заложенной уже в самой постановке проблемы. Эта цель развивается, видоизменяется в процессе исследования, но она в то же время всегда сохраняется, пока окончательно не будет решена проблема.

Какое бы количество фактов собрано ни было, сами по себе они не составляют научного исследования. Факты можно собирать до бесконечности, и никогда всех не соберешь. К поискам фактов ученый обращается на всем протяжении своего исследования, но никогда факт не выступает самоцелью, а только средством решения стоящих задач. Исследователю для выдвижения научного предположения всегда необходимо иметь определенное количество фактов. Другие же факты нужны ему для обоснования и развития этого предположения, третьи — для доказательства. Решение научной проблемы всегда выступает в форме системы знания, объясняющей интересующее нас явление или процесс.

Фактическое противоположно теоретическому, но не так, как эмпирическое. Последнее отличается от теоретического как уровень познания. Эмпирическое всегда связано с достижением результата путем опыта.

Фактическое — это знание, вышедшее из одной системы (в том числе и теоретической) и стремящееся к другой, более совершенной системе. Факт и теория — разные, противоположные стороны в научном исследовании; из них исходят в построении новых систем знания — новых достоверных научных теорий. Путь к таким теориям сложен и длителен, он связан с муками творчества.

Библиотека "Руниверс"

3. Рождение и развитие теории

Теория не дается сразу в совершенной и доказанной форме. И правильно пишет Луи де Бройль: «Люди, которые сами не занимаются наукой, довольно часто полагают, что науки всегда дают абсолютно достоверные положения; эти люди считают, что научные работники делают свои выводы на основе неоспоримых фактов и безупречных рассуждений и, следовательно, уверенно шагают вперед, причем исключена возможность ошибки или возврата назад. Однако состояние современной науки, так же как и история наук в прошлом, доказывает, что дело обстоит совершенно не так» [24].

Необходимым путем к достоверной теории является гипотеза. Без гипотез не обходится исследование ни в одной области науки. Ф. Энгельс считал гипотезу необходимым элементом мыслящего естествоиспытателя; это можно сказать и о развитии науки вообще. Выдвижение гипотез — путь движения познания к новым результатам. Энгельс следующим образом описывает роль гипотезы в научном исследовании: «Наблюдение открывает какой-нибудь новый факт, делающий невозможным прежний способ объяснения фактов, относящихся к той же самой группе. С этого момента возникает потребность в новых способах объяснения, опирающаяся сперва только на ограниченное количество фактов и наблюдений. Дальнейший опытный материал приводит к очищению этих гипотез, устраняет одни из них, исправляет другие, пока, наконец, не будет установлен в чистом виде закон. Если бы мы захотели ждать, пока материал будет готов *в чистом виде* для закона, то это значило бы приостановить до тех пор мыслящее исследование, и уже по одному этому мы никогда не получили бы закона» [25].

Точно так же было бы, если бы мы требовали выдвижения только достоверных научных теорий: мы никогда не имели бы ни одной из них.

Гипотезы, возникшие как обобщение уже имеющихся знаний, активно воздействуют на процесс исследования, ведут к накоплению новых фактов, побуждают к новым исследованиям. Поиски аргументов для доказательства

---

[24] *Луи де Бройль.* По тропам науки, стр. 292—293.
[25] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 555.

Библиотека "Руниверс"

гипотез расширяют и углубляют имеющееся знание, подводят нас к выдвижению и обоснованию новых идей.

Что характерно для гипотезы как формы теоретического осмысления накопленного знания? Прежде всего стремление выйти за пределы имеющихся знаний, сформулировать положения с новым содержанием, объективная истинность которых еще не доказана. «...Ученый, — пишет Луи де Бройль, — проводит рациональный анализ и перебирает звено за звеном цепь своих дедукций; эта цепь его сковывает до определенного момента; затем он от нее мгновенно освобождается, и свобода его воображения, вновь обретенная, позволяет ему увидеть новые горизонты» [26].

Именно для гипотезы характерно выдвижение новых положений, носящих вероятностный характер; на их основе происходит систематизация ранее накопленного знания и поиски новых научных результатов. В этом заключается суть гипотезы как формы развития науки. Собственно, как и почему тому или иному исследователю пришла мысль выдвинуть именно такое положение, а не иное? На этот вопрос очень трудно ответить, и это дело не одной логики. М. Р. Коэн на вопрос о том, как выдвигаются гипотезы, ответил так: «Они возникают у людей, которые думают» [27]. Что-либо другое тут, пожалуй, трудно сказать, поскольку при выдвижении новой мысли в каждом отдельном случае много индивидуального — в смысле относящегося к данной области знания, к данной мысли, для данного человека.

Некоторые склонны объяснять возникновение новых идей своеобразным актом научного пророчества, поскольку отсутствует какой-то один общий метод рождения идей.

Первоначально новая мысль выступает в форме догадки, выдвигаемой нередко интуитивно. Не обосновывается не только ее достоверность, но и вероятность значительной степени. В догадке действительно много внелогических моментов, иначе существовал бы абсолютно гарантированный метод «догадывания», который могли бы изучить все. Хотя, несомненно, каждый ученый стремится выработать в себе какие-то навыки «догадывания».

---

[26] *Луи де Бройль.* По тропам науки, стр. 295.
[27] *М. Р. Коэн.* Американская мысль. М., 1958, стр. 86.

Библиотека "Руниверс"

Д. Пойа справедливо писал: «Конечно, будем учиться доказывать, но *будем* также *учиться догадываться*»[28].

Большое значение в процессе «догадывания» имеет развитие научной фантазии. Высказать какую-либо идею в науке, и особенно в современной, без воображения — задача невозможная. «...Воображение и интуиция, используемые в разумных пределах, остаются, — пишет Луи де Бройль, — необходимыми вспомогательными средствами ученого в его движении вперед»[29].

Догадка существует как бы только для самого исследователя, она еще, как правило, не выходит за пределы его творческой лаборатории. Иногда она кажется настолько невероятной, что выглядит чудом. Перед ученым стоит задача доказать ее применимость, найти теоретические предпосылки, которые делают ее вероятной; как говорил А. Эйнштейн, «целью всякой мыслительной деятельности служит превращение «чуда» в нечто постижимое». Чтобы сделать догадку достоянием науки, необходимо превратить ее в научную гипотезу, а фантазию заключить в границы, дозволенные наукой. Начинается процесс обоснования гипотезы. Происходит процесс мобилизации имеющегося знания, которое делает предположение, составляющее главную мысль гипотезы, вероятным. Конечно, когда совершается эпохальное открытие, выдвигаются идеи, как бы перевертывающие прежние представления, тогда знание выходит и за границы вероятного с точки зрения имеющихся данных. Ведь граница между вероятным и невероятным, как и все остальные границы, относительна. До определенного периода мысль о делимости атома казалась невероятной, ибо не было точных данных, которые подводили бы к ней.

Тем не менее обоснование вероятности основного предположения гипотезы — одна из основных задач исследователя, строящего гипотезу. Для этого он прибегает к данным опыта, к аналогиям, индукции и другим формам так называемых правдоподобных рассуждений, которые при достоверных посылках дают вероятные заключения. Уже обоснование гипотезы ведет к расширению и углублению знаний об исследуемом предмете, ибо оно включает

---

[28] *Д. Пойа.* Математика и правдоподобные рассуждения. М., 1957, стр. 10.

[29] *Луи де Бройль.* По тропам науки, стр. 294.

Библиотека "Руниверс"

в себя постановку новых наблюдений и опытов, анализ ранее накопленного знания с позиций новой идеи.

Заканчивается процесс обоснования гипотезы построением некоторой системы знания, в которой заложена потенциальная возможность для развития знания; именно поэтому гипотеза и является мощным орудием исследования. Поскольку гипотеза носит вероятностный характер (она как бы забежала вперед), то исследователь для ее обоснования ищет новые факты, ставит эксперименты, анализирует результаты познания в своей и смежных областях науки. Поэтому гипотеза как снежный ком обрастает знанием, теоретически оправдывая самое себя.

Исследователю до некоторых пор даже безразлично, сумеет ли он в конце концов доказать достоверность своего предположения. Ему важно, что оно работает — объясняет имеющийся теоретический материал и ведет к достижению новых научных результатов. Поэтому всякая гипотеза в некотором отношении является рабочей, выполняет определенную функцию в научном исследовании по сбору и организации фактического материала. Действительно, на определенном этапе исследования, при выдвижении гипотезы, вопрос о том, верно или неверно она объясняет предмет, исследователем отодвигается на второй план. Его интересует, можно сказать, инструментальный характер гипотезы — что она ему дает для дальнейшего анализа предмета исследования, как она помогает ему направить мысль на более детальное и глубокое его изучение. При этом он не раб своей гипотезы, может ее менять, строить исследование, руководствуясь сразу несколькими гипотезами. Не случайно многие ученые сравнивали гипотезу с орудиями производства, считая ее своеобразной оснасткой в научном исследовании. Д. И. Менделеев сравнивал роль гипотезы в исследовании с плугом земледельца, помогающим выращивать полезные растения [30]. Некоторые ученые называют гипотезы лесами, которые возводятся при строительстве дома, костылями, помогающими ходить, и т. п. Инструментальный характер гипотезы подчеркивал И. П. Павлов, когда он говорил: «. . .во всякий момент требуется известное общее

[30] См. *Д. И. Менделеев.* Основы химии, т. I. М.—Л., 1947, стр. 150—151.

Библиотека "Руниверс"

представление о предмете, для того чтобы было на что цеплять факты, для того чтобы было с чем двигаться вперед, для того чтобы было что предполагать для будущих изысканий. Такое предположение является необходимостью в научном деле» [31].

В ходе научного исследования создается много различных теоретических образований, конструкций, которые выполняют роль инструментария для овладения объектом, оснасткой научного исследования. Гипотеза не является здесь исключением.

Видя, как происходит смена гипотез, их крушение в ходе развития науки, М. Борн ставит вопрос, который возникает у многих: «...может быть, они представляют собой всего лишь побочный продукт исследования, что-то вроде метафизического украшения, облекающего в блестящий покров только значительные «факты»; может быть, теории — это в лучшем случае только подпорка и вспомогательное пособие в процессе работы, стимуляторы нашего воображения при осмыслении новых условий эксперимента?» [32]

Некоторые авторы дают положительный ответ на этот вопрос, абсолютизируют инструментальный характер гипотезы, отрывают эту сторону от другой, не менее важной и связанной с ней. Они считают, что гипотеза лишена объективного содержания, вопрос о ее объективной истинности не имеет смысла.

Так, например, Дюгем писал: «Наши физические теории вовсе не стремятся быть объяснениями; наши гипотезы вовсе не являются допущениями касательно самой природы материальных вещей. Наши теории имеют целью только экономное обобщение и классификацию экспериментальных законов» [33].

---

[31] *И. П. Павлов.* Полн. собр. соч., т. III, кн. I. М.—Л., 1951, стр. 107.

[32] *М. Борн.* Физика в жизни моего поколения. М., 1963, стр. 32—33.

[33] *П. Дюгем.* Физическая теория, ее цель и строение. СПб., 1910, стр. 262.

Такова точка зрения на гипотезу всех конвенционалистов. Так, А. Пуанкаре писал: «Для нас не существенно, есть ли в действительности эфир, — это пусть решают метафизики; для нас важнее всего то обстоятельство, что все происходит, как если бы он существовал, и что эта гипотеза удобна для истолкования явлений» (*А. Пуанкаре.* Наука и гипотеза. М., 1904, стр. 231).

Библиотека "Руниверс"

Конечно, на определенном этапе исследователю до некоторой степени безразлично, объективно-истинно ли сделанное предположение. Но наступает такой момент, когда доказательство не только вероятности, но и достоверности гипотезы становится главной задачей исследования. Больше того, гипотеза потому и работоспособна, ведет к обнаружению новых фактов, что ее предположение имеет объективное содержание. Весь вопрос заключается только в том, что именно в нем является объективным: все ли содержание или только какая-то часть, сторона.

Часто говорят, что гипотезы умирают, что наука вырастает на костях мертвых гипотез. Это верно. Но в то же время можно сказать, что ни одна научная гипотеза просто не умирает. Она в том или ином виде живет в других теоретических построениях и входит в достоверную систему теоретического знания если не во всем своем содержании и прежнем виде, то какой-то, хотя бы одной, своей стороной. И это свидетельствует о том, что по своему содержанию научная гипотеза объективна, является формой существования объективной истины на определенном этапе научного исследования.

Когда из многих гипотез исследователь останавливается на одной, которую он считает наиболее вероятной, то он стремится усовершенствовать и укрепить ее, подвергнуть испытанию сначала еще в качестве научной гипотезы. Прежде всего ставится вопрос о ее внутренней непротиворечивости как системы знания. Хорошо известно, что система знания не должна содержать формально-логических противоречий. Обнаружив такие противоречия, исследователь должен попытаться их устранить в рамках данной системы, внося в нее соответствующие изменения. Нельзя допускать противоречия между гипотетическими и установленными положениями, входящими в систему. Трудно принять самому и предложить другим гипотезу, в которой основная масса образующих ее суждений противоречит друг другу. Далее, построив непротиворечивую в формально-логическом отношении систему знания, исследователь выявляет ее отношение к другим системам (научным теориям, законам), к фактам и т. п. Здесь уже отношение будет более сложным, поскольку сами эти системы различны по доказательности содержащегося в них знания.

Библиотека "Руниверс"

Гипотеза может согласовываться с другими научными системами или противоречить им. И соответствие и противоречие могут носить различный характер, и сами по себе они не дают оснований отвергнуть гипотезу или принять ее. В самом деле, разберем случай, когда гипотеза соответствует другим системам. Во-первых, эти системы могут быть или достоверными, или вероятными. Если они вероятны, то соответствие им по существу ни укрепляет, ни ослабляет гипотезу. Если они достоверны, то все зависит от того, какой характер носит соответствие. Когда гипотеза с логической необходимостью следует из какой-то другой научной системы, носящей достоверный характер, то она не только укрепляется, но и сама превращается в достоверную теорию. Но это бывает очень редко. Чаще всего соответствие означает совместимость, а это, конечно, укрепляет гипотезу, увеличивает ее вероятность, но не больше.

Сложнее дело обстоит, когда обнаруживается противоречие гипотезы с другими научными системами. Здесь опять-таки надо подходить конкретно. Если гипотеза противоречит другой гипотезе, то только последующее развитие науки может решить, какая из этих соперничающих гипотез выдержит испытание. Бывают случаи, когда обе они оказываются несостоятельными.

Возможно вступление гипотезы в противоречие с теоретической системой, принятой в науке в качестве достоверной. К такому противоречию нужно отнестись очень серьезно, проанализировать его со всех сторон, прежде чем отрицать или принимать гипотезу.

Конечно, противоречить достоверной теории — это равносильно для гипотезы постановке вопроса о ее жизни и смерти. Но не следует думать, что это обязательно ее смерть. Во-первых, как мы уже сказали, сама достоверность носит конкретно-исторический характер. Возможно, противоречие между гипотезой и достоверной теорией свидетельствует о необходимости пересмотра отношения к достоверности данной теории, внесения в нее изменения. Чаще всего это бывают изменения, ограничивающие сферу применимости данной теории. И здесь ничего не остается делать, как сказать словами Эйнштейна: «Прости меня, Ньютон; ты нашел единственный путь, возможный в твое время для человека величайшей научной творческой способности и силы мысли. Понятия, созданные

Библиотека "Руниверс"

тобой, и сейчас еще остаются ведущими в нашем физическом мышлении, хотя мы теперь и знаем, что если мы будем стремиться к более глубокому пониманию взаимосвязей, то мы должны будем заменить эти понятия другими, стоящими дальше от сферы непосредственного опыта»[34].

Такие противоречия всегда были в развитии науки. Как писал Н. Бор, «в науке и раньше случалось, что новые открытия приводили к установлению существенных ограничений для понятий, которые до тех пор считались не допускающими исключений. В таких случаях нас вознаграждает приобретение более широкого кругозора и более широких возможностей устанавливать связь между явлениями, которые прежде могли казаться даже противоречащими друг другу»[35]. Бывает, что две противоречащие друг другу системы знания выражают крайние случаи одной более общей теории. Они обе истинны, но ограничены.

Ведь если бы новые гипотезы только соответствовали теоретическим построениям и никогда бы им не противоречили, то по существу в науке не было бы революционных сдвигов, коренным образом меняющих наши прежние представления. Поэтому вполне закономерно, что новые гипотезы могут и соответствовать прежним теоретическим представлениям, и противоречить им. Если бы они только противоречили, то, собственно, была бы потеряна преемственность в развитии знания, выдвижение гипотез не было бы логическим продолжением хода развития познания изучаемого предмета. Представить в качестве идеального случая только их соответствие — значит по существу отказать основанному на выдвижении принципиально новых идей познанию в развитии. Соответствие и противоречие — это единство противоположностей, необходимо предполагающих друг друга. И только их конкретный анализ применительно к определенной гипотезе и столь же определенной достоверной теории может решить вопрос, какое значение они имеют для нее — подтверждают, отвергают или развивают. Особое значение в развитии познания имеют обнаружение и ана-

---

[34] «Эйнштейн и современная физика». М., 1956, стр. 41—42.

[35] *Н. Бор.* Атомная физика и человеческое познание. М., 1961, стр. 18.

Библиотека "Руниверс"

лиз противоречий между выдвинутой гипотезой и другими теоретическими системами. Само это противоречие играет эвристическую роль: оно ставит проблему, что делать с этим противоречием, как его интерпретировать — пересматривать ли гипотезу и вносить в нее изменения, или же поставить под сомнение то, что ранее считалось достоверным, внести определенные коррективы в эту теорию, а может быть, требуется усовершенствование обеих систем знания. Но в любом случае решение этого вопроса приведет познание к движению вперед.

К гипотезе предъявляется еще ряд требований, среди которых особое место занимает простота и связанное с ней изящество. Как же в действительности обстоит дело с критерием простоты?

Превращение простоты гипотезы в окончательный критерий если не достоверности, то наивысшей вероятности ее не имеет под собой никаких оснований. Критерий простоты не может иметь никакого самостоятельного значения, и если его абсолютизировать, то можно прийти к субъективизму.

В самом деле, какая теория должна считаться простой, где объективный критерий самой простоты? Таким критерием может быть только объективная истина. Все то, что объективно истинно, то и просто, экономно. Это же можно сказать о простоте, ясности и отчетливости и других подобных критериях. Не простота определяет объективную истинность, а, наоборот, достижение объективной истины является основой простоты, ясности и отчетливости, экономности мышления.

Означает ли это, что простота, ясность, экономность не имеют никакого значения? Отнюдь, нет. Надо только правильно истолковать их, выяснить их отношение к объективной истинности.

А. Эйнштейн говорил о «внутреннем совершенстве», «естественности» и даже изяществе научной теории. По его мнению, надо стремиться к ним. Но он никогда не абсолютизировал этих критериев, а выдвигал в качестве важнейшего требования к теоретическому построению в физике его соответствие опыту. Теории как системы понятий, по мнению Эйнштейна, должны удовлетворять двум критериям: «во-первых, должны допускать возможно надежное (интуитивное) и полное сопоставление с совокупностью ощущений; во-вторых, они должны стре-

Библиотека "Руниверс"

миться обойтись наименьшим числом логически независимых элементов (основных понятий и аксиом), т. е. таких понятий, для которых не дается определений, и таких предложений, для которых не дается доказательств» [36].

Конкретизируя само понятие простоты, он пишет: «Из двух теорий с одинаково «простыми» основными положениями следует предпочесть ту, которая сильнее ограничивает возможные a priori качества систем» [37]. И далее: «К «внутреннему совершенству» теории я причисляю также и следующее: теория представляется нам более ценной тогда, когда она не является логически произвольным образом выбранной среди приблизительно равноценных и аналогично построенных теорий» [38].

Как видно, эйнштейновское понимание простоты и внутреннего совершенства теории не содержит в себе чего-то чисто субъективистского, а является некоторым дополнительным эвристическим средством для выбора наиболее вероятной теоретической системы знания.

Требование объективной истинности означает, что научная теория должна отразить мир таким, каким он является независимо от нашего сознания.

Объективный мир и прост и сложен, и его следует отражать во всей простоте и сложности. Он упорядочен в том смысле, что явления движутся в нем, подчиняясь строгим закономерностям, отражение которых и составляет задачу научной теории.

Гипотеза должна быть проста, она не должна содержать ничего лишнего, субъективного, никаких произвольных допущений, не вытекающих из необходимости познания объекта таким, каким он является в действительности. В этом отношении мы должны стремиться к простоте, ясности, экономности, не придавая им какого-то самостоятельного значения, а рассматривая их моментами, характеризующими объективно-истинное знание. Недаром Эйнштейн употреблял термин «естественность» теории в смысле отсутствия в ней излишних, искусственных нагромождений. К решению задачи отражения объективной реальности в ее подлинном виде мышление

---

[36] «Эйнштейн и современная физика», стр. 32.
[37] Там же, стр. 37.
[38] Там же.

Библиотека "Руниверс"

должно идти наиболее рациональным, простым, ясным путем, и действительно из множества равноценных гипотез следует отдать предпочтение той, которая проще, яснее и экономнее идет к этой цели.

Несколько слов о «внутреннем совершенстве» и «изяществе» теоретических построений. Некоторые философы, приводя слова Больцмана «Изящество надо оставить портным и сапожникам», считают, что эстетическая оценка вообще неприменима к научным теориям. Но это не так, результаты научного исследования не в меньшей мере, чем другие формы деятельности человека, должны доставлять ему эстетическое наслаждение. По мнению Луи де Бройля, «научное исследование, хотя оно почти всегда направляется разумом, тем не менее представляет собой увлекательное приключение» [39]. Достижение в нем новых результатов вызывает многие чувства, в том числе и эстетическое.

Чувство прекрасного, изящного, совершенного возникает у человека при восприятии не только материальных вещей, но и продуктов его духовной деятельности, материализованных в той или иной форме. Математик так же наслаждается выведенным уравнением или формулой, как и скульптурой, прекрасным пейзажем, мелодией и т. п. Изящное решение научной проблемы — такая же возможная вещь, как и изящное исполнение музыкальной пьесы. Но чувство прекрасного, изящного имеет свой объективный источник, оно является выражением какого-то объективного содержания. В научной теории этим содержанием выступает ее объективная истинность. Мы восхищаемся, например, тем, как просто и легко разрешена трудная научная проблема. Это решение как автору, так и другим специалистам доставляет наслаждение, и оно кажется изящным. При этом математик не может не испытывать эстетического наслаждения, увидев изящество математической формулы, ибо необходимо понять ее содержание, осознать трудности, которые были преодолены на пути ее решения, и ее значение для дальнейшего развития науки.

Таким образом, развитое чувство изящного, прекрасного не может помешать в научном исследовании вообще и в оценке гипотезы в частности, если им правильно руко-

---

[39] *Луи де Бройль.* По тропам науки, стр. 295.

Библиотека "Руниверс"

водствоваться: не придавать ему абсолютного значения, а рассматривать его подчиненным моментом, активно содействующим достижению объективно-истинного знания. Эстетическое отношение к миру способствует не только художественному, но и научному творчеству.

Гипотеза строится в надежде на то, что она если не в полном своем содержании, то хотя бы в какой-то своей части будет превращена в достоверное знание. Как писал Д. С. Милль, «условием собственно научной гипотезы является, по-видимому, то, чтобы она не была обречена навсегда оставаться гипотезой, чтобы ее можно было либо доказать, либо опровергнуть сравнением ее с наблюдаемыми фактами» [40].

Как мы уже говорили ранее, достоверность научного знания вообще и теории как его зрелой формы достигается в ходе развития познания и практической деятельности человека, она сама является не застывшим метафизическим состоянием, а процессом.

Доказывая научную теорию, исследователь ее и развивает. Сама теория не является чем-то абсолютным, она относительно завершенная система знания, меняющаяся в ходе развития науки. Эти изменения вначале происходят в рамках данной теории и ее принципа путем включения новых и некоторого изменения прежних входящих в нее положений. Однако наступает такой момент, который обозначается пределом развития теории, т. е. в теоретическом построении при включении в него новых фактов обнаруживаются противоречия, неразрешимые в рамках данной системы знания. Решение этих противоречий предполагает существенное изменение принципов, лежащих в основе данной теории, поскольку новые факты вступают в противоречие с этими принципами. Определить момент, когда теория в своем развитии достигла предела, можно только путем конкретного анализа сложившейся вокруг этой теории познавательной ситуации.

Возникает необходимость в создании новой теории с иными принципами. В процессе движения к ней исследование проходит весь путь, начиная с постановки проблемы. Прежняя теория вместе с обнаруженными противоречиями в ней являются элементом того знания, кото-

---

[40] *Д. С. Милль.* Система логики. М., 1899, стр. 398.

Библиотека "Руниверс"

рое необходимо для постановки проблемы. Возникшая новая теория определяет сферу применимости всех прежних, касающихся данного объекта. Они в свою очередь, как достоверные факты, являются критериями вероятности экстраполяции, имеющейся в новой теории. В этом и заключается гносеологическое содержание так называемого принципа соответствия, впервые выдвинутого применительно к физике Н. Бором, но применяемого сейчас для очень большого круга теорий [41].

И таким образом, не только факты ведут к теориям, но и теории в ходе исследования становятся фактами. Превращение теории в факт означает доказательство ее достоверности. Но, как правило, это происходит после того, как наука уже обнаружила ограниченность этих теорий и создала новую, более совершенную теорию.

Здесь выявляются важные гносеологические закономерности. Теория рассматривается как достоверная, когда наука признала ее ограниченность, установила предел развития и двинулась дальше. Последующий процесс развития познания и практики, доказав достоверность теории, устанавливает и ее ограниченность. Иными словами, чтобы доказать достоверность теории, следует выйти за ее пределы и создать новую, более совершенную теорию. Живая, развивающаяся теория всегда содержит в себе момент вероятного, что может стать достоверным лишь в дальнейшем ходе познания.

---

[41] И. В. Кузнецов дал следующую обобщенную формулировку этого принципа: «...теории, справедливость которых экспериментально установлена для той или иной области физических явлений, с появлением новых, более общих теорий не устраняются как нечто ложное, но сохраняют свое значение для прежней области явлений как предельная форма и частный случай новых теорий. Выводы новых теорий в той области, где была справедлива старая «классическая» теория, переходят в выводы классической теории; математический аппарат новой теории, содержащий некий характеристический параметр, значения которого различны в старой и новой области явлений, при надлежащем значении характеристического параметра переходит в математический аппарат старой теории» (*И. В. Кузнецов.* Принцип соответствия в современной физике и его философское значение. М.—Л., 1948, стр. 56).

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА VIII

ИСТИНА, КРАСОТА, СВОБОДА

1. Идея как гносеологический идеал

Познание возникает и развивается на практической основе, практика выступает и его целью. Знание необходимо человеку для практического овладения явлениями природы, для создания вещей, предметов, удовлетворяющих потребности людей. А это означает, что логическим концом развития знания является его практическая реализация, когда знание на основе чувственно-материальной деятельности человека становится вещью.

Для своей практической реализации знанию необходимо достигнуть определенной степени зрелости. Конечно, любое истинное знание может быть использовано в поведении человека, поэтому оно ему полезно. Однако, когда речь идет о практической реализации знания в смысле создания на его основе таких вещей, предметов, которых нет в природе, то здесь требуется высокая степень теоретического овладения объектом.

На основе эмпирического знания также можно заниматься преобразовательной деятельностью. Человек, используя опыт наблюдения за явлениями природы, создавал орудия труда, строил жилища, выращивал полезные растения и животных еще задолго до того, как была создана наука с глубокими теоретическими построениями. Но эмпирическое знание дает очень узкую базу для практической деятельности человека. Само собою разумеется, что когда знания человечества вообще находились на эмпирическом уровне и не выходили за его пределы, то люди в своей практике должны были довольствоваться ими. Однако в условиях развитого современного научного познания ограничивать свою практику данными опытных наблюдений, пусть даже очень метких и тонких, — значит не использовать больших возможностей теоретического познания. К сожалению, романтическое противопоставление эмпирического опыта народа современной науке с целью принижения роли последней еще встречается у некоторых людей. Наука должна использовать весь богатейший опыт, накопленный различными народами; и если она еще всего не сделала в этом направлении, то это не означает, что мы должны отвернуться от нее.

Библиотека "Руниверс"

Научно-теоретическое познание создает значительно более широкие возможности для человеческой практики, поэтому роль науки в общественной жизни непрерывно возрастает. Человек все больше в практике ориентируется не на эмпирическое наблюдение, а на научную теорию.

В достоверной научной теории знание достигает той степени зрелости, когда созданы многие предпосылки для его перехода в практическое действие. Прежде всего в этой теории дана объективная конкретная истина, обоснованная до степени достоверности, знание из единичности через особенность доведено до постижения всеобщности, что, несомненно, очень важно для практики. В идеале практическое действие должно быть столь же универсальным, как и закон.

Но в научной теории знание созрело для практической реализации только с точки зрения достижения объективности содержания, т. е. его истинности. Для того чтобы объективно-истинные знания в практике превратились в объективную реальность, необходимо соответствующее отношение субъекта к результатам знания. А именно субъект должен подойти к истине не созерцательно (выразить радость и удовольствие по поводу того, что достоверная научная теория стала фактом), а действенно практически: осознать результаты знания с целью их реализации.

Схему движения познавательного процесса от начала до конца в смысле завершения некоторого цикла можно представить в следующем виде: объективная реальность — практика — знание — практика — объективная реальность (o_1—n_1—$з$—n_2—o_2).

В познании человек исходит из объективной реальности, определяет на основе практического отношения к ней объект исследования и достигает знания о нем. Однако, поскольку к объективной реальности он подходит со своими человеческими целями и потребностями, то отражает ее творчески, не только такой, какой она существует, но и какой может быть, должна быть для нужд функционирования человеческого общества. Поэтому знание, в особенности в зрелой научной теории, создает идеальный объект, который реально существует лишь в познании. Практическая деятельность человека должна не только решить вопрос, истинен ли этот идеальный объект, созданный научной теорией, но и превратить его в объек-

Библиотека "Руниверс"

тивную реальность. Иногда, например в научном эксперименте, практика выступает в узком своем значении — решает вопрос об истинности теоретического построения, но в широком смысле роль практики — не просто доказать истинность созданного идеального объекта, но и превратить его в объективную реальность, удовлетворяющую жизненные потребности человека. Собственно тогда-то окончательно и доказывается, «улавливается» объективная истинность знания.

Марксистская гносеология рассматривает процесс познания в его движении от одной объективной реальности к другой; она не только должна показать, каким образом реальные предметы отражаются в виде научных знаний, но и то, как эти знания материализуются посредством практики.

Если рассматривать и эту последнюю сторону в движении познания, то необходим еще ряд категорий, которые выражали бы закономерности процесса превращения знания в объективную реальность. Прежде всего такой категорией является идея.

Понятие идеи в истории философии было выдвинуто очень давно. Первоначально под ней понимали неизменную умопостигаемую сущность, подразумеваемую в качестве либо материального, телесного начала (Демокриг называл атомы идеями — первичными неделимыми формами), либо духовного прообраза всех вещей (идеи в философии Платона). И для Демокрита, и для Платона в понимании идей характерно одно общее: идея — это подлинная объективная реальность, составляющая сущность всех вещей, причем идеи для Платона так же реально существуют в природе, как и атомы для Демокрита [1]. И для Демокрита, и для Платона вещь — это не подлинная сущность бытия, за ней скрывается образец, идея, истинная форма. При всей противоположности материализма Демокрита идеализму Платона в понимании идеи они по существу сходны, и это вытекает из характера философии того времени, для которой главной целью было обнаружение первосущности вещей. Платон

[1] Так, в «Парменида» мы читаем: «Идеи эти пребывают в природе как бы в виде образцов, прочие же вещи сходствуют с ними и являются их подобиями, и самая причастность их идеям заключается не в чем ином, как только в уподоблении последним» (*Платон*. Полн. собр. творений в 15 томах, т. IV. Л., 1929, стр. 23).

Библиотека "Руниверс"

и Демокрит рисовали ее неизменной умопостигаемой формой — идеей. Это чисто онтологический подход к идее, в котором имеется некоторая истинная сторона — подчеркивание объективности идеи, правда в форме простого ее отождествления с объективной реальностью, понимаемой материалистически (Демокрит) или идеалистически (Платон).

Следующий этап в развитии понятия идеи связан с гносеологическим ее истолкованием как формы не бытия, а знания. Такое понимание характерно для философии нового времени, как эмпирической, так и рационалистической. Д. Локк под идеей понимал обобщенное представление, как-то: белизна, твердость и т. п. Идея — все то, чем занята душа во время мышления. Р. Декарт называл идеей определенное содержание сознания, мысль, понятие. Идея — всякая мысленная вещь, «поскольку она представлена каким-либо объектом в уме» [2].

Разрушение понятия об идеях как определенных умопостигаемых и неизменных онтологических сущностях было позитивным явлением. Если под идеей подразумевать материальную сущность, то это понятие идеи излишне, поскольку просто дублирует другое — понятие атома. Признание в качестве первосущности вещей идей в смысле Платона, как это показал уже Аристотель, порочно в своей основе. Поэтому переход в философии нового времени к пониманию идеи как формы человеческого знания был шагом вперед. Однако при этом терялась специфика идеи. Для Д. Локка, например, идея — универсальная форма знания, обнимающая результаты и ощущений и мышления. Рационалисты, как правило, идею отождествляли с понятием.

Кант подверг критике смешение идеи с другими формами знания. Он протестовал против того, чтобы представление о красном или другом каком-либо цвете называли идеей. «Не следует быть расточительным и применять его, — писал Кант о термине «идея», — для разнообразия синонимически взамен других слов, но следует старательно сохранять за ним его специальное значение [3]. И Кант отличает идею как понятие разума не только от ощущений и представлений, но и от понятий рас-

---

[2] *Р. Декарт.* Избр. произв. М., 1950, стр. 706.
[3] *И. Кант.* Критика чистого разума, стр. 209.

Библиотека "Руниверс"

судка. При этом он обращается к платоновскому пониманию идей, давая ему свою интерпретацию. В форме идей человеческий разум уносится в область знаний, выходящих далеко за пределы опыта. «Под идеею, — пишет Кант, — я разумею необходимое понятие разума, для которого чувства не могут дать адекватного предмета»[4].

Идеи выходят за пределы того, что дано в опыте, в нем нет предмета, адекватного идее; однако они не произвольны, поскольку определены природой разума. Для Канта идея — не метафизическая сущность, находящаяся вне человека и его мышления, а особого рода понятие разума. В этом отличие идей Канта от идей Платона. Но и для Канта идея — своеобразная идеальная сущность, предельное понятие разума, с помощью которого он стремится к абсолютному и безусловному.

Понятия рассудка, по Канту, конечны и ограничены. Познание стремится преодолеть ограниченность рассудка, связанного с опытом, и выйти за пределы в область абсолютного целого. Идея — прообраз возможных вещей, которому никогда не суждено воплотиться в действительность; она остается никогда не разрешимой проблемой.

В кантовском понимании идеи содержатся некоторые мысли, дальнейшее развитие которых на диалектико-материалистической основе может быть весьма плодотворным. Во-первых, несомненную ценность представляет его положение об идее как форме теоретического познания, в которой достигается высшее единство знания, происходит восхождение к безусловному и абсолютному. Во-вторых, в идеалистически извращенной форме Кант развивает мысль об идее как прообразе вещи, выходящей за границы существующего опыта, как некотором идеале, к которому стремится теоретическое познание. Однако он не мог решить, как и каким путем этот идеал реализуется; наоборот, по его мнению, идея всегда остается нерешенной проблемой, не находя своего предмета в эмпирическом мире[5].

---

[4] Там же, стр. 216.

[5] Гегель был совершенно прав, когда писал, что Кант хотя и отвел идее «снова почетное место, поскольку он ее в отличие от абстрактных определений рассудка, а то и просто чувственных представлений... признавал уделом разума; однако надо сказать, что по отношению к ней он также остановился на отрицательном и на одном лишь *долженствовании*» (*Гегель*. Соч., т. I, стр. 92).

Библиотека "Руниверс"

Гегель пошел дальше. Он пытался соединить выдвинутое философией нового времени утверждение, что идея — форма мышления с берущим начало в древней философии пониманием ее как истинной сущности, реальности всего существующего. И это было возможным на основе принципа тождества мышления и бытия. Идея — форма мысли, но поскольку мышление и есть подлинная реальность, то идея становится формой объективной реальности. Идея — понятие, определившее себя как реальность. «Идея, — пишет Гегель, — есть *адекватное понятие*, объективная *истина* или *истина как таковая*. Если что-либо истинно, оно истинно через свою идею или, иначе говоря, *нечто истинно лишь постольку, поскольку оно есть идея*» [6].

У Канта идея лишена объективного содержания и никогда не воплощается в какой-то реальный образ; у Гегеля, наоборот, идея — полнота объективности, совпадение понятий и реальности и в силу этого должна реализоваться, из сферы чистой мысли через практику перейти в природу. К. Маркс писал в связи с этим: «Абстракция, постигающая себя как абстракцию, знает, что она есть ничто; она должна отказаться от себя, абстракции, и этим путем она приходит к такой сущности, которая является ее прямой противоположностью, *к природе*» [7].

Абсолютная идея, хотя и полна всевозможных определений, но сама по себе без перехода в иную, чувственно-материальную сферу все равно что ничто. Хотел того или не хотел идеалист Гегель, но он доказал тем самым, «что только *природа* есть нечто» [8].

Обобщая результаты предшествующей философии об идее, данные развития современного научного познания и опыт практической деятельности, марксистская гносеология формулирует ряд положений, характеризующих сущность и значение идеи. Прежде всего идея — высшая форма теоретического освоения действительности. Конспектируя Гегеля, В. И. Ленин выделяет следующую

---

[6] *Гегель.* Соч., т. VI. М., 1939, стр. 214.

[7] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс* Из ранних произведений, стр. 639.

Эту же мысль выразил В. И. Ленин в «Философских тетрадях» «Переход логической идеи к *природе*. Рукой подать к материализму» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 215).

[8] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений, стр. 639.

Библиотека "Руниверс"

его мысль: «Begriff еще не высшее понятие: еще выше *идея* = единство Begriff'а с реальностью»[9].

В чем же превосходство идеи? Теория относится к объекту созерцательно, дает объективную истину, создает идеальный объект, но не содержит в себе движения к его реализации. Теоретическое знание становится идеей, когда намечаются пути практического воплощения идеального объекта в реальный, оно — план действия человека.

Особенность идеи как формы знания состоит как раз в том, что в ней слиты воедино два момента: созданный теорией идеальный объект и план, направленный на его реализацию. В этом отношении идея выступает гносеологическим идеалом. Знание, чтобы утвердить себя в мире, должно стать идеей. В идее объективное подымается до уровня целей и стремлений субъекта, созданный объективно-истинный образ становится его внутренней потребностью, тем, что он должен внести в мир посредством своей практической деятельности. С другой стороны, в идее цели и стремления человека приобретают объективный характер, они не чужды объективному миру, а в силу своей объективной истинности посредством материальной деятельности сами становятся объективной реальностью. Эта особенность идей подчеркивалась и гипертрофировалась идеализмом, который выделял только одну сторону — как субъективное (идея) предшествует вещи и становится объективной реальностью посредством деятельности человека, затушевывая другую сторону — как объективно существующий предмет путем той же самой деятельности субъекта становится источником идеи.

Для научного понимания идеи необходимо знание не только об объекте, но и о субъекте, его целях и стремлениях, общественных потребностях и, наконец, знание о знании, т. е. средствах и путях преобразования действительности, воплощения теоретического знания в жизнь.

Идея выступает в качестве гносеологического идеала в нескольких отношениях: 1) в ней в концентрированном виде выражены достижения научного знания; 2) внутри себя она содержит стремление к практической реализации, к своему материальному воплощению, утверждению

[9] *В И Ленин.* Полн собр соч, т 29, стр 151.

Библиотека "Руниверс"

себя; 3) она содержит знание о самой себе, о путях и средствах своей объективизации, является планом действия субъекта.

В. И. Ленин писал: «Идея имеет в себе и сильнейшее противоречие, покой (для мышления человека) состоит в твердости и уверенности, с которой он вечно создает (это противоречие мысли с объектом) и вечно преодолевает его...» [10]

Своеобразие идеи состоит также в том, что в ней по существу теоретическое познание развивается до порога самоотрицания, знание намечает переход в иную сферу — практическую, в результате чего в мире возникают новые явления и вещи. Идея — это конец знания и начало вещи. Идея реализуется не только в практической, но и теоретической деятельности человека. В строении науки она выполняет синтезирующую функцию, объединяет знание в некоторую единую систему — теорию или систему теорий. Синтезирующая функция идеи вытекает из ее природы. В идее выражено познание фундаментальной закономерности, которое дает основу для объединения понятий или даже целых теорий. В идее знание достигает высшей степени объективности, а это и создает условия для синтеза предшествующего знания.

Но синтезирующая функция — это как бы прошлое ее, она показывает, что может дать новая идея для ранее достигнутого знания. Идея теоретически и практически реализуется в научном методе. Здесь она служит рычагом достижения новых результатов в познании и практике.

На связь идеи с методом обратил внимание еще Спиноза, называвший метод идеей идеи. В методе заключено знание о том, как должно совершаться познание на основе истинной идеи [11]. Эта мысль нашла свое дальнейшее развитие в философии Гегеля, для которого абсолютная идея составляет объективное содержание метода. Знание в идее, достигнув полноты объективности и конкретности, служит орудием познания, реализует себя в методе. Эта мысль, если освободить понятие абсолютной

---

[10] Там же, стр 177.

[11] «...Хорошим, — писал Спиноза, — будет тот метод, который показывает, как должно направлять дух сообразно с нормой данной истинной идеи» (*Б. Спиноза.* Избр. произв., т. I. М, 1957, стр 331).

Библиотека "Руниверс"

идеи от мистики идеализма, совершенно правильна. Назначение метода — служить путем достижения новых результатов в духовном или материальном производстве, но для этого в качестве своего основания он должен иметь объективно-истинную идею. И это так для любого метода — как философского, так и специального.

Таким образом, научное исследование начинается с знания о незнании (проблемы) и заканчивается знанием о знании (идеей), в котором не только глубоко, точно и полно отражен исследуемый объект, но и намечены пути его практической реализации. На основе идей в практике создаются новые реальные объекты, удовлетворяющие потребности человека. Создание таких объектов — завершение одного цикла исследования.

2. Вера — субъективное средство объективации идеи

Практическая реализация идеи предполагает напряжение всех сил и способностей человека, в том числе и его воли. Как замечает В. И. Ленин, конспектируя Гегеля, «мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его» [12]. В качестве мерки для изменения мира и выступают идеи человека, в которых отражены явления действительности не только в существующих, но и в необходимых человеку формах. Научное исследование непосредственно направлено на поиски тех форм, согласно которым мир должен быть изменен; поэтому оно с самого начала приводится в движение волей субъекта, о которой Гегель говорил так: «В то время как интеллект старается лишь брать мир, каков он *есть*, воля, напротив, стремится к тому, чтобы теперь только сделать мир тем, чем он *должен быть*» [13].

Это воление, долженствование исходит от субъекта, т. е. от исследователя, но оно объективно в своем содержании, оно выражает объект сквозь призму субъекта — общественных потребностей человечества по преобразованию мира; как говорил Гегель, «*объективность* здесь присвоил себе сам субъект; его определенность внутри себя есть объективное, ибо он есть такая всеобщность,

---

[12] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 195.
[13] *Гегель.* Соч., т. I, стр. 338.

Библиотека "Руниверс"

которая вместе с тем также и всецело определена»[14]. В волении человека объективный мир и его закономерности даны не в своей непосредственности и абстрактности, изолированности от человека, а в конкретной полноте. Чисто волевые решения, импульсы ведут к субъективизму, к действиям, которые не способствуют овладению объектом. Чтобы воля не была произволом, капризом субъекта, она основывается на истине, на ранее познанных объективных закономерностях.

Идеи практически реализуются людьми не только с помощью материальных (орудий труда), но и с помощью духовных средств (воли, эмоций и т. д.). У человека должна созреть решимость действовать в соответствии с идеей; в формировании этой решимости определенная роль принадлежит уверенности, вере в истинность идеи, в необходимость действия в соответствии с ней, в реальную возможность воплощения идеи в действительность.

Знание и вера считались исконно противоположными, несовместимыми. И действительно, если под верой понимать слепую веру в иллюзорный, фантастический мир, веру, с которой связано религиозное мировоззрение, то они несовместимы. Религиозная вера построена на принципе: верю, потому что надо верить. Это хорошо выразил один из первых отцов церкви, Тертуллиан: «Credo quod absurdum est» («Верю, потому что абсурдно»). Такая вера противоположна знанию с его требованием доказательности выдвигаемых положений. Наука несовместима со слепой верой в сверхъестественное, иллюзорное и мистическое. Однако вера и религия — не одно и то же, отождествление их производится богостроителями, которые ставят вопрос так: человек не может жить без веры, а раз так, то ему необходима религия. Некоторые современные богостроители спрашивают: почему марксизм считает религию опиумом народа, разве он отрицает необходимость всякой веры для человека?

Л. Фейербах отождествлял религию со связью людей между собой, увековечивал тем самым религиозное чувство; современные богостроители отождествляют религию с верой, которая действительно необходима человеку в практическом действии.

---

[14] *Гегель.* Соч., т. VI, стр. 289—290.

Библиотека "Руниверс"

Необходимо строго различать слепую веру, ведущую к религии, и веру как уверенность, твердость и убежденность человека, основанную на знании объективной закономерности [15]. Последняя не только не противоречит истине науки, но вытекает из нее.

Может возникнуть вопрос: зачем нужна человеку вера, если он располагает истинным знанием, ставшим идеей?

Знание необходимо человеку для практического действия, оно должно перерасти в практическое действие. А чтобы человек успешно действовал на основе знания, он должен быть убежден в правильности плана своего практического действия. Человек, принимающийся за практическое действие без убеждения в истинности идеи, которую он собирается претворить в жизнь, лишен воли, целеустремленности, эмоциональной возбужденности, которые так необходимы для успешного ее осуществления.

Вера выступает определенным промежуточным звеном между знанием и практическим действием, она не только и не просто знание, а знание, оплодотворенное волей, чувствами и стремлениями человека, перешедшее в убеждение. Внутренняя убежденность, уверенность в истинности знания и правильности практического действия необходимы человеку, но эта убежденность ничего общего не имеет с религией и ее атрибутами.

Религиозная вера тоже включает в себя моменты воления, эмоциональной возбужденности. Но в религии они играют совсем иную роль. Если в вере, основанной на знании, они способствуют успеху в практической деятельности, борьбе с силами природы, в покорении стихии, в установлении справедливых общественных отношений, то в религии они ведут к фанатизму, к бессмысленной трате человеческой энергии для достижения нереального, несбыточного и иллюзорного.

Из истории мы знаем, что религиозные люди во имя веры приносили величайшие жертвы, шли на костры и т. д. Но они были напрасными, бессмысленными, поскольку вера не имела реальной почвы, носила иллюзорный характер.

---

[15] См. об этом также в последней книге П. В. Копнина «Диалектика как логика и теория познания». М., 1973, стр. 300—301 и др. *(Ред. колл.)*

Библиотека "Руниверс"

Таким образом, нужно противопоставлять не только религиозную веру знанию, но и религиозной вере убежденность, основанную на знании объективных законов. Эта убежденность не нуждается в религии, не переходит в нее, а, наоборот, противоречит ей, вступает с ней в такой же конфликт, как наука и практическая деятельность человека.

Без превращения идеи в личное убеждение, веру человека невозможна активная практическая реализация теоретических идей. Например, возьмем выход космонавта в открытый космос, совершенный Алексеем Леоновым. Человек шагнул в бездну Вселенной, для этого необходима огромная решимость. Однако она не похожа на отчаянный шаг самоубийцы, пришедшего к мысли о безнадежности своего дальнейшего бытия, и не результат больной психики, вышедшей из-под контроля сознания. Это — шаг разумного человека, практически реализующего научную идею. Чтобы сделать его, А. Леонову нужна была сознательная вера в истинность намеченного плана ее реализации, в надежность созданной аппаратуры, в самого себя и благополучный исход эксперимента. Не слепая, фанатическая приверженность какой-то идее космонавтики, а сознательная вера придала ему необходимую решимость.

Превращение научных идей в личное убеждение — это задача всякого обучения и воспитания людей. Религиозную веру нельзя вытеснить, не заменив сознательной верой или убеждением в истинности научных идей и основывающейся на них созидательной деятельности человека.

Некоторые направления современной философии, в частности позитивизм и неотомизм, также говорят о совместимости научных идей и веры, причем они не всегда проводят разграничение между уверенностью ученого и религиозной верой. У них они совместимы, поскольку относятся к разным предметам: знание дает истину о законах движения мертвой материи, религиозная вера касается человеческой души, ее глубинных тайн, знание и религиозная вера взаимодополняют друг друга, описывая разные сферы. Неотомисты говорят, что наука не только не отвергает, но и доказывает необходимость веры, без которой она бессильна против зла, приносимого разумом и основанной на нем техникой. Позитивисты выдвигают

Библиотека "Руниверс"

более скромное утверждение: научное знание, если и не подтверждает религиозную веру, то по крайней мере и не опровергает ее; они независимы друг от друга.

Марксистская гносеология говорит о совместимости научного знания не со всякой верой, а только с той, которая опирается на данные науки, ее доказательство и ведет человека к практическому осуществлению научных идей. И здесь знание и вера касаются одной и той же сферы — явлений объективной реальности. Знание творчески отражает их, а убежденность, вера, уверенность являются необходимым средством практического действия, реализующего объективно-истинные идеи.

Таким образом, сознательная вера выражает внутреннюю убежденность субъекта в истинности идеи, правильности плана ее практической реализации. В ней объективно-истинное знание переходит в субъективную уверенность, которая толкает, побуждает, психологически настраивает человека на практическое действие, претворяющее идею в жизнь. В этом гносеологическое содержание понятия веры и ее необходимость для развития познавательного процесса.

3. Гносеологическое и эстетическое. Роль искусства в движении к новой действительности

Превращение идеального объекта в явление объективной реальности предполагает субъективное переживание, куда входит не только создание внутренней убежденности в объективной истинности теоретической идеи и путей ее реализации, но весь комплекс желаний, чувств, эмоций, сопровождающих и направляющих практическое действие, создающих вокруг него необходимую субъективную окраску.

Человек не машина, хотя машина и имеет некоторое сходство с ним. Практическая деятельность человека не похожа на деятельность автомата, хотя ей и присущ некоторый автоматизм. Человек создает автоматы для того, чтобы освободить себя от нудной, утомительной, нетворческой работы.

Говорят, что у автомата имеется преимущество перед человеком: он не ошибается под влиянием желаний и эмоций, не изменяет в результате их внезапного воздей-

Библиотека "Руниверс"

ствия заданного порядка в осуществлении операций. Отношение к желаниям и эмоциям человека только как к источнику ошибок неверно, нельзя абсолютизировать только одну эту их сторону. Иногда они, конечно, ведут к ошибкам в теоретической и практической деятельности. Но без горения человеческой души и сердца не рождается ни одна гениальная идея, не осуществляется ни один самый блестящий план. Поэтому переживание сопровождает отражение реальных явлений и событий в сознании человека, оно необходимый элемент творческого труда. В зажигании человеческой души, в переживании огромная роль принадлежит искусству и прекрасному вообще. Отсюда — проблема взаимоотношения познания и искусства, гносеологического и эстетического. Эта проблема была поставлена уже давно в истории, и она дискутируется по сей день.

В философии эстетика со времени своего возникновения была тесно связана с гносеологией и логикой. Первоначально она вообще рассматривалась своеобразной гносеологией, а именно теорией чувственного познания, отличного от логического. Но к эстетике как к философской науке Баумгартен предъявлял требование быть теорией не только одной из способностей познания, но и искусства, художественной деятельности.

Таким образом, эстетика приобрела двойственный характер. Она не могла ограничить свой предмет изучением чувственного знания, ибо потеряла бы свое самостоятельное значение, превратилась бы просто в раздел теории познания. Но если эстетика будет только теорией искусства, она потеряет свою связь с философией, лишится гносеологической основы, которая необходима для понимания искусства и художественной деятельности человека вообще.

Вплоть до наших дней перед эстетикой стоит задача органически связать эти два различных момента и создать либо такую теорию познания, которая бы стала теорией искусства, либо такую теорию искусства и художественной деятельности, которая бы была теорией познания и логикой.

Эта проблема, волнующая и современную эстетическую мысль, была в центре внимания крупнейших немецких эстетиков XVIII и первой половины XIX в., начиная с Баумгартена и кончая Гегелем. В частности, уже Ба-

Библиотека "Руниверс"

умгартен поставил вопрос о двух истинах — эстетической и логической и их взаимоотношении, причем истина художественного произведения не сводится к истине чувств, она находится где-то посредине между чувствами и рассудком.

Кант подошел к решению данной проблемы с точки зрения абстрактно-логического метода. Место космологически-онтологического понимания эстетического, характерного для древних греков, заняло логико-гносеологическое его рассмотрение, что само по себе было определенным шагом вперед в анализе эстетических проблем. Парадокс состоит в том, что, рассматривая эстетическое чисто логически, Кант лишил его логики. И это явилось следствием ограниченности его логической концепции, формально-рассудочного метода логического анализа эстетического суждения.

Кант акцентировал внимание на том, что радикально отделяет эстетическое суждение от познавательного. Эстетическое суждение — суждение вкуса, а не рассудка, оно чисто субъективно, притязает только на оценку чувства субъекта (удовольствие или неудовольствие) и не дает знания о предмете. Искусство у Канта по природе своей лишено объективности теоретического познания и полезности практического действия.

К изоляции эстетического от познавательного Канта привело узкое понимание логического, сведение понятийного мышления к фиксации абстрактной всеобщности предмета. Действительно, эстетическое чуждо чисто рассудочной деятельности, состоящей в подведении результатов опыта под абстрактную категорию, данную до и независимо от опыта.

Предприняв попытку отделить эстетическое суждение от логического, Кант столкнулся с неразрешимыми в его системе трудностями. Суждение эстетического вкуса субъективно и сугубо единично, индивидуально. Как говорил сам он, если ему какое-либо произведение искусства не нравится, то он затыкает уши, не хочет и слушать никаких доказательств его прекрасности, ибо суждение вкуса не определяется никакими априорными доказательствами. Но одновременно суждение вкуса притязает на значимость для всех, оно не просто фиксация ощущений субъекта. Где же источник этой претензии на общезначимость? Кант и мысли не допускает, что она может

Библиотека "Руниверс"

корениться в объекте действительности, включенном в общественную жизнь человека, что она выражает нечто субъективное, условия применения способности суждения, которую можно предположить у всех людей.

Чтобы преодолеть этот субъективизм и формализм в эстетике, необходимо было поставить эстетическую науку на иную, логико-гносеологическую основу, подвергнуть эстетическое анализу не с позиций формально-абстрактного, а более содержательного логического метода, исходящего из задач воспроизведения конкретного, в частности прекрасного, во всем богатстве его содержания, всех связей и опосредований с природой и общественной жизнью человека. И гегелевский метод, несмотря на все недостатки, послужил важной вехой в правильном решении тех трудностей, с которыми столкнулась не только немецкая, но и мировая эстетика в XVIII в.

Для разрешения эстетических проблем необходима была новая логика — диалектическая, с другим пониманием сущности понятия как формы мышления. Эстетическое по традиции связывается с чувствами, но, чтобы вскрыть его сущность, требуется пересмотреть взгляд на мышление, в частности на понятие. Для Гегеля это было ясно с самого начала, и его эстетика действительно является прикладной логикой. «...Под понятием, — пишет Гегель, — обыкновенно понимают некую абстрактную определенность и односторонность представления или рассудочного мышления, с помощью которой, разумеется, не может быть мыслительно осознана ни целостность истины, ни конкретная по своей природе красота. Ибо красота, как мы уже сказали и позднее покажем еще подробнее, не представляет собою такого рода рассудочной абстракции, а есть конкретное внутри самого себя абсолютное понятие или, еще определеннее, есть абсолютная идея» [16].

В утверждении Гегеля, что красота — это идея, надо видеть не только идеализм, но и попытку связать эстетическое не только с чувственным, как это было у его предшественников, но и с рациональным.

По внешней своей стороне эстетическое понятие ближе к чувственному, однако по сущности оно рационально. При этом если рациональное ограничивать рассудоч-

---

[16] *Гегель.* Соч., т. XII. М., 1938, стр. 95—96.

Библиотека "Руниверс"

ным понятием, то тогда действительно возникает непроходимая граница между эстетическим и рациональным, ибо эстетическое не только не укладывается в рассудочное понятие, но в некотором отношении и чуждо ему. Но если рациональное — это не только рассудок, но и разум со своими идеями, то эстетическое в своем главном, в содержании совпадает с рациональным. Это и показал Гегель, рассматривая красоту как форму реализации идеи. «...С одной стороны, *красота* и *истина* суть *одно и то же,* ибо прекрасное должно быть истинным в самом себе. Но, с другой стороны, столь же верно, что, строже говоря, истинное *отличается* от прекрасного» [17].

Простое отождествление истинного и прекрасного, гносеологического и эстетического по существу бы не решило, а сняло саму проблему выявления особенностей прекрасного. Эстетическая идея не только истинна, но и прекрасна; красота — чувственное явление, чувственная видимость идеи. При этом чувственность в ней не изолирована от выражения истинного, существует не сама по себе, а представляет «лишь наличное бытие, объективность понятия, и положена как некая реальность, которая воплощает понятие как находящееся в единстве с самой своей объективностью в этом его объективном наличном бытии и которая, лишь взятая таким образом, признается явлением понятия» [18].

Кант отделил эстетическое как чувственное от логического, и иначе поступить нельзя, если под логическим понимать только абстрактно-рассудочную всеобщность. Как пишет Гегель, «рассудку и невозможно постигнуть красоту» [19], потому что рассудок способен только разделить понятие и чувственность. Выдвинутое Гегелем положение об идее как цельности, тотальности дает возможность органически связать логическое с эстетическим освоением человеком действительности. Кант тоже выдвинул положение об идеях разума и эстетических идеях. Однако кантовская идея разума как понятие, для которого никакое совершение не может быть адекватным, лишена объективного содержания. То же относится и к эстетической идее, под которой подразумевается представление

---

[17] Там же, стр. 114.
[18] Там же, стр. 115.
[19] Там же.

Библиотека "Руниверс"

воображения, не имеющего вполне адекватного понятия. Об этом представлении можно много думать, но никакой язык не в состоянии сделать его понятным.

Эстетическая идея у Гегеля не лишена объективного содержания, выступает особой формой существования идеи разума, «она представляет собою целостность определений и прекрасна лишь как непосредственная единая с соразмерной ей объективностью»[20]. Гегель не отождествляет прекрасное ни с логической идеей, которая развивается у него в чистой стихии мышления, ни с природной идеей (вещами действительности) — она принадлежит области духовного. «Царство изящного искусства есть царство *абсолютного духа*»[21].

В этом кроется не только идеализм, но и верная мысль, если ее истолковать материалистически. Прекрасное не просто понятие и не природная вещь, а своеобразный синтез их, возникший в процессе художественной деятельности человека, когда посредством чувственно-практического воздействия на предмет природы на основе имеющихся идей создаются новые формы, отвечающие общественным (включая и эстетические) потребностям человека. Как отмечал К. Маркс, человек в процессе практики и переработки неорганической природы самоутверждает себя в мире, формирует материю, в том числе и по законам красоты. Эти законы носят объективный характер.

Таким образом, в немецкой эстетике второй половины XVIII — первой половины XIX в. в решении проблемы взаимоотношения эстетического и гносеологического выявились две противоположные тенденции. Одна, выразителем которой явился Кант, положила начало отрыву эстетического от познавательного и практического, субъективистскому, формалистическому пониманию сущности искусства как «целесообразности без цели». Эта эстетическая концепция нашла широкое распространение в XIX и XX вв. в тех кругах, которые теоретически ратовали за чистое искусство, за искусство для искусства, а практически оправдывали ликвидацию искусства, потерю им своей сущности. Логико-гносеологической основой этой концепции послужил абстрактно-рассудочный ме-

[20] Там же, стр. 110.
[21] Там же, стр. 98

Библиотека "Руниверс"

тод анализа природы эстетического. Другое направление было обосновано Гегелем и развивалось дальше революционно-демократической эстетикой XIX столетия (в частности, русской), и особенно марксизмом. Оно видело в искусстве форму освоения объекта и средство воздействия на людей, вскрыло источник объективности содержания эстетических идей, показало органическую связь их истинности с красотой. Разработка этих проблем потребовала коренного пересмотра и преодоления идеализма Гегеля. Опыт показывает, что прогресс в эстетике, разрешение возникающих в ней трудностей и впредь будут связаны с разработкой эстетики в ее связи с теорией познания и логикой. Изоляция эстетики от материалистической гносеологии и диалектической логики, попытка решить ее проблемы на каких-то иных, иррациональных основах или путем применения формально-абстрактного метода пагубны для эстетической науки, а значит, отразятся и на результатах художественного творчества.

Искусство, как и наука, основывается на разумном отношении человека к действительности, и художественная и научная деятельность протекают по законам материалистической диалектики. Сейчас довольно распространенным является противопоставление художественного, якобы основывающегося на иррациональности, мистичности, научному, техническому, протекающему по строгим законам логики. А поскольку наука и техника все более проникают в жизнь современного человека, то в связи с этим предсказывается гибель и вырождение искусства, которое ассоциируется с несовершенными формами интеллектуальной деятельности. Не случайно австрийский философ Эрнст Фишер начал свой доклад на V Международном гегелевском конгрессе «Будущее искусства» с вопроса: «Зачем искусство в наш научно-технический век? Зачем магическое движение, странное шествие масок из дальних миров? Зачем книжка с картинками, ребяческий лепет искусства, если наука — это форма выражения взрослого человека» [22].

Представление об искусстве как низшей форме интеллектуальной деятельности возникает в связи с тради-

[22] *E. Fischer*. Die Zukunft der Kunst. — «Weg und Ziel», 1964, N 10, S. 604.

Библиотека "Руниверс"

ционным пониманием искусства как чего-то только чувственно-доступного, картинного, а не рационального, т. е. на основе изоляции эстетического от логического. В действительности же искусство и наука не находятся на разных ступенях развития интеллекта, как низшее и высшее; это две различные формы разумного отношения человека к действительности, базирующегося на законах и категориях логического мышления.

Обычно специфику искусства, его отличие от науки видят только в способах и средствах воспроизведения действительности: в науке — в понятиях, а в искусстве — в образах. Так, например, трактовал особенности эстетического освоения действительности В. Г. Белинский, когда он писал: «Философ говорит силлогизмами, поэт — образами и картинами, а говорят оба они одно и то же. Политикоэконом, вооружась статистическими числами, *доказывает,* действуя на ум своих читателей или слушателей, что положение такого-то класса в обществе много улучшилось или много ухудшилось вследствие таких-то и таких-то причин. Поэт, вооружась живым и ярким изображением действительности, *показывает* в верной картине, действуя на фантазию своих читателей, что положение такого-то класса в обществе действительно много улучшилось или ухудшилось от таких-то и таких-то причин. Один *доказывает*, другой *показывает*, и оба *убеждают,* только один логическими доводами, другой — картинами» [23].

Это положение В. Г. Белинского иногда без всяких комментариев приводится в учебниках по историческому материализму в качестве верного решения проблемы выявления особенностей искусства в его отношении к науке и философии. Но если признать за ним полную истину, тогда надо согласиться, что искусство является более низкой формой постижения действительности, где истины логически не доказываются, а картинно изображаются для интеллекта, неспособного к мышлению в форме понятий. Тогда естественно возникает вопрос: зачем нам то же самое воспроизводить в более примитивной форме, зачем нужно, выражаясь словами Гегеля, тусклое, несовершенное познание мира, если мы уже об-

---

[23] *В. Г. Белинский.* Избр. философ. соч., т. II. М., 1948, стр. 453

Библиотека "Руниверс"

ладаем истиной, строго логически доказанной и богатой содержанием?

Видимо, различие между искусством и наукой лежит не в том, что одно выражается в рациональной форме, а другое — в чувственной, одно действует на разум, а другое — на воображение, одно подчиняется законам логики, а другое не связано с ними. Различие в средствах и формах воспроизведения действительности в искусстве и науке само носит производный характер, оно вытекает из другого, более глубокого источника — из взаимоотношения субъекта и объекта в научном познании и в художественном творчестве. Поэтому проблема субъекта и объекта, составляющая сердцевину гносеологии, является исходной для эстетики.

Некоторые эстетики и деятели искусства за рубежом выводят художественное творчество исключительно из субъекта, его деятельности и потребностей. Конечно, субъект в художественном творчестве, как и в научном познании, выступает активным началом, с него все начинается, но сам по себе и сам из себя без отношения к другому — к объекту он ничего создать не может. Поэтому исходным в искусстве и науке является не субъект и не объект, а их взаимодействие. Одинаково односторонними являются концепции прекрасного как так называемых природников, так и общественников. Прекрасное не присуще ни природе, как таковой, взятой вне человека, ни обществу вне отношения его к природе, оно возникает во взаимодействии субъекта — общества и природы.

Результаты художественной деятельности человека, как и познания, являются единством чувственного и рационального. Ни одна чувственность, ни одно рациональное не составляют художественного образа, имеющего эстетическое значение. Противопоставление искусства науке как чувственного рациональному лишено смысла.

Иногда различие между художественным образом и научным познанием видят в том, что первый отражает объект в целом, а второе постигает только отдельные свойства, стороны его. Такое различие искусства и науки покоится на представлении, что научное познание предмета, восходя от чувственно-конкретного, завершается образованием отдельных абстракций. Но так понимали процесс познания только эмпирики; материалистическая диалектика в полном согласии с фактическими данными

Библиотека "Руниверс"

науки показывает, что в теоретической системе дается знание об объекте как целом, в ней совершается восхождение от фиксации абстрактных всеобщностей предмета к охвату его в целом.

Конкретное научное познание превосходит конкретное в искусстве в том смысле, что художественный образ остается до некоторой степени чувственно-конкретным. Чтобы сравнивать искусство и науку в отношении целостности и полноты отражения действительности, надо брать не отдельную абстракцию и противопоставлять ее художественному образу, а научную теорию или систему их. Абстракция — это только средство достижения конкретного объективно-истинного знания в науке, а не законченный результат, которым она довольствуется в познании.

Определить различие между искусством и наукой путем нахождения особенностей познания в том и другом невозможно, поскольку в действительности не существует двух родов познания — художественного и научного, коренным образом отличающихся друг от друга. Познание едино, протекает по общим законам, которые вскрываются материалистической гносеологией. И эстетика, изучающая художественное творчество, поскольку последнее включает в себя познание, должна быть прикладной гносеологией. Причем художественное творчество, как и научное, включает в себя все моменты, составляющие процесс познания. Поэтому категории, выработанные гносеологией, играют роль и в понимании процесса художественного творчества.

Вопрос состоит не в том, является ли искусство познанием или нет. Несомненно, да. Но составляет ли познание специфику искусства и в особенностях ли познания необходимо искать сущность искусства?

Противопоставление искусства познанию лишено смысла, искусство является отражением явлений действительности. В утверждении этого тезиса большая заслуга материалистической эстетики, в частности русской эстетики XIX столетия. Марксизм делает этот тезис исходным в понимании искусства, однако он на нем не может остановиться, поскольку познание составляет некоторый базис искусства, но не исчерпывает всей его сущности, и оно не определяет особенности искусства как формы общественного сознания. Наука также является

Библиотека "Руниверс"

познанием мира, причем дает объективную конкретную истину со строгими доказательствами

Как форма познания, искусство ничем не ограничено, ему доступно все в природе и обществе. Художник может как сам познавать явления действительности и открывать новое и в этом смысле выполнять функцию научного исследования (например, Л Н. Толстой в «Войне и мире» изобразил ход войны точнее, чем историки того времени), так и использовать готовые результаты познания, ранее достигнутые наукой и искусством. Но художественное творчество как познание ничем существенно не отличается от научного познания, в нем нет ничего такого, что в принципе невозможно в науке. Чувственная образность мышления не только допустима, но иногда и требуется ходом развития научного познания, где воображение так же необходимо, как и в искусстве. Если же за специфику искусства принять выражение результатов познания в чувственно-картинной форме, тогда действительно, как мы уже ранее отмечали, искусство может выглядеть примитивной по сравнению с наукой формой познания. Чувственная наглядность, с одной стороны, необходима, а с другой — она сковывает способность человеческой мысли к проникновению в сущность бытия.

Особенность искусства заключается в его отношении к явлениям действительности, его роли в практическом взаимоотношении субъекта и объекта. Искусство не только познает мир, но и переживает его. Выражение переживаний человека в процессе его теоретической и практической деятельности является задачей художественного творчества, и в этом смысле оно занимает особое место в практическом взаимодействии субъекта и объекта, основной формой которого является труд, где аккумулируются творческие силы человека, его надежда, план, цель. Понять сущность и назначение искусства и художественной деятельности вообще — значит найти его место в труде, с которого начинается будущее человека, движение человечества в бесконечность. Даже самое совершенное общество не сможет стать всепоглощающим смыслом жизни, ни одна действительность не может прекратить стремление человека к будущему, а потому у человека всегда будет потребность в искусстве.

Несомненно, в будущее направлена вся практическая деятельность человека и основывающаяся на ней наука,

Библиотека "Руниверс"

но каждая из них по-своему работает на него, по-своему смотрит на предмет с точки зрения движения в будущее. Наука в интересах будущего постигает объективные закономерности, стремясь их выразить в форме как можно более независимой от человека системы абстракций. Искусство, основываясь на познании мира, переживает его, выражает это переживание мира человеком во имя стремления к бесконечному прогрессу. С этой целью искусство использует все возможные средства, лишь бы они служили этой задаче. Выражая результаты теоретического познания, наука стремится исключить из его содержания человека, представить их объективными, независимыми от человека и человечества, в этом суть объективной истины. Переживание мира, которое дано в искусстве, без самовыражения человека невозможно, человеческое не исключается из содержания искусства, а составляет его фокус. Именно искусству принадлежит особая роль в стремлении человека к идеалу жизни. Поэтому искусство надо связывать не только с определенной формой (образной) познания мира, но и с особым отношением человека к миру, с его переживаниями во имя осуществления идеалов.

В связи с этим и возникает вопрос о критерии искусства вообще, об отличии искусства от неискусства. Это особенно важно сейчас, когда в буржуазном обществе возникают такие направления, по отношению к которым по существу бессмысленно употребление понятия искусства.

Некоторые произведения абстракционистов необходимо критиковать, но не за то, что они порывают с «картинкой», которая бы ясно отвечала на вопрос, кто или что на ней изображено. В поп-арте сразу видно, что выставлено: старый матрац или худое ведро. В нем даже и не возникает проблемы сходства картины с объектом, они сливаются, предмет становится картиной. Однако и то и другое одинаково далеко от подлинного искусства, ибо лишено главного для характеристики искусства — переживания мира с целью стремления к будущему, к новым человеческим отношениям. Ни в том ни в другом не виден человек и человечество, их отношение к миру с целью его практического переустройства, не выражен мир, который не удовлетворяет человека, и мир, к которому он стремится.

Библиотека "Руниверс"

Ошибочно оценивать произведения искусства только со стороны похожести их содержания на оригинал (человека, природу) и делать эту похожесть идеалом искусства; даже фотография не все схватывает в предмете. Но имеет ли большое значение для эмблемы мира, в какой степени изображенный на ней голубь похож на действительного голубя? Как произведение искусства, какими способами, реальными образами или другими средствами символического характера добивается своей цели — выражения отношения человека к миру — это каждый раз, в каждом виде искусства, направлении решается по-разному, в зависимости от уровня развития человеческого общества и других обстоятельств. Важно, чтобы эти средства были общезначимы для человеческого общества, имели эстетическое содержание, эмоционально воздействовали на человека и доводили до его сознания идею произведения искусства, призывающую человечество к усовершенствованию своих отношений. Именно за отсутствие этого надо критиковать многие картины абстракционистов, а отнюдь не за то, что они отошли от образов, внешне очень похожих на изображаемый предмет.

Нет никакого сомнения, что искусство по мере своего развития будет приобретать все новые формы и средства выражения своего содержания. Нельзя критиковать новые, возникающие направления в искусстве только за то, что в них идея реализуется необычными средствами, которые ранее не применялись в искусстве. Надо поставить первый и главный вопрос: искусство ли это, соответствует ли оно цели и назначению искусства в обществе? А средства — дело второстепенное, они могут быть самыми различными, и следует смириться с тем, что новые формы и средства всегда необычны и первоначально могут смущать людей.

Чтобы понять специфику искусства, его роль в познании и практическом преобразовании действительности, рассмотрим следующий пример. В тайны океана и в космос, на другие планеты человеческая мысль проникла задолго до того, как были на основе научных расчетов построены подводные лодки и космические корабли. Искусство туда проникло своими средствами (путем мечты и фантазии). Правда, в художественных произведениях, в частности в произведениях Жюля Верна, было много

Библиотека "Руниверс"

такого, что впоследствии нашло подтверждение в науке. Однако подобные произведения ценны для нас не этим, ибо никто не строил, например, подводной лодки, руководствуясь романом Жюля Верна, или, скажем, направляясь на Марс, не станет рассматривать в качестве компетентного источника произведения Г. Уэллса.

Задача художественных произведений состоит не в том, чтобы вооружить человека научными данными о морских пучинах и космических далях, а заставить его переживать по поводу их, приковать внимание к ним, направить его деятельность на теоретическое и практическое их постижение.

Выражая переживание мира, искусство направлено на самого человека. Его интересуют не космические дали, как таковые, а человек, взятый в отношении к ним, его чувства и переживания, формирование человеческой личности, познающей и преобразовывающей мир. Искусство как бы открывает возможное поле деятельности человека, направляет его мысль, чувство и дело на достижение новой действительности, делает способным человека совершать действия, необходимые для покорения природы и общества. Но не следует думать, что этому способствует только такой жанр искусства, как художественная фантастика; все подлинное искусство направлено на человека, на формирование личности, на побуждение ее к творческому труду. И если произведение искусства этого не делает, то оно не выполняет своего назначения в движении человека к новой действительности, а превращается в забаву, в игру, которая далеко не всегда безобидна.

Поскольку искусство связано с эмоциональным воздействием на человека, с побуждением его к деятельности, то оно должно обладать средством такого воздействия, каким является прекрасное. Без прекрасного, вызывающего у человека чувство удовольствия, наслаждения, искусство не может выполнить своей общественной функции; не идея, как таковая, и не чистая красота, а их органическое соединение создает художественный образ. История знает «идейные» произведения, лишенные художественности, и прекрасные художественные формы без общественно значимой идеи, содержание которой должен пережить человек. И те и другие не были истинными произведениями искусства, оставившими заметный след

Библиотека "Руниверс"

в его развитии и в воздействии на человека. Чистую идею можно получить в науке, а чистые прекрасные формы — в детских игрушках и в украшениях; искусство несводимо ни к науке, ни к украшательству, оно имеет свою цель и задачу в обществе

Сама по себе прекрасная форма не несет содержания, она выполняет определенную знаковую функцию, передающую идею, за ней может скрываться как передовая, так и реакционная идея. Эмоционально воздействует и искусство, расслабляющее человека в борьбе против сил природы и эксплуататорских общественных отношений, сеющее уныние, сдерживающее его решимость в действии, направленном на искоренение зла, подрывающее его веру в науку, прогресс и свои собственные силы. В этом и заключается опасность талантливых, высокохудожественных произведений, не связанных с выражением передовой идеи времени.

Красота приобретает социальное значение в общении людей; *нет абсолютно прекрасных, данных от природы* форм, они вырабатываются в процессе взаимодействия человека с природой. И роль прекрасного заключается в том, чтобы наиболее полно передать идею и побудить человека к переживанию и к определенному действию, изменяющему действительность. Искусство должно влечь его к деятельности, направленной на изменение и усовершенствование своего бытия, создание новой социальной действительности, неясной ему самому еще во всех деталях и основных закономерностях, которые будут раскрыты научным познанием. Искусство произносит приговор одной действительности и призывает к теоретической и практической деятельности по созданию новой, готовит человека, способного реализовать передовые научные идеи эпохи в жизнь.

Из этой сущности искусства и его общественной функции вытекают особенности отношения художественного образа к отображаемому объекту.

Для выражения отношения познания к объективной реальности гносеология выработала понятие истины. Возникает вопрос: работает ли это понятие в оценке результатов художественного творчества? На него нельзя ответить однозначно. Несомненно, понятие истины применимо к искусству, поскольку искусство в присущих ему формах также познание мира и без него невозмож-

Библиотека "Руниверс"

но. И раз эстетика является прикладной гносеологией, то она не может обойтись без категории истины. Однако художественное творчество является не только познанием, но и переживанием мира. Категория истины не выражает переживания. Наоборот, в ее содержании наука стремится удалить все исходящее от субъекта (его чувств, эмоций, желаний) и выявить объективную природу предмета, каким он существует вне и независимо от человека и человечества.

Поэтому художественный образ не истинен, так как он содержит элементы, не удовлетворяющие критериям, которые мы предъявляем к истинному познанию; фантазия в искусстве не сообразуется с логической вероятностью, она выходит за устанавливаемые ею пределы; искусство вполне допускает говорящих золотых рыбок, способных превращать жалкие избушки в роскошные дворцы. Но художественный образ идет значительно дальше того, что дает объективно-истинное познание. Произведение искусства может быть подвергнуто не только гносеологической, но и эстетической оценке, оно не только отражает объект, но и выражает богатый внутренний мир субъекта. Здесь отражение объекта органически соединено с выражением субъекта. Это единство лучше всего характеризуется категорией художественной правды.

Истина и художественная правда не являются антагонистами, больше того, истинность составляет момент художественной правды, без нее невозможна правдивость образа [24]. Художественная правда также проверяется через отношение к действительности, но только не всех деталей образа, а лежащей в его основе идеи, подчиняющей все остальные детали. «...Чтобы рассмотреть, — писал Н. Г. Чернышевский, — каковы художественные достоинства произведения, надобно как можно строже исследовать, истинна ли идея, лежащая в осно-

---

[24] «Безобразно в искусстве, — писал О Роден, — все неискреннее, искусственное, все, что хочет казаться красивым и прекрасным, а не характерным, все мелкое, изысканное, все, что улыбается без причины, жеманится без нужды, хорохорится и важничает без основания, все, что бездушно и фальшиво, все, что только фасад красоты и грации, все, что лжет» (*О. Роден.* Мысли Родена об искусстве в передаче Гзелля — «Мастера искусства об искусстве», т. III. М., 1934, стр. 606)

Библиотека "Руниверс"

вании произведения. Если идея фальшива, о художественности не может быть и речи...»[25]

А. Айер, исключающий истину вообще из оценки художественного произведения, пишет, что «произведение искусства не обязательно будет наихудшим от того, что все входящие в него предложения буквально ложны»[26]. Однако он при этом не учитывает, что для художественного произведения важна истинность не отдельных входящих в него предложений, а той идеи, которую выражают они в своей совокупности, т. е. буквально не то, что в каждом из них утверждается, а то, для чего они вообще здесь существуют. Истинность идеи и правдоподобие изображаемых характеров людей — вот что составляет художественную правду[27].

Ни истина научной теории, ни правда художественного образа не могут существовать без объективности содержания. Но как можно говорить об объективности того, что в сущности является субъективным — страсть, чувство, желание человека? Объективность поведения человека, его чувств, стремлений, воли определяется через результаты той практической деятельности, к которой они его побуждают. В них объективируются не только теоретические идеи, но и эмоции, чувства, желания и т. п. человека. Поэтому и для художественной правды критерием выступает практическая деятельность человека.

Особенности художественной правды в ее отличии от истины науки определяют мерки, с которыми надо подходить к оценке фантазии в искусстве. В искусстве воображение может простираться очень далеко, оно не скована вероятностью, может придумывать то, чего в действительности нет и не будет, при этом заранее предполагать нереальность создаваемых фантазией образов. Однако одна граница для фантазии есть и в искусстве: воображение должно вести к созданию правдивого, жизненного, художественного образа, выражающего чувст-

---

[25] *Н. Г. Чернышевский.* Полн. собр. соч., т. III. М., 1947, стр. 663

[26] *A. Ayer.* Language, Truth and Logic. New York, 1948, p. 45.

[27] «Истина страстей, — писал А. С. Пушкин, — правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах — вот чего требует наш ум от драматического писателя» (*А. С. Пушкин.* Искусство и действительность. Правдивость изображения. Работа над образом. — «Русские писатели о литературе», т. I. Л., 1939, стр. 130).

Библиотека "Руниверс"

ва, переживания человека, побуждающие его к активной и плодотворной деятельности в движении к новой действительности.

Художественное творчество нельзя противопоставлять познанию, поскольку оно также является им, однако в определенных узких относительных пределах оно противопоставимо научному творчеству, т. е. исследованию.

Научное и художественное творчество едины, они составляют моменты познания человеком явлений действительности, в их логике развития много общего. Произведение искусства возникает как решение проблемы, поставленной обществом перед художником; создание художественного образа также является процессом, начинающимся с собирания материала, установления фактов, многие из которых основаны на личных наблюдениях. «...Весь накопленный материал, — пишет А. Фадеев о процессе художественной работы, — в определенный момент вступает в какое-то химическое соединение с теми основными мыслями, идеями, которые выносил ранее в своем сознании художник, как всякий думающий, живой, борющийся, любящий, радующийся и страдающий человек. Лишь через некоторый период времени разрозненные образы действительности начинают складываться в некое целое, хотя далеко еще не законченное»[28].

В это время, по мнению А. Фадеева, художник приступает к интенсивной работе по отбору и организации накопленного материала (фактов, личных впечатлений) «в том направлении, чтобы возможно полнее и ярче выразить, передать все более кристаллизующуюся в сознании *главную идею* произведения»[29]. Идея художественного образа рождается в процессе его создания.

Но художественное и научное творчество существенно отличаются друг от друга, и прежде всего своими результатами: одно создает правдоподобный художественный образ, а другое — научную теорию, истинность которой доказана. В результате научного творчества совершаются открытия новых закономерностей, на основе которых происходит перевооружение производства, изменение общественных отношений; хотя иногда художник

---

[28] *А. А. Фадеев.* Как я работал над романом «Разгром». — «Литература в школе», 1950, № 2, стр. 20

[29] Там же.

Библиотека "Руниверс"

и проделывает работу, типичную для научного исследования, его главная цель — создать образ, имеющий эстетическое содержание, побуждающий человека к творческому труду независимо от того, чем он занимается, — научной деятельностью, выращиванием зерна или космическими полетами.

Несмотря на различие научного и художественного творчества, они разными средствами в своем самом конечном результате служат одному и тому же — задачам практического преобразования вещей и процессов объективной реальности.

4. Познание и превращение вещей и явлений внешней природы в человеческий мир

В процессе практического взаимодействия человека с природой и развивающегося на его основе познания возникает следующее отношение: объект (1) — идея — объект (2). Идея здесь выполняет определенную роль в переходе от одной формы объекта к другой, более соответствующей нуждам человеческого общества.

Рассмотрим первое отношение: объект (1) — идея. Оно выражает развитие познавательного процесса, логически завершающегося созданием высшей его формы — идеи.

Отношение между объектом (1) и идеей носит сложный характер. В своем содержании идея совпадает с объектом, поскольку является объективной истиной. Но даже если она является самой полной и глубокой истиной, которая возможна на данном уровне развития человеческой цивилизации, то все же полностью по содержанию не совпадает с ним. Во-первых, потому, что объект не исчерпывается не только одной идеей, но и сколько угодно большой конечной их совокупностью, познание является процессом, а не одним только результатом, выраженным в идее. Во-вторых, и это особенно важно здесь подчеркнуть, в идее содержится нечто, чего в самом объекте в данное время, в данных условиях реально не существует. В познании — творческом отражении, тем более в такой его высшей форме, как идея, обязательно содержится момент создания нового. Поэтому объект (1) и идея не только едины, но и противополож-

Библиотека "Руниверс"

ны, причем и в форме существования и в содержании. И это противоречие между ними является результатом не только неспособности познания на данном уровне исчерпать объект, но и его способности выйти за пределы данной действительности, создать идеальный объект, который в настоящее время реально не существует.

Возникает противоречие между реальным и идеальным объектом, между тем, каким он сейчас существует, и тем, каким он должен быть для удовлетворения человеческих потребностей. Если бы идеальный объект был точной копией реально существующего, он был бы излишним. Человек пользовался бы предметами, уже созданными для него природой. Но тогда он не был бы и человеком и ему не нужно было бы познание. Напрягая свои способности, человек реализует идею и превращает идеальный объект в реальный.

Рассмотрим теперь отношение идеи к созданному в практике объекту: идея — объект (2). Созерцательным материализмом это отношение вообще не рассматривалось, поскольку познание изолировалось от практической реализации идей. Идеализм, в частности немецкий классический, извращенно толковал движение от идеи к объекту как создание объекта из чистой мысли, рассматривал объект как форму мышления, хотя и в этом искаженном виде мог вскрыть некоторые стороны этого процесса.

Конечно, без движения от объекта (1) к идее не может существовать и движение от идеи к объекту (2), но даже для того, чтобы глубоко понять, как мысль, исходя из объекта, приходит к теоретической идее, необходимо знание путей и форм практической реализации идей.

Если раньше, рассматривая отношение объект (1) — идея, мы говорили о совпадении и несовпадении идеи с объектом, то теперь речь может идти о совпадении и несовпадении объекта (2) с предшествующей ему идеей. Это совпадение и несовпадение объекта с идеей носит сложный, многообразный характер. Прежде всего, если идея объективно-истинная, то возникший на ее основе объект обязательно в той или иной мере совпадает с ней. Реализация ложных идей или вообще невозможна, или приводит к объекту, который в сущности ничего общего не имеет с ошибочной исходной идеей.

Библиотека "Руниверс"

Однако это совпадение относительное: созданный в практике объект одновременно и не соответствует идее. Оснований для несовпадения много. Во-первых, даже в самой зрелой и объективно-истинной идее содержится момент иллюзорности, который и должен быть отметен в процессе ее практической реализации. Далее, всякая научно-теоретическая идея содержит такие элементы, которые при данных условиях и средствах практически еще нереализуемы. У нас не только идей больше, чем мы способны их воплотить, но и в каждой отдельной идее всегда содержится нечто такое, что еще на данной ступени развития человечества недостижимо на практике. В этом смысле и можно говорить о неисчерпаемости идеи, о ее богатстве по сравнению с возникшим объектом.

Наконец, объект (2) не соответствует идее потому, что всегда содержит нечто, чего не было в идее. Человек, практически реализуя свои идеи, всегда сталкивается с новыми обстоятельствами, не предусмотренными его теорией. И это всегда было и будет, ибо объективная реальность богаче и разнообразнее любого знания о ней.

Это хочется особенно подчеркнуть в связи с тем, что некоторые философы, столкнувшись с фактом, что практически жизнь идет не совсем так, как она рисовалась в теории, в учении, начинают сомневаться в истинности самой теории. Однако при наличии самых истинных идей мы всегда сталкиваемся с тем, что жизнь идет не совсем так, как предусматривалось теорией. И это не только неизбежное, но и, можно сказать, прогрессивное явление, толкающее развитие науки и практики.

Таким образом, в новой ситуации возникает противоречие между идеальным и реальным объектами. Возникший в практике объект, с одной стороны, не исчерпывает всего содержания идеи, а с другой — идет значительно дальше ее, дает то, что не предусматривалось никакой теорией. Разрешение этого противоречия ведет к возникновению новых идей и на их основе новых объектов, с одной стороны, полнее реализующих предшествующее знание, а с другой — поражающих нас новыми неожиданными сторонами; так практически для человечества бесконечно осуществляется процесс познания и практической деятельности. Результатом их взаимодействия является возникновение нового мира вещей, созданного

Библиотека "Руниверс"

головой и рукой человека. Можно сказать, явления внешней природы превращаются в человеческий мир [30].

Создание на основе познанных объективных закономерностей мира вещей, необходимых для человека, и означает его реальную свободу. «...Пока мы не знаем закона природы, — пишет В. И. Ленин, — он, существуя и действуя помимо, вне нашего познания, делает нас рабами «слепой необходимости». Раз мы узнали этот закон, действующий (как тысячи раз повторял Маркс) *независимо* от нашей воли и от нашего сознания, — мы господа природы. Господство над природой, проявляющее себя в практике человечества, есть результат объективно-верного отражения в голове человека явлений и процессов природы...» [31]

Само по себе познание без практической реализации его результатов еще не создает свободы, но служит важной предпосылкой ее достижения. Свобода достигается практическим действием на основе познанной необходимости. «Свобода... — говорил Ф. Энгельс, — состоит в основанном на познании необходимостей природы [Naturnotwendigkeiten] господстве над нами самими и над внешней природой» [32]. Свободный человек, сообразуясь с познанной необходимостью, принимает решение со знанием дела. Произвольный выбор между многими противоречащими возможными решениями создает только кажущуюся свободу, а в действительности «доказывает свою несвободу, свою подчиненность тому предмету, который она как раз и должна была бы подчинить себе» [33].

Важнейшим положением марксистской гносеологии является утверждение об историческом характере свободы. Человек становится все более свободным по мере развития его познания и практики. Покорить стихийные силы природы — значит направить их действие на службу человечеству. Превращение явлений природы, кото-

---

[30] Как философское понятие «мир» сохраняет свое значение только относительно той совокупности вещей и процессов, которые связаны с человеком и творением его ума и рук. Таким образом, этот термин приобрел иное, чем прежде, содержание, а именно: «очеловеченная природа». И в этом смысле человек сам создает свой мир.

[31] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 198.

[32] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 116.

[33] Там же.

Библиотека "Руниверс"

рые выступают по отношению к человеку чуждыми и враждебными силами, в человеческий мир означает достижение реальной степени свободы. «...Каждый шаг вперед на пути культуры, — говорит Ф. Энгельс, — был шагом к свободе» [34].

Однако покорение стихийных сил природы и превращение их в человеческий мир заключает в самом себе и противоречие.

Создание на основе идей новых процессов, вещей, которые, как таковые, в природе не существуют, означает установление нашего господства над ней. Однако каждая новая вещь несет в себе нечто, что не предусматривалось идеей, поэтому здесь могут возникать различные непредвиденные последствия.

Господство человека над природой, наложение на нее печати нашей воли привело к тому, что изменились поверхность Земли, растительный и животный мир, сами люди. Не удовлетворившись Землей, человек обращает теперь свои взоры в бескрайние просторы Вселенной, прежде всего на другие планеты Солнечной системы. Но, как справедливо замечает Ф. Энгельс, не стоит «слишком обольщаться нашими победами над природой. За каждую такую победу она нам мстит. Каждая из этих побед имеет, правда, в первую очередь те последствия, на которые мы рассчитывали, но во вторую и третью очередь совсем другие, непредвиденные последствия, которые очень часто уничтожают значение первых. Людям, которые в Месопотамии, Греции, Малой Азии и в других местах выкорчевывали леса, чтобы получить таким путем пахотную землю, и не снилось, что они этим положили начало нынешнему запустению этих стран, лишив их, вместе с лесами, центров скопления и сохранения влаги» [35].

Конечно, это не единственный пример, свидетельствующий о том, что развитие человеческой цивилизации порождает новые противоречия, препятствия, с которыми снова надо бороться. Покоряя природу, создавая новые предметы, человек вызывает силы, которые могут быть для него не менее опасными, чем стихия природы.

Недаром многие мыслители нашего времени говорят о демонических силах современной науки и техники. Не-

---

[34] Там же.

[35] Там же, стр 495—496.

Библиотека "Руниверс"

ЧАСТЬ II

Библиотека “Руниверс”

Библиотека “Руниверс”

В мае 1966 г. во Львове состоялся советско-польский симпозиум, посвященный комплексному изучению науки, а в октябре этого же года в Москве — Международный симпозиум на тему «Диалектика и современное естествознание». Будучи активным участником этих симпозиумов, автор почувствовал необходимость более обстоятельно высказаться по вопросам о роли философии в развитии современного научного знания. Ему это представлялось целесообразным еще и потому, что в наше время большое значение имеет установление принципов, по которым возможно деловое сотрудничество философов с учеными в области естественных и гуманитарных наук.

В истории философии в свое время был широко распространен такой жанр литературы, как диалог. Диалоги писали Платон, Беркли, Лейбниц и многие другие философы. В этой форме есть что-то соответствующее духу философии. Может быть, борьба мнений как источник движения мышления в большей мере относится к философии, чем к другим областям знания. Современная философия меньше всего нуждается в оракулах, изрекающих истины в последней инстанции и дающих единственно верное окончательное знание. Философия — это прежде всего проблемы; она вечно юна и жива потому, что решение этих проблем не столько дает спокойное знание, которое можно «положить в карман», сколько ставит новые вопросы, побуждающие человеческое мышление к поискам. А как вести эти поиски, не беседуя со своими коллегами, а также специалистами в других областях науки?

И хотя работа «Логические основы науки» не следует литературной форме диалога, она по существу является таковым. Автор продолжает разговор со своими оппонентами, которые возражали ему как во Львове, так и

Библиотека "Руниверс"

в Москве. Однако, решая проблемы о логических основах науки, он вынужден вступить в полемику и с теми, кто не участвовал в дискуссиях на этих симпозиумах.

Хотелось бы повести специальный диалог с представителями естественных наук. Он необходим по многим причинам и предполагает четкое уяснение исходных позиций, на основе которых могут вестись плодотворные дискуссии. Не следует думать, что разговор может состояться, когда его стороны будут говорить одно и то же. В двух случаях люди могут сказать, что их диалог оказался ненужным: когда они говорят одно и то же и, собственно, нет проблемы, а значит, и необходимости ее обсуждения и когда они говорят на столь разных языках, что не находят точек соприкосновения. Поэтому философы и естественники, понимая друг друга, обогащаются в процессе диалога результатами исследований другой стороны. Я уже не говорю о том, что не получится диалога, если какая-либо сторона встанет в позу всезнающей непогрешимости, могущей легко решать сложные теоретические проблемы, возникающие в ходе развития философии и специальных областей знаний.

В настоящее время довольно остро обсуждается вопрос о месте, значении и роли философии в современном научном познании. Острота его вызвана некоторыми неудачами и ошибками при осуществлении важной и плодотворной идеи Ленина о союзе философов-марксистов с представителями других областей знания. Но эти неудачи не должны обескураживать, нужно спокойно выяснить, на какой основе они возникли и каким путем надо двигаться не только для того, чтобы преодолеть их, но и для того, чтобы исключить самую возможность их появления в иной форме и в иное время. Поэтому и приходится обращаться к старому и вечно возникающему вопросу о взаимоотношении философии и других областей знания, о способах воздействия философии на ход познания в условиях современного развития знания.

Могут спросить: а разве это не возвращение по существу к предмету и задачам философии, которые в принципе выяснены в трудах классиков марксизма-ленинизма? Это верно, положения классиков о сущности, предмете и содержании марксистской философии имеют

Библиотека "Руниверс"

неоценимое значение для решения возникающих в настоящее время проблем. Но их мысли — ориентир, а не освобождение нас от собственных размышлений, которые тем более необходимы, что в обществе и в науке за последнее время произошли большие изменения.

Определим позиции, с которых автор ведет диалог. Диалектико-материалистическое мировоззрение продуктивно работает в науке в виде выработанных им законов и категорий мышления, и в этом смысле оно выступает как логика. Это не означает, что в задачу философии не входит обнаружение закономерностей и свойств, присущих явлениям объективной реальности. Но понятия, в которых отражены эти свойства и закономерности, обязательно превращаются в метод и форму мышления. Категории материалистической диалектики служат методом современного научного мышления, который способен определить место и значение в движении знания всех других средств, выработанных как формальной логикой, так и специальными науками.

Развивая эту точку зрения, автор вынужден вести диалог и с позитивизмом, который стремится показать, что в процессе развития науки философия превращается в метод и теорию знания, однако последние он (позитивизм) сводит к аппарату формальной логики. Современные позитивисты сами приходят к выводу, что осуществить программу истребления философии, оперирующей категориями, содержание которых взято из объективного мира, им не удалось. Крах позитивистских концепций философии и науки порождает у некоторых стремление вернуться к старой доброй метафизике с ее натурфилософским подходом к развитию знания. Тяга к натурфилософии возникает из непонимания особенностей диалектики, категории которой, будучи объективными по своему содержанию, функционируют в науке в качестве логических форм мышления. Диалектическая логика представляет собой систему содержательных понятий, направляющих ход научно-теоретического мышления. Диалектика является логикой, но не в позитивистском смысле, а учением о самой объективной реальности, бытии и его формах, но не в духе старой метафизики с ее разделением на онтологию и гносеологию.

Прошел ли автор между Сциллой и Харибдой, содержателен ли его диалог с позитивистами и приверженца-

Библиотека "Руниверс"

ми обновленной натурфилософии, с так называемыми творческими гуманистами, а также с некоторыми представителями науковедения — об этом скажут критики, долго искать которых ему не придется. Хочется только сказать, что в грехах, которые будут обнаружены критиками, ни в коей мере не повинны товарищи, помогавшие автору своими советами при обсуждении книги и способствовавшие ее изданию. Они заслуживают только самой сердечной благодарности

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА I

САМОСОЗНАНИЕ НАУКИ

1. Существует ли наука о науке?

В современной литературе (и не только философской) оживленно обсуждается вопрос о предмете науковедения. Мысль о том, что человек должен понять законы развития науки и ее место в общественной жизни, научиться управлять развитием самих знаний, не нова в философии. Но только в последнее время она приобрела особое значение и остроту. Это объясняется возрастанием роли науки в жизни общества, в практическом переустройстве мира.

Наука стала силой, которая в современном мире вызывает противоречивые чувства — надежду и страх. Она превращается в непосредственную производительную силу, без которой нельзя решить ни одной задачи в области социальной, экономической или культурной жизни людей. Поэтому человечество ожидает от ученых новых открытий, разрешающих проблему обеспечения всех людей необходимыми материальными и духовными благами.

Однако в силу противоречивости развития общества, в котором существует классовый антагонизм, результаты науки используются не только на благо человечества, но и во вред ему. Наука и возникающая на ее основе техника могут стать (и становятся) силой, вступающей во враждебное отношение к человеку. Сейчас часто можно услышать голоса о демонических силах науки, породив которые человек сам становится рабом технических результатов, возникших на их основе.

Все это и ставит социальную проблему управления наукой, овладения законами ее развития и построения системы разумного использования технических приложений научной мысли.

Библиотека "Руниверс"

Наука о науке, или науковедение, была провозглашена самостоятельной областью знаний, существующей отдельно от других наук и философии, только в самое последнее время. Науковеды в качестве определяющей вехи в становлении своей науки отмечают работу Дж. Бернала «Социальная функция науки», впервые опубликованную в 1939 г.

Как известно, науки возникают не путем деклараций, а в результате открытия фундаментальных закономерностей, на основе которых создается метод для изучения большой совокупности явлений, имеющих жизненно важное значение. Такая совокупность явлений несомненно существует, это — ставший в обществе профессионально самостоятельным род занятий большой группы людей, ведущий к обогащению человека знаниями о самых различных сторонах природы, общества и мышления. Однако перед науковедением иногда ставятся очень уж разнородные задачи, решение которых предполагает не один, а множество методов. Вот как формулируют предмет науковедения некоторые наши авторы: «Предметом изучения науковедения является общий строй науки, способ и формы ее функционирования, связь и зависимость темпов и направления ее развития от других общественных явлений и институтов, а целью — разработка теоретических основ организации, планирования и управления наукой, то есть системы мероприятий, опирающихся на объективную логику развития науки, обеспечивающих оптимальные темпы ее развития и повышение эффективности научных исследований» [1].

Авторы этого определения не скрывают того, что науковедение «складывается из изучения истории науки и техники, социологических проблем науки, логики и экономики науки, психологии научно-технического творчества» [2]. Они представляют науковедение в качестве комплексной науки, выросшей «из логического анализа развития науки. Его истоки в истории естествознания и техники, раскрывающей закономерности исторического процесса познания природы. В этом смысле оно неотде-

---

[1] *С. Р. Микулинский, Н. И. Родный.* Наука как предмет специального исследования *(К формированию «науки о науке» — науковедения).* — «Вопросы философии», 1966, № 5, стр. 28.

[2] Там же, стр. 29.

Библиотека "Руниверс"

лимо от истории науки, которая служит ему основанием, фундаментом. Отдельные аспекты развития науки давно изучались различными науками. Вероятно, это будет продолжаться и в будущем. Однако успешность продвижения вперед в изучении науки как целостной системы и особой формы деятельности будет зависеть от того, как скоро мы научимся анализировать процесс развития науки во всех его многообразных связях и опосредованиях. Для этого необходимо органическое слияние историко-научного, философского, экономического и психологического подходов» [3].

Возникает вопрос: что такое комплексная наука? Видимо, это совокупность знаний о некотором объекте, взятых из разных наук. Например, большое значение в нашей жизни имеет вода, разные науки изучают ее с разных сторон: химия определяет ее состав и строение молекулы, физика — свойства агрегатного состояния, биология — значение для жизнедеятельности организмов и т. п. Если соединить знания о воде, которые дают разные области науки, то при желании можно образовать науку, названную Д. Соммервиллом «водоведением».

Между «водоведением» и науковедением, как его понимают С. Р. Микулинский и Н. И. Родный, есть некоторое сходство, состоящее в том, что в одну систему соединяются знания, полученные разными способами и для различных целей.

Могут сказать, что нельзя сравнивать науку и воду; вода, конечно, необходима, но это не такой сложный объект, как наука. Не будем спорить о сложности и необходимости: они, как и все остальное, имеют исторически преходящий характер. Вода для жизни людей нужна не меньше, чем наука, но все-таки это явления разноплановые. Сравним такие два предмета, как человек и наука. Кажется, ни у кого не возникнет сомнения, что человек — объект весьма достойный для научного исследования и к тому же для исследования с самых разных сторон. История человеческого познания доказала это: сколько наук занимаются человеком! Существует цикл научных дисциплин, носящих название гуманитарных и сделавших своим объектом изучение отдельных сторон человеческой жизни. Естествознание также не стоит в стороне

[3] Там же, стр. 37.

Библиотека "Руниверс"

от изучения человека, все отрасли медицины посвящены ему. Почему же до сих пор никому в голову не приходило создать единую науку о человеке?

Ответить на этот вопрос, видимо, не составит большого труда. Наука как система никогда не включает в себя всех знаний о том или ином предмете, она строится по другому принципу. Знание о человеке, которое дает такая область медицины, как паразитология, можно только чисто механически соединить со знанием о человеке, которое дает эстетика. Наука — не простая совокупность всех знаний о том или ином объекте, а определенная система их, на основе которой возникает метод движения человеческого познания. Нет комплексных наук, а существует комплексное изучение методами и средствами различных наук какого-то сложного и важного объекта, в результате чего достигается его постижение во всех многообразных связях и опосредованиях. И если до сих пор так было относительно всех явлений, то никакого исключения не составляет и сама наука, которая уже давно служит объектом изучения различных наук.

Дж. Бернал и А. Л. Маккей в докладе «На путях к науке о науке», прочитанном на XI Международном конгрессе по истории науки в Варшаве 24 августа 1965 г., писали: «Наука о науке должна быть подлинной наукой, возможно, со своими специфическими особенностями. В ней должны быть представлены наблюдения, теоретические рассуждения и экспериментальные или операционные исследования». Здесь со всем можно согласиться. Действительно, любая наука должна быть подлинной, иметь свои специфические особенности, включать в себя наблюдения, эксперименты и теоретические рассуждения. Сомнительным является только одно — что какая-то одна наука своими методами способна охватить такое сложное явление, как процесс научной деятельности в обществе.

Уже сейчас исторически сложились два подхода к изучению науки, методы которых различны: социологический и логический.

Социология научного знания, по признанию самих специалистов, довольно молодая отрасль социологии. По их мнению, ее предмет охватывает совокупность проблем о взаимоотношении науки и общества: влияние общественного развития на научное познание и, наоборот,

Библиотека "Руниверс"

влияние науки и научных исследований на различные стороны общественной жизни, в том числе на классовую структуру общества, экономику, политику, образование, мировоззрение и т. п.

По мнению Берхарда Барбера, одного из зачинателей исследований знания методами эмпирической социологии, «социология науки не является сейчас достаточно разработанной областью» [4]. Причину этого он видит в том, что «слишком мало людей занимается одновременно естественной наукой и социологией» [5]. Но «сегодня, — пишет другой американский социолог, Норман Каплан, — эти вопросы приобретают такое значение, что многие ученые не стали дожидаться, пока сами социологи обратят свой взор на социологию науки» [6]. В настоящее время к вопросам общественной функции и роли науки, ее социальной системе обращаются как крупнейшие ученые в различных областях знания, так и специалисты-социологи. Первые, будучи мало осведомленными в том, что уже сделано социологами и какие задачи ставит социология науки, но, чувствуя потребность в изучении взаимосвязи науки и общества, науки как социальной системы, выдвинули идею разработки науки о науке, имея в виду прежде всего социальный аспект научных исследований.

Нет сомнения, что марксисты не должны игнорировать социальные исследования, объектом которых является наука, тем более что сами буржуазные социологи признают, что, подобно другим областям «современной социальной науки, в социологии науки Карл Маркс был одним из основоположников» [7]. И нам надо продолжать дело, начатое К. Марксом. Однако, как замечает Б. Барбер, социология науки представляет собой «проблему скорее людей, чем теории» [8], т. е. знания в собственном смысле этого слова.

Близко к проблемам социологии науки стоит то направление в науковедении, которое ставит своей задачей

---

[4] «Социология сегодня. Проблемы и перспективы. Американская буржуазная социология середины XX века». М., 1965, стр. 249.

[5] Там же.

[6] «Handbook of Modern Sociology». Chicago, 1960, p. 853.

[7] «Социология сегодня. Проблемы и перспективы. Американская буржуазная социология середины XX века», стр. 237.

[8] Там же, стр. 251.

Библиотека "Руниверс"

«изучение опыта научного развития с целью приобретения таких знаний о мире наук, чтобы, используя их, можно было конструктивно содействовать оптимизации научного процесса в целом при помощи средств общественного и организационного воздействия»[9]. На этом пути можно решить много задач, связанных с организацией труда людей науки, функционированием конкретных научных систем во взаимодействии как друг с другом, так и с техникой и технологией производства, с прогнозированием путей науки, определением эффективности научной деятельности и т. п. При этом разрабатывается формальный математический аппарат, необходимый для выражения изучаемых процессов.

Не может быть никаких сомнений в том, что это очень важное направление в изучении науки, развитие которого с самого начала направлено на помощь практике управления научной деятельностью. И как показывает опыт, в частности Г. М. Доброва, зафиксированный в его книге «Наука о науке», этот способ изучения уже дает плодотворные результаты. Но становление данного направления не пострадает, а, наоборот, только выиграет, если его сторонники освободятся от претензий считать его какой-то всеобъемлющей наукой о науке, подыщут более скромное название, соответствующее предмету исследований одной из сторон научной деятельности в обществе, и более строго определят свое отношение к другим сформировавшимся отраслям знания, занимающимся изучением науки. Будут и впредь возникать и развиваться новые направления и методы изучения науки, но ни одно из них не может претендовать на замену собой всех остальных направлений, на роль всеобщей науки о науке.

Нельзя забывать, что изучение науки возникло вместе с самой наукой. Анализ знания, его природа, строение, формы, методы движения и т. п. издавна привлекали внимание философии, они составили специфическую задачу таких ее разделов, как теория познания и логика. Некоторые социологи вопрос о природе науки включают в социологию науки, однако по существу они решают только одну сторону этой природы — социальную. Скорее

---

[9] *Г. М. Добров.* Наука о науке. Введение в общее наукознание. Киев, 1966, стр. 252—253.

Библиотека "Руниверс"

всего, как правильно отмечает Н. Каплан, им «необходимо иметь хотя бы рабочую концепцию природы науки», и они ее берут из философии, точнее, из теории познания и логики.

Если гносеология и логика исходят как из данного, что наука — это форма общественной деятельности человека, что она носит социальный характер, то социология науки, наоборот, из философии берет в готовом виде положения об особенностях науки как системы знания. Не подменяя друг друга, они имеют свой предмет и исследуют его созданными ими методами.

Отдельные науковеды несколько пренебрежительно оценивают результаты, достигнутые философией в изучении науки. Так, например, Д. Дж. Прайс пишет: «Как только появилась наука о науке, входящие в нее и прежде независимые компоненты начали менять свои функции и некоторые из своих прежних задач, которые оказываются теперь наивными и недостижимыми. История науки в свое время воссоздавалась учеными по принципу «чествую учителей и предшественников, чтобы и мне, когда придет время, воздали почести», что только отражало то сильнейшее эпонимическое стремление, которое так характерно для мотивации научной деятельности... Философы науки обращались к истории с надеждой учинить проверку фальшивому золоту «научного метода» и этим путем дать приемлемый рецепт объективной истины и открытия. Другие исследователи, каждый от своей дисциплины, пытались искать в истории метод изготовления Ньютонов и Ломоносовых или же пытались определить, сколько людей и денег должно правительству и промышленности вкладывать в научные исследования. И хотя ни в одной из этих задач нет ничего невозможного, все они лишь частные задачи чего-то большего, что требует изучения как целого, хотя индивиды могут брать в качестве предмета своей деятельности только части этого целого» [10].

Здесь, несомненно, преувеличение роли этой еще не существующей и вряд ли возможной единой науки о науке, рекламируя которую автор недооценивает того, что сделано в анализе научного знания философией.

---

[10] *Д. Прайс.* Наука о науке. — «Наука о науке». М., 1966, стр. 244.

Библиотека "Руниверс"

Прайс полагает, что дисциплины, «анализирующие науки, возникли фрагментарно», можно сказать, без смысла. Разработка философией проблем научного метода познания называется поисками химеры, обеспечивающей рецепт открытия объективной истины.

Достаточно проследить ход развития философской мысли (в особенности логической) от Аристотеля и до наших дней, чтобы убедиться, что в анализе научного знания, его форм, строения и методов движения достигнуты огромные успехи. Логика является сейчас самой развитой стороной наукоучения, дальнейшие успехи которого связаны не с поисками синтетической и комплексной науки о науке, механически соединяющей результаты, полученные разными методами, а прежде всего с разработкой существующих и с поисками новых способов анализа научного знания.

Логика и социология достигли наибольших успехов в анализе науки, однако не только они дают средства для ее изучения; определенную роль уже сейчас играют психология, экономика и т. п. На пути анализа развития науки сложившиеся области знания могут проверить свою методику, выявить ее ограниченность, поставить вопрос о необходимости новых методов исследования, выходящих за пределы традиционных представлений о возможностях данной науки. Например, большое место в изучении научного творчества принадлежит психологии, которая до сих пор мало занималась этой проблематикой. Большая часть созданных ею методов в изучении мышления связана с задачами педагогики, усвоения школьниками известного материала, выработки у них определенных навыков мышления. Конечно, между мышлением школьника и ученого существует нечто общее, укладывающееся в известные, прочно установившиеся гносеологические и психологические категории. Однако творческий процесс, который приводит ученого к новым, ранее неизвестным результатам, содержит нечто такое, что существенно отличает его мышление от мышления учащегося, усвоившего ранее добытые результаты познания.

Современная психология должна в максимальной степени приблизиться к задачам, связанным с изучением научного творчества, но для этого ей необходимо не превращаться в науку о науке, а направить существующие

Библиотека "Руниверс"

средства, дополненные новыми методами, на исследование этого процесса и тем самым помочь человечеству понять и овладеть ходом развития научного знания.

Если будет доказано, что психология, даже обогащенная новыми средствами, не способна проникнуть в творческий процесс с той стороны, которая ее касается, тогда, конечно, может возникнуть потребность в какой-то специфической части науковедения. Но пока этого никто не доказал и вряд ли докажет, ибо возможности психологии, как и других областей, анализирующих процесс достижения человеком нового знания, непрерывно будут расти вместе с развитием этих наук.

Поскольку наука находится в центре современной общественной жизни, то многие ученые начинают осознавать отдельные проблемы, связанные с развитием науки. Этика ставит вопрос о моральной ответственности ученого в современном мире; экономические науки выдвигают проблемы эффективности капиталовложений в науку, экономических последствий научно-технического прогресса и т. п. И само собой разумеется, что экономические вопросы, связанные с развитием науки, решает экономика, а моральные — этика, и было бы странным, если бы дело обстояло иначе. Так называемая наука о науке призвана быть всем — и социологией, и логикой, и экономикой, и этикой, и т. п. Недаром Прайс пишет, что «эту новую дисциплину можно было бы назвать историей, философией, социологией, психологией, экономикой, политикой, методологией и т. п. науки, техники, медицины и т. д.» [11]. Уже сам этот набор слов свидетельствует о том, что речь в данном случае идет не об одной науке, имеющей какой-то единый метод, а об исследовании проблем развития науки различными методами, как уже созданными, так и новыми, которые могут возникнуть.

Таким образом, науковедение — это не какая-то новая, ранее неизвестная наука, а совокупность знаний о науке, которую дают самые различные области знания. Среди них наряду с социологией большое место, в частности, принадлежит философии, таким ее разделам, как теория познания и логика.

---

[11] Там же, стр. 243—244.

Библиотека "Руниверс"

2. Понятие знания

Термин «знание» широко употребляется в литературе. Однако раскрытие его содержания принадлежит к разряду вечных проблем философии, которые решаются, но всегда обнаруживают новую сторону, требующую дальнейших усилий нашей мысли.

Раскрытие содержания понятия знания начнем с утверждения: «Я не знаю, что такое знание». Анализ этого предложения позволит нам выяснить особенности того явления, которое называется знанием.

Если я, будучи философом, не знаю, что такое знание, то это влечет за собой некоторые неприятные социальные последствия. Признано, что каждый человек должен что-то знать о той области, с которой связана его практическая деятельность. Сапожник должен знать, что такое сапоги и как их шьют, повар — как надо варить борщ, каменщик — как делается кладка при строительстве дома и т. п. В силу этого знания и умения каждый из них занимает определенное место в общественном разделении труда. Точно так же философ должен знать, что такое знание, и сделать это знание достоянием других людей. В этом — его общественная функция.

Таким образом, можно сформулировать первое определение знания, которое фиксирует его место в процессе общественной жизни людей. *Знание — необходимый элемент и предпосылка практической деятельности человека.* Труд человека предполагает знание, дальнейшее определение которого связано с установлением его места в этой трудовой деятельности.

Функция труда состоит в создании человеком мира вещей, которые удовлетворяли бы его человеческие потребности. Труд делает человека универсальным существом, способным посредством своей созидательной деятельности породить мир вещей, соответствующий его сущности. Труд — это практическое овладение явлениями, процессами природы, в результате которого создаются вещи, необходимые для существования человечества.

Утверждение «Я не знаю, что такое знание» означает отсутствие овладения предметом, в данном случае знанием. Однако в отличие от труда знание является только теоретическим, а не практическим овладением объектом.

Библиотека "Руниверс"

Знать, что такое сапоги и как их можно сшить, — это еще не значит иметь сапоги на ногах. Знание дает не сам предмет, а идею предмета и способ его практического получения. Теоретическое овладение предметом является предпосылкой получения его в практике. Здесь и приходят на память слова К. Маркса об отличии человеческого труда от трудоподобной деятельности животного: «Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю» [12].

Тот факт, что в акте трудовой деятельности идея создаваемых вещей существует до того, как эта вещь будет изготовлена практически, послужил гносеологической основой для возникновения идеалистических представлений о первичности мира знания по отношению к миру вещей и объективных процессов. Окружающую природу человек по аналогии со своей практикой стал рассматривать как результат творческого акта какого-то сверхмощного существа и его идей. Отдельный момент в трудовой деятельности человека — существование идеи некоторой вещи до ее практического создания — абсолютизируется, при этом забывается то обстоятельство, что труд в качестве своей предпосылки имеет не только идеи человека, но и чувственно-конкретные вещи, которые составляют его предмет и форму которых он меняет, осуществляя свою цель. В результате этой абсолютизации образуется превратное философское мировоззрение.

Итак, можно сформулировать второе определение знания. *Знание — это совокупность идей человека, в которых он выражает свое теоретическое овладение предметом.* Подобно тому как человек налаживает производство необходимых ему вещей, он стремится наладить и производство идей, выступающих в качестве определенной предпосылки практического создания мира вещей.

---

[12] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 189.

Библиотека "Руниверс"

Поэтому производство К. Маркс разделял на материальное и духовное: одно создает вещи, другое — идеи. Первоначально эти два вида производства не отделялись друг от друга, но в развитом обществе производство идей стало относительно самостоятельной сферой деятельности определенного круга людей, произошло отделение труда умственного от физического.

Знание как результат умственного труда образует свой мир идей, отдельный и противостоящий миру вещей. Утверждение «Я не знаю, что такое знание» содержит мысль, что неизвестно отношение мира идей к миру объективно существующих процессов, а знание о знании раскрывает это отношение.

Чтобы знание служило средством практического овладения процессами и вещами, оно должно определенным образом выражать их специфическое содержание, отражать свойства и закономерности объективной реальности и видеть вещи не только такими, каковы они в природе, но и такими, какими они могут быть в результате практической деятельности. Идеи — это мерки, по которым человек из существующих вещей создает новые. Поэтому в них отражены свойства и закономерности объективной реальности.

В настоящее время понимание знания как отражения подвергается нападкам не только со стороны буржуазных философов, но и авторов, которые стремятся остаться на позициях марксизма. Одни пытаются доказать, что марксистское понимание отражения не соответствует современным достижениям науки. Другие отвергают отражение как понятие метафизического материализма, несовместимое с марксистской философией, исходящей из признания активности субъекта в процессе практического и теоретического овладения объектом. Теория отражения получила у них наименование позитивистской и пресловутой, стала рассматриваться как основа догматизма и апологетики. Так, югославский философ Миладин Животич пишет: «Из гуманистической критической философии марксизм превратился в конформистскую доктрину. Все ценностные проекции здесь были объявлены неидейными мудрствованиями и отвергнуты во имя полезного знания, критическая точка зрения *диалектического* отрицания и преодоления существующего превратилась в требование укрепления данного порядка

Библиотека "Руниверс"

и устройства фактического мира, понимание действительности здесь было очищено от ценностных суждений, а отражение существующей структуры действительности поставлено на место теории разотчуждения»[13].

Подобного понимания теории отражения придерживаются и некоторые другие югославские философы. В 1960 г. в Югославии, в г. Бледе, на специальном симпозиуме предметом обсуждения были «Некоторые проблемы теории отражения». Значительная часть его участников высказалась против понимания знания как отражения объективной реальности, причем одни давали более осторожную критику теории отражения, другие отвергали ее с порога, наделяя нелестными эпитетами. К первым относится М. Маркович, который считает, что теория отражения не является типичной для марксистской философии, поскольку ее выдвинули материалисты до Маркса. Из этого он делает вывод, что «категория отражения не может быть основной ни в одной из фундаментальных гносеологических теорий».

Нам представляется, что не существует альтернативы, которую выдвинул М. Маркович: «Принять в качестве фундаментальной категории теории познания понятие отражения, а практику ввести в качестве критерия истины, или же исходить из практики и вывести из нее все другие категории, в том числе и понятие отражения». В действительности ни категория практики невыводима из отражения, ни отражение — из практики; марксизм не выводил одну из этих категорий из другой, а соединил их, рассматривая познание как практически целенаправленное отражение. Из признания основополагающей роли практики в познании отнюдь не следует отрицание его как отражения.

Некоторую основу для критики концепции отражения дали вульгаризаторские ее толкования, которые имели место у нас, особенно в популярных работах, но не только в них. Однако нельзя отвергать какое-либо теоретическое построение только на том основании, что его возможно превратно истолковать. Истории еще не известна такая теория, которая не подвергалась бы вульгаризации и искажениям. Противникам теории отражения сле-

---

[13] *М. Животич* Марксизм — позитивистская или негативистская философия. — «Гледишта», 1965, № 10, стр. 1362.

Библиотека "Руниверс"

довало бы показать, что сущность знания, все его связи и опосредования могут быть вскрыты без понятия отражения. Вот этого-то доказать им не удалось и, как нам думается, не удастся.

Критикам концепции отражения кажутся несовместимыми два положения о знании. Одно из них исходит из того, что смысл бытия человека заключается в свободной творческой деятельности, в практическом переустройстве мира, а знание с его идеями — только момент, подчиненный целям и задачам этой деятельности. Это утверждение является бесспорным для всякого, кто разделяет позиции марксизма. Другое положение фиксирует тот факт, что знание овладевает объективно существующей реальностью, имеет ее в качестве своего содержания, т. е. отражает свойства и закономерности явлений, процессов, существующих вне самого знания. На наш взгляд, это утверждение столь же обязательно для марксистской концепции знания, как и первое, они логически не противоречат, а, наоборот, дополняют друг друга.

В некоторых работах советских авторов 40—50-х годов подчеркивалось значение тезиса о знании как отражении объективной реальности и затушевывалась мысль о знании как моменте свободной творческой практической деятельности человека, а потому создавалось одностороннее представление о процессе познания. Но преодоление этих недостатков не должно идти путем погружения в другую, не менее одностороннюю концепцию, приводящую по существу к отрыву знания от объективной реальности. Знание должно быть включено в сферу практической деятельности человека, но, чтобы обеспечить успех этой деятельности, оно не может не быть связанным с существующей вне человека объективной реальностью, служащей объектом этой деятельности.

Ход развития философской мысли, пытающейся постигнуть тайны человеческого знания, привел к необходимости синтеза этих двух утверждений о нем. Заслуга марксистской теории знания состоит как раз в том, что в ней это соединение произошло. Для подтверждения этого рассмотрим постановку вопроса о знании в домарксистской гносеологии.

Природа человеческого знания, сущность идей оказались в центре внимания философии нового времени. Было выдвинуто несколько концепций знания. Философы

Библиотека "Руниверс"

исходили из того, что на одной стороне существует предмет природы, а на другой — познавательные способности человека в виде ощущений и мышления. Гносеологическая задача формулировалась так: как и в каких формах человеческое сознание постигает этот предмет?

Материалистический сенсуализм, в недрах которого и развивалось понятие отражения, полагал, что многообразные ощущения человека копируют свойства и форму предмета, например камня, причем это отражение мыслилось как до некоторой степени механический процесс воздействия предмета на человека, органы чувств которого, подобно воску, запечатлевают его форму. При этом роль мышления сводилась к простому суммированию данных, доставляемых ощущениями.

Другую точку зрения выражали рационалисты XVII в., которые полагали, что не ощущения, а мышление в силу своей особой прирожденной способности непосредственным, интуитивным путем постигает свойства и форму предмета во всей его всеобщности и необходимости.

Обе концепции знания исходили из теоретико-познавательного оптимизма; для них само собой разумеющимся было утверждение, что знание объективно в своем содержании. Однако это положение постулировалось, и вскоре философская мысль обнаружила зыбкость способов его обоснования как со стороны материалистического сенсуализма, так и со стороны рационализма, догматизм которых был разрушен гносеологией уже в XVIII в. И в этом большую роль сыграли труды Д. Юма и И. Канта, которые побуждали философов к поискам других решений коренных проблем теории знания.

Д. Юм показал, что сенсуализм, исходящий из представления об отражении ощущениями вещей и явлений объективной реальности, покоится на простом уверении в существовании этих вещей независимо от познавательной деятельности человека. Этому уверению он противопоставил свой скептицизм, позитивное значение которого состоит в утверждении, что отношение знания к вещам объективной реальности — сложный процесс и что человек является не пассивным, а активным началом познавательного акта. Конечно, у Юма все это связывается с сомнением в существовании самих вещей за пределами

Библиотека "Руниверс"

ощущений, с отрицанием объективного содержания знания.

Еще дальше и глубже в анализе знания пошел И. Кант. Часто его гносеология оценивается только по ее конечному выводу, что знание не постигает предметов действительности, что «вещи в себе» остаются такими, какими они существуют независимо от самой познавательной деятельности. Однако это не единственный вывод из его теоретико-познавательных рассуждений. А кроме того, Кант прав, поскольку имел в виду конкретно-исторические решения проблемы отношения знания к объективной реальности, имевшие место в его время. Он отвергал возможность постижения «вещи в себе» путем интеллектуальной интуиции, как это мыслили представители рационализма, позиции которых он разделял в докритический период. Этой интуицией, по его мнению, обладает бог, а человек начинает постигать вещи через опыт. Но после Юма он уже не мог смотреть на опыт как на механическое копирование, отражение вещей органами чувств. Английская философия в лице Локка и Юма показала, что опыт является результатом деятельности человека и мир знания отличается от мира вещей.

Ценность гносеологических идей Канта, и в частности его «Критики чистого разума», состоит в глубоком анализе мира знания. На такой анализ никто не отважился до него, и потому идеи Канта не потеряли своего значения до сих пор.

Ни органы чувств, ни мышление в его рассудочной и разумной формах не дают нам «вещи в себе» такой, какой она существует независимо от нас. Знание не просто постигает вне его существующую вещь, а на основе форм чувственности и категорий рассудка воссоздает ее в качестве своего предмета. «Без чувственности, — писал он, — ни один предмет не был бы нам дан, а без рассудка ни один нельзя было бы мыслить. Мысли без содержания пусты, созерцания без понятий слепы. Поэтому в одинаковой мере необходимо свои понятия делать чувственными (т. е. присоединять к ним в созерцании предмет), а свои созерцания постигать рассудком (verständlich zu machen) (т. е. подводить их под понятия). Эти две способности не могут выполнять функции друг друга. Рассудок ничего не может созерцать, а чувства ничего не

Библиотека "Руниверс"

могут мыслить. Только из соединения их может возникнуть знание» [14].

Поэтому Кант полагал, что самое главное в создании знания — это синтез, который, по его мнению, «есть первое, на что мы должны обратить внимание, если хотим судить о происхождении наших знаний» [15]. При этом источник этого синтеза — субъект, самодеятельность его души. «*Связь* (conjunctio), — пишет И. Кант, — многообразного вообще никогда не может быть воспринята нами через чувство и, следовательно, не может также содержаться в чистой форме чувственного созерцания, ведь она есть акт спонтанности способности представления... среди всех представлений *связь* есть единственное, которое не дается объектом, а может быть создано только самим субъектом, ибо оно есть акт его самодеятельности» [16].

Отсюда следует, что в гносеологии Канта надо строго различать понятия «вещь в себе» и «предмет». Первое существует вне человека, а второе создается его знанием на основе синтеза, в основе которого лежит субъективная деятельность воображения. Предмет не совпадает с «вещью в себе», знание не является отображением, копией ее В этом состоит агностицизм Канта, но отсюда и начинается поворотный пункт в решении гносеологических проблем. Знание — не просто механическое копирование вещи, а субъективная деятельность, в результате которой создается предмет или образ, схема возможной вещи.

Так что же такое знание — отражение вещи или продуктивная субъективная деятельность, создающая предмет? В содержательной книге Ю. Бородая «Воображение и теория познания» говорится, что «Кант достаточно «однозначно» ответил на этот замысловатый вопрос. «Однозначно» ровно настолько, насколько он оставался философом, понимающим природу чувственной субъективной деятельности. Хотел или не хотел того Кант, но его «чувственное понятие» оказывалось и «*отражением*, и субъективной *деятельностью*; а точнее — *деятельным, целесообразным, практически направленным отражением!* При этом собственно отражением по-

---

[14] *И. Кант.* Соч. в шести томах, т. 3. М., 1964, стр. 155.
[15] Там же, стр 173.
[16] Там же, стр 190.

Библиотека "Руниверс"

нятие является лишь настолько, насколько оно непрерывно «оправдывает» себя в процессе материальной практической деятельности» [17].

Нам представляется, что заслуга Канта не в однозначном ответе на этот вопрос. У Канта нет даже достаточно осознанной постановки его. Но из кантовского анализа знания следует и эта постановка вопроса, и поиски того однозначного ответа, к которому пришел марксизм.

Да, камень как «вещь в себе» существует независимо от человека. Но для человека важно не только получить знание о камне, но и выработать идеи тех вещей, которые он, человек, может изготовить для себя искусственно из камня. Например, идея топора играет существенную роль в его изготовлении. И когда топор становится чувственно-конкретной вещью, человек удостоверяется в истинности своих идей и знаний о камне. Чтобы сделать топор, идея его должна быть отражением свойств камня.

Таким образом, два утверждения о знании (как о субъективной творческой деятельности и как об отражении) не только согласуются между собой, но необходимо предполагают друг друга. Знание может быть только деятельным, практически направленным отражением объективной реальности. Субъективная деятельность без отражения приводит не к творчеству, не к созданию необходимых человеку вещей, а к произволу, не дающему практических результатов. М. Животич пишет, что метод материалистической диалектики — «это изучение действительности не только такой, какая она есть на самом деле, но и такой, какой она не является, а какой она могла бы быть с точки зрения внутренне присущих (имманентных) возможностей ее дальнейшего развития» [18].

Спрашивается, каким же образом можно знать внутренне присущие возможности развития явления, если ни в какой форме не отражать самого этого явления, где

---

[17] *Ю. Бородай* Воображение и теория познания (Критический очерк кантовского учения о продуктивной способности воображения). М., 1966, стр. 94.

[18] *М. Животич.* Марксизм — позитивистская или негативистская философия. — «Гледишта», 1965, № 10, стр 1363—1364.

Библиотека "Руниверс"

тогда свидетельство, что речь идет о возможностях развития этого, а не другого предмета? Отрицание того, что знание есть отражение, равносильно лишению его объективного, предметного содержания.

Таким образом, марксизм не отбрасывает понятие отражения, когда речь идет о знании, а наполняет его новым содержанием, устанавливает его органическую связь с субъективной, чувственно-практической деятельностью человека.

Знание как отражение — это не копирование вещи в каких-то материальных формах, не создание вещи-двойника, а форма человеческой деятельности, определяемая свойствами и закономерностями вещи, взятыми в их развитии. Как отмечает В. А. Лекторский, «марксистская философия не только подчеркивает то принципиальное обстоятельство, что знание есть не идеальный предмет, а отношение отражения. Она раскрывает далее природу этого отношения: процесс отражения субъектом объекта есть форма деятельности субъекта с объектом, а именно: такого рода деятельность, содержание которой определяется объектом в той мере, в какой объект познавательно осваивается субъектом» [19].

Таким образом, можно дать еще одно определение знания: *знание — форма деятельности субъекта, в которой целесообразно, практически-направленно отражены вещи, процессы объективной реальности.*

Утверждение «Я не знаю, что такое знание» таит в себе мысль о невозможности оперировать знанием как чем-то реально данным, развивать его, передавать другим людям и т. п. В самом деле, как можно им оперировать, если знание как форма деятельности человека идеально. Оно дает образ, форму вещи, которая существует только в деятельности человека, в формах его сознания и воли, «как форма» вещи, но вне этой вещи, а именно в человеке «как внутренний образ, как потребность, как побуждение и цель человеческой деятельности» [20]. Но оно существует и реально, практически, принимая определенную чувственно воспринимаемую форму знаков, языка, в котором эти внутренние формы,

---

[19] *В. А. Лекторский* Проблема субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии. М., 1965, стр. 90.

[20] Философская энциклопедия, т. 2 М., 1962, стр. 219—221.

Библиотека "Руниверс"

образы вещей связываются с предметами определенного вида (звуками, графическими изображениями и т. п.).

Если бы знание не было выражено с помощью языка, им нельзя было бы оперировать в обществе. Человек не может передать другому, например, план создания топора, который имеется у него в голове, — это возможно только тогда, когда план будет выражен в той или иной чувственно-воспринимаемой форме. Знания приобретают предметный характер, становясь языком.

Понятие языка в современной литературе приобрело очень широкое значение и далеко выходит за пределы того, что обычно понимают под языком, когда говорят о родном языке, противопоставляя его иностранным. «Возникло, — пишет М. В. Попович, — понятие языковой системы, имеющее очень мало общего с традиционным лингвистическим пониманием языка...»[21] Действительно, теперь уже никого не удивляет выражение Нильса Бора: «Математика — это больше, чем наука, это — язык науки». Но не только математика, а любая другая наука является языком.

Определением одной из существенных функций языка, охватывающим как обычные, или естественные, языки, оперирующие словами и предложениями, так и искусственные языки наук со специальной символикой, может быть следующее: язык — форма существования знания в виде системы знаков. Отсюда и само знание всегда выступает в виде какого-то языка. Утверждение *«Знание — языковая система»* также является его определением с одной его стороны.

Знание, будучи языковой системой, образует своеобразный мир, имеющий определенную структуру, которая по известным правилам включает в себя связь между образующими ее элементами. Эта система имеет свои законы построения и функционирования, она непрерывно обогащается новыми элементами, меняет свою структуру и т. п., причем законы функционирования этой системы относительно самостоятельны и не связаны непосредственно с вещами и процессами объективной реальности и их отображениями в голове человека.

Вырвав какой-нибудь элемент этой системы, бесплодно пытаться решить вопрос об изоморфизме его струк-

[21] «Проблемы мышления в современной науке». М, 1964, стр. 76.

Библиотека "Руниверс"

туры и структуры вещей и процессов. Он приобретает смысл только в системе; благодаря этому он занимает место в той форме человеческой деятельности, посредством которой целесообразно практически преобразуются вещи и процессы объективной реальности. Сравнение элемента языковой системы и его структуры с куском объективной реальности и решение, таким образом, вопроса о его соответствии, или, как еще говорят, истинности, невозможно. Взятая сама по себе, вне отношения к задачам чувственно-материальной практической деятельности, ни одна языковая система по существу не является знанием, а потому бессмысленно ставить вопрос о ее истинности или ложности.

Таким образом, в качестве обобщающего определения знания можно сформулировать следующее: *знание как необходимый элемент и предпосылка практического отношения человека к миру является процессом создания идей, целенаправленно, идеально отражающих объективную реальность в формах его деятельности и существующих в виде определенной языковой системы.* Различные стороны сложного явления, называемого знанием, не просто сосуществуют, а неизбежно предполагают друг друга, одно является развитием предшествующего. Превращение одной из этих сторон в абсолют всегда приводило к одностороннему, а значит, и неверному представлению о сущности знания и его месте в процессе общественной жизни человека. Только в целом, в органической связи его образующих элементов оно дает истину о знании.

3. Особенности современного научного знания

Знания человека первоначально существовали в виде эмпирического опыта, фиксирующего наблюдения над явлениями природы и общественной жизни. Этот опыт передавался от поколения к поколению и обогащался по мере развития самого общества.

Но наступил период, когда потребовалась систематизация имеющихся знаний и осмысление их. Философия возникла именно как любовь к мудрости, как любознание. В своем первоначальном виде она стремилась охватить всю сферу существовавшего знания вне зависимости

Библиотека "Руниверс"

от его характера, стремилась осознать само знание и дать метод его приобретения. Поэтому философия явилась первой формой науки и науки о науке, но и в первом и во втором случае была еще весьма несовершенна.

Прежде всего входившие в нее знания были очень далеки от глубокого и всестороннего отражения природы вещей, не отличались точностью и достоверностью, касались довольно ограниченного круга явлений; наряду с установленными знаниями она содержала и вымыслы, не имеющие практического применения.

Столь же далекой от совершенства была и их систематизация. Если подойти с точки зрения современного понимания теоретической системы, элементами которой являются определенным способом связанные абстракции, когда известны правила перехода от одной к другой, а сами абстракции и их связь отнесены к определенной предметной области, то античную философию с большой натяжкой можно отнести к теоретической системе. Имеющееся в ней знание, конечно, содержало абстракции определенного уровня, но они не были строго связаны между собой по известным правилам; тут можно говорить только о зачатках такой системы. Конечно, построить систему, охватывающую все знания, сложно даже в наше время, еще труднее связать в стройную систему нечто, в чем очень мало действительного знания и в чем отсутствует развитый логический аппарат. В ходе развития познания такие системы неизбежно распадались на отдельные части. Когда выделялась некоторая, представляющая интерес для человека, предметная область, то постижение ее общих закономерностей становилось условием получения новых результатов и систематизации накопленного знания. В результате этого происходило обособление некоторой совокупности знания от философии и превращение ее в самостоятельную область, развивающуюся по своим внутренним законам.

В настоящее время вместо одной науки мы имеем дело с очень разветвленной сетью отдельных наук; существенной частью их становятся теоретические системы, в которых абстракции связаны по более или менее строгим правилам. Количество этих систем непрерывно растет; когда открывается новая предметная область, входящая в сферу практической и теоретической деятельно-

Библиотека "Руниверс"

сти человека, возникает вопрос, не является ли эта теоретическая система знания самостоятельной наукой.

Первым отличительным признаком науки может быть указание, что она «является знанием, основанным на фактах и организованным таким образом, чтобы объяснять факты и решать проблемы». Но Дж. Соммервилл справедливо заметил, что под это определение науки подходят и такие сконструированные «научные» дисциплины, как «водоведение», «зонтиковедение» и даже «чемоданология». В качестве критерия науки Соммервилл выдвигает требование, чтобы знание было такой совокупностью, которая значительно усиливает способность объяснять, предвидеть и контролировать. «Вопрос, — пишет он, — можно ли определенную совокупность знания назвать наукой, есть вопрос *степени*. Это значит: чем больше это знание объясняет такого, что не могло быть объяснено прежде, чем *больше* оно предсказывает из того, что не могло быть предсказано прежде, тем *более* оно научно» [22].

Из сказанного видно, что и критерий Дж. Соммервилла тоже весьма неопределенен. А если «водоведение» будет способно больше предсказывать, чем сейчас, то оно уже станет наукой?

А. И. Ракитов формулирует несколько требований, которым должна удовлетворять наука:

«1. Наука есть знание, зафиксированное в определенной системе знаков, построенной на основании точных правил.

2. Следовательно, наука всегда фиксируется в максимально определенном (для каждого исторического уровня) языке.

3. Наука есть система знаний о законах функционирования и развития объектов.

4. Наука представляет знание, эмпирически проверяемое и подтверждаемое.

5. Наука представляет собой систему непрерывно возрастающих, пополняющихся знаний. Это пополнение происходит при помощи наиболее совершенных методов...

6. Наука обладает составом, в который входят: α — предмет ($П_2$) (совокупность проблем и задач, решаемых

[22] *Дж. Соммервилл.* Избранное. М., 1960, стр. 165.

Библиотека "Руниверс"

наукой); β — теория и гипотеза (Т); γ — метод (М); λ — факт (Ф) (описание эмпирического материала)»[23].

Несомненно, что здесь сформулированы признаки, обязательные для каждой системы знания, претендующей на научность, причем наука рассматривается с различных сторон (предмета, структуры, метода, языка и т. п.). Но по ним все же нельзя отличить настоящую науку от «водоведения». Ни одно из выдвинутых здесь требований, ни их сумма не могут служить достоверным критерием для решения проблемы, является ли известная система знания уже самостоятельной наукой или еще только частью другой. И вряд ли можно такой критерий найти, поскольку процесс образования научных дисциплин носит конкретно-исторический характер; длительное время система знаний развивается внутри какой-либо науки, а потом ее связи с другими теоретическими системами, входящими в нее, ослабевают и сама она внутренне разрастается, вырабатывает свой язык и метод и, таким образом, становится самостоятельной областью знания, получает свое имя. Иногда этот процесс задерживается под влиянием традиций и других внелогических факторов, а иногда, как было, например, с кибернетикой, новая система знаний сразу же завоевывает себе независимость. Тадеуш Котарбиньский дает определение науки, которое он называет практическим. «Наука, — пишет он, — есть всякое знание, которое созрело настолько, что может преподаваться как особая дисциплина на уровне высшей школы»[24]. И здесь есть некоторый смысл, поскольку преподавание в вузе — это уже определенное признание обществом данной научной дисциплины, хотя такой критерий не имеет логических основ.

Но большого значения не имеет, получила ли в обществе какая-либо система знания признание самостоятельной науки, или она еще рассматривается частью другой научной дисциплины; важно подчеркнуть: науки никогда не конструируются из кусочков знания, взятых из различных систем. Они возникают в ходе внутреннего развития какой-то системы теоретического знания,

---

[23] *А. И. Ракитов.* Понятие науки и ее структура как объект общей теории науки. — «Проблемы методологии и логики наук». Томск, 1965 (вып. 2), стр. 105—106.

[24] *T. Kotarbiński.* Przegląd problemów nauk o nauce. — «Problemy», 1964, N 12, str. 706—707.

Библиотека "Руниверс"

на основе вновь открытых фундаментальных закономерностей, служащих основой нового метода познания.

Итак, перед нами совокупность наук, имеющих свой предмет, метод, структуру и язык. Возникает вопрос, как возможно единство современного научного знания и каково место философии в его установлении. Единство знания в прежнем смысле, когда все оно включалось в одну систему, называемую философией, давно потеряло смысл. Ныне существующие области научного знания и их языки несводимы друг к другу и к какому-либо одному универсальному языку без того, чтобы не потерять часть своего содержания. Сейчас уже почти ни у кого не вызывает сомнения, что построение какой-то одной универсальной, унифицированной науки с одним языком — задача невыполнимая. Если бы и можно было построить что-то в этом роде, то это вряд ли сколько-нибудь продвинуло знание вперед и способствовало решению стоящих перед наукой проблем.

Существовавшее ранее чисто внешнее объединение в одну систему совершенно гетерогенных элементов, включая и действительное знание и беспочвенную фантазию, свойственную религии и другим формам мистификации, создавало лишь мнимое единство знания. Теперь же наука разбилась на множество действительных теоретических систем и возникли условия для установления подлинного их единства. Чтобы выяснить, как практически осуществляется это единство, рассмотрим характерные особенности современного научного знания.

Этих особенностей очень много, и они касаются всех сторон знания. Прежде всего повысилась роль научного знания в обществе. В основу своих практических действий люди стремятся положить научно-теоретическое знание, не довольствуясь обыденным ответом и эмпирическим наблюдением. В связи с тем что область практического применения науки безгранична, в обществе строится такая же хорошо продуманная система производства научных идей, как и система производства материальных благ. Современные научные институты и лаборатории по количеству занятых в них людей и по количеству оборудования, не говоря о его качестве, не отличаются от промышленных предприятий. А это в свою очередь вызывает рост финансовых затрат. Только в США в 1965 г. на научные исследования было израсхо-

Библиотека "Руниверс"

довано свыше 20 млрд. долларов. Наука стала сферой деятельности человека, развивающейся чрезвычайно быстрыми темпами. И, как всякое другое производство, она обрастает своим аппаратом с вытекающими отсюда социальными последствиями.

Из особенностей развития науки в современном обществе можно указать, в частности, на то, что некоторые исследователи называют «вертикальной» интеграцией науки, — тенденцию ко все большему сближению науки с практикой, а в связи с этим — к сближению между фундаментальными и прикладными науками. Подобных особенностей можно привести много, но нас в данном случае интересуют изменения не в социальной сфере научных исследований, а сдвиги, происходящие в науке как системе знания. И здесь прежде всего хотелось бы обратить внимание на такое явление, как процессы дифференциации и интеграции научного знания. Результатом дифференциации является выделение отдельных теоретических систем в самостоятельные области науки со своим предметом, методом и языком. Но дифференциация научного знания одновременно сопровождается и его интеграцией. Под последней следует понимать не объединение существующих систем в нечто единое, не своеобразное суммирование знания, достигнутого разными науками о некотором объекте, представляющем большой интерес для человека (например, в решении проблемы полета человека в космос принимает участие очень большое число наук, каждая из которых вносит свою лепту в изучение этого сложного процесса), а стремление в процессе взаимосвязи позаимствовать друг у друга и сами методы, и язык, чтобы применить их для исследования своего объекта.

Этот вид интеграции оказывает огромное влияние на ход развития современного научного знания. Например, не успела возникнуть новая область знания — кибернетика, как ее метод и язык, в частности понятие информации, стали применяться повсюду, иногда, правда, без особой необходимости, а ради кокетства и дани моде. Цель этого вида интеграции состоит в том, чтобы путем перенесения методов и языка одной науки в другую решить некоторые проблемы, которые в данной науке без них не решались. Например, вопросы астрономии, в особенности такой ее части, как космологическая проблема,

Библиотека "Руниверс"

в настоящее время плодотворно развиваются на основе аппарата, созданного теоретической физикой, общей теорией относительности Эйнштейна. Применение этого аппарата необходимо, поскольку без него космология не только не решила бы, но и не могла бы правильно поставить многие трудные задачи.

К сожалению, наблюдаются и такие случаи, когда язык одной науки без всякой нужды и теоретического результата используется в другой. Скажем, аппарат математической логики и язык кибернетики пытаются применять в какой-либо науке (в педагогике, например) только ради нового способа выражения или записи уже вскрытых отношений. При этом сама новая запись никоим образом не ведет к получению новых научных результатов и выявлению новых аспектов уже достигнутого знания. Больше того, как правило, перевод утверждения какой-либо науки на формальный язык современной логики ведет к потере известной части его содержания. Конечно, если мы получаем какое-то новое знание, которое не могло быть получено без применения этого языка, то эта потеря при ее осознании чем-то компенсируется. А простой перевод известного с одного языка на другой, с содержательного на формальный, ничего существенного не дает.

Продуктивный перенос метода и языка одной науки на другую не только приводит к решению новых проблем, но и способствует развитию самих этих методов и языков. Широкое применение кибернетики и ее методов к решению задач в биологии, медицине, экономике важно не только для развития этих наук, но и для самой кибернетики, ведет к расширению ее содержания и обогащению ее аппарата и методов.

Интеграция путем переноса методов и языков науки является одним из свидетельств глубокого единства современного научного знания.

Известно, что на рубеже двух столетий началась революция в науке, в частности в естествознании, которая продолжается и сейчас. Эта революция характеризуется несколькими этапами, в разное время она охватывала разные области знания. Обычно сущность революции видят в открытиях новых фундаментальных закономерностей, в проникновении в ту область, которая ранее была недоступна. Действительно, наука непрерывно разви-

Библиотека "Руниверс"

вается вширь и вглубь, включая в свою сферу новые объекты для исследования, обнаруживая в них новые свойства и отношения. При этом происходит ломка старых понятий, смена теоретических построений. Но для теории знания в этой революции важно не только то, что на смену одному понятию приходит другое, одна теория уступает место другой. Это было и раньше. Произошли существенные изменения в структуре научного знания, в построении научных теорий, в формах движения к новым результатам в познании.

Прежде всего бросается в глаза элиминация наглядности из содержания научной теории. Понятия науки стали носить крайне абстрактный характер, а сама научная теория на поверхности выступает в виде системы знаков, допускающих различную интерпретацию. А это и создало основу для широкого использования математического аппарата в самых различных областях науки.

Изменился и путь науки к новым результатам. Как правило, раньше в естествознании опыт предшествовал новому теоретическому построению. Теперь же опыт нередко выступает только звеном в процессе проверки теоретического построения, которое возникает часто путем экстраполяции прежних теоретических принципов, выдвижения разумом новых понятий. Вот как, например, описывает характер современного физического знания А. Эйнштейн: «Физика представляет собой развивающуюся логическую систему мышления, основы которой можно получить не выделением их какими-либо индуктивными методами из пережитых опытов, а лишь свободным вымыслом. Обоснование (истинность) системы основано на доказательстве применимости вытекающих из нее теорем в области чувственного опыта, причем соотношения между последними и первыми можно понять лишь интуитивно. Эволюция происходит в направлении все увеличивающейся простоты логических основ. Больше того, чтобы приблизиться к этой цели, мы должны решиться признать, что логическая основа все больше и больше удаляется от данных опыта, и мысленный путь от основ к вытекающим из них теоремам, коррелирующихся с чувственными опытами, становится все более трудным и длинным» [25].

[25] *А. Эйнштейн.* Физика и реальность. М., 1965, стр. 59.

Библиотека "Руниверс"

Но при всем этом А. Эйнштейн, как и другие физики, не отрицает значения опыта как источника новых идей в науке. «Чисто логическое мышление, — пишет он, — само по себе не может дать никаких знаний о мире фактов; все познание реального мира исходит из опыта и завершается им. Полученные чисто логическим путем положения ничего не говорят о действительности» [26]. Поэтому речь идет не об умалении роли опыта в современной науке, а об изменении этой роли, о новом отношении между опытом и мышлением. Сама современная научная теория не включает в свое содержание опыт как свою часть, она состоит из системы абстракций, выраженных в знаковой форме. «Законченная система теоретической физики, — пишет А. Эйнштейн, — состоит из понятий, основных принципов, относящихся к этим понятиям, и следствий, выведенных из них путем логической дедукции. Именно эти следствия должны соответствовать отдельным нашим опытам» [27].

Согласование некоторых звеньев теории с опытом стало одним из главных моментов в узаконении самой теории и ее исходных принципов. Понятия науки не возникают путем вывода из данных опыта, но опыту принадлежит решающая роль в их укреплении. «Мышление, — продолжает А. Эйнштейн, — позволяет строить систему; содержание результатов опыта и связи между ними излагаются с помощью следствий, полученных из теории. Именно в возможности такого изложения заключены ценность и оправдание как всей системы, так и лежащих в ее основе понятий и принципов. Иначе последние остаются свободным творением человеческого ума, которое нельзя оправдать ни природой самого человеческого ума, ни тем более как-то априори» [28].

Итак, опыт не формирует содержания понятий и принципов современной науки, но утверждает их.

Далее, современная наука характеризуется возникновением метатеорий и метанаук как специфических форм научного знания, усиленным стремлением осознать основы, лежащие в фундаменте построения научных теорий, способы доказательства в них. Сначала это было свой-

---

[26] Там же, стр. 62.
[27] Там же.
[28] Там же.

Библиотека "Руниверс"

ственно только математике, одной из первых поставившей вопрос о природе собственного знания, его основах и способах построения теорий и т. п., причем это способствовало развитию не только самой математики, но и логики, поскольку решение задач обоснования математики обнаружило недостаточность существующих логических средств. Вслед за математикой пошли и другие науки. Сейчас можно наблюдать увеличение количества работ, связанных с изучением природы и характера физического знания, особенностей построения современной физической теории, путей достижения нового знания о ней. Этим занимались и занимаются крупнейшие физики современности, такие, как А. Эйнштейн, Н. Бор, В. Гейзенберг, М. Борн, Луи де Бройль, и ведущие физики-теоретики Советского Союза.

Исследование основ современной физической теории послужит прогрессу как самой физики, так и логики в самом широком смысле. Сейчас обнаруживается недостаточность логических средств для понимания особенности построения физической теории, поэтому потребуется разработка теории индуктивного вывода и так называемой вероятностной логики на основе тех принципов, с которыми тесно связаны физика и другие опытные науки.

Мы остановились на некоторых главных тенденциях, характерных для современного научного знания с точки зрения его логической структуры и способов достижения новых результатов. Само собою разумеется, что ими не исчерпываются все изменения, происходящие в знании в наш век, и не в равной мере они охватили все области современного естествознания. Однако дальнейшее развитие познания приводит к тому, что в этом направлении будет изменяться характер научного знания во всех областях современной науки.

Эти изменения в характере знания нашей эпохи поставили некоторые логико-гносеологические проблемы. Удаление содержания знания от результатов непосредственного чувственного созерцания объектов, невозможность в прямом опыте проверить содержание выработанных понятий науки ставят вопрос, а не означает ли это потерю объективности содержания понятий и теорий современной науки, поскольку связи понятий науки с объектом длительное время мыслились как возможность воплощения абстракций в чувственном опыте. Понимание

Библиотека "Руниверс"

связи понятий современной науки с объективной реальностью является сейчас острым вопросом, по которому происходит размежевание философских позиций. Крупнейшие ученые современности (А. Эйнштейн, Н. Бор, В. Гейзенберг) полагают, что понятия современной науки объективны и, можно сказать, в своем содержании более объективны, чем связанные непосредственно с опытом понятия прежней физики. Так, например, А. Эйнштейн, считая, что «любая попытка чисто логического вывода основных понятий и принципов механики из отдельных опытов обречена на неудачу»[29], все же исходит из признания объективности понятий и теорий современной физики. «Весь наш предшествующий опыт, — пишет он, — приводит к убеждению, что природа является осуществлением того, что математически проще всего себе представить. Я убежден, что чисто математическое построение позволяет найти те понятия и те закономерные связи между ними, которые дают ключ к пониманию явлений природы. Пригодные математические понятия могут быть подсказаны опытом, но ни в коем случае не могут быть выведены из него. Опыт остается, естественно, единственным критерием пригодности некоторого математического построения для физики. Но собственно творческое начало относится к математике. Таким образом, я в известном смысле считаю оправданной мечту древних об овладении истиной путем чисто логического мышления»[30].

В объективности понятий современной физики уверен и В. Гейзенберг. В этом отношении примечательна его статья «Абстракция в современном естествознании». В. Гейзенберг, которого трудно заподозрить в симпатиях к диалектическому материализму, вынужден признать объективный характер материалистических абстракций, которыми пользуется современное естествознание. «Описываем ли мы в математике, — спрашивает он, — какую-нибудь объективную действительность, то есть что-то существующее независимо от человека в каком бы то ни было смысле, или математика только способность человеческого мышления? Может быть, законы, которые мы открываем, есть только высказывания о структуре чело-

[29] Там же, стр. 64.
[30] Там же.

Библиотека "Руниверс"

веческого мышления? Я не хочу здесь полностью поднимать эту проблематику, но только сделаю одно замечание, подчеркнув объективный характер математики»[31]. Гейзенберг считает, что абстракции нашей земной математики будут иметь значение и для живых существ на других планетах, поскольку там «точно такие же законы природы, как и у нас»[32].

Подобно математике, и в других науках, в частности в физике, все время происходит подъем знания на более высокую ступень абстракции. «Шага в абстракцию нельзя избежать», и в этом движении от чувственно-конкретного к абстрактному нет ничего зловещего и чуждого познанию, постигающему объект. Конечно, подымаясь на высшие ступени абстрактного знания, труднее становится обнаруживать его связь с чувственным опытом, однако, как опять-таки правильно отмечает Гейзенберг, «существование некоторой такой связи является обязательной предпосылкой того, что абстракция вообще способствует пониманию мира»[33].

Но мало быть уверенным в объективной истинности понятий и принципов современной науки. Вера хороша, когда она сама покоится на знании, а на всякое простое субъективное уверение можно ответить противоположным. Современная теория знания должна суметь ответить на вопрос: как и почему понятия современной науки, не будучи результатом непосредственного вывода из опытных данных, не только сохраняют свою связь с объектом, но и постигают его глубже, полнее и вернее? Если логика не обладает методом, способным дать научный ответ на этот вопрос, то она не соответствует своей цели и задачам. Сам этот вопрос является критерием проверки логической теории и ее метода.

Современное научное знание приобрело крайне абстрактный характер в том смысле, что трудно установить связь его понятий с объективной реальностью. Однако это ни в коей мере не сделало его менее практичным. Наоборот, абстрактные теоретические системы науки нашего времени дают возможность в принципе овладевать и

---

[31] *W. Heisenberg.* Die Abstraktion in der modernen Naturwissenschaft. — «Wissenschaft und Fortschritt», 1964, N 3, S. 101.

[32] Там же.

[33] Там же, стр. 104.

Библиотека "Руниверс"

управлять тончайшими процессами природы, использовать энергию атома, передавать функцию умственной деятельности машинам.

Изменения, происшедшие в науке в последнем столетии, не сняли с философии задачу служить цементирующим началом в единстве научного знания, но делает это она уже иным путем, чем в период своего зарождения. Тогда она включала в себя все знания, а потому называлась наукой наук, сейчас этого ни она, ни какая другая наука сделать не может, да и в этом нет необходимости. Однако в определенном смысле философия и до сих пор осталась наукой наук. Не претендуя на замену других систем знания, она вместе с тем является знанием о самом знании, поскольку дает метод и язык, присущие человеческому знанию вообще. В этом смысле она и выступает метанаукой. Изменились формы и средства связи философии с различными областями науки. Зрелая наука требует более зрелого и точного воздействия философии на ход развития знания. В XIX столетии это понял и осознал Ф. Энгельс, который писал: «Как только перед каждой отдельной наукой ставится требование выяснить свое место во всеобщей связи вещей и знаний о вещах, какая-либо особая наука об этой всеобщей связи становится излишней. И тогда из всей прежней философии самостоятельное существование сохраняет еще учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика. Все остальное входит в положительную науку о природе и истории» [34].

Ф. Энгельс говорил, что диалектический материализм в некотором отношении больше уже не является философией, т. е. он не ставит своей задачей создать какую-то общую и обязательную для всех наук систему мира. Он выступает мировоззрением, проявляющимся в реальных науках, методом движения к новым результатам в познании, способом теоретического осмысления фактов, т. е. знанием о знании, наукоучением.

---

[34] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 25.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА II

ЛОГИЧЕСКОЕ И ЕГО ФОРМЫ

1. Категориальный характер знания

В современных условиях на ход развития познания философия воздействует как метод и теория знания. Анализ мышления как формы постижения объекта всегда составлял важнейшую задачу философии, пройти мимо которой не может ни одна наука, пытающаяся осознать себя.

Мышление, его формы и законы являются результатом материального взаимодействия субъекта и объекта, выступающего в форме практики. Сущность мышления можно выразить формулой: деятельность субъекта, постигающего предмет, объективную реальность в определенных формах. В мышлении можно выделить несколько связанных между собой сторон: 1) объект, данный в мышлении; 2) деятельность субъекта, направленная на объект; 3) результат этой деятельности — формы мысли, в которых выступает объект.

Объект, существующий во всем своем многообразии вне мышления, является предметом наук, дающих нам знания об объективной реальности, стремящихся постигнуть ее полно, глубоко и всесторонне. Деятельность субъекта, или, иными словами, мышление как субъективная деятельность, — это предмет психологии и смежных с нею научных дисциплин. Формы же постигающего мышления, приводящие его к объективной истине, всегда были предметом философского анализа. На основе изучения знания с этой стороны установлена такая его важнейшая особенность, как категориальный характер мышления.

Известно, что мышление возникает на базе труда и в некотором смысле оно аналогично труду, своеобразным образом повторяет его. В самом деле, труд предполагает предмет природы, который нужно изменить, с тем чтобы он удовлетворял потребности человека; орудия, которыми человек воздействует на предмет; деятельность человека, приводящую в движение эти орудия. Мышление имеет предмет, на который оно направлено с целью его постижения; орудия мыслительной деятельности в форме понятий, в которых зафиксированы познанные свойства и закономерности явлений объективной реальности; саму

Библиотека "Руниверс"

мыслительную деятельность, приводящую человека к новым понятиям и теориям.

Между орудиями труда и понятиями, используемыми в процессе мышления, существует некоторая функциональная аналогия. То и другое является средством, инструментом деятельности человека, одно — материальной, другое — духовной. То и другое связано с использованием предшествующего опыта: в одном случае результаты познания свойств и закономерностей природы материализуются в виде орудий труда, в другом — в качестве категорий, выступают ступеньками в движении мышления.

Эта общность между понятиями науки и орудиями труда абсолютизируется прагматизмом, рассматривающим понятия человеческого мышления только как инструменты человеческого воздействия на природу. Нельзя отрицать инструментальный характер понятий науки, но ошибочно видеть в них только эту сторону, а главное, надо уметь показать и доказать, как и почему они приобретают этот инструментальный характер.

Мышление не может начаться с ничего. Для теоретического овладения объектом человеку мало иметь перед собой объект, практически взаимодействовать с ним. Ему нужны средства, помогающие в определенных формах постигнуть объект. В качестве таких средств и выступает опыт познания мира, закрепленный в языке.

К началу каждого акта процесса мышления человек вооружен предшествующим опытом познания, выработанным понятийным аппаратом, с помощью которого он пытается постичь новые закономерности и свойства объективной реальности. Таким образом, понятия выступают не только как результат познания человеком объективной реальности, но и как средство, аппарат мышления, на основе которого происходит освоение им новых объектов, их свойств и закономерностей. Больше того, без этого аппарата человеческое мышление вообще не может функционировать, без категорий нельзя связать между собой даже двух фактов.

Результаты живого созерцания человека выражаются в форме суждений, являющихся связью понятий. Чтобы сказать, что этот дом больше другого, соседнего, надо иметь понятия «дом» и «величина» и выразить результаты непосредственного сравнения двух домов в некотором суждении.

Библиотека "Руниверс"

Как указывалось, мышление функционирует на основе понятийного аппарата. И это накладывает на него некоторый отпечаток. Прежде всего эти понятия ведут процесс мышления по пути, определенному их содержанием. Мышление идет в рамках этих понятий. Это придает ему некоторую стабильность, целеустремленность в поисках новых свойств и отношений в вещах. Мысль осваивает новое путем включения его в известное — в ранее созданные понятия. И это как бы гарантирует верность ее движения. Так сохраняется преемственность в процессе перехода от одного результата к другому.

Но рамки прежних понятий могут быть узкими для нового содержания, к которому приводит движение мышления. Прежние понятия могут стать тормозом для овладения новыми свойствами и закономерностями. Поэтому-то и необходимо изменение понятийного аппарата мышления, пополнение его новыми элементами.

Философия, давно понявшая, что процесс мышления происходит на понятийной основе, решала несколько вытекающих из этого факта задач: 1) выявляла наиболее общие понятия, необходимые для мышления, не о каком-то отдельном объекте, а об объективной реальности вообще; 2) вскрывала природу этих понятий как в отношении к объективной реальности, так и в отношении к практической деятельности человека; 3) показывала их функционирование в процессе мышления, их роль в движении к объективно истинным результатам.

Надо сказать, что не все философы сразу и с одинаковым успехом занимались всеми этими проблемами, однако в той или иной мере их касались все, поскольку понимание законов и форм движения человеческого мышления к истине всегда относилось к предмету философии.

Определим вкратце, каким путем шла и к каким результатам пришла философия в разрешении этих проблем.

Одним из первых философов, поставившим в качестве специальной задачи для исследования анализ наиболее общих понятий, на основе которых происходит процесс мышления, был Аристотель. Опираясь на предшествующий опыт философской мысли, он выделил эти наиболее общие понятия и назвал их категориями. Он понимал, что мышление реально существует в форме языка, поэтому язык, или, если так можно выразиться, речение, служил

Библиотека "Руниверс"

для него эмпирическим фактом, который он сделал исходным для анализа категорий. Аристотель писал: «Из слов, высказываемых без какой-либо связи, каждое означает или сущность, или качество, или количество, или отношение, или место, или время, или положение, или обладание, или действие, или страдание» [1].

Таким образом, категории у Аристотеля — самые общие роды высказывания, это то, о чем может быть наша речь, т. е. самое общее предметное содержание мышления. Философия по своей сути представляется Аристотелю как анализ категорий, и «Метафизика» Аристотеля пример тому. Она содержит философский анализ таких категорий, как сущность, материя, форма, возможность, действительность, движение, количество, противоречие и т. п. Эти категории свидетельствуют о том, как глубоко проникла античная мысль в понимание всеобщих понятий, характеризующих предметный мир.

Иногда логику Аристотеля видят только в его «Органоне». Нет слов, учение о силлогистике и доказательстве вообще — величайшее достижение в логическом анализе мышления. Но когда Ф. Энгельс говорит, что «исследование *форм* мышления, логических категорий, очень благодарная и необходимая задача, и за систематическое разрешение этой задачи взялся после Аристотеля только Гегель» [2], то здесь он имеет в виду главным образом «Метафизику» Аристотеля. Это отмечал и В. И. Ленин, конспектируя «Метафизику»: «Логика Аристотеля есть запрос, искание, подход к логике Гегеля, — а из нее, из логики Аристотеля (который *всюду,* на каждом шагу ставит вопрос *именно о диалектике*)...» [3]

Аристотель не ставил вопроса о числе категорий и четко не выдвигал задачу их систематизации. В трактате «О категориях» перечисляется 10 наиболее общих понятий. Но в «Метафизике» и других произведениях он подробно анализирует не все эти категории и не только их; например, большое место в работах Аристотеля занимают понятия материи, формы, движения, не вошедшие в число 10 категорий. Это свидетельствует о том, что, видимо, для Аристотеля проблема числа категорий не была

---

[1] *Аристотель.* Категории. М., 1939, стр. 6.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 555.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 326.

Библиотека "Руниверс"

существенной, а также об ограниченности принятого им принципа выведения категорий из форм высказывания.

Другой подход был у Канта, взявшего в качестве исходного момента для вычленения категорий не речь, а суждение. Логика к тому времени уже классифицировала суждение, определив 12 их видов. По мнению Канта, в основе каждого из них лежит своя категория: единство, множество, всеобщность, реальность, отрицание, ограничение, субстанция и акциденция, причина и действие, взаимодействие, возможность и невозможность, существование и несуществование, необходимость и случайность. Мысль Канта, что при выделении категорий надо исходить из мышления и его форм, верна и является шагом вперед в логике, но у него категории выступают в виде замкнутой системы (таблицы), определяющей формы суждений и не подлежащей развитию и обогащению. Получается, что мышление затерто этими категориями и не способно перейти к другому, не определяемому ими содержанию.

Гегель сделал существенный шаг вперед, взяв за основу не формы суждений, а всю сферу мышления со стороны его предметного содержания. Категории выступают не формой застывшего знания, а ступенями в движении мышления, способами раскрытия его объективного содержания. Поэтому, хотя гегелевская логика и является замкнутой системой, но, во-первых, она не таблица категорий, а система, в которой одна категория следует за другой; во-вторых, она не замыкает мышление в небольшое число категорий, а через многообразие их выявляет богатство содержания процесса мышления.

Сложной для философии была проблема самой природы категорий, их отношение к объективной реальности и практической деятельности человека. Философы обнаруживали категории, анализируя мышление с той или другой его стороны: выражения в языке, формы суждения, предметного содержания мысли. Отсюда сама собой возникла иллюзия, что категории — орудия мысли, ее формы, что они связаны только с мышлением и его деятельностью, берут из них свое содержание. Например, Кант считал их априорными формами мысли, существующими до всякого опыта и независимо от него и коренящимися в формальной организации человеческого рассудка. Он не знал, как связать категории, обладающие

Библиотека "Руниверс"

всеобщностью, с объективной реальностью, данной нам в чувственном опыте, нацеленном на единичный предмет, явление. Результатом этой неспособности и явилась пропасть, которую Кант вырыл между категориями и вещами в себе, что и послужило теоретической базой его агностицизма.

Аристотель понимал связь категорий с существующей вне их реальностью: он считал их формами бытия и мышления. Но как, в результате чего формы мысли становятся формами бытия — этот вопрос остался открытым в его философии. Гегель по существу снял его, считая мысль и ее формы самой объективной реальностью. В таком случае отпадает необходимость выяснять отношение категорий к находящейся вне мышления действительности, но это не решение проблемы. Подобная идеалистическая мистификация не может удовлетворять ученого, имеющего, с одной стороны, объект исследования, а с другой — постигающее его мышление.

Проблема отношения категорий мышления к объективной реальности не может быть решена без вскрытия их генезиса и роли в нем материальной практической деятельности. Категории, как и все другие понятия, не существуют в самой действительности и не даны изначально в разуме как его вечные формы. Они возникли в процессе овладения человеком явлениями, силами природы и общества, они являются результатом обобщения всего познания мира и его практического преобразования. Объективность их содержания доказывается в ходе воплощения в жизнь результатов теоретического мышления, функционирующего на основе категорий Когда мир, созданный человеческой головой, превращается в реальный мир воспроизведенных в практике новых вещей и явлений, мышление и его категории находят подтверждение своей объективности и всеобщности.

Таким образом, практическая деятельность выступает основой движения мышления по пути улавливания объективной природы вещей, процессов и критерием истинности его результатов: понятий, категорий и т. п. Именно в силу того, что категории обладают содержанием, взяты из объективной реальности, они ведут мышление по пути обогащения его новыми определениями, точнее и глубже постигающими объект.

Теперь, наконец, остановимся на функции категорий

Библиотека "Руниверс"

в познании. Они являются формами, определяющими движение от ранее достигнутого знания к новому. Здесь роль категорий двояка. Прежде всего с ними связана форма вывода одного знания из другого. Эта сторона в процессе мышления была давно подмечена, в частности Аристотелем в его силлогистике, Ф. Бэконом в методах индукции, современной логикой в многочисленных логических исчислениях, каждое из которых строится на определенном содержании знания (аксиоме), определяющем форму движения выводного знания. В. И. Ленин тонко это подметил, когда писал: «Самые обычные логические „фигуры"... самые обычные отношения вещей» [4].

Принцип здесь такой. Содержание категорий, отражающее свойства и отношения объективной реальности, становится правилом движения мысли, формой перехода знания от одного результата к другому.

Богатство знания означает многообразие понятийного аппарата, на базе которого возникает множество форм умозаключений. Мышление в античности опиралось на очень ограниченный круг выработанных и осознанных категорий, отсюда и сравнительно бедный аппарат для получения знания путем вывода (силлогистика). Иное дело сейчас, когда мы располагаем развитым категориальным аппаратом, на базе которого возможна очень разветвленная сеть форм получения знания путем логического вывода.

Но роль категорий не ограничивается тем, что их содержание превращается в правило логического вывода. Это только одна, можно сказать, их аналитическая функция. Кроме того, категориям принадлежит огромная роль в создании новых понятий и принципов, в синтезе, приводящем к новому знанию.

Синтезирующая функция категорий в процессе мышления стала предметом серьезного философского анализа у Канта, который отчетливо сознавал, что новые понятия возникают в результате синтеза опытных данных с категориями мышления: «...все категории основываются на логических функциях в суждениях, а в них уже мыслится связь, стало быть, единство данных понятий. Следовательно, категория уже предполагает связь» [5].

Однако, несмотря на верную тенденцию — исследо-

[4] Там же, стр. 159.

[5] *И. Кант.* Соч., т. 3. М., 1964, стр. 191.

Библиотека "Руниверс"

вать роль категорий в синтезе знания, содержащуюся в гносеологии Канта, изображение им этого процесса страдает существенными пороками, вытекающими из неправильного понимания природы самих категорий, их отношения к объективной реальности. У Канта знание в своем синтезе никогда не выйдет за пределы априорных, раз навсегда данных категорий, содержание которых не имеет никакого отношения к объективной реальности. Поэтому синтез знания у него ограничен, а познанию вообще положены пределы. Гегелевская постановка вопроса о системе развивающихся категорий создала условия для более полного и всестороннего выявления функций категорий в синтезе знания.

На основе категорий образуются новые научные понятия, теоретически осмысливаются, экстраполируются данные опыта, соединяются результаты познания, достигнутые в разное время, различными способами и, казалось бы, не имеющие отношения друг к другу. Творческая способность разума покоится на синтезе, а в основе последнего лежат категории мышления. Но категории способны не только направить мысль на образование новых понятий и теорий в науке, но и, осваивая их, менять свое собственное содержание, образовывать другие категории. Только таким путем мышление способно переходить границы в познании, постигать такие объективные его свойства, которые ранее казались непостижимыми.

2. Рациональное и иррациональное

Категориальный характер человеческого мышления является установленным и общепринятым фактом, однако направление в современной философии, называемое интуитивизмом, или иррационализмом, полагает, что именно эта его природа и не дает возможности интеллекту постигнуть истинную сущность действительности.

Иррационализм является одним из распространенных направлений в современной буржуазной философии. Мы не будем сейчас касаться вопроса, какие социальные условия породили и сделали возможным его признание широкими кругами интеллигенции в капиталистических странах. Рассмотрим аргументацию и те гносеологические предпосылки, которые толкают теорию знания в сторону иррационализма.

Библиотека "Руниверс"

В качестве образца иррационалистической критики интеллекта с его категориями возьмем ход рассуждения А. Бергсона, у которого, как представляется, она выступает наиболее четко. Сущность интеллекта А. Бергсон видит в том, что он *«является способностью фабриковать искусственные предметы, в частности из орудий создавать орудия, и бесконечно разнообразить их выделку»* [6]. В этом отношении интеллект мало отличается от инстинкта, который тоже фабрикует орудия, но, правда, уже из организованной материи. Посредством мышления человек создает их из неорганизованной материи, а поэтому оно может принимать любую форму, служить «для какого угодно употребления, выводить живое существо из всякого вновь возникающего затруднения и увеличивать... его власть» [7]. И интеллект, и инстинкт — оба пленники материи, *«два расходящихся, одинаково красивых решения одной и той же проблемы»*, но только в инстинкте «познание скорее бессознательно и *разыгрывается*, в интеллекте же оно сознательно и *мыслится*» [8].

Как некоторая форма знания интеллект, по Бергсону, имеет пороки, которые ограничивают сферу его применения. К ним относятся: 1) интеллект, выходящий из рук природы и нацеленный на неорганизованное твердое тело, он исходит из того, что каждый предмет может делиться практически до бесконечности; 2) интеллект способен представить себе только прерывное, заменяя движение рядоположенными неподвижностями, а потому фактически фиксирует только неподвижное. В этом отношении формы мысли подобны ленте кинематографа; 3) интеллекту присуще бесконечное стремление к разложению по любому принципу и к воссоединению в любую новую систему знания, а потому он «совсем не создан для того, чтобы мыслить *эволюцию*, в собственном смысле этого слова, т. е. непрерывность изменения, которое должно быть чистой подвижностью» [9].

Общий вывод, к которому ведет бергсоновская критика интеллекта, можно сформулировать словами самого Бергсона: мышление воспроизводит «не реальность, а

---

[6] *А. Бергсон.* Творческая эволюция. М.—СПб., 1914, стр. 124—125.

[7] Там же, стр. 126

[8] Там же, стр. 128, 130.

[9] Там же, стр. 146.

Библиотека "Руниверс"

только подражание реального, или, вернее, символический образ; сущность вещей от нас ускользает и будет ускользать всегда; мы движемся среди отношений, абсолютное нам недоступно, мы должны остановиться перед непознаваемым» [10].

Отсюда вытекает и отношение иррационализма к современной науке. Нет, он не отбрасывает ее вообще, наоборот, подчеркивает ее силу в познании объекта, однако устанавливает ей жесткие границы, за которые она со своими категориями мышления ни в коем случае выйти не может. Позитивная наука — создание чистого интеллекта, поэтому она себя чувствует свободно только в сфере неорганизованной материи и, несмотря на свое бурное развитие сейчас, осталась в принципе такой же, как и в античное время, — действующей по кинематографическому методу. «Сущность науки, — пишет А. Бергсон, — действительно, заключается в том, чтобы изготовлять *знаки*, которыми она заменяет сами предметы. Эти знаки, конечно, отличаются от знаков языка их большей точностью и более высокой действенностью, но тем не менее они не свободны от общих свойств знака, заключающихся в том, чтобы отмечать в закрепленной форме неподвижный аспект реальности» [11].

Что можно сказать по поводу выдвинутых А. Бергсоном утверждений об особенностях познания путем мышления? Бесспорно, многие из них верно фиксируют сущность процесса мышления. В иной связи, в другой системе они входят и в нашу теорию знания. Да, мышление связано с задачами практики и является порождением природы. Действительно, посредством практики и мышления человек в отличие от животного с его инстинктами способен производить универсально. Как писал К. Маркс, «животное формирует материю только сообразно мерке и потребности того вида, к которому оно принадлежит, тогда как человек умеет производить по меркам любого вида...» [12]. И не один А. Бергсон говорит, что мышление и его категории, фиксируя объект, останавливают его, прерывают непрерывное. Ведь В. И. Ленин, конспектируя Гегеля, писал: «Мы не можем представить, выразить, сме-

---

[10] Там же, стр. V.
[11] Там же, стр. 294.
[12] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Из ранних произведений, стр. 566.

Библиотека "Руниверс"

рить, изобразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, угрубив, не разделив, не омертвив живого. Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление, — и не только мыслью, но и ощущением. . .» [13]

В чем же тогда неправ А. Бергсон и иррационализм вообще, где тот пункт, с которого начинается его грехопадение? Он таится в исходной предпосылке и конечных выводах. Хотя А. Бергсон и критиковал Канта, но фактически не усвоил уроков его гносеологии, ставя теоретико-познавательные проблемы в духе докантовской философии. В самом деле, он, как эмпирики и рационалисты XVII—XVIII вв., исходит из того, что на одной стороне находится человек с его познавательными способностями, а на другой — объект (для Бергсона им является чистая подвижность). Он согласен с тем, что ни чувства, как таковые, ни мышление не способны ее уловить; как говорит А. Бергсон, «ни одна из категорий нашей мысли — единство, множественность, механическая причинность, разумная целесообразность и т. д. — не может быть точно приложена к жизненным вещам» [14].

Где же выход из положения? Для Бергсона — в поисках какой-то особой, находящейся вне опыта и мышления с их категориями, способности вроде интуиции, посредством которой знание непосредственно сливалось бы с жизнью, соприкасаясь с творческим усилием.

Ни постановка вопроса, ни тем более решение его не блещут оригинальностью. Рационалисты XVII—XVIII вв. считали, что такое непосредственное совпадение осуществляется путем интеллектуальной интуиции, в силу какой-то предустановленной гармонии. Во второй половине XIX и первой половине XX столетия в кругах буржуазии разум вышел из моды, тем более что он способен привести к пагубным идеям о бренности существующих общественных порядков. Поэтому прибегли к неразумной интуиции, еще более мистифицировав процесс совпадения знания с объектом. Один из глашатаев интуитивизма в России, Н. Лосский, писал: «Философское направление, обосновываемое нами, можно назвать *мистическим*. Это название оправдывается прежде всего следующим сооб-

---

[13] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 233.
[14] *А. Бергсон.* Творческая эволюция, стр. IV.

Библиотека "Руниверс"

ражением. Философский мистицизм, имевший до сих пор обыкновенно религиозную окраску, всегда характеризуется учением о том, что Бог и человеческое сознание не отделены друг от друга непроходимою пропастью, что возможны по крайней мере минуты полного слияния человеческого существа с Богом, минуты экстаза, когда человек чувствует и переживает Бога так же непосредственно, как свое я. Наша теория знания заключает в себе родственную этому учению мысль, именно утверждение, что мир не-я (весь мир не-я, включая и Бога, если Он есть) познается так же непосредственно, как мир я» [15].

Кант был куда проницательнее, чем современные интуитивисты. Он прямо говорил, что мистическую интуицию надо оставить богу, и показал, что преодоление ограниченностей опыта и мышления идет через деятельность, которая отлична от них, но отнюдь не мистична и не иррациональна. Марксизм, учитывая опыт всей предшествующей философии, в том числе и кантианства, нашел эту деятельность — чувственно-материальную целенаправленную практику. Но интуитивизм (А. Бергсон, в частности) поставил своей целью освободить теорию знания от связи с практикой. По мнению Бергсона, основная задача — «исследовать живое без задней мысли о практическом пользовании, освободившись от форм и привычек, в собственном смысле слова, интеллектуальных. Цель философии — умозрение, т. е. видение» [16]. Отсюда отрыв философии от науки и безысходный мистицизм.

Иррационализм, его отрицательный опыт имеет определенное значение для теории знания, и не только в том смысле, что нам теперь ясна порочность подобного решения гносеологических проблем. Он вскрыл некоторые стороны в теории знания, на которые не обращали должного внимания, поставил вопрос об их истолковании. Концепция знания, которая развивалась до иррационализма и существует по сей день, носит название рационализма. В философии очень давно возникло представление о разумности мира. Древнегреческие философы выдвинули учение о логосе, который царит в природе. Само это по-

---

[15] *Н. Лосский.* Обоснование интуитивизма. СПб., 1906, стр. 99—100.

[16] *А. Бергсон.* Творческая эволюция, стр. 176.

Библиотека "Руниверс"

нятие интерпретировали по-разному, приравнивали его к богу, судьбе, вечности, мудрости, закономерности, необходимости, всеобщности, в том числе и разумности. Но в действительности λογος Гераклита был логосом, несводимым ни к одному из этих понятий более поздней философии, хотя и имеющим с каждым из них что-то общее. И даже ум νους Анаксагора, приводящий в движение частички материи (гомеомерии), нельзя отождествлять с понятиями ума или разума, сформулированными в позднейшей философии. Поэтому древние греки не создали рационалистической концепции, которая является плодом философии нового времени, хотя какой-то ее прообраз у них можно найти.

Рационализм сформировался в XVII и XVIII вв. и стал одной из характерных особенностей буржуазной философии этого времени, причем следует строго различать рационализм в узком и широком смысле. В первом случае под рационализмом имеется в виду определенное решение вопроса об источнике знания и он противопоставляется иному его решению — сенсуализму; во втором — рационализм — это концепция, касающаяся общего понимания бытия, сущности и места человека в нем. В таком случае это не узкогносеологическая, а в широком смысле философская теория, идеи которой разделяли и многие сторонники сенсуализма того времени. Здесь рациональное — не мышление, противопоставленное чувственному (опыту), а разумное, противостоящее иррациональному началу в жизни. Изложим в кратких чертах рационалистическую концепцию, как она сложилась к XVIII в.

Согласно рационализму, природа — это разумно построенная машина, подобная часовому механизму. Поэтому она может быть полностью и окончательно познана. Законы механики — ключ к ее постижению. Гносеологический оптимизм, характерный для философии XVII и XVIII вв. как в рационалистической, так и сенсуалистической версиях, покоился на подходе к природе как разумной машине. В ней нет хаоса, тайн и загадок, в своей сути она подобна формам человеческого разума.

Сам человек — свет божественного разума на земле; сущность его составляет мышление, порождающее идеи, на основе которых необходимо перестроить человеческую жизнь. Просвещение возникло как движение мысли, ставящее своей задачей создание общества на принципах

Библиотека "Руниверс"

разума. Характеризуя французское просвещение, Ф. Энгельс писал: «Мыслящий рассудок стал единственным мерилом всего существующего. Это было время, когда, по выражению Гегеля, мир был поставлен на голову, сначала в том смысле, что человеческая голова и те положения, которые она открыла посредством своего мышления, выступили с требованием, чтобы их признали основой всех человеческих действий и общественных отношений, а затем и в том более широком смысле, что действительность, противоречившая этим положениям, была фактически перевернута сверху донизу» [17].

Искусство этого периода также было пронизано идеями рационализма: оно изображало природу и человека одухотворенными разумом, оно было прозрачным, зовущим к добру и благородным поступкам.

Но уже в начале XIX в. были обнаружены слабости рационализма, уподобляющего природу человеческому рассудку и видящего всюду целесообразность. Рационализм Гегеля основывался уже не на рассудке, а на разуме, включающем в себя и такое явление, как хитрость. К хитрости Гегель прибегает не от хорошей жизни, ибо иначе он никак не мог справиться с иррациональным остатком. Чтобы включить его в разум, последний должен быть наделен хитростью.

Понятие спекулятивного мышления у Гегеля призвано, с одной стороны, оградить знание от иррационального, а с другой — освободиться от пошлостей того рационализма, согласно которому в мире все так разумно и целесообразно, что, как говорил Г. Гейне, деревья «зелены от того, что зеленый цвет полезен для глаз... бог также сотворил рогатый скот потому, что мясные супы подкрепляют человека, ослов сотворил затем, чтобы они служили людям для сравнения, а самого человека — чтобы он ел мясные супы и не был ослом».

Спекулятивное мышление, по Гегелю, одновременно и рационально и мистично, вернее, это — рациональная мистика, или мистический разум. «Относительно спекулятивного мышления мы должны еще заметить, — пишет Гегель, — что следует понимать под этим выражением то же самое, что раньше называлось *мистикой*» [18].

---

[17] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 16—17.
[18] *Гегель*. Соч., т. I, стр. 141.

Библиотека "Руниверс"

Но в силу того, что Гегель был убежденным рационалистом, он не мог оставить хитрость (даже разума) на произвол судьбы. В духе рационалистов XVII в. он находит ей основания, полагая, «что божественное провидение ведет себя по отношению к миру и его процессу как абсолютная хитрость. Бог дает людям действовать, как... угодно, не стесняет игру их страстей и интересов, а получается из этого осуществление *его* целей» [19]. Итак, всюду ищи божественное провидение — этого рецепта в конце концов не мог избежать и Гегель со своей хитростью разума.

В настоящее время в буржуазной философии имеются попытки сблизить Гегеля с иррационализмом. Основанием для этого служит критика Гегелем рационализма XVII—XVIII вв. и философии Просвещения, а также его замечания, сближающие разумное с мистическим. Это стремление характерно для того крыла современного экзистенциализма, возглавляемого Ж. Ипполитом, которое связывает себя со своеобразно истолкованным гегельянством, в частности с иррационалистическим пониманием «Феноменологии духа».

Но сущность гегелевской постановки вопроса состоит в поднятии самого рационализма на такой уровень, при котором само иррациональное и мистическое принимает формы движения мышления. В этом, с одной стороны, сила Гегеля, а с другой — его слабость, поскольку он все-таки сторонник уподобления мира божественному разуму, которое у него принимает форму панлогизма. И здесь следует присоединиться к словам Ю. Бородая, что гегелевская система «явилась классическим выражением тенденции «снять» все «иррациональные остатки», объявить их принципиально иллюзорными и до конца растворить в *логических* формах. Естественно, эта тенденция в той или иной степени характеризует весь буржуазный рационализм с его принципами «предустановленной гармонии», надиндивидуального «я» и т. д.» [20].

Гегель замыкает действительность в движении категорий, составляющих его логику. Тут рационализм доводится до своего крайнего предела. Мир не просто машина, подобная логической конструкции, он сам и есть не что

---

[19] Там же, стр. 319.

[20] *Ю. Бородай.* Воображение и теория познания, стр. 116—117.

Библиотека "Руниверс"

иное, как развертывание категорий мышления. Вот поэтому последующая иррационалистическая философия, начиная с Кьеркегора, строилась как прямой антипод гегелевскому панлогизму.

Практическое осуществление идей Просвещения привело к действительности, далекой от идеалов рационализма. «Мы знаем теперь, — пишет Ф. Энгельс, — что это царство разума было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии...» [21] Последующая научная и общественная практика, несомненно, подрывала ту наивную веру в разум и целесообразность, которая якобы господствует во всем, в том числе и в истории человечества. Человеку XX в. очень трудно понять тезис, что все идет наилучшим образом, соответственно разуму. Наоборот, на поверхности эта действительность выступает с самой неразумной стороны. Не выдержал рационализм и испытания опытом познания, в частности естественнонаучного.

До некоторого времени рационалистическое представление о природе, нашедшее свое классическое выражение в лапласовском детерминизме, казалось несокрушимым. М. Планк говорил в одной из своих речей: «Когда я приступил к изучению физики и обратился за советом к моему уважаемому учителю Филиппу фон Йолли относительно условий и перспектив моих занятий, тот обрисовал мне физику как высокоразвитую, почти полностью созревшую науку, которая теперь, после того как она благодаря открытию закона сохранения энергии, так сказать, увенчана короной, наверное, скоро приобретет свою окончательную стабильную форму. Конечно, в том или ином уголке еще остается, возможно, проверить и добавить пылинку или капельку, но система в целом установлена достаточно надежно, и теоретическая физика явно приближается к той степени завершенности, которую, скажем, геометрия, приобрела уже столетия назад» [22]. Но буквально в течение двух десятилетий была поколеблена картина природы, созданная физиками в течение двух веков. Механизм, изображавший природу действующей по незыблемым законам, предопределившим движение

---

[21] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 17.

[22] Цит. по: *Ф. Гернек.* Альберт Эйнштейн. Жизнь во имя истины, гуманизма и мира. М., 1966, стр. 56.

Библиотека "Руниверс"

каждой отдельной материальной точки на вечные времена, потерпел крушение. Физики стали изображать природу в виде бога, играющего в кости и таким образом определяющего вероятность того или иного процесса.

Рационализм и такие его представители, как Декарт, Спиноза, Лейбниц, Гегель, сыграли большую позитивную роль в развитии философской мысли. Они доказали суверенность человеческого разума. Но возникает вопрос: продолжая лучшие традиции рационализма XVII—XIX вв., осталась ли марксистская философия в его пределах или пошла дальше, создала более глубокую философскую концепцию?

Укоренилось представление, что в сущности марксизм — это рационализм, но освобожденный от некоторой присущей ему наивности и идеализма. Представить марксизм в виде обновленного, усовершенствованного рационализма очень соблазнительно. Тогда упрощается и борьба с иррационализмом, не надо думать над его аргументами, достаточно просто отвергнуть их исходя из рационализма. Гегель не нашел способа и средств поднять рационализм на необходимый уровень. Марксизм же, не прибегая к хитрости и панлогизму, сделал рационализм всеобщей приемлемой философской концепцией. И надо сказать, одно время в нашей литературе так дело и представлялось. Общепринятым было, что иррационализм может быть снят новым, более совершенным рационализмом. Основные его посылки можно сформулировать так: природа хотя и не часовой или какой-либо иной механизм, подверженный принципу лапласовского детерминизма, но тем не менее механизм с более сложным детерминизмом. Часовые, паровые и другие механизмы устарели, возникают более сложные машины — электронно-вычислительные. Вот они-то и воплощают настоящий и высший разум.

Модернизированный рационализм применялся и в объяснении социальной жизни. Он исходил из положений: в буржуазной революции разум не мог воплотиться в полном виде и во всеобщности. Но это осуществилось в пролетарской революции. Где эта революция совершилась, там само собой идет все разумным путем. А если так, то надо искать всеобщий разум в какой-то исторической личности, впитавшей в себя все лучшее, ставшей универсальным умом. Отсюда начинается логическая, дедуктивная

Библиотека "Руниверс"

конструкция: зачем нам думать, что всеобщий разум воплощен в известной исторической личности, нам необходимо только прославлять мощь и величие этого разума.

Но жизнь отвергла такое наивное в научном и вредное в политическом отношении представление. Пролетарская революция, как показывает опыт Великой Октябрьской социалистической революции, действительно открывает новую эпоху в истории человечества, она создает необходимые социальные предпосылки для разумного переустройства общественной жизни. Да, человеческий разум получает широкий простор для своей деятельности во всех сферах: экономической, политической и культурной. Однако история от этого не превращается в простое воплощение человеческого ума, тем более какого-то одного; она остается сложным процессом развития по объективным законам через противоречия и борьбу, рождая новое, которое требует своего осмысления, новых категорий и понятий теоретического мышления.

Обновленная рационалистическая концепция рисует упрощенную картину развития общества, науки и искусства. Старые пророки изжили себя — это верно, но вместо того, чтобы отказаться от пророчества вообще и перейти к иному пониманию исторического развития, конструируются новые пророки, способные на особого рода пророчества. В отношении науки здесь нет никаких сложностей, кибернетика сама просится быть воплощением высшего разума нашего времени. Находятся пророки, которые с помощью математических формул могут определить историю Вселенной на сколько угодно времени вперед и назад, создать с помощью кибернетики любую рациональную систему. И если мы хотим быть логичными и последовательными в нашем мышлении, то тогда неизбежно должны признать, что всеобщий разум находит свое воплощение в творцах гениальных кибернетических машин, которые скоро доберутся до всего и установят всюду порядок. Но сколь бы великими ни были заслуги рационалистов в развитии философии, как бы много позитивного они ни вносили в нее, как бы тесно исторически ни был связан с ними марксизм, рационалистическая концепция изжила себя, и марксизм, восприняв ее лучшие черты, преодолев односторонность рационализма и пороки иррационализма, использующего слабости рационалистов, создал новое понимание мира.

Библиотека "Руниверс"

Марксизм снимает вопрос, разумны или не разумны мир, природа, вопрос, на который рационализм и иррационализм давали диаметрально противоположные ответы. В XX в. представлять мир в виде разумно устроенной машины или организма означает идти назад к телеологии. Если бы природа действительно была создана каким-то разумным высшим существом по его плану, тогда, конечно, можно спрашивать, насколько разумен мир, в какой мере он соответствует идеям этого существа. Однако развитие философии и специальных наук окончательно развенчало такое рационалистическое представление.

Но отрицание разумности природы не означает утверждения ее неразумности. К ее оценке неприменимы ни понятие разумности, ни понятие неразумности, поскольку разум — это предикат человеческой деятельности, а не природы, как таковой. Человек стремится вынести свой разум за пределы самого себя, в объективную реальность. Философия сначала представляла себе это чисто созерцательно — наделяла разумом все явления. При этом разумность природы она изображала в зависимости от того, в какой степени она сама была разумна, в какой сфере представляла себе идеал рационального. Например, в XVII—XVIII вв. идеалом разумности считался человеческий рассудок, который практически осуществлялся в механике. А потому и природа представлялась в виде заведенного богом часового механизма. И уже поскольку наука достигла в тот период знания законов механического движения, то все тайны природы представлялись легко раскрываемыми. В XVIII в. сам человек уподоблялся очень сложной машине, а в наше время некоторые люди представляют его в виде очень сложной электронно-вычислительной машины.

Буржуазная философия решает дилемму: рационализм или иррационализм. Но преодоление пороков буржуазной философии связано со снятием этой дилеммы. Марксистская теория знания исходит из того, что бессмысленно спрашивать, какова сама объективная реальность — разумна или неразумна. Все доводы о ее разумности могут быть легко опровергнуты аргументами иррационалистов, и, наоборот, нетрудно видеть, что рассуждения последних весьма и весьма уязвимы. Объективная реальность — это нечто, что дано человеку в форме природы, которая ни разумна, ни красива, ни добра,

Библиотека "Руниверс"

но и ни безумна, ни безобразна и ни зла, а такая, какая есть. Если бы она была разумна, то человеку не было бы необходимости ее переделывать и подчинять своей воле и сознанию. Исходить из того, что она сплошной хаос и произвол, — значит признать, что с ней ничего нельзя сделать, а придется только отдать себя на милость победителя, приспособиться к этой реальности или убежать от нее в мир своего «я», мышления, грез, как рекомендуют иррационалисты и романтики.

Нередко разумность отождествляется с закономерностью. Раз в мире существуют объективные законы, то, следовательно, в нем господствует разум. Но тогда неминуемо возникает вопрос, чей разум и кто его туда внес. Нет иного способа избежать этого вопроса, как только покончить с рационалистическим отождествлением разумности и закономерности. В природе и обществе существует много закономерностей, которые человек считает неразумными, поэтому он переделывает природу на свой человеческий лад.

Объективная реальность не создана нами, поэтому мы, находя ее такой, какова она есть, со всеми объективными законами, создаем свою очеловеченную природу. Как писал В. И. Ленин, «...мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его» [23].

В этом смысле человек вносит в мир свой разум, однако только в форме целесообразного, направленного отражения природы и практического действия, воплощающего разумное в жизнь. Человеческая деятельность может быть разумной, красивой и доброй, а значит, она же может быть и неразумной, безобразной и злой. Иными словами, рациональное и иррациональное — атрибуты человеческой деятельности, и прежде всего его мышления. Следовательно, их источник кроется в практической деятельности человека, в развитии этой деятельности.

Разумное, рациональное имеет исторический характер, развивается вместе с человеческой практикой и свидетельствует о степени овладения явлениями, процессами объективной реальности, о способности человека управлять ее процессами.

Знание рационально в нескольких отношениях. Прежде всего оно всегда связано с мышлением человека. Вне

---

[23] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 195.

Библиотека "Руниверс"

категорий мышления оно не может ни овладеть действительностью, ни указать пути создания необходимого мира вещей. Чувственность становится знанием, только будучи включенной в мышление в качестве момента, необходимого для его связи с внешним миром. И в этом смысле в самом знании можно выделить и противопоставить два момента — чувственное и рациональное, но, взятые в изоляции друг от друга, они не могут образовать знания, и это было четко осознано уже в философии Канта.

Далее, знание рационально, поскольку создает особый мир идей, практическое осуществление которых является шагом на пути создания мира, наиболее полно удовлетворяющего сущности и соответствующего потребностям человеческого бытия. В данном случае мера разумности наших идей определяется степенью господства над явлениями и процессами объективной реальности.

Но одновременно знание не укладывается в рациональные рамки, во-первых, потому, что всегда связано с чувственностью, в которой объект является некоторой данностью. Не от нас зависит, что листья дерева воспринимаются нами такими, а не иными. Во-вторых, оно в каждый исторический период ограничено в возможности создать такие идеи, практическое воплощение которых создало бы мир, полностью удовлетворяющий человека. Действие в соответствии с идеями разума приводит и к результатам, противоположным нашим желаниям и стремлениям; мы воспринимаем эти результаты как нечто неразумное, иррациональное.

Таким образом, рациональное и иррациональное — моменты единого процесса развития человеческого знания. С иррациональным нельзя разделаться одним махом, оно преодолевается по мере развития человечества и его мышления. Этот исторический процесс превращения иррационального в рациональное никогда не заканчивается в движении самого познания и человеческой практики. Иррациональный остаток имеется всегда, и если одно иррациональное перестало быть таковым, то обязательно возникает другое, человеческая мысль сталкивается с новым непонятным, чем еще не овладел наш разум. Поэтому меняется само разумное, а разум порождает и свою противоположность.

Итак, марксизм-ленинизм не отрицает существования иррационального. Природа и общественная жизнь не

Библиотека "Руниверс"

укладываются в рамки ни одной рационально созданной картины, и всякий разум исторически ограничен.

Безликий «машинный ум» тем более является только тусклой копией человеческого разумения. Мы рационалисты, поскольку ориентируемся в конечном счете на разум, но мы признаем существование иррационального; растущий разум постигает не только самого себя, но и свою противоположность, которая дана в реальной жизни. Разум свою силу показывает в преодолении данности, противостоящей ему. Наша практика и основывающийся на ней разум, включающий интуицию, способны выразить ее в рациональной форме, только нельзя ни одну форму разума, ни одно его конкретно-историческое воплощение представлять абсолютным. К. Маркс в «Капитале» при характеристике сущности человеческого труда приводит слова Гегеля:

«Разум столь же хитер, сколь могуществен. Хитрость состоит вообще в опосредствующей деятельности, которая, обусловливая взаимное воздействие и взаимную обработку предметов соответственно их природе, без непосредственного вмешательства в этот процесс, осуществляет свою цель» [24]. Именно в ней, в практике, в формах мысли, возникающих для ее целей, иррациональное приобретает рациональное, человеческие формы.

3. Понятие логического

Раскрытие взаимоотношения рационального и иррационального в знании связано с понятием логического. Под логическим мы здесь будем понимать способ теоретического овладения объектом посредством создания системы абстракций [25].

Ограниченность логического, служащая иррационализму аргументом для поисков какого-то иного способа овладения объективной реальностью, преодолевается только в ходе развития познания на основе общественно-исторической практики человека. Иного пути овладения явлениями и процессами действительности, иного средства создания идей для их преобразования не существует,

---

[24] Цит. по: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 190.

[25] В соответствии с целями исследования автор не затрагивает здесь других сторон логического *(Ред. колл.)*.

Библиотека "Руниверс"

поиски их ведут к мистике, ослабляют творческую деятельность человека. А. Бергсон полагал, что «наша мысль, под формою чисто логической, не способна представить себе истинной природы жизни, глубокого значения эволюционного движения» [26]. Нет, в своем постоянном развитии она постигает и непрерывность, движение явлений объективной реальности, как мертвых, так и живых. Формы мышления не просто постигают существующее, а являются необходимым средством практического создания нового мира вещей и процессов.

Познание объективной реальности в формах мышления само является предметом анализа. Из него и возникла логика как научная дисциплина. В настоящее время существует множество систем логики, и, видимо, количество их будет расти. Несмотря на это, все они имеют нечто общее, каковым является изучение структуры, способов доказательства, возникновения и развития научной теории. Какие бы ни существовали логики, они обязательно имеют отношение к исследованию форм и законов постижения объективной реальности в мышлении, к построению научного знания и его развитию.

Данное понимание сущности логики предпочтительнее ее определения как учения о законах и формах правильного мышления, поскольку, с одной стороны, оно включает это традиционное определение, а с другой —идет дальше него. На традиционном определении лежит печать нормативности логики. Формы и законы правильного мышления выделяются и провозглашаются в качестве канона, нормы, которой всюду и всегда надо следовать.

Но развитие логики показывает, что решающие повороты научного познания всегда связаны с переходом границы правильного, или, иными словами, с необходимостью возводить в ранг правильного то, что ранее не считалось таковым.

Чтобы убедиться в истинности этого, достаточно проследить развитие логики. Человеческий рассудок превратил законы и формы мышления, вскрытые и описанные Аристотелем, в норму мышления. История логики нового времени полна попыток обосновать необходимость выхода за пределы норм правильного мышления, которые предписывались аристотелевской логикой. Причем эти попыт-

[26] *А. Бергсон.* Творческая эволюция, стр. IV.

Библиотека "Руниверс"

ки выхода за пределы аристотелевской логики осуществлялись в самых различных направлениях: доказывалось, что законы, установленные в ней, в частности принцип исключенного третьего, действуют не во всяком процессе рассуждения; что формы, описанные ею, не охватывают всего многообразия выводов, а сама аристотелевская логика не вскрывает всех законов и форм движения мышления к новым результатам.

В связи с этим сфера, подлежащая логическому изучению, была расширена; возникло множество логических систем, каждая из которых вскрывает законы и формы правильного мышления. Была осознана историчность самой правильности мышления. Ранее вскрытые закономерности превращались в законы и формы правильного мышления. Рост знания — это овладение не только объектом, но и самим знанием.

Поэтому логика должна изучать не какое-то заранее известное, правильное, нормативное мышление, а движение научного знания к истине, вычленяя из которого формы и законы, подчиняясь им, мышление приходит к объективной истине. А поскольку знание непрерывно растет, изменяясь количественно и качественно, сфера логического в соответствии с этим обогащается новым содержанием, она включает в себя новые элементы, внутренне преобразовываясь и перестраиваясь. Это отчетливо видно при сравнении логики Аристотеля с совокупностью современных логических систем, в которых аристотелевские построения выступают лишь преобразованным элементом.

Итак, объектом логики является не изучение правильного мышления, а исследование научного знания. Поэтому нельзя заранее решать, какие формы мышления являются правильными, а какие неправильными. Ни одна логическая система не в состоянии этого сделать, поскольку все принципиально новое по отношению к установленным ею формам и законам выступает неправильным. Например, с точки зрения двузначной логики все логические исчисления многозначной логики должны быть исключены как неправильные. Поскольку научные знания постоянно меняются, изменяется и область логического, т. е. правильного.

В принятом нами определении в качестве объекта логического изучения берется научная теория, в то время как в традиционной логике это — понятия (термины), су-

Библиотека "Руниверс"

ждения (предложения), умозаключения (выводы). Истинное знание достигается в системе, зрелой формой которой выступает научная теория. Для понимания структуры, способов доказательства и развития теории необходимо изучение понятий, суждений и умозаключений. Изучение предложений и их логических связей подчиняется задачам логического анализа теории. Хорошо известно, что научное знание сложно и многосторонне. Все ли оно служит объектом логического? Ошибочно полагать, что в сферу логики входит только одна сторона знания — анализ структуры такого ее образования, как вывод, сущность которого заключается в переходе от заданного, известного знания к другому, следуемому из него с логической необходимостью или вероятностью в определенной степени. В этом случае из научного знания берется только один его элемент и изучается с одной, строго определенной стороны.

Нельзя отрицать важности этого элемента для научного знания. Детальный анализ выводного знания всегда входил в задачу логики, и на этом пути она достигла больших успехов. Но возникает вопрос, охватывает ли процесс вывода все, с чем связано развитие научного знания. Процесс вывода предполагает, что некоторое знание нам уже дано и надо найти способы и средства вывести из него еще некоторые предложения, обогатив тем самым наше знание. Однако наше знание развивается не только таким путем, оно предполагает выдвижение новых положений на основе обобщения практического опыта, экстраполяции прежних теоретических принципов, не укладывающихся в рамки логической дедукции.

Полагают, что это уже не логика. Но если это не логика, но в то же время нечто приводящее к выдвижению и обоснованию новых научных идей, построению фундаментальных теорий, то оно имеет значение не меньшее, чем любая строгая дедукция. Поэтому в истории философии существует традиция расширения сферы логического за счет изучения законов и форм движения мышления к новым результатам независимо от того, как мы к ним идем: путем дедукции или путем экстраполяции существующих принципов и т. п.

Таким образом, к логическому мы относим все, что связано с анализом научного знания, вычленением его

Библиотека "Руниверс"

форм и законов движения. При таком понимании возникает опасность, что логика перестанет быть чем-то единым, поскольку в ее предмет включены слишком разнородные элементы, от формальных исчислений до законов и категорий диалектики. Да, конечно, она содержит в себе различные элементы, но в то же время остается единой, ибо все эти элементы связаны так или иначе с пониманием знания и его движения к объективно истинным результатам. Какая бы ни была логика, она всегда является системой, изучающей с определенной стороны знание, т. е. логикой научного познания. Логика, если она анализирует знание с тем, чтобы осознать пути его движения к истине или хотя бы какую-то одну сторону этого сложного процесса, какими бы средствами она ни пользовалась, остается логикой.

В истории философской мысли был поставлен вопрос: чем является логика — каноном мышления или его органоном, т. е. предписывает она правила, по которым должно строиться человеческое рассуждение, или она орудие, способствующее развитию мышления, помогающее ему овладеть объективной реальностью.

Ответ на этот вопрос следует искать в снятии дилеммы либо канон, либо органон. Конечно, она канон, поскольку дает правила мышления, но она и органон, поскольку ее законы и формы направлены на движение мысли, т. е. поскольку она сама является орудием поисков новых результатов. Однако диалектика развития такова, что всякий органон превращается в канон, и логика постоянно испытывает необходимость в новом органоне. Средневековье сделало из логической системы Аристотеля канон мышления, поэтому развивающаяся наука требовала нового органона, над созданием которого бился не только Ф. Бэкон, а и вся философия нового времени. Но созданная индуктивная логика превратилась также в канон, в современных условиях она стремится стать совершенным логическим исчислением. Эта вечная потребность в новом органоне — характерная особенность развития логики, свидетельствующая о творчески неповторимом процессе научного познания.

Библиотека "Руниверс"

4. Формальная логика и диалектика — два основных метода логического анализа знания

Развитие науки логики привело к образованию двух, отличных друг от друга способов изучения мышления. Каков же в общих чертах исторический путь образования этих методов и каковы их характерные особенности?

Логика возникла и развивалась как анализ познающего мышления, его структуры, законов функционирования. Элементы логического анализа обнаруживаются уже в сочинениях индийских буддистов, греческих натурфилософов-досократиков, в фрагментах Демокрита и рассуждениях софистов, в диалогах Платона и т. д. Первым систематизатором и основоположником логики как науки обыкновенно считается Аристотель, подытоживший и критически обобщивший все предшествовавшие попытки исследований в области мышления. В его трудах впервые были сведены воедино и систематизированы те знания, которые впоследствии выделились в логику, хотя ни сколько-нибудь четкого обособления логической проблематики, ни самого названия «логика» в его сочинениях сбнаружить нельзя. Позднейшие комментаторы философии Аристотеля под названием «аристотелевская логика» выделили разделы его учения о категориях и законах мышления, относящиеся главным образом к анализу мышления со стороны его формального содержания — описанию структуры и видов доказательства. Но этим не ограничивается логика Аристотеля, который дал философское истолкование формам мышления, показал их связь с бытием, поставил вопрос о логике как методе познания.

В исследованиях Аристотеля рассмотрение категорий, форм и законов мышления постоянно переплетается и смешивается с рассуждениями космологического, физического, психологического и лингвистического характера. Несомненный интерес представляют логические идеи, выраженные в его «Метафизике», где анализируются основные роды бытия, находящие свое отражение в категориях. Аристотель коснулся всех основных категорий: материи, содержания, формы, возможности, действительности, качества, количества, движения, пространства и времени и т. п. В центре стояла категория сущности, которую он

Библиотека "Руниверс"

рассмотрел наиболее полно. Анализ категорий стихийно подводил Аристотеля к пониманию их взаимной связи, переходов, текучести.

Аристотелевская логика не является чем-то цельным и завершенным. Она совокупность разных аспектов логического анализа, постигающего мышление. Поэтому в последующем разные ее слои служили объектом дальнейшей разработки, уточнений и обобщений. Стоики, которые ввели сам термин «логика», разрабатывали теорию вывода, дополняя силлогистику Аристотеля и дальше формализуя ее. По существу они положили начало логике высказываний. В этом направлении шла логическая мысль европейского средневековья.

Но уже в новое время в центре внимания оказалась другая сторона логики Аристотеля — процесс движения мысли к новому знанию, интерес к которой угас у схоластов. Логика Аристотеля базировалась на довольно ограниченной научной практике, прежде всего на доказательствах, которыми оперировала возникающая математика, научных догадках, спорах и дискуссиях. В древнем мире имелись только зачатки естествознания, которое как самостоятельная отрасль знания берет начало с XV—XVI вв., с эпохи разложения феодальных отношений и становления буржуазных. Потребности развития естествознания, в частности опытного, поставили логику перед необходимостью разработки метода достижения нового знания, образования новых понятий, теорий науки. В связи с этим логика обратила внимание на изучение форм движения мышления к истине.

Схоластическая логика, базировавшаяся на догматическом понимании Аристотеля, оказалась непригодной для этого. Этим и объясняется та решительная оппозиция, которую заняли по отношению к ней крупнейшие представители философии нового времени, так или иначе связанные с развитием естествознания и зачатков общественных наук. «Логика, — пишет Ф. Бэкон, — которой теперь пользуются, скорее служит укреплению и сохранению ошибок, имеющих свое основание в общепринятых понятиях, чем отысканию истины. Поэтому она более вредна, чем полезна»[27]. Аналогичные мысли высказывал и Р. Декарт: «В логике ее силлогизмы и бо́льшая часть

[27] *Ф. Бэкон.* Новый органон. Л., 1935, стр. 110.

Библиотека "Руниверс"

других ее наставлений скорее помогают объяснять другим то, что нам известно, или даже, как в искусстве Луллия... бестолково... рассуждать о том, чего не знаешь, вместо того чтобы изучать это»[28], и Д. Локк: «Силлогизм в лучшем случае есть лишь искусство вести борьбу при помощи того небольшого знания, какое есть у нас, не прибавляя к нему ничего»[29].

В этот период остро ставится задача создания новой логики, которая соответствовала бы потребностям практики мышления, в частности теоретической переработке данных опыта. Эта новая, неаристотелевская логика различными мыслителями представлялась по-разному. Ф. Бэкон видит будущее логики в разработке теории восхождения от опыта к обобщению. Он критикует силлогизм как метод образования понятий, в этом отношении усматривает его бесплодность. Надежным методом образования понятий является опыт и индукция. Сильная сторона логических учений Бэкона состоит в подчеркивании роли опыта, наблюдения, эксперимента. Эмпирическое Бэкон сделал первой и главной посылкой умозаключения. Теоретико-познавательной основой его логики является материалистический сенсуализм. Однако на его логике лежит печать метафизики. Причины, формы явлений, которые открываются индукцией, рассматриваются застывшими, неизменными; в самом процессе индуктивного умозаключения односторонне подчеркивалась роль анализа, расчленения природы на отдельные изолированные элементы. Ф. Бэкон недооценивал роль дедукции, гипотезы и обобщения, практика сводилась им к наблюдению и эксперименту.

Учение Бэкона обогатило логику в двух отношениях: во-первых, более глубоким и полным исследованием структуры и видов индуктивного умозаключения; во-вторых, постановкой вопроса о расширении предмета и задач логики, о необходимости исследования логикой метода получения нового знания. По его мнению, логика не может ограничиваться изучением структуры и видов умозаключения, она должна указывать мышлению совершенно новую дорогу, еще не исследованную древними.

---

[28] *Р. Декарт.* Избр. произв. М., 1950, стр. 271.

[29] *Д. Локк.* Избр. философ. произв. в 2-х томах, т. I. М., 1960, стр. 657.

Библиотека "Руниверс"

Бэкон считал, что его «Органон» является логикой, новой логикой, новым органоном — методологией наук и научных открытий.

Иным образом представлял себе дальнейший путь развития логики Р. Декарт, обобщивший опыт развития мышления в математике и механике. Задача реформатора логики, по его мнению, состоит не только в том, чтобы очистить ее от вредных и ненужных схоластических наслоений, но и в том, чтобы дополнить тем, что вело бы к открытию достоверных и новых истин. Декарт ставил вопрос о методе познания, выходящем за рамки того, который давала прежняя логика. Соблюдение правил силлогизма, самая безупречная логическая дедукция не могут служить гарантией истинности нашего мышления. Декарт сформулировал правила метода получения нового знания, которые призваны были заменить бесконечное множество правил, имеющихся в логике. Он строил свой метод, исходя из признания решающей роли интуиции и дедукции. Опыт и индукция играют только вспомогательную роль.

Философия XVIII столетия отчетливо осознала, что за термином «логика» по существу уже скрываются две научные дисциплины, имеющие различные предметы. Кант одним из первых прямо заявил об этом, очертив прежде всего предмет общей, или, как она потом стала называться, формальной, логики. Эта логика, по его мнению, со времен Аристотеля не сделала «ни шага назад, если не считать улучшением устранение некоторых ненужных тонкостей и более ясное изложение, относящиеся скорее к изящности, нежели к достоверности науки. Примечательно в ней также и то, что она до сих пор не могла сделать ни шага вперед и, судя по всему, она кажется наукой вполне законченной и завершенной» [30].

По мнению Канта, общая логика «есть наука, обстоятельно излагающая и строго доказывающая одни только формальные правила всякого мышления» [31]. Положения Канта об общей логике носят двойственный характер. С одной стороны, он является основоположником априоризма и формализма в логике. Именно с него берет начало истолкование форм мышления как чистых, абсолютно

---

[30] *И. Кант.* Соч., т. 3, стр. 82.
[31] Там же, стр. 83.

Библиотека "Руниверс"

независимых ни от какого предметного содержания и возникших независимо от опыта. Ни у Аристотеля, ни даже у Декарта и Лейбница формы мышления не «очищались» от всякого предметного содержания, наоборот, они выражали его сущность. Кант порвал с этой традицией и положил начало формалистическому истолкованию логических форм.

С другой стороны, положение Канта о предмете общей логики и сфере ее применения сыграло положительную роль, ибо по существу предмет формальной логики до Канта не был строго определен, что не способствовало как прогрессу формальной логики, так и формированию новой. Строго очертив границы предмета общей логики, Кант тем самым перед философией поставил задачу создания принципиально новой логики, необходимость которой диктовалась уже тем, что самое тщательное соблюдение формальных правил «согласия знания с самим собой» может с одинаковым успехом приводить как к истине, так и к заблуждению и даже просто к глупости, ибо общая логика не содержит и не может содержать в себе никаких предписаний для способности суждения.

Отсюда Кант делает вывод о необходимости создания принципиально новой логики, которая бы специально трактовала о принципах и правилах априорного применения рассудка или мышления вообще или об условиях применения правил логики к решению задач теоретического мышления.

В XIX в. существование двух логик с различными методами стало фактом, и их развитие шло не только независимо друг от друга, но даже в некотором антагонизме.

Прогресс в формальной логике начиная с XIX столетия связан с формированием и развитием математической логики, идея которой была заложена еще Лейбницем, сформулировавшим лишь некоторые принципы той части математической логики, которая потом стала называться алгеброй логики. Идеи ее сводились к следующему: понятия, как и высказывания, необходимо свести к некоторым основным, обозначив их соответствующими знаками или символами. Из этого небольшого числа понятий можно конструировать или выводить все остальные, представив их комбинацией этих символов. Комбинация символов и дедукция высказываний основываются на всеобщих правилах, формулируемых посредством введения символов

Библиотека "Руниверс"

аналогично алгебраическим правилам вычисления. Идеи Лейбница были слишком новы для XVII в., наука не была еще к ним подготовлена. Логики в XIX в. независимо от Лейбница пришли к ним и стали их реализовывать.

Сближение формальной логики с математикой является закономерным результатом их развития. Предмет формальной логики имеет много общего с предметом математики: та и другая связаны с отражением чрезвычайно общих отношений, выражающихся в далеко идущих абстракциях, связь которых с объективным миром носит чрезвычайно сложный и очень опосредованный характер; отношения, изучаемые формальной логикой, подобно отношениям, изучаемым математикой, являются регулярными, их можно разбивать на относительно однородные дискретные элементы, допускающие количественный анализ.

На базе общности предметов этих двух наук совершенно закономерно возникла идея применить метод одной науки для решения задач другой. Математическая логика возникла и развивалась сначала как применение математического метода для решения логических задач, а потом как применение логики для решения проблем, стоящих перед математикой. В связи с этим в формировании математической логики можно выделить два этапа.

Первый этап связан с применением математической символики к решению логических задач. Он связан с деятельностью таких мыслителей, как Д. Буль (1815—1864), Ч. Пирс (1839—1914), Э. Шредер (1841—1902), П. С. Порецкий (1864—1907). Потребности развития формальной логики требовали вычисления простейших и наиболее общих форм отношений, существующих между элементами в умозаключениях и суждениях, в их формализации. Применение математической символики способствовало решению этой проблемы. Однако широкое внедрение математической символики для выражения логических отношений еще не давало принципиально новой по своему содержанию формальной логики. Сама по себе математическая символика не может изменить сущности логического мышления, ибо слова обычного, естественного языка тоже являются символами, имеющими определенное значение.

Второй этап в развитии математической логики связан с применением формальной логики к решению мате-

Библиотека "Руниверс"

матических проблем. Развитие математики в конце XIX и начале XX в. требовало внимания к чисто логическим задачам, не решенным формальной логикой даже в ее символическом изложении. Логический аппарат формальной логики был недостаточен для решения многих вопросов, связанных с проблемами обоснования математики, теории множеств, выяснения сущности, структуры математических доказательств, связи понятий в них.

Так сформировалась математическая логика — современный этап в развитии формальной логики. А. Чёрч дал такое определение ее предмету: «Обычно (формальная) логика занимается анализом предложений или суждений... и доказательств... при этом основное внимание обращается на *форму* в отвлечении от *содержания*» [32]. Однако это определение мало что говорит о содержании современной формальной логики. Более четкое представление о ней складывается после ознакомления с ее методом изучения знания как логического процесса. Этот метод состоит в превращении знания в идеальную модель, построенную на принципах формального исчисления, в искусственно созданный язык.

Вот как рисует А. Чёрч метод построения логической системы: «Словарь... языка задается тем, что выписываются единые символы, которые будут употребляться... Они называются *исходными символами*... языка и должны предполагаться неделимыми... Конечная линейная последовательность исходных символов называется *формулой*. По определенным правилам из числа всех формул выделяются *правильно построенные формулы*... После этого некоторые из числа правильно построенных формул объявляются *аксиомами*. И наконец, устанавливаются (исходные) *правила вывода* (или *правила действий*, или *правила преобразований*), по которым из соответствующих правильно построенных формул как из *посылок непосредственно выводится* или *непосредственно следует*... как *заключение* некоторая правильно построенная формула» [33]. Подобным образом построены все существующие формально-логические исчисления, по нему же будут строиться и новые. Меняются только знаки,

---

[32] *А. Черч.* Введение в математическую логику, т. I. М., 1960, стр. 15.

[33] Там же, стр. 49.

Библиотека "Руниверс"

правила формирования из них предложений, исходные аксиомы и правила перехода от одних предложений к другим.

Эта идеальная модель построения знания, иными словами, созданный искусственный формализованный язык, является в подлинном смысле каноном мышления, служащим методом анализа научного знания. Эту модель мы как бы накладываем на результаты реального знания и пытаемся осознать его с точки зрения этой модели и построить в соответствии с ней. Логический анализ теоретического знания на основе этого метода дал большие результаты как для развития теоретического познания, так и для практики, в частности для решения задач передачи функций человеческого мышления машине. Кибернетика была бы невозможна без создания метода анализа знания на основе создания искусственных формализованных языков.

С помощью этого метода можно проанализировать имеющееся знание и соответствующим образом перестроить его, выразить по возможности в строго формализованной системе. Он способствует и достижению нового знания, поскольку данный анализ может обнаружить некоторые недостающие элементы, звенья, необходимые для построения формализованной теоретической системы, и направить человеческую мысль на их поиски. Поэтому неверным является представление, что метод формальной логики вовсе не способствует движению знания к новым результатам. Он, конечно, прежде всего метод построения и доказательства теоретического знания, но в определенных пределах может иметь и эвристическое значение. «Даже формальная логика, — писал Ф. Энгельс, — представляет собой прежде всего метод для отыскания новых результатов, для перехода от известного к неизвестному» [34], и неверно было бы думать, что традиционная формальная логика создавала метод достижения нового знания, а современная, более совершенная потеряла эту способность.

Метод построения формализованных систем, как и любой метод, имеет свои границы. Например, в математике и в других областях знания теоретические системы формализуются в соответствии с моделью знания, как его

[34] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 138.

Библиотека "Руниверс"

представляет формальная логика. Но уже аксиоматизация систем теоретической физики встречается с определенными трудностями и, если возможна, то не в том виде, как это предписывает метод современной формальной логики. Конечно, мы не исключаем возможности и даже необходимости большой работы в направлении построения формализованных систем в различных областях современной науки вплоть до создания алгоритмов, по которым могут работать машины. Но может ли логика ограничиться тем, что будет самым совершенным каноном мышления, т. е. создавать формализованные языки, под которые можно подгонять результаты познания, извлекать из них возможные следствия?

Не лишен оснований и более общий вопрос: а изучает ли она мышление вообще? Так, например, Я. Лукасевич пишет: «Однако неверно, что логика — наука о законах мышления. Исследовать, как мы действительно мыслим или как мы должны мыслить, — не предмет логики. Первая задача принадлежит психологии, вторая относится к области практического искусства, наподобие мнемоники. Логика имеет дело с мышлением не более, чем математика» [35]. К ответу на этот вопрос нужно подходить, несомненно, точнее, чем Лукасевич. В том виде, в каком сформировался сейчас метод формально-логического, или, как его А. Чёрч называет, логического, анализа, своим предметом он имеет язык. И здесь мы согласны с утверждением Я. Лукасевича: «...современная формальная логика стремится к возможно большей точности. Эта цель может быть достигнута только с помощью точного языка, построенного из устойчивых, наглядно воспринимаемых знаков. Такой язык необходим для любой науки. Наши собственные мысли, не оформленные в словах, являются для нас же самих почти непостижимыми; невыраженные же мысли других людей могут быть доступны только для ясновидца. Каждая научная истина, для того чтобы быть воспринятой и удостоверенной, должна быть воплощена в понятную для каждого внешнюю форму. Все эти утверждения представляются неоспоримой истиной. Современная формальная логика, следовательно, уделяет огромное внимание точности языка. То,

---

[35] *Я. Лукасевич.* Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. М., 1959, стр. 48.

Библиотека "Руниверс"

что называется формализмом, есть следствие этой тенденции»[36].

Если Я. Лукасевич признает все это бесспорной истиной, то непонятно, почему он отказывает логике в изучении мышления. Ведь язык — это форма бытия знания. Изучая язык, стремясь сделать его максимально точным и строгим, мы имеем дело с определенной стороной мышления, с его анализом. Формальная логика исследует знание, мышление, поскольку в той или иной форме они выражаются в языке и в операциях с языковыми единицами. Но это только одна сторона мышления и его логического анализа.

В настоящее время работы по математической логике нередко касаются проблем математики, аппарат логики привлекается к решению задач обоснования математики, поэтому следует согласиться с теми авторами, которые во избежание двусмысленности, связанной с употреблением термина «математическая логика»[37], предлагают называть современную формальную логику каким-то иным термином: «теоретическая формальная логика» или «символическая логика» и т. п.

Другой логический метод связан с диалектикой, ее законами и категориями.

Диалектика со времени античности приобрела две различные формы: искусства оперирования понятиями (Платон) и теоретического осмысления самой действительности, и прежде всего природы (Гераклит). Эти два начала в диалектике казались абсолютно гетерогенными: диалектика либо учит мыслить (искусство оперировать понятиями), либо дает понимание, осмысление самого мира, природы его вещей. Эти две системы знания противостояли друг другу, как логическое онтологическому. Но ход движения философской мысли привел к идее об их совпадении. На идеалистической основе это было сделано Гегелем. Марксизм продолжил и развил эти идеи Гегеля на принципах материализма. У диалектики нет иных целей, как создание и совершенствование аппарата для научно-теоретического мышления, приводящего к объек-

---

[36] Там же, стр. 52.

[37] См. *И. Н. Бродский, О. Ф. Серебрянников.* О характере современной формальной логики. — «Вопросы философии», 1966, № 8, стр. 121.

Библиотека "Руниверс"

тивной истине. Но, оказывается, этим аппаратом является система понятий, содержание которых взято из объективного мира. Диалектика как осмысление природы вещей и искусство оперирования понятиями имеет одно и то же содержание, ибо законы объективного мира, поскольку они нами познаны, выступают одновременно как законы мышления, а последние являются отражением законов объективного мира. «Вернувшись к материалистической точке зрения, — писал Ф. Энгельс, — мы снова увидели в человеческих понятиях отображения действительных вещей, вместо того чтобы в действительных вещах видеть отображения тех или иных ступеней абсолютного понятия. Диалектика сводилась этим к науке об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления: два ряда законов, которые по сути дела тождественны, а по своему выражению различны лишь постольку, поскольку человеческая голова может применять их сознательно, между тем как в природе, — а до сих пор большей частью и в человеческой истории — они прокладывают себе путь бессознательно...» [38]

Формы и законы мышления, изучаемые логикой, суть не что иное, как формы и закономерности движения предметного мира, вовлеченного в совокупный процесс труда и вошедшего в сферу человеческой деятельности. В универсальности, т. е. в том факте, что общественный человек способен *любой* предмет природы превращать в предмет и условие своей жизнедеятельности и не привязан, подобно животному, к биологически-ограниченным условиям жизни вида, — именно в этом и заключается особенность человеческой деятельности, его мышления. Этим человек доказывает свою универсальность вообще и своего мышления в особенности, поскольку мышление и есть не что иное, как развитая способность сознательно обращаться с любым предметом в согласии с его собственной формой и мерой, на основе образа, объективно верно отражающего этот предмет.

Законы и формы мышления, систематизируемые логикой, суть только законы и формы осмысливаемого человеком мира, природы и общества, формы и законы отраженного и отражаемого в сознании мира. Разница

[38] *К. Маркс и Ф. Энгельс* Соч., т. 21, стр. 301—302

Библиотека "Руниверс"

между «онтологическими» и «логическими» закономерностями заключается единственно в том, что в природе, а большей частью пока еще и в обществе, эти законы осуществляются бессознательно, в виде внешней необходимости, пробивающей себе дорогу сквозь хаос кажущихся случайностей, между тем как мыслящий человек умеет сознательно действовать в согласии с ними, т. е. свободно.

С точки зрения материализма осознанная диалектика развития природы и общества и есть логика мышления, согласующегося с действительностью. При этом имеется в виду только действительное мышление, объективно верное отражение, проверенное и проверяемое практикой человека. Материалистическая диалектика служит логическим методом движения мышления к объективной истине, потому что ведет его по законам самого объекта. Успех и работоспособность метода зависят от того, на каких закономерностях он основан, как полно и точно их отражает. Причем диалектика выступает методом логического мышления не только ученых, разделяющих позиции диалектического материализма, но и современной науки в целом. Даже ученые, субъективно отвергающие диалектику, вынуждены стихийно (в силу объективного содержания понятий и теорий науки) следовать законам и категориям диалектики, иначе невозможна плодотворная работа в науке.

Сила диалектики как логики заключается в ее способности связать объективность содержания понятий и теорий науки с их изменчивостью, текучестью. Больше того, диалектика доказывает, что вне развития невозможно достижение объективной истины. Для современной науки необходима логика, которая вскрывала бы закономерности познания как процесса постижения мыслью предмета.

Материалистическая диалектика как логика выработала ряд категорий, которые направляют теоретическое мышление. При этом исходными выступают категории субъекта и объекта. Процесс познания возникает как результат взаимодействия этих категорий. Активным началом этого взаимодействия выступает субъект: он воздействует на объект и преобразует его по своему образу и подобию, т. е. согласно своим общественным потребностям. Предметы материального мира существуют неза-

Библиотека "Руниверс"

висимо от человека, но последний не может пассивно относиться к ним, он смотрит на них как на предмет для своей практической деятельности. Этим и направляется научное знание, стремящееся с целью практического преобразования объекта выявить его объективную природу. Здесь мы и сталкиваемся с основным противоречием процесса познания — противоречием между субъектом и объектом. Субъект — творец и носитель знания — должен прийти к таким результатам, которые в своем содержании не зависят от самого человека. Это кажется парадоксальным, но тем не менее это так. Чтобы овладеть практически и теоретически объектом, человек с помощью орудий и приборов активно вмешивается в ход объективного процесса, делает объект до некоторой степени субъективным. Но чем в этом смысле субъективнее объект, тем объективнее наше знание о нем, тем полнее и глубже постигаются свойства объекта, которые не зависят от субъекта.

Современная наука, в частности естествознание, свидетельствует о возрастании активности субъекта в познании. Оснащенная приборами и аппаратами, она вторгается в изучаемый объект и таким образом все больше его объективирует. Примером этого может служить квантовая механика, устанавливающая, что при изучении явлений микромира исследователь использует макроскопические приборы, которые взаимодействуют с элементарными частицами. Учеными, не понимающими диалектики субъекта и объекта, этот процесс осмысливается как потеря возможности познания объекта, его свойств и закономерностей. В связи с этим говорится о слиянии субъекта и объекта, об уничтожении всякого различия между ними.

Для материалистической диалектики здесь нет непреодолимых трудностей. В процессе практического взаимодействия субъекта и объекта постоянно осуществляется превращение субъективного в объективное и объективного в субъективное. Человеческие идеи, теории овеществляются в практике, на их основе может создаваться объективная реальность, существующая уже независимо от сознания субъекта. В свою очередь предметы объективной действительности присваиваются человеком, очеловечиваются, становятся продолжением, усилением и удлинением естественных органов человека.

Библиотека "Руниверс"

Необходимой предпосылкой практического освоения субъектом объекта является постижение в познании объективной истины. Теоретически субъект и объект совпадают в познании, объект переходит в содержание познавательного образа. Возрастание активности субъекта, его вторжение в ход объективного процесса — непременное условие полного, всестороннего отражения в познании объекта таким, каким он существует независимо от сознания людей.

Для понимания закономерностей движения научного познания к объективной истине материалистическая диалектика использует такие категории, как чувственное и рациональное, абстрактное и конкретное, логическое и историческое, абсолютное и относительное, вероятное и достоверное и т. д. Каждая из этих пар категорий выражает определенную сторону в сложном и противоречивом процессе современного научного познания.

Таким образом, диалектическая логика выступает как наука об истине, о процессе совпадения содержания знания с объектом, о категориях, на основе которых мышление совпадает, согласуется с предметной действительностью. Иными словами, логические категории, система которых образует диалектическую логику, суть универсальные определения действительности такой, какой она выглядит в объективно-истинном мышлении, проверенном и проверяемом практикой человека, — ведь определения «истинного» мышления есть определения верно осмысливаемой действительности. Логические категории — это условия согласия, совпадения (тождества) мысли с действительностью.

Разумеется, отношение между мышлением и действительностью понимается здесь вовсе не как абстрактное, мертвое «тождество», не как простое «одно и то же», а как тождество противоположностей. Поэтому логические (диалектические) категории предстают одновременно и как формы «перехода» («превращения») действительности в мышление, в форму знания (т. е. как ступеньки познания, отражения мира в сознании), и как ступеньки «превращения» знания в действительность, т. е. практической реализации знаний и проверки их практикой. Поэтому диалектика, или диалектическая логика, выступает непосредственно и как теория познания (гносеология).

Библиотека "Руниверс"

Диалектика — это прежде всего способ приращения действительного знания с помощью критического анализа конкретного фактического материала, метод конкретного анализа действительного предмета, действительных фактов.

В. И. Ленин полагал, что категории логики в их систематической последовательности должны быть «выведены» из исследования истории познания и деятельности человека и что поэтому «в логике история мысли **должна**, в общем и целом, совпадать с законами мышления»[39], как и обратно, последовательность развития категорий в теории логики должна ориентироваться в общем и целом на общий ход всего человеческого познания.

Диалектика как логика ставит своей целью не только построение существующего знания по некоторой идеальной модели, но и понимание законов перехода от одной теоретической системы к другой, вскрытие закономерности генезиса научных теорий, путей их развития. В процессе развития философской мысли выработан метод анализа теоретического знания, исходными пунктами которого являются:

1) познание — процесс постижения мыслью объективной реальности;

2) основа движения знания к новым результатам — практическое взаимодействие субъекта и объекта;

3) знание, к новым результатам движущееся по законам и формам самой объективной реальности, отраженным в сознании человека;

4) выработанные в процессе исторического развития законы и категории диалектики — это законы движения как явлений объективной реальности, так и их познания, они орудие достижения человеком новых результатов в мышлении.

Таким образом, развитие логики привело к ее раздвоению на две самостоятельные и независимые друг от друга части. Одна из них по своему содержанию совпала с диалектикой, которая сама функционирует как метод движения мышления к объективной истине, т. е. является логикой. И теперь, когда ставится вопрос об отношении

---

[39] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 298.

Библиотека "Руниверс"

диалектики и логики, по существу остается решить одну проблему: как относится диалектика к формальной логике, ибо другой, неформальной логикой является сама диалектика.

Есть тенденция представлять диалектику и современную формальную логику двумя несовместимыми системами, исключающими друг друга: признание диалектики ведет к отрицанию формальной логики, и наоборот. Но это могло бы быть так, если бы две научные системы имели один предмет и строили теории, отрицающие друг друга, например если бы диалектика в противоположность формальной логике полагала, что из посылок «Все люди смертны», «Сократ — человек» следует вывод, что Сократ не смертен. Однако диалектика не имеет ни своего исчисления высказываний, ни исчисления предикатов и т. п. Это вообще не ее область исследования. В научно-теоретическом мышлении диалектика и формальная логика касаются разных сторон, и, отдавая дань моде, скажем: они дополняют друг друга. Диалектика дает систему категорий, продуктивно работающих в процессе движения мышления к новым результатам, а формальная логика — аппарат, с помощью которого из имеющегося теоретического или эмпирического знания с той или иной степенью вероятности по заданным правилам можно вывести все возможные следствия из него.

Могут спросить, как же тогда следует относиться к замечаниям основоположников марксизма-ленинизма, в которых выражено противопоставление диалектики формальной логике. Что они: не верны? На это ответим, что, как и все другие утверждения науки, они истинны в области, касающейся строго определенной сферы. За пределами этой области они теряют смысл и свое истинное содержание. Да, основоположники марксизма-ленинизма, разрабатывая диалектическую логику, противопоставляли ее формальной. Они отмечали, что формальная логика как метод познания ограничена, что по сравнению с диалектикой она является низшей ступенью. Формальная логика и диалектика как методы познания действительности относятся друг к другу как низшая и высшая математика.

Эту же мысль развивает В И Ленин, в частности в статье «Еще раз о профсоюзах ..»: формальная логика «берет формальные определения, руководясь тем, что

Библиотека "Руниверс"

наиболее обычно или что чаще всего бросается в глаза, и ограничивается этим»[40].

Основоположники марксизма-ленинизма показали ограниченность формальной логики как философского метода и теории мышления. Многие философы, разрабатывавшие ее, были идеалистами в решении основного вопроса философии, отрывали мышление от материального мира, формы мышления от их содержания (например, Кант и кантианцы), исходили из идеалистического понимания истины и ее критерия, рассматривали формы мышления рядоположенными, вне их движения в процессе развития познания. Диалектическая логика как философская теория мышления противоположна предшествующей формальной логике и только в этом смысле является отрицанием последней.

Важнейшее значение имеют положения Ф. Энгельса и В. И. Ленина о месте, которое должна занимать формальная логика в учении о мышлении. Диалектическая логика не отрицает значения формальной логики вообще. Но когда возникает диалектическая логика, формальная логика теряет свое прежнее значение философского метода и теории мышления. В XIX—XX вв. стоять на позициях формальной логики в области философского метода — значит идти назад к метафизике, вступить в противоречие с современным уровнем развития научного знания.

Ф. Энгельс отмечал, что формальная логика как философский метод познания годится только для домашнего обихода; она беспомощна, когда ее стремятся применить к объяснению явлений, изучаемых современной наукой. Но формальная логика сохраняет свое значение как учение о выводном знании, о законах и формах выведения одного суждения из систем других, ранее образованных; она составляет часть научного учения о доказательстве, его формах, строении и о связях суждений о нем. Нигилистическое отношение к формальной логике, к ее проблематике не свойственно марксизму, ограничившему предмет формальной логики, но отнюдь не отбросившему ее.

Современная формальная логика в символической форме изложения не является ни «плохой», ни «низшей».

---

[40] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, стр. 289—290.

Библиотека "Руниверс"

Как всякая наука, она имеет свой предмет и метод. Она область научного знания, изучающая мышление с одной, специальной стороны. И в этом отношении формальная логика ничем не отличается от других наук. Она становится «плохой», как только начинает претендовать на роль всеобщей методологии современного познания. Правильно понятая, она является одним из мощных средств познания структуры мышления, выработанный ею аппарат используется самыми различными науками.

Опыт развития современного научного познания показал, что обе логические системы — и диалектика, и формальная логика — продуктивно работают. Науке нужны и строгие правила дедукции, и системы категорий, лежащих в основе продуктивного воображения, творческой деятельности мышления по освоению новых объектов действительности.

Некоторые авторы кроме математической логики, являющейся современным этапом формальной логики, и диалектики выделяют еще так называемую традиционную, или классическую, логику и ставят вопрос о необходимости ее разработки. Под традиционной логикой они понимают по существу аристотелевскую силлогистику, дополненную учением об индукции и вопросами из диалектики, касающимися проблем сущности понятий, их образования и некоторых теоретико-познавательных предпосылок. В этом вопросе нельзя не согласиться с высказыванием И. С. Нарского: «. . .никакой традиционной логики в наши дни реально уже нет. Ориентироваться в наши дни на традиционную формальную логику — значит толкать науку и преподавание вспять примерно на столетие» [41].

Конечно, можно составить такой курс логики, который будет в области специальной проблематики формальной логики находиться на уровне Аристотеля и Милля, а в качестве теоретико-познавательных предпосылок иметь общие положения марксистской гносеологии. Возможно, в каком-то отношении и для какой-то определенной аудитории чтение такого курса может оказаться полезным, хотя сомнения и здесь возникают, но никак нельзя назвать эту логику современной научной дисциплиной,

---

[41] *И. С. Нарский.* О положении в логике и ее месте в университетском образовании. — «Философские науки», 1966, № 3, стр. 102.

Библиотека "Руниверс"

ибо она не имеет своего предмета, а главное, не создает своего метода исследования мышления на современном уровне. Ведь сейчас никто всерьез не будет анализировать научное мышление на основе аппарата аристотелевской силлогистики, хотя последняя и не потеряла своего значения, ибо после уточнений и преобразований входит в логические исчисления математической логики.

И формальная логика, и диалектика в том или ином виде уже давно использовались и для анализа результатов достижений науки, и как метод движения к новым результатам. При этом в зависимости от их собственной зрелости, уровня научного знания и характера господствующих философских концепций они принимали конкретно-историческую форму.

ГЛАВА III

НАТУРФИЛОСОФИЯ И ЕЕ ЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД

1. Историческое место натурфилософии

Под натурфилософией в широком смысле понимается способ построения системы природы, основанной на некоторых умозрительно установленных общих принципах и дающей общую картину, охватывающую всю природу в целом. По существу натурфилософия была первой формой и философии и науки.

Конечно, натурфилософские системы были разными — в зависимости от исторического уровня развития знания. Достаточно сравнить построения ионийских натурфилософов и системы природы Гольбаха и Шеллинга, чтобы убедиться в этом. Зрелость философского мышления, уровень познания природы оказывали существенное влияние на характер натурфилософской системы. Так, скажем, во времена Фалеса никакого естествознания не было, а Шеллинг в своей системе имел возможность опираться не только на законы механики, но и на познание электрических явлений, химию Лавуазье и т. п.

Различались натурфилософские системы и по характеру философских принципов, лежащих в основе построения этих систем. Гольбах строил свою систему природы

Библиотека "Руниверс"

на основе материалистического решения основного вопроса философии, а Шеллинг исходил из идеалистически истолкованного принципа тождества бытия и мышления. Однако, несмотря на все эти различия, имеется нечто общее, что потом и вошло в понятие «натурфилософия». Это общее состоит в следующем:

1. Все натурфилософы строили законченные системы природы, претендующие на абсолютную истину. Вообще система не только не мешает развитию научного знания, но и просто необходима для него. Однако нужна не замкнутая, не закрытая система, а открытая, способная включить в себя новое знание и даже измениться, перейти в другую систему под воздействием развития знания. Натурфилософия представляла собой иную систему, жесткую и до некоторой степени деспотичную по отношению к знанию, не укладывающемуся в нее. Отсюда схематизм натурфилософских систем.

2. Стремление во что бы то ни стало построить законченную систему природы при ограниченном, а порой, прямо можно сказать, при скудном фактическом естественнонаучном материале и при отсутствии познания действительных законов природы приводило к тому, что натурфилософия «заменяла неизвестные еще ей действительные связи явлений идеальными, фантастическими связями и замещала недостающие факты вымыслами, пополняя действительные пробелы лишь в воображении» [1]. Поэтому натурфилософия являлась смесью знания и незнания, истины и заблуждения. Конечно, момент иллюзорности существует во всяком научном знании, но в натурфилософии иллюзия была не моментом, а самостоятельным элементом, принимаемым как дань построению всеобъемлющей системы. Поэтому натурфилософия раздиралась внутренними противоречиями: с одной стороны, она была формой действительного знания о явлениях природы, а с другой — включала в себя элементы астрологических суеверий, магии, алхимии и т. п. Гетерогенность натурфилософских систем послужила одной из причин их распада, ею обусловлен и двойственный характер ее влияния на ход развития знания.

Натурфилософии человечество обязано многими плодотворными идеями как в области философии, так и в

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс* Соч., т. 21, стр. 304

Библиотека "Руниверс"

области естествознания. В лоне натурфилософии зародилась и долгое время развивалась материалистическая теория, а также теории атомного строения вещества, происхождения планет Солнечной системы и т. п., оказавшие влияние на весь последующий ход научного мышления.

Вместе с тем натурфилософия сдерживала развитие эмпирического естествознания, была источником идеалистических спекуляций на открытиях науки, у многих натурфилософов она смыкалась с теологией и телеологией. Всем этим и объясняется то обстоятельство, что с середины XIX в. положительное развитие как философии, так и естественнонаучного знания пошло вне натурфилософии. Философия обрела свой предмет и метод, а естествознание достигло такого уровня зрелости, что само с помощью установленных фактов и законов могло уже «в довольно систематической форме дать общую картину природы как связного целого»[2]. Таким образом, «натурфилософии пришел конец. Всякая попытка воскресить ее не только была бы излишней, а *была бы шагом назад*»[3]. Это не означает, конечно, что натурфилософы исчезли вовсе, есть они и в наши дни, имеются они и среди марксистов, но движение познания как в философии, так и в конкретных областях науки определяется уже не системами, которые имеют ретроградное значение.

2. Дедукция и умозрение — метод натурфилософии

Историческая обреченность натурфилософии видна на примере ее логического метода. Натурфилософия выполняла функции логики научного знания своего времени, она предполагала определенный метод его движения, обнаружения новых результатов. Этот метод также не был однородным, в нем имелись и метафизические и диалектические предпосылки, но в основе своей натурфилософия метафизична. В качестве логического аппарата она имела аристотелевскую силлогистику, и это вполне вяжется с ее представлениями: необходимо найти общий принцип,

---

[2] Там же.
[3] Там же, стр 305

Библиотека "Руниверс"

который явится как бы большей посылкой умозаключения; факты, явления и законы природы могут выступать только либо меньшей посылкой, либо заключением этого силлогизма. Правда, натурфилософская система не строилась по примеру геометрии Евклида, но последняя для многих натурфилософов была образцом построения знания. Законы формальной логики: тождества, противоречия, исключенного третьего, а потом и достаточного основания — явились основой построения натурфилософской системы и принципами мышления. Именно натурфилософы придали им абсолютное значение, превратив в принципы метафизического мышления.

Основная трудность для логики натурфилософии — это получение наиболее общих принципов. Индуктивная логика в XVII—XVIII вв. делала еще свои первые шаги, да и не все натурфилософы ее жаловали. Поэтому здесь на помощь приходили умозрение, гениальные догадки и предвосхищения.

Умозрение — особенность логического метода натурфилософии. Оно было неизбежно в период отсутствия опытного исследования природы и иного (кроме традиционной формальной логики), развитого метода научно-теоретического мышления. Результаты натурфилософского умозрения в некоторых отношениях поражают современное научное мышление. В качестве примера возьмем натурфилософские решения проблемы строения материи.

Истории философии было известно несколько исходящих из умозрения типов подхода к решению проблемы строения материи. Первый — демокритовская атомистика, ее плодотворность не нуждается в доказательстве: она проверена историей науки. Утвердилось неверное мнение, будто только этот метод оказался плодотворным в науке и будто только это умозрение нашло подтверждение в ходе ее развития. На самом деле это далеко не так. Уже античная философия противопоставила атомистике другой подход — пифагорейско-платоновский. В философском плане первый выступал как материализм, а второй — как идеализм. Примитивное мышление могло представлять (и представляло) дело так, что платонизм — это идеализм, а следовательно, в нем уже нет ничего рационального. Но В. И. Ленин учил относиться к философским и естественнонаучным концепциям глубже. Конеч-

Библиотека "Руниверс"

но, пифагоризм и платонизм являются идеализмом, но в их построениях было немало рационального.

Пифагорейско-платоновский тип умозрения предвосхитил постижение наукой сущности строения материи в математических формах. Об этом неоднократно говорили Альберт Эйнштейн и Вернер Гейзенберг. Хочется напомнить следующие слова Гейзенберга: «В философии Демокрита атомы являются вечными и неразложимыми единицами материи; они не могут превращаться друг в друга. Современная физика выступает против этого положения Демокрита и встает на сторону Платона и пифагорейцев. Элементарные частицы не являются вечными и неразложимыми единицами материи, фактически они могут превращаться друг в друга... Но сходство воззрений современной физики с воззрениями Платона и пифагорейцев простирается еще дальше. Элементарные частицы, о которых говорится в диалоге Платона «Тимей», — ведь это в конце концов не материя, а математические формы. «Все вещи суть числа» — положение, приписываемое Пифагору. Единственными математическими формами, известными в то время, являлись геометрические и стереометрические формы, подобные правильным телам и треугольникам, из которых образована их поверхность. В современной квантовой теории едва ли можно сомневаться в том, что элементарные частицы в конечном счете суть математические формы, только гораздо более сложной и абстрактной природы» [4].

Эти слова философы иногда рассматривают только как переход Гейзенберга в философии от субъективно-идеалистического представления к объективному идеализму пифагорейско-платоновского типа. Конечно, формулировки В. Гейзенберга не свободны от идеализма, но в них содержится мысль, что современная физика в учении о структуре материи приходит к идее о постижении ее элементов в математических формах. А это в какой-то мере аналогично тому, что впервые породило умозрение греческой философии в лице Платона и пифагорейцев. Но к этой мысли приходят не только зарубежные, но и наши, советские физики, стоящие на позициях диалектического материализма. Достаточно напомнить высказывание Н. Н. Боголюбова о том, что «основные понятия и

[4] *В. Гейзенберг.* Физика и философия. М., 1963, стр. 48—49.

Библиотека "Руниверс"

методы квантовой теории поля становятся все более математическими»[5].

Проблема структуры материи, поставленная древнегреческими философами, решалась наукой на протяжении многих столетий. Стоит она перед наукой и сейчас. В таком журнале, как «Успехи физических наук», можно прочитать, что «главный вопрос, лежащий в основе всех физических дисциплин, — вопрос о строении материи — все еще не решен. Именно над этой проблемой бьется сейчас субъядерная физика»[6]. И окончательно он никогда не будет решен.

Для решения этой проблемы современные физики напрягают все усилия, мобилизуют все ресурсы, ставят вопрос о строительстве сверхмощных ускорителей. Опыт истории философской мысли здесь тоже имеет значение: оказывается, умозрения и Демокрита, и Платона, и пифагорейцев, и Лейбница, в частности его монадология, находят свое место в решении этой проблемы.

Обычно учение о монадах Лейбница рассматривается как та часть его философского творчества, в которой отчетливо и ясно проявилось его идеалистическое мировоззрение. И это верно. Но не только в этом состоит содержание монадологии. Рассматривая учение о монадах, В. И. Ленин писал: «Тут своего рода диалектика и очень глубокая, *несмотря* на идеализм и поповщину»[7]. Причем в этой диалектике в умозрительной форме предвосхищаются результаты будущей науки.

Известно, что атомистика — плод умозрения древних — до сих пор является одной из фундаментальных научных теорий; конечно, она уже мало похожа на демокритовскую, но тем не менее именно мысль Демокрита легла в ее основу. Монадология Лейбница возникла в период утверждения механистической атомистики, когда она из догадки умозрения превращалась в научную гипотезу, в последующем, в XVIII и XIX вв., нашедшую опытную опору.

В этот период господства и успехов механистической атомистики и в противоположность ей Лейбниц выдви-

---

[5] «Глазами ученого». М., 1963, стр. 158.

[6] «Природа материи». — «Успехи физических наук», 1965, т. 86, вып. 4, стр. 602.

[7] *В. И. Ленин* Полн. собр. соч., т 29, стр. 70.

Библиотека "Руниверс"

гает свою монадологию. Казалось, она является плодом идеалистической философии, направленной против науки и ее результатов. Но это далеко не так, она скорее выражала неудовлетворенность философии механицизмом и пыталась умозрительным путем выйти за его пределы, уйти вперед.

Монадология имеет нечто общее с атомистикой, в частности она тоже исходит из принципа дискретности. Ее можно рассматривать как разновидность атомистики. Но она совсем не похожа не только на механистическую атомистику XVII—XVIII вв., но и на химико-физическую атомистику XIX и начала XX в. Напомним основные положения учения Лейбница о монадах.

Монада — простая субстанция, входящая в состав сложных. Простая, т. е. не имеющая частей. Монады «суть истинные атомы природы, одним словом, — *элементы* вещей». «А где нет частей, — говорит Лейбниц, — там нет ни протяжения, ни фигуры и невозможна делимость» [8].

На первый взгляд монадология полностью укладывается в атомистику, но уже здесь видно их принципиальное различие: монады не имеют протяжения и для них нет пространственного описания. Внутри монады «ничего нельзя переместить, и нельзя представить в ней какое-либо *внутреннее* движение, которое могло бы быть вызвано, направляемо, увеличиваемо или уменьшаемо *внутри* монады, как это возможно в *сложных* субстанциях, где существуют изменения в отношениях *между* частями» [9].

Далее. Монады — замкнутые единицы, они «не имеют окон, через которые что-либо могло бы войти туда или оттуда выйти». Одна монада не похожа на другую и необходимо отлична от другой. При этом отсутствие внутри монады движения как перемещения в пространстве не означает отсутствия изменения. Наоборот, монада подвержена изменению, которое «в каждой монаде беспрерывно». Источник изменения монад исходит «из *внутреннего* начала, так как внешняя причина не может иметь влияния внутри монады» [10].

---

[8] *Г. В. Лейбниц.* Избр. философ. соч. М., 1908, стр. 339.
[9] Там же, стр. 340.
[10] Там же, стр. 341.

Библиотека "Руниверс"

Монада — простая субстанция в том смысле, что она неделима, однако это не означает, что в ней нет многообразия свойств и отношений. Лейбниц на это прямо отвечает: «. . .в простой субстанции необходимо должна существовать множественность состояний и отношений, хотя частей она не имеет» [11]. Больше того, «каждая простая субстанция имеет отношения, которыми выражаются все прочие субстанции, и, следовательно, монада является постоянным живым зеркалом вселенной» [12].

Разъясняя эту мысль, Лейбниц приводит следующую аналогию: «. . .один и тот же город, если смотреть на него с разных сторон, кажется совершенно иным и как бы *перспективно* умноженным, таким же точно образом, вследствие бесконечного множества простых субстанций, существует как бы столько же различных миров, которые, однако, суть только перспективы одного и того же, соответственно различным точкам зрения каждой монады» [13].

Однако монады не просто самодовлеющие миры, существующие независимо друг от друга и несвязанно между собой. Лейбниц провозглашает принцип всеобщей гармонии, «в силу которой всякая субстанция точно выражает другие субстанции путем отношений, какие она имеет к ним» [14], иными словами, всякое тело чувствует все, что свершается во Вселенной, «все дышит взаимным согласием», а «всякую часть материи можно представить наподобие сада, полного растений, и пруда, полного рыб» [15].

Такова в общих чертах монадология Лейбница. Правда, подбор положений носит тенденциозный характер, т. е. здесь отброшены теология и мистика, а взято только то, что представляет сейчас известный интерес, — умозрения, направленные на постижение сущности вещей.

Много трудностей и загадок стоит на пути физика, занимающегося проблемой элементарных частиц. Что собой представляют, например, сами элементарные частицы, в чем их элементарность? Означает ли она их неделимость? Если существование полулегендарных кварков будет экспериментально доказано, тогда побе-

---

[11] Там же.
[12] Там же, стр. 353.
[13] Там же.
[14] Там же.
[15] Там же, стр. 356.

Библиотека "Руниверс"

дит гипотеза делимости ныне существующих элементарных частиц. Но и это не снимает проблемы: ученые будут интересоваться структурой самих кварков. Существует и более фундаментальная проблема: обязательно ли понятие структуры должно быть связано с делимостью частиц? Лейбниц представлял монады в качестве простых и далее неделимых элементов. Но простота и неделимость у него связывались с многообразием свойств и отношений, причем монада — замкнутая единица, являющаяся зеркалом Вселенной. О современных элементарных частицах высказывается предположение, что, возможно, в них тоже заключен целый мир. Ленинское положение о неисчерпаемости электрона не следует понимать так, что речь обязательно идет о его делимости, скорее — о богатстве его свойств, отношений и опосредований именно в том смысле, в каком говорил о множественности состояний и отношений монады Лейбниц.

Наконец, современные физики констатируют, что сейчас нет удовлетворительного способа описания пространственной структуры элементарных частиц. Отсутствие этого способа можно объяснить тем, что он еще не найден, а возможно, и тем, что вообще мы попали уже в такую сферу, где понятие пространственной структуры теряет смысл. И ничего страшного в этом нет, ведь мы уже привыкли к тому, что невозможно одновременно определять импульс и координату частицы. Надо будет, смиримся и с тем, что придется искать новый способ описания пространственной структуры, когда проникнем внутрь элементарных частиц. Опять-таки монадология Лейбница предусматривает это: у него монады, как известно, лишены протяженности и фигуры.

На этом закончим аналогию между современным представлением об элементарных частицах и монадами Лейбница, хотя ее можно было бы продолжать и дальше. Эту аналогию необходимо закончить, ибо может сложиться представление, будто проблемы современной физики элементарных частиц и структуры материи могут быть решены посредством монадологии Лейбница. Здесь опять-таки уместно напомнить слова В. Гейзенберга относительно сравнения понятий современной атомной физики с греческой философией. «С первого взгляда, — писал он, — все это может выглядеть так, как будто греческие философы благодаря гениальной интуиции пришли

Библиотека "Руниверс"

к таким же или по крайней мере к очень сходным результатам, к которым мы продвинулись в новое время после нескольких веков труднейшей работы в области эксперимента и математики. Но такое толкование нашего сравнения несло бы в себе опасность грубого непонимания» [16].

Нет, современная физика будет решать свои проблемы (в частности, проблему структуры элементарных частиц) не на основе монадологии Лейбница, хотя обратиться к ее идеям весьма полезно. Наука ушла далеко вперед по сравнению с Лейбницем, а тем более Демокритом, Пифагором и Платоном. Но умозрительные построения этих величайших мыслителей сыграли свою роль в ее прогрессе, и они еще будут питать науку.

Возникает вопрос: а может ли в наше время наука решать свои проблемы без умозрения? Соединение математики с умозрением — это характерная черта метода Лейбница или оно необходимо и для научно-теоретического мышления нашей эпохи? Разве тайна элементарных частиц будет раскрыта только с помощью сверхмощных ускорителей и математического аппарата? Почему тогда современная физика так оживленно обсуждает проблему необходимости «сумасшедшей идеи» и настойчиво занимается ее поисками? Нет, умозрение не потеряло своего значения. Не следует с презрением относиться к нему и полагать, что научная мысль прибегала к нему по бедности, что оно заменяло недостающие экспериментальную технику и математический аппарат. Да, конечно, древним и в значительной степени философам XVII—XVIII вв., когда жил Лейбниц, во многом приходилось уповать только на умозрение.

Мы обладаем и мощной экспериментальной техникой, и очень разнообразным математическим аппаратом. Но и сейчас наука испытывает потребность в новых экспериментах и в развитии математики. И так будет всегда, какими бы совершенными они ни были. И другого способа заменять их, кроме умозрения, не существует: ведь даже для того, чтобы создать новый математический аппарат, нужно умозрение.

Речь может идти о месте умозрения в системе современного научного познания, базирующегося на современ-

---

[16] *В. Гейзенберг.* Физика и философия, стр. 51.

Библиотека "Руниверс"

ном опыте и развитом математическом и логическом аппарате, но никак не о том, что оно потеряло свое значение в наше время. Современное умозрение, конечно, отличается от умозрения греков или Лейбница, но оно остается умозрением — способом проникновения в сущность вещей, который не основывается непосредственно на опыте и строгой логической дедукции.

Одной из задач тех, кто сейчас занимается логикой и методологией научного познания, является выяснение при помощи имеющихся логических средств природы и особенностей умозрения, этим они будут способствовать решению проблемы научного творчества. В каких формах выступает умозрение в современной науке, как оно связано с опытом и логической дедукцией, каковы критерии научного умозрения в отличие от беспочвенных вымыслов и т. п. — ответы на эти вопросы несомненно представляют интерес не только для логиков и гносеологов, но и для ученых различных специальностей.

Создание совершенного логического и математического аппаратов, несомненно, прогресс в знании, однако всякий аппарат в каком-то отношении сковывает мысль, что-то запрещает, держит ее в определенных границах, обуздывает человеческое умозрение, стремящееся выйти из всех существующих рамок и стандартов. Поэтому человеческое мышление всегда испытывает недостаток в новых понятиях, расширяющих его возможности. Правда, выходя за пределы существующих понятий и схем, умозрение в конечном счете попадает в рамки других понятий, нового аппарата; умозрение тоже детерминируется категориями, однако допускающими большой выбор в решении проблем, не жестко, а в какой-то степени свободно направляющими творческую мысль. В этом, в частности, мы видим эвристическую роль философских категорий в современном научном познании — они орудия творческого свободного умозрения, направляющие решение проблем в русло научного метода.

Логический метод натурфилософии при всей силе умозрения и логической дедукции страдал существенными недостатками. Прежде всего ему не хватало способа обработки эмпирических данных науки, движения от опыта к обобщению, поэтому умозрение не было свободно от беспочвенной фантазии, а дедукция лишалась твердых оснований в виде доказанных принципов и достоверно

Библиотека "Руниверс"

установленных фактов науки. Кроме того, и дедукция и умозрение в натурфилософии не были оснащены хорошим инструментарием, дедукция — развитым формально-логическим аппаратом, придающим строгость доказательству, а умозрение — необходимыми категориями мышления, глубоко вскрывающими закономерности явлений, процессов объективной реальности.

Поэтому натурфилософия исторически была обречена, на ее смену пришла более развитая система научного знания с более совершенным логическим методом движения знания к новым результатам.

3. Не натурфилософия, а союз философии и естествознания

С возникновением развитой системы научного знания изменилось взаимоотношение философии и наук о природе и обществе. Отношения между философией и другими областями науки стали строиться на основе союза между ними. Философия не навязывает никакой мировой схематики, не диктует естественным или общественным наукам, как надо решать какую-то конкретную проблему, а разрабатывает метод и теорию знания, способы движения науки к новым результатам.

Союз философии и конкретных областей науки предполагает своеобразное равноправие их, каждая делает свое дело и тем самым помогает решать проблемы своему союзнику.

Выяснить, что дают различные отрасли науки для философии, не представляет особого труда. Философия непосредственно не связана с явлениями, процессами природы и общественной жизни, она их постигает уже отраженными в понятиях других наук. Например, мир элементарных частиц ей дан через физическую науку, живые организмы — через биологию, высшая нервная деятельность — в понятиях физиологии, общественная жизнь — в системе гуманитарных наук и т. п.

В современных условиях философия не может постигнуть всех явлений и процессов, ибо, во-первых, она не обладает всеми современными методами, которыми пользуются для изучения своего предмета различные науки; а во-вторых, она перестала бы быть философией, превратилась бы в систему различных специальных наук Все

Библиотека "Руниверс"

попытки со стороны философов проникнуть в тайны строения вещества, в эволюцию живых организмов и т. п. могут привести только к возрождению отживших натурфилософских представлений, отбрасывающих науку далеко назад. Философия не может иметь своей теории элементарных частиц, наследственности и т. п., она берет их как данные из современной ей науки, и в этом ее сила, а не слабость.

Таким образом, философия непосредственно имеет дело не с вещами и процессами, а со знанием о них, с понятиями и теориями наук, и это накладывает определенный отпечаток на ее природу и место в общественной жизни.

Прежде всего эта особенность служит основой для неверных концепций, согласно которым современная философия является знанием о знании, а не знанием об объективной реальности и ее законах. Да, философия начинает с анализа знания, но не для того, чтобы замкнуться в нем, а для того, чтобы с помощью анализа понятий и теорий наук вскрыть формы и законы объективного мира. Анализ результатов других наук — это не конечная цель, а средство постижения своего истинного объекта — всеобщих законов движения. К анализу понятий и теорий в их историческом развитии философия прибегает только потому, что иначе она и не может открыть этих законов. Поэтому союз с конкретными областями науки жизненно необходим для нее.

Но что дает этот союз для развития других наук, в частности естественных? Или философия работает только на себя?

Прежде всего в современных условиях диалектический материализм помогает естественным и гуманитарным наукам выдержать натиск идей идеализма и метафизики, исходящих от буржуазной философии. Наука была и остается ареной борьбы противоположных типов мировоззрения: *пролетарского и буржуазного*. Последнее, не отрицая науки, пытается использовать ее достижения в своих целях, но для этого начиняет саму науку идеями, взятыми из идеалистической и метафизической философии. Эти идеи враждебны природе науки, стремящейся к объективной истине, тормозят ее развитие. В. И. Ленин, обосновывая положение о союзе философов-марксистов с представителями современного естество-

Библиотека "Руниверс"

знания, писал: «...без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного миросозерцания. Чтобы выдержать эту борьбу и провести ее до конца с полным успехом, естественник должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, то есть должен быть диалектическим материалистом... Без этого крупные естествоиспытатели так же часто, как до сих пор, будут беспомощны в своих философских выводах и обобщениях» [17].

Таким образом, мысль В. И. Ленина сводится к следующему: 1) никакой другой материализм, кроме диалектического, не может совладать с новейшими достижениями науки и преградить путь в науку различным направлениям буржуазной философии. Так называемый естественнонаучный материализм, к которому стихийно склонны ученые, оказывается неспособным противостоять современному идеализму, тонко спекулирующему на крутой ломке понятий и теорий науки, свидетелями которой мы стали. При этом В. И. Ленин настойчиво проводит мысль о связи реакционных поползновений в науке с классовыми интересами буржуазии;

2) борьбу против модных философских направлений в науке, протаскивающих идеализм и метафизику, должны вести и сами ученые, усвоив диалектический материализм, став его сознательными сторонниками. Нельзя представлять себе, что одни философы могут оградить различные области науки от реакционных поползновений. Опыт показывает, что, например, против идеализма в физике наиболее успешно выступали такие ученые, как П. Ланжевен, С. И. Вавилов и др., которые с позиций диалектического материализма критиковали индетерминизм в интерпретации результатов квантовой механики. «...Следить за вопросами, которые выдвигает новейшая революция в области естествознания, и привлекать к этой работе в философском журнале естествоиспытателей, — писал В. И. Ленин о борьбе против реакционных школ и направлений, проникающих в науку, — это задача, без решения которой воинствующий материализм не может

[17] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 29—30, 31.

Библиотека "Руниверс"

быть ни в коем случае ни воинствующим, ни материализмом»[18];

3) философы призваны помочь ученым других наук в этой борьбе, прежде всего тем, что должны вооружить их законами и категориями диалектического материализма в современной его форме Они призваны показать представителям конкретных наук вред проникновения идеализма в ту область знания, которой они занимаются, способствовать овладению философией марксизма-ленинизма, направлять их борьбу с реакционными течениями в науке.

Однако отдельные философы, в том числе и советские, пытались воздействовать на ход развития науки еще старым, натурфилософским путем. Всю тяжесть борьбы против идеализма и метафизики в различных областях науки они брали на себя, не привлекая для этого в должной мере самих ученых, не помогая им активно включиться в работу по философскому обобщению результатов своей науки. Втягиваясь в идейную борьбу в конкретных областях знания, они старались решить специальные вопросы науки, на сложности которых спекулируют идеалисты. При этом они допускали ошибки как философского, так и конкретно-научного содержания. Вспомним печальный опыт некоторых философов в истолковании кибернетики, формальной генетики, теории относительности, математической логики. Несомненным является факт проникновения в теории этих наук идеализма и механицизма, мимо которых проходить ни в коем случае нельзя. Однако философы в основном решили сами бороться с ними, не привлекая широких слоев специалистов в этих отраслях науки. Не понимая всей сложности научной проблематики, они вместе с идеализмом отвергли факты и законы, добытые учеными капиталистических стран, объявили реакционными целые направления современной науки.

Борьба школ и направлений в науке носит весьма сложный характер. Во-первых, ее нельзя отождествлять со столкновением различных типов мировоззрения. В любое научное направление может проникать и идеализм, и метафизика, в каждой из них могут быть как достоверные факты и законы, так и еще недостаточно зрелые

[18] Там же, стр. 29

Библиотека "Руниверс"

предположения, односторонние толкования. Поэтому задача состоит не в том, чтобы одно объявить лженаучным, идеалистическим, а другое — единственно верным, диалектическим, как это, скажем, было в биологии. Авторитет диалектического материализма ни в какой степени не должен быть использован одним направлением для идейной расправы со своими оппонентами в науке. Материалистическая философия — достояние науки в целом, а не вотчина какого-то одного направления или школы, не говоря уже об отдельном ученом. Материалистическая философия призвана вести борьбу против лженаучных концепций в любой отрасли знания.

Во-вторых, преодоление неверных в философском отношении трактовок конкретных вопросов науки требует глубоких специальных знаний с тем, чтобы ученый был в состоянии выдвигать позитивные решения спорных проблем науки. Само собой разумеется, что это под силу только специалисту в данной науке. Философ при всей его эрудиции в той или иной науке остается философом, он не может заменить физика, биолога, математика, кибернетика и т. п. Поэтому он должен помочь естественнику или гуманитарнику в борьбе против идеалистического мировоззрения в науке, снабдить его современной философской основой, необходимой для преодоления модных форм буржуазной мысли.

Из некоторых неудач философов в истолковании кибернетики, генетики и т. д. ни в коем случае нельзя делать вывод о необходимости прекращения или ослабления идейной борьбы в науке. Речь может идти только о том, что эту борьбу необходимо правильно вести, вовлекая в нее широкие слои специалистов различных наук, не подменяя их и не отметая вместе с идеалистическими тенденциями, свойственными тем или иным ученым, позитивного содержания развиваемого ими научного направления. Нельзя становиться на путь односторонней философской поддержки одного направления в науке, не замечая отдельных ошибок представителей этого направления и верных решений представителей другого направления.

Преодоление остатков натурфилософии предполагает также правильное понимание сущности и задач разработки философских проблем науки. Критики марксизма довольно часто упрекают нас в возрождении натурфило-

Библиотека "Руниверс"

софии под флагом философских вопросов естествознания. По их мнению, в задачу разработки этой проблемы якобы входит создание универсальной системы природы. На самом же деле марксистская философия, занимающаяся проблемами естествознания, имеет совершенно иную цель. Это не особая философская наука, а совместное поле деятельности философов и естественников в борьбе против общего противника — буржуазного мировоззрения. Обобщая данные современного естествознания, философ обогащает законы и категории диалектического материализма новым содержанием, при этом он не ставит своей целью разрешить какие-то специальные вопросы данной науки. «Само собою разумеется, — писал В. И. Ленин, — что, разбирая вопрос о связи одной школы новейших физиков с возрождением философского идеализма, мы далеки от мысли касаться специальных учений физики. Нас интересуют исключительно гносеологические выводы из некоторых определенных положений и общеизвестных открытий» [19].

Специалист в какой-то отрасли естествознания занимается философскими проблемами, поскольку это необходимо ему для правильной интерпретации открытых закономерностей, для решения задач, возникающих перед его наукой. Не абстрактная любовь к философии приводит физиков к занятию философскими проблемами своей науки, а само развитие физики вынуждает ставить гносеологические проблемы, не разрешив которых нельзя двигаться вперед.

4. Попытки возрождения натурфилософии

Ф. Энгельс еще в XIX в. провозгласил, что натурфилософии пришел конец и возрождение ее означало бы шаг назад. Однако постоянно приходится сталкиваться с попытками сделать этот шаг назад. Речь идет не о том, что некоторые направления буржуазной философии склонны к ней. Это понятно, и здесь консерватизм не удивителен. Удивительно то, что и в кругах философов-марксистов имеется тяга к натурфилософии. И совсем уже парадоксальным является то, что по натурфилософии тоскуют даже некоторые специалисты в области есте-

[19] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 266.

Библиотека "Руниверс"

ственных наук. Можно понять отдельных философов, которые видят в натурфилософии средство для провозглашения привилегии философского знания перед естественнонаучным. Во времена широкого распространения позитивистского взгляда на роль философии в развитии познания с отчаяния можно броситься в объятия и натурфилософии.

Внимательный анализ показывает, что естествоиспытатели обращаются к натурфилософии в трудное для себя время, когда они не находят решения сложных проблем своей науки, испытывают недостаток в средствах познания, фактах, законах. Тут они начинают ругать философию за то, что она мало помогает в решении стоящих перед ними задач, и в этой связи добрым словом вспоминают старую натурфилософию, которая сама решала специальные вопросы науки. Но наука и философия претерпели сильные изменения, и вряд ли современной физике или биологии помогут натурфилософские припарки. Конкретные науки нуждаются в философии, в ее современном методе, а не в натурфилософском схематизме и умозрении, приводящими в сети беспочвенной фантазии.

И тем не менее попытки возрождения натурфилософии со стороны марксистов имеют место, проходить мимо них нельзя, наоборот, надо вскрывать и анализировать аргументацию, которая при этом приводится.

Одним из примеров обоснования необходимости натурфилософии в наше время является доклад югославского философа С. Князевой «Диалектика природы и натурфилософия», прочитанный на симпозиуме «Диалектика и современное естествознание» (Москва, 1966). Основную свою мысль С. Князева сформулировала следующим образом: «...нет оснований утверждать, что содержание натурфилософии (и диалектики природы) является неправомерным в рамках марксистской философии (что основные предпосылки марксистской философии исключают возможность развития философии природы); также невозможно принять положение, что развитие наук делает философию природы излишней» [20].

Какие же аргументы выдвигаются в защиту натурфи-

[20] *С. Князева.* Диалектика природы и натурфилософия. — «Общие проблемы диалектики и логики современного естествознания». Материалы к симпозиуму «Диалектика и современное естествознание» (Москва, 26—29 октября 1966 г.), вып. I. М., 1966, стр. 61.

Библиотека "Руниверс"

лософии? С. Князева напоминает, что Ф. Энгельс критиковал как отдельные формы натурфилософии, так и ее в целом, сам ее метод решения философских и естественнонаучных проблем. По мнению С. Князевой, Ф. Энгельс прав, когда он критикует недостатки отдельных форм натурфилософии, но с ним нельзя согласиться, когда он говорит, что натурфилософия, как таковая, изжила себя. «...Энгельс считал, — утверждает С. Князева, — что современная ему наука уже в главных чертах дает такую «гармоническую картину мира» во всех его переходах и взаимосвязях и что в дальнейшем развитии наукам остается только пополнить некоторые «проблемы», добавить некоторые «камешки» в общую мозаику картины мира. Эта мысль, которая отчетливо видна особенно в предисловии к «Диалектике природы», на мой взгляд, неверна, если о ней судить на основании развития наук за последние сто лет...

Пожалуй, мы все еще далеки от того, чтобы сами науки, не нуждаясь в философии, давали гармоническую картину мира в целом; пожалуй, сейчас мы даже дальше от этого идеала, чем была наука XIX века, так как науки развиваются очень быстро, очень много новых революционных открытий и часто нет возможности весь материал обобщить, синтезировать в рамках самой науки»[21].

Таким образом, вопрос поставлен так: кто и как в современных условиях создает картину мира, обеспечивает единство научного знания? С. Князева полагает, что и раньше и теперь это делала и должна делать натурфилософия, поэтому она и поныне не потеряла своего значения; наоборот, необходимость в ней возросла, поскольку происходит дифференциация наук.

Однако такой картины мира, о которой говорит С. Князева, в настоящее время нет и, можно твердо сказать, не будет и после возрождения натурфилософии, ибо в построении ее нет никакой необходимости. Суммирование, систематизация научного знания о явлениях природы, общества и человеческого мышления теперь осуществляется в обществе не посредством натурфилософии, а посредством энциклопедий, в которых подводятся итоги познания на определенном этапе развития человечества, и именно на основании данных самих наук, а не натур-

[21] Там же, стр. 58.

Библиотека "Руниверс"

философии. Правда, философия играет в ней существенную роль, но совсем иную, чем натурфилософия, — выполняет функцию всеобщей методологии.

Понимая все пороки натурфилософии, С. Князева не призывает к возрождению, как она говорит, «старой традиционной натурфилософии», нет, нужна какая-то особая натурфилософия. В общих чертах она рисует ее следующим образом: «Натурфилософия содержится в философии марксизма как бы в снятом виде: сохраняется ее содержание, ее тематика, но она разрабатывается исходя из совсем иных общефилософских, гносеологических предпосылок и поэтому не может быть системой абсолютных истин, извне привнесенных фактическому материалу (как это часто имело место в прошлом, на домарксовском уровне философии); она должна быть открыта в самом фактическом материале; она не может претендовать на «законченность» и абсолютную истинность; тезис об относительной истинности и историческом характере всех человеческих познаний относится не только к понятиям в частных науках, но и к общефилософским познаниям» [22].

Это высказывание примечательно. Особенно в одном отношении. Автор ратует за натурфилософию, но такую, которая бы не содержала ничего из метода прежней натурфилософии: ни схематизма и догматизма, ни замены фактов и законов вымыслами, ни прежних гносеологических предпосылок и т. п. Спрашивается, что же в ней натурфилософского? Направленность на изучение объективных закономерностей, которые могли бы играть функцию метода движения мышления. Так автор и пишет: «...если мышление понимать материалистически, как содержательное мышление, наука о нем должна, по меньшей мере, обосновываться или включать в себя некоторые общие содержательные предпосылки — некоторые утверждения об общих законах мира. С теоретической точки зрения эти утверждения дают нам право предвидения, «перенесения по аналогии» с известного на неизвестное и играют большую эвристическую роль, а с методологической точки зрения они играют роль регулятивных оснований методологии наук» [23].

---

[22] Там же, стр. 61.
[23] Там же, стр. 59—60.

Библиотека "Руниверс"

Теперь уже понятно, что понимает С. Князева под натурфилософией: это категории материалистической диалектики, которые действительно содержательны, поскольку отражают закономерности явлений и процессов объективной реальности, включая природу очеловеченную и неочеловеченную, и они действительно играют роль регулятивных принципов человеческого мышления. Можно согласиться с С. Князевой, что в материалистической диалектике содержится натурфилософия, но именно в снятом виде, т. е. она уже не натурфилософия. Конечно, натурфилософия, именно старая традиционная натурфилософия (поскольку никакой другой нет, и всякая натурфилософия, если она и появляется сейчас, является уже по своему методу мышления и решению проблем старой), содержала некоторый истинный момент, была ступенью в развитии знания (и философского и специального, естественнонаучного). Она не исчезла бесследно, все, что было в ней истинного с точки зрения конкретного, естественнонаучного, вошло в различные науки о природе, а материалистическая диалектика явилась наследницей всего того, что не потеряло своего значения в натурфилософии и по сей день, а именно стремление к выявлению таких общих содержательных положений, которые выступают методом научно-теоретического мышления. Натурфилософия правильно считала, что философское знание имеет свою специфику, определенную предметом, свои понятия, категории. Говоря по-современному, она имела свой философский язык, несводимый к сумме языков других наук.

Но чтобы признать это, понять некоторый истинный момент, имеющийся в старой натурфилософии, не нужно материалистическую диалектику превращать в новую натурфилософию со всеми вытекающими последствиями.

Категории материалистической диалектики действительно содержательны, они дают возможность установить единство и связь многообразных явлений природы, однако это совсем не та общая картина природы в целом, которую давала натурфилософия. Диалектика — метод научно-теоретического мышления, но не по образцу старой натурфилософии, т. е. по законам логической дедукции из ее категорий как всеобщего нельзя вывести единичное и особенное — все многообразие явлений и законов природы.

Библиотека "Руниверс"

Натурфилософский подход к диалектике связан с представлением, согласно которому ее законы и категории являются своеобразным ящиком, где заперт весь мир, и надо только уметь, руководствуясь определенным логическим методом, извлечь из него все богатство объективной реальности А все то, что находится вне этого заветного ящика, — не от мира сего, не может быть содержанием научного знания Отсюда и возникло натурфилософское представление о диалектическом методе как системе высказываний, сковывающих научное мышление. К сожалению, пережитки такого натурфилософского подхода к науке не изжиты у нас окончательно. Критика порочных методов в науке, насаждавшихся в свое время акад. Лысенко и его приверженцами, была направлена не только против биологов, но и против некоторых философов, которые от имени диалектического материализма поддерживали эти методы, не имеющие ничего общего с наукой. Эти философы компрометировали материалистическую диалектику, изображая ее в виде системы авторитетных высказываний, выполняющих в основном функцию запретов в науке. Их вмешательство в науку искажало подлинную функцию философии в развитии современного научного знания И хотя они выступали от имени Энгельса и Ленина, в действительности они далеки были не только от духа, но и от буквы этих великих мыслителей. В. И. Ленин при всей своей гениальности никогда не решал специальных вопросов физики, химии или биологии, тем более не запрещал какого-либо целого научного направления. Легко запрещает, как правило, только невежественный человек.

Но неправильно делают некоторые наши молодые ученые, когда ошибки отдельных советских философов, пусть даже очень грубые, они отождествляют с философией вообще, неспособность отдельных философов оказать благотворное влияние на ход развития научного познания принимают за слабость философии как науки. Ни одну науку нельзя отождествлять даже с самым гениальным ее представителем.

Диалектика олицетворяет не запрет новых научных идей, а дерзание человеческой мысли. Удерживая человеческую мысль от бесплодного фантазирования и беспочвенного умозрения, характерного для натурфилософии, материалистическая диалектика не только не за-

Библиотека "Руниверс"

прещает ученому выдвигать и обосновывать в процессе исследования новые, непривычные для обыденного рассудка идеи, но и сама обосновывает путь к ним; в этом ее основная функция в развитии научного знания.

Другая форма возрождения натурфилософии связана с выделением в качестве специальной философской науки диалектики природы, или натурфилософской части марксистской философии. По мнению В. П. Рожина, предмет марксистско-ленинской философии распадается на четыре самостоятельные стороны: 1) природа, 2) общество, 3) мышление, 4) познание. Отсюда выводятся четыре самостоятельные философские науки, и среди них первая — натурфилософия, или диалектика природы. «Правомерно говорить, — пишет он, — о натурфилософских взглядах марксизма-ленинизма, или о диалектике природы как науке»[24]. В другой, более поздней работе он говорит о натурфилософии как составной части марксистской философии еще определеннее: «...натурфилософские взгляды являются ни чем иным, как конкретным приложением диалектического материализма к объяснению природы. Это есть материалистически-диалектическое учение о природе. Натурфилософия как бы непосредственно соединяет марксистско-ленинскую философию с частными науками о природе»[25].

Более развернутое обоснование этой концепции дано в статье Г. В. Платонова и М. Н. Руткевича «О диалектике природы как философской науке». В анализе данной точки зрения в основном будем опираться именно на эту статью. Авторы, как и С. Князева, исходят из мысли, что «Энгельс отвергает лишь *старую* натурфилософию и «философию истории». Что же касается выдвинутой Энгельсом задачи «дать общую картину природы как связного целого», то она остается задачей философии. Только решать ее следует на основе «фактов, доставленных самим эмпирическим естествознанием... открывая связи в самой действительности, а не выдумывая их из головы»[26].

---

[24] *В. П. Рожин.* Марксистско-ленинская диалектика как философская наука. Л., 1957, стр. 17.

[25] *В. П. Рожин.* Предмет и структура марксистско-ленинской философии. Л., 1958, стр. 23.

[26] *Г. В. Платонов, М. Н. Руткевич.* О диалектике природы как философской науке. — «Вопросы философии», 1963, № 3, стр. 137.

Библиотека "Руниверс"

Ф. Энгельс считал, что отпала необходимость для философии создавать картину природы в целом, в той или иной мере это делается самой наукой исходя из ее фактов и законов. Авторы же статьи полагают, что именно в этом и состоит задача философии и новая натурфилософия, или диалектика природы, именно и должна создавать картину природы в целом, только уже исходя из самого естествознания. Иными словами, взаимоотношение между философией и науками о природе рисуется следующим образом: последние дают добротный строительный материал (факты, законы и т. п.), но сами дом строить не могут; философ — это архитектор, он проектирует здание и строит его из того материала, который дает естествознание. Сказать, что он воздвигает сооружение без проекта, нельзя; ныне никто так не строит. А если он создал идеальный проект, а естественные науки не дали ему еще необходимых для этого материалов, то по образцу старой доброй натурфилософии должен добывать их своими средствами — умозрительным путем: здание не может быть недостроенным. Раз в нем предусмотрен шикарный балкон, а естествознание не дало еще для него научного облицовочного материала, философ его смастерит из своих умозрительных конструкций.

Таким образом, возвращаемся к методу старой натурфилософии, хотя и называем ее по-новому — диалектика природы, отношение между философами и естествоиспытателями принимает прежние формы: одни — аристократы-архитекторы мироздания, а другие — плебеи-чернорабочие, в поте лица способные добыть только сырой строительный материал, но сами неспособные воздвигнуть здания. Могут возразить: а мы будем строить «общую картину природы как связного целого», без предварительного плана, проекта, а просто связывая факты и законы, которые дают естественные науки. Но тогда никакой общей картины не получится, связь устанавливается по принципам.

Натурфилософии потому и наступил конец, что в функцию философии вообще не стало входить создание общей системы природы как единого целого. Уже невозможна единая система природы, подобная той, какая была создана в XVII—XVIII вв. Наступил конец не только механистической системе природы, но и вообще всем подобного рода построениям, которые создают еди-

Библиотека "Руниверс"

ную замкнутую систему мира. Единство, существующее в объективном мире, находит свое отражение прежде всего в категориях философии, отражающих всеобщие свойства и закономерности явлений, процессов и путей их познания. Кроме того, единство явлений природы устанавливается самими естественными науками, их совокупностью, путем интеграции научного знания и т. д. Философ не строит единой картины мира, а берет явления и процессы природы такими, как они даны в понятиях и законах различных наук. Не философия устанавливает связь между химической и биологической формами движения материи, а само естествознание в понятиях биохимии; не натурфилософ показал единство между энергией ядерных превращений и звездных систем, а сами естественные науки и т. п. Поэтому Ф. Энгельс и говорит, что само естествознание не путем какой-то строительной деятельности, а ходом своего развития, возникновением новых понятий устанавливает единство и взаимосвязь явлений природы; ему не нужно выдумывать связи из головы: они даны в его законах.

Обосновывая необходимость новой натурфилософии, или диалектики природы, как особой философской науки, Г. В. Платонов и М. Н. Руткевич дают своеобразное толкование самому предмету марксистской философии, следуя в данном вопросе в основном за В. П. Рожиным. Правда, предмет философии они делят не на четыре, как у В. П. Рожина, а на три части: 1) природа, 2) общество, 3) мышление. Поэтому сама философия представляет собой сумму трех философских наук: 1) диалектика природы (учение о природе); 2) исторический материализм, или социология (учение об обществе); 3) диалектическая логика (учение о мышлении). И над всеми этими науками стоит еще диалектика вообще, которая вскрывает законы общие и для природы, и для общества, и для мышления. «Диалектический материализм, — пишут они, — изучает наиболее общие законы, господствующие во всех трех основных сферах: природе, обществе, мышлении. Изучение особенностей действия этих общих законов в каждой из указанных сфер в определенной мере также является задачей диалектического материализма, поскольку ни один общий закон не может быть понят вне его конкретных, специфических проявлений. Но лишь в определенной мере, поскольку детальная разработка и

Библиотека "Руниверс"

всестороннее выяснение специфики действия этих общих законов в столь широких областях, как природа, общество, мышление... являются задачей не диалектического материализма, а диалектики природы, исторического материализма и логики» [27].

При этом между природой, обществом и мышлением устанавливается определенная субординация. «Вопрос о сущности природы является, безусловно, философским, ибо без его решения нельзя дать ответ на вопросы о сущности человека и мышления» [28].

Эта концепция широко распространена среди некоторой части советских философов, поэтому проанализируем ее детальнее.

Прежде всего получается, что природа является ключом для понимания общества, человека и мышления. К. Маркс же полагал обратное: «...*природа,* взятая абстрактно, изолированно, фиксированная в оторванности от человека, есть для человека *ничто*» [29]. К. Маркс видел ключ для понимания человека не в природе, совсем наоборот, ключ для понимания природы он видел в человеке и в его общественно-практической деятельности. По мнению представителей этой концепции, прежде чем решать проблему о сущности человека, надо ответить на вопрос о сущности природы, что и является задачей диалектики природы, или новой натурфилософии. А в самом деле, в чем же сущность природы? К сожалению, ответа на этот вопрос ни в статье, ни в других работах названных авторов нет. Если исходить из того, как представляют себе авторы предмет и содержание натурфилософии, которая должна вскрыть общие законы, присущие всей природе и только ей, то эту сущность составляет «закон сохранения и превращения энергии и другие законы, присущие природе в узком смысле, то есть без человека» [30].

Мы, конечно, были бы очень рады видеть эту сущность в чем-нибудь ином, но связаны с авторами, которые, к сожалению, не указали никаких других законов природы, которые присущи ей в узком смысле, без человека,

---

[27] Там же, стр. 134.

[28] Там же, стр. 137.

[29] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений, стр. 640.

[30] *Г. В. Платонов, М. Н. Руткевич.* О диалектике природы как философской науке. — «Вопросы философии», 1963, № 3, стр. 140.

Библиотека "Руниверс"

и служили бы предметом особой науки — диалектики природы. Спрашивается, а стоило ли из-за этого городить огород, т. е. зачем один из физических законов превращать в закон новой натурфилософии? Такие физические законы, как закон всемирного тяготения, первый принцип термодинамики и т. п., физикой были вскрыты до провозглашения диалектики природы особой философской наукой. Нетрудно догадаться, что физика будет основным поставщиком законов новой натурфилософии; биология, к примеру, лишена этой возможности, так как она изучает законы движения только живого вещества, т. е. ее закономерности более узки, чем закономерности физики: живое вещество обладает свойствами неживой природы, а не наоборот.

Если следовать логике авторов, то можно сформировать не три диалектики: природы, общества и мышления, а значительно больше. Некоторые так и делают. Они говорят не только о диалектике общества, но и отдельно о диалектике капитализма, диалектике социализма, диалектике перерастания социализма в коммунизм и о диалектике чистого коммунизма, и всюду действуют свои специфические диалектические законы. А ход логического рассуждения здесь один и тот же, можно сказать, железный: существует диалектика вообще, а потом диалектика трех больших сфер (природы, общества, мышления) как применение общих диалектических закономерностей к особенностям этих сфер, а потом сферы можно делить: природу — на живую и неживую, общество — на антагонистическое и неантагонистическое, следовательно, и диалектика может быть не только природы вообще, а отдельно живой и неживой (Руткевич и Платонов дают и программы курса диалектики живой природы, а в обществе — антагонистического и неантагонистического). Неживую или живую природу, как и антагонистическое и неантагонистическое общество, можно дальше делить и в конце концов дойти до диалектики зубной боли и продажи арбузов. Но, дойдя до них, необходимо остановиться и задуматься о самом принципе, лежащем в основе этого деления.

Дело заключается в том, что много диалектик или философий не существует, диалектика как метод научно-теоретического мышления едина, и она не вскрывает

Библиотека "Руниверс"

отдельно сначала законы природы, потом общества и наконец мышления. Диалектика в своих законах и категориях отражает наиболее общие закономерности объективной реальности, как она дана в практике человека, именно эти законы, а не какие-то другие регулируют и движение мышления, ведущего к пониманию истины. Кроме диалектики как метода научно-теоретического мышления, нет никаких других диалектик; существуют системы наук, на основе законов которых возникают специальные методы научного познания, носящие более или менее общий характер.

Опыт показывает, что конструирование множества доморощенных диалектик приводит к ликвидации диалектики как науки, к вульгаризации самой идеи применения диалектического метода к анализу конкретного предмета. Ведь если диалектический подход к анализу природы в целом (хотя ни одна наука этим не занималась и, видимо, не будет заниматься) дает диалектику природы, а к отдельным формам движения — соответственно диалектику физики, химии, биологии и т. п., то чем хуже агрономия и метеорология? Почему бы и им не иметь своей диалектики? Нужна не особая наука — диалектика биологии, а хорошая биология с правильным философским пониманием своего предмета и путей движения своего познания к истине.

Авторы статьи намечают эту иерархию диалектик, однако, чувствуя, куда это может их завести, обрывают ее. «Диалектика природы, — пишут они, — являясь философской наукой, неразрывно связанной с диалектическим материализмом, в то же время граничит со специальными естественными науками. И здесь также происходит их глубокое взаимодействие и взаимопроникновение... Утвердившееся название «философские проблемы естествознания» менее точно, чем понятия «философия природы», «диалектика природы», и по следующей причине... Более широкие обобщения, охватывающие либо всю природу (без человека), либо только органическую или неорганическую природу, входят в содержание «диалектики природы» как философской науки. Что же касается более узких философских обобщений, относящихся к отдельным явлениям природы или методологии отдельных наук, то они остаются в сфере соответствующих областей есте-

Библиотека "Руниверс"

ствознания»[31]. Значит, философ доходит только до неживой природы в целом, а там начинается естественник Конечно, в некотором отношении такое деление представителей естественных наук может устроить: там, где точная наука и факты, — там мы, естественники, а где точное знание кончается и начинаются натурфилософские конструкции — там философы.

Изображение философских проблем естествознания в виде особой науки — диалектики природы, как бы красиво ни звучало это название, приведет к натурфилософии, облеченной в марксистскую терминологию, и отстранит массу ученых-естественников от работы по философскому обобщению результатов науки. Идея создания особой науки — диалектики природы — направлена по существу против союза философии марксизма и современного естествознания. Естественник не будет стремиться найти универсальные законы природы, как представляют авторы этой идеи, его интересуют законы той формы движения материи, которую он изучает, а не вся природа. Поиски всеобщих законов и свойств природы неминуемо приведут к умозрительному конструированию, поскольку таких законов, которые бы не изучались какой-либо специальной естественной наукой или диалектическим материализмом, нет. И если действительно попытка реализовать идею диалектики природы получила бы какое-то практическое осуществление, то это привело бы не к дальнейшему приближению диалектического метода к современному естествознанию, как пишут авторы статьи, а к изоляции философии от специальных областей научного знания.

Не конструированием новой натурфилософии, а разработкой философских проблем науки, естествознания в частности, должны заниматься философы. Поэтому современному характеру развития знания как раз и соответствует название «философские проблемы естествознания», которые должны включать комплексную разработку сложных проблем различными науками и методами. Философ занимается этими проблемами, решая свою задачу — разрабатывает законы и категории материалистической диалектики, а естественник концентрирует свое внимание на том, что необходимо для движения вперед

[31] Там же, стр. 142.

Библиотека "Руниверс"

в его науке. За последнее время в Советском Союзе налаживание сотрудничества между философами и естественниками идет именно по пути взаимодействия наук, методов исследования и интеграции знания.

ГЛАВА IV

ПОЗИТИВИЗМ КАК ФИЛОСОФИЯ И ЛОГИКА НАУКИ

1. Характерные черты позитивизма

Крах натурфилософии породил в буржуазном мышлении позитивистскую реакцию. Более чем за столетнее свое существование позитивизм подвергся изменениям, концепции современного логического позитивизма во многом не похожи на философию О. Конта и Д. С. Милля. Но в главном он остался тем же самым.

Неспособность натурфилософии в XIX в. воздействовать на ход развития науки, опровержение ее умозрительных построений о природе данными эмпирического естествознания истолковывались основоположниками позитивизма как конец философии вообще. Философия отождествлялась с умозрительной метафизикой. Марксизм же считал, что окончился один этап в развитии философии и начался другой, что она становится мировоззрением, проявляющим себя в развитии научного знания и практики людей. С точки зрения марксизма философия как научное мировоззрение должна найти себе подтверждение и проявить себя в конкретных науках, позитивизм же изображает дело так, что конкретные области науки делают излишним существование философии как особой формы знания. Ее задачи сводятся позитивизмом к простому суммированию данных естественных наук и согласованию их между собой.

Принято выделять три исторические формы позитивизма: первый (О. Конт, Д. С. Милль, Г. Спенсер), второй (махизм, или эмпириокритицизм, — Э. Мах, Р. Авенариус и др.), третий (современный неопозитивизм). Каждая из этих форм имеет свои исторические и гносеологические корни, по-особому ставит и решает проблемы, причем различия существуют не только между формами

Библиотека "Руниверс"

позитивизма, но и между воззрениями мыслителей, принадлежащих к одной форме, например между О. Контом и Г. Спенсером, а в современном позитивизме исследователи выделяют несколько направлений.

В советской философской литературе исследованы многие стороны позитивизма в его различных формах. Нам хотелось бы здесь отметить прежде всего работы И. С. Нарского, И. С. Кона, В. В. Мшвениерадзе, В. С. Швырева и других авторов. Не будем касаться вопросов о корнях позитивизма, его месте в современной буржуазной философии и т. д. Позитивизм в данном случае нас интересует только с одной стороны — как одна из попыток преодоления недостатков натурфилософского решения проблемы взаимоотношения философии и науки, как одна из философских концепций научного знания. В этой связи отметим наиболее общие черты, характерные для всякого позитивизма.

На первое место следует поставить субъективное стремление позитивизма представить себя философией и логикой науки. «Позитивизм, — справедливо отмечает И. С. Нарский, — выдавал себя за воззрение, освобождающее будто бы науки из-под ига догматической натурфилософии и гегелевских спекуляций. Позитивизм выставлял себя в выгодной роли защитника «положительного», т. е. освобожденного от каких-либо «домыслов», знания; он изображал из себя борца за победу науки»[1]. Это относится и к позитивизму О. Конта и его приверженцев, и к концепции Э. Маха, и в полной мере к неопозитивизму, авторы которого рекламировали свои воззрения как эмансипацию от рабства метафизической догмы и спекуляции, как возрождение духа Просвещения и энциклопедистов.

Существенно общее имеется между всеми разновидностями позитивистов и в решении основного вопроса философии. Оно состоит в стремлении уйти от его разрешения, замаскировать свой идеализм, дать какое-то половинчатое, неопределенное решение, примиряющее материализм и идеализм. Ленинская характеристика, что это «жалкая кашица, презренная *партия середины* в философии»[2],

---

[1] *И. С. Нарский.* Очерки по истории позитивизма. М., 1960, стр. 59—60.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 361.

Библиотека "Руниверс"

верна для всех исторических форм позитивизма и выражает его философское кредо. Одна линия у всего позитивизма и в отношении к философии — отождествление философии с натурфилософией и метафизикой, а отсюда замена ее какой-то узкой областью знания, ликвидация в той или иной форме, под тем или иным предлогом специфики философии и ее языка и, наконец, усиленное внимание к логической проблематике науки, разработка методологии и логики научного знания.

В этих характерных чертах позитивизма все его пороки, но в них же надо искать и причину того, почему позитивизм, начиная с О. Конта, Д. С. Милля, Г. Спенсера и кончая современным, имел некоторое воздействие на мировоззрение известного круга ученых и почему в настоящее время его влияние в этих же кругах падает. Остановимся подробнее на некоторых из особенностей позитивизма.

2. Гносеологические основы позитивистской философии

Гносеология позитивизма — самое уязвимое его место, потому что здесь более всего проявляется эклектизм и эпигонство, вся беспомощность стремлений быть философией современной науки. Позитивизм в гносеологическом отношении проделал очень поучительную эволюцию: от агностицизма с элементами стыдливого материализма к откровенному субъективному идеализму, солипсизму и снова к гносеологии, включающей в себя некоторые элементы материализма.

О. Конт начал движение против материализма, которое проходит красной нитью через весь позитивизм. Однако, чтобы не выглядеть ретроградами, позитивисты несколько слов добавляли и против той формы идеализма, которую называют спиритуализмом. Нельзя сказать, что О. Конт вообще отрицал существование объективного мира, но он не видел необходимости и возможности проникновения в сущность явлений этого мира. В философском отношении позитивизм эклектичен. К. Маркс в письме к Ф. Энгельсу так оценил философию Конта: «Я штудирую теперь, кроме всего прочего, Конта, потому что англичане и французы так много кричат об этом субъекте. Их подкупает в нем энциклопедичность, синтез. Но

Библиотека "Руниверс"

по сравнению с Гегелем это нечто жалкое... И этот дряннoй позитивизм появился в 1832 году!»[3]

Д. С. Милль в критике материализма был более решителен, нежели О. Конт, и, продолжая традиции Беркли и Юма, придал позитивизму откровенный субъективно-идеалистический характер. Линию Милля продолжили махисты. В. И. Ленин писал об этом: «Скажем ли мы, что материя есть постоянная возможность ощущений (по Дж. Ст. Миллю), или что материя есть более или менее устойчивые комплексы «элементов» — ощущений (по Э. Маху), — мы остались *в пределах* агностицизма или юмизма»[4].

Махизм, или эмпириокритицизм, — кульминация субъективно-идеалистической гносеологии позитивизма. Э. Мах писал, что он «поставил себе целью не ввести *новую* философию в естествознание, а удалить из него *старую, отслужившую свою службу*»[5]. Этой старой философией является материализм, «которому 150 лет от роду и недостаточность которого давно уже разглядели не только философы по призванию...»[6].

Здесь Э. Мах не точен по крайней мере в одном: что материализму 150 лет от роду. В действительности материалистическая теория познания более почтенного возраста. Но Э. Мах действительно изгоняет материализм из научного мышления и не вносит в него никакой новой философии, он ориентирует естественные науки на одну из старых философий — субъективно-идеалистическую, берклианско-юмистскую. Эта особенность махизма была глубоко вскрыта Лениным; ее подвергли критике и крупнейшие западные физики, в частности М. Планк, которого не смутила шумиха вокруг философии Э. Маха, ибо он понимал, что «теоретиков много, а бумага терпелива». «Согласно этому учению, — пишет М. Планк о философии Э. Маха, — в природе не существует другой реальности, кроме наших собственных ощущений, и всякое изучение природы является в конечном счете только экономным приспособлением наших мыслей к нашим ощущениям, к которому мы приходим под влиянием борьбы

---

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 31, стр. 197.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 108.
[5] *Э. Мах.* Познание и заблуждение М., 1909, стр 4
[6] Там же, стр. 12

Библиотека "Руниверс"

за существование. Разница между физическим и психическим — чисто практическая и условная; единственные существенные элементы мира это — наши ощущения. . .»[7] Как явствует из слов М. Планка, он правильно понял суть этого направления в философии и у него не было сомнений, что «системе *Маха* совершенно чужд самый важный признак всякого естественнонаучного исследования: стремление найти *постоянную*, не зависящую от смены времен и народов картину мира»[8].

Неопозитивизм начал с того, что продолжил в гносеологии линию Маха и Авенариуса. Его представители много потрудились над тем, чтобы приспособить современную науку к субъективно-идеалистической гносеологии. Некоторые из них сейчас пытаются откреститься от субъективного идеализма и солипсизма Маха и его учителей Беркли и Юма. И они действительно предпринимают шаги, свидетельствующие о нежелании их находиться в лагере солипсизма. В этом отношении очень примечателен доклад Г. Фейгля на XIII Международном философском конгрессе (Мехико, 1963). Фейгль, рисуя эволюцию неопозитивизма, признает, что за тридцать лет в его теоретико-познавательных воззрениях происходили изменения, которые шли в направлении от феноменализма к эмпирическому реализму. В отличие от Маха и Авенариуса, а также Джемса и Дьюи такие неопозитивисты, как Р. Карнап, отказались от феноменализма, ведущего к субъективному идеализму, заменив его физикалистской эпистемологией.

Нетрудно понять, что речь здесь идет о признании объективного мира, существующего вне нашего сознания и являющегося источником знания. Г. Фейгль говорит об уменьшении влияния Беркли, Юма, Маха на современных позитивистов. «Многие из нас, — продолжает он, — в частности я сам, пытались сформулировать реалистическую концепцию так, чтобы ее можно было сохранить осмысленно с чистой совестью, т. е. защитить логически ясными аргументами»[9]. К этим реалистическим взглядам современных позитивистов толкает необходимость удер-

---

[7] *М. Планк.* Единство физической картины мира. М., 1966, стр. 46.

[8] Там же, стр. 48.

[9] «Memorias del XIII Congreso Internacional de Filosofía», vol. V. Universidad nacional Autónoma de México, 1964, p. 428

Библиотека "Руниверс"

жать связь с наукой, например дать «реалистическую интерпретацию теоретическим понятиям современной физики» [10].

Первый шаг в этом направлении Фейгль видит в либерализации критерия фактической значимости суждений и принципа верификации, согласно которому «значение высказывания есть его метод верификации». Многие позитивисты, в том числе и Фейгль, склонны отказаться от этого принципа, полагая, что «значение утверждения не имеет почти ничего общего с методом его верификации» [11].

Г. Фейгль стремится во что бы то ни стало увести неопозитивизм от субъективно-идеалистической тенденции Беркли и Юма, и он прав, утверждая, что если уступить этой тенденции, то разделишь судьбу «бабочки в бутылке» и будешь не в состоянии «вывести себя из этой эпистемологически резко ограниченной позиции, — будь то феноменализм первых логиков — позитивистов, или различные формы логического бихевиоризма» [12].

Выход из солипсизма Беркли и Юма Г. Фейгль видит в признании существования реальности внешнего мира. Он считает необходимым различать два вида сомнений: в существовании какой-то конкретной формы и реальности самого внешнего мира. «Одно дело, — пишет он, — решать спор, например рассматривая унаследование приобретенных свойств в биологии, и совершенно другое дело устранять сомнения относительно существования внешнего мира, реальности прошлого... Одно дело сомневаться в существовании органической жизни на других планетах, и другое дело сомневаться в реальности чего-нибудь вне течения моего непосредственного опыта» [13]. И Фейгль пытается показать, что признание существования объективной реальности вне познания человека необходимо для строгого логического эмпиризма, что позиция в этом вопросе солипсизма и крайнего скептицизма является бессмысленной, описание реальности должно происходить в «терминах пространственно-временных отношений, которые мы обычно называем «физический мир»» [14], и что трансцендентность, включенная в предложения о физиче-

[10] Там же.
[11] Там же, стр. 431.
[12] Там же, стр. 432.
[13] Там же, стр. 429.
[14] Там же.

Библиотека "Руниверс"

ском мире, является совершенно безвредной. Фейгль считает необходимым сообщать студентам, что с точки зрения «максимально либерализованного критерия значения обычная трансцендентальность реализма здравого смысла может быть, таким образом, признана как всецело подтверждаемая, совершенно безвредная и не проблематичная» [15].

Вот до чего дошли неопозитивисты, которые начали с утверждения, что всякая постановка вопроса о существовании внешнего мира является псевдопроблемой, метафизикой, признание объективной реальности, трансцендентной по отношению к нашему сознанию, несовместимо с научной философией, основанной на опыте. Теперь же, отрекаясь от Маха и Авенариуса, от своих ранних работ, в которых они разделяли позиции своих учителей, уничтожая метафизику материализма, они вносят «ясность таким путем, чтобы не было препятствия для реалистической интерпретации научных теорий» [16], т. е. исходят из признания существования некоторой реальности за пределами сознания. И это делает не только Г. Фейгль, но и другие неопозитивисты, в частности Р. Карнап, который высказывается за признание существования «ненаблюдаемых сущностей».

Налицо эволюция некоторых представителей неопозитивизма от субъективно-идеалистического отрицания существования объективной реальности к материалистическим концепциям. Как относиться к этому факту? Отрицать его невозможно и бессмысленно. Иногда полагают, что признание наличия материалистических тенденций в течениях современной буржуазной философии усиливает ее позиции. Лучше, дескать, обращать внимание не на эти ее стороны, а на идеализм и метафизику, за пределы которой в целом они не могут выйти.

Проведение принципа партийности в философии отнюдь не предполагает затушевывания каких-то одних сторон в критикуемых нами концепциях и выделение только тех, которые свидетельствуют об их реакционности. Течения современной буржуазной философской мысли нужно брать такими, какими они являются, со всеми противоречиями, содержащимися в них. Абсолютизация какой-то

---

[15] Там же, стр. 430.
[16] Там же, стр. 434.

Библиотека "Руниверс"

одной стороны может создать неверную, однобокую картину и ослабить нашу борьбу против них. Отрицание материалистических тенденций у некоторых современных неопозитивистов не способствует объективности в оценке этого течения и, следовательно, не может служить делу действенной его критики.

Сам факт движения неопозитивистов от субъективного идеализма к реализму, включающему в себя признание существования вне сознания человека объективной реальности, очень примечателен. Он свидетельствует не о силе неопозитивизма, а о его слабости. Чтобы не потерять окончательно связи с наукой, неопозитивисты вынуждены пойти на пересмотр своих философских позиций, сделать уступку материализму. То, что неопозитивисты идут на компромисс с материализмом, хотя бы в пределах кантовского признания существования вещей в себе вне нашего сознания, свидетельствует о силе материализма, его неистребимости.

Вспомним, махисты начали критику Канта и его понимание опыта за материализм, они пытались очистить опыт от объективного содержания, предпочитая Канту Беркли и Юма, как более последовательных мыслителей. Мах и Авенариус очищали кантианство от вещи в себе, от признания необходимости и причинности. Они боролись «не против агностицизма Канта... а *за более чистый агностицизм*, за устранение того противоречащего агностицизму допущения Канта, будто есть вещь в себе, хотя бы непознаваемая, интеллигибельная, потусторонняя, — будто есть необходимость и причинность, хотя бы априорная, данная в мышлении, а не в объективной действительности» [17]. Теперь же ученики Маха и Авенариуса снова возвращаются к Канту; по выражению Г. Фейгля, они, подобно «неокантианцам (и, возможно, даже самому Канту), естественно согласны предоставить человеку место в познанном или познаваемом объективном мире природы» [18]. Так потусторонняя, трансцендентальная реальность, которая находится вне сознания человека и которую так старательно изгоняли эмпириокритики и сами неопозитивисты в 20—30-х годах нашего столетия, теперь

---

[17] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 205.

[18] «Memorias del XIII Congreso Internacional de Filosofía», vol. V, p. 427.

Библиотека "Руниверс"

признается ими как элемент здравого смысла в философии, как особенность реалистической философии, стоящей на позициях науки.

Конечно, возвращение позитивизма от Беркли и Юма снова к Канту следует приветствовать, поскольку в философии Канта содержится некоторая материалистическая посылка, а круг, который проделал позитивизм от Канта через Беркли и Юма снова к Канту, очень поучителен; он свидетельствует о том, что философия не может выйти за пределы материализма. Но он не утешителен для буржуазной философии. Оказывается, она не может подняться выше Канта, признание кантианством вещей в себе — потолок для современных буржуазных философов. Ничего не скажешь, итоги, к которым пришли неопозитивисты, не слишком утешительны. Буржуазная философия должна начинать с того, на чем она остановилась более ста лет назад.

Поэтому не следует преувеличивать значение эволюции неопозитивизма от солипсизма к реализму. Для самих неопозитивистов переход от Беркли и Юма к кантианству — действительно шаг вперед посредством нескольких шагов назад, однако для развития научной философии — это уже вчерашний и позавчерашний день, так как диалектический материализм давно преодолел кантианство.

В литературе иногда проскальзывает переоценка материалистических тенденций в современном неопозитивизме вообще, у Карнапа в особенности. Нельзя игнорировать тот факт, что Карнап шел от субъективизма махистского толка к реализму, который кое-кто, в частности Р. Коэн, называет эмпирическим материализмом. Совершенно верно также и то, что нельзя понять философии Карнапа без этой эволюции, ошибочно судить о современных философских взглядах Карнапа только по его произведению «Логическое построение мира», написанному в 1928 г., по словам Коэна, «с субъективистскими порывами». Коэн обнаруживает материалистические тенденции Карнапа в решении трех проблем: «природы веры, теории знания и статута сущностей, открываемых наукой» [19].

Но, несмотря на это, нам кажется, что наш американ-

[19] «The Philosophy of Rudolf Carnap». London, 1963, p. 145.

Библиотека "Руниверс"

ский коллега, сближая философские воззрения этого мыслителя с диалектическим материализмом, переоценивает эволюцию Карнапа. Коэн считает, что сегодняшний физикализм согласуется с соответствующими теориями «материализма К. Маркса 1844 года и Ленина 1908» [20]. Коэн пытается доказать, что материалистическая диалектика и логический эмпиризм очень близки в решении кардинальных проблем философии и что Р. Карнап в преодолении субъективизма и солипсизма идет почти теми же путями, что и В. И. Ленин.

Коэн признает обоснованной критику В. И. Лениным махизма, которая, по его мнению, была вызвана не только тем, что эмпириокритицизм создавал угрозу для развития коммунистического движения в России, но также и тем, что он подрывал развитие «научного знания... в естественных и общественных науках» [21].

Однако нам представляется ошибочной проявившаяся в статье Коэна общая тенденция к сближению диалектического материализма с неопозитивизмом вообще, логическим эмпиризмом Р. Карнапа в частности. Коэн признает существование различий в подходе к решению философских проблем между материалистической диалектикой и логическим эмпиризмом, однако не видит противоположности их устремлений, сближает их там, где они принципиально несовместимы. Приведем одно примечательное утверждение Р. Коэна. «До сих пор, — пишет он, — утверждали, что эмпирический материализм [22] и диалектический материализм различаются своей фактической оценкой (отношением) ситуации познания, т. е. своей оценкой уместности в философии физиологической психологии и социальной истории; таким образом, значение и важность *практики* являются предметом разногласий... Но видеть в этом различие несерьезно, поскольку Карнап настойчиво стремится главным образом к рациональной реконструкции подтвержденных и подтверждаемых теорий; они должны быть освобождены от неясности (и возможно, даже от идеологического хаоса?) посредством ясных правил для применения и понимания языка.

---

[20] Там же, стр. 150.

[21] Там же, стр. 131.

[22] Так Коэн называет философские взгляды Карнапа и некоторых других неопозитивистов.

Библиотека "Руниверс"

Диалектике нет необходимости во всеоружии преодолевать теорию лингвистической пурификации. Ей следует приветствовать метод рациональной аналитической реконструкции на диалектических основах, так как это — необходимая научная задача самокритики в духе суждения Маркса: *язык является практическим сознанием*»[23].

Такое сближение воззрений Карнапа с диалектическим материализмом не имеет под собой каких бы то ни было оснований. Наоборот, именно в понимании познания как общественно-исторического процесса, роли практики в нем, языка как реального сознания, средства общения, возникающего в процессе общественной жизни, и заключается принципиальное отличие марксизма от современного неопозитивизма.

Нельзя отрицать наличия материалистических тенденций в философии некоторых современных неопозитивистов, хотя их реализм ближе к объективному идеализму, чем к материализму. Диалектика признает и необходимость *логического анализа языка науки*, к проведению которого призывают неопозитивисты. И она действительно должна осуществлять такой анализ на основе своих философских принципов и категорий. Но все это не дает оснований для утверждения об исчезновении противоположности между марксистской гносеологией и неопозитивистской.

Мысль о единстве гносеологических предпосылок неопозитивизма и марксизма навязывается самими сторонниками неопозитивизма. Так, например, Ф. Франк утверждает, что философия Маха фактически приобрела значение только «на том основании, что Ленин взял его как исходный пункт в книге «Материализм и эмпириокритицизм», в которой он смело... напал на «идеализм Маха»»[24]. Оказывается, что «вследствие тесной связи, которая явно существует между теорией относительности Эйнштейна и философией Маха, Ленин боялся, что теория Эйнштейна может стать троянским конем для проникновения идеалистических течений мысли в среду русских ученых и вообще в среду образованных классов... Это подозрение объясняет спокойный прием, который

---

[23] «The Philosophy of Rudolf Carnap», p. 151.

[24] *Ph. Frank.* Einstein, Mach, and Logical Positivism. — «Albert Einstein· Philosopher-Scientist». Evanston, Illinois, 1949, p. 272.

Библиотека "Руниверс"

часто встречала теория Эйнштейна в первые годы советского строя в России»[25]. Выходит, что сама по себе философия Маха не содержит основания для квалификации ее как идеалистической. Просто она тесно связана с теорией Эйнштейна, проникновение которой в среду советских ученых Ленин считал нежелательным; для ослабления влияния идей теории относительности В. И. Ленин объявил и философию Маха идеалистической.

В другой работе Ф. Франк дает такое понимание ленинской критики махизма: «...Ленин выступал против махизма потому, что диамат и махизм рассматривают иногда аналогичные проблемы; он считал подходящим для себя выступить против махизма в полемической форме, отстаивая свое учение...»[26] По мнению Франка и некоторых других позитивистов, только «с первого взгляда кажется, что диамат крайне враждебен различным формам логического эмпиризма»[27], в действительности они очень близки: «Логический эмпиризм развивался в основном в борьбе против идеалистической метафизики той философской школы, которая со своей... смесью устаревшей теологии и устарелой науки выполняла довольно определенную социальную функцию. Основная борьба диамата тоже направлена против этой метафизики и этой функции»[28].

Франк выделяет следующие важные пункты, по которым диалектический материализм, с его точки зрения, смыкается с логическим эмпиризмом: 1) наука должна быть материалистической, но не «механистической»; 2) критерий истины суждения должен быть лишь подтверждением ее в действительной жизни; 3) учение о конкретности истины; 4) суждения науки должны пониматься не только на основе их логической связи с суждениями предыдущих ступеней науки, но и с учетом прежней научной деятельности.

Столпы современного позитивизма проводят мысль, что развитие диалектического материализма идет по пути дальнейшего сближения с логическим позитивизмом. Основная мысль Франка чрезвычайно ясна: последова-

---

[25] Там же.

[26] *Ph. Frank.* Modern Science and Its Philosophy. New York, 1961, p. 196—197.

[27] Там же, стр. 196.

[28] Там же, стр. 197—198.

Библиотека "Руниверс"

тельное проведение принципов диалектического материализма о связи философии с наукой, о практике как критерии истинности суждений, об объективности, или, как он говорит, интерсубъективности, и конкретности знания неминуемо приводит к современному позитивизму. Ф. Франк заканчивает рассуждение следующими выводами: «Творческая научная работа, особенно в области химии, физики и биологии, использующая благоприятные условия развития науки в СССР и находящаяся в состоянии быстрого роста, имеет все еще малое практическое влияние на диамат. В этой ситуации есть опасность для диамата развиваться в изоляции от науки, подобно европейской философской школе, тоже претендующей указывать направление науке, что ведет лишь к все бóльшему удалению его от науки, а следовательно, к ослаблению.

Если в СССР диамат будет стремиться к объединению с конкретной наукой, то в нем усилятся тенденции, свидетельствующие о его связи с логическим эмпиризмом. Будет ясно, что борьба в двух направлениях — против идеализма и механицизма — может проводиться последовательно действительно только с точки зрения критического позитивизма; в противном случае она перейдет в метафизику влево или вправо»[29].

Позитивисты перед диалектическим материализмом ставят дилемму: либо изоляция от науки, либо сближение с неопозитивизмом. Но диалектический материализм не идет и не пойдет ни по тому, ни по другому пути; сохраняя и укрепляя свою связь с наукой, он идет своей дорогой — не растворяя философию в отдельных отраслях науки и формальной логики, а развивая законы и категории материалистической диалектики.

Может возникнуть вопрос: а что плохого в сближении неопозитивизма с диалектическим материализмом? Прежде всего это противоречит действительному положению вещей; общее между гносеологией неопозитивизма и марксизма в каких-то моментах может быть и есть, но в главном, в решении кардинальных проблем философии, они остаются противоположными.

Далее, замазывание противоположности между марксизмом и неопозитивизмом по существу ведет к защите буржуазного мировоззрения. Неопозитивисты сделали не-

[29] Там же, стр. 202—203.

Библиотека "Руниверс"

который шаг от субъективного идеализма в сторону, как они говорят, реализма, в котором смешиваются материалистические концепции с объективно-идеалистическими. Изображение этого шага как смыкания неопозитивизма с диалектическим материализмом тем самым уже возвышает, приукрашивает неопозитивизм и принижает марксистскую философию. Куда же двигаться неопозитивизму и зачем его преодолевать, когда он и так хорош?! Возникает вопрос, что же оригинального и принципиально нового в марксистской философии, если она с точки зрения неопозитивизма в принципе ничем не отличается от последнего. Более того, позитивисты считают, что марксисты могут многому еще и поучиться у них, например строгому логическому анализу результатов современной науки.

Конечно, диалектический материализм не исключает возможности заимствования положительного из другой философской системы. Естественно, это положительное он перерабатывает на основе своих принципов. Марксистская философия может только приветствовать эволюцию любого направления современной буржуазной философии в сторону диалектического материализма. Но нельзя малейший шаг в сторону отхода от субъективного идеализма, который, возможно, для самих неопозитивистов и имеет существенное значение, принимать за сближение неопозитивизма с диалектическим материализмом, за ликвидацию противоположности между ними. Такой подход принесет вред критике и преодолению буржуазного мировоззрения.

3. Позитивистское понимание роли философии и ее отношения к науке

Основоположник позитивизма зачислил всю прежнюю философию по ведомству метафизики и провозгласил новую эру в познании вообще, в философии в частности. Но в той или иной форме философия оставалась во всех позитивистских системах. Прежде всего потому, что в своей теории знания они практически не могли обойтись без какой-либо философской теории; кроме того, какое-то место они отводили философии, строя теорию научного знания. Поэтому они никогда не отрицали философию полностью, а придавали ей такую форму, так сужали ее

Библиотека "Руниверс"

функции, что по существу она терялась. Философия призвана, по Конту, только упорядочивать, систематизировать знания, строить «общую систему человеческих понятий» [30].

Но О. Конт полностью остался в плену той метафизики и натурфилософских спекуляций, разрушить которые он грозился. Во-первых, в духе самой худшей метафизики он выдвинул теорию о трех стадиях в развитии человеческого ума: теологической, метафизической и позитивной. Разве эта теория является прямым результатом развития позитивного знания? Нет, это — самая типичная натурфилософская конструкция, в которой все интеллектуальное развитие человечества подогнано под умозрительно созданный им принцип. И когда сравниваешь гегелевскую систему развития логических категорий, включающих богатство объективной реальности, с этой тощей схемой, то симпатии оказываются явно на стороне великого немецкого философа.

Во-вторых, за пределы натурфилософии не выходит и тот идеал, к которому должна, по Конту, стремиться философия. В самом деле, допустим, что философия займется систематизацией знаний, построит общую систему человеческих понятий, но, как показывает опыт самих же позитивистов, О. Конта и его последователя Г. Спенсера, в конечном счете она будет новой натурфилософией. В этом отношении очень поучителен пример Г. Спенсера, который в своей философской системе обобщил, суммировал знание эпохи и создал некую всеобъемлющую систему знаний, положив в основу понятие эволюции. Не ограничившись тем, что дает естествознание учению об эволюции, Г. Спенсер по лучшим натурфилософским образцам сформулировал несколько законов эволюции: интеграции и дезинтеграции частиц, инволюции, перехода от «неопределенной однородности» к «определенной разнородности», равновесия и т. п. Причем эти законы Г. Спенсер перенес и на социальную жизнь, рассматривая общество в качестве своеобразного организма.

Всеобщая систематизация знания Г. Спенсера воплотилась в новую натурфилософскую систему мира, в которой по-своему обрабатываются и приспосабливаются

---

[30] *О. Конт.* Курс положительной философии, т. I. СПб., 1899, стр. 2.

Библиотека "Руниверс"

факты и теории науки. Этот урок может быть весьма полезен тем, кто сейчас хочет строить марксистскую философию природы путем систематизации данных естественных наук. Они могут повторить опыт Г. Спенсера на более высоком уровне, поскольку естествознание значительно продвинулось вперед, теоретико-познавательные предпосылки марксизма несравненно превосходят спенсеровский агностицизм, но общий результат мало чем будет отличаться, поскольку в современных условиях философия не может быть натурфилософией, как бы хорошо и современно она ни выглядела. А новые общие законы природы выдумывать сейчас значительно труднее, чем во времена Г. Спенсера, здесь уже нельзя обойтись дезинтеграцией и интеграцией, не поможет и закон прогрессивного развития Вселенной.

От создания системы общих понятий или упорядочения совокупного обозрения явлений, как представлял себе задачу философии О. Конт, отказались позитивисты более позднего поколения. Уже Дж. Ст. Милль роль философии понимал существенно по-иному. В прежней философии он выделял две самостоятельные части: метафизику и логику. Задача метафизики мыслится им весьма широко. Метафизика — «тот отдел философии духа, который ставит себе задачей определить, какая именно часть общего состава знания принадлежит духу первично и какая слагается из материала, доставляемого ему извне. К этой науке относятся великие, возбуждавшие много споров вопросы о существовании материи и духа и о различии между ними, о реальности времени и пространства как вещей, находящихся вне духа и отличных от самих предметов, которые, как говорится, существуют *в* них... К той же науке относится и исследование природы понятий, восприятия, памяти, уверенности... До какой степени наши умственные способности и чувствования прирождены нам и до какой степени они представляют собой результат ассоциации? Суть ли Бог и долг реальности, существование которых очевидно для нас a priori в силу самой организации нашего разума, или же наши идеи о них суть приобретенные понятия, происхождение которых можно проследить и выяснить...»[31].

---

[31] *Дж Милль* Система логики силлогистической и индуктивной М, 1914, стр 6

Библиотека "Руниверс"

Как видно, метафизика как область знания включает множество разнородных проблем, касающихся как самого бытия, так и познания. Но все они имеют нечто общее, а именно: «.. при настоящем состоянии разработки этих вопросов почти все согласны с тем, что существование материи и духа, пространства и времени, по самой сущности этих проблем, недоказуемо и что относительно них известно что-либо может быть лишь при помощи непосредственной интуиции» [32], которая на поверку оказывается верой.

И Милль очень тщательно оберегает логику от этих метафизических вопросов. «...Логику как таковому, — пишет он, — нет никакого дела до них как явлений духа» [33]. Логика, по его мнению, является нейтральной почвой, «на которой могут встретиться и подать друг другу руки последователи как Гертли, так и Рида, как Локка, так и Канта» [34].

Итак, метафизика как учение об основах бытия и познания выводится из доказательного научного знания, и по существу решение ее вопросов отдается религии, а философия сводится к логике, которая объявляется наукой самой науки, учением «об операциях человеческого разума при отыскании истины» [35]; она является методологией науки, ибо выступает общим ценителем и судьей всех частных исследований, но при этом «не задается целью находить очевидность; она только определяет, найдена очевидность или нет. Логика не наблюдает, не изобретает, не открывает — она судит» [36].

Итак, концепция ясна, предмет старой философии расчленяется на нечто, что уходит в область веры, и на методологию научного исследования, т. е. логику. Если возникнет вопрос, на какую методологию, то следует читать: на «систему логики» Дж. Ст. Милля, и тогда все будет ясно, т. е. на традиционную формальную логику в философской интерпретации феноменализма, субъективного идеализма и с уклоном во всеиндуктивизм.

Эту линию продолжил Э. Мах, также заменивший философию методологией знания. Он делит научное мыш-

---

[32] Там же.
[33] Там же.
[34] Там же, стр. 11.
[35] Там же, стр. 4.
[36] Там же, стр. 8.

Библиотека "Руниверс"

ление на два типа — философский и специально-научный. «Первый, — пишет Э. Мах, — стремится к возможно полной всеобъемлющей ориентировке во всей совокупности фактов. При этом он не может возвести до конца свое здание, не позаимствовав для этого материал у специалистов. Второй первоначально занят ориентировкой и обобщением в одной какой-нибудь небольшой области фактов» [37]. Но в конце концов, по мнению Маха, и специалист-исследователь стремится к мировой ориентировке, и многие люди, «не нося имени философов, оказали мощное содействие развитию философского мышления» [38]. Это рассуждение заканчивается следующим выводом: «В действительности всякий философ имеет свое домашнее естествознание и всякий естествоиспытатель — свою домашнюю философию. Но эти домашние науки бывают в большинстве случаев несколько устаревшими, отсталыми» [39]. Свою миссию Э. Мах видит в том, чтобы дать философии новое естествознание, а естествознанию — более передовую философию. Русский махист А. Богданов принял это обещание за чистую монету и объявил: «Философия *Маха* — это философия современного естествознания», она «выражает собой наиболее прогрессивные тенденции в одной из двух основных областей научного познания — в области естественных наук» [40].

В действительности же, как пишет сам Э. Мах, каждый человек получает определенное мировоззрение «как дар природы и культуры» и его развивает, «вносит в него поправки, пользуясь опытом предков, избегая по мере разумения ошибки последних» [41]. И, не тая, он излагает это полученное от предков — Беркли, Юма, частично Канта — мировоззрение и вносит свои поправки, которые, как показал В. И. Ленин, сводятся к новым словечкам. А вот ошибок своих предков ему избежать не удалось.

Таким образом, философия в понимании Э. Маха — это методология научного исследования, проводимого в

---

[37] *Э. Мах.* Познание и заблуждение. М., 1909, стр. 11.
[38] Там же, стр. 12.
[39] Там же.
[40] *А. Богданов.* Чего искать русскому читателю у Эрнста Маха. — *Мах Э.* Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М., 1908, стр. 5.
[41] *Э. Мах.* Познание и заблуждение, стр. 13.

Библиотека "Руниверс"

частных науках, сдобренная субъективно-идеалистическим мировоззрением. А. Богданов ставил вопрос о замене и дополнении устаревшего «марксизма» более новой философией науки, о примирении позитивизма с марксизмом. «Только при абсолютном невежестве, — писал В. И. Ленин, — относительно того, что́ такое философский материализм вообще и что́ такое диалектический метод Маркса и Энгельса, можно толковать о «соединении» эмпириокритицизма с марксизмом» [42].

Неопозитивисты Венского кружка выступили с программой своей независимости от традиционной философии. Представители неопозитивизма, по свидетельству Г. Фейгля, первоначально думали, что они «обрели философию для того, чтобы покончить со всякой философией», а Нейрат и Франк предложили выбросить сам термин «философия», заменив его «научным эмпиризмом». Карнап основную задачу философии вообще видел в том, чтобы создать метод изжития прежних философских построений.

Современный позитивизм как направление в философии неоднороден. Например, Фейгль выделяет в нем три течения: одно, получившее наиболее яркое выражение в трудах Ф. Франка, занимается логико-гносеологическим анализом современного научного познания, оно непосредственно продолжает идеи Э. Маха; второе, называемое «аналитической философией» или «терапевтическим позитивизмом», направлено на изучение естественных языков. Начало его было положено Г. Е. Муром, развито дальше Витгенштейном и его последователями; третье течение представлено трудами Карнапа, Рейхенбаха и их учеников, оно связано с созданием специальных искусственных языков, необходимых для логического анализа результатов научного знания.

Конечно, между современными позитивистами существует некоторое различие в понимании предмета и задач философии, но одно их объединяет. Это общее выражено в следующих словах Р. Карнапа: «*. . .на место не поддающегося распутыванию комплекса проблем, который называют философией, вступает логика науки*» [43].

---

[42] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 379.

[43] *R. Carnap.* Logische Syntax der Sprache. Wien, 1934, S. 205.

Библиотека "Руниверс"

Они могут по-разному понимать задачи логики науки, но то, что она приходит на смену прежним псевдофилософским проблемам, — в этом никто из них не сомневается. Натурфилософии пришел конец, часть ее проблематики сохранилась и ушла в область религиозных верований, а ее место в философии заняла логика. Правда, некоторые сторонники современного позитивизма полагали в духе О. Конта и Г. Спенсера, что философия должна стать энциклопедической интеграцией знания. Однако это не главная струя в современном позитивизме. Б. Рассел считает, что и в прежнем смысле философия сохраняет некоторое значение, является чем-то промежуточным между религией и наукой: «Подобно теологии, она состоит в спекуляциях по поводу предметов, относительно которых точное знание оказывалось до сих пор недостижимым; но, подобно науке, она взывает скорее к человеческому разуму, чем к авторитету, будь то авторитет традиции или откровения. Все *точное* знание, по моему мнению, принадлежит к науке; все *догмы*, поскольку они превышают точное знание, принадлежат к теологии. Но между теологией и наукой имеется Ничья Земля, подвергающаяся атакам с обеих сторон; эта Ничья Земля и есть философия» [44].

В обобщенной форме концепция о предмете и месте философии в современном познании, характерная для неопозитивизма, представлена Г. Рейхенбахом в статье «Происхождение научной философии». Рейхенбах выделяет три периода в развитии философии: время существования философских систем, вытекающих из человеческих мечтаний и эстетического вкуса. Такой философия была до XIX в., с которого (а вернее со старого позитивизма) начинается новый период, философия становится продуктом естествознания. И наконец, неопозитивизмом открывается эра в мышлении, когда философии отводится роль логического анализа данных науки. «Логическое развитие проблем, — пишет Рейхенбах, — является задачей ученых, и, хотя их технический анализ часто направлен на детали и редко проводится в философском плане, он зачастую способствует пониманию проблем, вплоть до

---

[44] *Б. Рассел.* История западной философии. М., 1959, стр. 7.

Библиотека "Руниверс"

того, что техническое знание достаточно широко развилось, чтобы сделать возможным ответ на философские вопросы» [45].

Итак, на долю философии остается только одно — логический, а некоторые говорят — философский, анализ науки. Конечно, задачи этого анализа разными неопозитивистами мыслятся по-разному. Скажем, Ф. Франк включает в него философские выводы (но, упаси боже, без прежней метафизики, связанной с признанием объективной реальности) из законов, принципов и фактов естествознания, в частности физики. У него философия — это критическое осмысление положений науки, носящих общий характер. «Если мы говорим, — пишет Ф. Франк,— в обычном смысле о цепи, которая связывает опыт обыденного здравого смысла с общими положениями науки, то в конце этой цепи, где положения становятся все более и более общими, мы можем поместить философию. Мы скажем, что, чем дальше движение идет в сторону обобщений, тем менее однозначно они детерминируются непосредственными наблюдениями и тем менее достоверными они становятся» [46]. «Именно в этих общих вопросах науки и находит себе место философия науки, ведущая в конце концов к исследованию в области «прагматики науки», которая имеет дело со связной системой, содержащей как физические и биологические науки, так и науки о человеческом поведении» [47].

Другие современные позитивисты понимают задачи философии, или логики науки, значительно у́же, имея в виду только анализ средств современной формальной логики, повседневного, научного и философского языков, построение идеальных моделей рассуждения в науке и т. п. Одним словом, вариации в понимании предмета философии неопозитивистами существуют, но только в довольно узких пределах: философия, или логика науки, основанная на идеалистическом эмпиризме, с возможными элементами старого материализма.

---

[45] *H. Reichenbach.* Der Ursprung der wissenschaftlichen Philosophie. — «Physikalische Blätter», 1958, N 4, S. 153.

[46] *Ф. Франк.* Философия науки. М., 1960, стр. 58.

[47] Там же, стр. 523.

Библиотека "Руниверс"

4. Разработка в лоне позитивизма проблем логики науки

Сведение предмета философии к логике науки обязывало позитивизм в той или иной мере и форме заниматься логической проблематикой. Можно сказать, что на этом позитивизм и наживал некоторый капитал в определенных кругах буржуазной научной интеллигенции, казался солидной философией, причем в разные исторические эпохи объектом его интересов служили разные стороны предмета логики.

В XIX в., в период становления и развития естественных наук, опирающихся на опыт, позитивизм обратил внимание в логике на движение мысли от опыта к обобщениям. Здесь он стремился показать себя наследником традиций того направления в новой философии, которое брало начало от Ф. Бэкона и английской эмпирической философии XVII — XVIII вв. Борьба против схоластики и ее логики, которую вел Ф. Бэкон, придавала логикам-позитивистам, развивавшим учение об индукции, исторический пафос поборников нового, выступающих против рутины в логике. Поэтому в кругах ученых-естественников логическое учение Дж. Ст. Милля рассматривалось как некоторое средство в борьбе против бесплодного умозрения, присущего натурфилософии и спекулятивному мышлению.

Было бы неверным отрицать значение в истории логических концепций Милля, хотя и преувеличивать их роль тоже нельзя, поскольку главное в них — не столько новизна логического содержания, сколько стремление быть логикой, связанной с развивающимся естествознанием. Если подойти строго, то учение о логических методах отыскания причин явлений в общем сложилось до позитивизма. Дж. Ст. Милль только обобщил и систематизировал результаты мышления своих предшественников и заострил внимание на этой части логики.

Внимательный анализ логической концепции Милля показывает, что уже во второй половине XIX в. стала очевидной беспочвенность претензий позитивизма быть логикой науки. И не только в силу того, что в основе ее логики лежала идеалистическая, феноменалистическая гносеология, но и также в силу односторонности понимания роли опыта и индукции в науке, в ее движении к но-

Библиотека "Руниверс"

вым результатам, в объяснении происхождения законов, принципов, составляющих фундамент знания. Дж. Ст. Милль был основоположником того плоского всеиндуктивизма, который стал некоторой особенностью мышления буржуазных естествоиспытателей, недовольных высокомерием по отношению к ним спекулятивных философов, но не сумевших найти верную линию в решении проблемы взаимоотношения опыта и теоретического мышления в науке, не понявших сущности последнего.

Всеиндуктивизм Дж. Ст. Милля не вызывает сомнения, ибо, согласно его взглядам, «всякий вывод (а следовательно, и всякое доказательство, открытие всякой истины, не принадлежащей к истинам самоочевидным) состоит из индукции и ее истолкования и что всем своим неинтуитивным знанием мы обязаны исключительно этому источнику. Таким образом, вопрос о том, что такое индукция и какие условия делают ее законной, нельзя не считать главным вопросом научной логики — таким, который обнимает собою все другие»[48]. При этом индукция — не только метод доказательства общих положений, но и их открытия.

Слабость теории Милля не только в том, что он все, в том числе и дедукцию, сводит к индукции, а аксиомы для него — только один отдел индуктивных выводов из опыта, но и в том, что он не мог ответить на вопрос, который сам считал главным, — что такое индукция и в чем ее законность. В то время, когда была уже философия не только Гегеля, но и К. Маркса и Ф. Энгельса, нельзя выводить индукцию из принципа единообразия природы, характерного для метафизического метода мышления. А именно к этому принципу сводил индукцию Милль. Во второй половине XIX в. он со всей серьезностью писал: «Положение, что порядок природы единообразен... есть основной закон, общая аксиома индукции»[49]. Поэтому теория Дж. Ст. Милля не стала в действительности логикой науки, хотя на это и претендовала. Она сыграла некоторую роль в разработке проблем движения мышления от опыта к обобщению, но скорее как обоснование одного

---

[48] *Дж Милль* Система логики силлогистической и индуктивной, стр. 255.

[49] Там же, стр. 278.

Библиотека "Руниверс"

из возможных путей в понимании логических основ научного знания.

Поле интересов Э. Маха в логике науки несколько иное. Он сосредоточивает внимание на проблемах логики научного исследования. Физик Э. Мах занимал кафедру по истории и теории индуктивных наук в Венском университете. В своей научной деятельности он пытался осмыслить пути науки к открытию законов, созданию научных теорий. И нельзя сказать, что здесь он не высказал никаких идей, положений, фиксирующих действительные стороны процесса научного исследования.

Нельзя отрицать факт влияния идей Э. Маха на естествоиспытателей своего времени. Такие физики, как А. Эйнштейн, М. Планк, мировоззрение и строй мышления которых несомненно отличались от махистского, неоднократно указывали на свою связь с Махом. Что же могло привлекать в философии Маха крупных ученых XX в., особенно физиков?

Прежде всего они видели в Э. Махе критика механистической картины мира. Другое дело, что вместе с механицизмом Мах хотел похоронить материализм вообще, но оппозиция к механицизму создала ему славу поборника новой физики. Вот что по этому поводу пишет М. Планк, которого трудно заподозрить в излишних симпатиях к Э. Маху: «Нам остается еще ответить на вопрос — почему теория познания *Маха* получила такое широкое распространение среди физиков. Если я не ошибаюсь, то это является своего рода реакцией против тех гордых ожиданий, которые возлагались в прошлом поколении после открытия закона сохранения энергии на чисто механистическое мировоззрение, какое можно найти, например, в сочинениях *Эмиля Дюбуа-Реймона*. Я не стану отрицать, что эти ожидания привели к некоторым научным достижениям высокого значения, — назову только кинетическую теорию газов, — но, взятые в целом, они оказались преувеличенными. Введя статистический метод в свои исследования, физика даже отказалась от полного проведения механики атомов. Философским осадком неизбежного отрезвления и явился позитивизм *Маха*. Ему принадлежит в полной мере та заслуга, что он перед лицом угрожающего скептицизма нашел в ощущениях органов чувств единственный правильный исходный пункт всякого исследования природы. Но он пошел дальше сво-

Библиотека "Руниверс"

ей цели, ниспровергая вместе с механистическим миросозерцанием всякое физическое миросозерцание» [50].

Под этим последним М. Планк по существу понимает материалистическое мировоззрение, исходящее из того, «что внешний мир представляет собой нечто независимое от нас, абсолютное, чему противостоим мы, а поиски законов, относящихся к этому абсолютному, представляются мне самой прекрасной задачей в жизни ученого» [51].

М. Борн, считающий, что позитивизм не находит обоснования в современном естествознании, больше того, квалифицирующий эту философию, вопреки мнению ее приверженцев, метафизической, тем не менее признает ее роль в развитии науки, поскольку она «побуждала физиков занять критическую позицию по отношению к традиционным взглядам и содействовала им в создании теории относительности и квантовой теории» [52].

Некоторые ученые видели в Махе мыслителя, критикующего механицизм и раскрывающего возможности иной физической картины мира, а также занимающегося тем, что им нужно, — логическим осмыслением путей науки к истине. Авторитет Э. Маха как крупного физика, ратующего за более широкое, чем механицизм, миропонимание, использование им в своих работах богатого фактического естественнонаучного материала способствовали росту доверия к его концепциям в области логики науки.

Конечно, он не мог просто повторять Милля и развивать всеиндуктивизм; в конце XIX и начале XX в. требовалось что-то более солидное, охватывающее разные стороны движения познания от опыта к обобщению, а главное, во время крушения старых понятий и теорий науки необходима была разработка логических принципов оценки возникающих научных теорий. И философия Маха в какой-то мере отвечала на эту потребность.

Прежде всего методологию исследования он вывел за пределы традиционной формальной логики, даже дополненной методом отыскания причинных связей явлений, включив в нее ряд новых вопросов, в том числе из психо-

---

[50] *М. Планк.* Единство физической картины мира, стр. 47—48.
[51] Там же, стр. 3.
[52] *М. Борн.* Физика в жизни моего поколения. М., 1963, стр. 93.

Библиотека "Руниверс"

логии научного творчества (например, изучение влияния случайных обстоятельств на изобретения и открытия, значение чувства чудесного и т. п.). Вообще надо сказать, что Мах имел основание дать книге «Познание и заблуждение» подзаголовок «Очерки по психологии исследования». В его работах содержится анализ философских и фундаментальных естественнонаучных понятий, различных методов исследования: эксперимента, сравнения, аналогии, дедукции и индукции, фантазии и т. п., выясняется их роль в переходе от опыта к теоретическим обобщениям (понятиям, гипотезам и т. д.).

Психологизм, присущий Маху, играет двойственную роль. Он выступает обоснованием субъективно-идеалистической гносеологии, чисто психологический подход дает Маху возможность объявить ощущения последней физической реальностью, с которой имеет дело наука. «Из ощущений, — пишет Э. Мах, — и через связь их развиваются наши понятия, и цель последних в каждом данном случае самыми удобными и кратчайшими путями вести нас к чувственным представлениям, находящимся в наилучшем согласии с чувственными ощущениями. Так, всякая интеллектуальная жизнь исходит от чувственных ощущений и к ним снова возвращается» [53]. Но психологический взгляд на процесс научного исследования дал возможность Маху расширить круг проблем логики науки по сравнению с традиционной формальной логикой и сформулировать некоторые принципы, имеющие значение в становлении научной теории, в оценке возникающих гипотез. И здесь представляется уместным более подробно остановиться на принципе «экономии мышления». Сам Э. Мах придавал ему важное значение, а махизм связывается нередко именно с этим принципом.

Прежде всего сформулируем содержание этого принципа. В лекции «Экономическая природа физического исследования» Мах пишет: «Мышление, пытаясь отразить богатую жизнь Вселенной, жизнь, лишь маленькою частью которой является оно само и исчерпать которую у него не может быть никакой надежды, вынуждено пользоваться для этого своими ограниченными средствами и потому имеет основание экономно расходовать свои силы. Отсюда — стремление философии всех времен

[53] *Э. Мах.* Познание и заблуждение, стр. 149.

Библиотека "Руниверс"

охватить основные черты действительности посредством небольшого числа органически расчлененных идей»[54].

Экономия — это общий принцип всякого мышления; на его основе Э. Мах рассматривает язык как средство достижения экономии в коммуникации, а физическая наука «представляет собой экономически-упорядоченный опыт»[55]. Принцип экономии Маха приобретает характер всеобщей методологии науки, философского истолкования ее средств и понятий, которые, по его мнению, возникают из стремления к этой экономичности мышления, к наиболее простой передаче фактов посредством понятий. Из соображений экономии возникли и такие категории, как причина, следствие, пространство, время, материя, атомы, молекулы и т. п.

Гносеологическая сущность махистского принципа экономии мышления была подвергнута критике В. И. Лениным, который видел в нем одну из форм субъективно-идеалистической гносеологии, отрицающей существование объективной реальности. В то же время М. Планк писал, что «ход мыслей передовых умов был бы нарушен, полет их фантазии ослаблен, а развитие науки было бы роковым образом задержано, если бы принцип экономии *Маха* действительно сделался центральным пунктом теории познания»[56].

Да, несомненно, экономия мышления в качестве всеобщего теоретико-познавательного принципа, методологии научного знания является в своей основе порочной. Но это не означает, что этот принцип лишен эвристического значения, не может быть нами использован при выборе и оценке существующих гипотез и т. п. Ведь действительно в процессе научной работы, как и в трудовой деятельности вообще, надо экономно пользоваться средствами, «без излишней траты памяти и труда». И опять-таки прав М. Планк, когда пишет: «Не будет ли действительно «экономичнее», если мы укажем принципу экономии более скромное место? Во всяком случае вы видите уже по формулировке этого вопроса, что я вовсе не наме-

---

[54] *Э. Мах.* Метод и цель научного исследования. Теория познания. М., 1901, стр. 27.

[55] Там же, стр. 35.

[56] *М. Планк.* Единство физической картины мира, стр. 49.

Библиотека "Руниверс"

рен умалять или даже отрицать ценность принципа экономии в высшем его значении» [57].

В последующем было признано значение в исследовании стремления к экономичности, простоте, симметрии и красоте. Все эти средства играют немаловажную роль в создании теорий в науке, в принятии тех или иных гипотетических представлений. Например, анализируя историю развития квантовых представлений, английский физик П. Дирак пишет об открытии уравнений Шредингером: «Я думаю, что эта история содержит определенную мораль, а именно что более важной является стройность какого-нибудь уравнения, а не соответствие его эксперименту... По-видимому, для достижения успеха наиболее важным является требование красоты уравнений, а также обладание правильной интуицией. Если нет полного согласия результатов какого-либо теоретического исследования с экспериментом, то не следует падать духом, поскольку это несогласие может быть обусловлено более тонкими деталями, которые не удалось принять во внимание, и оно, возможно, будет преодолено в ходе дальнейшего развития теории» [58].

Экономность, простота, красота и т. п. могут по-разному интерпретироваться, но в любом случае составляют определенный момент в оценке теоретических представлений, и они могут в определенных научных ситуациях стать решающими в принятии теории, но никогда не могут служить критерием истинности знания и в этом смысле заменить практику, в частности научный эксперимент.

Чтобы претендовать на роль логики науки в XX в., неопозитивизму нельзя было стоять на уровне всеиндуктивизма Милля или психологизма Маха в понимании научного исследования, хотя связи ни с тем ни с другим неопозитивизм никогда не порывал. Прежде всего неопозитивисты сами приняли активное участие в разработке современной формальной логики в ее символическом виде. Б. Рассел, Р. Карнап, Г. Рейхенбах и другие известны своими разработками проблем, связанных с логическим анализом языка науки, логического синтаксиса, семантики и семиотики.

[57] Там же, стр. 49—50.

[58] *П. Дирак.* Эволюция взглядов физиков на картину природы. — «Вопросы философии», 1963, № 12, стр. 85—86.

Библиотека "Руниверс"

Критикуя позитивизм, и в частности его современные версии, ни в коей мере нельзя отрицать значение разработки проблем логики науки, философского анализа ее языка, которым занимались многие неопозитивисты. Одно время отдельные советские философы отождествляли с позитивизмом логическую семантику и логический синтаксис языка.

Вред позитивизма для развития философии и науки заключается не в том, что он поднял проблематику анализа языка современной науки, а в неверных философских позициях, из которых он при этом исходил.

Наконец, в работах позитивистов имеет место постановка новых вопросов, выдвигаемых ходом развития научного знания, однако эти проблемы ставятся ими на основе позитивистской философии, а потому не находят верного разрешения. В частности, они пытаются построить логическую модель науки, вскрыть основы построения теории в ней. Вот здесь и проявляется слабость их метода и понимания задач логики науки.

Одни из них пытаются доказать, что современная научная теория строится на основе позитивистских требований, в частности Ф. Франк говорит об общности методов Эйнштейна и Маха. Правда, он отмечает и их различие: «Исходным пунктом эйнштейновской концепции современной науки является следующее позитивистское требование Маха и его непосредственных продолжателей: в формулировку фундаментальных законов физики следует включать только те понятия, определения которых содержат результаты непосредственных наблюдений или по крайней мере должны соединяться с ними короткой цепью рассуждений. Однако Эйнштейн признавал, что это требование является чрезмерно упрощенным. В физике XX столетия при формулировании общих принципов используются слова или символы, которые связываются с результатами наблюдений посредством длинных цепочек математического или логического рассуждения»[59]. При этом Эйнштейн считал, что некоторые звенья цепи рассуждений, исходящих из общих принципов, могут быть выражены в понятиях, допускающих опытную проверку. В этом Ф. Франк видит связь взглядов Эйнштейна

[59] *Ph. Frank.* Einstein, Mach, and Logical Positivism. — «Albert Einstein: Philosopher-Scientist», p. 274.

Библиотека "Руниверс"

с позитивистским требованием, что истина общих принципов в конечном итоге основывается «на проверке непосредственным физическим экспериментом и наблюдением» [60].

Согласно Ф. Франку, метод современной физики, которым пользовался и Эйнштейн, состоит в выдвижении принципов, которые являются свободным творением разума и выражают отношения между символами. Из этих принципов можно сделать выводы, некоторые из них проверяются на опыте. Ф. Франк продолжает: «Эйнштейн выдвигает требование, в соответствии с которым эти два критерия должны удовлетворять совокупности основных принципов: логической последовательности, с одной стороны, и соответствию наблюдаемым фактам — с другой» [61]. А это означает, по мнению Франка, что Эйнштейн по существу следовал концепции логического эмпиризма, различие между ними только номинальное: Эйнштейн не употреблял термина «позитивизм». «Короче говоря, — замечает Ф. Франк, — я не вижу в вопросе о происхождении основных понятий науки какого-либо существенного расхождения между Эйнштейном и логическим эмпиризмом двадцатого столетия» [62].

Сближение Эйнштейна с логическим позитивизмом и махизмом, предпринятое Ф. Франком, является натяжкой, попыткой найти подкрепление позитивизму в теории Эйнштейна и его научной практике.

Но у нас вызывает возражение не только это подтягивание А. Эйнштейна под позитивизм, но и очень узкое понимание логических основ науки современным неопозитивизмом. Беря в качестве единственного логического метода метод формальной логики, связанный с установлением правил вывода следствий из известных принципов, Ф. Франк оставляет за пределами логики процесс движения научного знания к новым результатам, к новым фундаментальным понятиям и принципам. Он оставляет открытым также вопрос об отношении этих принципов к объективной реальности, полагая, что это предмет не науки и логики, а веры и религии. Например, убеждение А. Эйнштейна, что в понятиях математики схватывается

---

[60] Там же.
[61] Там же, стр. 275.
[62] Там же, стр. 282

Библиотека "Руниверс"

объективная реальность, он называет космической религией. «Космическая религия Эйнштейна, — пишет Ф. Франк, — была верой в возможность символической системы большой красоты и концептуальной простоты, из которых могут быть получены наблюдаемые факты. Не имеет значения, какой бы его система ни выглядела и какие бы символы ни использовались. Физика Ньютона поддерживает космическую религию в этом смысле как раз так же, как это делает физика двадцатого столетия»[63].

Получается, что если мыслитель, следуя за позитивистами, отрицает существование объективной реальности, считает, что в своем познании мы не выходим за пределы ощущений, которые являются последней реальностью, т. е. если он, хотя бы стыдливо и с оговорками, разделяет позиции идеализма, а формальную логику считает единственным методом теоретического мышления, — то он находится в пределах научной философии. А если мыслитель исходит из признания существования объективной реальности и возможности ее постижения в понятиях науки, то он порывает с научной философией и уходит в сферу религиозного верования. Вот что пытается доказать Ф. Франк, нейтрально относящийся к материализму и идеализму. Его конечная цель — загнать Эйнштейна и современную науку в лоно неопозитивизма, т. е. одной из форм современного идеализма, а если возникают трудности, то можно прибегнуть к такому приему, как отлучение от науки и научной философии.

Одной из центральных проблем в логике науки для неопозитивизма было эмпирическое обоснование знания. Неопозитивисты при построении логической модели науки не ставили своей задачей исключить эмпирическое из ее основ. Во-первых, они не могли игнорировать результатов математической логики, в частности теоремы Гёделя, из которых следовало, что полная формализация научного знания невозможна даже для такой области, как арифметика. Во-вторых, они считали себя продолжателями эмпирической традиции в философии, свои воззрения выдавали за современный эмпиризм, через который пытались показать свою связь с развитием научного знания.

---

[63] Там же, стр. 286.

Библиотека "Руниверс"

В связи с этим они столкнулись с таким противоречием: знание опирается на опыт, однако реальная наука имеет дело с принципами и законами, удаленными от опыта. Ф. Франк эту ситуацию рисует так: «Когда мы говорим о науке, мы всегда говорим о двух уровнях рассуждения или абстракции. Первый из этих уровней есть уровень повседневного опыта обыденного здравого смысла... Второй уровень, о котором говорилось, есть уровень общих принципов науки. Он совершенно отличен от уровня опыта обыденного здравого смысла. Последний может принадлежать всем; второй же уровень пользуется языком, очень далеким от повседневного опыта. Наука в своем существе и состоит из этих общих принципов... Центральной проблемой философии науки является вопрос о том, как мы переходим от утверждений обыденного здравого смысла к общим научным принципам» [64].

В связи с этим неопозитивизм поставил перед собой задачу: найти, выделить некоторые исходные элементы (высказывания и термины), которые можно отнести к «непосредственно чувственно-данному», и считать эмпирическим базисом знания; выработать способ сведения всех остальных высказываний и терминов науки к этим базисным и таким образом найти средство опытной проверяемости (верифицируемости) всех высказываний науки. Этой логикой опытной проверки неопозитивисты заменили всеиндуктивизм Дж. Ст. Милля.

Но история неопозитивизма свидетельствует о том, что тщетными оказались все его усилия «найти некоторый безусловно достоверный базисный уровень знания, состоящий из предложений «чистого опыта», доступных безоговорочной эмпирической верификации» [65]. Поэтому позитивисты сначала заменили верифицируемость фальсифицируемостью, а потом, как уже об этом говорилось раньше, вообще стали отказываться от этого принципа.

Их неудачи в эмпирическом обосновании науки чрезвычайно поучительны: они свидетельствуют не о том, что знание не имеет эмпирической основы, а о том, что проблему взаимоотношения эмпирического и теоретического уровней познания нельзя решать их методом. Именно

---

[64] *Ф. Франк.* Философия науки, стр. 56.

[65] *В. Швырев.* Неопозитивизм и проблемы эмпирического обоснования науки. М., 1966, стр. 193.

Библиотека "Руниверс"

здесь-то и видны пороки позитивистской философии, узость сведения философии к формальной логике, а последней — к анализу языка науки. Переход от эмпирического к теоретическому — не просто перевод знания с обыденного языка на научный, а изменение в содержании и форме знания, и он имеет основу в сфере материальной практической деятельности.

5. Позитивизм действительный и мнимый

Исследователи говорят сейчас об утрате влияния позитивизма на философские и научные круги современной буржуазной интеллигенции. Видимо, это так, однако не следует преуменьшать это влияние. В современном буржуазном обществе существует много объективных факторов, способствующих существованию позитивизма. Ослабление влияния логического позитивизма может привести к смене его вывески. Собственно, это уже происходит: в Англии новой версией позитивизма является школа аналитиков, в США — логических прагматиков. И то и другое вариации позитивизма.

Более того, позитивистская философия проникает и в умы отдельных марксистов. Именно это и послужило в свое время поводом для написания В. И. Лениным книги «Материализм и эмпириокритицизм». Мы не можем сомневаться в том, что А. Богданов искренне, субъективно хотел быть марксистом и в самом деле думал, что «критическая работа, выполненная *Э. Махом* в его беспощадной борьбе против всевозможных фетишей научного и философского познания, против окаменелых понятий, успокаивающих и задерживающих пытливость человеческого ума, — уже одна эта сторона его работы делает произведения *Маха* в наше время совершенно необходимой школой для всякого, стремящегося выработать себе действительно научное, критически продуманное миросозерцание»[66]. А. Богданов полагал даже, что сторонник «философии *Маркса* не может не исходить из ее (философии махизма. — *П. К.*) основных посылок. . .»[67], что она нужна и истории «для сознательно борющегося пролета-

[66] *А. Богданов.* Чего искать русскому читателю у Эрнста Маха. — *Э Мах* Анализ ощущений и отношение физического к психическому, стр. 9.

[67] Там же, стр. 6

Библиотека "Руниверс"

риата и для товарищески присоединившейся к нему части интеллигенции из других классов, — настолько нужна и полезна не только вообще, но и особенно — sub specie revolutionis»[68]. Оказывается, без нее и революцию пролетариат совершить не может.

В. И. Ленин показал заблуждения русских сторонников Э. Маха, вскрыл коренную противоположность теории познания диалектического материализма и махизма. Конечно, сейчас вряд ли кто будет говорить о необходимости для марксизма махистской теории познания. Но позитивизм изменил форму и не прочь отречься от Маха не только в вопросах методологии научного исследования, где его психологизм кажется всем сторонникам логического позитивизма старомодным, но и в решении основного вопроса философии. Поэтому и сейчас находятся марксисты, для которых логический позитивизм становится привлекательным с той или иной стороны, и они не прочь «обогатить» марксизм за его счет. Вот почему со стороны отдельных марксистов можно наблюдать тягу не только к новой натурфилософии, но и к позитивизму, причем, как правило, одно сопровождается другим.

Натурфилософия и позитивизм — две стороны одной медали, одно спекулирует на другом. Позитивистское отрицание роли философии толкает кое-кого на энергичное руководство развитием науки сверху, путем конструктивных умозрительных схем, в которые они пытаются втиснуть развитие науки. А каждая неудача натурфилософского подхода к теориям науки вызывает ответную реакцию в виде позитивистской неприязни со стороны ученых к философии.

В марксистскую философию позитивистские трактовки могут попадать вместе с научными результатами в области математической логики, логического анализа языка науки, семантики и т. п., полученными представителями неопозитивизма. Надо не только помнить, но и проводить в жизнь положение Ленина о том, что марксисты должны усвоить и переработать завоевания науки, кем бы они ни были получены, и «*уметь* отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести *свою* линию и бороться *со всей линией* враждебных нам сил и классов»[69].

---

[68] Там же, стр. 4.
[69] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 364.

Библиотека "Руниверс"

Конечно, специальная логическая проблематика в позитивизме часто так переплетена с идеалистической гносеологией, что сразу трудно их расчленить, но это необходимо делать, предохраняя философию и конкретные науки от тлетворного влияния позитивизма.

Наконец, позитивизм проникает в нашу философию и потому, что обобщенные, суммированные результаты современной науки, ее понятия, носящие довольно абстрактный и общий характер, выдаются за уже готовые философские категории. Например, представления о пространстве и времени в теории относительности, о бесконечном и конечном в математике и космологии и т. п. отождествляются с пониманием этих категорий современной философией — диалектическим материализмом. Еще дальше в этом направлении идут те, кто философские категории отражения, познавательного образа просто заменяют взятыми из кибернетики понятиями информации, модели. Подобная замена аргументируется тем, что на место нестрогих категорий философии ставятся понятия точных наук. В действительности же это не развитие философии, а путь к ее ликвидации. Философия теряет свою специфику как форма научного знания, и наука становится сама себе философией, беспомощной перед натиском идеализма и религии. Те, кто предлагают создать новую натурфилософию, или диалектику природы, которая бы обобщала, а вернее, суммировала данные о природе естественных наук, и не подозревают, что они возвращают философию на уровень позитивизма, правда не современного, а контовско-спенсеровского.

Таким образом, действительный позитивизм, сводящий философию или к субъективистской методологии науки, или к формально-логической проблематике, или к суммированию естественнонаучного знания в той или иной форме проникал в умы отдельных философов-марксистов. Против этого действительного позитивизма в его различных формах вели борьбу К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин; эта задача стоит перед марксистами-ленинцами и сейчас, поскольку современный позитивизм живуч, обладает большой силой приспособляемости, способен обмануть людей мнимой научностью, объективностью и т. п.

Однако наряду с действительным существует и мнимый позитивизм. Некоторые философы видят позитивизм

Библиотека "Руниверс"

там, где он и не почевал, создают пугало позитивизма, марксистские концепции объявляют позитивистскими, а свои взгляды, изрядно сдобренные экзистенциализмом, выдают за новый, творческий гуманистический марксизм. В этой связи нам хотелось бы разобрать концепцию М. Животича. Он правильно говорит, что марксизм «не является ни позитивистской, ни чисто негативистской философией». Прав Животич и в том, что в наше время нельзя недооценивать влияние позитивистского духа, который объявляет беспочвенной метафизикой все то, что «не входит в рамки научной процедуры». Несомненно и то, что одной из форм вульгаризации учения Маркса является стремление «свести марксизм к позитивистской философии». Но возникает главный вопрос: что М. Животич понимает под позитивизмом, кто эти философы, которые придают марксизму позитивистский вид? Позитивизм, пишет М. Животич, направлен против всех теоретических спекуляций в том смысле, что он ищет такую конкретную истину, которая не несет с собой ничего критического по отношению к существующему порядку и устройству фактического мира. Позитивизм ищет истину «без метафизических предпосылок», он отрицает всякий поиск того, что может стоять за фактами, и объясняет истину как приспособление к данному положению вещей [70].

В качестве смертных грехов позитивизма Животич отмечает признание объективных закономерностей природы и общественной жизни, материалистическое понимание истории, изучение человека как объективного факта, признание существования объективной диалектики в природе, предметного характера человеческого мышления и, наконец, само утверждение, что философия марксизма — наука.

Сконструировав такого рода новый позитивизм, М. Животич и некоторые другие югославские философы называют и его авторов. Первым «толкнул» марксизм на путь позитивизма, оказывается, Ф. Энгельс, разрабатывавший проблемы диалектики природы, обобщая результаты современного ему естествознания. Дальше по пути позитивизма «пошли» Каутский, Лафарг, Плеханов и,

---

[70] *М. Животич.* Марксизм — позитивистская или негативистская философия — «Гледишта», 1965, № 10, стр. 1371, 1370, 1359, 1362.

Библиотека "Руниверс"

надо полагать, В. И. Ленин, поскольку он развивал теорию отражения и занимался, подобно Ф. Энгельсу, философским обобщением данных естествознания. Всем этим философам вменяется в вину то, что они видели задачу в получении «фактических знаний, чтобы на их основе как можно надежнее и точнее предвидеть ход общественного развития». Позитивистскими, оказывается, являются стремления этих мыслителей как можно глубже и лучше изучить историю, установить законы ее движения с тем, чтобы предвидеть будущее. «Эти марксисты, — считает М. Животич, — очень часто ссылались на критику Марксом утопического социализма, в которой Маркс подчеркивал значение познания фактов действительности в противовес абстрактным идеальным конструкциям, но они не поняли самого определения действительности, данного Марксом, отождествляя его с определением фактического положения вещей»[71]. А чтобы окончательно убить этот позитивизм, М. Животич устанавливает его связь с бюрократическим способом мышления.

Отрицание позитивизма М. Животич находит у К. Маркса, в философии экзистенциализма и у таких истинных «гуманистов-марксистов», как Лукач, Блох, Маркузе, Лефевр, Сартр (на последнем этапе своего развития). «Философы-экзистенциалисты, — пишет он, — идут правильным в теоретическом отношении путем, когда философскую истину о действительности ищут с точки зрения определений аутентичного человеческого существования и когда о смысле мира, смысле совокупности действительности говорят как о человеческом смысле существования»[72].

М. Животич пытается сконструировать свой марксизм, который «законы диалектического мышления рассматривает не как законы движения самих фактов, не зависящих от человека, но как принципы (разумной) практики»[73].

Чтобы своей концепции, которая, на наш взгляд, является вариантом экзистенциализма, придать авторитетный вид, М. Животич называет ее марксизмом, а ее противников, действительно развивавших и развивающих марксизм, объявляет позитивистами. Иными словами,

[71] Там же, стр. 1360.
[72] Там же, стр. 1368
[73] Там же, стр 1369

Библиотека "Руниверс"

марксизмом он называет экзистенциализм, сдобренный марксистской фразеологией, а подлинный марксизм — позитивизмом, причем для этого ему потребовалось в искаженном виде представить и содержание мыслей Ф. Энгельса о диалектике природы, и ленинскую теорию отражения. Не мудрено, что с точки зрения экзистенциализма, философской основой которого является субъективизм, марксистская философия представляется позитивизмом.

Если объявить позитивистскими важнейшие требования марксистского диалектического метода: объективность рассмотрения явлений, конкретный анализ конкретной ситуации, познание закономерностей движения природы и общественной жизни, то диалектика порвет связь с наукой, перестанет быть методом научного познания и практического действия людей и превратится в субъективистское философствование по поводу гуманистических проекций. М. Животич призывает к критическому трансцендентированию науки, однако возникает вопрос: на чем должно основываться это трансцендентирование — на знании объективных закономерностей природы и общества или на игнорировании их, т. е. на науке или на благих пожеланиях, подобных тем, которыми славился утопический социализм?

Можно понять сетования М. Животича по поводу тех философов, которые «выступают с различными нравоучениями в адрес ученых-естественников... занимаются бесплодным делом перекраивания результатов естественных наук и стремятся уложить эти результаты в прокрустово ложе своих догм и этим самым дискредитировать диалектику...». Нет слов, к сожалению, такие философы среди марксистов еще имеются. Но разве из этого следует, что необходимо отбросить как твердыню догматического мышления, как наследие позитивизма теорию, «которая, — как пишет Животич, — диалектические законы рассматривает, как и все другие естественные законы, в качестве законов развития явлений в природе такой, какой она является независимо от человека и его практики» [74].

А другой югославский философ, М. Кангра, отстаивающий близкую к Животичу точку зрения, в выступлении

[74] Там же, стр. 1369—1370

Библиотека "Руниверс"

в Белграде в ноябре 1960 г. при обсуждении теории отражения утверждал, что диалектика существует только в человеческой истории как практика, помимо или вне исторической человеческой практики нет диалектики, ибо без деятельности человека не происходит и не происходило ничего, что было бы важно для человека. Для него диалектика не самодвижение материи, природы, вещи и т. п., а только самодеятельность человека, поэтому понятие диалектического детерминизма отвергается как нелепое, лишенное смысла, будто диалектический метод свободен от всякой детерминации.

Таким образом, М. Животич и некоторые другие философы отдают позитивизму все то в марксизме, что связано с признанием объективного содержания знаний, с требованием изучения действительности во всех ее связях и опосредованиях, т. е. все, что ставит марксистскую философию на почву науки. Но для того чтобы знание и основывающаяся на нем практика приводили человека к разумному и справедливому миру, необходим как раз научный анализ действительности, возможностей, таящихся в ней.

М. Животичу импонирует экзистенциализм и его понимание человека. О вкусах не спорят, и никто не может лишать его удовольствия восторгаться хайдеггеровской постановкой вопроса об ответственности человека за бытие. Ведь многие люди в мире разделяют позиции экзистенциализма, не обвиняя марксизм в позитивизме, не превращая ошибки отдельных философов-марксистов в особенность марксистского мировоззрения вообще. Приклеивая марксизму ярлык позитивизма, Животич и его единомышленники не могут затушевать своих философских позиций и выдать экзистенциализм (хоть и в марксистской упаковке) за творческое развитие принципов К. Маркса.

6. Буржуазная философия в поисках новой логики

Было бы неправильным полагать, что все современные буржуазные философы разделяли и разделяют позитивистский взгляд на предмет и задачи логики. Конечно, концепции логического позитивизма широко распространены в капиталистических странах и сейчас, но там су-

Библиотека "Руниверс"

ществуют и другие направления в философии — экзистенциализм, неотомизм, которые составляют некоторую оппозицию позитивизму, в частности в логической проблематике.

В настоящее время, когда позиции неопозитивизма в философии ослабевают, а выданный им ранее вексель на разрешение всех философских проблем точными методами формальной логики остался неоплаченным, в буржуазной философии усиленно идут поиски путей заполнения образовавшегося вакуума. Во-первых, позитивизм меняет свою форму, отрекаясь от прежних обещаний и ставя перед собой более скромную задачу. Во-вторых, логическая проблематика стала все более привлекать внимание других направлений современной буржуазной философии — неотомизма и экзистенциализма. В этой связи меняется и взгляд на историю логики. Неопозитивизм исходил из некоторых традиций английской эмпирической философии, а отдельные современные буржуазные мыслители хотят возродить философскую традицию, которая идет от Платона, Аристотеля, Декарта к немецкой классической философии и ее последователям второй половины XIX и начала XX в.

Последнее направление в постановке и решении логических проблем, как известно, дало очень многое. Сама по себе попытка возродить эту традицию и использовать идеи таких мыслителей, как Декарт, Кант, Гегель, для решения проблем логики и таким образом освободиться от односторонности позитивистской логики не может вызвать возражений. Все зависит от того, как понимать их логические идеи и в каком направлении их развивать. С этой точки зрения хотелось бы посмотреть на книгу Лео Габриэля «Интегральная логика. Истина целого»[75].

Прежде всего о самом авторе, который мало знаком советским философам. Лео Габриэль — ординарный профессор и руководитель II философского института при Венском университете. Он известен как автор значительных работ по истории философии и философии экзистенциализма. Габриэль — австрийский неотомист, однако в этой книге ведущие идеи томизма приглушены, автор не выдвигает их на первый план. Наоборот, он стремится

---

[75] *L. Gabriel* Integrale Logik. Die Wahrheit des Ganzen. Wien, 1965, S. 102.

Библиотека "Руниверс"

не ставить отчетливо основного вопроса философии, пытается уйти от необходимости его разрешения.

Однако томизм Габриэля не свободен от других философских влияний: экзистенциализма, кантианского априоризма, гегельянства. Не случайно в качестве эпиграфа к книге Л. Габриэль взял слова Мартина Хайдеггера: «Мышление есть сосредоточение на некоторой мысли, которая некогда появляется как звезда на небе мира».

Книга Л. Габриэля состоит из четырех частей: 1) логика содержания, в которой анализируются такие понятия, как восприятие, очевидность и интуиция; 2) логика форм, где излагается учение о традиционных формах мышления: понятии, суждении и умозаключении; 3) логика образов, содержащая рассмотрение таких логических категорий, как тождество, единичность, всеобщность, а также аксиоматика, систематика, деформация; наконец, 4) логика целого, где дается анализ форм синтеза (формального, идеологического и трансцендентального), а также методов мышления, как-то: индукция, дедукция и интеграция.

Л. Габриэль исходит из необходимости преодоления суммарно-аналитического подхода к анализу мышления и построения логики, которая не изолирует себя от бытия и метафизики как учения о нем, а направлена на бытие, имеет своей задачей цельное построение мира. Поэтому свою книгу он начинает верным утверждением: «Предмет логики — это мышление, одновременно представляющее метод, которым предмет исследуется» [76]. Его не удовлетворяет формализм в логике, согласно которому отрицается отношение формы к содержанию и форма объявляется абсолютной. «Мы, — пишет Габриэль, — хотим преодолеть абстрактное абсолютизирование логической формы с ее абсолютным отрицанием содержания» [77]. С этих философских позиций он критикует позитивизм, который связывает развитие познания с частными исследованиями. Философия «логически больше не претендует на то, чтобы восприниматься всерьез в своем собственном познавательном содержании. Уже не как философия, а лишь как философствование, как «деятельность» «она может выполнять свое назначение, так ска-

---

[76] Там же, стр. IX
[77] Там же.

Библиотека "Руниверс"

зать, как определенный — по Витгенштейну языково-логический аналитический — функционализм человеческого мышления» [78].

Вред крайней формализации логики он видит в том, что она лишала содержания само понятие формы, искажала его, превращая в пустую абстракцию. «Следствием этого было то, что искаженное таким образом понятие больше не могло выполнять функцию, которую ему позволила бы полная мера его формы и структуры, — функцию трансцендентирования, перехода сознания к бытию и в сферу возможной лишь в этом плане настоящей предметности» [79]. Габриэль не жалеет слов и красок, когда речь идет о критике позитивизма в логике. Он считает, что современная логика в отчужденной формалистике привела к распаду логического целого.

Но основное содержание книги Л. Габриэля не критика логического позитивизма, а изложение взгляда на логику мышления; автор претендует на создание новой логики, которую он называет интегральной. Поэтому критика неопозитивизма в логике не должна нас обольщать, и мы не должны закрывать глаза на то, с каких позиций эта критика ведется. Является ли новая интегральная логика действительной панацеей от позитивистских болезней в логике и новым путем в решении кардинальных логических проблем — вот что нас должно занимать.

Основную проблему своей интегральной логики автор формулирует так: «Каким образом мышление как метод может стать предметом, может ли оно в своем функционировании быть объективируемым или раскрываться актуально...» [80] Но именно эта проблема так и не находит своего разрешения в «Интегральной логике».

Л. Габриэль находит пороки в решении этой проблемы у всех мыслителей прошлого, начиная от Платона и Аристотеля и кончая Гегелем и современными логиками. Его замечания в этой части не лишены оснований. Да, в картезианском «cogito» субъект никак не может стать объектом. Кант тоже не мог объединить форму и содержание, понятие и созерцание, «осуществить истин-

---

[78] Там же, стр. 379.
[79] Там же, стр. 380.
[80] Там же, стр. IX.

Библиотека "Руниверс"

ное целое, хотя в системе теоретического разума он продвинулся к идее тотальности»[81]. Нельзя не согласиться с Габриэлем, что и Гегель, для которого в процессе движения мышление осуществляется как бытие, «идентифицируется и объективируется в своем самодвижении в форму понятия»[82], тоже не дал правильного ответа на этот главный вопрос логики. Но по существу сам Л. Габриэль идет тем же путем, что и Гегель, а именно пытается связать воедино логику и метафизику, учение о мышлении с учением о бытии, исходя из примата логики. «Метафизика, — пишет он, — в действительности основана на логике»[83].

Как идеалист, он полагает, что «мышление должно раскрываться в актуальном движении, развивающем из самого себя форму мышления. Это рефлектирующее движение мысли осуществляется в логической форме. В ней интегрируются актуальность и предметность, форма и содержание мышления»[84].

Габриэль не считает, что предметный мир существует вне сознания, ведь тогда возникает необходимость объяснить, каким образом объективная реальность может войти в содержание мышления и таким образом сделать последнее предметным, а здесь невозможно обойтись без такого понятия, как чувственно-материальная деятельность человека, т. е. практика. Чтобы не обременять себя излишними трудностями, автор занял по существу гегелевскую позицию: само мышление из себя порождает свою предметность, объективность создает свое бытие и учение о нем — метафизику.

Причем Л. Габриэль тоже хочет иметь логику, которая постигала бы целостность, а не отдельные вещи и их стороны, субстанцию, являющуюся «образующим единством движений и изменений», «единством многообразного», «чем-то устойчивым в ходе времени». А эту задачу, по мнению Габриэля, нельзя решить старыми средствами, необходимы новые понятия. Среди них решающую роль он отводит понятию интеграции и идеологического синтеза, посредством которых достигается целое. «Настоя-

---

[81] Там же, стр. X.
[82] Там же.
[83] Там же, стр. 379.
[84] Там же, стр. IX

Библиотека "Руниверс"

щая тотальность (цельность. — *П. К.*), — пишет Габриэль, — должна трансцендентировать единичность, чтобы достичь общей связи вещей в тотальности бытия. Это происходит в форме системы, которая осуществляет идею целого в структуре тотальности и таким образом обосновывает истину целого» [85].

Но остается все та же проблема: каким образом логическая система, форма целого приобретает объективность, выходит за пределы субъективной конструкции? Согласимся с Габриэлем, что целое в логике «является сверхсуммативным, а не аналитико-механизируемым единством, формой конкретности, в которой что-то представляется, открыто существует» [86]. Но как мышление достигает того, чтобы включить в свое содержание нечто отличное от него, т. е. объективную реальность? Здесь автор и выдвигает понятие интеграции, которая выражает иной логический процесс, чем индукция и дедукция.

Действительно, взятая как таковая, индукция не может решать проблему движения знания от феномена ко всеобщности, и здесь Габриэль верно отмечает слабость в логике как всеиндуктивизма, так и позитивистского принципа верификации. «Познание, создающее и формулирующее ноуменальное содержание в логической форме, следовательно, не может быть принципиально верифицировано из частного непосредственно через опыт» [87].

Трудность, на которую указывает Габриэль, известна в логике. Дедукция имеет дело с готовой всеобщностью, последняя не может быть получена из опыта без предварительных идей. Интеграция как особая логическая функция и выступает средством достижения всеобщего, в котором дано целое в его объективности. Она мыслится как особого рода синтез на основе не просто понятий, категорий, как у Канта, а идей; такой синтез Габриэль и называет *идеологическим*. Механизм этого синтеза представляется следующим образом: «Если идея как содержание вводится в форму познания и развивается как целое в систему знаний — идея при этом является интегралом, система — дифференциалом, — то всеобщность

---

[85] Там же, стр. XI.
[86] Там же.
[87] Там же, стр. 372.

Библиотека "Руниверс"

может быть достигнута из ноумена, представляющего собой... в принципе нечто всеобъемлющее, всеобщее и главное для познания» [88].

В результате интеграции происходит движение мышления к бытию, образуется такая структура, «в которой бытие как ненарушенная цельность раскрывается в смысле и символе. Тем самым к бытию нечто «добавляется», однако так, что его содержание этой «добавкой» не увеличивается и не уменьшается. Достигается лишь форма разомкнутости, открытости. Поэтому отношение создается как структура идентичности, в которую бытие «входит», не теряя самого себя» [89].

Следовательно, для интегрального синтеза необходимы такие формы, которые были бы не замкнуты, а открыты для вхождения бытия. Такой формой является идея как «фундаментальная разомкнутость целого, из которой в логическом развитии осуществляется и выполняется широкая тотальность в единстве мышления и бытия и тем самым полная в форме и содержании возможность... познания» [90]. Идея понимается как всеобщность, универсальность, открытая для предметного мира. «Идея, — пишет Габриэль, — как чисто смысловое содержание имеет a priori предметную неограниченную способность толкования и объяснения, концентрирующуюся через понимание на идейно направленном определении предмета, а через суждение — на отношении к действительному содержанию и... лишь в системе приобретающую максимально достижимое в логическом пространстве распространение на общую связь действительности» [91].

Идеологический синтез положен Габриэлем в основу понимания традиционных форм мышления: понятия, суждения, умозаключения. «*Идеологический синтез понятия*, — пишет он, — раскрывается как *терминативный*, то есть такой, который определяет, чем является нечто...» [92] «*Идеологический синтез суждения*, — продолжает автор, — есть определенная *идейная направленность в отношении к действительности*, к фактичности определенной сущности дела, обстоятельству. Суждение есть

[88] Там же.
[89] Там же, стр. 374.
[90] Там же, стр. 384.
[91] Там же, стр. 382.
[92] Там же, стр. 307.

Библиотека "Руниверс"

высказывание, утверждение, относящееся к обстоятельству, то есть предикативный синтез. Оно определяет, что нечто существует, а не только чем оно является... *Вывод* как *идеологический синтез* есть *обоснование* того, *почему* нечто является таким, каким утверждается. Вывод снимает относящееся к единичному и фактическому смысловому утверждению, углубляет его в своей основе, вводит его в целое...»[93]

В этом смысле вывод в «Интегральной логике» приобретает значение высшей формы мышления, в нем не просто, как в суждении, лишь высказывается нечто определенное в отношении фактически действительного, но достигается интегрирующая связь, происходит логическая реализация, принимающая во внимание целостность бытия. Сам Л. Габриэль рисует этот процесс так: «Через субсумцию содержаний при объединяющей понятийности возникает замкнутая монада системы, имеющая следствием окончательную стабилизацию, обобщение и абсолютизирование определенной мысли в системе»[94].

Положим, мы согласимся с автором «Интегральной логики», что в идеологическом синтезе, существующем в виде логического вывода или умозаключения, достигается целостность и субъективность мышления. Но закономерно при этом поставить вопрос: откуда у идеи, лежащей в основе этого синтеза, берется объективность, направленность на целостность бытия? Габриэль не ставит этого вопроса, поскольку полагает, что эта особенность идеи заложена в ней первоначально, и не дает ответа на вопрос: кем? Он считает ее актуальной. Поэтому в его логической системе не преодолен не только идеализм Гегеля, но и априоризм Канта. Во многих отношениях он сделал шаг не вперед, а назад, от Гегеля.

Известно, что Гегель хотя и в духе идеализма, но признавал практику, труд формой, с помощью которой мысль получает свое объективное содержание. Габриэль этой формой считает язык, точнее, речь. Его «Интегральная логика» своим венцом имеет положение, что путь мышления к бытию посредством синтеза на основе идеи лежит через диалогическую речь. На этой речи основывается охватывающая субъект и объект, человека и мир

---

[93] Там же.

[94] Там же, стр. 308.

Библиотека "Руниверс"

коммуникативность высказывания, осуществляется единство теории и практики, идеи и действительности. Недостаток всей предшествующей логики, в том числе и современной позитивистской, он видит в том, что она исходит из монолога, а не диалога. «Если язык, — пишет Габриэль, — является средством понимания и соглашения, то невозможно создать его монологически, как это пытаются сделать автономные формальные системы традиционной логики. Язык создается диалогически, он является языком беседы... Интегральная логика языка преодолевает монологическое ограничение логической формы через раскрытие диалогической структуры» [95].

Конечно, для мышления и языка необходимы и я и ты, речь действительно по своей сущности диалогична, но не она одна придает объективность мышлению, устанавливает его путь к постижению бытия.

Если не прав логический позитивизм, то, может быть, истина на стороне интегральной логики Л. Габриэля, основу которой составляет синтез на базе содержательных идей? Но эта логика оказалась бессильной решить вопрос об источнике объективности и содержательности этих идей. Самое большее, на что она способна, — это стыдливо вернуться к модернизированному априоризму Канта или еще к чему-то подобному. Причем если неопозитивизм считал логику побочным продуктом анализа языка современной науки, то автор «Интегральной логики» вообще абстрагируется от хода развития современного научного познания, полностью погрузившись в метафизические проблемы логического познания, что по существу отрывает его рассуждения от задач и потребностей современной науки.

В объемистой книге Л. Габриэля разбираются многие логические концепции, упоминаются имена философов прошлого и настоящего. Но в ней по существу не фигурируют марксизм, материалистическая диалектика как оригинальная логическая система. Правда, три раза Л. Габриэль вспоминает имя К. Маркса. Но К. Маркс представлен в качестве простого продолжателя идей идеалистической диалектики Канта и Гегеля.

В отношении к марксизму Габриэль не выходит за пределы обычного для буржуазного мировоззрения взгля-

---

[95] Там же, стр. 384—385.

Библиотека "Руниверс"

да, согласно которому марксизм сводится к экономическому детерминизму, игнорирующему роль духовного, человеческих идеалов в жизни общества.

Если бы автор «Интегральной логики» был свободен от этого далекого от истины представления о марксистской философии, то он увидел бы, что марксизм создал новую логику — диалектическую логику на материалистических основаниях. Некоторые проблемы, над которыми так мучительно бьется Л. Габриэль, а именно создание логики, законы и формы которой носят объективный, предметный характер, логики, устанавливающей пути постижения человеческой мыслью целого во всей его конкретности и объективности, получили глубокое освещение в работах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и других сторонников материалистической диалектики.

ГЛАВА V

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА И РАЗВИТИЕ ЗНАНИЯ

1. Что такое диалектический материализм — онтология, гносеология или логика?

Позитивисты ставили своей задачей освобождение философии и науки от всякой метафизики. Такую же задачу с момента своего возникновения ставит и диалектический материализм, но из этого не следует, что диалектический материализм и позитивизм когда-либо являлись союзниками и их позиции в философии одинаковы. Наоборот, это различные типы мировоззрения по классовому и гносеологическому содержанию. Чтобы показать эту противоположность марксистской философии позитивизму, установим содержание самого термина «метафизика», ибо он употребляется в литературе в различных значениях. Выделим два главных из них. В марксистской литературе под метафизикой понимают определенный метод познания, который был свойствен науке XVII—XVIII вв Особенность этого метода — абсолютизация отдельных сторон объективного мира. Применение его давало положительные результаты в тот период, когда наука в основном занималась собиранием, описанием и классифика-

Библиотека "Руниверс"

цией фактов, когда она еще не перешла к глубокому изучению и истолкованию сложных процессов природы и общественной жизни. Это значение термина «метафизика» идет от Гегеля.

Уже к середине XIX в. обнаружилось, что метафизический метод сковывает развитие науки, результаты которой могут быть объяснены на основе более глубокой философской теории — материалистической диалектики.

Отношение диалектического материализма к метафизике как методу познания довольно полно и обстоятельно выяснено в литературе: диалектика преодолевает ограниченность метафизического метода, отдельные, истинные моменты которого в преобразованном виде сохраняются в ней. Движение философии от метафизического метода к диалектическому укладывается в общие рамки развития научного знания от теории, имеющей довольно ограниченную сферу приложения, к построению более широкой теории, в которой первая теория выступает некоторым частным, предельным случаем.

Эту ли метафизику имеет в виду позитивизм, когда он ставит вопрос об изгнании ее из философии и науки? Ни в коем случае. Напротив, эту метафизику он насаждает и не может выйти из ее плена.

Но термин «метафизика» имеет и другое, более древнее значение, в котором он употребляется в литературе, по преимуществу немарксистской, и сейчас. Под метафизикой понимают часть философии, которая занимается выработкой общих принципов, понятий, применяемых к бытию вообще. Существуют различные оттенки в понимании самого предмета метафизики у разных направлений современной философии, но общим для всех них является утверждение, что метафизика — учение о бытии или сущем вообще, под которым понимают все существующее. Она еще выступает иногда под термином «онтология» или «первая философия». С подобного рода метафизикой мы встречаемся в таких бытующих сейчас направлениях философии, как неотомизм, в котором две метафизики: общая (свод принципов, применяемых ко всему существующему — и к богу и к сотворенному им миру) и частная, или прикладная (распространяется только на сотворенный мир); экзистенциализм, где под метафизикой, или фундаментальной онтологией, пони-

Библиотека "Руниверс"

мают выяснение смысла и сущности бытия, причем основным является вопрос о сущности человеческого бытия, ибо, что такое мир, что такое действительность, постичь можно только тогда, когда известно, что такое человек и в чем смысл его бытия.

Позитивизм, и в частности логический, направляет свои стрелы именно против этой метафизики, правильно полагая, что натурфилософия всегда связана с ней. Однако подходы к критическому преодолению этой метафизики у диалектического материализма и позитивизма диаметрально противоположны. Позитивизм просто отвергает ее, объявляя все проблемы, связанные с учением о бытии, псевдопроблемами. Больше того, он отдает их религии, признавая, таким образом, ее право на существование. Поэтому, выступая против метафизики, позитивизм не может преодолеть ее, а, наоборот, дает почву для ее существования.

Иногда ставится дилемма: либо метафизика, претендующая на универсальное объяснение мира, берущая свое знание из иных истоков, чем различные области современной науки, либо позитивизм в самых различных его версиях, отвергающий вопрос о бытии и его всеобщих законах. И кажется, нет выхода из сложившейся ситуации.

Однако диалектический материализм является как раз той формой философии, которая равным образом отвергает и схоластику умозрительной метафизики, и позитивизм. Причем не случайно позитивисты со времен махизма критиковали и критикуют диалектический материализм за догматизм и метафизику, за признание существования вещей в себе независимо от сознания, за претензию вскрыть в своих понятиях, категориях наиболее общие законы движения объективного мира. А сторонники метафизики, в частности из лагеря неотомизма, упрекают основоположников диалектического материализма, в частности Ф. Энгельса и его последователей, в позитивистском подходе к пониманию предмета и задач философии. При этом ссылаются на известные слова Ф. Энгельса, что наука уже не нуждается больше в философии, как таковой.

Возникает вопрос, что же собой представляет диалектический материализм — только учение о всеобщих законах бытия или только всеобщий научный метод мышле-

Библиотека "Руниверс"

ния, применяемый во всех областях научного знания, причем предполагается, что одно исключает другое.

На самом же деле особенность диалектического материализма заключается как раз в том, что он по-иному, чем метафизика и позитивизм, ставит вопрос о предмете философии, не отрывает метод мышления от законов движения явлений объективного мира. Изучение явлений объективной реальности и законов их движения всегда было и останется задачей философии. Диалектический материализм в данном случае не составляет исключения, он продолжает ту традицию, которая была положена еще древними философами. Но чем же в данном случае он отличается от метафизики предшествующей ему философии, а также современной? Каковы особенности его подхода к изучению этой реальности?

Прежде всего диалектический материализм не мыслит себе постижение законов объективной реальности вне обобщения результатов различных отраслей науки. Пришел конец философии, рассуждающей о всеобщих принципах бытия, не опираясь на данные наук о природе и обществе. Порочность метафизических построений неотомизма и экзистенциализма состоит кроме всего прочего в том, что они оторваны от результатов научного знания, ратуют за метафизику, находясь по существу в стороне от науки. Больше того, фундаментальная онтология Хайдеггера направлена против научного понимания действительности, поскольку в ней философия противопоставляется позитивным наукам.

Как ни странно, но в наше время, во второй половине XX в., можно встретить философов, обосновывающих необходимость особого метафизического знания, обособленного от научного знания и трактующего различного рода мистические сущности. Эти философы говорят о том, что данные наук приводят к интеллектуальной хаотичности. Так, американский философ Льюис Е. Хан предлагает построить метафизику «на здравом смысле, руководимом ключевыми понятиями» [1]. Но тут возникает вопрос, откуда берутся эти ключевые понятия, не являются ли они сами метафизикой. А кроме того, что такое здравый смысл как не некоторые общедоступные данные науки и

[1] *L. E. Hahn.* What is the Starting Point of Metaphysics? — «Philosophy and Phenomenological Research», 1958, vol. XVIII, N 3, p. 309.

Библиотека "Руниверс"

повседневного опыта человека, превращенные в предрассудок. Зачем же современную философию базировать на столь зыбкой и, можно сказать, отсталой основе? Что же касается хаотичности, недоступности и разрозненности данных науки, о которых говорит Хан, то задача философии заключается как раз в том, чтобы не просто повторять данные наук, а, основываясь на них и на всей практике человеческой жизни, включая искусство, личный опыт, идти дальше, создавая учение о всеобщих законах бытия.

Диалектический материализм не мыслит своего развития без обобщения данных наук о природе и обществе, свое знание он не противопоставляет научному, а выводит из него. Поэтому существенным моментом для него является союз с различными областями знания. При этом диалектический материализм сохраняет свой предмет, отличный от предмета специальных областей знания. Этим предметом является изучение общих законов движения явлений объективного мира, для открытия которых недостаточно опыта и данных какой-либо одной области научного знания, а необходима совокупность всего опыта познания и практического действия человека.

Но опять-таки возникает вопрос: ежели метафизику строить на данных наук, то тогда диалектический материализм можно считать метафизикой? И здесь мы сталкиваемся со второй особенностью диалектического материализма в изучении объективной реальности. Метафизика в любых ее вариантах в качестве объекта изучения выдвигает бытие или сущее вообще, как таковое, а позитивизм снимает не только вопрос о бытии вообще, но и об отношении мышления к бытию. Диалектический же материализм считает, что рассуждение о бытии вообще, о сущем, как таковом, беспредметно и философия начинается с того момента, когда ставится вопрос об отношении мышления к бытию.

Первое определение бытия, имеющее хоть какую-то конкретность и идущее дальше тавтологии, что бытие есть существующее, включает в себя противопоставление бытия мышлению, бытие существует вне и независимо от того, мыслим мы его или нет. Попытки философов уйти от такой постановки вопроса или снять вопрос о бытии вообще не давали результатов, имеющих положительное

Библиотека "Руниверс"

значение для развития науки и практической деятельности по преобразованию действительности. Конечно, отдельные отрасли науки могут ставить вопрос о конкретных формах и видах бытия (вещах, процессах). Но они не ставят специально вопроса об отношении этих форм и видов бытия к познанию, поскольку это не входит в предмет данных наук и поскольку они принимают его решенным философией.

Из истории философии известно, что отдельные философские школы и мыслители в прошлом решали многие проблемы бытия, отчетливо не ставя вопроса об его отношении к мышлению. Философия зародилась как учение о первосущем. Но это было в период, когда она была единственной формой научного знания о мире. С тех пор многое изменилось. Из науки, называемой философией, выделились специальные области знания; часть ее содержания, которую по преимуществу составляли метафизические, умозрительные размышления о бытии вообще, не нашедшие подтверждения в развитии науки, потеряла свое значение, а другая часть была переосмыслена и развита дальше, составив основу научного философского учения о бытии. В процесс этого переосмысления входило рассмотрение бытия и всех категорий, его выражающих, через основной вопрос философии — отношение мышления к бытию.

Все категории диалектического материализма, начиная с материи, содержат решение вопроса об отношении мышления к бытию. Понятие материи — это первое конкретное определение бытия.

Некоторые философы, даже из числа сторонников диалектического материализма, полагают, что можно дать определение материи, не обращаясь к решению вопроса об ее отношении к сознанию, т. е. определение материи, как таковой, как некоторой субстанции, существующей независимо от сознания. Да, материя — объективная реальность, существующая сама по себе, независимо от сознания, — и в этом ее первое, существенное определение, без которого невозможно двинуться дальше в учении о материи.

Понятие материи в диалектическом материализме не тождественно субстанции, как она понималась в различных метафизических системах. Материя — это не метафизическая сущность, лежащая в основе всех вещей,

Библиотека "Руниверс"

а это все явления, вещи, процессы, существующие вне и независимо от сознания человека. Вне отношения бытия к мышлению понятие материи не имеет смысла.

Может показаться странным и непонятным, что в диалектическом материализме нет онтологии, когда в нем содержится учение о бытии, об объективной реальности, существующей независимо от человека. Многие советские авторы правильно ставят вопрос о необходимости отражения законов движения материи, форм ее бытия в категориях диалектического материализма. Но из этого они делают неверный вывод о том, что и диалектический материализм является онтологией.

Конечно, диалектический материализм своим предметом имеет бытие, но не является онтологией, поскольку не содержит учения о бытии вне его отношения к сознанию. Но он не является в этом смысле и гносеологией, ибо не рассматривает формы и законы познания вне их отношения к формам и законам бытия. Отношение мышления к бытию — исходный пункт всех философских категорий диалектического материализма, который одновременно выполняет функцию и онтологии и гносеологии, притом не так, что существуют отдельно системы онтологических категорий и гносеологических, а все категории диалектического материализма одновременно являются и онтологическими (в том смысле, что имеют содержание, взятое из объективного мира, из бытия), и гносеологическими (ибо в них решается вопрос об отношении мышления к бытию и они сами служат ступенькой в движении познания).

Когда говорится, что диалектический материализм является онтологией и гносеологией, то еще сказано не все. Надо правильно понять, что означает это *и* — соединение разнородного или же указание на тождественность в определенном отношении. Современные сторонники метафизики как особой философской системы не исключают познания из ее предмета, они вполне допускают мысль «о метафизике в широком смысле, включающем и существование и познание»[2].

Иногда и диалектический материализм пытаются представить в виде соединения двух частей — онтологической и гносеологической. Учение о материи, ее формах

[2] Там же, стр. 294.

Библиотека "Руниверс"

существования и законах движения — это онтология, а учение о познании и его законах — это гносеология. Возникает вопрос, на основе какого принципа эти части соединяются. Видимо, ответ может быть только один — на основе материалистической теории и диалектического метода: и учение о бытии, и учение о познании рассматриваются диалектико-материалистически. Ну а разве материалистическая теория и диалектический метод сами в их органическом единстве не составляют диалектического материализма, т. е. почему диалектический материализм состоит из онтологии и гносеологии, а не из материалистической теории и диалектического метода? В чем сущность диалектико-материалистического рассмотрения бытия и познания? В том-то и дело, что диалектико-материалистическая теория не распространяется как нечто ранее созданное на бытие и познание, а сама является теорией бытия и познания, причем ее особенность состоит как раз в том, что она создает законы и категории, которые одновременно являются формами и бытия, и познания.

Онтология исходила из резкого разделения законов, принципов бытия, устанавливаемых ею, и законов познания, которыми она не занимается. Гегель один из первых понял, что дальнейшее плодотворное развитие философии возможно только при условии фиксирования законов, форм сущего, являющихся одновременно законами движения мысли. «*Логика* совпадает поэтому, — писал он, — с *метафизикой*, с наукой о *вещах, постигаемых в мыслях...*»[3]

Материалистически продолжая эту линию, марксистская философия в отличие от метафизики не просто изучает законы бытия и законы мышления, а доказывает единство, совпадение их по содержанию. Если подходить к этим законам рассудочно, то между ними устанавливается различие, в частности в форме существования: одни существуют во внешнем мире, другие — в человеке, в его сознании. Абсолютизируя это различие, можно прийти к агностическому отрыву мышления и его законов от бытия, его форм и законов. Мышление движется по своим законам, поэтому оно не может совпасть с законами и формами бытия. А поскольку бытие может быть постиг-

[3] *Гегель* Соч., т. I, стр. 52.

Библиотека "Руниверс"

нуто только в формах мысли, то оно вообще делается непостижимым для науки, становясь предметом религиозной веры или какого-то иного сверхъестественного озарения.

Диалектический материализм не довольствуется рассудочным разделением законов бытия и законов мышления, он разумно соединяет их, доводит до тождества, совпадения, включающего в себя как момент и некоторое различие. Причем для философии принципиальное значение приобретает именно совпадение этих законов, различие же их интересует психологию, выявляющую особенности психической деятельности человека, и формальную логику, вскрывающую формы логически непротиворечивого мышления.

Исходя из совпадения законов мышления и законов бытия, диалектический материализм преодолевает агностицизм. Мышление достигает объективной истины, совпадает в своем содержании с находящимся вне его объектом вследствие того, что оно само движется по законам объекта. Предположим, что в процессе познания оно развивалось бы по другим законам, коренящимся в самом мышлении и имеющим свою природу, противоположную законам и формам бытия. Тогда мышление и бытие в своем движении абсолютно разошлись бы и было бы два самостоятельных мира — бытие и мышление. Так и представляют себе дело некоторые философы как в прошлом, так и в настоящем.

Однако мысль по своей сути не может быть ничем иным, как отражением законов и форм бытия, и она движется в рамках объективного содержания. Даже в тех случаях, когда она уходит в область фантазии или пребывает в болезненном состоянии, то и тогда она движется по законам самого объекта. Причины и пути ее погружения в беспочвенную фантазию интересуют не философию, а психологию, а если речь идет о нездоровом фантазировании — психиатрию. Философию же в данном случае интересует одно — мысль, которая всегда остается связанной в своем содержании с формами бытия.

Мышление, двигаясь по законам объекта, приходит к результатам, тождественным самому объекту. Отсюда то, что считалось метафизикой (установление законов и принципов бытия), становится логикой; законы и формы бытия после того, как они познаны человеком, превра-

Библиотека "Руниверс"

щаются в законы и формы мышления. Законы и категории диалектического материализма, будучи отражением бытия, служат законами и формами движения мышления к истине, являются логическими законами и категориями.

Таким образом, диалектический материализм выступает одновременно и логикой, но не в том смысле, что он включает в себя некоторые логические законы и категории, а в том, что все его содержание, все законы и категории носят логический характер.

Когда наши критики обращают внимание на то, что диалектический материализм является наукой о всеобщих законах и формах бытия, он им кажется метафизикой или онтологией, но когда они сталкиваются с положением, что материалистическая диалектика является учением о мышлении, его законах и формах, то она выступает для них только логикой, близкой к современному позитивизму. Получается, что диалектический материализм объединяет в себе две разные философии: метафизику и логику. На самом деле он несводим ни к одному, ни к другому, ни к их сумме. То, что обычно принято считать метафизикой, оказывается логикой, а последняя становится учением не только о мышлении, но и о формах самого бытия, которые отражаются в законах и категориях мышления.

В утверждении позитивизма, что философия — это логика, не заключается ничего неверного, все зависит от того, как понимать логику. Если ее сводить к формально-логическим системам исчисления, к логическому синтаксису и семантике, то тогда, конечно, это утверждение неверно и по существу означает ликвидацию философии, ибо формальная логика в условиях современного развитого знания превратилась в специальную научную дисциплину, подобную математике, лингвистике, психологии и т. п. Более того, философия не является диалектической логикой, если последнюю определять как науку *«о закономерностях формирования, изменения и развития наших знаний* (понятий, законов, гипотез, научных теорий); *о логических средствах и методах, использующихся при этом; о способах проверки наших знаний»* [4].

---

[4] *Д. П. Горский.* Проблемы общей методологии наук и диалектической логики. М., 1966, стр. 6.

Библиотека "Руниверс"

Конечно, диалектическая логика исследует закономерности развития наших знаний. Но не в этом ее специфика, и нельзя под термином «логика» понимать это содержание, отождествлять ее с философией. Философия — это логика, если в определении ее следовать за В. И. Лениным: «Логика есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития „всех материальных, природных и духовных вещей", т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод *истории* познания мира»[5].

Здесь логика отождествляется с философией, и действительно она может быть учением о законах развития знания постольку, поскольку является наукой о законах развития всего материального, природного и духовного, именно эти законы являются одновременно и законами движения знания.

Познанные объективные закономерности в логике становятся методом и формой движения мышления; собственно, для того они и познаются человеком. Учение о бытии и его формах имеет своей целью выработку научно-теоретического метода мышления и практического действия. Объективный мир и его законы интересуют человека не сами по себе, а как средство удовлетворения определенных общественных потребностей. Здесь мы подходим к следующей особенности диалектического материализма.

Бытие существует объективно. Вопрос в том, как *к нему* подходят — как к предмету созерцания или объекту материальной, чувственной практической деятельности человека. И метафизика, и онтология, как правило, исключают практическую деятельность человека из рассмотрения бытия, стремясь постигнуть последнее в чистом виде. Диалектический материализм рассматривает бытие и его формы, исходя из потребностей преобразующей деятельности человека. Здесь хочется привести слова В. А. Босенко: «Созданные человеком совершенно новые вещи не нарушают развития (логики развития), а, наоборот, составляют собой продолжение развития вообще. Они включаются в развитие и через себя продолжают его. Логика деятельности есть продолжение логики развития... она же (деятельность) придает логике одновре-

[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 84.

Библиотека "Руниверс"

менно теоретико-познавательный характер и делает теорию развития, логику и теорию познания чем-то одним, в котором подвергаются снятию все эти стороны»[6].

М. Животич и некоторые другие югославские философы упрекают диалектический материализм (называя его при этом позитивизмом) в том, что он, мол, интересуется вещами, строением материи, а не судьбами человечества. «Человека, — пишет Животич, — позитивизм изучает, как и любой другой объект, стремясь утвердить только то, чем он фактически является, а любой негативно-критический аспект изучения человека и его мира с точки зрения того, чем они не являются, а чем могли бы быть и чем должны были бы быть при условии существования революционной человеческой деятельности, которая должна вести к преодолению существующих человеческих, гуманистических границ существующего мира и человека, объявляется «сверхнаучным» изменением». Эти философы говорят о несовместимости диалектического материализма с концепцией человека, выдвинутой К. Марксом, и якобы в угоду развития последней отказываются не только от названия «диалектический материализм», но и от всего его содержания.

Но ни Энгельс, ни Ленин никогда не считали, что задача философии — изучать только объект и человека, какими они являются; они также разделяли и в силу своих возможностей развивали тезис Маркса об изменении мира и человека. И совсем не нужны Блох, Маркузе и Лефевр, чтобы, «опираясь на изучение традиции европейской философии... спасти в марксизме его аутентичную философскую основу»[7].

Все упреки диалектическому материализму в том, что он игнорирует человека и человеческую практику, а потому его надо заменить гуманистической философией, лишены оснований. В диалектическом материализме нет онтологии, которая рассматривала бы бытие, как таковое, вне человеческой практики. Кто хочет сконструировать такую онтологию, тот неминуемо делает ее равноценной вольфианской метафизике. Человек находится в

---

[6] *В. Босенко.* Диалектика как теория развития. Киев, 1966, стр. 16—17.

[7] *М. Животич.* Марксизм — позитивистская или негативистская философия. — «Гледишта», 1965, № 10, стр. 1362, 1366.

Библиотека "Руниверс"

центре рассмотрения диалектическим материализмом природы, бытия, но он не игнорирует и изучения объективного мира, тенденций его развития, ибо познание этих последних опять-таки необходимо для человека и его практической деятельности.

Диалектический материализм стремится познать бытие не только как сущее, но и как должное — каким оно должно быть в результате практической деятельности человека. Сущее постигается через должное, но само должное основывается на знании объективной реальности, законов ее движения.

Диалектический материализм не исключает цель человека из рассмотрения бытия, но он не отрывает ее от объективных закономерностей развития самого бытия. В своей практической деятельности человек исходит из объективного мира, являющегося ее предметом. Человеческая практика, осуществляя свои проекции и планы, должна исходить из объективного мира, ибо другого объекта она просто не имеет. Именно эта необходимость и заставляет нас изучать явления и процессы объективной реальности в том виде, в каком они существуют. Здесь представляется уместным обратить внимание на высказывание югославского философа М. Марковича, который правильно отмечает, что «когда мы говорим о природе «для нас» (что мы всегда делаем, когда говорим что-либо конкретное и определенное о природе), то это уже нечто такое, что подразумевает взаимодействие между грубым внешним природным окружением и конкретным историческим субъектом определенного общества и определенной эпохи» [8].

Если же мы в практике будем строить проекции и осуществлять их, исходя не из реальности, как она существует, а только из выгодного, удобного, желательного мира вещей и процессов, то наши проекции действительно будут утопическими и неосуществимыми.

Слабость многих так называемых гуманистических теорий как раз и заключается в том, что в своих размышлениях о гуманизации общества они отрываются от реальности настолько, что их построения навечно остаются

---

[8] *М. Маркович.* Проблема диалектики природы. — Материалы к симпозиуму «Диалектика и современное естествознание» (Москва, 26—29 октября 1966 г.), вып. 4. М., 1966, стр. 62.

Библиотека "Руниверс"

только метафизическими мечтаниями. В понятиях, категориях диалектического материализма объективная реальность отражена с точки зрения целей практической деятельности человека на определенном этапе его развития. И эти цели, если они основываются на познанных объективных закономерностях, не мешают познанию бытия и его форм такими, какими они существуют на самом деле, и служат предпосылкой этого познания, причем человеческие цели — это цели общества, а не отдельного индивидуума, они определяются знанием законов развития общества. Поэтому в предмет марксистской философии входит изучение законов развития общества. Может возникнуть вопрос, зачем философии, предметом которой являются всеобщие законы и формы бытия, исследовать частное — формы и законы общественного развития, ведь это входит в предмет социологии. Да, в некоторых философских системах дело и представляется так, что изучение законов и форм бытия изолируется от исследования законов общественного бытия. В диалектическом материализме это — органическое целое.

Иногда марксистскую философию делят на диалектический материализм и исторический материализм как две самостоятельные части, имеющие свои особые предметы. В действительности же нет диалектического материализма без исторического материализма. Ни одна проблема диалектического материализма, начиная с основного вопроса философии и кончая теорией истины, не решается без материалистического понимания истории. Понимание законов развития общества необходимо для обоснования положения о сознании как свойстве материи и продукте общественного развития, о практике как основе и критерии истины и т. п. Без знания законов развития общества невозможно создать диалектическую концепцию развития. Нередко раздаются голоса, что законы диалектики, в частности единства и борьбы противоположностей, антропоморфичны, взяты из человеческого общества и перенесены на развитие явлений природы: живой и неживой.

Но это неверно, диалектический материализм не переносит законы природы на общество и, наоборот, законы общества на законы природы. Например, ни закон сохранения энергии, действующий в природе, ни закон смены общественно-экономических формаций, действующий в

Библиотека "Руниверс"

обществе, не превращаются диалектическим материализмом во всеобщие принципы всякого бытия, хотя эти законы и важны для обоснования диалектико-материалистического взгляда на мир. Диалектический материализм на основе обобщения всего опыта познания и практики устанавливает всеобщие законы развития, но знание законов общественного развития приобретает при этом особое значение потому, что общество — самая высокая и зрелая форма развития материи, а знание высшего является исходным моментом для понимания низшего. При этом знание общественных закономерностей является необходимой предпосылкой обнаружения всеобщих законов развития, действующих и в природе и в обществе.

Если для понимания развития необходимо рассмотрение высшей формы — общества, то и последнее надо брать в самой зрелой его форме — современное общество в главных тенденциях его развития. Таким и является, согласно марксизму, коммунизм. Это надо иметь постоянно в виду, поскольку в настоящее время даже среди тех, кто желает развивать марксистскую философию, находятся люди, которые, настаивая на мысли, что природу надо рассматривать с точки зрения потребностей человека и его практики, не уточняют, какого человека и какой практики, рассуждают о человеке и практике вообще. Идя этим путем, можно упустить из виду специфику марксистской философии. Так, Г. Петрович в книге «Философия и марксизм» пишет: «Не является ли практика тем наиболее аутентичным «способом» бытия, который единственный открывает нам истинный смысл бытия, и отсюда она является не неким отдельным способом, а развитой сущностью бытия. Не является ли, следовательно, практика тем исходным пунктом, который дает нам возможность рассмотреть сущность неаутентичных «низших» форм бытия и смысл бытия вообще» [9].

Ответим, да, является, смысл нашего бытия постигается через практику и ее развитие.

Таким образом, диалектический материализм не является ни онтологией, ни гносеологией, ни логикой, как их понимали в прежней философии. Но он наследует определенные черты онтологии, гносеологии и логики и в этом смысле является и онтологией, и гносеологией, и

[9] *G. Petrović.* Filozofija i marksizam. Zagreb, 1966, p. 248.

Библиотека "Руниверс"

логикой. Но это не просто их сумма, это — новая форма философии, которая по-иному ставит и решает философские проблемы. В ней онтология является и гносеологией и логикой, а последние — онтологией. И эта особенность диалектического материализма находит свое выражение в его категориях.

2. Категории — логический аппарат диалектики

Как известно, логика создает аппарат для описания или объяснения функционирования мышления. Если нет такого аппарата, то нет и логики. Поэтому о материалистической диалектике как логике правомерно говорить лишь постольку, поскольку она создает такой аппарат мышления, которого нет ни в одной другой логической системе. Что это за аппарат?

На этот вопрос в марксистской литературе нет однозначного ответа. Некоторым исследователям представляется, что диалектика создает свою логику вывода следствий из посылок, т. е. свое логическое исчисление, построенное не на формально-логических законах (тождества, недопустимости противоречия), а на законах диалектики. Мы не можем сейчас проанализировать формы этих исчислений, поскольку никому еще не удалось их построить. То, что предлагалось, не заслуживает серьезного внимания. Но сам этот отрицательный опыт весьма поучителен и несомненно имеет значение для развития логической мысли. Он еще раз доказывает, что нельзя получить логическое исчисление и в то же время отбросить формально-логический закон недопустимости противоречий.

Логическое исчисление — это аппарат оперирования знаками по заданным правилам, среди последних одни обязательны для всякого исчисления, а другие — только для определенных форм. Среди правил, обязательных для всякого исчисления, как минимум формально-логического, — закон недопустимости противоречия; нарушая его, нельзя построить ни одно логическое исчисление.

Но это не означает, что законы диалектики в принципе невозможно сделать правилами логического исчисления. При оперировании знаками в качестве правила можно включать любое содержательное утверждение, в

Библиотека "Руниверс"

том числе и закон диалектики, но при этом должен быть минимум для функционирования логического исчисления — закон формальной логики о недопустимости противоречия в той или иной его формулировке. В этом отношении поучителен опыт русского логика Н. А. Васильева, предпринявшего попытку построения системы, которую он назвал неаристотелевой, воображаемой логикой и в которой он исходит из признания существования противоречий в реальном мире. Но при этом в качестве абсолютного для любой логической системы он выдвигает закон абсолютного различения истины и лжи («суждение не может быть в одно и то же время истинным и ложным»), который по своему содержанию тождествен формально-логическому закону недопустимости противоречий. В результате у Н. А. Васильева получилась новая формально-логическая система, не с двумя (утвердительным и отрицательным, как у Аристотеля), а с тремя видами суждений (кроме утвердительного и отрицательного еще и суждение противоречия), с некоторыми дополнительными модусами силлогизма.

Однако в принципе эта система не стала новой диалектической логикой, она обогатила лишь формально-логический аппарат новыми модификациями. В свою логическую систему Н. А. Васильев включил высказывания, фиксирующие единство противоречивых свойств и отношений в одном предмете. Современная модальная логика пошла в этом отношении еще дальше, строя исчисления с высказываниями возможности, невозможности, необходимости, случайности, а так называемая деонтическая логика различает высказывания обязательные, дозволенные, безразличные, запрещенные. Но никто не называет современную модальную логику со всеми ее высказываниями диалектической логикой, поскольку она функционирует как аппарат логического исчисления, построенный по методу формальной логики.

Материалистическая диалектика является логикой в другом смысле, следовательно, она создает логический аппарат иного характера. Она рассматривает мышление не как оперирование знаками по определенным правилам (это — задача формальной логики), а как процесс создания понятий, в которых природа дана в форме, преобразованной на основе человеческих потребностей. Поэтому здесь нужен аппарат для перехода не по правилам

Библиотека "Руниверс"

от знака к знаку, а от понятия к понятию при отсутствии этих строгих правил.

Современная научная теория в идеале представляет собой систему, построенную на принципах аксиоматики. Все свои положения она стремится вывести с необходимостью из небольшого числа общих положений, не доказуемых в данной системе. Поэтому перед логикой остается задача дальнейшего совершенствования теории дедукции; здесь она добилась больших успехов, и они ожидают ее в будущем.

Роль опыта, эксперимента хотя и меняется, но ни в коем случае не уменьшается. Логика с учетом особенностей современного научного знания и во всеоружии своих средств должна изучать движение познания от эксперимента в его сложной и совершенной форме к теоретическому обобщению, а это значит, что разработка теории индуктивных выводов и всего связанного с ними становится настоятельной задачей логического анализа. Не случайно к этим проблемам прикована современная логическая мысль.

Фундаментальные понятия и принципы в науке возникают в результате творческой функции человеческого разума. Обратимся к А. Эйнштейну, который писал: «Для применения своего метода теоретик в качестве фундамента нуждается в некоторых общих предположениях, так называемых принципах, исходя из которых он может вывести следствия... Для выполнения второй задачи он основательно вооружен еще со школы. Следовательно, если для некоторой области, т. е. совокупности взаимозависимостей, первая задача решена, то следствия не заставят себя ждать. Совершенно иного рода первая из названных задач, т. е. установление принципов, могущих служить основой для дедукции. Здесь не существует метода, который можно было бы выучить и систематически применять для достижения цели. Исследователь должен, скорее, выведать у природы четко формулируемые общие принципы, отражающие определенные общие черты совокупности множества экспериментально установленных фактов» [10].

В связи с этим возникает вопрос: действительно ли не существует и не может существовать никакого метода

[10] *А. Эйнштейн.* Физика и реальность, стр. 5—6.

Библиотека "Руниверс"

установления общих исходных принципов и понятий науки? Творческая деятельность ученого свободна, но в каком отношении: независима ни от каких законов или все-таки следует им? Достаточно ли для развития познания логики, дающей только правила (хоть и самые совершенные) выведения возможных следствий из установленных принципов и логической обработки данных эксперимента? Если логика остановится перед научным творчеством как перед чем то в принципе алогичным и не подлежащим рациональному анализу, то она оставит брешь для интуитивизма. Конечно, на творчество влияет множество факторов и внелогического порядка, однако оно представляет собой деятельность человеческого разума, т. е. оно рационально, и, следовательно, может быть объектом логического исследования. Но существует ли какой-либо логический аппарат, способствующий движению мысли к новым фундаментальным понятиям?

Прежде чем ответить на этот вопрос, снова возвратимся к Эйнштейну и его теории относительности. Г. Рейхенбах пишет: «Когда я как-то спросил профессора Эйнштейна, как он открыл свою теорию относительности, то он ответил, что открыл ее, поскольку так определенно был убежден в гармонии Вселенной. Несомненно, его теория дает наиболее уместное доказательство полезности такого убеждения. Но кредо, — замечает Рейхенбах, — не философия...» [11]

Это очень характерное замечание, показывающее своеобразие значения понятий философии в научном мышлении. Будем исходить как из факта, что мысль о гармонии Вселенной действительно сыграла известную роль в движении Эйнштейна к его теоретическим построениям. Но может ли убедить этот пример тех скептиков, которые утверждают, что философия, в частности диалектика, никогда не помогала ни одному ученому в его открытиях? Спрашивается, а сколько людей, может быть еще больше убежденных в гармонии Вселенной, ни к каким теоретическим открытиям не приходили? Наверное, их значительно больше, чем тех, кому это убеждение помогало в мышлении.

---

[11] *H. Reichenbach.* The Philosophical Significance of the Theory of Relativity. — «Albert Einstein· Philosopher-Scientist», p 292.

Библиотека "Руниверс"

Человек, привыкший мыслить строго и доказательно, потребует, чтобы мы сейчас показали правила движения мысли от признания гармоничности Вселенной к общей и частной теории относительности Эйнштейна. Если такие правила и есть, то они скрыты в голове самого создателя этой теории и вместе с ним ушли в мир иной. Но если бы Эйнштейн и представил весь ход своих рассуждений, приведших к теории относительности, то любой формальный логик нашел бы в нем много прорех, поскольку вообще-то нет и не может быть строго доказуемого алгоритмического пути движения мысли от понятия гармонии Вселенной к теории относительности.

Более того, формальный логик сразу потребовал бы точно и однозначно определить, что включает в себя понятие «гармония Вселенной». Уже на это Эйнштейн вряд ли мог ответить что-либо, кроме «гармония есть гармония». И тем более не только Эйнштейн, но и никто другой не может построить системы логически безупречного движения мысли от «гармонии Вселенной» до исходных положений теории относительности. И именно потому, что логический аппарат часто мыслится только как способ движения мысли от одного или нескольких высказываний к другим по правилам логической дедукции, и возникают сомнения, что материалистическая диалектика имеет свой логический аппарат.

Но дело как раз в том, что философские категории воздействуют на развитие научного познания иначе, чем формально-логический аппарат. Потому они и необходимы, что они дают мышлению то, чего не может сделать самая совершенная формально-логическая дедукция — служить основой синтезирующей деятельности мышления, направлять движение мысли не от знака к знаку, а от одного понятия к другому, глубже и всесторонне постигающему объект.

Успех научного исследования сейчас зависит от многих факторов, в том числе и от оснащения лабораторий дорогостоящим оборудованием, всевозможными приборами. Но в любом случае, при самых совершенных лабораториях требуется еще и такой немаловажный фактор, как человеческий ум. Даже в век самой развитой научной техники человечество все же не доживет до такого момента, когда в Академию наук будут избираться самые «умные» и «опытные» машины.

Библиотека "Руниверс"

На результат интеллектуальной деятельности оказывает влияние и то, что некоторые называют «интеллектуальным фоном». В нем существенное место занимает господствующее мировоззрение, т. е. система знаний об отношении человека к окружающей его природной и общественной среде, о его месте в мире, о целях и смысле его жизни и деятельности. Для того чтобы ученый с определенной социальной целью выполнял свои функции в развитии познания, он должен осознать себя, постигнуть всеобщие законы развития природы и общества, понять свое место в системе существующих общественных отношений, иметь свои идеалы как человека и ученого.

Роль этого «интеллектуального фона» в развитии науки трудно выразить в количественных отношениях, точно подсчитать. Он выступает как бы тем незримым фактором, который существенно сказывается в самые критические моменты в жизни ученого: в момент ломки научных теорий, когда остро ощущается потребность в выдвижении новых идей, которые формально, логически не следуют из предшествующих знаний и не обосновываются непосредственно опытными данными. «Утвердившийся взгляд на науку, — пишет Дж. Бернал, — описывает ее законы и теории как закономерные и даже логические выводы из экспериментально установленных фактов. Сомнительно, чтобы при наличии такого ограничения существовала какая-нибудь наука. Законы, гипотезы, теории науки имеют большее значение, чем объективные факты, на объяснение которых они претендуют. Многие из них обязательно в значительной мере отражают общую ненаучную интеллектуальную атмосферу своего времени, которая неизбежно обусловливает деятельность каждого ученого» [12].

Дж. Бернал называет эту интеллектуальную среду ненаучной, но не в смысле «противоположной науке», скажем, религиозной. Нет, речь идет о факторах интеллектуального характера, вытекающих не непосредственно из данной науки, а из всего опыта познания и практической деятельности человека.

Чтобы понять значение научного мировоззрения, в качестве примера возьмем развитие науки в СССР. Сейчас никто не подвергает сомнению огромные успехи нашей

[12] *Дж. Бернал.* Наука в истории общества. М., 1956, стр. 33.

Библиотека "Руниверс"

науки. Зарубежные исследователи ищут причины их, при этом ищут не там, где они кроются. Американский философский журнал «Персоналист» в апрельском номере за 1964 г. пытается объяснить их только планированием, «посредством которого все возможные источники делаются пригодными для какой-нибудь точно определенной цели». Конечно, планирование, хорошая координация деятельности научных учреждений играют известную роль. Но главная причина — социальный строй, социалистические отношения, которые, в частности, создали условия для распространения научного диалектико-материалистического мировоззрения в широких слоях трудящихся. Выросло целое поколение ученых, воспитанных на идеях марксизма-ленинизма, не скованных предрассудками старого общества, религии, обуреваемых познавательным оптимизмом, руководствующихся в своей научной деятельности благородными идеалами служения народу, делу построения коммунистического общества. Это все и составляет интеллектуальный фон, помогающий советским ученым преодолевать заблуждения, отжившие научные традиции, старые теории, смело выдвигать новые идеи. Например, физик, сознательно применяющий метод материалистической диалектики, не будет понапрасну тратить усилия в направлении индетерминистской интерпретации квантовой механики. Нельзя сказать, что он вообще не испытывает трудностей, но от многих из них он свободен, ибо не будет искать решение вопроса там, где его найти нельзя.

Вопрос о значении мировоззрения в творчестве крупных ученых капиталистических стран требует очень тонкого подхода к оценке самого характера их мировоззрения. Очень часто оно бывает заражено предрассудками буржуазного общества по отношению к коммунизму и материализму, но на основе отдельных высказываний мыслителя, даже если они носят идеалистический характер, нельзя делать скоропалительные выводы обо всем мировоззрении. Так, скажем, создав картину сплошной реакционности мировоззрения Н. Бора, А. Эйнштейна, В. Гейзенберга, мы потом сами не можем решить, как же с такими взглядами они могли сделать все то, что они сделали для науки, и зачем тогда вообще нужно научное мировоззрение, если и с реакционным не так плохо получается.

Библиотека "Руниверс"

В действительности же дело обстоит значительно сложнее. Мировоззрение крупных ученых буржуазных стран, как правило, противоречиво. В нем всегда имеются элементы, носящие научный характер. Иногда сам мыслитель не осознает этих элементов, но он стихийно руководствуется ими в своей творческой деятельности. И наоборот, ученый субъективно может разделять идеалистические положения о познании, но в своей лаборатории он ими не пользуется и не может пользоваться, поскольку они не приведут к объективно-истинным результатам.

Научное, диалектико-материалистическое мировоззрение продуктивно работает в виде выработанных им категорий мышления. К теоретическому обобщению фактического материала ученый подходит с определенной логической сетью, состоящей из категорий, в которых закреплен опыт предшествующего познания мира. Он не может теоретически мыслить, не сообразуясь с какой-либо логикой. Но было бы неверно представлять функцию категорий диалектики в виде аппарата, гарантирующего открытия в науке по принципу: знаешь категории диалектики, овладел ими — совершаешь открытия. Процесс научного поиска и открытия очень сложен, он не описывается только логическими понятиями, полностью неформализуем. В противном случае можно было бы сконструировать машину, которая была бы в состоянии за короткое время произвести все открытия и сделать последующее развитие науки ненужным. Нет логики открытия, но есть логика, способствующая научному поиску, направляющая его на достижение в данных условиях максимальных результатов. Основу такой логики и составляет метод материалистической диалектики с ее категориями.

Развитие мышления предполагает свободу творчества не только в социальном, но и в гносеологическом отношении. Практика ставит перед мышлением проблемы, решение которых заранее не предопределено никаким логическим аппаратом. Логически обрабатывая имеющееся знание, совершенствуя правила перехода от знака к знаку, можно, конечно, многое извлечь из достигнутого знания. И аппарат формальной логики здесь является весьма нужным и ничем не заменимым средством. Сила диалектики как метода теоретического мышления состоит не в утверждении своего собственного метода в ка-

Библиотека "Руниверс"

честве единственного и исключительного, а в способности понять и включить в общую систему анализа теоретического знания все другие методы, как более специальные, так и такой общенаучный метод, какой создается на основе формальной логики.

Пренебрежение методом формальной логики приведет к тому, что одна из важных сторон в структуре современного научного знания будет упущена. Этим могут воспользоваться сторонники враждебных материалистической диалектике философских концепций, которые обратят внимание на эту сторону в развитии научного знания и тем самым выдадут свои концепции за философию и логику современной науки. А поскольку ученый нуждается в анализе знания со стороны его структуры, он неминуемо будет видеть в философии, которая дает такой анализ, логику современной науки. На этом, собственно, и завоевал себе некоторый авторитет в научных кругах логический позитивизм.

Диалектика не включает в себя формальную логику как науку, но она включает тот момент, который изучается последней в качестве необходимого элемента функционирования теоретического мышления в процессе его движения к объективной истине. Двигаясь к новым результатам, мысль следует принципам формальной логики, но не только им: ведь она должна прийти к тому понятию, которым ранее наука не оперировала. Одна формальная логика никогда не приведет мышление к этому понятию. Ему надо опираться на содержательные понятия, которые могут его толкнуть к выдвижению новых понятий.

Возникает вопрос: разве мысль абсолютно свободна в выборе понятий, где граница между творческой свободой мышления и произволом? Освободив мысль от оков и деспотии формально-логической дедукции и признав правомерность интуитивного постижения мыслью объекта, мы не должны в то же время оставлять ее движение на произвол судьбы. В таком случае она может пойти по пути мистики, беспочвенного фантазирования или просто сумбура. В своем движении мышление всегда нуждается в какой-то опоре. Такую логическую опору создает предшествующий опыт познания, зафиксированный в философских категориях.

Французский физик Л. Бриллюэн пишет: «Было провозглашено много метафизических учений, в том числе и

Библиотека "Руниверс"

так называемый диалектический материализм. Вскоре оказалось, что все эти искусственные сооружения ограничивают свободу мышления» [13].

Итак, проблема поставлена: создавая категории и направляя мышление на движение в соответствии с их содержанием, ограничивает ли философия свободу мышления? Прежде чем дать ответ на этот вопрос, следует выяснить, что понимается под свободой мышления. Представим себе такую картину. Человечество вдруг освободилось от всех понятий, которые оно имеет, от всех логических форм и законов. Для иррационалиста это недостижимое, но желаемое состояние. И поскольку мышление оказалось бы лишенным понятий и логического аппарата, человечество в своем мышлении было бы абсолютно свободно. Но, видимо, поэтому и не могло бы сделать ни единого шага вперед.

Созданные понятия и вообще логический аппарат несомненно ограничивают свободу мышления, которое в своем движении так или иначе должно сообразоваться с ними. Однако это ограничение свободы идет на пользу мышлению, ведь главное-то не свобода ради свободы, а свобода, приводящая к объективно-истинному результату, к созданию новых научных понятий.

Когда речь идет о категориях философии, то оценивать их роль в мышлении следует не по количеству направлений, в которых они допускают развитие мысли. Чем меньше этих направлений и чем они беднее содержанием, тем большую в количественном отношении свободу выбора допускают. Но от этого их роль не увеличивается. Наоборот, ученый будет опираться на категории, которые более прямым путем, минуя бесконечный перебор возможностей, приведут к искомым результатам, т. е. к новым понятиям.

Формально-логический аппарат вообще не допускает свободы мышления: он устанавливает строгие и однозначные правила перехода от одного знания к другому в логическом исчислении. И такой аппарат нужен, для определенных целей эти точность и строгость необходимы. Но развитие мысли предполагает и такой логический аппарат, который направлял бы мысль в определен-

---

[13] *Л. Бриллюэн.* Научная неопределенность и информация. М., 1966, стр 13.

Библиотека "Руниверс"

ное русло, но одновременно в известных границах допускал бы вариации в ее движении. Эту функцию и выполняют категории диалектики. Своим содержанием они определяют движение мысли. Например, категория детерминизма предполагает, что все явления причинно обусловлены, и она в соответствии с этим содержанием направляет мысль на поиски причин явлений, однако допуская при этом признание бесконечного разнообразия форм причинной связи явлений. Движение мысли может застопориться не потому, что оно определяется категориями, а, наоборот, потому, что отсутствуют категории, которые в сложившейся научной ситуации могут определить возможный путь развития мысли, способ синтеза данных опыта и понятий.

Современная наука накопила огромный фактический материал. Но нет области, где бы не испытывался недостаток в фундаментальных теориях, способных описать, объяснить эти факты и направить науку по пути дальнейшего овладения своим объектом. Фундаментальные теории, которыми живет современное естествознание, родились 40—50 лет тому назад. Для нашего бурного века 50 лет жизни теоретической системы — слишком большой срок. Наука должна быстрее переходить от одной теории к другой, выдвигать новые принципы и строить на их основе новые теории, где прежние теоретические построения выступают частным, предельным случаем. Физика давно ждет новых фундаментальных теорий, физики предупреждают нас, что мы находимся на пороге величайших открытий в теоретической области, однако этих открытий пока нет. Говорят, что для их возникновения нужны принципиально новые, «сумасшедшие» идеи. Но в рождении этих идей определенная роль принадлежит логике, при их выдвижении человеческая мысль напрягает все свои способности, использует весь арсенал своих средств, в том числе и логических. Не исключена возможность, что нужна новая сеть категорий, отражающих уровень и потребности современного научно-теоретического мышления, она послужит мощным толчком для познания вообще и выдвижения новых теорий в науке в частности. Для выдвижения этих теорий физике и другим естественным наукам, возможно, не хватает не фактов, а именно новых философских категорий, способных открыть новый образ теоретического мышления, новый

Библиотека "Руниверс"

способ синтеза накопленного материала: фактов, законов и т. п.

Конечно, мышление, приводящее к выдвижению новых идей, т. е. включающее в себя научное воображение, не обходится без таких логических средств, как дедукция и индукция, однако оно включает еще и нечто, что с точки зрения формальной логики является алогичным, но вообще не является таковым, а именно синтезирующую деятельность мышления на основе выработанных познанием категорий, т. е. синтез, на который толкают мышление практические потребности при разрешении той или иной научной проблемы. Каким бы алогичным он ни казался, он регулируется некоторыми принципами, но иначе, чем в дедуктивном или индуктивном выводе. Роль этих принципов в современном научно-теоретическом мышлении выполняют категории материалистической диалектики. Приведем один пример. В начале нашего века в физике было выдвинуто понятие, сыгравшее революционизирующую роль. Это был «квант». «Можно понять, — пишет Луи де Бройль, — какое существенное влияние было оказано на само направление развития человеческих знаний в тот день, когда кванты исподтишка вошли в науку. В тот самый день величественное и грандиозное здание классической физики было потрясено до самого основания, хотя никто тогда еще и не отдавал себе ясного отчета в этом. В истории науки немного было подземных толчков, сравнимых по силе с этим» [14].

Это понятие не следовало строго логически из предшествующих данных физики (принципов и экспериментов), к нему физики пришли именно на основе творческого воображения, и оно во многом не укладывалось в категории господствующего научно-теоретического мышления эпохи. Однако логика, основывающаяся на идеях Гегеля и К. Маркса, вполне приемлет существование кванта действия, приводящего «к противоречию между концепцией строгой локализации в пространстве и во времени и концепцией динамического развития» [15].

Творческая функция категорий диалектики объясняется тем, что они создаются на более широкой основе,

---

[14] *Луи де Бройль.* Революция в физике (Новая физика и кванты). М., 1963, стр. 7.

[15] Там же, стр 8.

Библиотека "Руниверс"

чем понятия любой конкретной области знания, в них обобщен и экстраполирован опыт всего познания, а не одного какого-либо определенного объекта. Регулирующая роль категорий в процессе творческого мышления состоит в том, что они допускают большие возможности для свободы воображения, оставляя его в границах научно-теоретического мышления.

Нередко раздаются голоса, что категории диалектики недостаточно строги, их содержание не является логически доказанным. Делаются попытки формализовать их, построить на их основе систему выводов. Конечно, нужно заботиться об уточнении, углублении и обогащении категорий материалистической диалектики, но при этом нельзя забывать, что если формализовать их содержание, построить на его основе жесткую систему выводов, то они превратятся в логический канон и потеряют значение орудия продуктивной творческой деятельности мышления. Их сила заключается как раз в том, что они предоставляют определенную свободу для синтетической деятельности разума, направляя научное познание на достижение принципиально новых результатов. Чтобы получить новые идеи, категории должны дать возможность мышлению свободно варьировать, а не только жестко, однозначно связывать его со строго определенными результатами.

Таким образом, категории материалистической диалектики составляют логический аппарат научного теоретического мышления, который служит средством синтеза, создания новых построений, движения от одного понятия к новому, более глубоко постигающему объект.

Может возникнуть вопрос: почему это относится только к категориям диалектики, а какова роль ее законов? Дело в том, что в данном случае законы и категории не разделяются. Законы диалектики реально существуют как связь категорий, а последние своим объективным содержанием имеют объективные закономерности. Нет закона единства и борьбы противоположностей без категорий «единство» и «борьба», «противоположности», но нельзя раскрыть реальное содержание этих категорий, не сформулировав закона единства и борьбы противоположностей. Здесь мы вполне согласны с Е. П. Ситковским, который считает, что посредством категорий отражается некий объективный закон. «В этом смысле, —

Библиотека "Руниверс"

пишет он, — диалектическая логика есть совокупность диалектических категорий, наука о логических категориях, и все эти категории, с одной стороны, суть отображения объективных законов, а с другой стороны, служат законами мышления. Они играют свою роль в так называемом категориальном синтезе» [16].

3. Развитие познания как изменение содержания категорий

Быть логическим аппаратом диалектики — это не «почетная должность» категорий, не «установленная награда за прошлые заслуги и доблести», а свойство, которое они приобрели в процессе исторического развития познания и должны сохранить в процессе своего развития.

Как уже отмечалось ранее, логическое не является чем-то раз навсегда данным, оно извлекается в виде определенных форм, в данном случае в виде категорий, из научного знания в результате его анализа. Жизненна только та логическая основа науки, которая непрерывно пополняется новыми элементами, создающими возможность более эффективного влияния на познавательный процесс.

Материалистическая диалектика и ее категории выполняют функцию метода научного познания. Она призвана направлять человеческую мысль на поиски новых результатов, на создание теорий, раскрывающих тайны природы и общества. Но для этого необходимо, чтобы категории диалектики всегда находились на уровне современного научного познания.

Теоретическая система строится на основе определенной структуры философских категорий, причем сам ученый может этого факта и не осознавать. Однако нельзя пользоваться одной и той же системой категорий вечно. С изменением уровня теоретического знания требуется и новая система категорий.

Какие же требования предъявляются к категориям современной научной философии, т. е. диалектическому материализму?

---

[16] *Е. П. Ситковский.* Принципы научной систематики категорий диалектической логики. — «Диалектика и логика научного познания». Материалы Совещания по современным проблемам материалистической диалектики, 7—9 апреля 1965 г. М., 1966, стр. 84.

Библиотека "Руниверс"

М. Маркович полагает, что диалектика является теорией наивысшего уровня, критически и рационально оценивающей наши будущие действия: «Она охватывает наиболее общие принципы человеческой практики в целом, в том числе, в качестве особых случаев, мышление и научное исследование» [17].

И это верно, категории диалектики — это принципы человеческой деятельности: практической и теоретической. Но что их делает таковыми, почему именно они обеспечивают ее успех? В связи с этим всегда возникает проблема объективного содержания категорий, способных в той мере обеспечить успех нашей практической и теоретической деятельности, в которой они, с одной стороны, отражают саму объективную реальность и, с другой — правильно определяют пути ее преобразования для потребностей человечества.

Поэтому здесь возможны две крайности. Или единственная цель категорий заключается в фиксировании того, что объективно существует (это действительно может привести к апологетике действительности), или ее цель в стремлении к построению проекций мира, исходящих из интересов субъекта, не связанных с объективным учетом возможностей развития объекта. Сейчас можно столкнуться со многими так называемыми гуманистическими концепциями, ценность которых, по мнению их авторов, состоит уже в том, что они стремятся к гуманизации общества. А на чем основывается эта гуманизация, их не интересует, человечество должно быть благодарным им уже за то, что они хотят сделать человека человеком. Больше того, сомнения в предлагаемых ими средствах воспринимаются как недоверие к самим гуманистическим стремлениям.

Да, категории диалектики — принципы деятельности человека, однако постольку, поскольку они постигают объективную природу объекта в той мере, в какой это возможно на данном уровне развития человечества, и поскольку они выявляют субъективные стремления, вытекающие из этого содержания. Иными словами, категории диалектики должны стоять на уровне современной

---

[17] *М. Маркович.* Проблемы диалектики природы. — Материалы к симпозиуму «Диалектика и современное естествознание» (Москва, 26—29 октября 1966 г.), вып. 4, стр. 58.

Библиотека "Руниверс"

практики, т. е. отражать объект в соответствии с возможностями современной науки и субъективными устремлениями передовых сил современного общества. Если же обращать внимание только на какую-либо одну сторону — соответствие данным науки или гуманизацию жизни, то попадешь либо в бесперспективный объективизм, либо в оторванный от реальности гуманизм, способный лишь на прекраснодушную фразу. А это означает, что категории диалектики всегда должны сочетать в себе возможную на современном уровне науки объективность со столь же высокой целеустремленностью в преобразовании мира на благо человечества.

Эта целеустремленность присуща не только некоторым категориям, непосредственно связанным с отражением законов развития общества, но всем без исключения категориям. Но здесь возникает вопрос: а может ли содержание философских категорий вступать в противоречие с достигнутыми результатами познания?

Поскольку категории диалектики являются обобщением предшествующего опыта познания и преобразования мира, т. е. связаны с определенным уровнем человеческого знания, а не априорны, новые результаты познания могут не укладываться в содержание имеющихся философских категорий. Категории материалистической диалектики содержательны, в них обобщен, синтезирован предшествующий опыт познания мира. Это означает, что они связаны также с определенной ступенью развития человечества и его знания, одновременно суверенны и несуверенны, абсолютны и относительны. Материалистическая диалектика обосновывает такой же подход и к естественнонаучным понятиям. Возьмем, например, понятие «жизнь», сформулированное Ф. Энгельсом в «Анти-Дюринге». Жизнь есть форма движения материи, а более конкретно — *«способ существования белковых тел»*. Несуверенность, относительность последней части этого определения очевидна: исходя из современных научных представлений белок не является единственным носителем жизни. Сам Ф. Энгельс писал, что «белковое тело понимается здесь в смысле современной химии» [18].

[18] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 82.

Библиотека "Руниверс"

времени. Философия посредством экстраполяции и предвидения может выйти за пределы непосредственных данных современной ей науки, но этот выход сам по себе ограничен рамками научного знания определенного времени. Положение Ф. Энгельса о том, что «с каждым составляющим эпоху открытием даже в естественно-исторической области материализм неизбежно должен менять свою форму», как раз основывается на этой природе философских понятий.

Конечно, отношение между философскими категориями и новыми научными результатами имеет свои особенности. Необходимо учитывать то обстоятельство, что в категориях материалистической диалектики отражены наиболее общие закономерности движения материи, в них учтен опыт познания во всех отраслях научного знания. Но это говорит только о том, что противоречие между содержанием философских категорий и новыми результатами научного знания, связанное с очень крупными, эпохальными открытиями, возникает сравнительно редко, но в принципе возможность таких противоречий существует.

Противоречие между теоретическим уровнем познания эпохи и осмыслением его в философских категориях может достигнуть таких размеров, что будет существенно тормозить образование новых фундаментальных теорий в науке, для которых требуется логическая сетка иной структуры, с новыми категориями и новым содержанием прежних категорий. В таком случае развитие науки может пойти по пути нахождения новых эмпирических данных без их глубокого теоретического осмысления.

Теоретически возможность противоречий между философскими категориями и новыми результатами научного знания не вызывает особых возражений и представляется иногда даже само собой разумеющейся, но этого мало, надо делать практический вывод, которым может быть только одно — непрерывное обогащение философских категорий новым содержанием, соответствующим уровню познания эпохи.

В самом деле, в науке, в частности в естествознании, происходит революция, начавшаяся на рубеже двух столетий. Эта революция коренным образом изменила наши представления о природе. Все ли сделали наши фило-

Библиотека "Руниверс"

софы, чтобы привести содержание категорий материалистической диалектики в соответствие с данными современной науки? Нам представляется, что работа в этом отношении только началась, она коснулась пока лишь отдельных проблем. Здесь особенно сказалось то обстоятельство, что долгое время наши философы по-настоящему не занимались разработкой категорий материалистической диалектики. Сейчас положение изменилось в том отношении, что проблематика категорий в исследовательской работе по философии занимает подобающее ей место. Но главное в этом — изменение категорий на базе обобщения нового опыта познания и практики — остается все еще в стороне. В самом деле, что же сделано в разработке категорий материалистической диалектики за последнее время?

Категории диалектики стали самостоятельной проблематикой в исследовательской работе и в курсе диалектического материализма. Советские философы проделали определенную работу по уточнению содержания отдельных категорий соответственно данным современной науки. Особенно это относится к категориям причины и следствия, которые оказались в центре внимания в связи с новыми данными физической науки, в частности квантовой механики.

Уровень современной науки и общественной практики требует дальнейшего развития системы категорий материалистической диалектики. Поставим перед собой такие вопросы: возможно ли возникновение совершенно новых философских категорий; все ли категории, возникшие в предшествующей философии, сохраняют свое прежнее значение; какова вообще закономерность в развитии философских категорий, происходит ли там процесс отмирания одних категорий и возникновение других, или раз возникшие на основе некоторой научной практики философские категории продолжают вечно существовать, только несколько модифицируясь? Раз философия — наука, а не предмет слепой веры, то, очевидно, развитие ее категорий подчиняется общим диалектическим законам, т. е. включает в себя как изменение и уточнение содержания прежних понятий, так и возникновение новых и отмирание старых.

Нам хотелось бы остановиться на этой последней стороне вопроса, поскольку практика развития познания

Библиотека "Руниверс"

сейчас особенно остро ставит вопрос о дальнейшем обогащении самой системы философских категорий.

Развитие познания и общественной практики ведет к изменению предмета самой философии и ее отношения к другим наукам. Изменение предмета философии — факт, обстоятельно доказанный в нашей литературе. Однако из этого факта не сделано выводов относительно философских категорий: каким образом он влияет на их состав, систему и содержание, какие категории уходят и какие на их место приходят, как меняется содержание прежних категорий.

В самом деле, многие исходные философские категории сформировались тогда, когда философия обнимала всю совокупность знания, была наукой наук, пытавшейся охватить мир в целом, открыть первосущность всех вещей. Потом произошли существенные изменения в самой философской проблематике, многие вопросы, которые ранее были философскими, становились предметами специальных наук, а перед философией возникали новые задачи.

Изменение предмета философии нашло отражение в ее категориях. Например, центральной категорией в античной философии была первопричина, первая сущность, ибо сама философия ставила своей задачей отыскание такой первопричины, первой сущности всех явлений действительности. Материалистическая диалектика в соответствии с данными современной науки сняла саму проблему поисков первосущности, а вместе с ней и саму эту категорию. Более того, коренным образом изменилось содержание самой категории сущности. Нет просто категории сущности, и мы не ставим вопроса о том, что является сущностью — единичная вещь, материя, форма и т. п., как это, скажем, имело место в философии Аристотеля. Поиски сущности, как таковой, становятся беспредметными, сущность правомерно рассматривать только в связи с явлением.

Большую работу по переосмыслению философских категорий провел Ф. Энгельс, который не ограничился материалистическим истолкованием системы категорий, данной Гегелем, а привел ее содержание в соответствие с данными современного ему естествознания, причем система категорий, которая характеризовала материализм К. Маркса и Ф. Энгельса, значительно опережала непо-

Библиотека "Руниверс"

средственные результаты естествознания. Возьмем, например, понятия пространства и времени. Энгельс жил в эпоху, когда в физике никакого иного, кроме ньютоновского, подхода к этим понятиям не существовало. Однако он, следуя логике диалектического материализма, рассматривал эти категории совсем по-иному, во многом предвосхищая результаты физики XX в.

В. И. Ленин находился у колыбели происшедшей на грани двух столетий революции в естествознании, ознаменовавшейся прежде всего эпохальными открытиями в физике. Для диалектического материализма эти открытия не были неожиданностью, они соответствовали его категориям. Однако они требовали гносеологических обобщений, давали ранее неизвестный фактический материал для обогащения категорий новым содержанием. В. И. Ленин много сделал в этом направлении, начиная с центральной категории диалектического материализма — материи. Продолжая традиции крупнейших философов прошлого, он не ограничился только тем, что непосредственно давала наука его времени, а в своих философских выводах шел значительно дальше. Вспомним его положение о неисчерпаемости электрона, о категории отражения, выражающей свойства, присущие всей материи. Ведь только сейчас естественная наука дает конкретный материал об этой способности, лежащей в фундаменте материи. В начале XX в. В. И. Ленин, следуя внутренней логике развития категорий диалектического материализма, ставил перед наукой новую проблему.

Таким образом, категории диалектического материализма должны не только соответствовать данным науки, но и предвосхищать новые результаты, открывать широкие возможности для научного творчества, вести его в определенном направлении. Философия, которая задним числом фиксирует то, что достигнуто другими науками, излишня и бесполезна, она не может выполнять функции всеобщего метода познания. Но предвосхищать новые результаты она должна не путем создания умозрительных конструкций мира, как натурфилософия, а, оставаясь на почве строгой науки, она должна экстраполировать научные данные без вымысла, по законам развития самой науки. Источник такой способности категорий материалистической диалектики идти дальше непосред-

Библиотека "Руниверс"

ственных результатов науки своего времени кроется в том, что они возникают и развиваются на основе обобщения всего опыта познания и практического переустройства мира, в них происходит синтез (а не простое суммирование) знания самых различных областей науки. Этот синтез и рождает новые идеи, на основе которых возникает новый подход к явлениям действительности. В. И. Ленин писал: «Продолжение дела Гегеля и Маркса должно состоять в *диалектической* обработке истории человеческой мысли, науки и техники» [19].

Что собой представляет диалектическая обработка истории науки и техники, каковы ее результаты? Одно время на данные истории науки и техники смотрели главным образом как на материал, подтверждающий истинность законов и категорий диалектического материализма. Конечно, диалектика подтверждается ходом исторического развития познания, но философская обработка результатов истории науки и техники имеет своей основной целью не нахождение фактов, подтверждающих материалистическую диалектику (у нас нет сомнения в ее истинности), а обнаружение тенденций в движении научного знания, требующего развития категорий философии, внесения в их сетку необходимых изменений, чтобы она дала возможность уловить в объекте ранее недоступное.

В. И. Ленин положил начало осмыслению результатов новейшей революции в естествознании. Он ставил своей задачей понять сущность этой революции и обогатить категории диалектического материализма новым содержанием. Но неправильно думать, что он все сделал в этом направлении. Да и не мог он этого осуществить хотя бы потому, что многие открытия или только еще совершались при его жизни (например, теория относительности), или произошли после его смерти, положив начало новым научным направлениям (квантовая механика, ядерная физика, теория элементарных частиц, проникновение в мир наследственного вещества, кибернетика и т. п.).

Эти и другие достижения науки существенно изменили наши представления о природе и законах движения явлений в ней. Некоторые зарубежные ученые считают,

---

[19] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 131.

Библиотека "Руниверс"

что новейшие открытия физики уже не укладываются в рамки категорий диалектического материализма. Вот что В. Гейзенберг пишет об истолковании результатов квантовой механики физиками, стоящими на позиции диалектического материализма: «...как трудно втиснуть новые идеи в старую систему понятий предшествующей философии, или, употребляя старинное выражение, как трудно наполнить новым вином старые мехи. Такие попытки всегда неприятны, потому что заставляют снова и снова заниматься латанием неизбежных дыр в старых мехах, вместо того чтобы наслаждаться новым вином. С точки зрения здравого смысла нельзя ожидать, что мыслители, создавшие диалектический материализм более ста лет назад, могли предвидеть развитие квантовой теории. Их представления о материи и реальности не могут быть приспособлены к результатам нашей сегодняшней утонченной экспериментальной техники» [20].

Конечно, В. Гейзенберг глубоко ошибается, считая, что категории диалектического материализма не работают в современной физике. Опыт показывает, что современные физики-теоретики, например в вопросах соотношения субъекта и объекта в познании, только сейчас приходят к тому, что было известно в марксизме более ста лет назад. Они считают откровением новой физики положение, что объект постигается субъективно, в форме чувственно-материальной человеческой практики, включающей опыт физических наблюдений, эксперимент и другие исследования. Конечно, в квантовой теории физики столкнулись с новой для них ситуацией, в частности с задачами, связанными с учетом и измерением влияния прибора на изучаемый объект, однако в общем теоретико-познавательном плане мысль, что человек познает объект постольку, поскольку воздействует на него и изменяет с помощью своих орудий, в том числе и физических приборов, содержится уже в «Тезисах о Фейербахе» К. Маркса и является исходным пунктом диалектико-материалистического мировоззрения.

Но глубоко ошибочно также представлять, будто в категориях материалистической диалектики предусмотрены все возможные открытия науки и что в этом своем

---

[20] *В. Гейзенберг* Физика и философия. М., 1963, стр. 112.

Библиотека "Руниверс"

содержании категории способны всегда успешно направлять ее развитие. Если бы это было так, то это были бы не категории науки, а магические орудия, обладающие сверхъестественной силой. Нет, уже современные открытия в науке требуют совершенствования старых и выдвижения новых категорий, которые были бы способны обобщать практику познания и преобразования мира. Чтобы и впредь категории диалектического материализма шли значительно дальше непосредственных результатов науки, они должны непрерывно изменять свое содержание, развиваться, *поскольку категории философии как научные понятия вообще не отбрасываются в ходе движения науки, подобно старым мехам, а развиваются.*

Категория причинности в диалектическом материализме оказалась способной перенести крах лапласовского детерминизма в физике, но, чтобы она смогла выдержать еще более революционные сдвиги в науке, которые сейчас ученым кажутся невероятными, необходимо внимательно изучить и синтезировать все результаты современной науки в ее главных, решающих тенденциях. К этому нас призывает опыт Ф. Энгельса и В. И. Ленина.

Культ личности затормозил развитие философии, задержал этот процесс, направив энергию философов не на глубокий анализ данных науки, необходимый для обогащения философских категорий, а на комментирование довольно простых философских положений. Это привело к ослаблению союза философии и естествознания, представители естественных наук перестали понимать язык некоторых философов, поскольку он отставал от современной науки.

В решении проблемы обогащения философских категорий на основе обобщения данных современной науки нельзя идти путем простого включения в категории понятий современной науки. Превращение понятия информации в ранг философской категории и замена им категории отражения будет шагом назад, а не вперед. Задача философов была бы слишком простой, если бы она состояла в том, чтобы отобрать из современной науки понятия, обладающие большой степенью общности, и включить их в систему философских категорий.

Если последовательно проводить эту линию, то неминуемо принятие позитивистского взгляда, согласно кото-

Библиотека "Руниверс"

рому философия современной науке не нужна, последняя сама вырабатывает понятия большой общности, которыми могут быть заменены устаревшие категории философии.

Но проблема как раз и состоит в том, чтобы, не подменяя философскими категориями понятий специальных наук, а также не превращая последние в новые философские категории, непрерывно изменять содержание философских категорий, включать в их систему новые, но именно *философские* категории, возникающие на базе обобщения результатов современного познания. Возникает задача переосмысления на основе нового опыта познания ранее возникших и сформировавшихся философских категорий Эта задача относится к числу вечных.

Тревожным является тот факт, что при разработке категорий наши исследователи обращают внимание почти исключительно на опыт естествознания, в частности физики Однако даже такие категории, как пространство и время, конечное и бесконечное, являясь всеобщим принципом построения научных теорий, имеют отношение и к познанию общественных наук. Возьмем, к примеру, категорию времени, которая, если дело будет продолжаться так и дальше, скоро перестанет быть философской, ибо при ее разработке учитывается в основном опыт физики, в частности теории относительности, и забывается, что человеческое бытие тоже имеет время, а история в не меньшей мере, чем физика, является наукой о времени, конечном и бесконечном.

Экзистенциализм, полагая, что бытие — это прежде всего существование человека, сделал категорию времени центральной Правда, он абсолютно абстрагируется от данных современного естествознания Не лучше поступаем и мы, философы-марксисты, когда при разработке данной категории, как, впрочем, и других, почти не интересуемся опытом наук о человеке Получается, что категории диалектического материализма отражают только природу, а категории исторического материализма — общество Но это не так, а потому категории времени, конечного и бесконечного и т. п., являясь принципами человеческой практики и мышления, не могут плодотворно развиваться, если в их содержании не учитывать развитие человеческого общества, через которое нам дается природа.

Библиотека "Руниверс"

При мысли о том, что время от времени в соответствии с эпохальными открытиями в науке категории диалектики необходимо пересматривать, некоторых охватывает догматический страх. Не посягаем ли мы в таком случае на что-то священное, абсолютное? Категории диалектики действительно абсолютны, но только в своем движении, развитии.

Догматизм опасен везде, но особенно в философии, так как она призвана направлять движение познания, а не омертвлять его. Попытки превратить в догму положения марксистской диалектики, представить их вечными и неизменными истинами опасны не только для развития философии, но и для познания в целом. Такие попытки, к сожалению, имеют место у некоторых «теоретиков» марксизма. В литературе при рассмотрении содержания марксистско-ленинской философии употребляется термин «вечная истина марксизма-ленинизма». Авторы его думают тем самым возвысить наше мировоззрение, а на самом деле они приравнивают его положения к банальным истинам вроде «дважды два — четыре», «птицы имеют клюв», «Волга впадает в Каспийское море». Марксизм-ленинизм силен не тем, что обладает набором некоторых положений, которые находятся на уровне «вечных истин», а, как всякая наука, своей способностью к изменению, к получению нового знания, полнее, всестороннее и точнее отражающего объективную реальность, т. е. способностью в своем развитии не отходить от объекта, а ближе, полнее, конкретнее его постигать.

Говоря о влиянии современного естествознания на изменение категориальной сети научно-теоретического мышления, нельзя не указать на пункты, где необходимость этого изменения особенно остро ощущается.

Прежде всего ход развития современного естествознания ставит вопрос об изменении в таких категориях, как форма движения материи, атрибут материи, вид материи, бесконечное и конечное и т. п, которые ближе всего стоят к соответствующим понятиям естествознания: физики, космологии и т. д. В этих категориях материалистической диалектики больше всего, можно сказать, сохранилось классики, т. е. экстраполяции представлений, взятых из классического естествознания. Отбрасывать эти категории ни в коем случае нельзя, наука вообще не развивается путем зряшного отрицания

Библиотека "Руниверс"

прежних понятий, она устанавливает пределы их применения и дополняет новыми понятиями. Например, современное естествознание ощущает необходимость установления значения категории «форма движения материи» и дополнения его категориями, характеризующими уровень организации материальных образований. Философская мысль над этим уже давно бьется.

Не напрасно ставится в нашей литературе и вопрос о таких категориях, как элемент и структура. Современное научно-теоретическое мышление видит через них что-то новое в вещах и их отношениях. Мы не говорим сейчас о конкретных решениях понятия структуры, которые предлагаются в нашей литературе, но поиски философской мысли в этом вопросе вполне оправданы.

Другим полем, к которому должна быть прикована наша философская мысль, является процесс реализации научных знаний, практическое использование научно обоснованных идей для дальнейшего развития социалистической действительности, гуманизация всей общественной жизни. Детальная разработка категорий этого плана окажет серьезное влияние на весь ход мышления и практики человека.

Наконец, философия, осознавая свою собственную историю в движении категорий, вырабатывает понятийный аппарат, т. е. исследования истории философской мысли в логическом плане создают определенный понятийный аппарат для ее полного и всестороннего исторического анализа. А это означает, что от уровня развития философии, выработанных ею понятий зависит оценка достижений предшествующей философии. Иногда нельзя понять, чего добилась предшествующая философия, только потому, что современная философия не включала ее результатов в качестве необходимого своего элемента.

Историко-философская наука должна непрестанно заботиться о совершенствовании и обогащении своих средств, и прежде всего о четкости и строгости определений основных понятий, с которыми она подходит к исследованию философских систем. Отсутствие такой строгости, импровизация при употреблении таких понятий, как «материализм», «идеализм», «диалектика», «метафизика» и т. п., могут привести к субъективизму в историко-философском исследовании. В отдельных работах по истории философии встречалось расширительное тол-

Библиотека "Руниверс"

кование понятий материализма и идеализма, когда они связывались не только с определенным решением основного вопроса философии, но и с отношением к другим, в том числе и естественнонаучным, теориям. Исследователи говорили об идеалистическом характере травопольной системы земледелия, связывали материализм с определенными биологическими концепциями в понимании наследственности и ее носителей и т. п. Подобные импровизации относительно фундаментальных понятий нашей науки отрицательно сказываются на точности и объективности историко-философских исследований.

Однако дело не может ограничиться только соблюдением строгости в применении понятий в историко-философском исследовании, необходимо дальнейшее их развитие и обогащение. В самом деле, первоначально эти понятия возникают на достаточно богатой, но ограниченной исторической базе. В дальнейшем исследователь сталкивается с более богатой исторической действительностью и обнаруживает узость своих понятий для ее характеристики. И тут возникает вопрос, включить ли в данное понятие новый момент или, может быть, вообще образовать новое, более содержательное понятие.

Обратимся к истории. Для характеристики воззрений западноевропейских и русских мыслителей XIX в. было образовано понятие «революционная демократия». Оно выражало определенную историческую тенденцию, связанную с революционным преобразованием феодального строя, которое объективно должно было привести к буржуазной демократии, а субъективно воспринималось как социализм. Понятие революционного демократизма хорошо выражает сущность воззрений мыслителей, не знавших или не воспринявших марксизм и в середине XIX в. выступавших за революционные преобразования, опираясь на крестьянские массы в тех странах, где еще не было покончено с феодализмом. Но уже в конце XIX и особенно в XX в. появились мыслители, которые также стояли за революционный путь ликвидации феодализма, также субъективно не были сторонниками буржуазного пути развития, но они уже усвоили и включили в свое мировоззрение некоторые положения марксизма даже на ленинском этапе его развития.

Как стесненно должны себя «чувствовать» такие украинские мыслители, как И. Франко, Леся Украинка,

Библиотека "Руниверс"

М. Коцюбинский, когда их просто относят к революционным демократам, стоявшим в решении всех вопросов на домарксистских позициях! Реакцией на такое искусственное втискивание их в рамки революционного демократизма домарксистского типа является другое неверное толкование, когда они рассматриваются как марксисты, но не в полной мере разделявшие позиции марксизма.

Кажется еще большей натяжкой, когда под понятие революционного демократа подводятся мыслители нашего времени, в особенности из стран, освобождающихся от колониального рабства. Субъективно они также выступают за некапиталистический путь развития, но можно ли их отождествлять с Белинским, Чернышевским, Шевченко, Лесей Украинкой и т. д.? Иная эпоха, иные условия, иная культурная и историческая основа, иначе ставятся и решаются проблемы, хотя, конечно, некоторое сходство в воззрениях можно обнаружить и у революционеров-демократов XIX в., и у лидеров национально-освободительного движения стран Азии и Африки в наше время.

Тут и возникает вопрос о природе мировоззрения последних. Марксистами их назвать нельзя, но и понятие революционного демократа для них тоже становится тесным. Ведь одно дело, когда мыслитель выступает за революционный путь решения задач буржуазной революции в условиях существования только капиталистических стран, когда он еще не знаком или не приемлет марксизма, и другое дело, когда он вступает на этот путь в период практического назревания социалистической революции и даже победы социализма в некоторых странах, причем в теориях мыслителей уже находит осмысление опыт социалистических преобразований, теоретических положений марксизма.

Тут надо либо существенно обогащать новыми моментами понятие революционного демократизма, либо создавать другое понятие, адекватное данной исторической действительности. И это касается не только понятия революционного демократизма, но и многих других понятий, которые при соприкосновении с богатством и многообразием исторического развития философских идей требуют конкретизации, включения в их содержание новых моментов, а может быть, и коренного изменения их.

Библиотека "Руниверс"

Для историко-философского анализа нужны не просто понятия современной философии, а понятия, взятые в процессе их развития, с различными модификациями, имевшими место в истории. Этот понятийный аппарат вырабатывается в процессе обобщения всего опыта развития философской мысли, он возникает не на голом месте, а на конкретном историческом материале — обобщении развития мысли в различных странах и в разное время.

4. Проблема системы категорий диалектики

В этом параграфе автор, увы, не может предложить построенной системы категорий диалектики. Опять речь пойдет только о проблеме системы категорий.

Основные категории материалистической диалектики сформировались в XIX в. на основе обобщения опыта развития философии и экстраполяции результатов предшествующей науки. В последующем вносились только некоторые изменения и дополнения в отдельные категории. Что касается системы категорий, образующей логику, то Гегель создал такую логику, и она сыграла свою историческую роль; в частности, о ней нельзя не вспомнить, говоря о таком событии в истории науки, как появление «Капитала» К. Маркса. И К. Маркс и В. И. Ленин отмечали значение «Логики» Гегеля в создании этого величайшего творения человеческого духа и ставили задачу выработать новую логику, систему категорий материалистической диалектики, которая бы опиралась на всю историю познания мира и его преобразования.

Конечно, в «Капитале» К. Маркса определенная система категорий, Логика, вплетена в ткань науки — политической экономии капиталистического общества, и она не тождественна системе категорий гегелевской логики.

Современный ученый хотел бы от философа не просто получить совет: «Читай «Капитал» К. Маркса и там найдешь систему диалектических категорий». В дополнение к этому весьма полезному совету он хотел бы иметь систему категорий диалектического мышления в чистом, логическом виде, причем уже такой, которая бы учитывала уровень развития современного научного знания,

Библиотека "Руниверс"

происшедшие в последнее время изменения в его структуре, в формах получения теоретических построений и способах их доказательства. Не учитывать этих изменений в характере и устремлениях современного научно-теоретического мышления нельзя, иначе построенная система категорий, логика, не будет работать в науке, способствовать достижению новых результатов.

Хотя здесь не может быть полной аналогии, все же нельзя не отметить мобильности формальной логики в отношении учета потребностей современной науки. Она не только сделала значительный шаг вперед по сравнению с аристотелевской силлогистикой и бэконовско-миллевскими методами индукции, за последнее столетие она не только существенно преобразовала свое традиционное содержание, но и создала множество новых исчислений, значительно приобщивших ее к потребностям и особенностям современной науки. В области разработки диалектической логики необходима не меньшая оперативность и мобильность, потребности в ее логических средствах чрезвычайно велики, наука остро нуждается в системе категорий, которая дала бы мощный толчок ее развитию, созданию новых теоретических категорий.

В советской философской литературе поставлен и оживленно обсуждается вопрос о системе категорий и путях ее построения. В решении этой большой задачи немаловажная роль принадлежит выявлению принципов ее построения, ответу на вопрос, какой мы хотим ее видеть.

Некоторые авторы полагают, что наша задача в данном случае — дать материалистический аналог гегелевской логики. «Пока еще нет того, — пишет Ситковский, — что Ленин называл «Логикой с большой буквы», которая представляла бы собой не популярное изложение философии диалектического материализма, а была бы материалистической аналогией гегелевской «Науки логики»»[21].

Нам этот путь не представляется весьма перспективным. Конечно, можно дать материалистический коммен-

---

[21] *Е. П. Ситковский.* Принципы научной систематики категорий диалектической логики. — «Диалектика и логика научного познания».

Библиотека "Руниверс"

тарий к логике Гегеля, больше того, материалистическая переработка гегелевской системы категорий была бы весьма полезной в каком-то отношении, но ни в коем случае ее не следует принимать за разрешение проблемы построения системы категорий.

Дело в том, что в системе категорий философии отражены особенности научно-теоретического мышления эпохи и его устремления.

Категории, выявленные и подвергнутые анализу Аристотелем, выражали уровень мышления античного времени и устремления возникающего научного знания. Поэтому они еще долго определяли ход развития мышления, вплоть до нового времени, когда возникло современное естествознание. Логическая система эмпирической и рационалистической философии нового времени выдвинула ряд новых категорий, внесла изменения и дополнения в аристотелевскую логику и выразила потребность в создании системы, связанной с развивающимся естествознанием.

В гегелевской системе категорий нашел отражение уровень научно-теоретического мышления XVIII — первой половины XIX в., т. е. науки в момент ее становления. Ведь по существу тогда была только математика, но не было по-настоящему ни физики, ни химии, ни биологии, которые в своих основных разделах сложились в XIX в., не говоря уже об истории и других науках об обществе.

Величайшее значение гегелевской логики состоит в том, что ее категории шли дальше науки своего времени, многие ученые XIX в. в отношении метода научно-теоретического мышления так и не встали на уровень категорий гегелевской диалектики, погрязнув в эмпиризме. Поэтому она, конечно, предвосхитила развитие науки в XIX в. Но это не означает, что научно-теоретическое мышление не способно выйти или уже не вышло за пределы категорий гегелевской логики, что она предопределяла и будет определять ход развития научного познания на вечные времена, на что претендовал сам ее творец; кто сейчас полагает, что гегелевская система кате-

---

Материалы Совещания по современным проблемам материалистической диалектики. 7—9 апреля 1965 г., стр. 69—70.

Библиотека "Руниверс"

горий с материалистическими коррективами выражает устремления мышления современной науки, тот объективно оправдывает эти ее претензии на абсолютность.

Наука и общественная жизнь нашего времени далеко не те, что во времена Гегеля, поэтому требуется такая система категорий, которая отражала бы характерные особенности современного научно-теоретического мышления и его устремления в будущее. При построении этой системы необходимо учитывать весь опыт философской мысли, в том числе и гегелевской логической системы, но уже нельзя ограничиться ее переработкой. Да и сам Гегель, строя свою систему категорий, не пошел по пути внесения коррективов в предшествующие системы, в частности в аристотелевскую. Он построил новую логическую систему.

В работах, посвященных проблемам системы и субординации категорий, довольно обстоятельно выяснены исходные принципы построения такой системы. Почти все пришли к выводу, что в ее построении необходимо исходить из принципов совпадения диалектики, логики и теории познания, восхождения от абстрактного к конкретному и единства логического и исторического. Все подчеркивают значение мысли В. И. Ленина: «Категории надо *вывести* (а не произвольно или механически взять) (не „рассказывая"; не „уверяя", а *доказывая*)...»[22]

Авторы работ о категориях диалектики приложили немало таблиц, в которых известные категории, разделенные на группы, излагаются в некотором порядке, причем эти таблицы во многом похожи друг на друга. И, несмотря на это, построение системы категорий остается проблемой. Почему?

Прежде всего всем ясно, что система категорий не формулирование принципов и составление таблицы, а развертывание содержания диалектического материализма в системе категорий. К сожалению, на научно обоснованное фундаментальное изложение диалектического материализма как системы категорий не может претендовать ни одна из существующих книг по диалектическому материализму. Это остается задачей философов-марксистов. Но отсюда не следует, что у нас вооб-

---

[22] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 86.

Библиотека "Руниверс"

ще отсутствует система категорий диалектики. В том или ином виде она присутствует в любом курсе, в любом учебнике диалектического материализма. Другое дело, что она не удовлетворяет нас, не выражает диалектического материализма на современном его уровне.

Ф. Энгельс высказал мысль, что фундаментальные открытия в науке приводят к изменению формы материализма. У нас часто задают вопрос: что это означает — «изменение формы материализма»? Механистический, метафизический материализм соответствует уровню науки XVII—XVIII вв.; диалектический материализм возник и развивался, обобщая развитие научного знания XIX в. Как отразилась на материализме революция в науке, начавшаяся в конце XIX в.? Должна ли она привести к смене его формы? Означает ли это, что должен быть какой-то иной, недиалектический, а, может быть, сверхдиалектический материализм?

Конечно, нет. Наука не опровергла диалектики, а подтвердила ее и поставила перед ней ряд проблем. Изменение формы материализма вообще выражается в изменении содержания старых категорий, в возникновении новых категорий, в создании новой системы.

Недостаток таблиц категорий, предлагаемых в настоящее время, состоит именно в том, что они оперируют категориями, существовавшими в философии и более ста лет тому назад. Ни в одной из этих таблиц почти не вводится ни одной новой категории, выражающей особенности современного научно-теоретического мышления и его устремления в будущее. А как ни переставляй категории в таблице, как их ни тасуй, новой системы, выражающей нынешнюю форму диалектического материализма, не получишь. Е. П. Ситковский вообще полагает, что наша логика должна только восстановить полноту гегелевской системы категорий и в соответствии с ее принципами разбить их на три раздела: бытие, сущность, понятие. В таком случае введение новой пары категорий вроде структуры и элемента кажется ненужной отсебятиной.

Эта инерция, боязнь отойти от уже известного набора категорий и их традиционного толкования приводят к топтанию на месте в решении этой важной проблемы. Можно вполне понять Э. В. Ильенкова, когда он пишет: «Прежде чем развивать категории логики, надо дать

Библиотека "Руниверс"

убедительные доказательства, что вы уже владеете этими категориями хотя бы на том уровне, на котором владел ими Маркс в «Капитале»»[23]. Прав он и в критике представлений, «будто философия хороша тогда, когда тащится в хвосте за естествознанием, поддакивает всем высказываниям авторитетных естествеиников. . .»[24].

Но предположим, наши философы «исправятся» — овладеют системой категорий Гегеля, восстановят «полностью классическое теоретическое наследие диалектики, все действительное богатство логических категорий»[25], будут правильно понимать, что роль философии не в поддакивании естественникам; что же им все-таки делать, как развивать диалектический материализм, чтобы он действительно всегда стоял на уровне задач практики и познания? Быть достойным классического наследства диалектики — значит уметь не только правильно усваивать, но и развивать его. Да, не надо плестись в хвосте у естествознания, нужно идти впереди, уметь вести его. Но при этом надо знать, кого ведешь, каковы потребности современной науки, учитывать все это в логических категориях.

Тот факт, что некоторые работы по диалектике не находятся на уровне классического наследства, не снимает с философии задачи: осваивая это наследие, идти вперед, готовиться к созданию системы категорий, соответствующей современной общественной и научной практике.

Проблема системы категорий в основном ставится и решается пока в одном плане — нахождения такой системы категорий, которая наиболее полно, последовательно и глубоко развертывала бы все содержание диалектического материализма. Эта задача действительно важная, и ее решение в конечном счете и завершится созданием Логики нашего времени как системы категорий научно-теоретического мышления. «Однако, — пишет А. М. Минасян, — созданием такой системы, как бы последняя ни была необходима и к тому же совершенна,

---

[23] *Э. В. Ильенков.* О роли классического наследства в развитии категорий материалистической диалектики. — «Диалектика и логика научного познания». Материалы Совещания по современным проблемам материалистической диалектики, 7—9 апреля 1965 г., стр. 141.

[24] Там же, стр. 142.

[25] Там же, стр. 145.

Библиотека "Руниверс"

не исчерпывается вопрос о субординации категорий логики» [26].

Система категорий необходима не только для выражения всей глубины содержания философии, но и как орудие, средство научного познания. Поэтому необходимо изучение систем категорий (их может быть очень много), функционирующих в познании того или иного объекта.

Создание категориальных структур, лежащих в основе той или иной естественнонаучной теории, — одна из задач логического анализа науки. Например, квантовая механика построена на категориальной структуре: причина — следствие, необходимость — случайность, возможность — действительность; специальная теория относительности — на структуре категорий: пространство — время, движение — материя [27].

На этом пути философия постигает, как работают практически категории в науке, выясняет требования научного познания к категориям логики, определяет новые понятия, носящие категориальный характер, выявляет современные фундаментальные теории, чтобы обратить на них внимание, экстраполировать и двинуться к новым теориям. Нужна не просто сетка связанных между собой категорий, а такая их структура, которая продуктивно работает в период становления и развития научной теории.

Всестороннее развитие материалистической диалектики как системы категорий — залог успешного развития философии и укрепления ее связей с бурно развивающейся наукой нашего времени.

ГЛАВА VI

НАУКА КАК ЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

1. Наука как прикладная логика

Логическая система создается для выражения существа знания и как арсенал средств его движения. В качестве адекватной формы знания выступает наука.

[26] *А. М. Минасян.* О субординации категорий диалектики. — Там же, стр. 107.

[27] См. «Логика научного исследования». Отв. ред. П. В. Копнин, М. В. Попович. М., 1965, гл. десятая.

Библиотека "Руниверс"

Самый поверхностный анализ показывает, что знание имеет место в любой форме общественного сознания. Нет надобности доказывать, что искусство во всех своих жанрах базируется на познании объективной реальности, на знании мира вещей и человеческих отношений. Кто пытается это отрицать, тот ставит себя в положение человека, нелепо и бессмысленно противящегося установленным фактам.

Но разве только такая форма общественного сознания, как искусство, основывается на знании? Правовые, моральные нормы тоже основаны на знании. Моральная норма прямо говорит «не убей»; правовая добавляет, что если убьешь, то по уголовному кодексу можешь получить такое-то наказание; произведение искусства может показать аморальность и преступность, глубину падения личности, посягающей на жизнь своего ближнего.

А этика, юриспруденция и эстетика вскрывают знания, лежащие в основе моральных, правовых норм, в основе произведений искусств, указывают пути, какими люди к ним пришли, устанавливают ограниченность познания, лежащего в основе конкретных моральных и правовых норм, в основе произведений искусства и т. п.

В философской литературе принято говорить о двух формах познания — художественном и научном, а моральное, правовое и, можно сказать, религиозное знание не выделяются. Религиозные догмы и обряды основаны тоже на знании, а многие обряды религии по-своему создают художественные образы.

И правильно, что не выделяют правового, морального и религиозного видов знания, ибо таковых нет, точно так же как и художественного. Если речь идет о знании, дающем объективную истину в доказательной форме, то таковым является только научное знание. Наука — это и есть форма, к которой стремятся знания в своем развитии. Ненаучное знание существует как: 1) ложное, или, вернее, лжезнание, которое дают, скажем, идеалистическая философия и религиозные легенды; 2) незрелое знание, основанное на эмпирическом наблюдении, истинность которого не только не доказана, но и весьма сомнительна. И то и другое преодолевается, человечество стремится оперировать знанием, носящим научный характер, — объективно-истинным и доказательным. Наша

Библиотека "Руниверс"

мораль, право и искусство не могут составлять исключения и должны основываться на научном знании эпохи.

Однако сами по себе они не являются особыми формами и видами знания. Функция морали, права и т. д. как форм сознания состоит отнюдь не в том, чтобы снабжать человечество новой информацией о природе и человеке. Основываясь на знании, каждая из них имеет свое место в жизни общественного организма.

Логика — это наука о знании, человеческое знание едино, и поэтому можно сказать, что существует только одна логика, т. е. логика научного знания. Однако часто говорят о логике искусства, морали и т. п. Здесь термин логика употребляется в том значении, которое имело древнегреческое слово λογος — закон. Правомерно говорить о законах развития искусства в целом и о законах движения образов в нем, о взаимосвязи исторических форм нравственности и отдельных норм в ней и т. п. Поскольку и искусство, и право, и мораль имеют дело со знанием, то они должны сообразовываться с той единой логикой, которая вскрывает законы и формы движения мышления, т. е. с логикой научного знания.

Одним из важнейших положений, имеющих большое значение для понимания процесса развития научного знания, является утверждение, что «всякая наука — прикладная логика». Эта мысль была высказана Гегелем. Под прикладной логикой в отличие от чистой он понимал конкретное познание, совершающееся в различных науках.

На эту мысль Гегеля обратил внимание В. И. Ленин [1], считая ее принципиально важной. В каком отношении наука выступает прикладной логикой? По мнению Гегеля, всякая наука — прикладная логика, «поскольку она состоит в том, чтобы облекать свой предмет в формы мысли и понятия» [2]. Но этого недостаточно для характеристики науки как прикладной логики. Логическая природа науки заключается не только в том, что в ней предмет схватывается в отличие от искусства в системе абстракций. Наука — прикладная логика, ибо она создает средства движения знания к новым результатам.

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т 29, стр. 193.
[2] *Гегель.* Соч , т. VI, стр. 221

Библиотека "Руниверс"

Всякая наука на основе своих теоретических построений создает правила, регулирующие дальнейшее движение познания своего предмета. Где есть правила движения мысли, там есть логика.

Всякая отрасль науки (включая и такие, как эстетика, этика, юриспруденция) — прикладная логика, поскольку ее правила движения мысли приложимы к строго определенному, своему предмету. Формальная логика и диалектика — «теоретические» логики, так как их правила и формы применимы к познанию любого объекта.

Логика — это теоретический образ научного знания, причем не только такой, каким он существует, но и в некоторой идеальной форме. Поэтому логика изучает структуру и формы движения знания как в целом, так и в отдельных областях, т. е. в науках. Она выводит из них логические принципы и формы и толкает научное знание на развитие в соответствии с ними. Поэтому для логики очень важно идти несколько впереди достигнутого уровня знания, схватывать не только его состояние, но и тенденцию развития.

Наука — прикладная логика. Это означает прежде всего, что она логически организованная система теорий, а не механическая совокупность их. Именно в этой связи теорий заключается особенность науки как системы знания. Система нигде не является самоцелью, она выступает средством решения каких-то задач; в науке она строится с несколькими целями: 1) достигнутые результаты познания выявить во всей полноте, 2) использовать полученное знание для движения к новым результатам. Во втором случае система становится методом. Зрелость науки определяется ее методом, наличие которого свидетельствует о способности возникшей системы знания к саморазвитию, обогащению новыми положениями. «Критерием научности теории, — пишет М. Б. Туровский, — является степень ее зрелости для того, чтобы выступить в качестве метода. Этот критерий историчен, ибо степень зрелости теоретического мышления определенной эпохи производна от степени и формы развития практической деятельности. Движение практического и теоретического знания предмета приобретает форму метода лишь на определенном, достаточно высоком уровне, а именно тогда, когда оно в состоянии отдать себе отчет в том, что воспроизведение предмета совершается

Библиотека "Руниверс"

им согласно сущности, иначе говоря, внутренней закономерности предмета» [3].

На эту сторону науки сейчас обращают внимание многие зарубежные исследователи. Так, например, Пауль Фридман, подчеркивая динамичность науки, пишет: «Наиболее важный атрибут науки не знания, а ее способность к приобретению знаний. Знания, которые содержит наука, ограничены, часто фрагментарны и неточны, всегда подвержены пересмотру. Способность же науки увеличивать знания неограничена» [4].

Действительно, история познания показывает, что в науках все большую роль играют методы, создаются системы знания как орудия приращения знаний. Причем, как справедливо отмечает Г. Клаус, в период становления любой науки «метод не опирается на какую-либо разработанную теорию. Именно кибернетика очень отчетливо показала нам, что мы можем обладать методом подхода к вещам еще тогда, когда структура этих вещей и их точный способ поведения не совсем известны» [5], т. е. человек, имеющий знания, стремится как можно быстрее использовать их для получения новых знаний, не дожидаясь, когда эти знания будут приведены в строгую и относительно законченную систему.

Система и метод в науке взаимосвязаны. В качестве объективной основы научного метода выступает система знания, отражающая закономерности движения изучаемого предмета. Но само по себе познание объективных закономерностей еще не составляет метода, необходимо на основе этого познания выработать приемы, способы теоретического и практического постижения объекта. Система науки непосредственно направлена на полное выражение достигнутого знания свойств и закономерностей объекта. Задачей метода науки является достижение новых результатов, в нем зафиксированы

---

[3] *М. Б. Туровский.* Диалектика как метод построения теории. — «Вопросы философии», 1965, № 2, стр. 51.

[4] *P. Fridman.* The Principles of Scientific Research. London, 1960, p. 2.

Морис Р. Коэн саму науку охарактеризовал как «метод утверждения и указания способов, с помощью которых следует искать систематическое познание» (*М. Р. Коэн.* Американская мысль. М., 1958, стр. 84).

[5] *Г. Клаус.* Кибернетика и философия. М., 1963, стр. 191.

Библиотека "Руниверс"

способы движения к ним, в нем как бы воедино соединяются познанное в объективном мире с человеческой целенаправленностью на дальнейшее познание и преобразование объекта. Система научного знания реализует себя в методе познания и практического действия.

2. Элементы логической структуры науки

Наука как система знания имеет свою структуру, выполняющую определенные логические функции.

Трудно говорить о логической структуре науки того периода, когда она существовала в форме нерасчлененного целого. Самые различные положения относились к науке вообще, а к философии — только на том основании, что она выражала стремление к познанию. У науки вообще не могло быть никакой логической структуры, потому что не существовало никакого прообраза ее, т. е. не было создано строгих научных теорий с определенной структурой, системой доказательства и т. п. Фиксация некоторых фактов, гениальные догадки, фантастические представления и т. п. — вот что составляло содержание нерасчлененной науки. Из этих элементов знания наука не могла позаимствовать логическую структуру. Она стала приобретать ее, когда из нерасчлененной науки начали выделяться отдельные отрасли с относительно строгими научными теориями.

Приобретение наукой логической структуры предполагает прежде всего более или менее строгое выделение предмета ее изучения, особенности которого во многом определяют ее. Первой в истории строгой научной системой, имеющей ярко выраженную логическую структуру, является геометрия, изложенная в «Началах» Евклида. В ней, во-первых, очерчен предмет — простейшие пространственные формы и отношения; во-вторых, знание приведено в определенную логическую последовательность: сначала идут определения, постулаты и аксиомы, потом формулировки теорем с доказательствами. В ней выработаны основные понятия, выражающие ее предмет, метод доказательства, и она по праву считается одним из первых образцов дедуктивной системы теорий, хотя с современной точки зрения как аксиоматическая система она весьма несовершенна, прежде всего из-за отсут-

Библиотека "Руниверс"

ствия весьма необходимого ряда аксиом (движения, конгруэнтности).

«Начала» Евклида долгое время служили примером совершенной логической структуры науки. Философы XVII в., например Спиноза, пытались построить философию по схеме «Начал». Но это не обогатило философию, поскольку логическая схема, заимствованная из геометрии Евклида, не была органически связана с содержанием философского знания в системе Спинозы.

Превращение «Начал» Евклида в идеал логической структуры всякой науки не оправдало себя не только потому, что последующая геометрия обнаружила в них изъяны и выдвинула более совершенную аксиоматическую систему построения геометрии, а главным образом потому, что зрелое научное познание породило множество типов построения науки. Уже в новое время (XVII—XVIII вв.) стали возникать научные системы, которые были связаны с эмпирическим исследованием природы и логическая структура которых не была идентична «Началам» Евклида. В связи с этим возникло представление о двух противоположных системах построения научного знания — дедуктивной и индуктивной. Строгость доказательства, связанная со сведением всех теорий к небольшому числу аксиом, постулатов, принципов, была на стороне дедуктивных наук (математики и математического естествознания); очевидная связь с опытом и экспериментом, служащая источником рождения новых идей, смелых гипотез, была преимуществом индуктивных наук.

Однако в ходе развития научного знания это резкое противопоставление индуктивных и дедуктивных наук было снято. Обнаружилось, что чисто дедуктивных и чисто индуктивных наук нет. Индукция и дедукция в единстве применяются во всех без исключения науках. Математика дедуктивна по характеру построения своих теорий, но возникновение и развитие их связано также с опытом и индукцией [6]. Связь с опытом и индукцией в математике проявляется часто через физику, которая, по

[6] Известный математик Д. Пойа пишет: «Метод, с помощью которого ученый имеет дело с опытом, обычно называется *индукцией*. Особенно ясные примеры метода индукции можно найти в математическом исследовании» (*Д. Пойа.* Математика и правдоподобные рассуждения. М., 1957, стр. 22).

Библиотека "Руниверс"

справедливому замечанию Пуанкаре, дает математикам «повод к решению проблем», помогает найти к этому средства, подсказывает «ход рассуждений»[7]. Индукция, основанная на опыте, не находит применения в доказательстве математических теорем в силу проблематичности ее выводного утверждения. «Математик, — пишет Д. Пойа, — подобно натуралисту, проверяя некоторые следствия предполагаемого общего закона с помощью нового наблюдения, обращается с вопросом к природе: «Я подозреваю, что этот закон верен. Верен ли он?» Если следствие ясно опровергается, то закон не может быть верен. Если следствие ясно подтверждается, то имеется некоторое указание, что закон может быть верен. Природа может ответить «Да» или «Нет», но она шепчет один ответ и громогласно произносит другой; ее «Да» условно, ее «Нет» определенно»[8].

Но не следует думать, что в математике имеются только строго доказанные дедуктивные теории. В ней, как и во всякой другой науке, имеются гипотезы, допущения, которые еще и не доказаны и не опровергнуты. Правда, они входят в нее только как проблемы, которые будут считаться решенными, когда будут найдены доказательства. В других науках теории, находящиеся на уровне научных гипотез, входят в их основное содержание.

С другой стороны, стремление к созданию дедуктивных теорий со строгими доказательствами характерно сейчас для многих наук, считавшихся индуктивными. Возникновение таких теорий в науках о природе и обществе свидетельствует об их зрелости; обычно она связывается с проникновением в науку математических методов изучения объектов, а вместе с ними и того способа построения теорий, который свойствен математике. Несомненным можно считать, что в будущем все науки будут стремиться к созданию именно таких теорий, преимущества которых неоспоримы. А по образу этих теорий будут строиться и их системы, т. е. будут предприняты попытки превратить всю отрасль знаний в некоторую систему дедуктивного типа.

Таким образом, жесткое деление наук на дедуктив-

---

[7] *А. Пуанкаре.* Ценность науки. М., 1906, стр. 108.

[8] *Д. Пойа.* Математика и правдоподобные рассуждения, стр. 29.

Библиотека "Руниверс"

ные и индуктивные теряет свой смысл, деление же теорий на эти типы сохраняет свое значение, ибо никогда не исчезнут теории, доказательство которых основывается на опыте и индукции, поскольку никогда не прекратится процесс возникновения новых теорий.

Конечно, науки различаются по их предмету, степени зрелости их развития. Поэтому можно говорить о своеобразии логической структуры каждой науки. Но эти специфические особенности могут быть вскрыты специалистами каждой отдельной области, и они представляют интерес только для них. Для логики же научного исследования чрезвычайно важно выявить логическую структуру построения науки вообще. Само собой разумеется, что эта структура будет носить до некоторой степени характер идеала, к которому должны стремиться науки в своем развитии.

Нельзя выявить логическую структуру науки путем сравнения структур различных отраслей знания на всех этапах их исторического развития и нахождения общего в их построении. Во-первых, это требует большой работы и овладения всеми областями знания, на что претендовать в наше время кроме всего прочего нескромно; во-вторых, и это главное, такое сравнение и нахождение общего даст ничтожно мало и не будет служить развитию отдельных отраслей знания, не достигших необходимой научной зрелости. Например, если сравнить логические структуры современной математики и географии и выделить общее в них, то оно будет чрезвычайно бедным, ограниченным: то и другое является системой знания о некотором предмете. Но это ничего не даст для развития не только математики, но и географии, которая по своей логической строгости и точности уступает не только математическим, но и многим другим наукам. Поэтому существует только один путь — рассматривать современные зрелые отрасли научного знания, в которых наиболее четко выражена и уже осмыслена структура; на основе анализа этих отраслей знания попытаться уловить тенденцию в развитии структуры науки, образующую реальный идеал научного знания. Элементами логической структуры науки являются: 1) основания, 2) законы, 3) основные понятия, 4) теории, 5) идеи.

Основания науки. Необходимо выделить два рода оснований науки: 1) находящиеся за ее пределами;

Библиотека "Руниверс"

2) входящие в саму систему науки. Основанием всякой науки и всего знания в целом является материальная действительность и практическая деятельность человека. Первая составляет объективное содержание всякой науки, поскольку все науки в конечном счете имеют дело с отражением закономерностей движения явлений объективного мира. Вторая — критерий истинности научных теорий, в который упирается всякое доказательство.

Но ни сама материальная действительность, ни практика, как таковые, не входят в систему какой-либо одной науки и даже науки в целом. Они включаются в систему научного знания уже отраженными в сознании человека: одно — в виде теорий, принципов, аксиом, законов науки и т. п.; другое — в форме определенного логического способа построения и доказательства научных теорий. В первой отражены закономерности, свойства объективной реальности; во второй в форме логических фигур закрепляется практическая деятельность человека, которая, как писал В. И. Ленин, **«МИЛЛИАРДЫ РАЗ ДОЛЖНА БЫЛА ПРИВОДИТЬ СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА К ПОВТОРЕНИЮ РАЗНЫХ ЛОГИЧЕСКИХ ФИГУР, ДАБЫ ЭТИ ФИГУРЫ МОГЛИ ПОЛУЧИТЬ ЗНАЧЕНИЕ АКСИОМ»**[9].

Выявление оснований науки, входящих в ее систему, имеет огромное значение для развития исследований изучаемого ею предмета. Как показал опыт развития математики, ранее других наук занявшейся проблемами своего обоснования, решение этих проблем благотворно сказалось не только на развитии самой математики, но и на развитии других наук, в частности логики. К сожалению, кроме математики, науки еще очень робко переходят к изучению своих оснований. Видимо, это объясняется тем, что в своем развитии они еще не достигли уровня, при котором без решения проблем основания трудно двигаться дальше в познании своего предмета.

В решении вопроса об основаниях науки мы будем исходить прежде всего из примера математики, и в частности такой ее области, как геометрия, которая в решении этого вопроса достигла высокой степени зрелости.

Собственно, основания науки, входящие в ее систему, составляют прежде всего те теоретические положения,

[9] *В. И. Ленин* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 172.

Библиотека "Руниверс"

которые выражают общие закономерности предмета данной науки, раскрываемые в какой-то мере с определенной стороны во всех ее теориях. Эти положения принимаются за основу при логическом построении данной науки. Например, в геометрии этими положениями выступают ее аксиомы, раскрываемые в виде определений, постулатов и общих понятий.

Положения, служащие основанием науки, связывают ее с материальной действительностью, причем либо непосредственно, либо через положения, входящие в систему какой-то другой науки. В системе данной науки они не имеют строгого доказательства своей истинности. Последняя или доказывается путем выведения этих положений из суждений другой науки, носящих более общий характер, или устанавливается путем обобщения опыта всего научного познания и практики жизни, в том числе и развертывания содержания предмета данной науки. Логическое доказательство рано или поздно упирается в нечто, что выходит за пределы логики в сферу непосредственно материальной деятельности человека.

Выявляя основания науки, важно решить вопрос о полноте и логической непротиворечивости составляющих ее положений, при этом под последней понимается только непротиворечивость, как она понимается формальной логикой.

Вторым моментом оснований науки является логический арсенал доказательств, используемых в ней. Сама по себе логика, как формальная, так и диалектическая, не составляет основания какой-то одной, отдельно взятой, науки. Эти две логики в качестве средств доказательства и движения к новым результатам лежат в основе всего научного знания в целом. Но каждая наука применительно к потребностям исследования своего предмета выбирает из общего логического арсенала те средства, которые соответствуют ее задачам. При этом она может обнаружить недостаточность имеющихся логических средств для решения стоящих перед ней задач. Тогда она поставит перед логикой проблемы и попытается в определенной мере их решить, обогащая тем самым и общую логику, и ее конкретное применение к исследованию своего предмета. Так было с математикой, которая уже к концу XIX в. обнаружила, что без решения некоторых логических вопросов невозможна плодотвор-

Библиотека "Руниверс"

ная разработка многих собственно математических проблем, в особенности таких, как выводимость и невыводимость положений из некоторых посылок, разрешимость или неразрешимость задач определенными средствами и методами.

В результате разработки логической проблематики применительно к потребностям математики было решено одновременно две задачи: 1) формальная логика поднялась на новую ступень своего развития; 2) была изучена, довольно глубоко и подробно, структура и сущность математической теории и особенности ее доказательства, что составляет одно из оснований данной науки.

Что касается других наук, в особенности тех, которые широко пользуются опытом и основанным на нем индуктивным умозаключением, то следует отметить попытки разработки методов построения физических теорий, имеющихся в статье «Физика» акад. С. И. Вавилова [10], который дает критический анализ трем методам построения теории в физике: модельных гипотез, принципов и математических гипотез.

С. И. Вавилов положил начало анализу средств построения и доказательства теорий в физике. Совсем не случайно это сделано в статье «Физика» для энциклопедии, ставящей своей задачей выявить предмет данной науки, ее основания, в том числе и логические. Идеи С. И. Вавилова сыграли большую роль, в частности, для выявления сущности и особенностей такого метода, как математическая гипотеза, что, с одной стороны, расширяет и углубляет учение логики о гипотезе, а с другой — дает возможность глубже осознать сущность и особенности современной физики.

О том, какое значение в современной науке приобретают вопросы выявления ее оснований, свидетельствует возникновение метанаук и метатеорий [11].

---

[10] *С. Вавилов.* Собр. соч., т. 3. М., 1956.

[11] Некоторые исследователи диалектическую логику рассматривают в качестве метанауки по отношению к формальной, поскольку первая дает гносеологическое обоснование формально-логическим системам. Так, И. С. Нарский пишет: «Диалектической логике присуща, следовательно, функция теоретико-познавательного и методологического обоснования формальной логики в целом, то есть она играет роль своего рода метанауки по отношению к формальной логике» (*И. С. Нарский.* Современный позитивизм, стр. 104).

Библиотека "Руниверс"

Может показаться, что разработка проблем метанауки не имеет эвристического значения, не способствует открытию данной наукой новых закономерностей, свойств, явлений материального мира, представляя своего рода теоретическую роскошь. Но это далеко не так. Пример математики показывает, что метатеоремы позволяют принять некоторые положения без доказательства в каждом отдельном случае.

Опыт показывает, что отдельные отрасли знания можно построить дедуктивно, исходя из небольшого числа аксиом, используя выработанный логический аппарат. Возникает заманчивая идея: нельзя ли содержание этих аксиом свести к некоторым логическим принципам и, таким образом, свести науку к замкнутой формальной системе? Такую попытку предприняли формалисты (направление в обосновании математики). Они задались целью на основе аппарата математической логики свести содержание математики к непротиворечивому символическому исчислению, в котором символы ничего из реального мира не обозначают.

Несостоятельность этих стремлений была доказана средствами математической логики. Согласно теореме К. Гёделя, даже арифметика натуральных чисел не может быть полностью формализована, т. е. содержательно-истинные положения элементарной арифметики не могут быть дедуцированы из конечного числа аксиом и правил вывода, а в принципе вообще любая богатая выводами формальная система не может быть доказана логическими средствами, допускающими формализацию в этой же системе.

Теорема К. Гёделя имеет большое значение для опровержения неверных в специальном и философском отношении построений формалистов, отрывавших развитие науки от материальной действительности и практической деятельности. Если основания любой науки можно свести к аксиомам и правилам вывода, то даже при правильном толковании последних это означает превращение науки в замкнутую неразвивающуюся формальную

Здесь мы хотим обратить внимание на два слова — «своего рода», т. е. только в строго определенном ограниченном смысле диалектическая логика может рассматриваться как метанаука по отношению к формальной.

Библиотека "Руниверс"

систему, имеющую дело с весьма ограниченным содержанием, за пределы которого она в принципе выйти не может. А поскольку формалисты дают конвенционалистские толкования аксиомам и правилам вывода, то наука вообще изолируется от реального мира, превращаясь в конечном счете в систему знаков, не выходящую за их пределы.

История наук показывает, что развитие наук связано с выдвижением новых содержательных положений, выходящих за пределы прежних теоретических систем и служащих основанием для построения новых. Больше того, развитие наук ставит вопрос о новой логике, новых средствах построения и доказательства теорий. А это тем более исключает возможность сведения оснований науки к ограниченному числу логических принципов.

Законы науки. Если основания стоят на верхней ступени иерархии логической структуры науки, то законы — на самой нижней. Все твердо установленные законы науки по существу выполняют функцию фактической базы науки [12], это — утверждения, отражающие предмет данной науки и носящие всеобщий характер. Законы как особый вид фактов носят достоверный характер, в процессе развития науки они не опровергаются, изменяется только область их приложений. Примером могут служить законы механики Ньютона или геометрии Евклида. Законы науки — объективно-истинны и в силу этого обладают определенной степенью инвариантности.

Функция законов в построении науки многообразна. Прежде всего они выступают в качестве принципов истинного знания, содержащегося в данной науке. Понятия «закон» и «принцип» в науке одностепенны и трудно различимы. Закон становится принципом, когда он выполняет логическую функцию в систематизации знания, служит исходным положением в построении теории, в достижении нового знания. Законы составляют костяк теоретических построений, а открытие закона — одна из главных задач всякого научного исследования.

---

[12] Может показаться, что нижнюю границу логической структуры науки составляют факты. Но это не так, ибо факты входят в структуру науки только в их теоретически обобщенном виде, в форме законов науки, ее понятий и т. п. Не будучи обобщенными, т. е. не став законом, понятием, факты находятся еще за пределами логической структуры науки.

Библиотека "Руниверс"

Основные понятия науки. Основания, законы науки существуют в форме понятий или их системы. Наука отражает свой предмет в понятиях, без которых нельзя построить ни одной теории. Понятия науки по своему месту и значению неравнозначны. Есть понятия фундаментальные для данной науки, они отражают общие закономерности изучаемого ею предмета и имеют отношение по существу ко всем ее теориям. Например, в философии марксизма такими понятиями являются «материя», «сознание», «движение» и т. п., в современной физике — понятия «поле», «частица» и т. п. Кроме фундаментальных есть понятия науки, относящиеся только к отдельным ее теориям, они отражают не общие закономерности предмета данной науки, а отдельные его стороны, моменты.

Особое значение имеют фундаментальные понятия науки и их анализ. Н. И. Лобачевский в связи с этим писал: «Первые понятия, с которых начинается какая-нибудь наука, должны быть ясны и приведены к самому меньшему числу» [13]. История науки показывает, что анализ и пересмотр исходных понятий иногда приводят к поистине революционным изменениям в ней.

Теория является средоточием знания. В ней оно достигает определенной степени полноты и завершенности, приобретая относительно безусловный характер. Отдельно взятые понятия науки абстрактны и субъективны. Как писал В. И. Ленин, «логические понятия субъективны, пока остаются „абстрактными“ в своей абстрактной форме, но в то же время выражают и вещи в себе. Природа *и* конкретна *и* абстрактна, *и* явление *и* суть, *и* мгновение *и* отношение. Человеческие понятия субъективны в своей абстрактности, оторванности, но объективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике» [14]. В теории, которая является выражением некоторого целого, тенденцией развития предмета, проявляется объективность содержания понятий науки. Теория — особая форма познания, имеющая свою структуру. Что характерно для теории? В различных науках теории возникают и строятся по-разному, они различаются по степени

---

[13] *Н. И. Лобачевский.* Полн. собр. соч., т. I. М.—Л., 1946, стр. 186.
[14] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 190.

Библиотека "Руниверс"

обоснованности и доказательности (есть достоверные теории, а есть теории-гипотезы). Однако существует нечто общее для всех теорий независимо от того, каковы их содержание и структура Прежде всего всякая теория представляет *собой* систему знания Здесь имеется в виду то, что в научной теории суждения и понятия определенным образом связаны между собой, образуя некоторую целостность. Значение системы и системности в развитии познания огромно Объективная конкретная истина выражена не в отдельно взятых суждениях или понятиях, а в их системе. Только в системе достигается всесторонний охват предмета, процесс его развития. Такой наиболее зрелой и развитой системой является научная теория.

Но не всякая совокупность понятий и суждений составляет научную теорию. Необходимо, чтобы эта система знания давала описание и объяснение явлению или группе явлечий, вскрывала закономерные связи, знание которых необходимо для практической и теоретической деятельности человека.

Наконец, суждения и понятия в теории составляют некоторое единство, находящее свое выражение в объединяющем начале, отражающем важнейшую для данной совокупности явлений связь. Таким образом, теорию можно определить так: это система научного знания, описывающая и объясняющая некоторую совокупность явлений и сводящая открытые в данной области закономерные связи к единому объединяющему началу. В этом определении дана характеристика теорий в идеальной форме. Не каждая ныне существующая в науке теория в полной мере отвечает этим требованиям, но каждая должна стремиться быть такой системой знания

Современная формальная логика видит в теории язык — систему знаков, связанных между собой по некоторым заранее заданным правилам, и только с этой стороны она занимается логическим анализом теории.

Функция теории — не только приводить в систему достигнутые результаты познания, но и служить путем к новым законам, понятиям, глубже и полнее отражающим исследуемый предмет. И. П. Павлов в связи с этим отмечал: «Настоящая законная научная теория должна не только охватывать весь существующий материал, но и

Библиотека "Руниверс"

открывать широкую возможность дальнейшего изучения» [15].

Теория по своей природе эвристична, она всегда прокладывает дорогу к обнаружению новых фактов и законов Поэтому неоправданным является стремление некоторых ученых воздерживаться от построения теории до тех пор, пока не будут собраны все факты. Не только путь к теории лежит через факты, но и, наоборот, выдвижение теоретического построения — необходимое условие для установления новых фактов. Существует даже такое истолкование этого положения: «Наука должна начинаться с фактов и кончаться фактами независимо от того, какие теоретические структуры она строит между ними» [16]. Сначала ученый наблюдает, потом он описывает то, что видел и что ожидает увидеть в будущем, затем он делает предсказания на основе своих теорий, которые он также испытывает фактами.

Получается, что теория — только средство общения с фактами, которые составляют альфу и омегу науки. Конечно, факты играют огромную роль в науке, но превращать последнюю в собрание фактов так же ошибочно, как и игнорировать их роль. Теория ведет к обнаружению новых фактов, но не только в этом ее роль в науке. Она дает целостное знание о предмете, вскрывает его закономерности, что не может быть постигнуто в других формах знания.

Теория имеет свою логику развития. Одной из особенностей развития знания в науке начиная с конца XIX в. является вопрос интеграции теорий, создание так называемых объединительных теорий: ряд теорий объединяются в одну на основе единой идеи. Объединение теорий, созданных в разное время для объяснения разных явлений, в одну рассматривается как доказательство движения знания по пути объективной истины. Так, например, известный физик Макс Лауэ по этому поводу пишет: «...*история физики постоянно дает нам все новые примеры* того, как две совершенно независимые, развитые различными школами теории, например оптика и термодинамика... или волновая теория рентгеновских лучей и атомная теория кристаллов... неожиданно сходятся и

[15] *И. П. Павлов.* Двадцатилетний опыт. М.—Л., 1938, стр. 566.
[16] *J. G. Kemeny* A Philosopher Looks at Science. Toronto, London, New York, 1959, p 85.

Библиотека "Руниверс"

свободно соединяются друг с другом. Кто смог испытать в течение своей жизни подобное в высшей степени поразительное событие или по крайней мере в состоянии мысленно его испытать, тот не сомневается больше в том, что сходящиеся теории содержат если не полную истину, то все же значительное ядро объективной, свободной от человеческих прибавлений истины. Иначе надо было бы рассматривать соединение этих теорий как чудо» [17].

Такое объединение теорий — явление, свойственное не только физике, но и другим областям науки, больше того, объединяются теории, созданные в разных науках.

Для понимания сути этого процесса необходимо выяснить логико-гносеологическую функцию идеи.

Идея занимает особое место среди элементов логической структуры науки. В ней органически соединяются два момента, необходимые для науки: объективно-истинное отражение действительности и создание форм ее преобразования с установлением средств практической реализации их. Первый момент выражает как бы созерцательную сторону знания, а второй — действенно-практическую. Но в идее они не расчленены, а слиты воедино. При этом не только без первого момента не существует второго, но и, наоборот, подлинная объективность знания достигается только в процессе создания форм преобразования действительности и их практической реализации. Благодаря этой особенности идея выступает своеобразным гносеологическим идеалом, к которому стремится познание. В конечном счете наука создает теории для того, чтобы образовать идеи — формы, основываясь на которых человек осуществляет свои цели по преобразованию действительности. Знание, чтобы утвердить себя в мире, должно стать идеей. В силу этого совпадение субъективного и объективного достигает в идее с точки зрения возможностей человечества на данном уровне развития высшей формы, происходит как бы слияние их.

В идее объективное подымается до уровня целей и стремлений субъекта, созданный объективно-истинный образ становится его внутренней потребностью, тем, что он должен внести в мир в процессе своей практической деятельности. Это с одной стороны. А с другой — в идее цели и стремления человека приобретают объективный

[17] *М. Лауэ* История физики. М, 1956, стр. 13

Библиотека "Руниверс"

характер, они не чужды объективному миру, а в силу своей объективной истинности через материальную деятельность сами становятся объективной реальностью. Эта сторона идеи подчеркивалась и гипертрофировалась идеализмом, который выделял только одно — каким образом субъективное (идея) предшествует вещи и становится через деятельность человека объективной реальностью, затушевывая при этом другую сторону: как объективно существующий предмет через ту же самую деятельность субъекта становится идеей.

Чтобы образовать идею, необходимо знание не только об объекте, но и о субъекте, его целях и стремлениях, общественных потребностях, наконец, знание о знании, т. е. о средствах и путях преобразования действительности, воплощения теоретического знания в жизнь.

Идея выступает в качестве гносеологического идеала в нескольких отношениях: 1) в ней в концентрированном виде выражены достижения научного знания; 2) внутри себя она содержит стремление к практической реализации, к своему материальному воплощению, утверждению себя; 3) содержит знание о самой себе, о путях и средствах своей объективизации. Но во всех этих отношениях идея как идеал относительна, она высшая форма объективно-истинного знания (в определенных исторических рамках), стремится реализовать себя, но сама не может этого сделать, полностью на данном уровне развития практики не реализуется, и, наконец, она относительна и в осознании самой себя, и в выявлении средств собственной реализации. Поэтому всякая научная идея — исторически преходящий идеал познания, который со временем перестает быть идеалом, субъект достигает знания большей объективности и полноты, с бóльшими реальными возможностями для практической реализации, а потому создает новый идеал. Как писал В. И. Ленин, «идея имеет в себе и сильнейшее противоречие, покой (для мышления человека) состоит в твердости и уверенности, с которой он вечно создает (это противоречие мысли с объектом) и вечно преодолевает его...»[18].

Своеобразие идеи состоит также в том, что в ней теоретическое познание по существу развивается до порога самоотрицания. Знание намечает переход в иную сфе-

[18] *В. И Ленин* Полн собр соч, т. 29, стр. 177.

Библиотека "Руниверс"

ру — практическую, в результате этого перехода в мире возникают новые явления и вещи.

Идея реализуется не только в практической, но и в теоретической деятельности человека. В строении науки идея выполняет синтезирующую функцию, объединяет знание в некоторую единую систему — теорию или систему теорий. Синтезирующая функция идеи вытекает из ее природы. В идее выражено познание фундаментальной закономерности, которое дает основу для объединения понятий или даже теорий. В идее знание достигает высшей степени объективности, что и создает условие для синтеза предшествующего знания.

Но синтезирующая функция — это как бы прошлое ее, она показывает, что может дать новая идея для ранее добытого знания, как она может организовать это знание. Но идея теоретически и практически реализуется в научном методе Здесь она служит рычагом достижения новых результатов в познании и практике.

На связь идеи с методом обратил внимание еще Спиноза, называвший метод идеей идеи. В методе заключено знание о том, как должно совершаться познание на основе истинной идеи [19]. Эта мысль нашла свое дальнейшее развитие в философии Гегеля, для которого абсолютная идея составляет объективное содержание метода. Знание в идее, достигнув полноты, объективности и конкретности, служит орудием познания, реализует себя в методе. Эта мысль, если освободить понятие абсолютной идеи от мистики идеализма, совершенно правильна. Назначение метода — служить путем достижения новых результатов в духовном или материальном производстве, но для этого в качестве своего основания он должен иметь объективно-истинную идею. И это так для всякого метода — как философского, так и специального.

3. Понятие научного метода

Метод — способ достижения определенных результатов в познании и практике. Любой метод (будь то метод познания или промышленного производства) включает в себя

---

[19] «...Хорошим будет тот метод, — писал Спиноза, — который показывает, как должно направлять дух сообразно с нормой данной истинной идеи» (*Б. Спиноза.* Избр. произв., т. I. М., 1957, стр. 331).

Библиотека "Руниверс"

познание объективных закономерностей, на основе которых возникают приемы или их системы для познания и практического действия. Познанные закономерности составляют объективную сторону метода, возникшие на их основе приемы исследования и преобразования явлений — субъективную. Сами по себе объективные закономерности не составляют метода, методом становятся выработанные на их основе приемы, которые служат для дальнейшего познания и преобразования действительности, для достижения новых результатов. Метод эвристичен, он отражает закономерность объективного мира исходя из цели, как человек должен поступать, чтобы постигнуть новое в познании и практике. Эта субъективная сторона метода иногда абсолютизируется, и тогда он представляется совокупностью процедур, не имеющих отношения к объективному миру.

С внешней стороны всякий научный метод выступает в виде применения некоей рациональной системы к разнообразным предметам в процессе теоретической и практической деятельности субъекта. Так, например, нередко метод определяется как «сила умелого обращения с естественными комплексами, намеренно и осознанно в пределах воспроизведенного порядка высказывания» [20]. В таком случае метод осмысливается как определенная процедура, совокупность приемов действия с изучаемым объектом. Как писал Гегель, метод «поставлен как *орудие*, как некоторое стоящее на субъективной стороне средство, через которое она соотносится с объектом» [21]. Поэтому на поверхности метод выступает как нечто субъективное, как противопоставление объекту. С помощью определенным образом осмысленной системы субъект, реализуя свои цели, стремится понять объект и переделать его.

Субъективизм, фиксируя эту сторону метода, представляет его совершенно чуждым объекту, чисто субъективной процедурой. Но если бы это было так, то метод не мог бы вести познание и практическое действие к овладению объектом. Гегель, говоря о том, что «*метод* может ближайшим образом представляться только *видом* и *способом* познавания, и он в самом деле имеет природу

[20] *J. Buchler.* The Concept of Method New York, 1961
[21] *Гегель.* Соч, т. VI, стр. 299

Библиотека "Руниверс"

такового»[22], выявляет объективное основание метода — систему истинного знания, выражающую познание закономерностей объекта. Эти закономерности преобразовываются, переосмысливаются в правила действия субъекта. Как отмечает Т. Павлов, «научный метод — *это внутренняя закономерность движения человеческого мышления, взятого как субъективное отражение* объективного мира, или, что одно и то же, как «пересаженная» и «переведенная» в человеческом сознании объективная закономерность, используемая, сознательно и планомерно, как орудие объяснения и изменения мира»[23].

В методе познания объективная закономерность превращается в правило действия субъекта. Поэтому всякий метод выступает в виде системы правил или приемов, выработанных для познания и практики. В связи с этим и возникает правильность как критерий оценки действий субъекта — соответствуют они правилам метода или нет. Правильность нельзя рассматривать как что-то исключительное, только формальной логике присущее, она имеет место всюду, где есть какой-то метод и идет проверка действий в соответствии с правилами и приемами данного метода. Правильность предполагается формальной логикой, всеми другими специальными научными методами и диалектикой, поскольку эта последняя не только вскрывает объективные законы движения, но и формулирует на их основе правила теоретического познания и практического действия. Этим правильность и отличается от истинности. Истинность выявляется непосредственно путем сравнения содержания мысли с объектом, между ними устанавливается тождество; правильность выявляется путем сравнения действия (теоретического или практического) с положением (правилом, приемом), она связана с объектом через истинность системы знания, на основе которой формулируется правило поведения.

Ошибочен отрыв правильности как действия на основе метода (соответствие действия требованиям метода) от истинности. Но столь же недопустимо их отождествление. Правильность — это оценка не содержания мысли, а действия человека (идут они по известным правилам или нет). Истинность — оценка содержания мысли, установ-

---

[22] Там же.

[23] *Т. Павлов.* Теория отражения. М., 1949, стр. 401.

Библиотека "Руниверс"

ление его тождественности объекту. Отличие правильности от истинности состоит в том, что в первом случае речь идет о действиях субъекта, которые сравниваются опять-таки не с самим объектом, а с установленными правилами, во втором — о содержании мысли человека, не зависящем от его поведения; истинность определяется только объектом. Правильность основывается на истинности, но не тождественна ей. В своей деятельности человек осуществляет переход от истинности к правильности, равнозначный переходу от мысли на ее основе к действию. В правильности мы как бы переходим в иную сферу, связанную с истинностью и теоретической деятельностью, но одновременно и выходим за ее пределы — речь уже идет о поведении человека, об оценке его поступков, действий с точки зрения теоретической (соответствие с положениями, носящими объективно-истинный характер) и в соответствии с практическими потребностями.

С этими особенностями правильности мы сталкиваемся при оценке проблемы. Да, проблему можно рассматривать с точки зрения истинности, поскольку она основывается на уже достигнутом знании, носящем объективно-истинный характер. Но эти знания еще не проблема. В последней намечаются определенные действия по выходу за пределы этих теоретических положений. Поэтому когда оценивается проблема, то речь идет также и об этих действиях, которые, возможно, приведут к новым научным результатам. В проблему могут входить достигнутые результаты, которые уже можно оценивать как ложные либо как истинные; далее, возможные теоретические положения, которые, когда они будут получены, также можно оценивать как истинные или ложные; и наконец, действия, которые должны привести к этим новым научным результатам. Вопрос об истинности или ложности этих действий стоять не может, ибо это не теоретические положения, а действия, которые могут привести к теоретическим положениям. Они не чужды истинности, но и несводимы к ней. В проблеме содержатся действия, которые можно оценивать с точки зрения правильности (методически) — соответствуют ли они, с одной стороны, правилам, носящим объективно-истинный характер, а с другой — потребностям, целям, стремлениям субъекта, имеющим также объективный характер, поскольку они определяются условиями жизни людей,

Библиотека "Руниверс"

достигнутым уровнем цивилизации. Иными словами, речь идет о направлении деятельности субъекта на достижение научных результатов.

Правила действия, характеризующие метод познания, всегда стандартны и строги[24]. Они могут различаться по степени общности и применимости, но, поскольку они правила, они должны быть однозначны и относительно постоянны. Можно даже больше сказать, они как способ действия автоматичны и рассудочны — так и только так, за этим должно следовать это (*a* и только *a*, за *a* должно следовать *b*), причем если и возможны вариации, то они столь же стандартны и определенны (за *a* может следовать *b*, которое само является или *c*, или *d*, или само *a* может быть или *q*, или *p*).

Метод — это правила действия, правила стандартны и однозначны; нет стандарта и однозначности — нет правила, значит, нет и метода, нет и логики. Конечно, правила меняются, ни одно из них не является единственным и абсолютным, но поскольку оно правило действия субъекта, то оно должно быть определенным и стандартным.

Таким образом, метод познания всегда содержит две органически связанные стороны — объективную и субъективную, причем в методе первая должна переходить во вторую. В гносеологическом отношении этот переход означает переход истинности в правильность.

Единство системы и метода носит диалектический характер. С одной стороны, ни одна система знания полностью не реализуется в методе, она по своему содержанию богаче его. С другой стороны, возникший на основе системы метод в своем развитии обязательно выходит за ее пределы, ведет к изменению старой системы знания и созданию новой. Система более консервативна, стремится сохранить и усовершенствовать себя. Метод по своей природе более подвижен, направлен на приращение знания и создание новой системы.

В силу того что метод основывается на объективно-истинной теоретической системе, он по существу не может

---

[24] В связи с этим нельзя не вспомнить очень меткое определение правильности, данное Гегелем: «Правильность... как таковая есть вообще одинаковость во внешнем и, точнее говоря, одинаковое повторение одной и той же определенной фигуры (Gestalt), которая дает нам определяющее единство для формы предметов» (*Гегель.* Соч., т. XII, стр. 138).

Библиотека "Руниверс"

быть неправильным. Неправильным может быть практическое применение метода субъектом, в частности распространение сферы его действия за пределы предмета, закономерности которого отражены в теоретической системе, лежащей в основе данного метода.

Истории науки не известен ни один метод, который в той или иной мере не был бы рационален, т. е. применение которого не приводило бы к позитивным результатам в той или иной области. Отрицательные результаты возможны только в одном случае: если метод строится на ложной системе знания. Но ни один ученый не будет строить метод на заведомо ложном знании. Поэтому неправильный метод возможен только как ошибка, поскольку субъективно ученый стремится строить метод, основываясь на доказанном знании. Ошибки возможны, но они исключительный случай, не выходящий за пределы научной практики и отдельных ученых.

Таково положение в науке, которая имеет дело с теориями, вскрывающими объективные закономерности. Но распространяется ли это положение на философский метод? В определенной мере, конечно. Не говоря уже о диалектике, которая всегда вскрывала определенные моменты в движении явлений объективной реальности и строила на этой основе метод познания. Впрочем, метафизика тоже не была беспочвенной, она основывалась на закономерностях, открытых наукой, но превратила их в универсальный метод познания. Этим обстоятельством и объясняется двойственность метафизики: она и правильна в определенных границах, и беспомощна в своей претензии на универсальность. «Метафизический способ понимания, — писал Ф. Энгельс, — хотя и является правомерным и даже необходимым в известных областях, более или менее обширных, смотря по характеру предмета, рано или поздно достигает каждый раз того предела, за которым он становится односторонним, ограниченным, абстрактным и запутывается в неразрешимых противоречиях. . .» [25]

Поэтому в метафизическом методе можно выявить истинную сторону, указать границы его применения, что, собственно говоря, и делает диалектика. Например, метафизика проявляется в двух основных формах: класси-

[25] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 21.

Библиотека "Руниверс"

ческой, абсолютизирующей момент устойчивости, качественной определенности, покоя, и в виде релятивизма, односторонне представляющего само движение, переход в иное. Это подметил В. И. Ленин; он писал, что «отличие субъективизма (скептицизма и софистики etc.) от диалектики, между прочим, то, что в (объективной) диалектике относительно (релятивно) и различие между релятивным и абсолютным. Для объективной диалектики *в* релятивном *есть* абсолютное» [26].

От метода надо отличать методологию, т. е. учение о методе, теорию метода. Осмысливая какой-либо научный метод, можно переоценить его роль и возможности, считая его единственным и абсолютным. Поэтому диалектика направлена не против метафизики в любой ее форме как метода познания, применимого в известных границах, а против той методологии, которая стремится не видеть этих границ и превратить метафизику в философский метод современной науки.

Конечно, некоторые философы строят умозрительные системы, не дающие объективной истины, и превращают их в метод философствования. По существу никакого метода, имеющего значение для развития научного знания, в этом случае не получается, и подобного рода системы и их методы не оставляют заметного следа. Когда мы говорим, что всякий метод имеет рациональную сторону, действует в известных границах, то подобного рода искусственные построения не имеются в виду. Под методом мы понимаем способ деятельности человека, в котором воедино соединяются познанные объективные закономерности с человеческой целенаправленностью на преобразование объекта.

4. Взаимоотношения философского и специальных методов познания

Метод основывается на системах объективно-истинного знания, которые создаются как наукой в целом, так и отдельными ее областями. Многообразие этих систем порождает богатство научных методов. Одни методы применяются многими науками, другие — только одной наукой, а иногда и в одной науке только при изучении строго

[26] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 317.

Библиотека "Руниверс"

специального предмета (например, методика определения возраста органических ископаемых по радиоактивному углероду). В связи с этим можно предложить множество различных классификаций метода познания, беря за основу деления различные признаки: сфера применения, характер закономерностей, лежащих в его основе, и т. п.

Б. М. Кедров разделяет методы на общие (философский метод), особенные (применяемые во всех науках, но соотносимые с какой-либо одной формой движения материи) и частные (действующие в каждой отдельной отрасли науки и связанные со специфическим характером отдельных форм движения материи). Отношение между ними укладывается в категории всеобщего, особенного, единичного. «...В ходе развития научного познания, — пишет Б. М. Кедров, — происходит переход того или иного метода исследования из одной категории (более низкой) в другую (более высокую). Методы частных наук, специально рассчитанные на изучение одной какой-либо формы движения, превращаются постепенно в особенные, а особенные — в общие» [27].

Для наших целей имеет смысл деление методов на две большие группы: философские и специальные. В основу этого деления положены теоретические системы (понятия, законы), из которых возникают методы. Философское знание имеет свой предмет, категории, его отражающие, а следовательно, и свой метод.

Когда говорят об особенностях философского метода, то обычно подчеркивают его универсальность, применимость во всех областях науки. Иногда даже говорят о множестве универсальных философских методов, которые «включены в ткань научного познания во всех его сферах» [28]. Трудно сказать, в каком смысле здесь говорится о многих методах: то ли об исторических формах (диалектика и метафизика), то ли об отдельных элементах современного философского метода (анализе и синтезе, логическом и историческом), но в любом случае недостаточно в качестве характеристики особенностей философского метода, и прежде всего такого, как диалектика, от-

---

[27] *Б. М. Кедров.* Предмет и взаимосвязь естественных наук. М., 1962, стр. 41.

[28] Философская энциклопедия, т. 3. М., 1964, стр. 410.

Библиотека "Руниверс"

мечать только его применимость во всех областях науки. Можно указать на множество специальных методов, которые применимы во всех науках, например статистический, экспериментальный и т. д.

Ни один метод, в том числе и философский, не получает в качестве награды универсальность, она устанавливается в практике научного познания и зависит от его уровня. Экспериментальный или статистический методы первоначально играли очень скромную роль в движении познания. Однако сейчас ни одна наука не может обойтись без них. А с метафизическим методом произошло обратное. Наука одно время находилась на таком уровне, который позволял ему быть применимым всюду. Характеризуя метафизический метод и условия, породившие его и сделавшие универсальным, Ф. Энгельс писал: «Разложение природы на ее отдельные части, разделение различных процессов и предметов природы на определенные классы, исследование внутреннего строения органических тел по их многообразным анатомическим формам — все это было основным условием тех исполинских успехов, которые были достигнуты в области познания природы за последние четыреста лет. Но тот же способ изучения оставил нам вместе с тем и привычку рассматривать вещи и процессы природы в их обособленности, вне их великой общей связи, и в силу этого — не в движении, а в неподвижном состоянии, не как существенно изменчивые, а как вечно неизменные, не живыми, а мертвыми. Перенесенный Бэконом и Локком из естествознания в философию, этот способ понимания создал специфическую ограниченность последних столетий — метафизический способ мышления» [29].

Современное состояние научного знания и его потребности таковы, что от универсальности метафизического метода не осталось и следа.

В популярной литературе при характеристике материалистической диалектики особенно подчеркивается мысль, что в ее категориях отражено то, что есть во всех явлениях, процессах объективной реальности. И это якобы отличает философские категории от понятий других наук. Некоторые полагают, что поиски этих всеобщих свойств всех вещей и процессов и есть собственно задача

---

[29] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 20—21.

Библиотека "Руниверс"

философии. Но нельзя забывать возможности постановки такого коварного вопроса: а как мы можем знать, что эти свойства всеобщи? Для марксиста ответ на этот вопрос может быть только один — из нашей практики (научной и социально-производственной). Но она ограничена определенными историческими рамками и уровнем знания на данном этапе. Ведь практика сама развивается, и при этом суждение единичности превращается в суждение особенности, а последнее может подняться до всеобщности. Одновременно происходит процесс ограничения всеобщности, прежняя всеобщность становится моментом новой.

Если встать на точку зрения, которую навязывают новоявленные онтологи, — отобрать из всего нашего знания только то, абсолютная всеобщность чего доказана современной наукой, то, во-первых, мы не многим поживимся, во-вторых, это будет не то знание, которым в настоящее время живет наука. Понятия, образованные в качестве фиксации этого абсолютно-всеобщего, будут абстрактны и тощи; двигаясь в пределах их содержания, нельзя привести науку к плодотворным результатам.

Что же делает материалистическую диалектику философским методом современной науки? Для философского метода самым главным является не то, что он применим всюду, а то, что он пытается вскрыть законы *движения* человеческого мышления к истине. Правила и приемы формальной логики также применимы во всех областях научного знания, однако они не могут претендовать на роль метода развития современной науки, поскольку эти правила не касаются развития, больше того, абстрагируются от него.

Формальный аппарат мышления, разработкой которого занимается формальная логика, помогает понять строение современной научной теории, выполняет некоторую функцию в движении от одной теории к другой, но он не способен объяснить закономерное развитие научного знания.

Поразительная изменчивость понятий и теорий современной науки кажется совершенно несовместимой с признанием объективности их содержания. Рассудочное мышление связывает объективность с неподвижностью, абсолютность с неизменностью, оно не может связать объективность знания с его развитием. Но одинаково до-

Библиотека "Руниверс"

казанными являются и объективная истинность теорий науки, и их быстрая смена, развитие. Необходим такой философский метод, который мог бы объяснить, как и почему это возможно, по каким законам происходит развитие научного знания, какова основная его тенденция.

Философский метод должен объяснить особенности современного научного познания и способствовать его развитию, правильно определить его тенденции, формы и методы обогащения новыми результатами. А для этого он должен иметь в качестве своего логического арсенала развитую, богатую содержанием систему категорий. Тощая всеобщность — плохая добродетель философских категорий. Объективная содержательность, определяющая возможные пути движения знания, — вот в чем их сила.

Задачей человеческого познания является достижение такого знания, содержание которого не зависит ни от человека, ни от человечества, познание стремится постичь предмет во всей его объективности. Философский метод должен направить мышление именно по этому пути, но он это может сделать только при условии, что его собственные правила объективны в своем содержании, основываются на познанных законах. Законы материалистической диалектики отражают наиболее общие закономерности движения явлений объективного мира, в силу этого, следуя им, наука в своих понятиях и теориях постигает объект таким, каким он существует независимо от познанного субъекта.

Марксистская диалектика служит не самой себе и нужна не для оправдания себя, она метод достижения объективной истины и подчинена задачам отображения законов природы и общественной жизни такими, какими они существуют в действительности. Некоторые ученые, желая как бы услужить диалектике, создают, если можно так выразиться, псевдодиалектические теории, внешне соответствующие законам и категориям марксистской диалектики, но в действительности далекие от объективной истины. Но материалистическая диалектика как научный метод тем и сильна, что для нее самым важным является движение к объективно-истинным результатам. Она никогда не может вступать в конфликт с наукой потому, что сама меняется, развивается на основе достижения нового научного знания. Эта способность менять

Библиотека "Руниверс"

свою форму в соответствии с уровнем научного познания обеспечивает эффективность диалектического метода, нерушимость его связи с наукой.

История философии показывает, что философский метод каждой эпохи возникает в результате осмысления созданной научной картины мира для потребностей теоретических и практических действий человека. Органон Аристотеля, методы познания Декарта и Бэкона, гегелевская диалектика — все они возникли на основе обобщенной картины мира, созданной наукой того времени. Так, например, в XVII—XVIII вв. в науке господствовало механистическое представление о мире, что наложило свой отпечаток и на метод познания. Если мир построен по законам механики, то ключом к его познанию может быть математика, установление строгих количественных отношений между изучаемыми в опыте явлениями. Органические недостатки этого метода объясняются гносеологической ограниченностью научной картины мира того периода. Когда какая-либо отдельная теория или их система (отдельная наука) подменяет собой всю обобщенную научную картину мира, тогда и возникает метафизический метод познания со всей своей односторонностью.

Материалистическая диалектика как философский метод в отличие от прежних философских систем не строит универсальной картины мира. В настоящее время такая картина создается самими науками, их взаимосвязью. Однако совокупный опыт познания и практического действия служит базой, на основе которой диалектика создает свои категории. В системе категорий осмысливаются не только результаты познания и практики, но и их задачи, потому диалектика и выступает всеобщим методом научного познания.

Успех и «работоспособность» метода зависят от того, на каких закономерностях основаны его правила, как полно и точно в правилах метода отражены эти закономерности.

Законы материалистической диалектики (единство и борьба противоположностей, переход количества в качество, отрицание отрицания и другие) отражают наиболее общие закономерности движения явлений объективного мира, а в силу этого, следуя правилам, вытекающим из них, мышление в своих понятиях и теориях постигает объ-

Библиотека "Руниверс"

ект таким, каким он существует независимо от познающего субъекта. Марксистский философский метод ведет науку в познании объекта по законам самого объекта.

В зарубежной литературе философский метод научного познания нередко сводится к трем моментам: индукции, дедукции и опытной проверке. Индукция является путем, ведущим к теоретическому построению; дедукция дает возможность сделать следствие из теории, а опыт проверяет эти следствия. Так рисуют научный метод многие авторы, разделяющие позитивистские воззрения на науку. Дж. Г. Кемени, например, утверждая, что существует один основной метод, общий для всей науки, в качестве наиболее характерной черты этого метода выделяет цикличность движения. «Он начинает с фактов, кончает фактами, и факты, кончающие один цикл, являются началом следующего цикла. Ученый держит свои теории под экспериментальной проверкой, всегда готовый отказаться от них, если факты не рождают предположения. Если серия наблюдений, предназначенная для верификации определенных предсказаний, вынуждает нас отказаться от нашей теории, то тогда мы ищем новую или улучшенную теорию... Поскольку мы предполагаем, что наука состоит из бесконечной цепи прогресса, мы можем предполагать этот циклический процесс продолжающимся беспредельно» [30].

Конечно, индукция — дедукция — проверка, циклично повторяющиеся, занимают важное место в научном методе. Однако метод нельзя свести к этим непрерывно повторяющимся моментам. Материалистическая диалектика как метод выработала множество взаимосвязанных форм, способов, приемов, «работающих» на основе таких категорий, как абстрактное и конкретное, логическое и историческое, рассудочное и разумное, анализ и синтез и т. п.

Законы материалистической диалектики объясняют познание как развивающийся процесс, необходимо включающий в себя скачки, перерывы постепенности, достижение принципиально новых результатов на базе разрешения противоречий, возникающих между субъектом и объектом. Диалектика не упрощает процесса научного мышления, не сводит его к формально-логической дедук-

[30] *J. G. Kemeny.* A Philosopher Looks at Science, p. 85—86.

Библиотека "Руниверс"

ции, но и не оставляет места для иррационалистических спекуляций.

Философский метод возникает как обобщение всех других методов; он не равен ни одному из них, но включает в себя их богатство, так же как всеобщее впитывает особенное и единичное. Генетически процесс развития идет от специальных методов к философскому. Здесь, как и всюду, процесс идет от единичного через особенное ко всеобщему. Но это происходит не путем превращения специального метода (или специальных методов) в философский. Нет, такой метод возникает самостоятельно, но с учетом результатов специальных методов. Движение идет в обратном направлении — от философского метода к специальным.

Специальные методы многообразны. Среди них можно отметить такие, которые применяются различными науками. Такие методы можно назвать специальными общенаучными. Хотя они применяются во многих науках (а в тенденции — во всех), их следует отнести к специальным методам, а не к философскому, поскольку они определяют не общий путь движения познания к истине со всеми составляющими, а только некоторые его стороны, моменты.

Частные специальные методы вырабатываются применительно к той или иной области знания и служат путем образования теории, достижения новых научных результатов в ней. Некоторые из них уже сейчас распространяются на смежные науки. Частные специальные методы, имеющие очень узкое применение, правильнее называть методиками, которые образуют частные приемы исследования в отдельных науках.

Когда речь идет о взаимоотношении философского метода со специальными, то обычно подчеркивается мысль, что «философский метод преломляется в них, действует через них»[31], причем это преломление понимается как конкретизация философского метода в условиях познания данного объекта. Например, в статье «Метод» в Философской энциклопедии указывается, что «принцип *историзма* как универсальный метод преломился в биологии в виде эволюционного учения, а в астрономии — в виде различных теорий происхождения

[31] Философская энциклопедия, т. 3 стр. 410

Библиотека "Руниверс"

и развития звездных систем .. в социологии — в виде диалектико-материалистического учения о развитии человеческого общества и т. д.» [32].

В связи с таким толкованием сразу возникает несколько вопросов· 1) разве диалектико-материалистическое учение о развитии человеческого общества не является философским методом? Разве оно только конкретизация универсального принципа историзма и экстраполировано из учения о развитии природы вне ее отношения к человеческому обществу, как своеобразный дар натурфилософии? 2) Если все методы познания рассматривать как конкретизацию и проявление каких-то сторон философского метода, то в чем, собственно, заключается самостоятельность специальных методов? Складывается мнение, что существует один универсальный философский метод с его различными модификациями. Но в таком случае можно сказать, что нет никакого самостоятельного философского метода познания, поскольку последний растворяется во множестве своих модификаций — в специальных методах. А это может привести к утверждению, что существуют только одни законы диалектики, а законы всех остальных наук — модификации и проявление законов диалектики или, наоборот, нет никаких законов диалектики, имеются только законы отдельных наук, в которых в качестве общего присутствуют законы диалектики. Идя дальше по этому пути, можно сказать, что и вообще никаких законов нет, есть вещи и процессы, в движении которых проявляются как общие, так и специфические характеристики.

Такая постановка вопроса ни в коей мере не решает проблему взаимоотношения философского и специальных методов. Конечно, диалектика дает общее учение о движении материи, а поскольку в мире ничего нет, кроме движущейся материи, то содержание всех наук соблазнительно рассматривать как конкретизацию и проявление диалектики. Отсюда вывод: познай диалектику и легко будет понять все остальное; закон Ньютона (всякое действие равно противодействию) изобрази в виде проявления закона единства и борьбы противоположностей и т. п. Так всю науку, со всеми ее теориями и мето-

[32] Там же.

Библиотека "Руниверс"

дами можно представить в качестве приложения и иллюстрации к диалектике.

Подобное представление, несомненно, не может удовлетворить представителей отдельных областей знаний, которые, оказывается, не дают ничего нового, а конкретизируют уже открытые философией законы. А поскольку диалектика, по мнению некоторых философов, открывает всеобщие свойства, присущие всем вещам и явлениям, где бы и когда бы они ни существовали, то, оказывается, на какой-то планете какой-то звездной системы физики только тем и занимаются, что конкретизируют и находят проявления законов, сформулированных земными философами. И земные философы могут им с гордостью сказать: как ни трудитесь, как ни старайтесь, ничего другого не найдете.

Но что дело обстоит не так, доказывают земные физики Если в законах диалектики все уже так предусмотрено, что содержание всех остальных наук — только их проявление и конкретизация, то, может быть, на основе ныне существующих законов диалектики философы сконструируют теорию элементарных частиц или единую теорию поля, над которыми физика так долго и мучительно бьется?! Сделайте, пожалуйста, уважаемые философы, еще одно преломление и конкретизацию!

К сожалению, такие философы-конструкторы находились и принесли немалый ущерб научному авторитету метода материалистической диалектики. Из такого понимания отношения философского и специальных методов возникла иллюстративность, которая одно время была так широко распространена при изложении диалектики. В каждом новом явлении, научном открытии, политической акции виделось еще одно подтверждение законов и категорий диалектики, и на этом заканчивался диалектический анализ действительности, не говоря уже о том, что в качестве примеров подтверждения диалектики иногда выступали незрелые теоретические построения и непродуманная реорганизация в государственном или хозяйственном управлении. Такой подход ничего не дает не только конкретным наукам, но и самой философии, если она в их методах не видит ничего иного, кроме преломления законов диалектики.

Правильное отношение философского и специальных методов предусматривает, что философский метод несво-

Библиотека "Руниверс"

дим к специальным, как и наоборот, специальный метод нельзя рассматривать преломлением, формой проявления философского. Материалистическая диалектика не является суммой специальных методов, в каком бы виде они ни выступали, она вырабатывает свои категории, в русле которых происходит движение мысли. Центр, куда устремляется метод познания, — научная теория и способ ее функционирования, построение и развитие. «...Диалектическая логика, — пишет М. Б. Туровский, — есть система категорий, выступающая как всеобщий метод построения любой предметной теории, то есть как логика теоретического мышления. Именно в качестве таковой она и является методологией всякой конкретной науки в самом непосредственном значении этого слова. Это значит, что диалектическая логика выявляет самые принципы конкретно-научного полагания предмета, его *определения*, исходя из которого только и можно разработать конкретные методы исследования» [33].

Материалистическая диалектика не просто находит свое преломление в каждом специальном методе, а, будучи методом, нацеливающим на постижение объективной реальности во всей его конкретности и многообразии проявлений, находит место любому научному методу в этом процессе построения и развития любой предметной теории, лишая его односторонности и претензий на абсолютность. Каждый из специальных методов своеобразен и не является маленькой, плохонькой модификацией диалектики.

Если посмотреть на историю развития философского метода, то можно увидеть, что он вырабатывался, с одной стороны, путем лишения претензий на абсолютность, основанных на постижении закономерностей отдельных сторон явлений и процессов объективной реальности, и, с другой — путем формирования общих принципов движения знания к созданию объективно-истинной теории. Поиски нового метода, с помощью которого можно достигнуть господства над природой, делать научные открытия, — главные помыслы философов XVII—XVIII вв. Если желают открытий, как пишет Ф. Бэкон, и в большом числе, и более полезных, и в меньшие промежутки

---

[33] *М. Б. Туровский.* Диалектика как метод построения теории. — «Вопросы философии», 1965, № 2, стр. 55.

Библиотека "Руниверс"

времени, то их естественно скорее можно ожидать от разума, от разумной деятельности, от разумного метода, чем от случая, животного инстинкта и других подобных условий, служивших до сих пор источником большей части открытий [34]. Р. Декарт ставил задачу создания практической философии, с помощью которой мы станем «господами и властителями природы». Философия нового времени отчетливо показала, что без метода невозможно решить задачу познания природы, покорения ее стихийных сил. В связи с этим изменяется и предмет философии, в котором метод приобретает главное значение. Характер философского метода того периода определялся уровнем общественного развития вообще и науки в частности. Со второй половины XV в. первые успехи начинает делать естествознание, выработавшее метод изучения природы, который послужил основой и для философского метода.

Ф. Бэкон, вырабатывая метод, ориентировался на опытное естествознание, поэтому составными элементами его метода являются: индукция, анализ, сравнение, наблюдение, эксперимент. Материалистически истолкованный опыт служит основным орудием познания. Наука должна строиться на анализе, наблюдении и эксперименте, восходя к познанию причин, законов, простейших элементов («натур» и «форм»). Способом такого восхождения является индукция, именуемая им «выведением, или порождением, аксиом из опыта».

По другому пути шли Галилей и Декарт.

Галилей, отвергая попытки схоластов найти истину путем сопоставления текстов известных авторитетов, разработал и применил в практике своих научных исследований метод рациональной обработки опытных данных. Характерной особенностью метода Галилея является сочетание опыта (наблюдения и эксперимента) с точным математическим анализом и количественным выражением полученных в опыте результатов.

Целью научного метода и планомерного экспериментирования становится выявление наиболее простых элементов, из которых складываются явления природы, и дедуктивная проверка истинности выдвинутых в процессе анализа предположений (композитивный метод). У Га-

[34] См. *Ф. Бэкон.* Новый органон. Л., 1935, стр. 172.

Библиотека "Руниверс"

лилея мы находим соединение опытно-индуктивного и абстрактно-дедуктивного методов.

Антиподом одностороннего индуктивного метода Ф. Бэкона был столь же односторонний дедуктивный метод Р. Декарта, который также, отвергая средневековую схоластику и мистику, пытался поставить науку на твердую основу. Но в качестве последней он брал не опыт и индукцию, а рациональную интуицию и дедукцию.

Основные положения своего метода он сформулировал следующим образом: «*Первое* — никогда не принимать за истинное ничего, что я не познал бы таковым с очевидностью... и включать в свои суждения только то, что представляется моему уму столь ясно и столь отчетливо, что не дает мне никакого повода подвергать их сомнению. *Второе* — делить каждое из исследуемых мною затруднений на столько частей, сколько это возможно и нужно для лучшего их преодоления. *Третье* — придерживаться определенного порядка мышления, начиная с предметов наиболее простых и наиболее легко познаваемых и восходя постепенно к познанию наиболее сложного, предполагая порядок даже и там, где объекты мышления вовсе не даны в их естественной связи. И *последнее* — составлять всегда перечни столь полные... и обзоры столь общие, чтобы была уверенность в отсутствии упущений» [35].

В этих положениях односторонне обобщен опыт математического естествознания того времени. Декартовский метод является следствием его учения о мире, в нем механистическое мировоззрение тесно связано с признанием реформированной математики единственным средством познания, причем математика берется со стороны ее метода и практического назначения, а не как учение о количественных отношениях вещей.

В постановке вопроса о философском методе характерным для всех этих мыслителей является прежде всего их стремление превратить метод, применяемый в той или иной области знания, во всеобщий способ построения научной теории. Но Кант, а вслед за ним Гегель к решению данной проблемы подходили уже по-иному. Они не стремились метод какой-либо частной науки (механики

[35] *Р. Декарт.* Избр. произв. М., 1950, стр. 272.

Библиотека "Руниверс"

или математики) сделать общим принципом развития знания.

Задача философии — выявить из анализа самого мышления (в общей предметной форме) пути движения к истине. В этой попытке преодолеть недостатки метода, основанного на механистическом понимании мира, состоит ценность критического метода Канта. Основные положения его сводятся к следующему: 1) задачей философии является критическое исследование познавательных способностей, их границ и возможностей; такая критика «имеет целью не расширение самих знаний, а только исправление их и должна служить критерием достоинства или негодности всех априорных знаний»[36]; 2) познание строго разделяется на опытное и априорное, последнее представляет особую ценность, поскольку является источником всеобщности и необходимости знания; 3) критика не органон, а только подготовление к нему, или, как писал сам Кант, подготовка «по крайней мере к канону, согласно которому, во всяком случае в будущем, могла бы быть представлена аналитически и синтетически совершенная система философии чистого разума...»[37].

В методе Канта содержится стремление преодолеть догматизм метафизики XVII в., и Кант сделал серьезный шаг в этом направлении, поставив вопрос о роли теоретического мышления и его категорий в постижении действительности.

Еще дальше по этому пути пошел Гегель, моментами спекулятивного, или диалектического, метода которого выступают: 1) начало, 2) поступательное движение на основе разрешения противоречий, 3) отрицательность как форма самодвижения (снятие противоречий путем отрицания отрицания). Философия не может исходить из метафизического абсолютного неподвижного начала, «*идущее назад обоснование* начала и *идущее вперед дальнейшее* его *определение* — совпадают воедино и есть одно и то же»[38]. Начало и конец совпадают, только развитие может служить началом и одновременно концом, причем именно саморазвитие.

Раскрывая такие моменты своего метода, как поступательность движения через противоречия, отрицатель-

[36] *И. Кант.* Соч., т. 3, стр. 121.
[37] Там же.
[38] *Гегель.* Соч., т. VI, стр. 316.

Библиотека "Руниверс"

ность как форму самодвижения, Гегель построил систему категорий. Подчеркивая их объективность, он писал: «Часто рассматривали диалектику как некоторое *искусство,* как будто она покоится на каком-то субъективном таланте, а не принадлежит к объективности понятия» [39]. Диалектика — это не какая-либо отдельная особенность предмета, а его внутреннее содержание.

Не останавливаясь на недостатках метода Гегеля, подчеркнем то, что для нас сейчас является очень важным: гегелевский метод — это поистине философский метод, построенный на системе философского знания, а не путем превращения специально-научного метода в универсальный; специальные методы, лишаясь своей непомерной претензии, занимают при этом свое место. Эту тенденцию в понимании философского метода продолжил марксизм.

Значение философского метода в установлении правильного взаимоотношения специальных методов в научном познании можно проанализировать на взаимодействии теоретических и экспериментальных способов познания объекта.

5. Теория и эксперимент

Г. Рейхенбах полагает, что современная наука нанесла сокрушительное поражение философской системе Канта, вместе с ней и философии вообще. «Со времен Канта, — пишет он, — история философии показывает растущий разлад между философскими системами и философией науки» [40]. Характерным моментом развития философской мысли последнего времени, происходящего под влиянием науки, и в частности теорий Эйнштейна, является, по его мнению, процесс разложения синтетического a priori.

Как известно, согласно Канту, знание образуется в результате синтеза мышления и чувственности, или, как говорит Рейхенбах, соединения двух компонентов — духовного и наблюдательного. Если бы наука пошла по пути Канта, то она пришла бы к саморазрушению. «То, — продолжает Г. Рейхенбах, — что случилось затем в тео-

---

[39] Там же, стр. 304.

[40] *H. Reichenbach.* The Philosophical Significance of the Theory of Relativity. — «Albert Einstein: Philosopher-Scientist», p. 307.

Библиотека "Руниверс"

рии Эйнштейна, доказательство того, что знание в пределах кантианских принципов невозможно. Для кантианства такой результат мог бы только обозначать разрушение науки. К счастью, ученый не был кантианцем и вместо того, чтобы оставить попытку построения знания, искал пути изменения так называемых априорных принципов» [41].

Предположим, что наука нашего времени не пошла путем Канта. А кто же все-таки ей указал дорогу, какая теория знания ее предусмотрела? Здесь Рейхенбах не колеблясь отвечает: «Это и есть именно философия эмпиризма, к которой принадлежит теория относительности Эйнштейна» [42].

Пусть никто не подумает, что Рейхенбах толкает современную науку в объятия эмпиризма Бэкона или Милля, согласно которому все законы науки — плод индуктивных обобщений. Нет, это — эмпиризм современной теоретической физики, эмпиризм математической конструкции, которая так разрабатывается, «что связывает наблюдательные данные посредством дедуктивных операций и дает нам возможность предсказывать новые наблюдательные данные» [43].

Итак, на место кантовского синтеза мышления и чувственности современный эмпиризм, провозглашенный методом науки, в частности математической физики, ставит в качестве источников знания только чувственную перцепцию и аналитические принципы логики. Индуктивный момент, обязательно присущий физике математических гипотез, тоже может быть сведен к этим моментам.

Возникает вопрос: что же здесь нового? У Канта знание складывается из двух моментов — мышления и чувственности, здесь — также из двух: логического (принципы дедукции) и чувственных перцепций. Но вся суть состоит в понимании мышления и роли его в синтезе. Для Канта и философов, шедших вслед за ним, в особенности Гегеля и Маркса, принципы мышления, категории и идеи содержательны, это не аналитические правила оперирования знаками, а формы осмысления действительности и создания предметного мира вещей в практике. Именно

---

[41] Там же, стр. 309.
[42] Там же.
[43] Там же.

Библиотека "Руниверс"

это, по мнению Рейхенбаха, и неприемлемо для современного эмпиризма. «Процесс разложения *синтетического a priori* продолжается. К отказу от абсолютного пространства и времени квантовая физика добавила отказ от причинности; кроме того, она отказалась от классической концепции материального вещества... Если мы понимаем под метафизикой веру в принципы, которые являются неаналитическими... современная наука является антиметафизической. Отказались признать авторитет философа, который требует познания истины из интуиции, из проникновения в мир идей или в природу разума, или в принципы бытия, или из какого-нибудь сверхэмпирического источника» [44].

Для Рейхенбаха как позитивиста аналитические принципы логики — это правила оперирования знаками, не имеющими никакого отношения к предметному миру. Они устанавливаются конвенционально или другим подобным путем, поэтому синтеза с опытом не происходит. На основе этих правил совершается комбинирование его результатов. Процесс мышления — это аналитические операции со знаками.

Итак, обратимся к поставленному Рейхенбахом вопросу: идет ли современная наука путем Канта? Ответ на этот вопрос не может быть однозначным. В одном отношении не идет, в другом — идет. Да, конечно, априоризму Канта современная физика нанесла сокрушительный удар, и не марксистам жалеть об этом. Здесь мы согласны с Рейхенбахом, что «синтетические принципы знания, которые Кант считал a priori, были признаны a posteriori, как проверяемые только через опыт и как правильные в ограниченном смысле эмпирических гипотез» [45]. Современная наука, и в частности теоретическая физика, действительно внесла серьезные коррективы в понятие пространства, времени, причинности и т. п. Однако это не означает, что она вообще стала обходиться без содержательных утверждений, выполняющих в процессе синтетической деятельности мышления функции категорий. Ведь Эйнштейн, которого ставит в пример Рейхенбах, исходил именно из таких утверждений, он был уверен в необходимости определенного числа содержательных

[44] Там же, стр. 310.
[45] Там же, стр. 307.

Библиотека "Руниверс"

в своей основе понятий (а не только аналитических правил логики). Эйнштейн полагал, что эти понятия нужно менять; но что на каждом этапе развития науки они необходимы — в этом великий физик не сомневался. «Вера в существование внешнего мира, — писал он, — независимого от воспринимающего субъекта, лежит в основе всего естествознания. Так как чувственные восприятия дают только косвенные сведения об этом внешнем мире, или «физической реальности», последняя может быть познана нами только спекулятивным путем. Отсюда вытекает, что наши представления о физической реальности никогда не могут быть окончательными. Мы всегда должны быть готовы менять эти представления, т. е. аксиоматическую основу физики, для того, чтобы логически наиболее совершенным путем объяснить результаты наблюдений» [46].

И Эйнштейн анализирует, каким образом менялись понятия, выражающие «физическую реальность». «...До Максвелла, — пишет Эйнштейн, — физическая реальность, поскольку она выражает явления в природе, мыслилась как материальные точки, изменения которых состоят только в движениях, регулируемых дифференциальными уравнениями в частных производных. После Максвелла физическая реальность мыслится выраженной необъяснимыми с механической точки зрения континуальными полями, подчиняющимися дифференциальным уравнениям в частных производных» [47].

Как это не похоже на то, что пишет об Эйнштейне и теории относительности Г. Рейхенбах! А. Эйнштейн на основе анализа развития физики показывает, что она переходит от одних понятий, выражающих физическую реальность, к другим, а Рейхенбах это интерпретирует как подтверждение принципов радикального эмпиризма, согласно которому «метод современной науки может быть объяснен в терминах эмпиризма, который признает только чувственную перцепцию и аналитические принципы логики как источники познания» [48].

---

[46] *А. Эйнштейн.* Влияние Максвелла на развитие представлений о физической реальности. — «Эйнштейновский сборник 1966» М., 1966, стр. 7.

[47] Там же, стр. 10.

[48] *H. Reichenbach* The Philosophical Significance of the Theory of Relativity. — «Albert Einstein: Philosopher-Scientist», p. 310

Библиотека "Руниверс"

Значит, все-таки в каком-то смысле Эйнштейн шел путем Канта, поскольку наряду с данными опыта и правилами логической дедукции признавал еще и существование исходных понятий, в объективном содержании которых он не сомневался. Г. Рейхенбах считает для себя и своей философской концепции удобным не замечать этого и представлять дело таким образом, что современная наука развивается в русле радикального эмпиризма, сводящего весь процесс теоретического мышления к аналитическим операциям над результатами чувственной перцепции.

Логический позитивизм и его метод не может правильно установить отношение между опытом и теоретическим мышлением, а потому представляет результаты современной науки крайне односторонне.

В современной науке нетрудно заметить два, казалось бы, несовместимых явления. С одной стороны, это рост роли эмпирического, опытного в знании, все науки непрерывно обогащаются новыми фактами, опытными наблюдениями, экспериментальными данными. «Эксперимент, — пишет Луи де Бройль, — неотъемлемая основа любого прогресса этих (естественных. — *П. К.*) наук, эксперимент, из которого мы всегда исходим и к которому мы всегда возвращаемся, — лишь он один может служить нам источником знаний о реальных фактах, которые стоят выше любой теоретической концепции, любой предвзятой идеи» [49]. Строятся дорогостоящие мощные установки для наблюдений и экспериментов, опытные данные кажутся решающим моментом в достижении новых научных истин. Но, с другой стороны, нельзя не обратить внимание на то, что новые факты науки, явления природы предсказываются на основе теоретических рассуждений еще задолго до опытного обнаружения. Например, античастицы (позитрон, антипротон и т. п.) первоначально были охарактеризованы на основе некоторых теоретических построений современной физики и лишь потом обнаружены в эксперименте, в настоящее время экспериментаторы ищут кварки, которые пока существуют только в теории.

Здесь легко впасть в так называемый радикальный эмпиризм, все содержание науки сводящий к аналити-

[49] *Луи де Бройль.* По тропам науки, стр. 162.

Библиотека "Руниверс"

ческим операциям над опытом, и в рационализм, полагающий, что все хранится в арсеналах чистого разума, нужно только уметь извлечь оттуда сокровища знания. В действительности же знание — результат синтеза мышления и чувственно-данного, и этот синтез пронизывает как сам опыт и теорию, так и их взаимоотношения.

Термин «теория» употребляется в двух значениях: в широком, когда теория выступает синонимом знания, и в узком, когда речь идет только о знании строго определенной формы (теория относительности, теория происхождения жизни на Земле и т. п.). О теории в первом значении говорят, когда выясняют взаимоотношение познания с практикой (теория и практика), во втором — когда ставят задачу исследовать процесс возникновения и развития теорий в различных областях науки, особенно их структуры. В таком случае речь идет не вообще об отношении познания к практике, а об отношении различных моментов ее, в частности эксперимента, к возникновению и развитию определенной системы научных знаний, имеющей место в какой-то отрасли науки.

Термин «опыт» в современной философской литературе употребляется столь же широко, сколь и неопределенно. Чтобы исключить двусмысленность, сузим опыт до научного эксперимента.

Эксперимент прежде всего содержит в себе все необходимые признаки практического освоения человеком действительности, поскольку с его помощью происходит воспроизведение в практике явлений, интересующих человека. Например, физик воспроизводит в лаборатории явления электрических разрядов — нечто подобное грозовым разрядам. Однако в своей практике человек может воссоздать явления действительности для различных целей, прежде всего для нужд производства и потребления. Собственно, это главное и определяющее во всей практике. Эксперимент же ставится для познания явления. В этом специфика эксперимента, отличающая его 1) от теоретического освоения действительности, 2) от других форм практики.

Таким образом, эксперимент можно определить как воспроизведение явлений в практике человека с целью их научного познания.

В философской литературе идут споры вокруг понимания эксперимента: куда его отнести — к практике или

Библиотека "Руниверс"

к познанию. Односторонний ответ на этот вопрос является ошибочным. Конечно, эксперимент — это практическое освоение действительности. Иначе он не мог бы быть критерием истинности научных теорий, не обладал бы доказательной силой. Так называемый мысленный эксперимент по существу не является экспериментом только потому, что в нем нет процесса воспроизведения в практике исследуемого явления. А без этого нет эксперимента, хотя и сохраняется его внешняя форма. В мысленном эксперименте исследователь рассуждает о том, что могло бы быть в тех или иных условиях с явлением, но практически он не ставит это явление в данные условия, и его эксперимент остается только рассуждением.

Поскольку эксперимент ставится для целей изучения явлений, выступает моментом, звеном в движении научного знания, в нем можно обнаружить типичные черты теоретического мышления. К. Маркс писал: «Физик или наблюдает процессы природы там, где они проявляются в наиболее отчетливой форме и наименее затемняются нарушающими их влияниями, или же, если это возможно, производит эксперимент при условиях, обеспечивающих ход процесса в чистом виде» [50].

Экспериментирование предполагает и включает ту же самую абстрагирующую деятельность, что и теоретическое мышление, поэтому эксперимент можно рассматривать как практическую абстракцию.

Анализ развития современной науки показывает, что в различных ее областях эксперимент применяется в разной мере: в одних науках (физика, химия, биология и т. п.) — очень широко, в других (астрономия, психология, педагогика и т. п.) — экспериментальный метод применяется в ограниченных масштабах. Однако сейчас мы являемся свидетелями того, как эксперимент, в частности такая его форма, как моделирование, наряду с математическими методами все шире проникает в исследование явлений общественной жизни: экономики, языка и т. п.

В данном случае нас интересует проблема взаимоотношения теории и эксперимента независимо от специфики форм как теории, так и эксперимента, имеющей место

---

[50] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 6.

Библиотека "Руниверс"

в различных науках. Нередко среди ученых, например физиков, происходит спор: что важнее для развития науки — теория или эксперимент? Физики-теоретики при этом подчеркивают роль теоретических построений, гипотез, на основе которых предсказываются новые явления, факты задолго до их экспериментального обнаружения. Экспериментаторы в свою очередь говорят, что без их опытов исследования теоретиков не имеют силы: ведь и в начале и в конце теоретических построений находится опыт, в частности тщательно поставленный физический эксперимент. Кто здесь прав? Видимо, обе стороны, поскольку они фиксируют действительные моменты в развитии современной науки. Но, увлекаясь одной стороной, они часто забывают о другой, отвлекаясь от которой познание теряет смысл. Начнем с теории. Конечно, теория на основе синтеза полученных результатов приобретает большое эвристическое значение, служит инструментом проникновения в тайны природы и общественной жизни. Например, в 1928 г. английский физик Дирак вывел релятивистское квантовое уравнение движения электрона, описывающее его свойства и поведение. Из этого уравнения следовало, что должен существовать электрон с двумя противоположными зарядами (отрицательным и положительным). Экспериментальная физика того времени совсем не знала античастиц. Это пример эвристической мощи современной научной теории. Но не будем спешить с посрамлением эксперимента.

Экспериментальное подтверждение существования позитрона появилось позже — в 1932 г., когда американский физик К. Андерсон обнаружил эту частицу в составе космических лучей. Было ли экспериментальное исследование простой фактической регистрацией того, что ранее дала теория? На этот вопрос следует дать отрицательный ответ. Сам Дирак первоначально не понимал со всей отчетливостью сущности положительно заряженных частиц, интерпретируя их как протоны. Он писал: «Мы введем предположение, что *почти все состояния с отрицательной энергией заняты*, причем в соответствии с принципом Паули в каждом состоянии имеется один электрон. Незанятое состояние с отрицательной энергией будет выглядеть как нечто с положительной энергией, так как для того, чтобы уничтожить его, т. е. заполнить, мы должны добавить к нему электрон с отрицательной

Библиотека "Руниверс"

энергией. Мы предположим, что *незанятые состояния с отрицательной энергией являются позитронами*» [51]. Такая интерпретация казалась и самому Дираку неубедительной, ибо массы протона и электрона — величины слишком различные, но его опыт был ограничен, и что-либо другое трудно было предположить. Только после опытов Андерсона самому Дираку стало ясно, что его теория об электронных состояниях с отрицательной кинетической энергией предсказала существование позитронов.

Таким образом, теоретическое построение (в данном случае уравнение Дирака) предсказало новое явление задолго до его экспериментального обнаружения, но это предсказание носило гипотетический характер: последующий эксперимент не просто подтвердил его, но и исправил, внес изменения в теоретические рассуждения, дал им соответствующее физическое толкование.

Анализ этого факта из истории науки показывает, что взаимоотношение между теорией и экспериментом не укладывается ни в одну из следующих схем: теория фиксирует эксперимент; эксперимент задним числом подтверждает теорию и ее предсказания. Их взаимоотношение значительно сложнее. П. Бриджмен по этому поводу пишет: «Задача теоретической физики и заключается в том, чтобы представить все экспериментальное знание с понятной точки зрения; теоретик никогда не может предвидеть того, что обнаружит экспериментатор, когда его диапазон расширяется при включении областей, в настоящее время недосягаемых, так что он всегда должен рассматривать свою последнюю и наиболее успешную теорию в качестве структуры ограниченной значимости, всегда подверженную необходимости радикального изменения...» [52].

Теория, конечно, представляет большую силу в исследовании; если наше знание не приведено в определенную систему, позволяющую истолковывать известные явления и по возможности предвидеть еще неизвестное, то оно не имеет теоретического и практического значения. Цель

---

[51] *П. А. М. Дирак.* Принципы квантовой механики. М., 1960, стр. 378.

[52] *P. W. Bridgman* The Nature of Physical Theory. Princeton, New Jersey, 1936, p. 2.

Библиотека "Руниверс"

научной теории — осмыслить уже известные результаты и определить пути достижения нового знания, предсказать новые явления. Она достигает этого с помощью интеллектуальных инструментов (понятий, гипотез, математического аппарата и т. п.).

Эксперимент является предметным, логически обоснованным продолжением теории, без него теория не может решить ни одной из стоящих перед ней задач. Верно ли она осмыслила и обобщила предшествующие научные результаты, действительно ли из данной теории следуют такие-то новые факты и явления — на эти вопросы можно дать окончательный ответ после проведения эксперимента.

Но не следует фетишизировать и эксперимент. Конечно, его данные служат проверкой ранее выдвинутых теоретических построений, носящих гипотетический характер, и составляют основу новых больших обобщений. Теория всегда экстраполирует предшествующие опытные данные. Например, электромагнитная теория Максвелла дала истолкование довольно обширной категории электромагнитных волн (куда включался и свет). Это требовало серии экспериментальных подтверждений. Как пишет Луи де Бройль, «с течением времени это всегда в конце концов происходит — либо эксперимент не подтверждает одного из предсказаний теории, либо вдруг в ходе эксперимента обнаруживается, зачастую независимо от воли исследователей, новый факт, который не согласуется с теорией. Тогда нужно доделать или переделать воздвигнутое ранее здание теории»[53]. Причем уже сами экспериментальные данные не являются чистым фактом, который нужно только констатировать, они несут в себе и определенную интерпретацию. Физик не говорит «Я увидел, что стрелка измерительного прибора стала на цифре 100», ибо такое утверждение по существу не является экспериментальным фактом. Он говорит об экспериментальной проверке температуры тела, в результате которой было установлено, что она равна 100° С. А это уже факт, в котором нашли свое место предшествующие теоретические представления о температуре тел, способе измерений, различных шкалах температур. Поэтому грань между теорией и экспериментом

[53] *Луи де Бройль.* По тропам науки, стр. 163.

Библиотека "Руниверс"

хотя и существует, но весьма подвижна; как пишет Луи де Бройль, экспериментальные данные «могут служить для построения научной теории лишь после того, как они будут нами соответствующим образом истолкованы, а в это истолкование обязательно вмешиваются некоторые представления нашего ума, то есть теоретические идеи»[54]. Так что здесь речь идет не о простом оперировании экспериментальными данными на основе аналитических правил логики, как утверждал Г. Рейхенбах, а об осмыслении этих данных на основе содержательных, синтетических понятий, идей.

В развитии эксперимента в современной науке можно обнаружить две противоположные тенденции, характеризующие его зрелость. С одной стороны, он все более сливается с производственной практикой, выступая как передовой опыт (эксперимент непосредственно переносится из лаборатории на заводы, фабрики, опытные поля колхозов и совхозов). С другой стороны, он все более теоретизируется, обосновывается теорией, предполагает сложные умозрительные выкладки с некоторым выходом в чувственно-данное. Результаты эксперимента окружаются сложным интерпретационным полем, без которого они не имеют смысла.

Этого обстоятельства нельзя забывать, когда мы сталкиваемся с противоречиями между теорией и экспериментальными данными. У некоторых ученых существует такое мнение, что экспериментальный факт всегда имеет приоритет перед самой совершенной теорией, поскольку он — факт, за которым укрепилась репутация упрямой вещи. Конечно, с фактами считаться необходимо, игнорировать их нельзя. Но когда сталкиваются научная теория и экспериментальный факт, необходимо тщательно проанализировать это противоречие и составляющие его стороны — как теорию, так и факт. При этом необходимо помнить глубокое замечание К. А. Тимирязева, что «всякая научная теория не только факт, но и совокупность многих фактов, а свидетельство многих всегда заслуживает большего доверия, чем свидетельство одного»[55].

Экспериментальный факт так же требует анализа, как и теория, он получен на основе определенных теоретиче-

[54] Там же, стр. 165.

[55] *К. А. Тимирязев.* Избр. соч. в 4-х томах, т. I. М., 1948, стр. 161.

Библиотека "Руниверс"

ских построений, которые сами требуют проверки. Фотография лунной поверхности — это факт, полученный на основе сложного эксперимента с помощью искусственных спутников. Но в этот эксперимент вложена вся современная физическая и астрономическая теория, сам факт этой фотографии является результатом теоретических достижений современной науки. В нем отражены как сильные, так и слабые стороны современных теорий, он ограничен, так же как и породившие его теоретические рассуждения. Никогда не следует забывать, что экспериментальный факт всегда связан с определенной интерпретацией, которая может оказаться неверной, как любое теоретическое положение.

Противоречия между теориями и экспериментальными данными после их тщательной проверки несомненно могут поставить вопрос о совершенствовании и развитии теории, а иногда даже вообще о ее состоятельности. Например, отрицательные результаты опыта Майкельсона остро поставили вопрос о гипотезе эфира и побудили физиков искать новое теоретическое решение. Но даже под ударом экспериментальных фактов теория не уничтожается бесследно, она продолжает так или иначе жить в новых научных построениях, а иногда даже на новом этапе в иной форме она возрождается. Иначе и быть не может. Ведь предшествующая теория основывалась также на фактических, в том числе и экспериментальных, данных, обобщала их, приводила в определенную систему; новые эксперименты показали ограниченность и неточность этой системы, они потребовали создания более обширной и совершенной системы знания, которая включала бы в себя все верные положения и предсказания старой теории, а также новое содержание, позволяющее объяснить эксперименты, не укладывавшиеся в прежнюю систему, предвидеть другие наблюдения и факты.

В связи с этим необходимо рассмотреть так называемый решающий эксперимент (experementum crucis) — опыт, окончательно решающий вопрос о том или ином теоретическом построении. Может ли быть такой эксперимент?

Ф. Франк, как и многие другие неопозитивисты, отрицает существование такого эксперимента, поскольку, по его мнению, теория как система общих утверждений никогда не может быть ни опровергнута, ни подтвержде-

Библиотека "Руниверс"

на. «Единичный эксперимент может опровергнуть теорию только в том случае, если под теорией мы имеем в виду систему отдельных утверждений, исключающую возможность какого-либо ее изменения. Но то, что называется теорией в науке, в действительности никогда не является такой системой... Поэтому никакой решающий эксперимент не может опровергнуть ни одну такую теорию» [56]. Теории всегда обречены быть только возможными гипотезами, и никакие эксперименты не могут не только их доказать, но и опровергнуть. Такой позиции в сущности придерживаются многие представители современного позитивизма.

Как же относится к проблеме решающего эксперимента материалистическая диалектика? Конечно, нельзя считать какой-то отдельно взятый эксперимент абсолютным, решающим судьбу большой и сложной теории — жить ей или умереть. Как уже говорилось ранее, любой эксперимент ограничен в своей доказательной силе. Ход науки показывает, что многие теории находили свои решающие эксперименты и все же не превращались в окончательные и неизменные истины в последней инстанции. Всякий эксперимент, тщательно поставленный, является решающим, поскольку добавляет в наше знание крупицу, частицу объективного, абсолютного знания, способствует переходу гипотезы в достоверную теорию. Не может быть такого научного эксперимента, который бы точно чего-либо не доказал. Но ни один эксперимент не является решающим, окончательным в том смысле, что на нем заканчивается процесс развития теории. Он что-то доказывает, а что-то оставляет еще не доказанным, больше того, на его основе возникает еще многое недоказанное. «Конечно, — писал В. И. Ленин, — при этом не надо забывать, что критерий практики никогда не может по самой сути дела подтвердить или опровергнуть *полностью* какого бы то ни было человеческого представления. Этот критерий тоже настолько «неопределенен», чтобы не позволять знаниям человека превратиться в «абсолют», и в то же время настолько определенен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма» [57]. И если это правиль-

---

[56] *Ф Франк* Философия науки М., 1960, стр 95.
[57] *В. И Ленин.* Полн. собр. соч, т. 18, стр. 145—146.

Библиотека "Руниверс"

но в отношении практики вообще, то тем более правильно относительно одной ее формы — эксперимента, который действительно не может подтвердить или опровергнуть полностью теоретическое построение, т. е. быть абсолютно решающим. Теория всегда всеобщее, а эксперимент — единичное, отдельное. Всякое единичное включает в себя всеобщее, выражает его, но не полно, поэтому ни один единичный эксперимент не может быть окончательным критерием всей научной теории.

Возникает вопрос: если эксперимент не может служить окончательным, решающим критерием всего содержания научной теории, то где же тогда искать такой критерий? Ответ может быть только один — во всем многообразии развивающейся человеческой практики. Каждый отдельный эксперимент ограничен в своей доказательной силе, но, взятый вместе со всей непрерывно развивающейся общественной практикой человека, он служит критерием истинности возникающих в науке теорий, выносит им приговор и служит источником новых теоретических изысканий. Критерием истинности развивающегося знания может служить только развивающаяся человеческая практика, одним из моментов которой является научный эксперимент.

Таким образом, в процессе движения научного знания происходит непрерывное взаимодействие теории и эксперимента, одно служит источником развития и совершенствования другого. Зрелая теория порождает совершенный эксперимент; последний, поставленный на уровне современной науки и техники, утверждает и развивает научную теорию, дает ей новый фактический материал. В истории науки, как говорит известный физик Макс Борн, можно заметить своего рода чередующиеся циклы — за периодом экспериментальных исследований следуют усиленные теоретические поиски, и, наоборот, теоретические построения, возникшие в свое время на базе экспериментов, ведут к новым открытиям и предсказаниям, и наступает потом «волна экспериментальных открытий, многие из которых были полной неожиданностью и даже в скрытом виде не содержались в принятой теории» [58]. Так путем взаимодействия теории и эксперимента совершается поступательное движение науки к истине,

[58] *М. Борн.* Физика в жизни моего поколения, стр. 159.

Библиотека "Руниверс"

к открытию объективных закономерностей, которые используются человеком в практической жизни, в покорении сил природы и общества.

Метод материалистической диалектики устанавливает место не только теоретического и экспериментального, но и всех других методов в движении мышления, в достижении знания, на основе которого можно объяснить и переустроить мир.

ГЛАВА VII

ЛОГИКА НАУКИ И ПУТИ ЕЕ РАЗРАБОТКИ

1. Понятие логики науки

Поскольку наука является прикладной логикой, то закономерно возникает вопрос о логике науки, или логическом анализе науки.

Впервые вопрос о логике науки как специальном объекте философского исследования, как уже отмечалось, был поставлен в недрах позитивистской философии. Позитивизм сводит философию к философии науки, а под самой философией понимает формальную логику. Рейхенбах пишет: «Если доктрины Платона и Канта являются философскими теориями, то тогда теория относительности Эйнштейна является философской» [1]. Причем, с точки зрения Рейхенбаха, философия теории относительности является позитивистской. «Физик, — продолжает он, — который желал понять эксперимент Майкельсона, должен был связать себя с философией, для которой значение утверждения сводится к его проверяемости, т. е. он должен был принять теорию проверяемости значения, если хотел избежать путаницы... Именно это позитивистское или скорее, позвольте мне сказать, эмпирическое обязательство и определяет философскую позицию Эйнштейна» [2]. Венцом всех подобных рассуждений Рейхенбаха является утверждение: «...все, что может сделать философ, так это

---

[1] *H. Reichenbach.* The Philosophical Significance of the Theory of Relativity. — «Albert Einstein: Philosopher-Scientist», p. 290.

[2] Там же, стр. 291.

Библиотека "Руниверс"

проанализировать результаты науки, дать им значение и выявить их правильность. Теория познания является анализом науки»[3].

Концепция логики науки, которой необходимо заменить якобы отжившую свой век философию, является ошибочной и несомненно наносящей вред не только философии, но и развитию познания вообще. Однако из этого не следует, что наука не может быть объектом логического анализа. Поэтому для нас главным в данном случае является вопрос не о том, есть ли логика науки, а о том, что она собой представляет, каково ее содержание и отношение к философии. По этому вопросу в советской литературе существует несколько точек зрения, анализ которых поможет ответить на поставленные вопросы.

С. Р. Микулинский и Н. И. Родный, рассматривая логику науки составной частью науковедения, дают ей следующее определение: «Под *логикой науки* следует понимать объективные законы функционирования и развития науки. В качестве объекта изучения она выступает как анатомия и физиология науки, и в этом смысле ее предметом является общий строй науки и механизм ее движения от старых знаний к новым, то есть анализ структуры науки (ее состава и характера связей между различными элементами), конкретных способов получения новых знаний, раскрытие законов и форм, в которых осуществляется научный прогресс»[4].

Задачи логики науки в этом определении, несомненно, сформулированы. Но оно уязвимо, поскольку рассматривает логику науки в связи с науковедением. Логика науки возникла и развивается вне разговоров о комплексной науке о науке. Кроме того, и проблематика логики науки здесь сформулирована недостаточно четко: сначала авторы говорят, что под логикой науки следует понимать сами объективные законы функционирования и развития науки, а потом — теорию об этих законах. Если это научная дисциплина, раздел логической науки, то следует определить ее предмет и метод, а если это сами объективные законы развития науки, то следует указать их.

---

[3] Там же, стр. 310.

[4] *С. Р. Микулинский, Н. И. Родный.* Наука как предмет специального исследования (к формированию «науки о науке» — *науковедения*). — «Вопросы философии», 1966, № 5, стр. 33.

Библиотека "Руниверс"

Более строго и точно логику науки определяют не науковеды, а сами логики. А. А. Зиновьев полагает, что логика науки является ветвью логико-философских исследований. «Исследование научных знаний средствами логики, — пишет, он, — образует логическую теорию научных знаний, или, короче говоря, логику науки»[5], причем под логическими средствами здесь понимается не только аппарат современной математической логики. В своей книге «Основы логической теории научных знаний» А. А. Зиновьев пишет: «Математическая логика одержала блистательную победу в теории научных знаний. Вместе с тем в околологических кругах успел сложиться предрассудок, будто математическая логика в том виде, как она обычно излагается в учебных пособиях (исчисление высказываний и предикатов с некоторыми дополнениями), представляет собою единственно возможный логический аппарат, пригодный для решения любых проблем теории научных знаний, если только последние нуждаются в логике»[6]. Математическая логика рассматривается только как фрагмент теории научных знаний. Однако метод, которым пользуется А. А. Зиновьев, не выходит за пределы того, который Чёрч обозначил как логистический. При изучении знания логика науки абстрагируется от всего того, что характеризует знание как предметную деятельность человека, связанную с созданием идей. Знание рассматривается только с точки зрения его логико-языковой организации. «Логика науки, — продолжает А. А. Зиновьев, — таким образом, исследует научные знания лишь в той мере, в какой они сводятся к высказываниям и их совокупностям»[7].

Таким образом, логика науки, или логическая теория научных знаний, представляется в качестве утверждающей себя научной дисциплины, развивающейся в рамках современной формальной логики как одно из ее направлений. «...Логическая теория научных знаний, — пишет А. А. Зиновьев, — не есть какая-то особая наука, отличная

---

[5] *А. А. Зиновьев.* Об основных понятиях и принципах логики науки. — «Логическая структура научного знания». М., 1965, стр. 151.

[6] *А. А. Зиновьев.* Основы логической теории научных знаний. М., 1967, стр. 4.

[7] *А. А. Зиновьев.* Об основных понятиях и принципах логики науки. — «Логическая структура научного знания», стр. 153.

Библиотека "Руниверс"

от логики и существующая наряду с ней. Она есть лишь часть (или аспект) логики, благодаря которой формальный аппарат логики расценивается как аппарат именно логики, а не какой-либо иной науки. Она выявляет основу, на которой вырастает этот аппарат, направления, по которым возможна его разработка, и пути использования его для описания и усовершенствования языка науки»[8]. При этом логика науки отличается от логического анализа той или иной отрасли знания: «Логику науки интересуют структуры знаний и способы их получения и проверки как таковые, а не их сочетания в том или ином индивидуальном случае познания. Логический же анализ той или иной науки имеет дело именно с фактически сложившимся сочетанием различных структур знаний»[9].

В. Н. Садовский употребляет термин «логика и методология науки». «Говоря о логике науки, — пишет он, — мы прежде всего имеем в виду определенный анализ научных знаний, а именно: специфические особенности этих последних определяют предмет логики науки. Научные знания нельзя проанализировать, не утеряв их специфики, только на основе синтаксического и семантического рассмотрения; как особые предметы исследования научные знания предполагают решение вопросов об их верификации, эмпирическом базисе, определении условий истинности исходных компонентов и т. д., а все эти вопросы относятся к сфере прагматики, т. е. методологии. В силу этого, имея в качестве своего предмета анализ научных знаний, мы по существу движемся в рамках *единой* дисциплины — *логики и методологии науки*»[10].

В таком понимании логика науки включает анализ научных знаний не только средствами современной формальной логики. Хочется при этом задать вопрос: зачем нужно дополнять логику еще и методологией? Если под логикой понимать только формальную логику, то тогда, конечно, требуются некоторые дополнения. Но ведь в истории философии, начиная с самого Аристотеля, сущест-

---

[8] *А. А. Зиновьев.* Основы логической теории научных знаний, стр. 10.

[9] *А. А. Зиновьев.* Об основных понятиях и принципах логики науки. — «Логическая структура научного знания», стр. 156.

[10] *В. Н. Садовский.* Аксиоматический метод как проблема логики и методологии науки. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 1966, стр. 5—6.

Библиотека "Руниверс"

вует традиция употреблять термин «логика» в более широком значении, включающем все, что В. Н. Садовский вкладывает в содержание термина «методология». Поэтому такое дополнение может привести к мысли, что логика — это только формальная логика, а диалектика — не логика, а методология, т. е. учение о методе. Но ведь и формальная логика тоже учение о методе, т. е. о методе анализа знания как системы знаков. В связи с этим предпочтительнее употреблять термин «логика науки», понимая под этим анализ научного знания средствами как формальной логики, так и диалектики.

Н. Ф. Овчинников одну из задач философии в ее отношении к науке видит в том, «чтобы разрабатывать теорию научного знания, давая тем самым в распоряжение естествоиспытателей необходимый им метод решения специальных теоретических проблем. Знание внутренних законов развития науки, законов ее структуры, ее соотнесения с действительностью открывает возможность построения специальной научной теории. Без знания такого рода законов и без умения так или иначе применять их в научном творчестве естественные науки, например, никогда не вышли бы из стадии чисто эмпирических исканий на широкую дорогу теоретического познания природы» [11].

В качестве предмета философской дисциплины, называемой теорией научного знания, выступает «сама наука, рассматриваемая как особая форма человеческой активности» [12], а центральной проблемой — соотношение экспериментального и теоретического знания [13].

У Н. Ф. Овчинникова не могло не возникнуть вопроса о том, как относится теория знания как философская дисциплина к материалистической диалектике как логике и теории познания. Отвечает он на него следующим образом: «...разработка диалектической логики как логики познания вообще является общей задачей, выходящей за пределы теории научного знания» [14]. Непонятно только, можно ли вскрыть «законы, по которым протекает создание научной теории в сложном и противоречивом процессе

---

[11] *Н. Ф. Овчинников* О разработке теории научного знания — «Вопросы философии», 1964, № 2, стр. 20

[12] Там же, стр. 23.

[13] Там же, стр. 24.

[14] Там же.

Библиотека "Руниверс"

познания», не положив в основу принципов диалектической логики. Термин «логика и методология науки» представляется Н. Ф. Овчинникову неудовлетворительным, поскольку в работах на эту тему проблемы логики науки не связаны с вопросами методологии и в результате не получается единой теории научного знания.

Во всех концепциях, которые здесь кратко изложены, содержится мысль: необходимо исследовать науку как форму человеческого знания. Разногласия возникают в определении ее предмета и метода, а также названия. Но в конечном счете все сходятся на мысли, что желательно охватить весь комплекс проблем, возникающих при анализе науки как системы человеческого знания. Н. Ф. Овчинников сформулировал эту мысль так: «Она (теория знания. — *П. К.*) должна использовать аппарат современной логики и в некотором отношении развивать его. Однако теория научной теории не может быть сведена к анализу формальной структуры научного знания» [15]. Но если под современной логикой понимать не только формальную, но и диалектическую логику, что представляется нам совершенно правильным, то под логикой науки следует понимать анализ научного знания средствами современной логики — формальной логики и материалистической диалектики. Она будет охватывать и то, что П. В. Таванец и В. С. Швырев называют «логикой научного познания», В. Н. Садовский — «логикой и методологией науки», а Н. Ф. Овчинников — «теорией научного знания».

«Логика науки» — это не отдельная наука, какая-то особая логическая система, а форма интеграции знания вокруг одного объекта, каким является наука. Единство знания здесь достигается не путем создания единого метода исследования этого объекта (метода здесь по существу два — диалектика и формальная логика), а путем отнесения полученных результатов к одному объекту — научному знанию, его различным сторонам.

Когда мы говорим, что логика науки пользуется двумя аппаратами — категориями диалектики и исчислениями формальной логики, то это не означает, что их роль одинакова. Диалектика как метод анализа научного знания определяет и место формально-логических средств в ана-

[15] Там же.

Библиотека "Руниверс"

лизе науки. Философским методом является только диалектика.

В силу того что логика науки по существу относится к комплексным исследованиям науки как формы человеческого знания, в ней можно выделить несколько слоев, аспектов исследования, которые уже практически сложились в советской философской науке.

2. Направления разработки логики науки

Разработка диалектики как метода научно-теоретического мышления. Некоторое время назад в нашей философской литературе шла оживленная дискуссия об отношении между формальной логикой и диалектикой. Эта дискуссия не прекратилась и до сих пор, она перешла лишь в иную фазу: место общих рассуждений заняла разработка конкретных вопросов материалистической диалектики как логики и аппарата формальной логики. После этого многое прояснилось само по себе, ушли с арены споров люди, оказавшиеся неспособными разрабатывать ни диалектику, ни формальную логику на современном уровне.

Уже почти всем ясно, что развитие логики, как формальной, так и диалектической, возможно только путем все большего приближения ее к потребностям науки. Разрабатывать диалектическую логику как метод современного научно-теоретического мышления, как теорию познания невозможно без пристального изучения хода развития человеческого познания, анализа научного знания. Любое направление в разработке современной логики заслуживает внимания, если оно работает не на самое себя, а удовлетворяет какие-то потребности в развитии научного знания. Диалектика существует не для себя, не для определения и обоснования самой себя, а для развития научного мышления, поэтому она должна анализировать не какие-то особые диалектические понятия и силлогизмы, которые бы возвеличивали саму диалектику, а ход научного познания со всеми его формами, видами и составляющими элементами.

Можно только принизить роль диалектики, объявляя какие бы то ни было научные формы мышления недиалектическими, в то время как наука с их помощью достигает результатов большей значимости. Деление форм научного мышления на диалектические и недиалектические

Библиотека "Руниверс"

было болезненным наростом на нашей логической науке, но не следует думать, что с ним легко покончить. Оно оказалось чрезвычайно живучим и в настоящее время, когда стали говорить о содержательной и несодержательной логике, о содержательной и знаковой плоскостях мышления, приобрело более гибкую форму. Одна логика — содержательная — наделяется какими-то магическими свойствами, способностями проникнуть во все, а другая считалась пустой, иначе бы она не исключалась из содержательной. Причем авторы содержательной логики не называют ее диалектической, но авторы, делящие научное мышление на диалектическое и недиалектическое, упорно противопоставляют диалектическую логику формальной, как содержательное лишенному содержания.

В основе содержательной логики лежит идея абсолютизации различия между формальным и содержательным, причем мы очень много говорим о содержательном и формальном, о форме и содержании, не имея абсолютного логического анализа самих понятий формы и содержания. Но опыт всей предшествующей философии учит, что в конечном счете отношение между формой и содержанием сводится к отношению либо одного содержания к другому содержанию, либо одной формы к другой форме. В таком случае можно сказать, что одна логика отличается от другой, как одно содержание от другого или как одна форма от другой. И не может быть логической системы вообще без содержания или без формы. Каждая из них имеет свое содержание, выступающее по отношению к другому формой, или свою форму, выступающую по отношению к другой форме содержанием.

Объявить какую-то логику бессодержательной только на том основании, что она по традиции называется формальной, или считать одну только логику содержательной, поскольку она отличается от той, которая носит название формальной, — значит совершить элементарную логическую ошибку.

Какой бы содержательной ни была диалектическая или другая какая-либо логика, она может выполнять какую-то регулирующую функцию в движении мышления, только формулируя правила мышления большей или меньшей степени строгости. И категории диалектики могут выступать формами движения мышления к истине только постольку, поскольку на основе их объективного

Библиотека "Руниверс"

содержания можно построить некоторые правила функционирования мышления.

Нам представляется, что развитие диалектики как логики должно идти не путем поисков каких-то особых диалектических понятий или умозаключений и не путем конструирования особой содержательной логики, которой якобы только одной дана возможность схватить содержательную сторону человеческого мышления, а путем конкретного анализа хода научного познания, анализируя не только работу логического аппарата современной формальной логики, но и категориальные формы материалистической диалектики. Это дает возможность определить, как надо обогащать эти формы, чтобы они не только философски правильно объясняли ход научного познания, но и регулировали, направляли его к достижению новых научных результатов.

В настоящее время в Советском Союзе проведена значительная работа по изучению законов и категорий диалектики как форм научно-теоретического мышления. Многое в этом отношении дал и симпозиум по диалектике, состоявшийся в 1965 г. Проанализированы важнейшие законы и категории материалистической диалектики, выступающие в качестве принципов научного мышления, построения научной теории. Особенно большое внимание было обращено на анализ логики «Капитала» К. Маркса, в котором впервые целая отрасль научного знания сознательно построена на принципах материалистической диалектики. Несомненно, эта работа должна продолжаться, ибо в конечном счете успехи в логическом анализе научного знания зависят от уровня разработки законов и категорий материалистической диалектики.

Применение аппарата формальной логики к анализу научного знания. Подчеркивание решающей роли диалектики ни в коей мере не означает умаления в анализе научного знания других методов, в частности средств современной формальной логики. В нашей литературе возникла концепция, которую можно назвать концепцией «чистой диалектики и только диалектики». Сторонники ее подчеркивают значение диалектики как Логики с большой буквы, как действенного метода современного научно-теоретического мышления, открывающего пути к достижению новых результатов. Они правильно ставят вопрос о необходимости дальнейшей разработки катего-

Библиотека "Руниверс"

рий этой логики, создания их системы, изучения примеров и образцов применения метода материалистической диалектики к анализу экономических и политических отношений в обществе, данных в произведениях К. Маркса и В. И. Ленина. Нельзя не согласиться и с тем, что только диалектика вскрывает действительную природу теоретического мышления как формы духовной деятельности человека, что в ее категориях мышление рассматривается с самой существенной его стороны, поэтому они выступают орудиями не только для постижения, но и практического овладения объектом.

Понятен пафос, направленный против подмены диалектики и ее категорий понятиями современной формальной логики, против признания метода формальной логики единственной логической основой современной науки.

Можно указать и на некоторые другие моменты в этой концепции, вызывающие всяческую поддержку и солидарность. В частности, нельзя не присоединиться к настойчивому призыву тщательного изучения и освоения философского наследия прошлого как одного из источников формирования метода современного научно-теоретического мышления. Но в одном отношении концепция «чистой диалектики и только диалектики» вызывает решительное возражение. Этим моментом является некоторое презрение к методу современной формальной логики.

Как уже отмечалось, формальная логика берет мышление только с одной, строго определенной стороны, превращая систему теоретического знания в искусственный формализованный язык. Поэтому превращение ее в метод современного научно-теоретического мышления вообще является заблуждением. Но возникает вопрос, фиксирует ли формальная логика действительный и важный момент в функционировании современного теоретического мышления, схватывает ли она какую-то тенденцию в изменении структуры современного научного знания, является ли одним из методов анализа его? Факты свидетельствуют, что в данном случае следует дать утвердительный ответ. Формальная логика хотя и с маленькой буквы, но является логикой и создана не для «домашнего обихода», а для логического анализа современного научного знания.

Иногда, видя, как формальная сторона человеческого знания, его структура и способ доказательства занимают

Библиотека "Руниверс"

такое большое место в логическом анализе и привлекают большое внимание ученых разных специальностей, спрашивают, каким путем идет развитие науки: указанным логикой Канта, сделавшим саму форму знания объектом логического анализа, или логикой Гегеля, считавшим эту сторону несущественной для понимания процесса движения мышления к истине и разрабатывавшим категории, с помощью которых мышление достигает нового содержания.

Дело доходит до обвинения ученых-естественников в первородном грехе — в приверженности к метафизическому методу познания, узости эмпирического метода и т. п. В действительности дело обстоит значительно проще. Кант и Гегель были гениальными мыслителями, схватившими в своих логических системах определенные стороны в знании. То, что один в свое время обратил внимание на одну сторону, а другой — на другую, только свидетельствует о сложности и противоречивости развития вообще, логической теории в частности.

Ученый берет из логической теории все, что работает в его науке, способствует пониманию ее результатов. Он видит, что современная формальная логика дала довольно мощный аппарат для анализа результатов научного знания и пытается поэтому применить его в своей науке независимо от того, привлекла эта сторона внимание формалиста Канта (или кого-либо другого) или нет, тем более что Кант обращал внимание не только на эту сторону, но и на разработку категориального аппарата как средства синтеза знания. Сознательно или стихийно ученый применяет категории материалистической диалектики для объяснения результатов познания и достижения их? Однако он может подозрительно отнестись к диалектике, если она скажет ему: пользуйся только моим методом и моими категориями, упаси боже попасть тебе в объятия формальной логики. Когда он видит, что метод формальной логики, примененный на своем месте, не угрожает его науке, ее прогрессу, он не обращается к диалектике, предупреждавшей его стоять подальше от этой злосчастной логики. В данном случае хочется присоединиться к мысли П. В. Таванца и В. С. Швырева: «Марксистская философия убедительно показала, что только с позиций диалектической логики возможно правильно представить *ход научного познания*, выявить объективные

Библиотека "Руниверс"

закономерности развития науки, оценить роль и значение различных методов научного исследования»[16]. Однако они, как и некоторые другие советские логики, исходя из принципов материалистической диалектики, специально исследуют те аспекты логики науки, которые связаны с применением средств формальной логики.

Как показывает опыт, применение существующего аппарата современной формальной логики к анализу научного знания может дать очень многое не только в теоретическом, но и в практическом плане. Без применения аппарата формальной логики сейчас не может обойтись ни одна наука, если она желает решать свои проблемы на современном уровне, без него нельзя описать и процесс движения науки к новым результатам. Причем возможно целое направление, которое будет заниматься не просто применением логического аппарата к объяснению и описанию научного знания, а будет пытаться выразить сам процесс движения мышления к новым результатам в форме логического исчисления.

На это могут ответить, что данная задача полностью неразрешима, поскольку научное познание включает в себя такие моменты, как интуиция, творческое воображение и т. п. Исследование, приводящее к открытиям в науке, всегда кажется алогичным по отношению к предшествующим результатам познания, поэтому, основываясь на любой самой совершенной логической системе, нельзя заранее определить ход мышления, с которым мы встретимся в будущем научном исследовании. Научные открытия ведут к изменению самого логического аппарата. Вот почему несбыточной мечтой является стремление создать такую формализованную логическую систему, которая смоделировала бы все возможные пути мышления, которые были в прошлом, есть в настоящем и будут еще когда-либо. Но, несмотря на это, человек должен стремиться как можно полнее выразить процесс научного знания в логическом исчислении, построить логическую модель если не всего знания, то его отдельных моментов, сторон, шагов. В научном исследовании это необходимо прежде всего для передачи некоторых функций человека машине.

---

[16] *П. В. Таванец, В. С. Швырев.* Логика научного познания. — «Проблемы логики научного познания». М., 1964, стр. 10—11.

Библиотека "Руниверс"

Однако было бы неверным полагать, что применение формально-логического аппарата к научному исследованию не может ничего дать для развития самой формальной логики. П. В. Таванец и В. С. Швырев исследование в формальной логике делят на две группы — чистая логика и прикладная. В первом случае разрабатывается собственно формально-логический аппарат, конструируются и изучаются логические исчисления. Под прикладной логикой они понимают применение понятийного аппарата символической логики к логическому анализу мысли, как она выступает в ткани той или иной области знания. Логика науки, по их мнению, это не только приложение логических средств к науке, но в определенном отношении и исследование в области чистой логики. «Исследования в области чистой логики, — пишут они, — обусловливались... определенной задачей, вставшей в процессе применения созданного логического аппарата к логическому анализу знания» [17].

В самом деле, обратимся к истории логики. Новый этап в развитии формальной логики был связан с применением логического анализа для решения задач, поставленных математикой, в частности проблем обоснования математики. И дело здесь не ограничилось просто приложением существующего аппарата к логическому анализу математического знания, нужды последнего потребовали не только усовершенствования старых, но и создания новых форм логического исчисления. Не исключена возможность, что попытки применения существующего понятийного аппарата формальной логики к логическому анализу движения мышления в процессе научного познания приведут к обогащению арсенала формальной логики новыми исчислениями. И не имеет принципиального значения, кто это сделает — философы или специалисты других областей знания, важно, что это будет иметь большое общенаучное значение.

Комплексное изучение форм знания и путей его развития. Философ, изучающий научное знание с целью разработки категорий материалистической диалектики, не должен бояться или пренебрегать аппаратом формальной логики. Последняя не является проказой, наоборот, она способна помочь строго выразить результаты знания и в

[17] Там же, стр. 15—18.

Библиотека "Руниверс"

определенной мере двинуться дальше. Поэтому для изучения какой-либо формы знания с исчерпывающей полнотой и глубиной необходимо в комплексе использовать как категориальный аппарат диалектики, так и системы исчисления формальной логики. В особенности это касается исследования научного творчества. Научное творчество, в результате которого появляются на свет новые теории, законы, факты, имеющие принципиальное значение, является весьма сложным процессом. Раскрыть тайны, характеризующие познавательную деятельность человека, овладеть процессом научного творчества — эта задача с особой силой ставится сейчас, и от ее решения зависит развитие науки.

С чем сталкивается человек, когда пытается вскрыть и понять процесс научного исследования, ведущий к выдвижению новых идей? Прежде всего с его сложностью и многосторонностью. Луи де Бройль писал: «...научное исследование, хотя оно почти всегда направляется разумом, тем не менее представляет собой увлекательное приключение» [18].

В истории философии давно делались попытки описать процесс научного творчества с помощью понятий логики и даже изобрести, создать специальную логику научных открытий. Но никакая логика не в силах описать во всей полноте процесс научного творчества. Сама логика возникает на базе определенного опыта познания. Можно вскрыть весь логический путь мышления человека, приведший к научному открытию, однако это еще не значит, что, повторяя этот путь, мы что-либо откроем. Можно вскрыть, например, весь ход рассуждения Д. И. Менделеева, приведший его к открытию периодического закона (Б. М. Кедров в своих трудах сделал это), однако этот логический механизм не может сработать на новое открытие, он годится для открытия периодического закона, но заново его открывать нет смысла, а каждый следующий шаг в науке имеет свой неповторимый ход мысли.

Описание в понятиях логики всего хода открытия новых законов и т. п. невозможно, в частности, и потому, что творческий процесс включает в качестве своего составного элемента такой акт познавательной деятельности человека, как интуиция.

---

[18] *Луи де Бройль.* По тропам науки, стр. 295.

Библиотека "Руниверс"

Из практики развития науки известно, что новые идеи, коренным образом меняющие старые представления, часто возникают не в результате строго логической дедукции из предшествующего знания и не как простое обобщение опытных данных. Они являются как бы прерывом непрерывности, скачком в движении мышления. Полное логическое и опытное обоснование их находят потом, когда они уже родились и вошли в ткань науки.

Нельзя сказать, что логика раньше совсем не касалась творческого процесса, ведь творческий процесс включает в себя дедукцию и индукцию в их взаимосвязи. Но в настоящее время она стремится полнее и глубже отразить этот процесс, изучить и то, что выходит за его рамки. О. Ф. Серебрянников показывает, что формально-логическими средствами можно решать довольно широкий круг задач, встающих при отыскании новых результатов. К ним он относит: «I. Проверить предъявленное доказательство или вывод из каких-либо предположений. II. Найти вывод утверждения (формулировка которого известна) из данной совокупности посылок. III а. Найти все логические следствия определенного вида из данной совокупности посылок. III б. Найти все посылки (гипотезы) определенного вида, из которых логически следует данное утверждение» [19].

Однако творческий процесс — это синтез знания, происходящий на основе категорий. Поэтому в нем огромная роль принадлежит материалистической диалектике. Своеобразным первым подступом к комплексному изучению творчества является анализ научного исследования. Это именно та проблема, которую нельзя отнести ни к чисто логическим, ни к чисто философским проблемам, скорее она находится где-то на стыке философии и современной формальной логики. Анализ научного исследования — это задача не чисто формально-логическая, поскольку ее конечным результатом является не создание новых или усовершенствование прежних систем логического исчисления, а воспроизведение всей сложности движения мышления к новым научным результатам. Но она и не чисто философская не только потому, что ее реше-

---

[19] *О. Ф. Серебрянников.* Эвристические возможности методов формальной логики. — «Некоторые вопросы методологии научного исследования», вып. I. Л., 1965, стр. 6.

Библиотека "Руниверс"

ние требует наряду с философскими еще и логических, психологических и иных знаний, но и по своим целям.

Научное исследование является таким объектом, изучение которого может способствовать решению как чисто формально-логических, так и философских проблем. При этом очень важно привлечь внимание к таким понятиям, которыми оперирует современная наука при характеристике процесса научного исследования, не осознавая содержания и функции их в процессе движения познания к новым результатам, т. е. к проблеме, факту, системе, теории, научному поиску, интуиции, интерпретации и др.

О том, что это может дать для формальной логики, уже шла речь. Но одновременно изучение данных проблем будет способствовать обогащению понятийного аппарата философии, в особенности того, который описывает закономерности познавательного процесса. Нельзя ограничиваться повторением, что познание идет от ощущений к понятиям, от абстрактного к конкретному, от индукции к дедукции; нужен более детальный анализ хода современного научного познания со всеми его особенностями. Логико-гносеологическое изучение научного исследования приводит к обогащению понятийного аппарата материалистической диалектики как логики и теории познания.

Комплексное изучение форм и методов научного знания имеет широкую сферу. Язык современной науки нельзя понять, если его анализировать только средствами формальной логики. Необходим и более широкий философский анализ языка науки, который, в частности, поможет понять всю глубину «различия между творческим, диалектическим материализмом и метафизическими и наивно-материалистическими представлениями прошлого»[20].

Логический анализ фундаментальных научных теорий и методов. Наконец, логика науки не может плодотворно развиваться без анализа отдельных отраслей научного знания и составляющих их фундаментальных теорий и методов. А. А. Зиновьев полагает, что этот анализ выходит, собственно, за рамки логики науки. «Логика науки, — пишет он, — дает аппарат понятий, утверждений

---

[20] *М. В Попович.* О философском анализе языка науки. Киев, 1966, стр. 35.

Библиотека "Руниверс"

и схем, который лишь может быть использован при логическом анализе данной науки. Последний же не есть просто констатация положения дел в данной науке в логической терминологии. Он представляет собою логическую обработку этой науки, ее усовершенствование и развитие с определенной точки зрения. Логический анализ математики, физики, биологии, социологии и т. д. есть исследование соответственно в области математики, физики, биологии, социологии и т. д., но исследование особого рода, заставляющее на сами знания смотреть как на исследуемые предметы» [21].

Конечно, логический анализ теоретического знания той или иной отрасли науки чрезвычайно важен для развития самой этой науки. Однако было бы неверным полагать, что такой анализ не будет способствовать развитию самой логики, как категориального аппарата диалектики, так и логических исчислений. Приведем несколько примеров из практики последних лет. Из логико-гносеологического анализа таких фундаментальных научных теорий, как теория относительности, квантовая механика, возникло учение о математической гипотезе как логической форме, в которой происходит движение науки к новым результатам, о принципе соответствия, значение которого в настоящее время вышло далеко за рамки квантовой физики, и т. п. В последнее время большое внимание привлекло моделирование как один из методов современной науки. Логико-гносеологический анализ его имеет значение не только для теории и практики моделирования в отдельных областях науки, но и для развития материалистической диалектики как логики. То же самое можно сказать о других фундаментальных научных теориях и методах.

Анализ генезиса отдельных научных теорий необходим и для решения проблем, связанных с изучением творческого процесса. Б. М. Кедров много, настойчиво и успешно занимался логико-гносеологическим анализом открытия периодического закона именно с тем, чтобы «проследить некоторые общие черты диалектики научных открытий вообще» [22].

---

[21] *А. А. Зиновьев.* Об основных понятиях и принципах логики науки. — «Логическая структура научного знания», стр. 156—157.

[22] *Б. М. Кедров.* О диалектике научных открытий. — «Вопросы философии», 1966, № 12, стр. 26.

Библиотека "Руниверс"

Разработка проблем логики современной науки является одним из главных путей укрепления и развития завещанного В. И. Лениным союза философов-марксистов с современным естествознанием. Не навязывая естественнику конкретных решений проблем его науки, предоставляя ему самому возможность выбирать, какая теория, по его мнению, более вероятна и заслуживает большего внимания, философия и логика должны снабдить его необходимой оснасткой, инструментарием современного научно-теоретического мышления, что невозможно сделать без анализа фундаментальных теорий и методов в том виде, в каком они выступают в современной науке.

Не конструирование мнимой науки диалектики природы особыми законами, выполняющей функции отошедшей в прошлое натурфилософии, а глубокий анализ развития естественнонаучного познания для целей философского обобщения — вот предмет исследования специалистов в области философских проблем естествознания. А в таком случае он совпадает с задачами логики науки. Различие, может быть, состоит только в том, что логик не связан с обобщением результатов познания в одной какой-то области, он берет ход современного научного познания в обобщенном виде, а специалист по философским вопросам естествознания рассматривает движение мышления с его результатами в конкретной области науки, помогая, с одной стороны, логикам, а с другой — ученым различных специальных наук.

Таким образом, логика науки складывается из ряда связанных между собой моментов, разработка ее может и должна происходить в различных направлениях и приводить к разным результатам: 1) обогащению категориального аппарата материалистической диалектики, 2) развитию средств формальной логики с ее искусственными языками, 3) глубокому пониманию и овладению самим процессом движения знания, включая научное творчество, 4) осознанию логических основ, строения и структуры отдельных областей науки. А в конечном счете все это нацелено на овладение законами развития науки как системы знания и более эффективное использование ее результатов в практике человека по созданию необходимого ему мира вещей и отношений.

Библиотека "Руниверс"

Авенариус Р. — 73, 393, 397, 399, 400
Айер А. — 180, 270
Алонсо М. — 67
Анаксагор — 332
Андерсон К. — 535, 536
Аристотель — 39, 58, 60, 128, 131, 132, 142, 153, 172, 207, 209, 211, 245, 294, 322, 323, 325, 343, 345, 346, 347, 349, 350, 363, 432, 434, 456, 473, 485, 519, 545
Архимед — 68

Барбер Б. — 291
Баумгартен А. — 255, 256
Бейль П. — 60
Белинский В. — 71, 261, 482
Бергсон А. — 185, 186, 329, 330, 331, 342
Беркли Д. — 397, 398, 400, 401, 410
Бернал Дж. — 290, 460
Блох Э. — 429, 451
Богданов А. — 410, 411, 425
Боголюбов Н. — 368
Больцман Л. — 239
Бор Н. — 142, 159, 204, 236, 241, 306, 316, 317, 461
Борн М. — 233, 316, 417, 541
Бородай Ю. — 303, 334
Босенко В. — 450
Бриджмен П. — 536
Бриллюэн Л. — 463
Бройль Луи де — 187, 229, 230, 231, 239, 316, 466, 532, 537, 538, 555
Бруно Д. — 208, 209
Буль Д. — 351
Бэкон Ф. — 39, 60, 223, 326, 345, 347, 348, 414, 516, 519, 524, 525, 526, 529

Вавилов С. — 118, 377, 500
Васильев Н. — 456
Веркор — 65, 66
Верн Жюль — 266, 267
Веттер Г. — 85, 110, 111, 164, 166
Винер Н. — 121
Витгенштейн Л. — 226, 411, 434
Вольф Х. — 183

Габриэль Л. — 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440
Галилей Г. — 525
Гартман Н. — 139
Гегель Г. — 39, 40, 44, 57, 58, 59, 61, 80, 81, 82, 105, 140, 153, 200, 210, 211, 214, 215, 216, 217, 246, 247, 249, 250, 255, 257, 258, 259, 260, 261, 325, 329, 333, 334, 336, 341, 355, 415, 432, 434, 435, 438, 439, 441, 447, 466, 475, 483, 485, 486, 488, 491, 508, 509, 512, 526, 527, 528, 529, 552
Гедель К. — 68, 69, 423, 501
Гейзенберг В. — 197, 199, 316, 317, 318, 368, 372, 461, 476
Гейне Г. — 333
Геккель Э. — 117
Гельмгольц Х. — 103, 104
Гемпель К. — 135
Гераклит — 332, 355
Гертли Д. — 409
Глушков В. — 97
Гольбах — 364
Гольдбах Х. — 157

Давыдов Ю. — 83
Декарт Р. — 39, 58, 60, 181, 182, 185, 245, 336, 347, 349, 350, 432, 519, 525, 526
Демокрит — 74, 142, 172, 244, 245, 346, 368, 369, 373
Джемс В. — 132, 135, 397

Библиотека "Руниверс"

Дирак П. — 420, 535, 536
Добров Г. — 292
Дюгем П. — 233
Дьюи Д. — 397
Дюбуа-Реймон Э. — 416
Дюринг Е. — 147

Евклид — 161, 218, 367, 495, 502

Животич М. — 298, 304, 428, 429, 430, 431, 451

Зиновьев А. — 544, 557

Ильенков Э. — 487
Ипполит Ж. — 216, 334
Йолли Ф. — 335

Кангра М. — 430
Кант И. — 39, 57, 58, 61, 62, 63, 133, 134, 135, 183, 184, 210, 245, 246, 247, 256, 258, 259, 301, 302, 303, 304, 324, 325, 326, 327, 330, 331, 349, 350, 400, 401, 409, 410, 432, 434, 436, 438, 439, 526, 527, 528, 529, 530, 542, 552, 553
Каплан Н. — 291, 293
Карнап Р. — 181, 397, 399, 401, 411, 420
Карнеад из Кирены — 56
Кассирер Э. — 103, 104
Каутский К. — 428
Кедров Б. — 515, 555, 558
Кемени Дж. — 520
Китов А. — 120
Клаус Г. — 493
Князева С. — 137, 138, 381, 382, 383, 384, 386
Кон И. — 394
Кондильяк Э. — 172
Конт О. — 393, 394, 395, 396, 407, 408, 412
Корнфорт М. — 14, 118
Косса П. — 96
Котарбиньский Т. — 310
Коцюбинский М. — 482
Коэн М. — 230, 401, 402, 493
Кузанский Н. — 208, 209
Кузнецов И. — 241
Кьеркегор С. — 335
Кюри Ж. — 215

Лавуазье А. — 364
Ламетри Ж. — 88, 89
Ланжевен П — 377
Ларройо Ф. — 94
Лауэ М. — 505
Лафарг П. — 428
Лейбниц Г. — 58, 181, 182, 183, 184, 336, 350, 351, 369, 370, 371, 372, 373, 374
Лекторский В. — 305
Ленин В. И. — 28, 40, 44, 45, 46, 47, 48, 50, 52, 54, 57, 58, 63, 68, 69, 100, 101, 103, 104, 105, 116, 117, 118, 129, 130, 134, 137, 140, 148, 151, 152, 163, 164, 165, 167, 172, 174, 175, 176, 178, 186, 187, 188, 189, 192, 193, 194, 198, 247, 249, 250, 275, 323, 326, 329, 339, 360, 361, 362, 367, 369, 376, 377, 380, 385, 396, 402, 403, 404, 410, 411, 419, 425, 426, 427, 429, 440, 450, 451, 474, 475, 477, 483, 484, 486, 491, 498, 503, 507, 514, 540, 551, 559
Леонов А. — 253
Лефевр Р. — 429, 451
Лобачевский Н. — 161, 218, 503
Локк Д. — 172, 173, 182, 183, 245, 302, 348, 409, 516
Лосский Н. — 330
Лукасевич Я. — 354, 355
Лукач Г. — 429
Луллий Р. — 348
Лысенко Т. — 204, 385
Ляпунов А. — 120

Майкельсон А. — 539, 542
Маккей А. — 290
Максвелл Дж. — 531
Маркович М. — 104, 137, 138, 299, 452, 469
Маркс К. — 25, 41, 44, 53, 58, 60, 61, 64, 67, 68, 70, 71, 72, 75, 76, 77, 78, 81, 82, 83, 84, 86, 87, 91, 92, 101, 108, 109, 111, 126, 128, 130, 152, 157, 161, 162, 192, 194, 195, 196, 200, 201, 247, 259, 275, 291, 297, 298, 329, 341, 377, 389, 395, 402, 403, 415, 427, 428, 429, 431, 439, 440, 451, 466, 473, 475, 476, 483, 488, 529, 534, 551

Библиотека "Руниверс"

Маркузе Г. — 429, 451
Марр Н. — 204, 205
Марсель Г. — 95
Мах Э. — 73, 393, 394, 396, 397, 399, 400, 403, 404, 409, 410, 411, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 425, 426
Менделеев Д. — 142, 232, 555
Микулинский С. — 289, 543
Милль Дж. — 128, 180, 240, 363, 393, 395, 396, 408, 409, 414, 415, 417, 424, 529
Минасян А. — 488
Монтень М — 60
Морган Л. — 117
Мур Г. — 411
Мшвениерадзе В. — 394

Нарский И — 80, 86, 363, 394, 500
Нейрат О. — 135, 411
Ньютон И. — 68, 69, 70, 142, 235, 423, 502, 522

Овчинников Н. — 546, 547

Павлов И. П. — 68, 113, 188, 231, 504
Павлов Т. — 23, 27, 510
Панцхава И. — 14
Патмен Х. — 69
Паули В. — 535
Петрович Г. — 454
Пиррон — 56
Пирс Ч. — 351
Пирсон К. — 117
Пифагор — 68, 69, 70, 368, 373
Планк М. — 335, 396, 397, 416, 417, 419
Платон — 58, 60, 139, 244, 245, 246, 346, 355, 368, 369, 373, 432, 434, 542
Платонов Г. — 386, 388, 390
Плеханов Г. — 428
Пойа Д. — 231, 495
Понтекорво Б. — 215
Поповић М. — 306
Поппер К. — 170
Порецкий П. — 351
Прайс Д. — 293, 294, 295
Протагор — 56
Пуанкаре А. — 135, 233
Пушкин А. — 270

Ракитов А. — 309
Рассел Б. — 135, 136, 168, 169, 226, 412, 420
Рейхенбах Г. — 158, 159, 411, 412, 420, 458, 528, 529, 530, 531, 532, 538, 542
Рид Т. — 409
Роден О. — 269
Родный Н. — 289, 543
Рожин В. — 386, 388
Розенфельд Л. — 159
Руткевич М. — 14, 15, 386, 388, 390

Садовский В. — 545, 546, 547
Сартр Ж. — 429
Сервантес — 218
Серебрянников О. — 556
Сеченов И. — 113
Ситковский Е. — 467, 484, 487
Соболев С. — 120
Соммервилл Д. — 289, 309
Спенсер Г. — 393, 394, 395, 407, 408, 412
Спиноза Б. — 39, 117, 249, 336, 495, 508

Таванец П. — 547, 552, 554
Тарский А. — 136
Тертуллиан К. — 251
Тимирязев К. — 538
Толстой Л. — 264
Тугаринов В. — 47
Туровский М. — 492, 524

Уайтхед А. — 139
Украинка Л. — 481
Украинцев Б. — 121
Уэллс Г. — 267

Фадеев А. — 271
Фалес — 364
Фейгль Г. — 171, 397, 398, 399, 400
Фейербах Л. — 64, 65, 67, 68, 72, 82, 172, 176, 251
Фихте И. — 64, 71
Фишер Э. — 260
Франк Ф. — 169, 170, 403, 404, 405, 411, 413, 421, 422, 423, 424

Библиотека "Руниверс"

Франко И. — 481
Фридман П. — 493

Хайдеггер М. — 76, 433, 443
Хан Л — 34, 443, 444
Харкевич А. — 120

Цицерон М. — 60

Чернышевский Н. — 269, 482
Чёрч А. — 352, 354

Швырев В. — 394, 547, 552, 554
Шевченко Т. — 482
Шеллинг Ф. — 364, 365
Шлик М. — 154
Шредер Э. — 351
Шредингер Э. — 420

Эйнштейн А. — 29, 68, 69, 70, 218, 231, 235, 237, 238, 313, 314, 315, 316, 317, 368, 403, 404, 416, 421, 422, 423, 457, 459, 461, 528, 529, 530, 531, 532, 542
Энгельс Ф. — 20, 22, 32, 37, 38, 54, 58, 59, 101, 113, 114, 116, 142, 143, 147, 149, 152, 157, 163, 165, 172, 177, 179, 180, 191, 194, 196, 201, 202, 211, 212, 213, 214, 229, 275, 276, 277, 278, 319, 323, 333, 335, 353, 356, 362, 380, 382, 385, 386, 387, 388, 395, 415, 427, 428, 429, 430, 440, 442, 451, 470, 471, 472, 473, 474, 477, 487, 513, 516
Энезидем из Кносса — 56
Эпикур — 172

Юм Д. — 56, 57, 62, 178, 183, 301, 302, 396, 397, 398, 400, 401, 410

Ясперс К. — 64, 76

Библиотека "Руниверс"

Абстракция — 44, 198, 199
агностицизм — 55, 58, 61
анализ и синтез — 200, 201

Бытие — 35, 38

Вера — 136, 252, 254
верификация — 171
вероятность — 156, 231

Гипотеза — 230
гносеология — 47, 359
гносеологическое и эстетическое — 255, 258

Дедуктивные теории — 496
диалектика — 44, 356, 357, 360, 361, 492
диалектика как метод — 518, 524
диалектический материализм — 34, 37, 442, 443, 444, 448, 452
дифференциация научного знания — 22, 30, 312
доказательства — 156, 157, 158
достоверность и вероятность — 156, 158

Заблуждение — 145
знак — 123, 124, 125, 126
знак и значение — 123, 125
знание — 45, 54, 138, 188, 296, 297, 298, 305, 307

Идеальное — 121, 125
идея — 187, 217, 244, 245, 247, 248, 249, 273, 274
индукция — 520
интеграция научного знания — 312
интеллект — 328
интуиция — 186
интуитивизм — 187, 188, 190
информация — 120, 121, 122

истина — 132, 137, 138, 140, 192
— абсолютная — 147, 148
— и заблуждение — 143, 144
— как процесс — 143
— конкретная — 152
— объективная — 134, 138, 140, 152
— относительная — 151, 152
истинность — 154, 155, 156, 162, 190, 194, 510, 511
историческое и логическое — 25, 201

Кантианство — 57
категории — 44, 50, 51, 223, 327, 459, 467, 469, 470, 472, 474
— система их — 484, 486, 487, 488, 489
категориальный характер мышления — 320
конкретное — 197, 200

Логика — 342, 343, 449, 450, 491
— диалектическая — 359, 362, 450
— интегральная — 434, 439
— как наука — 449
— науки — 543, 544, 545, 547, 560
— математическая — 351, 352
— формальная — 354, 355, 361, 362, 492
логическая структура науки — 494, 497
— законы ее — 502
— идея ее — 506, 507, 508
— основания ее — 497, 498, 499
— теория ее — 503, 504, 505
логический анализ — 457, 489
логическое — 201, 202, 341, 345
логическое исчисление — 455

Материальное и идеальное — 108

Библиотека "Руниверс"

материальные системы — 119
материя — 47, 49, 445
метафизика — 31, 34, 41, 440, 441
метод — 32, 33, 250, 468, 493, 508, 509, 510, 512
— взаимоотношение его — 521, 522
— метафизический — 440, 441, 513
— специальный — 515, 516, 521
— философский — 513, 515, 517, 518, 521
методология — 514
мир — 16
мировоззрение — 13, 20, 30
мышление — 39, 177, 214, 320, 321

Натурфилософия — 364, 365, 366
— логический метод ее — 374
наука — 290, 309, 310, 489, 490
— как прикладная логика — 491, 492
— логическая структура — 494, 497
— социология ее — 290, 291
науковедение — 295
научная теория — 202, 203
научное исследование — 222
научное творчество — 555
научный метод — 509
неопозитивизм — 171, 180, 397, 399, 400, 403

Объект — 65, 71, 74, 273, 274
объективная реальность — 36, 47, 74
онтология — 36, 447
опредмечивание — 79, 86
опыт — 178, 179
основной вопрос философии — 21, 24, 35, 51
отражение — 101, 103, 119
отчуждение — 79, 83
ощущение — 51, 119, 172, 173, 174, 176, 178, 192

Позитивизм — 43, 394, 395, 421
— гносеология его — 395
познание — 52, 75, 78
понятия науки — 477, 478, 503
правильность — 510, 511
практика — 163, 165, 167, 194
проблема — 224, 225, 511
простота — 237
психическое и физиологическое — 112

Развитие —24
рассудок и разум — 206, 212, 215, 219
рационализм — 181, 183, 332, 333, 336, 337
рациональное — 172
рациональное и иррациональное — 216, 340
релятивизм — 150, 151

Свобода — 275, 276, 278
сенсуализм — 172
система — 15, 42, 125, 224, 228, 345, 457, 492
система и метод — 493, 512
скептицизм — 55, 59
сознание — 25, 52
субъект — 65, 71, 74
субъект и объект — 125, 139

Теория — 201, 202, 204, 240, 533
теория и эксперимент — 533, 535, 537, 538, 540, 541
теория познания — 13, 28, 31, 100, 103, 447

Умозрение — 367

Факт — 224, 225, 226, 227
фактическое — 228
фальсификация — 171
философия — 15, 375, 376, 377, 378, 449
— и естествознание — 375
— предмет ее — 22, 453

Художественный образ — 262, 263

Человек и машина — 90, 91, 92
чувственное и рациональное — 172, 193, 194, 195

Эксперимент — 165, 533
эмпиризм — 179

Юмизм — 56, 62

Язык — 125, 126, 127, 306
языковая система — 127, 306, 307

Библиотека "Руниверс"

ОГЛАВЛЕНИЕ

От Института философии АН СССР 3

Часть I. **Введение в марксистскую гносеологию** . . . 9

От автора 11

Глава I. Мировоззрение, метод и теория познания 13

1. Понятие мировоззрения и изменение его содержания в ходе развития познания . . . . . —
2. Функция мировоззрения в познании и практике. Из чего складывается научная картина природы и общества . . . 27
3. Марксистско-ленинская философия как мировоззрение, метод и теория познания 31
4. Место гносеологической проблематики в марксистской философии 43

Глава II. Материалистическое решение основного вопроса гносеологии 47

1. Материя и сознание — фундаментальные понятия гносеологии . . . . . —
2. Сознание и познание 52
3. Агностицизм и его корни 54

Глава III. Субъект и объект 63

1. Общество как субъект познания . . . . . —
2. Понятие объекта в созерцательном и диалектическом материализме 70
3. Практическое взаимодействие субъекта и объекта — материальная основа процесса познания 75
4. Опредмечивание и отчуждение 79
5. Человек и машина как гносеологическая проблема . . . 87

Глава IV. Познание как отражение 99

1. Основные положения марксистско-ленинской теории познания . . . . . —
2. Отражение — важнейшее понятие марксистской гносеологии 102
3. Материальное и идеальное 107
4. Отношение познания к мозгу человека 111
5. Отражение и информация 116
6. Знак и его роль в процессе отражения 123
7. Активность субъекта в процессе отражения объекта . . . 128

Глава V. Истина и ее критерий 131

1. Объективная истина . . . . . —
2. Истина как процесс. Конкретность истины 140
3. Истина и доказательство. Достоверность и вероятность. . 154
4. Практика — критерий истины. Критика позитивистских принципов верификации и фальсификации 160

Библиотека "Руниверс"

Глава VI. Чувственное и рациональное, эмпирическое и теоретическое . . . 172
1. Сенсуализм и эмпиризм . . . —
2. Рационализм, априоризм и интуитивизм . . . 181
3. Знание — единство чувственного и рационального. Эмпирический и теоретический уровень познания . . . 191
4. Формы теоретического воспроизведения мышлением объекта . . . 197

Глава VII. Гносеологические вопросы научного исследования . . 206
1. Рассудок и разум . . . —
2. Гносеологическая природа научного исследования и его основные категории . . . 222
3. Рождение и развитие теории . . . 229

Глава VIII. Истина, красота, свобода . . . 242
1. Идея как гносеологический идеал . . . —
2. Вера — субъективное средство объективации идеи . . . 250
3. Гносеологическое и эстетическое. Роль искусства в движении к новой действительности . . . 254
4. Познание и превращение вещей и явлений внешней природы в человеческий мир . . . 272

Часть II. **Логические основы науки** . . . 281

От автора . . . 283

Глава I. Самосознание науки . . . 287
1. Существует ли наука о науке? . . . —
2. Понятие знания . . . 296
3. Особенности современного научного знания . . . 307

Глава II. Логическое и его формы . . . 320
1. Категориальный характер знания . . . —
2. Рациональное и иррациональное . . . 327
3. Понятие логического . . . 341
4. Формальная логика и диалектика — два основных метода логического анализа знания . . . 346

Глава III. Натурфилософия и ее логический метод . . . 364
1. Историческое место натурфилософии . . . —
2. Дедукция и умозрение — метод натурфилософии . . . 366
3. Не натурфилософия, а союз философии и естествознания . 375
4. Попытки возрождения натурфилософии . . . 380

Глава IV. Позитивизм как философия и логика науки . . . 393
1. Характерные черты позитивизма . . . —
2. Гносеологические основы позитивистской философии . . 395
3. Позитивистское понимание роли философии и ее отношения к науке . . . 406
4. Разработка в лоне позитивизма проблем логики науки . . 414
5. Позитивизм действительный и мнимый . . . 425
6. Буржуазная философия в поисках новой логики . . . 431

Библиотека "Руниверс"

Глава V. Материалистическая диалектика и развитие знания . . 440
1. Что такое диалектический материализм — онтология, гносеология или логика? . . . . . —
2. Категории — логический аппарат диалектики 455
3. Развитие познания как изменение содержания категорий . 468
4. Проблема системы категорий диалектики 483

Глава VI. Наука как логическая система 489
1. Наука как прикладная логика . . . . . —
2. Элементы логической структуры науки 494
3. Понятие научного метода 508
4. Взаимоотношение философского и специальных методов познания 514
5. Теория и эксперимент 528

Глава VII. Логика науки и пути ее разработки 542
1. Понятие логики науки . . . . . —
2. Направления разработки логики науки 548

Именной указатель 560

Предметный указатель 564

КОПНИН, ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ НАУКИ

Редактор **М. А. Рыжова**
Младший редактор **Л. В. Кривых**
Оформление художника **Ю. Н. Холодовского**
Художественный редактор **А. А. Брантман**
Технические редакторы **Ж. М. Конобеева, О. О. Сергеева**
Корректор **Ч. А. Скруль**

Сдано в набор 8 февраля 1974 г. Подписано в печать 12 июля 1974 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Усл. печатных листов 29,92 (с вкл.). Учетно-издательских листов 30,83 (с вкл.). Тираж 10 000 экз. А 08081. Зак. 175. Цена 2 р. 01 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В 71, Ленинский проспект, 15

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, Центр, Красная ул., 1/3

Библиотека "Руниверс"